

Шапошникова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор и зав. кафедрой истории и типологии языков и культур факультета иностранных языков Новосибирского государственного университета. Специалист в области истории английского языка и типологии германских языков.

Основные направления деятельности – изучение процессов исторической целносистемной перестройки английского языка в контексте взаимодействия внешних (преимущественно этногенетических) и внутренних (собственно языковых) факторов. Опубликовала более 68 научных работ.

Ведет авторские лекционные курсы для студентов и аспирантов по дисциплинам «История английского языка и введение в германскую филологию», «Общее языкознание», «Сравнительная типология лексических подсистем английского и русского языков», «Психолингвистика», «Социолингвистика», «Сравнительная типология английского и немецкого языков», «Психолингвистические основы преподавания иностранных языков», «История лингвистики», «Теоретическая фонетика английского языка», «Методология лингвистических исследований», «Этносоциальная вариативность английского языка» и др.

Член Европейского лингвистического общества.

Главный редактор серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» журнала «Вестник НГУ».

Значительное влияние на ее исследования оказала научная школа ученого-германиста доктора филологических наук, профессора Вульфа Яковлевича Плоткина.

ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

И. В. Шапошникова

ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

НОВОСИБИРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ 50 лет
УНИВЕРСИТЕТ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Лаборатория этнопсихолингвистики
Факультет иностранных языков
Кафедра истории и типологии языков и культур

И. В. Шапошникова

ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Учебное пособие

Новосибирск
2009

УДК 811.11–112
ББК Ш 143
Ш 243

Шапошникова И. В. История английского языка: учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. 506 с.

ISBN 978-5-94356-852-7

Учебник по истории английского языка входит в комплект учебно-методических материалов по этому предмету наряду с программой, книгой для семинарских занятий и самостоятельной работы студента, а также книгой контрольных материалов. Учебно-методический комплекс разработан в рамках совместных проектов лаборатории этнопсихолингвистики и кафедры истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета и предназначен для аспирантов, магистрантов, студентов, преподавателей, специализирующихся в области англистики, этнолингвистики и исторической типологии, а также для широкого круга лиц, интересующихся вопросами истории и типологии германских языков и культур.

The author approaches the study of language history as an interdisciplinary field in which various aspects (ethnolinguistic, typological, systemic) complement each other. The textbook provides a system of concepts for such a study with respect to the interaction between ethnogenetic (external) and linguistic (internal) phenomena shaping the structural type of the English language system. The author applies these concepts to the description of typologically relevant changes in phonology, morphology, syntax, and lexicon as well as the developmental stages of ethnogenetic influences. The organization of materials enables the reader to reveal and trace the logic of the language history through analyses of textual evidence. The textbook is supplemented with carefully selected materials (summarizing tables and diagrams, pictures, maps, a glossary and bibliographical references).

The textbook is intended for university teachers, graduate and post-graduate students specializing in linguistics or doing interdisciplinary research as well as all learners of English who are interested in the subject. The previously published books of tests and exercises for self-study (2008) in the same theoretical framework provide additional materials for use in study and instruction.

Рецензенты:

кафедра истории английского языка Дальневосточного государственного университета
(зав. кафедрой – д-р филол. наук, проф. *М. Г. Лебедево*),
сектор германских языков Института языкознания РАН
(д-р филол. наук *Е. Б. Яковенко*; канд. филол. наук, зав. сектором *Н. С. Бабенко*)

Данная работа выполнена при поддержке Инновационного образовательного проекта Рособразования № 456 от 5 июня 2007 года.

Издание подготовлено в рамках выполнения инновационно-образовательной программы «*Инновационные образовательные программы и технологии, реализуемые на принципах партнерства классического университета, науки, бизнеса и государства*» национального проекта «Образование» и реализации Программы развития государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «*Новосибирский государственный университет*» на 2009–2018 годы.

Работа выполнена по теме «Взаимодействие творческих и разрушительных процессов семиотической деятельности в этногенезе и культурогенезе, исследование типологически и этнически обусловленных лакун в преподавании иностранных языков» в лаборатории этнопсихолингвистики НИЧ НГУ по проекту НИР 1.14.07 (тематический план по заданию Рособразования).

© Новосибирский государственный университет, 2009
© Шапошникова И. В., 2009

ISBN 978-5-94356-852-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Часть I. ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ИСТОРИКО- ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА	11
Глава I. Предмет истории английского языка. Язык как система. Диахронный аспект.....	11
§ 1. Систематизация изменений – ариаднина нить в истории	11
§ 2. Аспекты языка как системы	13
§ 3. Понятийно-категориальный аппарат историко-типологического исследования языковых систем. Динамическая природа языка. Продуктивность vs. непродуктивность. Устойчивость и неустойчивость типов в языке.....	14
§ 4. Цельносистемная перестройка английского языка	18
§ 5. Флективность древнеанглийского языка	19
§ 6. Агглютинация в современном английском языке	26
§ 7. Корнеизоляция в современном английском языке.....	30
§ 8. От синтеза к анализу	31
§ 9. Выводы	32
Глава II. Этническая история и история языка. Параметризация внешней истории, релевантная для внутренней истории языка	33
§ 1. Этнос как система	33
§ 2. Структура этнических систем. Этнические таксоны	34
§ 3. Этногенезы в Англии V–XIV вв.	37
§ 4. Языковая ситуация и этнические контакты как факторы внешней истории языка. Английская колонизация нового времени	39
§ 5. Этническая картина мира как объект исследования в исторической этнологии и этнолингвистике. Язык и этническая традиция	43
§ 6. Этнические стереотипы и их структура	46
§ 7. Этнокультурные доминанты. Параметризация этнической истории	49

§ 8. Этнические субстраты и их вербальное наследие в истории английского языка.....	54
§ 9. Выводы	57
Глава III. Периодизация истории языка. Вариативность английского языка в историческом аспекте	59
§ 1. Периодизация истории английского языка	59
§ 2. Общие сведения о древнеанглийских диалектах.....	63
§ 3. Вариативность среднеанглийского языка	70
§ 4. Особенности лингвистической ситуации в Англии после Норманнского завоевания	79
§ 5. Стандартизация языка в Англии	86
§ 6. Нормирование языка в Америке	105
§ 7. Выводы	123
Часть II. ОПИСАНИЕ ВНЕШНЕЙ ИСТОРИИ ЯЗЫКА.	
ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В ТЕКСТАХ.....	126
Глава I. Британия до германского завоевания. Общегерманские ценностные доминанты.....	126
§ 1. Письменность древних германцев. Германские руны в Англии	126
Текст 1	126
Текст 2	128
Текст 3	132
Текст 4	132
§ 2. Кельтский суперэтнос.....	138
Текст 5	145
§ 3. Эпоха этнического расширения у англосаксов	148
Текст 6	151
Текст 7	153
Текст 8	156
§ 4. Контакты с кельтами в Британии. Кельтский субстрат	159
§ 5. Выводы	163
Глава II. Англосаксонская эра в Британии.....	165
§ 1. Христианская этнокультурная доминанта у англосаксов.....	165
Текст 9	166
Текст 10	168
Текст 11	170
§ 2. Скандинавское нашествие. Этнокультурное возрождение в эпоху Уэссекской династии	172
Текст 12	172
Текст 13	175
Текст 14	180

Текст 15	182
Текст 16	189
§ 3. Закат англосаксонской эры	190
Текст 17	190
§ 4. Скандинавский субстрат и его наследие в языке	194
Текст 18	197
§ 5. Выводы	199
Глава III. Dieu et mon droit (Бог и мое право)	200
§ 1. Этнокультурная традиция в Англии после Норманнского завоевания	200
Текст 19	200
Текст 20	206
Текст 21	208
Текст 22	212
§ 2. Французский (романский) субстрат и его наследие в языке	221
§ 3. Выводы	222
Часть III. ОПИСАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ЯЗЫКА	224
Глава I. Типологически релевантные процессы в истории фонологической подсистемы английского языка	224
§ 1. Единицы анализа на сегментном и просодическом (суперсегментном) уровнях	224
§ 2. Динамика фонетических процессов внутри древнеанглийского периода	232
§ 3. Неударный вокализм	241
§ 4. Ударный вокализм переходного периода (XI–XII вв.)	242
§ 5. Новоанглийский ударный вокализм	247
§ 6. Исторические изменения в консонантной подсистеме	257
§ 7. Выводы	264
Глава II. Типологически релевантные процессы в истории грамматической подсистемы английского языка	267
§ 1. Единицы анализа на морфологическом уровне	267
§ 2. Супплетивные формы	269
§ 3. Морфонологические внутрикорневые чередования (внутренняя флексия)	272
§ 4. Аффиксальные словоформы	278
§ 5. Сложные слова	283
§ 6. Аналитические конструкции	283
§ 7. Глагольное словоизменение в древнеанглийском языке	287
§ 8. Именное словоизменение в древнеанглийском языке	293
§ 9. Историческая трансформация словоизменительных парадигм	300

---

§ 10. Единицы анализа на синтаксическом уровне	334
§ 11. Возрастание роли синтаксиса как устойчивая тенденция в истории английского языка	341
§ 12. Выводы	353
Глава III. Историко-типологические процессы в подсистеме лексической номинации	356
§ 1. Модели создания номинативных единиц в древнеанглийском языке	356
§ 2. Динамика лексических подсистем в средне- и новоанглийском. Аналитизм в глагольной номинации	365
§ 3. Динамика лексических подсистем в средне- и новоанглийском. Функционально-типологическая разнородность лексического состава	377
§ 4. Выводы	384
Заключение. Ко взаимодействию внешней и внутренней истории языка	386
Список литературы	400
Исторические словари. Тексты письменных памятников и их переводы	410
Сокращения и символы	412
Глоссарий	415
Древнеанглийский период	415
Среднеанглийский период	450
Предметный указатель	462
Именной указатель	472
Указатель таблиц и графического материала	478
Приложение 1. Таблицы звуковых и звуко-буквенных соответствий	480
Приложение 2. Иллюстрации	489
Приложение 3. Карты	495

Предисловие

All that the best history of English ever written can do for the student is to act as a guide to the path which he must tread anew for himself.

Henry Cecil Wyld

Учебник по истории английского языка представляет собой основную (базовую) часть учебно-методического комплекса, разработанного в рамках совместного проекта лаборатории этнопсихолингвистики и кафедры истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета. В нем отражены многолетний исследовательский поиск автора, нацеленный на оптимизацию теоретической модели описания истории языка, опыт систематического преподавания данной дисциплины в Иркутском государственном лингвистическом университете и в Новосибирском государственном университете, а также опыт апробации курса автором и ее учениками на разных этапах его разработки в различных вузах Сибири и Дальнего Востока.

Учебно-методический комплекс включает в себя: программу курса, книгу для семинарских занятий и самостоятельной работы студента (с приложением), книгу контрольных материалов и собственно учебник. Теоретически предлагаемая в УМК модель исходит из того, что продуктивность представляет собой проявление устойчивости языковых процессов, и может трактоваться как системообразующая и типобразующая характеристика и неотъемлемое свойство единиц анализа доминантных процессов в истории языка. Устойчивые тенденции в трансформации языковой системы описываются с историко-типологической точки зрения. Язык трактуется как самонастраивающаяся семиотическая система, способная к самоорганизации под воздействием факторов внешней (этнической) истории. Динамика целносистемных преобразований в языке рассматривается как семиотическая проекция самоорганизации этнических систем. Внутренние механизмы преобразований могут быть описаны и измерены с помощью традиционного для лингвистики инструментария как активизация межуровневых процессов – морфосинтаксис, морфонология, лексико-синтаксические явления, изменение природы (канонических) носителей значений и техники их соединения. Внешние параметры самоорганизации языковой системы требуют междисциплинарных подхо-

дов, поскольку они в той или иной мере сводятся к категоризации этнокультурного опыта разноуровневых межэтнических контактов.

Историко-филологические методы изучения этнической картины мира трактуются как один из возможных путей к познанию семиотической специфики (технологий) самоорганизационных процессов этнических систем. Делается акцент на необходимости когнитивного и психолингвистического изучения процессов формирования устойчивых тенденций в живых языках (формирования новых типов в языке).

Учебно-методический комплекс предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов, изучающих историю германских языков и культур и занимающихся учебно-методической и научно-исследовательской работой в историко-типологическом и этнолингвистическом аспектах. Учебник может использоваться не только в преподавании собственно истории английского языка, но и в силу специфики подбора и системы описания материала в преподавании и изучении некоторых тематических блоков по социолингвистике, этнолингвистике, исторической и сравнительной типологии, прежде всего германских языков, а также общей теории языка (преимущественно на германском иллюстративном материале). Автор надеется, что в учебнике (и в УМК в целом) имеет место прецедент интеграции дисциплин на единой теоретической базе и в единой системе организации учебных материалов на основе преемственности и взаимодополнительности, что позволяет добиваться от обучающихся более ясного понимания языковых закономерностей и способствует раннему включению студентов в лингвистическую исследовательскую работу, формированию у них осознанного профессионального подхода к языковому материалу.

Основная цель, которую ставит перед собой автор, далека от исчерпывающей полноты описания, от сведения его к максимальному количеству фактов из истории языковых изменений (хотя фактическая база описания очень важна). Напротив, главная обучающая задача – помочь студенту почувствовать логику целносистемных исторических преобразований английского языка, адекватно оценить роль языка в семиотике жизни народа, научиться самому приемам исследовательской работы с историческим материалом и подготовиться к самостоятельной работе по поиску новой значимой и для модели описания языка, и для практической профессиональной деятельности лингвиста информации.

Автор также надеется, что структура подачи материала соответствует поставленной задаче. Повествование строится таким образом, что в некоторых частях авторский дискурс переплетается с дискурсом авторов различных сохранившихся письменных памятников английского языка, относящихся к разным периодам его истории. Большая часть произведений приводится с переводом древних текстов на современный английский язык. Учебник состоит из трех частей. В первой части описывается понятийно-категориальный аппарат историко-теоретического изучения языка в междисциплинарном аспекте. Вторая часть посвящена описанию

внешней истории языка в тех ее параметрах, которые релевантны для понимания глубины и характера внешних детерминант, способных влиять на внутренние языковые процессы. Здесь большую роль играет комментарий и непосредственный анализ текстов, прежде всего тех памятников, которые несут на себе символику эпохи. В третьей части описывается собственно внутренняя история языка с учетом его уровневой организации. Учебник также содержит библиографию и необходимые приложения, в частности глоссарий к текстам. Глоссарий построен по традиционному алфавитному принципу (для удобства разных категорий пользователей). Между тем в книге контрольных материалов словарь в учебных целях подает лексику по частеречному принципу. В отличие от других частей УМК, список слов в учебнике значительно расширен и превышает по количеству единиц списки древнеанглийских и среднеанглийских слов в книге контрольных материалов. Это позволяет читателю работать автономно при необходимости с опорой на приложение к учебнику. В учебнике также имеются таблицы, рисунки и информация о звуко-буквенных соответствиях в английском на фоне других германских языков. Для облегчения поиска необходимой информации имеется предметный и именной указатели, карты.

Автор выражает огромную благодарность своему учителю, Вульффу Яковлевичу Плоткину, чьи книги и лекции на факультете иностранных языков в НГПИ (ныне НГПУ) в 1980-е гг. послужили толчком для авторских размышлений на историческую тему и чьи идеи лежат в основе многих развиваемых автором положений; моим наставникам и коллегам, д-рам филол. наук, проф. Лии Матвеевне Ковалевой (ИГЛУ) и Ольге Андреевне Осиповой (ТГПУ), коллегам в Иркутске – д-ру филол. наук, проф. Александру Владимировичу Кравченко, канд. филол. наук, доц. Светлане Кимовне Вороновой; в Москве – д-ру филол. наук, проф. Наталье Николаевне Семенюк, канд. филол. наук, доц. Натальи Сергеевне Бабенко, д-рам филол. наук Дине Борисовне Никуличевой и Екатерине Борисовне Яковенко, Ольге Александровне Бубенниковой, а также кафедре истории английского языка Дальневосточного государственного университета и лично ее заведующей д-ру филол. наук, проф. Марии Григорьевне Лебедько, д-ру филол. наук проф. Зое Григорьевне Прошиной; кафедре английской филологии Барнаульского государственного педагогического университета и лично д-ру филол. наук, проф. Любви Александровне Козловой (БГПУ); факультету иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета и лично канд. филол. наук, доц. Виктору Николаевичу Зензерову. Сердечная признательность за интерес и очень ценные замечания к пробному изданию части материалов в предшествовавшем УМК учебном пособии академику РАН Юрию Сергеевичу Степанову. Автор выражает глубокую благодарность д-ру филол. наук, проф. Ольге Николаевне Лагута (НГУ) и другим коллегам, оказавшим существенную организационно-содержательную и экспертную поддержку своими замечаниями и критикой проекта в процессе доработки отдельных разделов и частей книги, а также признате-

лен всем своим ученикам, которые проявили верность проекту и тем самым оказали существенную помощь в его реализации: канд. филол. наук, доц. Юлии Николаевне Карыпкиной, Наталье Валерьевне Козловой, Жанне Геннадьевне Сонголо-вой, Любове Романовне Лаврентьевой, Татьяне Анатольевне Петровой, Ирине Александровне Битнер, Надежде Александровне Пасковой, Елене Леонидовне Соболевой, научному сотруднику лаборатории этнопсихолингвистики НГУ Ларисе Станиславовне Жуковой, преподавателям и аспирантам НГУ и НГПУ Татьяне Ивановне Ильиной, Елизавете Константиновне Алешиной, Анастасии Сергеевне Антиповой, Ульяне Леонидовне Сагнаевой, Татьяне Леонидовне Бородиной, Ладе Эдуардовне Сагдеевой, Галине Николаевне Лифарь, Наталье Анатольевне Смакотиной, Алексею Николаевичу Николаеву, Артему Анатольевичу Азаренко, а также администрации Новосибирского государственного университета за неизменную поддержку авторских начинаний.

И. В. Шапошникова,
доктор филологических наук, профессор.

Часть I
ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ
ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

Глава I
Предмет истории английского языка. Язык как система.
Диахронный аспект

§ 1. Систематизация изменений – ариаднина нить в истории

Среди множества существующих языков современный английский, как утверждают его носители, пользуется наибольшей популярностью в различных уголках нашей необъятной планеты. Однако история показывает, что так было далеко не всегда за более чем полуторатысячелетний период существования этого языка. Авторы книги «The Story of English» так описывают историю экспансии английского языка в мире:

«The rise of English is a remarkable success story. When Julius Caesar landed in Britain nearly two thousand years ago, English did not exist. Five hundred years later, **Englisc**, incomprehensible to modern ears, was probably spoken by about as few people as currently speak Cherokee – and with about as little influence. Nearly a thousand years later, at the end of the sixteenth century, when William Shakespeare was in his prime, English was the native speech of between five and seven million Englishmen... Today in some form or another it is spoken by perhaps a billion people around the world, of whom 350 million – nearly one tenth of the world population – use it as their mother tongue... It has become the language of the planet, the first truly global language» [McCrum et al., 1986, p. 19].

Спустя двадцать лет, в начале XXI в., мир изменился, изменился и английский язык, и отношение к нему. Вместе с возросшей техногенной цивилизационной мобильностью восприятию миллионов людей открылись скрытые прежде от обывателя, но давно известные лингвистам процессы языковой вариативности, развенчивающие миф о некоем «глобальном» английском языке всепланетного масштаба. Сегодня реальностью стали так называемые New Englishes, за каждым из которых стоит своя история и культура. Широкая экспансия англоязычной культуры, пред-

ставленной различными вариантами языка, может, на первый взгляд, затруднить работу историка английского языка, поскольку предмет изучения расширяется до необъятных размеров.

Столь бурная «внешняя» история английского языка сопровождалась *многочисленными и глубокими внутренними изменениями*. Однако суть исторических изменений языка не может быть сведена к простому количественному накоплению новых элементов и структур, не становится она очевидной и из детального описания каждого изменения в отдельности и всех вместе взятых. Где же найти ариаднину нить, которая способна охватить в рамках небольшого теоретического курса суть многочисленных, весьма сложных и столь разнообразных на первый взгляд изменений, которые в изобилии демонстрирует нам история английского языка?

Столь сложные объекты, каковыми являются языки, можно и нужно рассматривать как системы. Попытка проникнуть в суть изучаемых явлений (в нашем случае это исторические изменения английского языка) подразумевает их систематизацию. Для этого нам потребуется рабочее определение языка как системы. Что же такое система? Самое общее определение системы (независимо от ее конкретных характеристик) включает в себя группу устойчиво взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, которые организованы специфическим для данной системы образом (способом). Способ же организации любой системы зависит напрямую от той функции, которую выполняет данная система. Попросту говоря, то, какая система в значительной степени зависит от того, зачем она существует, хотя и не исчерпывается этим требованием.

Учитывая все вышесказанное, попробуем дать определение языку как системе.

Язык представляет собой **систему** устойчиво взаимосвязанных и взаимосвязанных языковых *элементов, структурно* организованных наиболее эффективным образом для выполнения ею коммуникативно-когнитивной *функции*.

Здесь необходимо уточнить, что всякая коммуникация подразумевает общение, т. е. переработку и упаковку информации, а также обмен ею как между представителями живущих в одном историческом времени людей, так и между различными поколениями носителей языка, живущими в различные исторические времена. Информация – это тот опыт, который человек приобретает в ходе познания самого себя и окружающего мира, в ходе адаптации к миру. Познание и познание мира (когниция) дает нам *опыт* (информацию о мире и о нас самих), который кодируется и передается с помощью *семиозиса* (знакотворчества). Человек научился хранить и передавать жизненно важную информацию в культуре с помощью *семиотических (знаковых) систем*. Язык представляет собой самую совершенную в коммуникативно-когнитивном плане знаковую (семиотическую) систему, созданную человеком.

Языковая система всегда (в каждый исторический период времени) должна быть *адекватна* своей функции, т. е. способна самоорганизоваться для выполнения

этой функции самым *оптимальным (эффективным)* образом, даже если среда, в которой функционирует система, сильно меняется при смене исторических эпох. Это условие, при котором языковая система сохраняет устойчивость и остается пригодной для использования в живом (а значит, подверженном изменениям) сообществе носителей языка. Поэтому для объяснения собственно языковых изменений (*внутренней истории языка*) одного описания этой самой внутренней истории, пусть даже и самого полного, будет недостаточно, потребуется учесть факторы экстралингвистического плана (*внешнюю историю языка*). В значительной степени существующие в современной лингвистике теоретические модели описания истории (английского) языка различаются именно принципами, на которых строится интерпретация этого взаимодействия внутренней и внешней истории языка.

§ 2. Аспекты языка как системы

В нашем определении системы языка выделяется три основополагающих аспекта: субстанция, структура и функция. В идеально функционирующей системе эти три аспекта находятся в отношении единства и непротиворечивости. Однако ведущим из них следует признать именно **функцию**: подбор субстантивных элементов и их структурная организация зависят в конечном счете от функционального назначения всей системы. Тем не менее функциональным назначением не исчерпывается весь объем взаимоотношений и взаимосвязей элементов в системе. Это особенно ярко проявляется в языке в переломные периоды системных перестроек и трансформаций.

Субстанцию языковой системы можно определить как совокупность языковых элементов (объектов языковой системы) со всеми их атрибутами (свойствами). Так, например, фонемы, морфемы, слова (лексемы), словосочетания можно рассматривать как различные виды языковых элементов. Их еще называют языковыми единицами, знаками определенного устойчивого смысла, т. е. *носителями значений*.

Структура есть способ организации языковой субстанции, т. е. языковых единиц по отношению друг к другу и ко всей системе в целом. Довольно точное определение структуры языка предложено автором книги «American Grammar» Карлом Миллзом: «By structure I mean a systematic arrangement of parts which, taken together with the totality of relations existing among these parts, forms a coherent whole where any change in the relations between some of the parts necessitates a corresponding change in the relations among all the other parts» [Mills, 1990, p. 7].

Что же представляет собой упомянутая Миллзом «совокупность отношений» (totality of relations) в системе? Отношения между различными языковыми единицами сложны и многоплановы. Считается, что они организованы в пределах нескольких так называемых «структурных уровней». Например, фонетический, лексический, грамматический уровни. Каждый из этих уровней можно рассматри-

вать как *подсистему* со своими специфическими закономерностями организации. Значит систему языка можно трактовать как *макросистему*, или *суперсистему*, по отношению к ее объектам-подсистемам (фонетической, грамматической и т. д.). При этом носители значений (языковые единицы) могут возникать как на отдельно взятом уровне, так и в межуровневом пространстве взаимодействий, на пересечении функций.

Субстанция и структура зависят от функционального аспекта системы. Это значит, что каждый языковой уровень (подсистема) и каждая языковая единица на этом уровне имеют свою, вполне определенную **функциональную нагрузку**, которая в итоге обеспечивает эффективное выполнение общей коммуникативно-когнитивной функции языка в целом. Те носители значений и тот общий объем функциональной нагрузки, которые необходимы для самоорганизации и оптимизации языковой системы как таковой, составляют ее относительно устойчивую часть. Они могут меняться со временем, что становится объектом исследования для историка языка. Однако каждый носитель значения может ассоциироваться со смыслами (значениями), понять которые вне общего семиотического поля жизни какой-то конкретной (суб)культуры не представляется возможным. Таким образом, смыслы, предписываемые знакам языка, зависят от содержания и системности культуры носителей этого языка, а также от внешних условий жизни сообщества. Поэтому один и тот же языковой код, когда он начинает использоваться в разных сообществах, обрастает новыми смыслами и связями, неизвестными прежнему сообществу, и трансформируется в соответствии с функциональной спецификой новой среды. Более того, такого рода трансформация дает возможность использовать язык в новых условиях.

§ 3. Понятийно-категориальный аппарат

историко-типологического исследования языковых систем.

Динамическая природа языка. Продуктивность vs. непродуктивность.

Устойчивость и неустойчивость типов в языке

Вернемся к понятию *адекватности* языковой системы ее функции (проще говоря, пригодности системы). В этой связи важно помнить, что язык опосредует самые различные виды человеческой деятельности, сопровождает и обеспечивает ее. Это позволяет ученым рассматривать человеческий язык как своего рода *информационную систему*, т. е. специфический код, несущий информацию обо всей человеческой деятельности (иными словами, об антропосфере). Для того чтобы состоялась коммуникация (общение), необходимо информацию сохранить (закодировать в специальных символах, т. е. знаках) и передать (раскодировать, считать). Как же тогда изучать такую систему исторически? Тем более что со временем меняется не только объем и содержание информации, но и сами условия коммуникации, включая формы самоорганизации людских сообществ. Как зафик-

сировать и измерить столь текучие процессы и преобразования? Ключ к решению проблемы дает когнитивистика. Дело в том, что информация представляет собой не что иное, как опыт, *опыт познания* себя и окружающего мира. В информационном поле каждого конкретного языка и созданного с его использованием текстового фонда кодируется (с помощью языковых знаков и ассоциирующихся с ними смыслов) и передается опыт многих поколений его носителей. Именно такого рода коммуникация важна в исторических исследованиях языка. Это коммуникация, создающая *семиосферу жизни* сообщества носителей языка – *культуру*. Сообщества носителей языка меняются в определенных параметрах в различные периоды своей истории, меняются и условия функционирования языка. Но язык выживает, если он функционально адекватен, если он сохраняет способность кодировать и передавать этнокультурный опыт использующих его сообществ людей, участвуя в движении и в значительной степени обеспечивая движение семиосферы их жизни.

В современных лингвистических исследованиях представления о языке как кодирующей информационной знаковой системе не отличаются единообразием, что, очевидно, отражает сложность изучаемого объекта, который, однако, как и речевую способность человека, время от времени пытаются уподобить артефакту информационных компьютерных сетей. Но чаще всего в основе системного анализа языковых явлений лежит тезис о *динамической природе языка*. Этот тезис означает, что язык трактуется как самоорганизующийся процесс, как *адаптивная* кодирующая система (*самонастраивающаяся, живая*, не в прямом биологическом, а в функциональном смысле, способная к *самоадаптации, самоорганизации*). В процессе адаптации к условиям функционирования (к внешним обстоятельствам) и происходит отбор вариантов структуры и субстантного материала, необходимых для оптимального функционирования языковой системы в каждый отдельно взятый период ее существования в историческом времени.

Развивая далее тезис о динамической природе языковой системы, можно предположить, что все наиболее значимые изменения в истории языка так или иначе нацелены на сохранение функциональной адекватности языковой системы. Но как же понять, какие языковые изменения наиболее значимы для изучения?

Для этого нам необходимо разобраться, какова функциональная нагрузка (это и есть значимость) каждого подлежащего рассмотрению элемента (изменения). Известно, что в системных объектах действуют закономерности различного типа. Одним из таких законов является закон системной *симметрии – асимметрии*. Это означает, что всякая система стремится к симметрии, но там, где есть симметрия, присутствует и ее противоположность – асимметрия. Данная закономерность проявляется, например, в распределении функциональной нагрузки между различными элементами языковой системы. Это приводит к тому, что различные элементы языковой системы в функциональном плане загружены неравномерно. Очевидно, что такие модели, как образование множественного числа у существи-

тельных с помощью аффикса *-(e)s* (*book – books*) и с помощью чередования гласного в корне, как, например, в *foot – feet*, сильно отличаются друг от друга. Какое огромное, практически необъятное количество словоформ во множественном числе можно создать с помощью аффикса *-(e)s*! А список словоформ с внутрикорневым чередованием очень короток и абсолютно закрыт для проникновения новых единиц. Асимметричность функциональной нагрузки этих моделей в современном английском языке очевидна.

Неравномерность в распределении функциональной нагрузки внутри динамических систем вынуждает лингвистов выделять как в макросистеме языка, так и в его подсистемах *ядро* и *периферию*. Думается, что этот аппарат описания несколько не устарел и при творческом его использовании оказывается очень уместным в историческом анализе.

Ядро языковой системы включает в себя элементы и создаваемые ими модели (структуры) с высокой функциональной нагруженностью. Ядерные модели оказывают непосредственное влияние на эффективность функционирования всей системы и определяют ее структурный тип. Ядерные характеристики языка отличаются высокой *продуктивностью*, т. е. способностью порождать *открытые парадигмы* (с неограниченным количеством элементов). Образованные на основе продуктивных моделей парадигмы носят *регулярный* характер. Так, в грамматической подсистеме современного английского языка чрезвычайно высокой продуктивностью (регулярностью) отличается модель образования множественного числа с помощью суффикса *-(e)s*. Например:

table – tables; chair – chairs; figure – figures; cow – cows; и т. п.

В глагольной подсистеме современного английского языка очень продуктивна лексическая аналитическая модель типа «V + наречие» (*run away, go up* и т. п.), в которой наречие указывает на направление глагольного действия в пространстве. Это регулярный способ названия пространственно-направленных действий в современном английском языке. Только в словарях, по нашим наблюдениям, зафиксировано около 1 400 глаголов, образованных по этой модели. А сколько глаголов не фиксируется словарями за ненадобностью, так как значение таких аналитических конструкций выводимо из значений их компонентов, ведь конструкции-то образуются регулярно. Став привычными для носителей языка, они легко «собираются» в речи по устойчивым для сознания говорящих семантическим схемам.

В отличие от ядерных, **периферийные** элементы и структуры относятся к ряду непродуктивных. Их функциональная нагрузка ничтожно мала для того, чтобы сколько-нибудь существенно повлиять на структурную организацию языковой макросистемы. Непродуктивные модели поставляют *закрытые парадигмы*. Как правило, это реликты (остатки) парадигм, некогда активно функционировавших, но постепенно утративших свою продуктивность в ходе истории. К их числу

можно отнести в современном английском языке упоминавшиеся здесь «застывшие» формы множественного числа с внутренней флексией (чередованием) типа *foot – feet; tooth – teeth* в словоизменительной (грамматической) подсистеме, а также образованные от прилагательных существительные в парах *long – length; strong – strength* в словообразовательной (лексической) подсистеме. Нередко источником непродуктивных моделей являются заимствования. В системе образования множественного числа английских существительных к ним относятся, например, *formula – formulae; phenomenon – phenomena; criterion – criteria*.

Таким образом, оптимальное соотношение функциональной нагрузки языковых элементов вовсе не означает равномерного ее распределения. Такая функциональная асимметрия и кажущаяся противоречивость между ядром и периферией на самом деле очень важный фактор в сохранении функциональной адекватности системы (см. выше). Сосуществование ядерных и периферийных характеристик позволяет языковой системе самонастраиваться, т. е. адаптироваться к воздействию внешних факторов, поскольку границы между ядром и периферией подвижны в диахронии и определяются доминирующими тенденциями в каждый отдельно взятый период истории языка.

Среди важнейших характеристик языковых явлений, поддающихся измерению и оценке в историческом аспекте, следует особо отметить *устойчивость*. Выделить какой-то процесс, единицу, структуру, модель (т. е. тип в языке) можно на основе ее типового, повторяющегося характера, иначе говоря, на основе ее узнаваемости. В связи с этим бывают процессы (шире: типы в языке) устойчивые и неустойчивые, что может проявляться и в субстантном, и в структурном, и в функциональном планах. Так, бывают *устойчивые* (устойчиво) *продуктивные* (и тогда ядерные) типы языковых единиц и подсистем в языке и *неустойчивые, утрачивающие продуктивность* и употребительность (а потому периферийные) типы в языке. Нарушение устойчивости может, в частности, проявляться в вариативности языковых единиц. Иногда наблюдаются *устойчиво непродуктивные* типы в языке (как остатки внутренней флексии: *foot – feet*; или так называемые супплетивные формы: *be, was, are*; и пр.). Такого рода образования можно рассматривать как дошедшие до нас из глубины веков реликтовые формы («окаменелости» – fossilized forms).

В нашем подходе к описанию истории языка мы исходим из тезиса о том, что продуктивность можно рассматривать в качестве типобразующей характеристики. **Устойчивость** проявляется в продуктивности и частотности и может служить экспликатором доминирующих типов в языке, на этой основе определяется тип языка как таковой. *Устойчивый доминантный* (и поддающийся измерению и описанию) тип языка в каждый отдельно взятый для исследования исторический период времени складывается из взаимодействия устойчивых же продуктивных типов в языке, отмеченных и поддающихся системному описанию именно в рассматри-

ваемый период времени¹. К этим типам можно применить устоявшийся в типологии термин *импликативные характеристики*. Импликативными в типологии называют такие характеристики, которые взаимообуславливают друг друга, иначе говоря, если есть какая-то одна из этих характеристик (какой-то из рассматриваемых типов в языке), то с большой долей вероятности можно ожидать и появления других связанных с ней импликативными отношениями типов.

Как измерить устойчивость? Через анализ наполняемости исследуемой модели, через частотные показатели в том числе, в особенности через относительную продуктивность модели по отношению к самой себе в историческом процессе ее становления. Так, например, чтобы оценить устойчивость и продуктивность аффиксального *-(e)s* типа образования множественного числа у существительных, нужно рассмотреть общее количество словоформ множественного числа, образованных таким способом по отношению к количеству словоформ множественного числа, образованному другими способами (*foot – feet, formula – formulae* и др.). С исторической точки зрения непродуктивный тип *foot – feet* в древнеанглийском языке был неустойчив, поскольку многие существительные переходили из этого типа склонения в более продуктивный аффиксальный тип *-(e)s* (ср. др.-англ. *bōc – bēc* и совр. *book – books*). Конфигурация устойчиво взаимодействующих продуктивных типов в языке и есть практически в абстрактном своем выражении тип языка, доминантные параметры организации его системы. На основе данных истории отдельных типов в языке можно строить частносистемные исторические типологии. Например, исторические типологии лексических или синтаксических подсистем двух и более языков. Здесь история языка взаимодействует с лингвистической типологией.

§ 4. Цельносистемная перестройка английского языка

Как уже было сказано, устойчиво взаимодействующие продуктивные типы в языке, составляющие его ядерные характеристики, воплощают в себе направленность языковых процессов, а значит и функциональную адекватность всей системы, и непосредственно «формируют» систему как таковую (как тип). Именно в ядре складываются те субстантные и структурные соотношения, на основе которых зарождаются наиболее значимые изменения на различных уровнях языковой системы, задающие детерминанту основным цельносистемным преобразованиям в языке. По мере адаптации языковой системы в ядро отбираются те признаки, которые можно рассматривать как носителей развития внутренней цельносистемной детерминанты языка в каждый отдельно взятый период его истории.

---

¹ Ср. английские термины *language type* и *linguistic types (or strategies)* в интерпретации У. Крофта [Croft, 1993, p. 27–43].

Именно ядерные, типобразующие свойства языковой системы и должны стать основным объектом изучения в курсе истории английского языка.

Тут-то и начинается самое интересное. Дело в том, что те свойства (типы в языке), которые являются ядерными в современном английском языке, в древнеанглийский период таковыми не были. Конфигурация и содержание типов в языке, составляющих ядро древнеанглийской системы, кардинально отличается от современного состояния дел. Такое явление можно рассматривать скорее как исключение, чем как правило в истории языков. Оно свидетельствует о том, что в ходе истории английский язык радикально изменил свои структурные признаки, т. е. свой *структурный тип*. Это означает, что многие продуктивные в ранние периоды истории языка структуры и подсистемы на разных уровнях языковой макросистемы либо исчезли вообще, либо ушли на периферию, утратив продуктивность и превратившись в реликты.

Зачем же понадобилась такая радикальная трансформация и в чем собственно она заключается? В каких терминах можно было бы ее описать?

§ 5. Флективность древнеанглийского языка

Структурные типы языков изучаются в лингвистической типологии, а их историческая трансформация подлежит ведению исторической (диахронической) типологии. Структурная типология на сегодняшний день располагает фактическими данными о структурных параметрах большого количества разных языков мира. Эти данные позволяют утверждать, что в структурном плане все многообразие языков может быть сведено к определенным (немногочисленным) типам, которые, впрочем, в чистом виде не представлены ни в одном языке, а реализуются на практике в различных вариациях, более или менее приближающихся к какому-то из существующих абстрактных конструкторов (эталонных типов). Практически с самого основания лингвистической типологии как науки известно четыре основных структурных типа языков: флективный, агглютинативный (агглютинирующий), корнеизолирующий и полисинтетический (инкорпорирующий). Не вдаваясь в подробности теоретических споров по поводу существования этих «идеальных» типов, попробуем сравнить в общих чертах ядерные характеристики современного английского языка и языка древнеанглийского периода.

Для примера рассмотрим один из словоизменительных типов в языке – парадигму для слова «камень» в русском, древнеанглийском и современном английском языках:

	<i>Русские словоформы</i>	<i>Древнеанглийские</i>	<i>Перевод на современ- ный язык</i>
<u>Единственное число</u>			
Им.	камень	stān	stone
Род.	каменя	stānes	of (the) stone
Дат.	камню	stāne	to (the) stone
Вин.	камень	stān	stone
Тв.	камнем	Функции тв. и	with stone
Предл.	камне	предл. падежей выполняли выше- упомянутые кос- венные падежи	on (the) stone
<u>Множественное число</u>			
Им.	камни	stānas	stones
Род.	каменей	stāna	of (the) stones
Дат.	камням	stānum	to (the) stones
Вин.	камни	stānas	stones
Тв.	камями	–	with stones
Предл.	камях	–	on (the) stones

Основным признаком *флективного* типа является наличие в структуре словоформ так называемых «флексий», т. е. словоизменительных аффиксов, предназначенных для выражения различных грамматических значений (в нашем случае это значения падежа, числа и рода у всех приведенных выше словоформ существительного «камень»). Обычно та часть слова, к которой присоединяется окончание, называется основой. Основа же в свою очередь может состоять из нескольких компонентов (в ней обязательно есть *корень*, могут быть также словообразовательные *аффиксы*, модифицирующие значение корня, как то: *суффиксы и приставки, или префиксы*). Таким образом, типичная структура слова во флективных языках может быть схематично представлена следующим образом:

$$[(P) + R + (S)] + F,$$

где P – приставка (префикс); R – корень; S – суффикс; F – окончание (флексия).

Заметим, что данная схема наглядно демонстрирует неизбежность многосложности (полисиллабизма) во флективных языках, так как даже минимальная типичная структура слова должна содержать хотя бы два элемента: основу, в этом случае равную корню, + словоизменительный аффикс, т. е. *флексию*. Разумеется, односложные корнеслова (состоящие из одной корневой морфемы) также встречаются в языках этого типа, но они нетипичны и поэтому часто рассматриваются как *словоформы с нулевой флексией* в составе флективных парадигм. Отсутствие флексии в таких условиях значимо, так как несет в себе значение соответствующего падежа.

Поскольку самостоятельные корнеслова встречаются во флективных языках относительно редко, корневые морфемы зачастую носят *связанный* характер (т. е. не могут использоваться как самостоятельные слова вне границ словоформы, из которой они выделены). Такой связанной морфемой является морфема «камен-» в составе, например, словоформы «камень».

Поскольку флексия в слове *одна*, важнейшей особенностью этого типа словоизменительного аффикса считается его способность совмещать несколько функций, т. е. быть полисемантическим (многозначным). Это означает, что во флексии могут быть *совместно выражены* несколько грамматических значений. Например:

камня – stānes

Как русское, так и древнеанглийское окончания в этих примерах многозначны, поскольку они являются семантически сложными показателями родительного падежа, единственного числа у существительных мужского рода. Такие особенности окончаний (флексий) приводят к тому, что устранить какое-либо одно значение (например, только число или только падеж) во флективной словоформе невозможно, не устранив одновременно и другие значения флексии. Словоформа существует в языке в «собранном», готовом виде и противопоставлена другим «собранным» под другие смыслы словоформам в словоизменительной парадигме. В построении высказывания говорящему остается выбрать подходящую словоформу в парадигме, собрать же формы по-новому, не разрушив механизма порождения смысла средствами флективного языка, он не может. Такое свойство флективных словоформ названо Г. П. Мельниковым *селекционностью* [Мельников, 2003].

Сопоставление древнеанглийских словоформ, с одной стороны, и русских – с другой, свидетельствует о менее разветвленной падежной парадигме в древнеанглийском языке по сравнению с падежной системой яркого представителя флективного типа, каковым является современный русский язык. Перевод же русских флективных словоформ (равно как и древнеанглийских) на современный английский язык (насколько он возможен вне контекста) демонстрирует нам полное отсутствие флективной падежной парадигмы у *stone*. Современные английские словоизменительные аффиксы (например, *-es* в вышеприведенных примерах) уже не могут быть названы флексиями, они изменили свою природу, развив у себя признаки агглютинатов (так называют аффиксы в агглютинирующих языках).

Для флективных языков характерно *четкое противопоставление типов словоизменения* у различных частей речи. Так, у имени существительного и у имени прилагательного есть свои системы склонений, а у глаголов – системы спряжений. Кроме того, словообразование во флективных языках осуществляется путем *перевода слов из одной части речи в другую с помощью словообразовательных аффиксов*, иначе говоря, морфологическим путем. Это явление можно рассматривать как лексико-морфологическую перекатегоризацию (перевод носителя значения из одной категории слов, например существительных, в другую, например глаголов).

Поэтому в системе словообразования у каждой части речи (лексико-морфологического класса слов) есть свой набор аффиксов, отличающий ее от других частей речи.

Ср., например:

<i>Русский</i>	<i>Древнеанглийский</i>
смел <u>ость</u>	mōd, mōdign <u>e</u> s
смел <u>ый</u>	mōdig, mōdiglic, mōd <u>full</u>
осмел <u>еть</u>	mōdigian
смел <u>о</u>	mōdiglice

В приведенных здесь примерах родственных слов выделяются аффиксы, делающие узнаваемыми их частеречные характеристики. Таким образом, во флективных языках имеются различные группы аффиксов (словоизменительные, т. е. флексии, и словообразовательные), соотнесенные с различными понятийными категориями слов – частями речи.

Сравнение словоизменительных типов в трех флективных языках показывает, что языки одного и того же, в данном случае флективного, типа могут иметь существенные различия в организации своих подсистем и в степени выраженности типологически значимых признаков. Это дает нам основание говорить о *яркости типа языка*, т. е. об интенсивности типологической доминанты в самоорганизации языковой системы. Яркость типа может быть показателем устойчивости имплицитивных признаков в конкретном языке. *Чем ярче (интенсивнее) выражен тип языка, тем устойчивее формирующие его типы в языке (имплицитивные признаки)*. Соответственно постепенное снижение или утрата устойчивости определенных типов в языке является сигналом идущих в системе языка типологических преобразований. Выше мы уже наблюдали, насколько отличается древнеанглийский от русского в плане разветвленности своих словоизменительных парадигм, попробуем оценить степень яркости флективного типа древнеанглийского языка по отношению к другому яркому флективному языку – латинскому, который обычно рассматривается лингвистами как своего рода эталонный представитель флективного типа. Для этого нам нужно подобрать два небольших, сопоставимых по объему, стилю и структуре текста на каждом из сравниваемых языков.

Обратимся к древнеанглийскому тексту предисловия Короля Альфреда к переводу книги папы Григория I «Обязанности пастыря»². Выбор этого текста диктуется его оригинальностью: он не переводной, по времени создания отражает состояние так называемого классического древнеанглийского периода, текст предназначен для того, чтобы оказать определенное понуждающее к активности воздействие на адресата.

² Данный текст приводится в полной древнеанглийской версии с переводом на современный английский язык и комментариями (см. ч. II, гл. II, § 2, текст 13).

Из 863 словоформ данного текста мы подвергли количественному анализу чуть больше половины (451), так как все остальные словоформы суть многократно повторяемые (обычно односложные в различных языках) служебные слова, как то: предлоги, союзы, частицы, личные местоимения и т. п., в количественном структурно-типологическом анализе такие словоформы, если они не рассматриваются специально как типы в языке, могут дать «кибернетические шумы». Результаты наших подсчетов приводим в следующей таблице (в скобках указывается количество словоформ, обнаруженных при сплошном подсчете в порядке следования в тексте):

Таблица 1

Структурно-количественный анализ древнеанглийских словоформ

Моно-силлабы	Ди-силлабы	Полисиллабы			Итого	Общее количество словоформ
		трех-сложные	четырёх-сложные	пяти-сложные		
10 % (46)	61 % (276)	21 % (95)	6 % (27)	2 % (8)	29 % (130)	100 % (451)

Вероятно, в других текстах количественные данные о словоформах различной структуры варьируются в определенных пределах, но вряд ли они существенно отличаются от полученных в нашем случае процентных соотношений.

Из табл. 1 видно, что в древнеанглийском было значительное количество многосложных слов, с одной стороны (29 %), и существенное количество (чтобы о них вообще вести речь) моносиллабов – с другой (10 %).

Одни количественные показатели мало что дадут без более внимательного анализа того, как организованы словоформы различной структуры.

Древнеанглийские *полисиллабы* представляют собой различные варианты в пределах типичной структуры слова во флективных языках. Например:

а) $R + A_s + A_f$	б) $A_p + R + A_f$	в) $A_p + R + A_s + A_f$	г) $A_p + R + A_s + A_s + A_f$
wilnunga	biwrite	geliornodon	gesaeliglica и т. п.
wisdom	getheoda	gerymdon	
kyningas	forleton	othfeallenu	
	befaeste		

Среди рассмотренных многосложных словоформ немало сложных слов, образованных при сложении нескольких корней. Ввиду наличия у них флексий эти словоформы также можно отнести к вариантам в пределах флективного типа. Например: *woruldthinga*, *ebriscgethiode* (R + R + A_f).

Особый интерес для нас представляют *моносиллабы* в древнеанглийском языке. Несмотря на их односложную структуру, в них также проявляется флективная природа этого языка.

Следует заметить, что среди моносиллабов часто встречаются супплетивные формы (*bith, sie* и т. п.), которые возможны в языках разных типов. Однако супплетивизм «в принципе исключителен в грамматической системе любого языка, потому что он несовместим с требованием стандартизации грамматического оформления лексических единиц; область его использования всегда ограничена немногими словами, обычно с высокой частотностью употребления» [Плоткин, 1989, с. 19–20]. Поэтому наличие супплетивных форм к типологически релевантным признакам в древнеанглийском языке мы отнести не можем. Тем не менее, выраженность грамматических значений присутствует в самой форме всех супплетивных образований.

Этот же признак *выраженности* грамматических значений *в словоформах* (создающий основу для их селекционности), а не привнесение их извне синтагматическим окружением, характерен и для других древнеанглийских моносиллабов. Распространенным способом выражения грамматических значений в этом случае является *внутренняя флексия* (чередование) в корне, такие словоформы представляют собой лишь фонетические варианты во флективных парадигмах. В других случаях употребления в пределах нашего же текста эти же лексемы предстают в виде словоформ, имеющих два, а иногда и свыше двух слогов, и отличаются более сложной структурой. Например:

а) *mon, menn*, но: *monnum, monna*;

б) *boc, bec*, но: *boca*;

в) *oft*, но: *oftost*;

г) *cwaeth*, но: *cwaeden*.

Эти особенности древнеанглийских односложных словоформ способствуют тому, что, как правило, не возникает двусмысленности в толковании их частеречной принадлежности, даже если они рассматриваются вне структуры предложения (или просто вне какого-то минимального синтагматического окружения). Зачастую согласование словоформ в структуре предложения лишь подкрепляет уже выраженное с помощью внутренней флексии грамматическое значение древнеанглийских моносиллабов. Например:

tha boc (вин.п., ед.ч., ж.р.); *thaere bec* (дат.п., ед.ч., ж.р.).

Таким образом, односложные корнеслова в древнеанглийском тексте выступают в качестве маркированных (в основном внутренней флексией) словоформ или в качестве вариантов с нулевой флексией внутри флективных парадигм. Другое дело устойчивость этих парадигм и продуктивность, т. е. для более глубокого понимания типологической доминанты древнеанглийского языка нам потребова-

лось бы рассмотреть функциональный статус таких парадигм (типов в языке), что мы и сможем сделать в третьей части учебника.

Из наших подсчетов видно, что наиболее распространенными в древнеанглийском языке были двусложные словоформы с минимальной типичной для флективных языков структурой: R + Af (61 %). Например:

hateth	wordum	maege	tida
folces	funden	hadas	hate

И в этом типе словоформ иногда наблюдается фонетическая неустойчивость и связанность корневой морфемы. В других отношениях корень в этих словах также не отличается от корней односложных и многосложных слов.

Дисиллабы в тексте, как и другие типы словоформ, могут быть парадигматическими вариантами с нулевой флексией. Например:

- а) gemynd, onwald (A_p + R);   б) wisdom, kyning (R + A_s).

Количественный анализ структуры слова в латинском языке³, аналогичный тому, результаты которого представлены в табл. 1, также свидетельствует о **неяркости** флективного типа древнеанглийского языка по сравнению с латинским, в котором, напротив, ярко представлены все признаки флективности словоформ (табл. 2). Из табл. 2 видно, что многосложных слов в латинском тексте больше половины, примерно 58,8 %, что в 2 раза превышает аналогичный показатель в древнеанглийском тексте (см. с. 23 выше). Обращает на себя внимание и тот факт, что в латинском тексте среди полисиллабов большое количество слов со сложной морфологической структурой, это словоформы из четырех, а также пяти и более слогов (их отмечено 24,8 %). В древнеанглийском тексте таких полисиллабов всего 8 %, причем словоформ, содержащих свыше пяти слогов, вообще не обнаружено. Если в древнеанглийском тексте преобладают словоформы с минимальной типичной для флективных языков структурой (их 61 %), то в латинском тексте двусложных слов всего 34,5 %. Естественно, что показатель моносиллабизма в латыни не так высок, как в древнеанглийском (6,7 % против 10 %). В целом, можно заключить, что в древнеанглийском налицо меньшая усложненность преобладающих в массе своей словоформ по сравнению с латинским.

³ Для анализа была взята сопоставимая по формальным показателям и даже близкая по накалу эмоционального фона речь Цицерона, разоблачающая замыслы Катилины (см.: [Винничук, 1985, с. 216–217]). В этом тексте всего 960 словоформ, количественному анализу подвергнуто 640, подбор словоформ осуществлялся по тем же принципам, что и в древнеанглийском тексте.

Таблица 2

Структурно-количественный анализ латинских словоформ

Моно- силлабы	Ди- силлабы	Полисиллабы			Итого	Общее количество словоформ
		трех- сложные	четырёх- сложные	пяти- и более сложные		
6,7 % (43)	34,5 % (221)	34 % (217)	20,6 % (132)	4,2 % (27)	58,8 % (376)	100 % (640)

Неяркость структурно-типологических характеристик древнеанглийского языка по сравнению с родственными индоевропейскими флективными языками (и как мы увидим позднее, по сравнению с более древним состоянием других германских языков) дает основание предположить, что ко времени появления письменных памятников в древнеанглийском языке уже прошли определенные изменения системного характера, заметно снизившие, но не нарушившие кардинально устойчивость флективного типа как целого. В сохранившихся до нашего времени древнеанглийских текстах фиксируется дальнейшее развитие этих разрушительных для флективности процессов.

§ 6. Агглютинация в современном английском языке

Аффиксы (агглютинаты) в агглютинирующих языках используются для выражения как лексических, так и грамматических значений, при этом словоизменительные и словообразовательные аффиксы могут слабо противопоставляться⁴. Структуру слова в языках, наиболее последовательно реализующих в своем строе черты агглютинации, можно схематично представить в виде формулы:

$$R + A1 + A2 + A3 + \dots + An.$$

Такая структура диктуется преобладающей однозначностью агглютинативного аффикса: количество аффиксов зависит от количества необходимых значений. Так, если бы русский или древнеанглийский были бы последовательно агглютинирующими, то в случае с рус. *камня* и др.-англ. *stānes* к корням *камн-* и *stān-* соответственно нужно было бы присоединить три аффикса (один для выражения значения единственного числа, другой для выражения значения родительного падежа, а третий – мужского рода). Причем последовательность присоединения таких аффиксов также подчиняется определенным правилам, а один и тот же аффикс (к примеру, аффикс числа) может присоединяться к различным частям речи,

⁴ Из современных работ по проблемам разграничения словоизменительных и словообразовательных аффиксов на германском материале см.: [Enger Hans-Olav, 2002].

которым свойственна категория числа (ср. аффикс *-es* в современном английском у глагола и существительного). Ни в современном английском, ни в древнеанглийском мы не найдем цепочек агглютинатов, подобных тем, которые характерны для ярких представителей агглютинативного типа. Однако английский язык всегда отличался в различные периоды своей истории наличием продуктивных словообразовательных аффиксов и легко собираемых с их помощью аффиксальных дериватов с прозрачностью морфемных границ, относительно высокой самостоятельностью корневой морфемы и ее противопоставленностью аффиксальным. Практически всегда было возможно наличие нескольких довольно легко выделяемых словообразовательных элементов в слове. Сравним, например, во многом схожие структурно по степени членимости и самостоятельности морфем современные и древнеанглийские слова:

<i>hope ful ness</i>	<i>frem sum lic e</i>
<i>hope less ly</i>	<i>āefæst ness e</i>
<i>care less ness</i>	<i>mōd ig lic</i>

Так, например, *āefæstnesse* представляет собой сложносоставное, но членимое образование, в котором выделяется окончание *-e* и сложносоставная основа (*āe* «закон, в частности, божественный» + *fæst* «твердый») с суффиксом *-ness*, который ассоциируется с абстрактным значением состояния, свойства, присущего человеку, здесь – набожностью.

Если все же по количеству относительно легко выделяемых в слове аффиксов (как агглютинаты) и по характеру их значений мы не можем уверенно отнести английский язык (в любой период его истории) к агглютинативному типу, то в характере корневой морфемы и способе ее соединения с аффиксальными морфемами, как убедительно показал в своих рассуждениях В. Я. Плоткин, проявляются агглютинативные свойства [Плоткин, 1989, с. 30–31]. Например, в способе соединения с корнем у немногочисленных *продуктивных* словоизменительных суффиксов в современном английском языке, а это суффиксы *-(e)s* [s – z]; *-ed* [t – d – id]; *-ing* [iŋ], просматривается агглютинативная техника в противовес распространенной во флективном древнеанглийском языке фузионной. Звуковые оболочки продуктивных английских аффиксов подвергаются ассимиляции под воздействием звуков в исходе корня:

works [s]   *plays* [z]   *watches* [iz]

Этот процесс напоминает *прогрессивную ассимиляцию* (на стыке корня и аффикса), которая поддерживает устойчивость корня в ярких представителях агглютинативного типа (например, турецком). В ряде агглютинативных языков с помощью такой гармонии гласных и согласных (сингармонизма) в корне и аффиксах происходит «дистанционное согласование внутренних морфем в границах слова. Сингармонизм – с функциональной точки зрения – средство объединения морфем

в агглютинативном слове и делимитации таких слов в речевом потоке, иными словами, средство указания на границы слова» [Мельников, 2003, с. 328–330]. Сингармонизм способствует поддержанию фонетической стабильности и устойчивости корневой морфемы в агглютинативных языках, что позволяет обеспечить ей выделимость и самостоятельность. Это означает, что для агглютинативного языка характерна способность корневой морфемы принимать на себя функцию слова, т. е. быть выделенной как самостоятельный носитель значения, при необходимости равный полноценному слову [Там же, с. 338].

Так, например, в турецком языке «действие сингармонизма гласных состоит в том, что в корнях слов качество гласной первого слога определяет качество гласных последующих слогов. Это явление не распространяется на корни заимствованных слов, однако с железной последовательностью действует при наращении различных аффиксов (суффиксов) для выражения различных лексических и грамматических значений слова. Все гласные турецкого языка подразделяются на две группы:

небные: e i ö ü;
 ненебные: a ı o u.

Гласные в корне одного исконно турецкого слова могут быть только небными или только ненебными» [Сидорина, 2008, с. 11]. Так, при присоединении суффикса множественного числа к турецким корням используются два аффикса (с небным и ненебным гласным соответственно): *ler*, *lar*. Если корень диктует аффиксам небное оформление, добавляется суффикс *ler*, если же ненебное – *lar*. Ср.: *masa* + *lar*, *kapi* + *lar*, *okul* + *lar*; *söz* + *ler*, *şehir* + *ler* [Там же, с. 12].

Корневые морфемы в приведенных выше английских словах также отличаются фонетической устойчивостью и самостоятельностью, так как способны употребляться в качестве отдельного слова, аффикс же легко вычленяется из структуры слова (*play* [plei] + *s* [z]), чего не скажешь о многих древнеанглийских словах. Фузия на стыке корневой морфемы и аффиксальной, как известно, ведет к фонетической неустойчивости корня и к его связанности (см. выше). Вычленить же аффикс в таких условиях представляется проблематичным. Так, например, в парадигме русских однокорневых словоформ «вожу, важивал, вела, вождь, вожжи и т. п.» насчитывается 27 фонетических и 10 графических вариантов корня, часто сдвигается ударение, фузия в таких случаях – норма [Лингвистические задачи, 1983, с. 90]. Ср. с древнеанглийским: инфинитив глагола «говорить» – *secgan* ['segg'an]; единственное число прошедшего времени: «сказал» – *sægde* ['sæjdə] превращается в форму *sæde* ['sædə], поскольку гласный корня удлиняется после выпадения [j] перед [d]. Глагол *keep* имел в древнеанглийском форму инфинитива *cēpan*, в прошедшем времени к корню присоединялся суффикс *-de*, который в результате ассимиляции дает следующее развитие: *cēpde → kēpte → kēpt. Таким образом, совре-

менное чередование звуков в корнях этого глагола отражает реликтовое состояние прошлой эпохи. Таков способ поддержания границ слова, объединения его морфем во флективных фузионных языках за счет снижения устойчивости и самостоятельности корневой морфемы.

Типологи выделяют у агглютинативных языков еще одно очень важное свойство, имплицативно связанное с описанными выше свойствами корневой морфемы. Это свойство примерно с 60-х годов прошлого века получило название *коллекционности* агглютинативной словоформы в противовес селекционности словоформ во флективных языках [Мельников, 2003]. Коллекционность словоформ внешне очень хорошо представлена в формуле типичного агглютинативного носителя значений с нанизанными на корневую морфему агглютинатами-аффиксами. Так, например, в турецком языке образование словоформы, соответствующей русскому глаголу «мочь – смочь», происходит таким образом: «к основе глагола присоединяется аффикс *-a/-e* (если основа глагола оканчивается на согласный, и *-ya, -ye*, если на гласный) и основа глагола *bilmek*, затем аффикс настоящего-будущего времени *-ir* и личные аффиксы» [Сидорина, 2008, с. 106]. Поэтому в предложении *İngilizce konuşabilirim*. – *Я могу говорить по-английски* находим актуально употребляемую словоформу *konus/a/bil/ir/im*, в которой выделяется цепочка собранных вместе аффиксальных элементов, каждый из которых устойчиво соотносится с определенным специфическим значением, будучи *однозначным*.

Таким образом, во флективных языках словоформы при сборке предложения выбираются из парадигм в готовом виде (*мама, маме, мамой, сказал, сказала, сказала*), при этом они подбираются так, чтобы согласовываться друг с другом (*Мама сказала*). В агглютинативных языках, в языковом сознании говорящих, вероятно, действуют не парадигмы словоформ конкретных лексем, а парадигмы схем сборки лексем из корневых и аффиксальных морфем. Изучающему русский язык (или древнеанглийский) нужно хорошо запомнить все словоформы в парадигме каждой лексемы; изучающему агглютинативный язык нужно хорошо знать устоявшиеся схемы сборки лексем. Агглютинативная словоформа собирается по мере актуальной необходимости из корня и служебных морфем, «но состав этих морфем в значительной степени определяется ситуацией, контекстом, уровнем предварительной осведомленности собеседника; когда же нужное содержание передано, в памяти словоформа не хранится, она “рассыпается” на составляющие морфемы после временного пребывания в “собранном” состоянии. Поэтому естественно, что одинаковые в содержательном отношении слова могут в реальном употреблении отличаться составом морфем» [Мельников, 2003, с. 338].

Вытекающая отсюда факультативность использования аффиксальных морфем (экономия служебных элементов), когда ситуативная определенность смысла делает морфему-знак этого смысла избыточной, – трудно поддающееся пониманию явление для носителей флективных языков, где словоформы селекционны и только предложение коллекционно, и мы вольны включить в него те лексем, которые

считаем нужным включить, а те, которые передают смыслы и без того понятные по ситуации, могут и не войти в наше высказывание за ненужностью («итак понятно»). Например: «Знаешь?» Вместо: «Ты знаешь этого человека?». Совершить аналогичные действия над словоформами мы не можем без разрушения оптимального набора смыслов, необходимых для того, чтобы коммуникация состоялась: *мама сказал, *мам сказ и т. п.

§ 7. Корнеизоляция в современном английском языке

Если сравнивать современный английский язык с эталоном корнеизолирующего типа, то первый признак этого типа – преобладание моносиллабов⁵ (т. е. односложных по природе своей слов) – кажется типичным для современного английского языка. В этой связи «преобладание» не следует понимать как абсолютное превышение по количеству слов односложного типа, по сравнению с другими структурными типами лексем. Здесь речь идет о функциональной нагрузке моносиллабов в языке, о том, что они и образуемые ими типы в языке составляют ядро его системы. Моносиллабами являются, например, такие слова, как: *have, round, go, up, back, love, walk, man* и многие другие.

Аффиксы в корнеизолирующих языках в идеале должны отсутствовать, определить же частеречные характеристики словоформы (общеграмматическое значение лексем, а значит, принадлежность к понятийной категории слов) помогает контекст, для этого требуется сочетание хотя бы двух слов (минимальный контекст). Здесь перекатегоризация (перевод из одной категории слов в другую) осуществляется не за счет морфологии, а за счет синтаксиса, это синтаксико-позиционная перекатегоризация. Так и ведут себя английские моносиллабы. Ср., например:

<i>a new <u>round</u></i> (в функции существительного)	<i><u>круг</u></i> (сущ.)
<i>a <u>round</u> place</i> (в функции прилагательного)	<i><u>круглый</u></i> (прил.)
<i>he can <u>round</u> his lips</i> (в функции глагола)	<i><u>округлить</u></i> (гл.)
<i>to go <u>round</u> the shops</i> (в функции предлога)	букв. <i><u>вокруг</u></i> чего-л. (предл.)
<i>he turned <u>round</u></i> (в функции наречия)	<i><u>кругом</u></i> (нареч.)

Сравнивая приведенные примеры русских и английских словоформ, мы можем отметить существенное типологическое различие. В русских формах наблюдается выраженность грамматических значений совместно с лексическими внутри словоформ, поэтому эти слова принадлежат частям речи по формальным морфоло-

⁵ *Моносиллабы*, т. е. односложные слова, называют еще *корнесловами*, или *морфосиллабами*. Каждый из этих терминов используется при описании различных (с точки зрения отнесенности к конкретному уровню анализа языковой системы) аспектов одного и того же явления. Исследователи китайского языка используют еще один термин в применении к таким единицам в составе более сложных номинативных единиц – *первичные лексем*.

гическим признакам (аффиксы словоизменительные и словообразовательные) и они характеризуются меньшей зависимостью от контекста по сравнению с английским словом. В английском же слове *round* нет какого-либо внутреннего (формального) признака (аффикса или звукового изменения внутри словоформы), позволяющего «пожизненно» закрепить за ним частеречный «ярлык», откуда проистекает высокая зависимость семантики носителей значений в корнеизолирующих языках от контекста. Таким образом, типичными носителями значений (операциональными единицами конструирования смыслов) в условиях корнеизоляции являются морфосиллабы (они же: корнеслоги, моносиллабы, первичные лексемы).

§ 8. От синтеза к анализу

Очень важным инструментом идентификации типа языка является понятие **техники**. Речь идет о *способах соединения носителей значений разных видов в структуре слова и предложения*. По типу техники языки мира делятся на преимущественно *аналитические* и преимущественно *синтетические*. Так как в реальности чистые типы вряд ли возможны, речь следует вести об относительной значимости того или иного типа техники в каждом конкретном языке.

Как анализ, так и синтез поддаются градации. Поэтому языковые структуры могут быть описаны как «более или менее аналитичные». Так, например, словоформы с фузией скорее синтетичны, чем аналитичны, а словоформы с агглютинадами отличаются *высокой степенью членности и самостоятельности морфем*, а потому они самые аналитичные из слов аффиксального типа.

Современный английский язык отличается высокой степенью аналитичности своих структур, так как в нем не только используется агглютинация, но и функционируют в изобилии аналитические конструкции для сборки сложных по синтаксической структуре носителей значений как с грамматическими функциями в словоизменительных подсистемах, так и в подсистемах лексической номинации. Первые служат для выражения категориальных грамматических значений, например времени у глагола, вторые – для образования новых лексем, которые называют *аналитическими*. Начиная изучать английский язык русским студентам бывает трудно усвоить, что ‘болеть’ по-английски – *be ill*; ‘выходить’ – *go out*; ‘поиграли’ – *have played*; ‘взглянуть’ – *have a look* и т. п. Трудности вызваны тем, что языковое сознание русскоязычных студентов в соответствии с установкой, идущей от флективности родного языка, ищет однословные соответствия в английском.

Простое сравнение нескольких произвольно взятых из текстов древнеанглийских словоформ с их переводами на современный английский показывает, что по типу техники эти исторические эпохи существования языка сильно отличаются друг от друга:

<i>др.-англ.</i>	<i>совр.</i>	<i>др.-англ.</i>	<i>совр.</i>
telle	I tell	hafast	you have
gǣst	you go	onwæcpan	to be born
ofercuman	come over	ūpgangan	go up
onlōcian	to look up	и т. п.	

Особенно аналитичны в современном английском языке моносиллабы. Это проявляется прежде всего в преобладании агглютинативной техники в их аффиксальных дериватах и в широком использовании аналитических конструкций. Так, например, в словообразовательной парадигме *round* находим следующие элементы:

Rounded, roundish, round down, roundly, roundness, round off, round out, round up, roundup.

§ 9. Выводы

Если суммировать все сказанное о ядерных (типологически значимых) чертах английского языка, то можно прийти к выводу о том, что в ходе своей письменной истории английский язык претерпел структурную перестройку от неяркого флективного и синтетического типа к типу аналитическому, совмещающему неяркие черты корнеизоляции и агглютинации. Таким образом, структурный тип языка (т. е. способы кодирования или упаковки информации в языке) подвергся радикальной перестройке.

Это означает, что предмет истории английского языка состоит в изучении типологической трансформации на фоне внешних по отношению к языку факторов (в частности фактора этногенеза), способствовавших радикальному изменению его типа.

Глава II

Этническая история и история языка.

Параметризация внешней истории, релевантная для внутренней истории языка

§ 1. Этнос как система

Как и отдельные человеческие особи, этносы (народы) рождаются, стареют и умирают. Этот процесс называется **этногенезом**. Этногенезы и закономерности их протекания изучаются **этнологией** (*народоведением*).

Этнология рассматривает этносы как специфические формы существования homo sapiens и описывает их как системы. Как и во всякой системе, в этнических системах имеются структурные и функциональные параметры, исследование которых позволяет судить о состоянии всей системы в целом.

Во второй половине XX века ощутимо возрос исследовательский интерес к этническим процессам, что, вероятно, не в последнюю очередь было обусловлено опытом многочисленных межэтнических и межгосударственных конфликтов и мировых войн ушедшего века, часто сопровождавшихся разрушительной политизацией этнических проблем. В последние десятилетия появилось довольно большое количество как переизданных классических трудов этнологического направления, так и новых работ (удобный для учебных целей обзор этнологических теорий можно найти в: [Садохин, 2000]), среди которых следует особенно выделить труды по *исторической этнологии* (см., например: [Лурье, 1998]), которая добилась серьезных результатов в исследовании этнической картины мира разных народов.

Историку языка, ищущему закономерности взаимодействий внутриязыковых процессов с внешними факторами языковых изменений, необходимо опереться на конкретные принципы и параметры, позволяющие оценить релевантное для истории языка состояние соответствующих этнических систем в различные периоды их существования. В связи с этим нам представляется необходимым осмыслить историю англичан как этноса в контексте оригинальной теории этногенеза Л. Н. Гумилева, поскольку основные постулаты этой теории, хотя и вызвали в 90-е годы прошлого века множество дискуссий и споров, как нам представляется, не только не утратили объяснительную силу, но и нашли новое подтверждение в более поздних исследованиях, выполненных в других терминологических системах.

Этническая система представляет собой, по мнению Гумилева, энергетическое поле, которое характеризуется определенным ритмом колебаний (специфичным в каждом случае), способным меняться в различных фазах существования

этнической системы в ее историческом времени. Важно, что жизненная энергия, создающая ритм колебаний этнического поля, постепенно истощается (имеет место энтропия). Таким образом, этногенез представляет собой детерминантный процесс.

Это означает, что у этносов есть разные возрасты (фазы развития, которые теоретически можно описать по периодам на оси исторического времени). Так, помимо скрытого (*инкубационного*) периода, когда этнос еще не проявляет себя в деяниях на исторической арене, Л. Н. Гумилев выделяет *творческие фазы*, в течение которых происходит оформление этнической системы и *формирование этнокультурного типа*. Это фаза *подъема* и *акматическая* фаза. За ними в идеале следует период *накопления и утверждения этнокультурной традиции* – фаза *надлома* с выходом в *инерционную* (цивилизационную) фазу, за которой следует самая разрушительная фаза *обскурации* с возможностью регенерации системы и переходом к *гомеостазу* (состояние относительного динамического постоянства системы, равновесия с вмещающим ландшафтом) [Гумилев, 1994б, с. 585].

Естественно, что предложенная идеальная модель представляет собой *эталонный процесс*, своего рода примерную шкалу, с которой можно соотносить различные конкретные этногенезы. Многие этносы погибают на самых ранних (переломных) этапах своего существования, что чаще всего происходит из-за вмешательства соседей и войн. Отмеченные в истории разрушительные процессы межэтнических контактов приобрели в современном обществе специфическую форму гуманитарных, экономических, информационных войн.

Различия между этносами, следуя логике Л. Н. Гумилева, следует описывать как различия *этнических стереотипов* (см. § 6).

Подводя итог нашему первому экскурсу в этнологию, можно заключить, что этнические и языковые системы – это принципиально разнородные системы по своей природе, поэтому к ним вряд ли можно применить один и тот же инструментальный исследования, а прямых соответствий между языковыми и этническими процессами (к примеру, объяснение конкретных фонетических изменений импульсивностью «этнического характера» и т. п.) усматривать не имеет смысла. Вместе с тем, исторически этносы, как и языки, проходят несколько фаз (периодов) в своем развитии. Это означает, что для понимания силы и глубины внешних (этнических) воздействий на языковые процессы придется соотнести этническую хронологию с хронологией наиболее активных целносистемных преобразований в истории английского языка (см. гл. III).

§ 2. Структура этнических систем. Этнические таксоны

В структурном плане этнологи выделяют *этносы*, *субэтносы* и *суперэтносы*. Самыми элементарными таксонами этносферы Л. Н. Гумилев предлагает считать *конвиксии*, которые объединяют людей на основе общности места обитания и

быта (круги родственников и знакомых, кварталы, предместья), и *консорции*, члены которых объединены общностью судьбы (торговые компании, творческие группировки, цехи, гильдии, секты, политические группировки и пр.) [Гумилев, 2008, с. 415]. История англосаксонской цивилизации знает много примеров, когда англосаксонское этническое расширение в Новом свете начиналось именно с деятельности консорций – торговых компаний и религиозных общин.

Субэтносы отличаются друг от друга разновидностью стереотипов поведения, в целом присущих одному и тому же этносу. Так, например, нормандцев, бретонцев и гасконцев можно рассматривать как субэтносы в составе этноса французов. У каждого субэтноса своя функция в этнической системе. К примеру, англо-норманны в течение длительного времени после Норманнского завоевания (1066 г.) Англии преимущественно занимали административно-управленческие ниши и организовывали всю хозяйственно-экономическую и политическую деятельность в системе. Относительная устойчивость этнической системы поддерживается системными связями в ее структуре и распределением функциональной нагрузки между субэтносами. Последние, таким образом, представляют собой подсистемы внутри единой этнической системы

Суперэтнос – структурное образование более высокого ранга, чем этнос, включающее в себя несколько сходных этнических систем. Суперэтносы еще называют «мирами, или цивилизациями». Так, множество известных фактов европейской истории позволяет нам говорить о *древнегерманской суперэтнической системе*, включающей в себя различные культурно и генетически близкие друг другу германские народности (готов, франков, англо-саксов, ютов, фризов и др.). В Европе этнологи выделяют *западноевропейскую суперэтническую систему*, так называемый «Западный, или романо-германский, цивилизованный мир», которая включает в себя современных англичан, французов, немцев, итальянцев, испанцев и др. В современном мире выделяют также *мусульманский суперэтнос*, освоивший обширные евразийские пространства *российский суперэтнос* и др. Примерами наиболее примечательных исследований суперэтнических (цивилизационных) проблем изнутри могут служить для западноевропейских этносов труды А. Дж. Тойнби [2001; 2002], О. Шпенглера [2003], Р. Осборна [2008] и др.; для российского суперэтноса – труды Н. С. Трубецкого [2007], Н. И. Костомарова [2008], И. А. Ильина [2006], Л. А. Черной [1999], Л. Н. Гумилева и др.

Как этносы, так и суперэтносы (по Л. Н. Гумилеву это этнические системы, объединенные сходным ритмом колебаний этнического поля) могут возникать в результате *микромутаций*. Последние вызывают изменения этнических стереотипов поведения, что помогает последующим поколениям выжить в новых жизненных условиях и оказывает более или менее существенное влияние на ритм этнических колебаний.

Как и другие формы энергии во вселенной, энергия этнического поля подвержена *энтропии*. Поэтому в целом динамический период этнической жизни не

бесконечен и составляет в среднем от 1200 до 1500 лет. В итоге энтропия может привести к *упрощению этнической системы*, лишив ее таким образом гибкости и устойчивости. Когда динамический период этнической жизни подходит к концу, этническое поле либо разрушается (распадаясь на более мелкие группы, вплоть до уровня отдельных индивидуумов), либо продолжает существовать в персистентном состоянии, будучи лишенным энергетического потенциала для дальнейшего саморазвития. Этнос особенно уязвим по отношению к идущим извне (в особенности от других суперэтносов) вмешательствам на межфазовых переходах. Вместе с тем, именно в эти периоды (которые историки иногда называют смутным временем) этнос может самоорганизоваться по-новому, модифицировав свои стереотипы и адаптировавшись в новых параметрах для сохранения устойчивости системы в изменившейся среде. Такой процесс можно рассматривать как антиэнтропийный, свойственный живым организмам и сообществам биосферы. Видимо, свидетелями и невольными участниками таких глубоких преобразований в своей суперэтнической системе стали россияне с конца 80-х годов прошлого века.

Суммируя все вышесказанное, можно, следуя логике Л. Н. Гумилева, прийти к выводу о том, что *этногенез* – это (возникающий иногда) природный процесс биосферы, который является *одним из компонентов этнической истории*. Таким образом, этногенез управляется природными законами биосферы. Жизнь в биосфере находит многообразное проявление в самых разных, идущих от живых организмов природных знаках, многие из которых доступны стороннему (и научному) наблюдению.

Можно сказать, что жизнь человеческих сообществ (народов) проходит в специфической природной информационной среде – *этносемиосфере*, поскольку здесь создается *семиотика жизни* человеческих сообществ, необходимая для их выживания, или *культура*.

Различные суперэтноты и таксоны внутри одного суперэтноса различаются именно как разные *этнокультурные системы (подсистемы)*. Человек, благодаря наличию у него второй сигнальной системы, научился создавать знаки особого порядка, языковые, которым можно предписывать смыслы, соотносимые со структурами сознания, и с помощью которых можно выводить свое сознание вовне. Таким образом, язык представляет собой семиотическую систему, способную, по замечанию Э. Бенвениста [2002], интерпретировать все другие знаковые системы, создаваемые человеком, и выводить содержание сознания человека вовне. Вероятно, здесь находится тот мостик, который необходим для анализа взаимодействий языковых и этнических процессов. Им является состояние сознания (внутренний мир человека, *картина мира*, как говорят этнологи, *образ мира* в терминах психологов).

Поскольку язык (вместе с другими знаковыми системами) выводит сознание вовне, можно найти инструмент для изучения этого явления и участия языковой (речевой) деятельности в ориентационных этнических процессах. Совместная

деятельность и свершения на исторической арене требуют некоей *общности сознания* от членов этноса (суперэтноса) и приводят к формированию *этнического опыта*, оседающего в сознании живых людей и кумулятивно в культуре, как семиотике жизни. Этнокультурный опыт, зафиксированный в языковых знаках и созданных при их участии текстах, становится объектом этнолингвистики и может многое рассказать о тех условиях, в которых использовался язык. Как уже было сказано, смена условий функционирования для языковой системы является основным фактором языковых изменений.

§ 3. Этногенезы в Англии V–XIV вв.

Биосферу определяют как оболочку земли, состоящую из живого вещества и продуктов его деятельности и обладающую антиэнтропийными свойствами.

В биосфере можно выделить антропосферу, связанную с существованием и деятельностью человека. Единая антропосфера превращается в мозаичную в этническом отношении антропосферу, т. е. этносферу, под воздействием избытков биохимической энергии, названных Л. Н. Гумилевым *пассионарными толчками*, источник которых является предметом дискуSSIONным. Такие толчки случаются очень редко и ведут к возникновению новых этнических и суперэтнических систем в антропосфере.

Избыток биохимической энергии, названный Л. Н. Гумилевым *пассионарностью*, проявляется в микромутациях. Это означает, что под воздействием пассионарного толчка уже во втором и третьем поколении в популяции появляется определенное количество *пассионариев* (мутантов). Пассионарность предполагает врожденную способность организма поглощать из окружающей среды больше энергии и превращать ее в работу. Пассионарии отличаются тем, что они в состоянии преодолевать серьезные трудности, выдерживать физические и психические нагрузки, иногда даже приносить в жертву свои жизни ради проповедуемых ими идеалов и целей. Количество пассионариев и их специфическая деятельность в популяции способны повлиять на психологию основной массы людей и таким образом внести изменения в доминирующие стереотипы поведения.

Примерное время всплеска пассионарности в конкретных частях планеты определяется через наблюдение за деятельностью народов на исторической арене. Первичное расширение германской суперэтнической системы Л. Н. Гумилев связывает с пассионарным толчком I в. н. э., затронувшим восточногерманские племена *готов*. Последствия толчка стали ощутимы уже во II в. н. э., сначала в так называемом *Великом переселении народов*, затем в создании *раннехристианской суперэтнической системы* в Европе (куда позднее вошла и Англия после принятия христианства). Западногерманские племена *англов, саксов и ютов* не были затронуты данным пассионарным толчком непосредственно, однако ареал их обитания (устье Эльбы и юг полуострова Ютландия) находился в непосредственной близости

сти от географических регионов, попавших под влияние толчка. В результате тесных контактов с готами постепенно пассионарность передается генетически и западногерманским народам, а в середине V в. н. э. начинается германское завоевание Британии (англами, саксами, ютами и фризами), которое приводит к появлению семи германских королевств на отобранных у кельтов плодородных землях.

Второй пассионарный толчок, не затронувший Англию непосредственно, но сильно повлиявший на формирование этнической системы англичан, имел место в VIII в. н. э. и привел к появлению новой пассионарной системы в IX и X вв., проявившей себя в движении *викингов*. Ось этого толчка проходила через юг Норвегии, север Дании, захватывая Париж, до Португалии. Британия стала «жертвой» импорта пассионарности в период скандинавского нашествия, так как она находилась в непосредственной близости к зоне толчка (франки и континентальные саксы были им затронуты).

Жизнь каждого этноса в историческом времени представляет собой *дискретное* развитие, которое носит инерционный характер, так как основывается на постепенном затухании колебаний этнического поля, сформировавшегося под воздействием исходного пассионарного толчка. В одной из своих работ Л. Н. Гумилев сравнивает процесс этногенеза с образом постепенно затухающего костра. В самом деле, это сравнение наиболее красочно и точно описывает суть процесса. Толчком к его началу служит пассионарность (как спичка, поднесенная к кучке хвороста), дальнейший ход событий известен (хотя и не всегда предрешен, мало ли что может помешать горению). Именно пассионарность дает «костру» разгореться и, кто знает, быть может, подняться до небес, а потом, когда сила горения исчерпает себя, медленно, но верно наступает затухание, и какое-то время спустя путнику (в нашем случае исследователю-наблюдателю) приходится иметь дело лишь со следами некогда активной жизни огня. Такому «естественному» (в идеале) ходу англосаксонского этногенеза в XI в. помешало так называемое Норманнское завоевание, которое принесло с собой новую пассионарную волну из Нормандии, постепенно втянувшую англосаксов (для которых творческие этапы этнической жизни уже были пройдены) в новую творческую (акматическую) фазу, переживаемую западноевропейскими этносами. Таким образом, по всей видимости, произошло *наложение этногенезов*.

Очевидно, что этнос не сводим к чисто социальной, исторической или биологической категориям, однако феномен этноса можно описать только через разнообразные его проявления в социальной, политической, психологической и других сторонах деятельности человека. Нет человека вне этноса, поскольку этническая идентичность закладывается в ходе онтогенеза и филогенеза сознания. Но отследить скрытые от глаза исследователя этнические процессы можно только по «косвенным» признакам, представляющим прежде всего различные мотивационно-поведенческие аспекты в многообразной человеческой деятельности. В нашем

случае можно вести речь о семиотической деятельности человека, культуре в самом широком понимании этого слова.

Описанный Л. Н. Гумилевым феномен пассионарности относится к разряду чрезвычайно трудно поддающихся измерению явлений. Исследование семиотики жизни – один из возможных путей поиска инструментария для такого измерения. Однако сам по себе знак (будь то поступок, вербальный призыв к действию, социальная структура, необходимая для его осуществления, и пр.) не тождествен замещаемому им объекту (пассионарности), а только является творческим или разрушительным по своей результативности актом ее воплощения.

§ 4. Языковая ситуация и этнические контакты как факторы внешней истории языка. Английская колонизация нового времени

Языковой ситуацией называют *совокупность* языков или различных их вариантов (диалектов, социолектов, даже функциональных стилей одного языка), присущих определенному языковому сообществу в определенном регионе, где используются эти интересующие исследователя языки и варианты ⁶. В параметры языковой ситуации включается и *система взаимодействий* между ее компонентами, определяющая *социально-функциональный статус* и *иерархические отношения* используемых языков (и шире: социально-коммуникативных подсистем) в рассматриваемом языковом сообществе.

Теория и типология *языковых ситуаций* является предметом рассмотрения в *социолингвистике*. Эта отрасль лингвистики описывает разные типы языковых ситуаций и их влияние на языковую вариативность, на особенности языковых сообществ и на состояние используемых ими языков ⁷. С исторической точки зрения важно не только учитывать языковую ситуацию в различные выделенные исследователем для удобства рассмотрения объекта периоды истории языка, но и определить динамику языковой ситуации в регионе в каждой фазе этногенеза, в особенности в областях активных межэтнических контактов, где ситуация может меняться кардинально. Таким образом, анализ языковой ситуации – это один из начальных этапов и инструментов лингвистического описания внешних факторов, которые задают параметры функционирования языковой системе. Однако сама языковая ситуация в каждый рассматриваемый период времени представляет собой проекцию этнокультурных взаимодействий людских сообществ. Эти взаимо-

---

⁶ Иногда для описания совокупностей различных компонентов используют общий термин *код*, или *социально-коммуникативная подсистема*, что позволяет охватить языковую вариативность (и шире: типы коммуникативных взаимодействий) во всем ее многообразии. Подробнее об этом см.: [Швейцер, 1976; 1991; Беликов, Крысин, 2001].

⁷ О геополитической группировке языковых ситуаций в зависимости от характера этноязыковых процессов и о параметрах подобных классификаций см.: [Мечковская, 2001].

действия принимают многообразные формы. Тем не менее возможна некоторая систематизация с учетом структуры этносов.

Межэтнический контакт – это общий термин, который обозначает контакт между представителями разных этнических таксонов (консорций, конвиксий, субэтносов, этносов, суперэтносов). Таким образом, можно говорить об этнических контактах разного уровня, в зависимости от характера втянутых в него этнических групп. Так, бывают контакты на *субэтническом уровне*, когда речь идет о взаимодействии двух или более субэтносов или иных более мелких таксонов внутри одной этнической системы (когда, например, гасконец общается с парижанином или представитель англо-норманнской элиты в средневековой Англии XIV в. с мельником из простонародья). Бывают и контакты на *этническом уровне* – между этносами внутри одной суперэтнической системы (между англичанином и французом), а бывают контакты на *суперэтническом* уровне (между англичанами и русскими или китайцами или между англосаксами в Британии V в. н. э. и населявшими ее кельтами). Контакты такого рода, по мнению Л. Н. Гумилева, в масштабах истории могут принимать особенно жестокий характер, о чем в частности свидетельствует история английской колонизации в различных уголках планеты.

Английская колонизация представляет собой процесс *этнического расширения* англичан в мире, освоения ими новых территорий, сопровождавшийся имперским строительством. Этнологи различают *стихийный процесс народной колонизации* и процесс *имперского строительства*, который базируется на имперской идеологии, необходимой для эффективной самоорганизации на новых территориях и их систематического освоения.

Способ колонизации и его семиотические проявления – важный, идущий извне, от этнической системы, фактор типологических преобразований в языке, так как он задает новую функциональную ситуацию и для этноса, и для языка (языков в зоне контакта), новые вызовы функционального плана для самоорганизации этих систем.

У каждого «великого» народа свои модели колонизации, свои модели освоения пространства и восприятия иноэтничного населения, иными словами, свои стереотипы поведения в межэтнических контактах на этническом и суперэтническом уровнях. Начиная с XVI в. английская экспансия переходит границы собственно западноевропейского ареала и вступает в реальную конкуренцию с другими западноевропейскими колонизационными амбициями. Наиболее ощутимую конкуренцию англичанам в их колонизационных устремлениях составляли испанцы и французы. При всем сходстве западноевропейских суперэтнических установок, тем не менее, колонизационные модели у этих народов различаются по своему внутреннему содержанию и, как следствие, имеют разные векторы *комплиментар-*

ности⁸. Специфика английской колонизации очень сильно повлияла не только на политическую и экономическую карту мира, но и на характер межэтнических конфликтов в разных частях света.

Анализируя модели самоструктурирования этнических систем, С. В. Лурье определяет и специфику английской колонизации, выделяя в ней идею нации как основную идеологему нового времени [Лурье, 1998, с. 287–306]. *Национальное превосходство, самоотверженное служение религиозной идее, насаждение по всему миру искусства свободного самоуправления и романтики покорения мира* – вот основные мотивы колониационной активности англосаксов. Основной субъект действия английской колонизации – некое «общество», «сообщество» (религиозное, торговое), которое воспринимало религиозно-ценностные основания Британской империи и становилось своего рода «мини-империей». Каждое сообщество замыкалось в себе, абстрагируясь как от туземного населения, так и от метрополии. И каждое проигрывало альтернативу «сообщество – империя» во взаимодействии с метрополией и туземным населением. Оно отталкивалось от идеологемы «сообщество», «сообщество белых людей», перераставшей в понятие «империя аристократов». На этой почве выростала идея нации как идеологема нового империализма, идея национального превосходства и причастности к избранным.

Идеологическое основание империй, мобильность «мини-империй» (представительство) обеспечивало силу английской экспансии. Представительское самоуправление, а позднее протекторатное правление стали формами воплощения английской колонизации в жизнь, способами покорения мира.

«Итак, основным субъектом действия в английской колонизации является некое “общество”, “сообщество” (все равно, религиозное или торговое). Каждое из них так или иначе воспринимало религиозно-ценностные основания Британской империи (и к торговым сообществам... это относится в полной мере). Но поскольку в британской идеологеме империи понятия “сообщество” и “империя” синонимичны, то в данном контексте сами эти сообщества превращались в мини-империи. Не случайно Ост-Индийскую кампанию называли “государством в государстве”, не случайно лорд Дж. Керзон называл Индию империей в империи. Каждое “сообщество”, которое в конечном счете исторически складывалось не в силу каких-либо исторических причин, а потому, что такой способ действия для англичан наиболее комфортен (таков “образ коллектива” в картине мира англичан), и каждое из них все более замыкалось на себе, абстрагируясь как от туземного населения, так и от метрополии. И каждое из них тем или иным образом проиг-

---

⁸ Термин, который Л. Н. Гумилев использует применительно к этническим системам, вкладывая в него следующее содержание: положительная (отрицательная) комплиментарность представляет собой ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) особей, определяющее деление на «своих» и «чужих» [Гумилев, 2002, с. 526].

рывало внутри себя альтернативу “сообщество – империя”. Оно отталкивалось от идеологемы “сообщество”, “привилегированное (аристократическое) сообщество”, “сообщество белых людей” и переходило к понятию “империя аристократов”. Создавалась структура взаимосвязанных “мини-империй”. ...Их подспудное идеологическое обоснование обеспечивало им мобильность, а следовательно, силу английской экспансии. Между этими “мини-империями” и “центром”, именовавшим себя Британской империей, существовало постоянное непреодолимое противоречие: “центр” стремился привести свои колонии (“мини-империи”) к “единому знаменателю”, а колонии, самодостаточные по своему внутреннему ощущению, противились унификации, восставали против “центра”, отделялись от метрополии юридически. Впрочем, хотя отделение Соединенных Штатов и появление антиимперской идеологии “малой Англии” вызвало в Британии значительный шок, но это ни на миг не снизило темпов реального имперского строительства, в результате чего сложилась так называемая “вторая империя” [Лурье, 1998, с. 301–302]. Центр стремится привести «мини-империи» к единому знаменателю, но они противятся и отделяются юридически. При этом управление колониальными доминионами организуется через прирученную (вестернизированную) элиту.

Вестернизированная элита у населения колонируемых территорий стремилась подражать аристократам-колонизаторам и превращалась в *проводника колонизаторского влияния* на основные массы народа. Бытовая и техническая привлекательность жизни колонизаторов усиливала стремление к такого рода подражательству. «We shall respect the rights, dignity and honour of native princes as our own, and we desire that they... should enjoy that prosperity and that social advancement... secured by internal peace and good government» Queen Victoria, speech to the princes and people of India (1858) (цит. по: [Dalziel, 2006, p. 22]).

Попытки перенять системно навязанные таким образом ценности могли привести к разрушительным последствиям для вестернизирующихся сообществ, накапливая внутреннее напряжение в них, провоцируя внутриэтническую конфликтность с обратным давлением на источник напряжения. Естественно, это не могло не оказывать воздействие на языковую ситуацию, на функциональный статус и взаимодействие различных ее элементов, на языковую политику, если таковая начинала проводиться, часто не в пользу туземного населения и культуры. Для этногенезов туземцев это всегда означало внедрение мощного фактора (подкрепленного техническим превосходством) иноземного влияния, зачастую разрушавшего этническое поле с самыми тяжелыми последствиями для народа вплоть до полного физического уничтожения.

Кроме того, для самих создателей «мини-империй» ситуация на новом месте оказывалась очень непростой. Так, в американских и других колониальных доминионах складывались принципиально иные, чем в Европе, условия для функционирования английского языка – он оказывался в окружении иных сообществ (языков), в том числе и европейских, по этнокультурному типу, совместно образующих

государство *эмигрантского типа*, в котором *нет единой культурной основы*, сложившейся органично в *местеразвития этноса*. И хотя системы такого рода представляли собой ответвление от западноевропейского суперэтноса, но они оказывались в зоне контактов разных суперэтнических систем (с индейцами и пр.). В процессе самоорганизации у них возникала специфическая проблема «создания нации» и легитимизации языка вместе с ней. Проблема идентичности элиты при этом естественно решалась подсознательно, исходя из комплиментарности, что на поверхностном уровне массового сознания сопровождалось политическими манипуляциями вокруг идеологем сложившейся модели колонизации.

§ 5. Этническая картина мира как объект исследования в исторической этнологии и этнолингвистике. Язык и этническая традиция

В теории этногенеза язык не рассматривается как имманентный признак этноса, поскольку разные этносы могут пользоваться одним и тем же языком, и наоборот, один и тот же этнос может разговаривать на нескольких языках. Однако именно через языковую деятельность и ее текстовые продукты исследователь получает доступ к пониманию мировидения и этнокультурных традиций сообществ людей.

Как уже говорилось, будучи неотъемлемым атрибутом любой человеческой деятельности, язык выступает в роли специфической информационной системы, семиотической системы, которая справедливо названа Э. Бенвенистом интерпретантом всех других знаковых систем. Это означает, что язык обслуживает семиотику жизни, т. е. культуру, именно в ней и через нее сознание человека выходит вовне. Язык, таким образом, главный агент в жизненных процессах на уровне человеческих сообществ. Жизнь проявляется в семиотической деятельности, в ней формируются и культурно значимые смыслы сознания, которые находят отражение в текстовом наследии культуры и могут получать явное или едва уловимое, но осевшее в ткани языка тончайшее выражение в языковых явлениях и процессах. Прежде всего, в самой субстанции и структуре языка, в функциональной специфике всех его подсистем. Таким образом, *этнолингвистика* находит свой предмет в изучении закономерностей этноязыковых связей, а *диахроническая этнолингвистика* исследует их в историческом контексте, что позволяет рассматривать историю этноса и историю языка как взаимодействующие в надсистеме устойчивые детерминантные процессы.

Процесс *передачи этнического опыта* подразумевает *преемственность этнических традиций и определенной системы ценностей*. В этой связи важно отметить, что этносы, как динамические поля, постоянно обмениваются энергией и энтропией с окружающей средой. В этом обмене *этнической традиции* отводится роль специфического регулятора отношений со средой [Гумилев, 1994б, с. 130–131].

Выполняя специфическую регулирующую функцию, этническая традиция обеспечивает выживаемость и преемственность в этнической истории.

Поскольку передача этнических традиций осуществляется при непосредственном участии языка (как в устной, так и в письменной форме), то его можно рассматривать не только как информационное хранилище, но и как своего рода *инструмент, регулирующий взаимодействие этнических систем с их окружением*. Поэтому для этнологов очень важно сотрудничество с историками языка и культуры. Данные истории языка и культуры (в различных вариантах их существования) оказывают существенную помощь в *реконструкции процесса формирования этнокультурного типа* (в нашем случае англичан), что в значительной степени обусловлено природой самого объекта лингвистических исследований, т. е. языка.

Язык как информационно-кодирующая знаковая система существенно отличается от других информационных систем (например, электронных), целью которых является хранение фактической информации при наличии жестко заданных алгоритмов ее считывания. В отличие от других семантических кодов, *язык непосредственно участвует в создании этнических традиций и передаче этнического опыта* путем кодирования и декодирования *релевантной* (здесь: этнически значимой) информации, где алгоритмы считывания меняются в зависимости от состояния сознания людей и динамики этнических стереотипов в диахронии. Кроме того, в отличие от материальных объектов культуры, языки не подвержены «гниению», хотя и могут погибнуть вместе со своими носителями; если при этом не остается текстовых памятников, культура погибшего этноса невосстановима «изнутри». В большинстве своем, ставшие мертвыми, языки все же оставляют следы в новых языках, сменивших их в данном географическом ареале, либо новые языки создаются на их основе (как, например, французский на основе вульгарной латыни).

Но что релевантно? Что сохраняется и передается новым поколениям? И что нужно исследователю-историку для того, чтобы понять, как декодировать информацию, скрытую под толщей веков, и выявить закономерности цельносистемных языковых преобразований?

Теоретически здесь возникает две проблемы. Первая – расшифровка информации исследователями-лингвистами, а значит, определение объекта и единиц анализа, а также параметров внешней истории языка, подлежащих учету в историко-лингвистическом исследовании. В этом случае мы идем от внешней истории к внутренней и получаем доступ к *структурирующим условиям функционирования языка надсистемным факторам*. Вторая – использование доставшегося в наследство от предков коммуникативно-когнитивного кода (т. е. языка) каждым новым поколением его носителей. В этом случае мы должны изучать *онтогенез* и состояние сознания в этнических сообществах всех уровней, участие языка в этих процессах, а также *концептуальное историко-филологическое, духовное и в целом культурное наследие этнической истории*. На этом пути мы получаем доступ (через семиотику народной жизни) к содержанию внутренних этнокультурных процессов,

таких как, например, возникновение и разрушение этнокультурных типов народов, содержание информационной структуры и обмена внутри этнической системы в ходе ее самоорганизации. И в первом, и в особенности во втором случае исследователь-лингвист может обратиться к разработанному исторической этнологией и этнопсихолингвистикой понятию этнической картины мира.

Термин *этническая картина мира* используется в этнологии и лингвокультурологии, психолингвисты предпочитают в таких случаях говорить об *образе мира*. В качестве рабочего определения мы считаем необходимым принять предложенную С. В. Лурье трактовку этнической картины мира как некую систему внелогических понятий, большей частью бессознательных образов, которые служат каркасом и подоплекой этнической традиции в любой ее модификации [Лурье, 1998, с. 208–287].

Этническая картина мира представляет собой *сложное психическое образование*, в котором выделяются этнические константы и ценностная часть. *Этнические константы* – это совокупность иерархически организованных образов, которые могут «менять одежду» (как то: образ себя, врага, добра и зла, условий действия и пр.). Благодаря константам этническая картина мира может снимать психологическую угрозу от окружающего мира и обеспечивает члену этноса возможность действовать, поскольку ее константы нацелены на локализацию добра и зла, представлений о способе действия, при котором добро побеждает зло. Направленность же действия, само содержание деяний, задается ценностной ориентацией. Ценностная конфигурация более подвержена изменениям и может наполняться разным содержанием в разные периоды исторического существования этнической системы. Этнические константы, наоборот, довольно устойчивы, так как преимущественно относятся к сфере бессознательного. Таким образом, этнические константы задают способ действия, а ценностная конфигурация – его цель [Там же]. Этническая картина мира выполняет защитную, адаптационную и ориентационную функции в этнической системе. Субэтносы могут иметь свои варианты этнической картины мира.

Здесь, нам думается, уместно провести аналогию с сосудами, наполненными разными жидкостями. Жидкости принимают форму сосуда, формально «адаптируясь» под жесткие границы наполняемых емкостей. Принимая в целом такую модель этнической картины мира как оптимальную на данном этапе *рабочую модель*, мы, тем не менее, вынуждены обратить внимание на то, что сами образы-константы («сосуды») тоже должны были когда-то сформироваться и сложиться в определенную устойчивую конфигурацию и могут, вероятно, подвергаться разрушению, иначе раз возникшие на арене истории этносы существовали бы вечно, что явно противоречит реальности. Кроме того, этническая картина мира, как нам представляется, не может рассматриваться как статичный объект, она представляет собой скорее процесс, имеющий относительно устойчивые формы актуализации (нечто вроде *континуума состояний подобия*) в определенном исторически засви-

детельствованном пространственно-временном сегменте (вмещающем определенный этногенез).

Возвращаясь к аналогии с сосудами, заметим, что их наполнение – результат семиотического творчества, своего рода трансфер пассионарности. Таким образом, некая детерминантность процесса порождает надежду на теоретически как будто возможное семиотическое «измерение» пассионарности. Культурные процессы и все семиотическое творчество человека в целом, а также создаваемые им в ходе этого творчества жесткие социальные механизмы и структуры следует рассматривать, что вытекает, как нам думается, из теоретических постулатов Л. Н. Гумилева, как внешние, чрезвычайно разнообразные и богатые формы объективации этнических процессов (этногенеза), связанные тончайшими нитями с вмещающими ландшафтами.

§ 6. Этнические стереотипы и их структура

Универсальным критерием, на основе которого можно отследить этнические процессы на разных стадиях развития этнических систем, Л. Н. Гумилев считал этнические стереотипы, которые он непосредственно связывал с феноменом пассионарности, поскольку анализ стереотипов поведения помогает этнологу оценить общую силу и характер колебаний этнического поля в каждом конкретном рассматриваемом случае. Причем речь следует вести не о стереотипах поведения вообще, а о *доминирующих* в этнической системе *стереотипах* (моделях поведения), а значит, о *преобладающей мотивации* человеческого поведения на данном этапе этнической жизни.

Следует отметить, что само понятие этнического стереотипа неоднозначно в современной этнологии и этнопсихолингвистике. Так, помимо уже упоминавшейся здесь трактовки этнических стереотипов как относительно устойчивых (но динамичных во времени), преобладающих в каждый отдельно взятый период истории этноса *моделей поведения*, этническими стереотипами часто называют *стереотипы восприятия*. Последние определяются А. П. Садохиным как «упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, распространяемый на всех ее представителей» [Садохин, 2000, с. 170]. На основе таких схем у каждого народа формируется общее представление о разных народах и о себе самом, иными словами, создается некий этнический образ, по словам А. П. Садохина, это «форма краткого описания», основанная на чувственном восприятии представителей того или иного этноса в целом [Там же, с. 171]. Пример такого стереотипа восприятия: «Все русские ленивы, а китайцы трудолюбивы, немцы пунктуальны, а французы галантны». Психолингвисты в таких случаях ведут речь об авто и гетеростереотипах восприятия себя, своих и чужих. Для изучения таких явлений раз-

работаны специальные экспериментальные методики исследования (см., например: [Сорокин, 1995; 2007; Тарасов, 2006; Уфимцева, 2002; Крысин, 2002; и др.]).

Несомненно, что в языке в той или иной форме находят отражение все аспекты такого многомерного понятия, как этнический стереотип, все они изучаются в этнолингвистике. Однако для изучения общих параметров коэволюции английского языка и сообществ его носителей нам придется сосредоточиться на базовом в теории этногенеза понятии *этнического стереотипа* как «*изменяющегося по ходу времени комплекса стандартов поведения членов этнической системы*» [Гумилев, 1994б, с. 609].

Структура стереотипа поведения этноса при этом создается строго определенной *нормой взаимоотношений между*: а) этническим коллективом и индивидом; б) индивидами; в) субэтносами (внутриэтническими группами); г) этносом и субэтносом. Сюда также включаются: навыки адаптации в ландшафте и нормы отношения к иноплеменникам [Гумилев, 2002, с. 546].

Типичные модели поведения в различные периоды этногенеза могут существенно меняться. Ранние этапы этнической жизни (творческие фазы этногенеза) обычно характеризуются высокой степенью пассионарности. Она-то и подталкивает народы к расширению географического ареала их обитания, к преобразованию природных ландшафтов, помогает выстоять в военных столкновениях с другими этническими системами и создать свои самобытные культурные традиции. Именно в эти периоды складываются основные особенности этнокультурного типа народа.

Когда значительная часть энергетического потенциала израсходована и географическое расширение становится невозможным, этническая система концентрирует энергию на своих внутренних потребностях, в особенности на создании и поддержании самобытных традиций и культурных ценностей. Это период этнического самосознания и борьбы за признание своей этнической самобытности. В этих условиях осознается важность родного языка, который ассоциируется в сознании людей с этнической принадлежностью и самобытностью.

Дальнейшая утрата пассионарности может привести к тому, что основная масса людей уже не в состоянии изменить свои стереотипы поведения так, чтобы, приспособившись к окружающей среде, переломить ситуацию (когда в этом возникает необходимость) в нужном для выживания всей этнической системы направлении. Если в обществе возобладают модели поведения, нацеленные на «сохранение своей собственной шкуры» и удовлетворение сиюминутных потребностей, этническая система может вступить в фазу этнической *обскурации* (разложения), в которой разрушительные для всей системы стереотипы начинают оправдываться обществом и не получают осуждения. Эту фазу проживала Римская империя эпохи «варварских» атак со стороны германцев в последние века своего существования. В результате обскурации вся этническая система упрощается и

утрачивает необходимую гибкость. Иногда она распадается даже без всякого вторжения извне.

Итак, утрата пассионарности системой находит свое выражение в динамике этнических стереотипов. *Смена этнических стереотипов, в свою очередь, сопряжена с постоянной переоценкой ценностей (т. е. направленности деятельности этноса), что оказывает регулирующее воздействие на процесс отбора, сохранения и считывания кодируемой языком информации.* Примерно то же самое имел в виду Дж. Юл, когда, рассуждая о неизбежности языковых изменений, писал, что каждому представителю нового поколения в поисках способов использования языка предков приходится «воссоздавать» его для себя (has to 'recreate') [Yule, 1985, p. 176–177].

Думается, что в ходе этого «воссоздания» на фоне переоценки ценностей (смещений в этнической картине мира) и происходит кодирование этнического опыта в системе языка. Опыт обычно оседает в определенных формах, ментальных по своей природе сущностях, а процесс формирования этих сущностей называется *категоризацией*. В когнитивной лингвистике категоризацию описывают как упорядочение знаний о мире, в ходе которого новые знания об объектах (и сами объекты) подводятся под уже известные рубрики (категории). Формирование категорий и их видоизменение становится результатом категоризации.

В этой связи категоризацию этнокультурного *опыта* можно рассматривать как *оформление нового опыта этнических контактов и изменений в качестве относительно устойчивых элементов этнической картины мира* – образов сознания в определенной системно-иерархической организации. Но отследить динамику этих процессов можно только в диахронии, изучая лингвокультурные изменения в системе на фоне засвидетельствованных историей ключевых событий в жизни этноса.

Всякий раз при переходе от одной фазы этнической жизни к другой этнос производит так называемый *трансфер этнических констант* (термин С. В. Лурье), т. е. наполняет эту сетку образов новым содержанием, что сопровождается сменой этнических стереотипов. Это явление можно также описать как смену мировоззренческих установок в ходе самоорганизации этнической системы в изменившейся среде. Если периоды внутри фаз характеризуются определенной устойчивостью и дают яркие модели описания семиотики этнических процессов, то межфазовый переход исключительно важен для понимания глубинных подсознательных механизмов самоорганизации этнических систем, для наблюдения за созреванием новых смыслов.

§ 7. Этнокультурные доминанты. Параметризация этнической истории

Для наиболее полного понимания процессов и закономерностей, определяющих жизнь интересующего нас этнического сообщества в отдельно взятой фазе этногенеза, нам необходимо установить, какие именно параметры этнической (внешней для языка, как системы иного порядка) истории внутри каждой фазы этногенеза доступны для изучения и объединяются в общую категорию как семиотические проявления жизни этноса на определенной фазе, отличной от предыдущих и последующих.

К числу таких параметров, объединенных по принципу их значимости в самоорганизации этноса, мы относим: *этнокультурные доминанты*, которые могут рассматриваться в их семиотической (финальной) части как ментальные репрезентации мировоззренческих процессов в этнической картине мира; сопряженные с ними *адаптационно-деятельностные модели* и *жесткие социальные структуры* – все они плод самоорганизации этнической системы. Все эти параметры – разнопорядковые *семиотические маркеры внутренних этнических процессов* – проявления творческого начала пассионарности. Все требуют пассионарного творческого вклада. Понять содержание отдельно взятой этнической фазы без их анализа не представляется возможным. Вместе с тем, рассмотрение этих параметров, их идентификация и описание требует выделения соответствующих междисциплинарных единиц анализа, тем более что собственно лингвистические методы мало что дают в исследовании этих объектов. Тем не менее, лингвисты постоянно обращаются к этим аспектам этнической жизни, что, вероятно, связано с их формирующим влиянием на языковую систему.

Рассмотрим все три параметра по порядку.

Первый объект исследования этнических процессов – этнокультурные доминанты. Этнокультурными доминантами мы называем более-менее устойчиво взаимодействующие *мотивационные установки* (иерархию мотивов и установок), доминирующие внутри определенной этнической группы (субэтноса, этноса, суперэтноса), формирующие потребности ее членов и определяющие основные социокультурные параметры ее самоорганизации, т. е. ее функциональный статус в (супер)этнической системе. Этнокультурные доминанты находят *комплексное семиотическое выражение* в структуре и содержании преобладающего стереотипа поведения, в относительно устойчивой системной организации образов сознания, в ценностных предпочтениях.

Этнокультурные доминанты всегда воплощаются в языке и культуре в целом. В частности, они *вербализуются* в языковых номинациях и текстах. В последних могут бытовать в виде *ценностно маркированных идеалов* (идеальных конструктов, концептов, идеологем) и могут быть результатом и (или) становиться предметом рефлексии авторов, а в речевой практике – *орудием речевого воздействия* на

сознание реципиентов («соотечественников»). При организации совместной деятельности членов этноса составляющие этнокультурные доминанты «ценности» могут использоваться как мотивы, идеальные «объекты», отсутствие которых эмоционально глубоко переживается в обществе.

Творческое воздействие пассионарной личности при изменении (коррекции) этнокультурных доминант, вероятно, может осуществляться через обратное (направленное не на удовлетворение, а на формирование потребности) комплексное семиотическое же воздействие, а также специфическое воздействие идеальных (концептуальных) построений, имеющих прогностический характер по отношению к стереотипу поведения, опирающихся на системность образов сознания и формирующих новые (видоизмененные) потребности у членов этнической группы. Возможно, имеет смысл вести речь о диапазоне воздействия. Разрушительное начало связано с наличием энергетического предела – либо слишком высокая пассионарность, ломающая устойчивость установок группы, мешающая построить целостный образ совместной деятельности, либо слишком низкая пассионарность, приводящая к деградации самого механизма формирования социально значимых потребностей.

В исторической этнологии этнокультурные доминанты, вероятно, могут рассматриваться как частные формы бытования этнической картины мира, как *формы трансфера «этнических констант»* (при наличии выраженного этнокультурного типа). Формирование этнокультурных доминант происходит в ходе внутриэтнических взаимодействий субэтносов (этнических групп), в которых в качестве катализатора выступает сложившаяся у этноса на тот момент времени *культурная тема* (для русских это, по мнению С. В. Лурье, «государственность»). Для колониционной доминанты англичан нового времени характерна уже упоминавшаяся имперская тема «сообщество – империя», вокруг проигрывания которой строились внутриэтнические и межэтнические взаимодействия.

Содержание этнокультурных доминант сильно отражается на стереотипах восприятия иных этносов и характере межэтнических контактов всех уровней. Идентификация исследуемых процессов в силу самой их природы и аберрации собственной картины мира исследователя, определение единиц анализа и методов представляют собой области крайне дискуссионные. *Предмет анализа* мы определяем как содержание доминант, их формирование и устойчивость, взаимодействие с другими детерминантными процессами и средой.

Несомненно, исследование этнокультурных доминант в историческом аспекте также относится к области изучения сознания. Динамика изменения сознания фиксируется в специфике вербальных ассоциаций различных этносоциальных групп, которые поддаются фиксации и измерению. Этот процесс можно отслеживать по косвенным признакам с более-менее точным инструментарием, но в силу специфики объекта никогда нельзя быть стопроцентно уверенным в правильности спрогнозированной модели на выходе. На входе – параметры (факторы), исходные

исторические знания о системе, о культурной теме, основных институциональных образах и их конфигурации для уже известных ранее состояний этнической картины мира, иногда фрагментарных знаний о живой системности образов (после массового ассоциативного эксперимента). На выходе – предсказание того, какую мировоззренческую направленность может выдать данная этническая группа, если предполагаемый «катализатор» будет устойчиво воздействовать на процесс. Современные технические средства позволяют также произвести «замеры» устойчивости формирующихся смыслов, опираясь и на возможности корпусной лингвистики. Иначе говоря, в какой-то мере можно если не спрогнозировать, то измерить, какого рода содержание зреет на выходе при определенном уровне устойчивости заложенных на входе смыслов, по крайней мере, с помощью технических средств это становится доступно для статистической обработки. Единицами анализа в *психолингвистике* при этом выступают *образы сознания*, в *лингвокультурологии* и *когнитивной лингвистике* – *концепты, фреймы, схемы, наполненность семантических оппозиций*, все, что составляет содержание картины мира.

Этнолингвистический анализ на этом уровне – это всегда *анализ воплощенности в языковых формах, категориях, структурной организации и функциональной специфике языковых подсистем процессов переработки и категоризации этнокультурного опыта*. Речь идет о самых разных формах опыта, идущих от разных каналов восприятия и переработки информации с итоговым превращением ее в семиотику ментального плана.

Таким образом, описание этнокультурных доминант теоретически должно давать ответ на вопросы о том, в каких формах оседает (категоризуется, концептуализуется) этнический опыт в сознании носителей языка и как эти формы отражаются в языке, речевой деятельности и текстах. В историческом рассмотрении нам доступны только тексты с зафиксированными в них языковыми формами и концептуальными сущностями. Провести экспериментальную работу по выявлению образов сознания древних англичан, естественно, не представляется возможным.

Видимо, те концептуальные сущности (содержание ценностных ориентиров и мотивов), которые воплощают этнокультурную доминанту в каждый отдельно взятый период жизни этноса, образуют своего рода *концептосферу* (некий ментальный артефакт – совокупность значимых, символических для данного этапа концептов, постоянно ассоциирующихся друг с другом таким образом, что упоминание одного может вызвать в памяти ассоциации с другим). Такие концептосферы помогают этносу сформировать (содержательно наполнить) образ совместной деятельности и эффективно организовать свою пассионарность: осознать общую цель, мобилизуя энергию на исторические свершения во имя этой цели.

Этнокультурные доминанты у разных этнических групп могут быть наполнены несколько разным содержанием: оно может быть религиозным и (или) моральным, и (или) идеологическим, и (или) военно-политическим, и пр. Все это можно назвать *императивами эпохи*. Принятые в нарождающейся этнической общности

ценностные императивы модифицируют исходное этнокультурное сочетание таким образом, что на его основе в ходе этногенеза рождается новый вариант этнической картины мира (менталитет). У динамических этносов (переживающих этногенезы) этнокультурные доминанты меняются на протяжении всей жизни этнической системы; соответственно меняются и этнические стереотипы. Во второй части книги мы наблюдаем с помощью филологического анализа древне- и среднеанглийских текстов за сменой нескольких этнокультурных доминант в творческих фазах этногенеза у англичан.

Второй объект рассмотрения, помимо собственно доминант, – *жесткие социальные структуры (системы)*, которые этнос (субэтнос, суперэтнос) выстраивает в соответствии с этнокультурными доминантами в ходе своей самоорганизации. Эти социальные структуры обеспечивают вертикальные и горизонтальные связи субъектов социального взаимодействия. Творческая институционализация новых и разрушительная деинституционализация прежних социальных образований коррелируют с ориентационной направленностью этнокультурных доминант. Так, для воплощения в жизнь колонизационной этнокультурной доминанты англичанам пришлось организовать специальные социальные структуры – религиозные и торговые кампании (сообщества), которые в свою очередь активно воздействовали на социальные структуры внутри всех этносов-объектов колонизации. Исследование жестких социальных структур опирается на традиционные исторические и социологические методы.

Третий объект – адапционно-деятельностные модели, воплощающие в себе направленность этнокультурных доминант и сопровождающиеся институционализацией соответствующих социальных структур. Адапционно-деятельностная модель не может рассматриваться как простая совокупность действий «типажей» эпохи. В исторической этнологии адапционно-деятельностная модель ассоциируется с «проигрыванием драмы» внутриэтнического функционального конфликта вокруг определенной культурной темы [Лурье, 1998]. Однако внутри этой «драмы» на смене фаз и происходит зарождение ориентационного мировоззренческого процесса. Внутри этой драмы и разворачиваются конкретные судьбы и *деяния личностей*, оцениваются и переоцениваются их *поступки* и институционализируются «оптимальные» *модели поведения* (при жизнеотрицающем мировоззрении «оптимальными» могут представляться и разрушительные для системы образцы, тем не менее их также можно рассматривать как формы адаптивности).

Что здесь может рассматриваться как единица анализа этнических процессов? Как мы уже говорили, для организации совместной деятельности этносу необходимо наполнить нравственно значимые семантические оппозиции, т. е. такие оппозиции, которые создают константные матрицы в этнической картине мира и способствуют появлению условий направленной деятельности. Например, «добро – зло»; «свой – чужой»; «я – мы», все они формируют комплиментарность в том смысле, который этому термину придавал Л. Н. Гумилев (как положительную, так

и отрицательную) [Гумилев, 2002, с. 526]. Все эти семантические сетки, будучи наполненными личностным смыслом, помогают субъектам деятельности выстроить *систему табу*, различных ограничений для того, чтобы можно было *действовать без ущерба для жизни и(или) равноценных идеалов, самоорганизоваться в совместной деятельности* на этой основе, т. е. сформировать общий образ совместной деятельности. В таком приближении *действие* становится *нравственным актом*, а *единицей анализа* становится поступок, во всех своих разновидностях – деяние, проступок, грех, подвиг, который подвержен рефлексии и оценке со стороны других членов этнического сообщества.

Причем поступок становится единицей анализа конкретной личности, а поступки являются единицами анализа, по которым можно косвенно судить об этнокультурных доминантах и адаптационно-деятельностных моделях всей системы, они могут рассматриваться в том числе и как единицы влияния на формирование этнокультурных доминант.

Таким образом, исследование адаптационно-деятельностных моделей и этнокультурных доминант – это еще и наблюдение над поиском и оценкой нравственных решений, которые дает конкретная этническая культура в переломные эпохи своей жизни. В процессе проигрывания «драмы» внутриэтнического функционального конфликта ориентационный мировоззренческий процесс направлен на снятие идущих изнутри и извне угроз (в том числе и от внешних идеологов), репрессируя их с помощью содержательного духовно-нравственного наследия родной культуры, корректируя на этой основе возникающие модели отношений и действий. Мерилом здесь выступают поступки отдельных личностей, которые могут содержать в себе как конструктивное, так и деструктивное начало и служат моделями оптимизации мобилизационной деятельности. Анализ описанных в древних текстах поступков отдельных людей во второй части книги позволит нам определить в общих чертах, какие модели поведения (и соответственно ценностные ориентиры) преобладали в ту или иную эпоху этнической истории Англии.

Таким образом, мы выделили единицы анализа этнических процессов и определили эту область исследования как междисциплинарную. Здесь история языка взаимодействует не только с естественнонаучными дисциплинами, но и с другими гуманитарными дисциплинами, включая общую филологию, и с пограничными лингвистическими отраслями: исторической этнолингвистикой, социолингвистикой, психолингвистикой, когнитивной лингвистикой, исторической типологией.

Когда же мы говорим о единицах анализа в языке как признанном объекте лингвистического исследования, мы имеем в виду следующее.

Единица анализа – функциональный элемент языковой субстанции и структуры, который исследователь идентифицирует как материал для эмпирического анализа в зависимости от целей своего исследования. Вероятно, в междисциплинарных областях, связанных с использованием языка, языковые (речевые) единицы анализа должны определяться на основе их функции по отношению к надсис-

теме более высокого порядка. Это специфическая семиотическая (символическая) функция, которая присуща не только отдельным единицам, но может проявляться и в целых группах, подсистемах и парадигмах языковых знаков. Там, где функционирование языковых единиц не может быть понято без их семиотической нагрузки в надсистеме, как правило, применяются такие методы анализа, которые рождаются вне собственно лингвистических возможностей, и тогда возникают пограничные с иными областями научных знаний лингвистические дисциплины, что, в принципе, отражает холистичность процесса познания как такового. В этом случае и лингвисту приходится оперировать непривычными для него, но необходимыми ему единицами анализа и метаязыком. К таким единицам можно отнести у психолингвистов – *образы сознания, ассоциативно-вербальные сети*, у лингвокультурологов, когнитивистов и семиотиков – *концепты, концептосферы*, а также *фреймы, схемы, фрагменты, модели, стереотипы поведения*, которые мы конкретизируем в нашем ракурсе как достойные нравственной оценки *поступки*, являющиеся сами по себе семиотическими единицами-маркерами стереотипа поведения и объектами семиотического анализа со стороны наблюдателя. Все эти единицы изучаются как носители смыслового содержания, знаки культуры и рефлексии общества над этим ее содержанием.

§ 8. Этнические субстраты и их вербальное наследие в истории английского языка

В результате прошедших в истории Англии этногенезов в английском этносе можно выделить (вслед за Л. Н. Гумилевым) следующие *субстраты*⁹ (предшествующие этносы), появившиеся в ходе активных межэтнических контактов: *саксы, англ, кельты (в основном женщины), даны, норвежцы и французы*. Эти субстраты оформились в английском этносе в период формирования его этнокультурного типа. Вероятно, теоретически можно построить динамическую и объемную синхронно-диахронную модель этногенезов, в которой были бы отражены процессы формирования каждого субстрата. Очевидно, что тот таксон, который при рассмотрении определенной фазы в этнической системе (синхронный ракурс) классифицируется как субэтнос, в диахронном ракурсе превращается в этнический субстрат. Так, например, даны эпохи короля Альфреда и в особенности его преемников на троне могут рассматриваться, с нашей точки зрения, как субэтнос.

Каждый из этнических субстратов оставил свое наследие в английском языке, которое изучается историками языка. В дальнейшем мы будем оперировать терминами *этнические субстраты* и *лексические этимологические слои*, представляющие собой вербальное наследие соответствующих этнических субстратов: *англо-*

---

⁹ Этническим субстратом Л. Н. Гумилев называет совокупность этносов, послуживших исходным материалом для образования нового этноса.

саксонский (англы, саксы, юты, фризы), *скандинавский* (даны, норвежцы), *кельтский* (кельты) и *французский или романский* (французы) соответственно. Каждый из этих лексических слоев имеет свои особенности, которые в конечном счете обусловлены особенностями межэтнических контактов в эпоху появления соответствующего этнического субстрата в этнической системе (которую мы теперь называем *англичанами*).

Этимологическая стратификация лексического состава всегда является своего рода кодом межэтнических контактов, но этот код не обязательно изоморфен (т. е. структурно подобен) выделяемым в этнической системе носителей языка субстратам. Поэтому здесь мы будем вести речь только о тех этимологических слоях, которые соотносятся с вышеупомянутыми этническими субстратами, сложившимися в ходе творческих фаз этногенезов в Англии не позднее среднеанглийского периода, до начала колониционной экспансии за пределы Европы, а это: англосаксонский этимологический слой, ранний кельтский, скандинавский (датский и норвежский) и французский (англо-норманнский).

В дальнейшем мы увидим, что оформление этих этимологических слоев в основном хронологически совпадает с активной фазой структурно-типологической перестройки языка, поэтому возникает вопрос: какова функциональная нагрузка каждого из них во внутриязыковой историко-типологической доминанте? Исследователи давно заметили, что в английском языке в функциональном плане исконная лексика сильно отличается от заимствованной, в связи с этим говорят даже о типологической разнородности лексического состава английского языка (см., например: [Плоткин, 1989, с. 124–225; Hughes, 1989, p. 17–23; 2000; Mills, 1990, p. 187–190; Вупон, 1996, p. 239; и др.]).

Действительно, проведя подсчеты по словарям и обобщив результаты (см.: [Шапошникова, 1999; 2003])¹⁰, мы увидим, что количество французских (и в целом романских) заимствований возрастает по мере усложнения структуры слова: примерно в 2 раза у дисиллабов по отношению к моносиллабам, у полисиллабов их абсолютное большинство. Основная масса англосаксонских слов, напротив, сосредоточена в сфере моносиллабизма, у дисиллабов их примерно в 1,8 раза меньше, у полисиллабов – ничтожное количество. Сходное соотношение и в случае со словами скандинавского происхождения. Значительное количество романских заимствований даже в сфере моно- и дисиллабов наталкивает на мысль о том, что противопоставлять исконную лексику заимствованной нужно очень осторожно.

---

¹⁰ Слова англосаксонского происхождения составили 55 % у моносиллабов, 35,5 % – у дисиллабов и 2 % – у полисиллабов. Слова скандинавского происхождения: 14 % – у моносиллабов, 8 % – у дисиллабов. Слова французского происхождения: 27 % – у моносиллабов, 51,5 % – у дисиллабов и 92 % – у полисиллабов. Слова кельтского происхождения: 3 % – у моносиллабов, 1,5 % – у дисиллабов. Все остальные слова в нашей выборке – из других, нерелевантных для анализа источников.

Для того, чтобы выяснить, как каждый из интересующих нас этимологических слоев участвует в структурно-типологической перестройке, попробуем определить, в каком отношении к ядру лексической подсистемы современного английского языка находится каждый из этих слоев. Для этого необходимо сформулировать критерии отнесенности конкретных лексических единиц к типобразующему ядру. Иными словами, определить степень активности каждого слоя в формировании устойчиво продуктивных типов в современном (новоанглийском) языке, который мы идентифицировали в первой главе как язык аналитический с сочетанием неярких признаков корнеизоляции и агглютинации.

Учитывая все, что мы констатировали в отношении типа языка в первой главе, к числу параметров, определяющих принадлежность лексических единиц к типологическому ядру лексической подсистемы в современном английском языке, следует отнести наличие у них следующих устойчиво выявляющихся характеристик:

1) участие в аналитических моделях лексеобразования (в создании аналитических номинативных биномов), например: *go down, have a look, come running, be ill*;

2) использование аффиксации для создания дериватов агглютинативного типа; поскольку таковые создаются в основном с участием аффиксов германского происхождения, этот параметр можно условно назвать «участие в аффиксации по германскому типу» (*lovely, loveliness, hopeful, hopelessness*); вспомогательные показатели, позволяющие по контрасту определить оптимальность представителей ядра: использование только заимствованных аффиксов и способность образовывать гибриды, т. е. дериваты с германскими и заимствованными аффиксами одновременно;

3) участие в словосложении (условно: «по германскому типу») с образованием высоко аналитичных сложных слов без соединительных гласных, с прозрачностью общего значения, легко выводимого из значений компонентов (например: *a do-it-yourselfer, housewife*);

4) частеречная гибкость, т. е. способность использоваться в функциях, присущих разным частям речи, без изменения формальных морфологических показателей в словоформе (синтактико-позиционная перекатегоризация, как у *round*);

5) отсутствие регистровых ограничений в употреблении слова, приводящих к специализации значения (ср.: *slow down* и *decelerate*);

6) в семантической структуре слова особенно развитая полисемия, т. е. многозначность (например, у *break, ball* и др.), или эврисемия – широкозначность (как у глаголов *get, have, make, take* и др.).

Если все количество безусловно ядерных лексем (т. е. тех, которые демонстрируют ядерные свойства по нескольким параметрам) во всех трех лексических субстратах принять за 100 %, то получится такое соотношение по функциональной нагрузке лексических слоев в ядре: англосаксонские моносиллабы –

35 %, англосаксонские дисиллабы – 18 %, скандинавские моносиллабы – 9 %, скандинавские дисиллабы – 4 %, французские моносиллабы – 15 %, французские дисиллабы – 19 %.

Таким образом, в ходе своего исторического развития лексическая подсистема английского языка претерпела глубокие изменения количественно-качественного плана. Эти изменения отразили мощное влияние внешнего (этнического) фактора в творческих фазах этногенеза.

Изучение этнокультурных доминант представляется нам особенно оправданным с лингвистической точки зрения не только очевидностью использования языковых данных как средства познания информационной внутриэтнической среды. Этнокультурные доминанты помогают увидеть этнокультурные (ментальные) параметры, в которых функционирует язык, почувствовать изменчивость самих условий, которые создают запрос на изменение функциональных параметров языковой системы. Это позволяет судить об условиях сохранения языковой системой тождества самой себе, *функциональной адекватности* этой системы по отношению к категоризации этнокультурного опыта этноса, по отношению к *этногенезу*.

Описанный здесь понятийно-категориальный аппарат позволяет исследовать состав и характер языкового наследия конкретной этнической эпохи и функциональные параметры каждой подсистемы в этом языковом наследии, их корреляции с функциями субэтносов, оставивших это наследие. Далее – участие этих процессов в формировании устойчивых типов в языке. Это можно назвать влиянием на строевые параметры языка. Можно зафиксировать строевую специфику различных участков словаря, что мы и начали делать в данном параграфе, чтобы найти «вместилища» (субстанцию) типологически релевантных процессов, где закладываются устойчиво продуктивные модели в языке. Из нашего экскурса в этнологию можно также сделать вывод о том, что для измерения тонких параметров настройки типа живого современного языка требуется много больше, чем фактическое знание истории языковых изменений, нужно как минимум знание о *взаимодействии языкового и внеязыкового сознания каждого конкретного этнокультурного сообщества* его носителей ¹¹.

§ 9. Выводы

Взаимодействие внешней и внутренней истории языка нуждается в понятийно-категориальном аппарате исследования междисциплинарного характера. Использование данных исторической этнологии позволяет выявить и оценить сложность, неоднородность и другие показатели этноязыкового сообщества не только с

---

¹¹ О понятийно-категориальном аппарате и проблемном поле теорий языкового сознания можно узнать из: [Языковое сознание..., 2004]; см. также критический обзор подходов в: [Ушакова, 2000].

внешней структурной стороны, но и на основе анализа семиотических проявлений внутренних, формирующих эту неоднородность и единство процессов, которые выявляются на уровне суперэтнотосов и получают специфику на уровне этносов. Такая постановка задачи в итоге позволяет максимально учесть динамику взаимодействия языкового и внеязыкового сознаний каждого конкретного этнокультурного сообщества как фактор самоорганизации языковой системы.

Объектами изучения внешней истории языка при этом являются параметры, позволяющие оценить текущее состояние исследуемой этнической системы: этнокультурные доминанты как формы трансфера этнических констант, сопряженные с ними адаптационно-деятельностные модели и жесткие социальные структуры – плод текущей самоорганизации этнической системы. Все эти параметры – разнопорядковые семиотические маркеры внутренних этнических процессов.

В качестве единиц анализа в этом междисциплинарном поле фигурируют образы сознания, ассоциативно-вербальные сети, концепты, концептосферы, а также фреймы, схемы; фрагменты, модели и стереотипы поведения, которые мы конкретизируем в нашем ракурсе как достойные нравственной оценки поступки. Все эти единицы изучаются как носители смыслового содержания, знаки культуры и рефлексии общества над этим ее содержанием.

Все описанные во второй главе параметры внешней (этнической) истории языка оказывают формирующее воздействие на типологически релевантные условия его функционирования. Полученные с их помощью знания могли бы существенно дополнить и расширить возможности традиционного для исторической социолингвистики анализа языковой ситуации.

Глава III

Периодизация истории языка.

Вариативность английского языка в историческом аспекте

§ 1. Периодизация истории английского языка

Как же соотносятся на оси исторического времени системные языковые изменения и этнические процессы?

Традиционно периодизация истории английского языка охватывает преимущественно эпоху письменных памятников и включает в себя три крупных периода: **древнеанглийский**, **среднеанглийский** и **новоанглийский**. Как и любая историческая периодизация, она носит условный характер, так как в реальности процесс исторического развития живого языка не содержит скачков и перерывов от периода к периоду. Ниже дается описание периодизации истории английского языка, не противоречащее традиционному, но с особым акцентом на типологическом факторе, что обусловлено самим характером исторических преобразований в системе английского языка. Поскольку в истории этого языка, как мы уже выяснили, имела место радикальная структурно-типологическая перестройка, древнеанглийский предстает перед нами в многочисленных текстах как язык, структурно организованный по неяркому флективному и синтетическому типу, в структуре же современного английского языка наблюдается совмещение неярких признаков корнеизоляции и агглютинации на фоне высокой степени аналитичности. Очевидно, что процесс перехода системы языка в новое состояние был постепенным, он занял несколько веков.

Обычно отсчет истории английского языка ведут примерно с середины V в. С этого времени начинается завоевание Британии западногерманскими племенами англосаксов, ютов и фризов. Окончание древнеанглийского периода датируют серединой XI в. (1066). Иногда конец древнеанглийского периода относят к середине XII в., примерно ко времени окончания записей в «Англосаксонской хронике».

Устанавливая хронологию, адекватную целносистемным преобразованиям английского языка, в качестве ориентира, видимо, надлежит выбрать типологический критерий. Это означает, что древнеанглийский период должен быть противопоставлен другим периодам истории английского языка по принципу преобладания в его системе флективных типов в языке, связанных между собой имплицативными отношениями. При этом мы должны учесть, насколько устойчива конфигурация этих типов и каким образом она менялась в общих чертах в течение этого периода. С этой точки зрения 1066 год, год Норманнского завоевания, может рассматриваться скорее как этническая, нежели лингвистическая граница.

Дело в том, что завоевание Англии норманнами, при всей важности этого события для последующей истории языка, не сопровождалось мгновенными изменениями в языке. Наоборот, изменения накапливались постепенно, а языковое наследие Норманнского завоевания проявилось значительно позднее самого события (в особенности в XIII и XIV вв.). Можно ли вообще обосновывать периодизацию истории языка исходя из экстралингвистических критериев (в данном случае – этнических)?

После возникновения этносы пребывают в историческом (а не в биологическом) времени и проходят в своем развитии ряд фаз. Лимитом такого развития, т. е. этногенеза, по мнению Л. Н. Гумилева, «является упрощение этнической системы до распада ее на отдельные персоны, т. е. снижение уровня на один порядок, от популяционного до организменного. Следовательно, историческое время дискретно, что отличает его от астрономического и биологического. Кроме того, оно может быть нарушено, точнее – оборвано активным межэтническим контактом, где этносы пребывают в разных фазах» [Гумилев, 1993, с. 756–757]. Этот вариант этнического развития Л. Н. Гумилев называет «смещением». Видимо, такой «обрыв» этногенеза, а точнее наложение этногенезов, восходящих к разным пассионарным толчкам, имел место в Англии после Норманнского завоевания.

Когда лингвист выстраивает периодизацию истории языка, он фактически имеет дело с историческим временем развития языка. Очевидно, что историческое время отдельно взятого этногенеза может совпадать с историческим временем языка, которым пользуется данный этнос. Но такие совпадения не абсолютны в принципе из-за дискретности этногенезов. Конечно, в случае гибели этноса язык может также уйти в небытие. Вероятно, это случается тогда, когда этнос погибает, не успев «дозреть» до фазы накопления культурных традиций, которая подразумевает развитое этническое самосознание. В таких случаях часто отсутствуют и письменные памятники, что делает этническую историю практически невозможной «изнутри». Так ушли в небытие некоторые восточногерманские диалекты.

Однако бывает и так, что историческое время развития одного языка покрывает историческое время нескольких этногенезов. Это и произошло в истории развития английского языка, продемонстрировавшего особую «живучесть». Выживание языка в условиях высоких информационных нагрузок под давлением бурных этнических процессов в период становления этнокультурного типа англичан стало возможным только за счет радикальной структурной перестройки, т. е. смены техники упаковки информации и природы канонических носителей значений.

Учитывая все вышесказанное, вернемся к проблеме датировки конца древнеанглийского периода. 1066 год был действительно поворотным пунктом в этнической истории Англии; он знаменовал собой окончание (обрыв) англосаксонского этногенеза и начало новой этнической эры. С этнической точки зрения весь ранний период истории английского языка был очень бурным. Так, *раннедревнеанглийский* отмечен *межэтническими контактами германцев и кельтов* в Британии.

Эти контакты зачастую носили очень жестокий характер и приводили к порабощению и истреблению кельтского населения (речь идет о *бриттах*). *Классический древнеанглийский период* характеризуется *интенсивными межэтническими контактами со скандинавскими викингами*, а в XI в., как уже упоминалось, приходит новая волна завоевателей – *норманнов*.

Любые этноязыковые контакты, сколь бы тесными они ни были, не могут отразиться в языковой системе сразу. Языковая система отличается определенной инерционностью (консервативностью), поскольку для кодирования и упорядочения поступающей через речевые каналы информации необходимо определенное время. Это еще раз убеждает исследователя в необоснованности построения хронологий, совмещающих границы периодов в развитии языка с границами фаз этногенеза на оси исторического времени.

Для того, чтобы построить типологически адекватную периодизацию истории английского языка с учетом динамики воздействия внешнего (этнического) фактора, полезно опереться на понятие *диффузности* границ между условно выделяемыми хронологическими периодами, которое отражало бы недискретный характер развития языка в его историческом времени. Так, XI–XII вв. не без оснований называют «*переходным периодом*». Действительно, этот период можно назвать переходным в том смысле, что в нем проявляется ставшая *устойчивой тенденция к разрушению флективного типа*. Вместе с тем, руководствуясь текстовыми материалами только этих веков и древнеанглийского периода в целом, еще невозможно предугадать дальнейший ход развития языка. Одновременно в XI–XII вв. начинает сказываться языковое наследие предшествующих эпох межэтнических контактов. К сожалению, современному исследователю древнеанглийского периода приходится иметь дело только с письменными памятниками. Следует предположить, что в разговорном языке все эти изменения могли несколько опережать письменную речь.

Образно говоря, древнеанглийский постепенно «*врасстал*» в среднеанглийский через «*переходный период*». Поэтому логично отнести XI и XII вв. как к древнеанглийскому, так и к среднеанглийскому одновременно и констатировать неоднородность состояния системы языка (с точки зрения доминирующих в ней типов) на протяжении древнеанглийского периода. Но при всей неоднородности состояний все они объединяются одной инвариантной сущностью, группирующей типобразующие характеристики древнеанглийского языка, – *флективностью* (рис. 1). В этом смысле характеристика древнеанглийского языка как периода «*полных окончаний*», данная Г. Суитом [Sweet, 1958], нуждается в уточнении, так как само наличие окончаний для периода, охватывающего V–XII вв., не вызывает сомнения, а вот «*полнота*» окончаний оказывается признаком, подверженным постепенной редукции во времени.

Неоднородность состояния системы языка была характерна и для *среднеанглийского периода*, который, следуя принципу диффузности исторических границ,

следует локализовать на оси исторического времени с конца XI в. до начала XVI в. При этом если XI и XII вв. демонстрируют нам типологическую доминанту к разрушению исходного (флективного синтетического) типа, то язык последующих веков внутри среднеанглийского периода дает исследователю достаточный материал для того, чтобы уточнить характер инноваций и определить общее направление развития типологически релевантных процессов на разных уровнях языковой системы. К концу среднеанглийского периода становится различимой тенденция к аналитизму, корнеизоляции и агглютинации.

Характерно, что в типологическом плане *среднеанглийский* был *наиболее динамичен* по сравнению с другими периодами. Можно сказать, что это была эпоха «поиска и экспериментов». Это был *период активной перестройки и адаптации системы языка к воздействию внешнего фактора*. В системе шел активный поиск путей ее упорядочения: сначала это были *варианты в рамках исходного типа* (XI–XII вв.), а позднее – *инновации в русле обозначившейся новой доминанты*. В этот же период оформляются и лексические пласты, отражающие первичные этнические субстраты в этнической системе англичан.

Новоанглийский период также не отличается однородностью. Г. Суит называет его периодом утраченных окончаний. Действительно, уже в ранненовоанглийском судьба флективных парадигм окончательно предрешена. В дальнейшем утрата флексий и некоторых чисто синтетических способов номинации продолжает компенсироваться новыми элементами, что постепенно приводит к *накоплению признаков перерождения типов* как словоизменительных, так и словообразовательных парадигм, *укреплению устойчивости новых типов в языке*.

Новоанглийский период сопряжен с экспансией английского языка по всему миру. А этот процесс сопровождается возникновением *новых англоязычных сообществ со сложной этнической структурой*. Это существенно повлияло на *неоднородность состояния языка не только в диахронии, но и в синхронии*.

Условно периодизацию истории английского языка на оси исторического времени можно представить следующим образом:

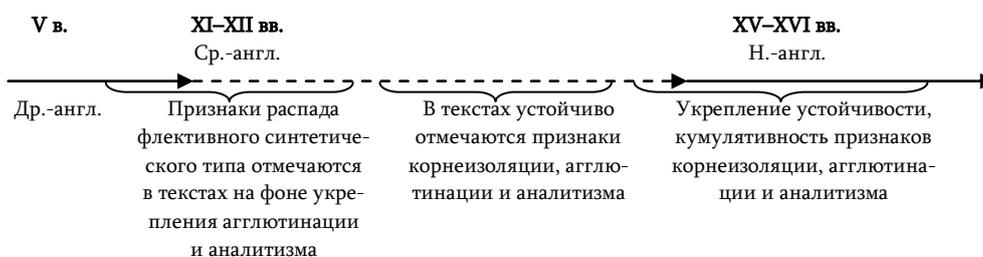

Рис. 1. Периодизация истории английского языка

Таким образом, историческое *время активной целносистемной перестройки английского языка* охватывает период примерно с XI по XV в., который оказывается особенно интересен и в этническом аспекте, поскольку именно этот значительный по протяженности временной отрезок вмещает в себя основные творческие фазы жизни этноса, сопряженные с *формированием этнокультурного типа англичан*. К тому же именно в течение этого периода в языке находило наиболее полное отражение наследие этногенеза предшествующих веков. Самыми «урожайными» по числу ассимилированных заимствованных единиц принято считать следующие периоды: для скандинавских заимствований – примерно с конца X до начала XIII в., для норманно-французских – примерно с середины XIII по XIV в. включительно.

§ 2. Общие сведения о древнеанглийских диалектах

Языки различных этноязыковых сообществ людей характеризуются разной степенью близости их субстантных и структурных характеристик. Решая вопрос о причинах сходств и различий между языками (диалектами), иными словами, о причинах языковой вариативности в разных ее воплощениях, лингвисты предлагают две модели развития этих процессов – дивергентное развитие и конвергентное.

При описании территориальной вариативности языка диалектологи оперируют понятием *диалектного континуума*. Это понятие позволяет описать диалектное многообразие речи носителей одного или разных этноязыковых сообществ, объединенных одной территорией. Континуум подразумевает постепенность, плавность переходов, отсутствие жестких границ. Действительно, границы между диалектами не могут быть такими же жесткими, какими бывают межгосударственные, политически установленные границы. Напротив, чем ближе два территориальных диалекта друг к другу, тем больше общих черт можно усмотреть в речи их носителей. Чем дальше мы продвигаемся от зоны непосредственных контактов двух этноязыковых сообществ, тем ярче становятся различия в их диалектах. Наконец, различие достигает такого состояния, когда взаимопонимание практически исключено, в этом случае можно говорить о разных языках. Когда различия такого рода описывают не только пространственно, но и во времени, то говорят о модели дивергентного развития, ведущего к постепенному накоплению различий в вариантах некогда одного и того же языка.

Дивергентное развитие предполагает расхождение (ответвление) от общего источника по разным направлениям с постепенным накоплением специфических черт для каждой ответвившейся группы, а позднее и каждой подгруппы и каждого конкретного члена каждой подгруппы. Модель генеалогического древа, объясняющая появление более поздних вариантов языков из гипотетически общих и более ранних состояний, при описании этих состояний и процессов дивергенции от них оперирует такими терминами, как праязык (protolanguage), семья языков (language family), расщепление общего праязыка-основы (split), сравнительная

реконструкция (comparative reconstruction) праформ языковых единиц. При этом материал для сравнения берется из более поздних состояний, зафиксированных в письменных памятниках древних и современных языков. Дж. Юл шутливо замечает по этому поводу: «It's a bit like trying to work out what the great-grand-mother must have been like on the basis of common features possessed by the set of grand-daughters» [Yule, 1985, p. 170].

Сравнительная реконструкция праязыковых (более ранних, как правило, не засвидетельствованных в письменных памятниках) состояний может быть выполнена с очень приблизительной точностью, последняя сильно зависит от хронологической глубины реконструкции. Тем не менее, в мире сохранилось достаточное количество текстовых памятников различных языков, чтобы можно было, опираясь на эти данные и дополняя их свидетельствами о более поздних языковых формах, вывести достаточно точные закономерности (регулярные соответствия) субстантно-структурных единиц родственных, т. е. предположительно восходящих к общему источнику, языков, для того чтобы с высокой степенью достоверности судить о типологическом состоянии отдельных архетипов. Исследованием этих вопросов занимается сравнительно-историческое языкознание и историческая типология языков. Еще в XIX в. лингвисты-компаративисты описали десятки фонетических закономерностей регулярных звуковых соответствий между родственными языками, группами и подгруппами внутри индоевропейской семьи, куда входят английский и русский. Речь идет о таких закономерностях, как первый перебой согласных – наиболее яркое фонетическое отличие германской группы языков от других индоевропейских языков, закон ротацизма и др. Для сравнительного анализа древнего материала выбирались корневые морфемы слов, образующих генетическое (не путать с описанным нами в первой главе типологическим!) ядро лексического состава родственных языков¹². Сюда относятся, как правило, самые древние слова – названия родственников, частей тела человека, простых действий, природных явлений, животных и растений из первоначального ареала распространения «родственных» этноязыковых сообществ. Такие слова называются словами, восходящими к одному общему корню (*cognates*).

Например, англ. *mother, father, brother, milk, bread, water* и нем. *Mutter, Vater, Bruder, Milch, Brot, Wasser* принадлежат к генетическому ядру лексического состава и восходят к общим прагерманским корням. А сравнение, например, рус. *папа* или лат. *pater* с родственными им английским и немецким *father* и *Vater* показывает, что германскому глухому щелевому [f] в других индоевропейских языках соответствует

¹² Слова, составляющие архетипическую лексику (генетическое ядро словарного состава), обычно сохраняют свою ядерную специфику и в составе типологического ядра лексической подсистемы, однако типологическое ядро отнюдь не исчерпывается этими словами, оно, как уже упоминалось во второй главе настоящего раздела (см. ч. I, гл. II, § 8), может быть весьма разнообразным по составу (см. предыдущую сноску).

глухой смычный [p]. Наличие такого соответствия в регулярных масштабах в целом ряде генетически восходящих к общему корню слов свидетельствует о фонетически закономерном отличии германских языков от других индоевропейских языков на регулярной, устойчивой основе. Это одно из регулярных, устойчивых соответствий, описанных еще Я. Гриммом и получивших название *первого перебоя согласных (закона Раска – Гримма)* (см. табл. П1–П2 в прил. 1). Родственные языки могут также иметь аффиксы общего происхождения, восходящие к общему для этих языков более древнему состоянию. Так, например, суффиксы прошедшего времени у так называемых слабых глаголов (обозначенный как *-ed* в английских и *-te* в немецких словах: *work – worked; machen – machte*) восходят к общему источнику, предположительно суффиксированному общегерманскому глаголу со значением «делать», имеющему общеиндоевропейское соответствие **dhē* (о поуровневых соответствиях в германских языках см. подробнее § 3 данной главы). Когда в научных текстах говорится о незафиксированных в письменных памятниках языковых единицах, эти единицы сопровождаются звездочкой, как в случае с **dhē*. Таким образом, языковые формы могут быть реконструированными, гипотетическими по сути (*unattested*), тогда перед ними ставится звездочка *, и зафиксированными в сохранившихся письменных памятниках (*attested*).

Иногда говорят о письменной фиксации целого диалекта или языка (*attestation*). Это случается, к примеру, когда хотят провести хронологическое сопоставление родственных языков. Так, Р. Лэс в своей книге «Old English» [Lass, 1997b] приводит классификацию германских языков на основе дивергентной модели с указанием примерной датировки появления надежных текстовых данных или фиксации устойчивой смены старых типов в уже имеющейся письменной традиции (рис. 3). Рассматривая всю группу германских языков, которая ответвилась в самостоятельную группу в составе индоевропейской семьи, он говорит о вторичном расщеплении от прагерманского (рис. 2):

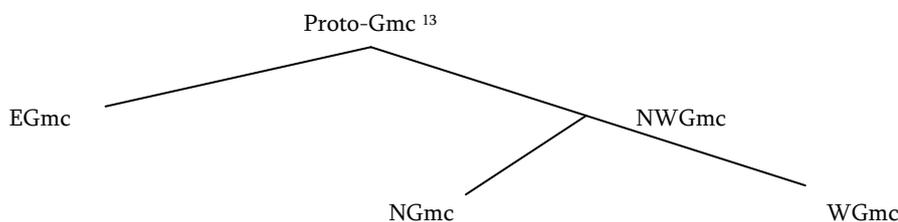

Рис. 2. Генеалогия германских языков

Первое расщепление, как показано в схеме, привело к образованию диалектных континуумов *восточногерманских* и *северо-западногерманских* языков (диа-

¹³ Здесь и далее в схеме на рис. 3 мы сохраняем систему обозначений Р. Лэса (расшифровку сокращений см. в прилагающемся к учебнику списке «Сокращения и символы»).

лектов). *Восточногерманские языки* (готский, бургундский, вандальский) исчезли еще в древности. Только от готов (некогда распространившихся от берегов Балтийского до Черного моря восточногерманских племен) сохранился весьма ценный для германистики письменный памятник – перевод Библии (части Нового завета) с греческого на готский, выполненный неким Вульфиллой, христианским миссионером (по отцу готом, по матери – греком). Перевод текста был выполнен примерно в IV в. н. э., дошедшие до нашего времени рукописи датируют V–VI вв. Специально для перевода Библии Вульфилле пришлось создать готский алфавит на основе видоизмененного греческого (подробнее о готской письменности и текстах см.: [Арсеньева и др., 2000, с. 95; Гухман, 1958 и более поздние издания]). Несмотря на то, что готы некогда в противостоянии гуннам образовали свои королевства на территории Европы (в Испании – вестготы, а в Италии – остготы) и даже совершали набеги на Рим (410 г. н. э.), им не удалось устойчиво самоорганизоваться под напором соседей и сохранить себя как этнокультурный тип, как, впрочем, и другим восточногерманским племенам. Дольше всего реликты готского языка сохранились в Крыму, вплоть до XVI в.

Другое восточногерманское племя вандалов образовало королевство в бывшей римской провинции в Северной Африке, куда их пригласили римляне для защиты своих границ. В 455 г. они атаковали Рим, обратив оружие против своих хозяев и оставив о себе память как о разрушителях памятников римской культуры (вандализм). Не сумев сохранить свою этническую целостность, восточногерманские племена большей частью растворились в среде римлян, а их языки были вытеснены различными диалектами вульгарной латыни. Л. Н. Гумилев видит причину такого хода восточногерманского этногенеза в неспособности покинувших исходное месторазвития племен выработать оригинальный уклад жизни на подвластных им новых территориях. Вместо того, чтобы адаптировать свои формы ведения хозяйства к новым условиям среды, они предпочитали жить за счет местного населения. Отягощающим фактором стало и то, что сельское хозяйство самой Римской империи в это время находилось в упадке. Практически эти племена разделили судьбу римлян в фазе обскурации.

Все *северогерманские языки* сохранились до нашего времени (датский, норвежский, шведский, исландский, фарерский). В древности северогерманские племена населяли северную часть Ютландского полуострова и Скандинавию. Различие между их диалектами длительное время было незначительным, поэтому лингвисты считают, что можно говорить об *общескандинавском языке-основе* вплоть до начала движения викингов [Арсеньева и др., 2000, с. 116]. Этот язык еще называют древнесеверным (Old Norse).

Самые ранние письменные памятники северо-западногерманского происхождения выполнены древнегерманскими рунами. Один из самых ранних относится приблизительно к 200 г. н. э. и представляет собой надпись, которую мы приводим вслед за Р. Лэсом [Lass, 1997b, p. 12] в транслитерации латиницей с рунического текста с переводом на современный английский:

Bida-warijaz talgidai
Bida-Warijaz carved (this)

Приведенный здесь текст показателен в плане воспроизведенных в нем раннегерманских флективных типов. В нем хорошо просматриваются выделенные нами жирным шрифтом так называемые тематические элементы (основообразующие аффиксы, или классные маркеры, по которым распознавался тип морфологической парадигмы, родовая принадлежность имени), более полные формы окончаний, позднее подвергшиеся редукции в германских языках – им. п. ед. ч. *-z* у существительного и 1 л. ед. ч. *-ai* у глагола, наконец, агглютинативный по природе суффиксальный элемент, маркирующий претерит (прошедшее время) *-d-*. Подробнее о древнегерманской морфологической структуре слова см. § 4 данной главы.

Рассматривая дальнейшую дивергенцию собственно западногерманского континуума, Р. Лэс соотносит примерные даты расхождений с учетом письменной фиксации нового диалектного состояния в текстах [Lass, 1997b, p. 15]:

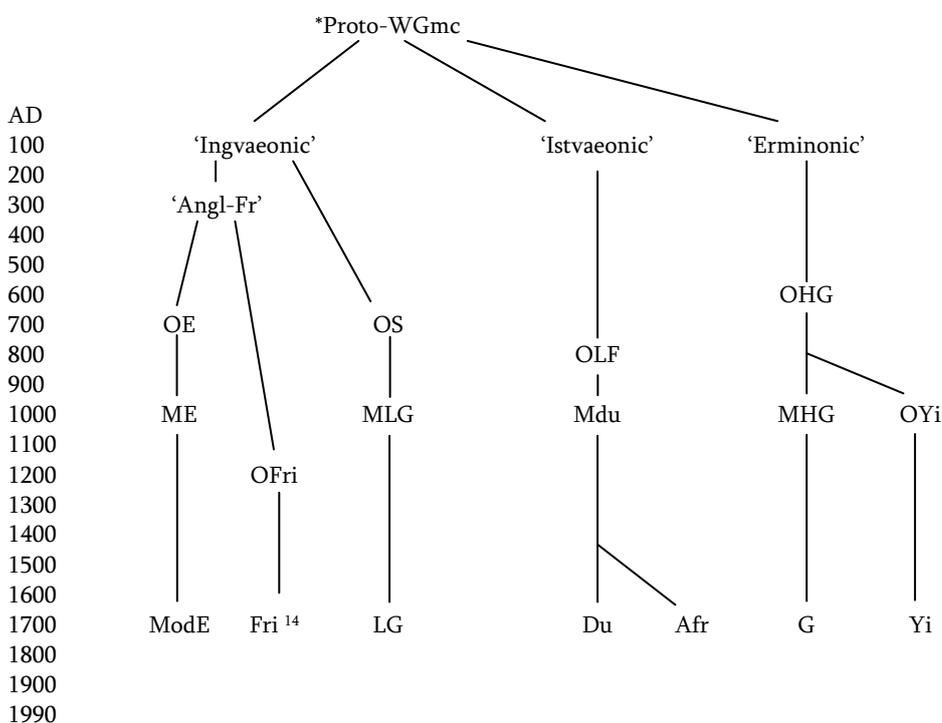

Рис. 3. Датировки письменной фиксации западногерманских языков

¹⁴ Несколько иную версию хронологии истории фризского языка находим в: [Versloot, 2004]. Критический анализ периодизации истории фризского языка проводится на основе датировки письменных памятников и сравнительно-сопоставительного поуровневого анализа сходных процессов во фризском и других германских языках.

Как видно из приведенной схемы, современные западногерманские языки развились из диалектных континуумов западногерманских племенных союзов, названия которых историки воспроизводят вслед за Плинием Старшим (23–79 гг. н. э.) из его «Естественной истории»: ингвены (ингвеоны), истевены (иствеоны) и гермионы (эрмионы) (восточных германцев он называл виндилами, а скандинавов – гиллевионами). Сходную терминологию находим и у Тацита (55–120 гг.). Современные западногерманские языки, генеалогически наиболее близкие к английскому – фризский, нижненемецкий, голландский (нидерландский), африкаанс (на котором разговаривают в ЮАР), немецкий и идиш (зародившийся в Германии при слиянии верхненемецких диалектов со славянскими и еврейскими элементами), довольно существенно отличаются от него сегодня по своим типологическим параметрам. Наиболее близким современному английскому по типу организации структуры следует признать африкаанс, в котором еще полнее, чем в английском, реализовалась типологическая доминанта в сторону аналитизма и корнеизоляции.

Как видно из рис. 3, первые письменные памятники на древнеанглийском языке относятся к довольно раннему периоду – VII–VIII вв. н. э. Эти памятники были выполнены на нортумбрийском диалекте с помощью рун.

Что же представлял собой древнеанглийский язык и каким образом он оказался в Британии, если прародиной древних германцев (местом зарождения и развития древнегерманской суперэтнической системы) считается север Европы (побережья Северного моря, Ютландский полуостров, континентальная часть в устье Эльбы и прилегающая южная оконечность Скандинавского полуострова)? (см. карту 3 в прил. 3).

Примерно с середины V в. (около 450 г. н. э.) начинаются миграции германских племен, преимущественно англвов, саксов, ютов и фризов в Британию. Потеснив местное кельтское население, германцы основали несколько королевств. Германское вторжение упомянуто Бедой Достопочтенным в написанной им в VIII в. на латинском языке «Церковной истории англвов». Беда рассказывает нам о том, что королевства *Нортумбрия*, *Мерсия* и *Восточная Англия* были *англскими*, *Эссекс*, *Сассекс* и *Уэссекс* были основаны *саксами*, а *Кент* – *ютами*. Такое строгое деление королевств по племенному признаку, как свидетельствуют современные археологи, вряд ли оправдано. К VI в., когда собственно оформились эти королевства, границы распространения племен были так размыты, что об их строгом совпадении с границами королевств говорить не приходится.

В эпоху господства англосаксонских королевств (их называют *англосаксонской гептархией*, т. е. «семикняжием», от греч. *hepta* – семь) существовало *не менее четырех диалектов* (а точнее, диалектных групп): *нортумбрийский*, *мерсийский*, *уэссекский* и *кентский* (см. карту 1 в прил. 3). Эти диалекты и составляли суть того, что теперь называется *языком англосаксонской эпохи*, или *древнеанглийским языком*. Области распространения этих диалектов можно приблизительно очертить следующим образом: *нортумбрийский диалект* был распространен к

северу от реки Хамбер, уэссекский – к югу от Темзы, мерсийский – в центральных регионах к северу от Темзы и к югу от Хамбера, кентский – в Кенте. Эти территориальные диалекты возникли на основе смешения племенных диалектов германцев в Британии, тем не менее, есть основания считать, что нортумбрийский и мерсийский диалекты в основе своей преимущественно англские, уэссекский продолжает саксонский племенной диалект, а кентский основывается на диалектах ютов.

Основным результатом вторжения германцев в Британию с лингвистической точки зрения является относительная изоляция западногерманских племен в Британии от общегерманской континентальной культуры. Лингвистическая ситуация в этих условиях способствует накоплению отличительных особенностей диалектов поселившихся в Британии западногерманских племен как по отношению к западногерманским диалектам на континенте, так и по отношению к другим группам германских диалектов.

Таким образом, дивергентная модель развития индоевропейских языков классифицирует английский язык как язык индоевропейский, германской группы, западногерманской подгруппы. Для *древнегерманского* (прагерманского) *архетипа* этих языков характерно *флективное состояние с преобладанием синтеза*. Первые наиболее ранние зафиксированные в письменности архетипы этого состояния можно увидеть в самых древних письменных памятниках (от примерно II в. в северо-западногерманском руническом варианте до VII–VIII вв. н. э., возможен сравнительно-сопоставительный анализ с восточногерманскими текстами в варианте V–VI вв. н. э.).

Конвергентная модель позволяет объяснить сходства разных (иногда неродственных) языков, расположенных в одном географическом ареале. *Конвергенцией* (*схождением*) называют схождение идущих из разных источников процессов к одной общей точке. В тех случаях, когда сходство языков не может быть объяснено с позиций генеалогии, говорят о конвергентном развитии, которое обычно связывают с контактами между этноязыковыми сообществами одного и того же географического района. Процессы такого взаимовлияния языков и диалектов рассматриваются ареальной лингвистикой (лингвистической географией). Если в генеалогической лингвистике объектом анализа являются языковые семьи, то ареальная лингвистика занимается изучением *языковых союзов*. Языки, входящие в один и тот же союз, могут иметь общие инновации чаще всего в лексической подсистеме, поскольку эта подсистема наиболее восприимчива к иноязычному (инокультурному) влиянию.

Думается, что можно говорить и о типологическом схождении. Когда языки в ходе своего исторического развития накапливают не свойственные архетипу каждого из них, но общие для их нового состояния типологические признаки, можно ставить вопрос об их типологическом схождении. Так, вероятно, расчет устойчивости признаков агглютинации или корнеизоляции в английском языке мог бы

дать базу для измерения степени типологического схождения английского и турецкого языков или английского и китайского языков. Такого рода схождения не могут быть объяснены ни дивергентной, ни ареально-конвергентной моделью, поскольку данные языки относятся к разным ареалам и семьям. Однако этнолингвистический подход к анализу этих схождений теоретически может привести к выработке механизма оценки характера и силы специфических (этнокультурных) внешних воздействий на внутрисистемные (в том числе и генетически предопределенные) процессы самоорганизации языка.

§ 3. Вариативность среднеанглийского языка

В диалектном континууме среднеанглийского периода обычно выделяют четыре основных ареала: северный (Northern), восточно-центральный (East Midland), западно-центральный (West Midland) и южный (Southern) (см. карту 2 в прил. 3). Иногда выделяют как достаточно обособленный по своим характеристикам юго-восточный (кентский) ареал (Kentish). *Северные* диалекты занимали территории к северу от реки Хамбер, *южные* – к югу от Темзы. *Центральные* диалекты располагались между Хамбером и Темзой. Их обычно делят на два относительно самостоятельных ареала *восточный* и *западный*.

У каждого диалекта есть свои особенности, которые фиксируются в дошедших до нашего времени текстах, это преимущественно особенности фонетического, лексического и грамматического характера. Так, например, древнеанглийское окончание множественного числа настоящего времени в индикативе *-að* при переходе к среднеанглийскому под влиянием редукции гласных в неударных слогах несколько видоизменилось, приняв форму *-eth*, иногда наблюдалась вариативность гласного перед финальным щелевым [ð]. В среднеанглийском эта форма дольше всего сохранялась в южных диалектах, в центральных ее вытеснила *-en*, а на севере очень рано *-es*:

(южный)	loveth	} we, they, you love
(центральный)	loven	
(северный)	loves	

Наиболее очевидные диалектные различия наблюдались между южными и северными зонами, центральные же диалекты занимали промежуточное положение в диалектном континууме, поэтому в них можно наблюдать влияние как северных, так и южных вариантов. Причем интенсивность этого влияния также зависела от близости к условно пограничным зонам. Исходя из степени выраженности тех или иных признаков в контактных зонах, при идентификации диалектной принадлежности конкретных текстов лингвисты выделяют, например, в западно-центральной зоне юго-западный ареал, а в восточно-центральной – юго-восточный или, напротив, восточно-центральный с признаками северного влияния.

Отличительной чертой северных диалектов было более интенсивное скандинавское влияние. Так, например, новые формы личного местоимения множественного числа *they* проникли в среднеанглийский через северные диалекты. На юге какое-то время, даже и в позднесреднеанглийских текстах, сохранялись *hi, here (hire), hem*. Следы среднеанглийских диалектных пересечений можно обнаружить и при анализе звукового состава некоторых современных английских слов. Так, в современном английском языке встречается два типа инициалей в тех словах, где был гласный переднего ряда в огласовке древнеанглийского корня после *yogh* (ȝ) – [j] в орфографии *y* и [g], в орфографии *g* (см. табл. П4 и П5 в прил. 1). Эти группы слов восходят к разным среднеанглийским диалектным формам: *y* демонстрирует преемственность с южными формами, а *g*, будучи результатом скандинавского влияния, – северные (в древнеанглийском вне скандинавского влияния перед гласными переднего ряда встречается [j]):

O.E.		Mod.E.
[j]		[j]
geard	(ср.: ON garðr)	yard
gieldan	(ср.: ON gjalda)	yield
geolu		yellow
юг [j]; север [g]		[g]
geat	(ON gat)	gate
gift	(ON gipt)	gift
gegn (ongean) (ON igegnum)		again

Рассмотрим несколько среднеанглийских текстов, которые могут быть локализованы в разных частях среднеанглийского диалектного континуума.

Северный ареал представлен в нашем анализе небольшим отрывком из текста «*The Cursor Mundi*» (в дословном переводе с лат. *runner of the world* «Бегун по свету»). Текст датируется примерно 1300 г. и представляет собой рифмованное повествование духовной истории человечества от сотворения мира до судного дня. Автор текста неизвестен, сам текст сохранился в нескольких копиях. В приводимом ниже отрывке автор, рассуждая о добре и зле в современных ему светских увлечениях, оперирует метафорой «древо познается по плодам его»:

Bot be the fruit may scilwis se
 O quat vertu is ilka tre:
 Of alkyn fruit þat man schal fynd
 He fettes fro þe rote his kynd.
 O gode per-tre coms god peres –
 Wers tre, vers fruit it beres.

Pat I speke o þis ilke tre
 Bytakens, man, both me and þe. 40
 Þis fruit bitakens alle our dedis –
 Both gode and ille, qua rightly redis.
 Ovr dedis fro vr hert tas rote,
 Quedur þai be worth or bale or bote;
 For be þe thyng man drawes till 45
 Men schal him knaw for god or ill.

But by the fruit may the discerning see
 Of what virtue is each tree
 Of every kind of fruit that man finds 35
 It derives from the root its nature
 Of good pear tree come good pears
 Worse tree worse fruit it bears
 That (which) I speak of this same tree
 Symbolizes man both me and thee 40
 This fruit symbolizes all our deeds
 Both good and ill who rightly reads
 Our deeds from our heart take root
 Whether they deserve pain or reward
 For by the thing that a man is drawn to 45
 Men shall know him for good or ill.

(The Cursor Mundi. Цит. по: [ЕМЕVP, с. 187]; дословный перевод по: [Freeborn, p. 151]).

В тексте «*The Cursor Mundi*» (и частично в приведенном здесь отрывке) наблюдаются некоторые из наиболее типичных для *северного ареала* диалектных особенностей:

- сохранение древнеанглийского [a:] (k^aw), в то время как в других диалектах этот звук лабиализовался в открытое [o:];
- древнеанглийский гласный переднего ряда [y] отражается как [i]. В орфографии используются **Y y** и **I i**;
- в результате скандинавского влияния древнеанглийскому **ch** часто соответствует **k** (ilke);
- предпочтение в написании отдается **qu** перед **wh**;
- древнеанглийские дифтонгоиды (результаты перегласовок и других фонетических процессов) отражаются как монофтонги.

Морфологически *северные диалекты* раньше других демонстрируют устойчивое разрушение флективных типов и утверждение тех форм, которые впоследствии распространяются на все другие ареалы. Так, для третьего лица единст-

венного числа, как, впрочем, и для множественного числа, используется аффикс *-es*, что само по себе свидетельствует о морфологической неразличимости данных глагольных значений. Такой же аффикс *-es* используется и для обозначения множественного числа у существительных. У местоимений здесь появляются формы *scho, thai, thair, thaim*, которые потом утвердятся в качестве нормативных. Для причастий первых характерен суффикс *-ande*, что так же рассматривают, как скандинавское влияние, а для причастия второго – утрата префикса *i*; у глагола «быть» форма множественного числа в настоящем времени изъявительного наклонения – *arep*.

Теперь обратимся к текстам, в которых доминируют черты *южного* ареала.

Раннесреднеанглийское произведение «*The Owl and the Nightingale*», автором которого предположительно был некто the Master Nicholas of Guildford, который дважды упоминается в тексте. По всей видимости, автор был осведомлен о внутренней стороне жизни англо-норманнской знати и двора; вероятно, текст предназначался для слушателей этой категории, поскольку в нем автор «приспосабливает французский стихотворный размер с восемью-девятью слогами в строке и четырьмя ритмическими группами» [Burrow, Thorlac Turville-Petre, 2005, p. 57] к английскому материалу. Здесь наблюдается тенденция к опущению *-e* в исходе слова по требованию ритма, что, вероятно, свидетельствует об активно идущем процессе утраты слогаобразующей силы этим элементом, его превращении в орфографический маркер открытости предшествующего слога (долготы гласного в нем). Сам текст, исходя из авторских аллюзий на современные ему события, датируют концом XII в. [ЕМЕVP, с. 2–3], примерно 1195 г. [Vaugh, Cable, 1993], хотя он сохранился в более поздних рукописных вариантах. Здесь приводится отрывок из рукописи, датированной началом XIII в.

Лингвистическая ценность данного текста в значительной степени определяется не только его раннесреднеанглийским происхождением, но и представленностью в нем образцов разговорного языка того времени. С литературной и стилистической точки зрения это произведение выделяется среди популярных в то время аналогичных сочинений и по тематике, и по качеству, и по приемам исполнения [Schlauch, 1967, p. 160–161]. Под видом спора двух птиц автор выводит две социальные группы с разными ценностными ориентирами. При всем многообразии концептуальных интерпретаций, выводимых из содержания текста, в нем просматривается добродушно юмористическое противопоставление крайностей двух ценностных начал – аскетического церковного, от священнослужителей (*the Owl*), и ищущего мирских удовольствий светского (куртуазного), от аристократической знати (*the Nightingale*) (об этом и о других аналогичных произведениях подробнее [Ibid., p. 161 и далее]; филологический и лингвистический анализ рукописи и построчный комментарий см. в: [ЕМЕVP, с. 262–275; 1–27]):

Al so þu dost on þire side: vor wanne snou liþ þicke & wide, an alle wı̄ztes habbeþ sorze, þu singest from eve fort amorze. Ac ich alle blisse mid me bringe:	5
ech wı̄zt is glad for mine þinge, & blisseþ hit wanne ich cume, & hīzteþ āzen mine kume. Pe blostme ginneþ springe & sprede, boþe ine tro & ek on mede.	10
þe lilie mid hire faire wlite wolcumeþ me, þat þu hit w[i]te, bit me mid hire faire blo þat ich shulle to hire flo.	15
Pe rose also mid hire rude, þat cumeþ ut of þe þorne wode, bit me þat ich shulle singe vor hire luve one skentinge: & ich so do þur̄z nīzt & dai, þe more ich singe þe more I mai,	20
an skente hi mid mine songe, ac noþeles nozt over-longe; wane ich iso þat men boþ glade, ich nelle þat hi bon to sade; þan is ido vor wan ich com, ich fare āzen & do wisdom.	25
Wane mon hozeþ of his sheve an falewi cumeþ on grene leve, ich fare hom & nime leve: ne recche ich nozt of wintres reve. wan ich iso þat cumeþ þat harde, ich fare hom to min erde an habbe boþe luve & þonc þat ich her com & hider swonk.	30

All so thou dost [behave] on thy side: for when snow lies thick and wide, and all wights have sorrow, thou singest from evening until morning. But I bring all happiness with me: each wight is glad for my quality and rejoices when I come and hopes for my coming. The blossoms begin to burst forth and spread, both in tree and eke on meadow. The lily with her fair form welcomes me, as thou dost know, bids me with her fair countenance that I should fly to her. The rose also with her ruddy color, that comes out

of the thorn-wood, bids me that I should sing something merry for her love. And I do so through night and day – the more I sing, the more I can – and delight her with my song, but none the less not over long; when I see that men are pleased I would not that they be surfeited. When that for which I came is done I go away and do wisely. When man is intent on his sheaves and russet comes on green leaf, I take leave and go home; I do not care for winter's garb. When I see that the hard (weather) comes I go home to my native country and have both love and thanks that I came here and hither toiled...

(Текст и перевод цит. по: [Baugh, Cable, 1978, p. 406–407; 1993, p. 407–408]).

Особенностями *южного ареала* в данном тексте являются следующие черты:

– древнеанглийское краткое и долгое [y, y:] не утратило лабиализации, при этом в орфографии используется символ **u** (*cume*), иногда для долгого звука – **u, ui, uy**, в чем усматривают французское влияние;

– древнеанглийское [a:] перешло в [o:] (*so, snou, more*);

– древнеанглийские позиционно обусловленные дифтонгоиды стягиваются в монофтонги;

– начальный [f] в южных диалектах обычно озвончался в начале слога, что отражается в написании **v** (*vor*).

Морфологически южные диалекты наиболее консервативны. Так, в них (и в восточно-центральных диалектах) сохраняется окончание *-eth (-eþ)* (*liþ, blisseþ*) в 3 л. ед. ч. наст. времени. Правда, здесь также утрачивается способность окончаний различать числовые значения этой категории, поскольку во множественном числе, как уже упоминалось, южные диалекты сохраняют ту же форму *-eth (-eþ)* (*habbeþ, ginneþ*), однако под влиянием центральных диалектов в них также могут встречаться формы множественного числа на *-en* у глагола (*bon*). Для причастия первого характерен суффикс *-inde*, а у причастия второго сохраняется префикс *i-* с утратой типичного для них суффикса *-n*, так же как и у инфинитива (*ido, sprede*). Для множественного числа существительных характерны различные огласовки суффикса *-es, -is, -us*. Личные местоимения и притяжательные формы сохраняют архаические варианты *hi, heo, here, hore* и т. д. Для местоимения женского рода используется форма *she*. В целом, рассмотренный здесь текст относится к юго-восточному ареалу с включением элементов западно-центрального.

Образцом *западно-центрального* диалекта считается текст «Ancrene Wisse», создание которого датируют примерно 1230 г. [Freeborn, 1998, p. 132; Burrow, Thorlac Turville-Petre, 2005, p. 106]. Название «Ancrene Wisse» присутствует в одной рукописи (MS. Corpus Christi Cambridge, 402). Книга «Ancrene Wisse» представляет собой адресное наставление, призванное компенсировать отсутствие правил религиозной жизни, регламентирующих поведение отшельниц (*anchoresses*), которые выбрали путь аскезы вне монастырских сообществ. В Англии того времени существовали разные по содержанию уклада жизни религиозные сообщества и модели поведения. Например, женские и мужские монастыри

(*nunneries and monasteries*), в которых жизнь монашествующих (*nuns and monks*) регламентировалась определенными правилами, обязательными для выбравших такой путь ухода от мирской жизни. Вместе с тем для людей, стремящихся уединиться в другом формате (странствующее монашество, например, так называемые *hermits*) или затворничество (*anchorage*), о котором идет речь в данном произведении, не существовало каких-либо особых руководящих предписаний. Затворничество отличалось привязанностью аскета к своей келье, обычно расположенной при церкви таким образом, чтобы отшельник мог наблюдать за службой через специальное окно в стене.

Авторство «*Ancrene Wisse*» приписывают канонику аббатства в Уигморе (Wigmore Abbey) на севере Херефордшира. Его наставления адресованы трем живущим поблизости знатным по происхождению сестрам-затворницам. Филологи, исследовавшие этот текст, отмечают высокое качество авторского стиля изложения с присущим автору искусством убеждать. В рукописи восемь частей, в которых рассматриваются последовательно вопросы религиозной жизни и самоорганизации избравшего затворничество человека: молитвы, управление ощущениями, чувствами, отношение к искушениям, покаяние и пр. (Побробнее см.: [Burrow, Thorlac Turville-Petre, 2005, p. 106–107; EMEVP, p. 223–224]). Рассуждая, например, об искушениях, автор мастерски подбирает метафоры, которые помогают ему донести до адресата природу и назначение искушений, а также способы их преодоления. Семь смертных грехов он описывает в облике зверей – гордыню в облике льва, лень – медведя, похоть в облике скорпиона и т. д. Те, кто одержим влиянием этих зверей, уподобляются придворным самого дьявола, призванным удовлетворять его прихоти [Burrow, Thorlac Turville-Petre, 2005, p. 106].

Сравнивая текст «*Ancrene Wisse*» с точки зрения экзегетики¹⁵ с более ранними текстами проповедей Эльфрика, авторы филологических комментариев к тексту в «*Early Middle English Verse and Prose*» высказывают скептическое отношение к попыткам усмотреть ощутимую преемственность в подходах, поскольку приемы экзегезы, которыми владел Эльфрик, были значительно скромнее. Автор же «*Ancrene Wisse*» демонстрирует совершенно новую технику ведения проповеди, которую можно возвести к влиянию университетского образования XII в., интенсивному изучению логики, основным формам практической деятельности экзегетов того времени, когда магистер теологии, дававший лекции в университете, читал и проповеди в студенческой аудитории [EMEVP, с. 224]. Иногда филологи называют «*Ancrene Wisse* – *Ancrene Riwe*», что связано с наличием разных руко-

¹⁵ Экзегезой называют толкование неясных мест в религиозных текстах; экзегетика включает в себя правила и приемы экзегезы, а экзегеты – это богословы, толкующие библейские тексты. Эти слова восходят к греч. *exēgēsis*, *exēgētikos*, *exēgētes* – «толкование», «толкующий», «истолкователь». В Древней Греции были толкователи законов, обычаев и прорицаний.

писей данного текста без названия, название «*Ancrene Riwe*» было дано современными исследователями текстам в этих рукописных вариантах [ЕМЕVP, с. 224]. Приведенный здесь отрывок взят из той части рукописи, где речь идет о семи смертных грехах.

Nu 3e habbeð ane dale iherd, mine leove sustren, of þeo þe me cleopeð þe seove moder-sunnen ant of hare teames, ant of hwucche meosters þes ilke men servið i þe feondes curt þe habbeð iwivet o þeose seoven haggen, ant hwi ha beoð swiðe to heatien ant to schunien. 3e beoð ful feor from ham, ure Laverd beo iþoncket; ah þet fule bread of þis leaste unþeaw, þet is, of leccherie, stinkeð se swiðe feor, for þe feond hit saweð ant toblaweð over al, þet ich am sumdel ofdred leste hit leape sum chearre into ower heortes nease. Stench stiheð uppart, ant 3e beoð hehe iclumben þer þe wind is muchel of stronge temptatiuns. Ure Laverd 3eove ow strengðe wel to wiðstonden!

(Ancrene Wisse. Цит. по: [Burrow, Thorlac Turville-Petre, 2005. p. 111]).

В приведенном тексте можно наблюдать следующие особенности *западно-центрального диалекта*:

– древнеанглийское [y, y:] краткое и долгое остаются без изменений практически до XIV века, в написании используется **u**, **ui** (*hwucche*). В огласовке окончаний часто можно встретить **-u**;

– у личных местоимений использовались старые формы **ha** (они), **ham** (им, их), **heo** (она), **hare** (их), **3e** (Вы), **ower** (Вас), **ow** (Вам);

– в суффиксе слабого глагола имело место оглушение конечного [d] в [t] (*iþoncket*, *iwivet*);

– для причастия первого характерен суффикс *-ende*;

– во множественном и частично в единственном числе у глагола наблюдается окончание *-eð*, что объединяет этот диалект с южными ареалами (*habbeð*, *saweð*);

– множественное число у существительных преимущественно оканчивается на *-en* (*sustren*), в родительном падеже на *-ene* (*Ancrene*).

В отличие от других текстов из этого же ареала (см., например, «*Brut*» ч. II, гл. III, § 1, текст 20), здесь достаточно часто встречаются слова французского происхождения, что, вероятно, диктуется в значительной мере регистром обращенной к затворницам речи (*temptatiuns* и еще несколько слов здесь, по наблюдениям [Burrow, Thorlac Turville-Petre, 2005], фиксируются впервые).

Восточно-центральный диалект сыграл особую роль в истории английского языка, поскольку именно языковые особенности этого ареала легли в основу его стандартизации. Рассмотрим один из текстов, написанных на данном диалекте с примесью северных признаков. Этот текст относят примерно к середине XIII в. Он называется «*The Bestiary*» и представляет собой набор описаний животных и предписываемой им символики в религиозном контексте противостояния добра и зла, бога и дьявола. Речь в этих повествованиях иногда идет о фантастических, мифи-

– формы местоимений во множественном числе третьего лица – *he, here, hem*, хотя начинают встречаться и скандинавские формы *their, them*. Встречается и форма третьего лица женского рода: *sche, scho* и др.;

– причастие первое имеет формы на *-end(e)*. В прилегающих к северу частях преобладает *-and*, однако в классический среднеанглийский период эта форма уступает место формам с *-inge, -ynge*;

– причастие второе от сильных глаголов сохраняет конечное *-l*, но утрачивает префикс *i-, ȝe-*.

§ 4. Особенности лингвистической ситуации в Англии после Норманнского завоевания

Лингвистическая ситуация в Англии среднеанглийского периода была неоднородной в различные века. Она характеризовалась не только взаимодействием тех английских диалектов, особенности которых мы описали по зонам их формирования. После Норманнского завоевания 1066 г. начался активный приток французов в Англию, повлекший за собой и расширение влияния их культуры и языка. Французские диалекты стали частью лингвистической ситуации в Англии. Французы, как показывают данные исторических исследований, переселялись не только из Нормандии, но и из других регионов Франции, в особенности по прошествии какого-то времени после завоевания в последующие века, причем в Англии оседали не только представители французской аристократии, но и люди из других сословий, в частности, ремесленники, торговцы, военные и пр. Можно предположить, что и на английской почве в определенной степени имело место взаимодействие нескольких французских диалектов. Действительно, А. Бо и Т. Кейбл отмечают неоднородность старофранцузского языка в Англии как отражение взаимовлияния франсийского (парижского), нормандского и пикардского диалектов.

Со временем, в условиях относительной изоляции французского населения Англии от прямого влияния соотечественников во Франции, развился особый вариант французского языка – так называемый *англо-норманнский* (*Anglo-Norman* или *Anglo-French*) диалект, с преобладанием норманнских черт, хотя и качественно неоднородный по отношению к специфике французских диалектных ареалов (подробнее о специфике французских диалектных ареалов и спорных вопросах см.: [Скрелина, Становая, 2001, с. 83–87]). Этнические процессы в этот период характеризовались истреблением англосаксонской элиты, вытеснением ее со всех позиций, связанных с административно-властными полномочиями. Одновременно шло укоренение французов в англосаксонской среде, их постепенное превращение в субэтнос англичан, чему в немалой степени способствовала инициированная Вильгельмом Завоевателем политика поощрения смешанных браков. Ребенок французского феодала в этих условиях воспитывался в англосаксонском окружении, чаще англосаксонскими няньками и матерями. Это создавало двоякую ситуа-

цию: с одной стороны, стремление части саксонской знати приобщиться к культуре властной элиты, а значит, овладеть французским языком; с другой – для общей массы английского народа основным средством общения в быту оставались английские диалекты. Такая ситуация создавала функциональное разделение между англо-норманнским диалектом и латинским языком, с одной стороны, и английскими диалектами – с другой. Последние сильно ограничивались в своем функциональном статусе, поскольку они фактически изгонялись из формальных регистров речи. По свидетельству современников, французский язык использовался не только при дворе, но и в судах, в парламенте, он преподавался в школах. Часть формальных регистров обслуживалась латынью. Латинский язык продолжал в это время использоваться в официально-деловой сфере, в научно-философских трактатах, в церкви, в законодательстве.

Однако уже со второй половины XIII в. лингвистическая ситуация, по мере интенсификации этнических процессов, начала постепенно меняться в пользу английского языка. К этому новому состоянию с этнической точки зрения подвели такие события, как: утрата королем Джоном (Иоанном Безземельным) в самом начале XIII в. своих нормандских владений с последующим оттоком части французов из Нормандии в Англию; интенсивное развитие городов и рост городского населения; возникновение среднего класса (тех, кто занимал среднее положение между крестьянами и наследными аристократами), что подготавливало почву для усложнения этнической системы в новом варианте и смены стереотипов поведения. Правление короля Генриха III привело к интенсивному волнообразному проникновению в Англию иностранцев с континента и спровоцировало волну возмущений против всем надоевших французов. В середине XIII в. за войной баронов последовало объединение некоторых вновь сформировавшихся этнических групп против иноземного влияния на базе национальной идеологии «Англия для англичан». Наконец, последовавшая Столетняя война между Англией и Францией (1337–1453) способствовала укреплению националистических и патриотических настроений в Англии, окончательно разрушая прежнюю мотивацию к использованию французского языка даже в тех формальных регистрах, где у него были прочные позиции в предшествующие века. Сопровождавшая военные невзгоды эпидемия бубонной чумы (1348–1350) привела к дефициту рабочей силы, со всей очевидностью продемонстрировав значимость низших классов (а значит, и того языка, на котором они говорили).

Еще в 1258 г. король Генрих III вынужден был обратиться к населению с воззванием на английском языке (см. § 5 данной главы), с того времени устойчивость настроений в пользу английской идентификации только нарастала. Серьезным сигналом смены иерархических отношений между компонентами лингвистической ситуации стало открытие заседания парламента речью на английском языке в 1362 г., Впервые после длительного «изгнания» этот язык получал законное и официальное признание. Последовавший период примерно с 1362 по 1420-е гг.

отмечен активным вытеснением французского из формальных регистров общения (как в устной, так и в письменной речи).

Ниже приводятся тексты авторов, которые были свидетелями и участниками некоторых упоминавшихся здесь событий, создававших лингвистическую ситуацию в среднеанглийский период. Эти тексты, как нам думается, проливают свет на отношение разных групп населения Англии к своим языкам и диалектам, на символизацию смыслов, связанных с языковой деятельностью у различных этнических групп того времени.

Автором оригинальной версии первого текста был Ранульф Хигден, монах, написавший в середине XIV века всеобщую историю на латинском языке, которую он назвал «Polychronicon». В 80-е гг. XIV в. уроженец юга Джон де Тревиза, живший и служивший в Глостершире большую часть своей жизни, перевел этот текст на английский язык, снабдив его своими вставками, цитатами и ссылками на источники. Авторский перевод и текст Тревизы демонстрирует черты позднего юго-западного диалекта, однако в 1482 г. этот перевод привлек внимание У. Кэкстона и был издан им, при этом Кэкстон отредактировал (изменил) текст Тревизы, осовременив его и смягчив юго-западное диалектное звучание. Здесь мы приводим, вслед за А. И. Смирницким, текст отредактированной ранее рукописи (датируемой 1420 г.), в котором совмещаются мидлендские и южные черты и который поэтому классифицируют как образец *южного западномидлендского* диалекта того времени (см.: [Смирницкий, 1953, с. 60–63]). В данном тексте речь идет о языках жителей Британии. Таким образом, благодаря этому тексту историк имеет возможность оценить лингвистическую ситуацию как бы изнутри, сквозь призму взглядов современников.

As it is i-knowe how meny manere peple beþ in þis ilond, þere beþ also so many dyvers longages and tonges; noþeles Walsche men and Scottes, þat beþ nouzt i-medled wiþ oþer naciouns, holdeþ wel nyh hir firste longage and speche; but zif the Scottes þat were somtyme confederat and wonede wiþ þe Pictes drawe somewhat after hir speche; but þe Flemmynges þat woneþ in þe weste side of Wales haveþ i-left her straunge speche and spekeþ Saxonliche i-now. Also Engliche men, þey [þei] hadde from the bygynnyng þre manere speche, norþerne, sowþerne, and middel speche in þe myddel of þe lond, as þey come of þre manere peple of Germania, noþeles by comyxtioun and mellyng firste wiþ Danes and afterward wiþ Normans, in meny þe contray longage is apayred, and som useþ straunge wlafferynge, chiterynge, harrynge, and garrynge grisbayting. This apayrynge of the burþe of þe tunge is bycause of tweie þinges; oon is for children in scole azenst þe usage and manere of alle oþere naciouns beþ compelled for to leve hire owne langage, and for to construe hir lessouns and here þynges in Frensche, and so þey haveþ seþ þe Normans come first in to Engelond. Also gentil men children beþ i-tauzt to speke Frensche from þe tyme þat þey beþ i-rokked in here cradel, and kunneþ speke and

playe wiþ a childes broche; and uplondisshe men wil likne hym self to gentil men, and fondeþ wiþ greet besynesse for to speke Frensche, for to be i-tolde of. *Trevisa*. Pis manere was moche i-used to for firste deth and is sibþe sumdel i-chaunged; for John Cornwaile, a maister of grammer, chaunged þe lore in gramer scole and construicioun of Frensche in to Engliche; and Richard Pencriche lerned þe manere techynge of hym and of oþere men of Pencrich; so þat now, þe zere of oure Lorde a þowsand þre hundred and foure score and fyve, and of þe secounde kyng Richard after þe conquest nyne, in alle þe gramere scoles of Englelond, children leueþ Frensche and construeþ and lerneþ an Engliche, and haueþ þerby avauntage in oon side and disavauntage in anoþer side; here avauntage is þat þey lerneþ her gramer in lasse tyme þan children were i-woned to doo; disavauntage is þat now children of gramer scole conneþ na more Frensche þan can hir lift heele, and þat is harme for hem and þey schulle passe þe see and travaille in straunge landes and in many oþer places. Also gentil men haveþ now moche i-left for to teche here children Frensche. *R*¹⁶. Hit semeþ a greet wonder how Engliche, [þat is þe burþe tonge of Englische] men and her owne langage and tonge, is so dyverse of sown in þis oon ilond, and þe langage of Normandie is comlynge of anoþer londe, and hath oon manere soun among alle men þat spekeþ hit arizt in Engeland. *Trevisa*. Neverþeles þere is many dyvers maere Frensche in þe reem of Fraunce as is dyvers manere Engliche in þe reem of Engeland. *R*. Also of þe forsaide Saxon tonge þat is i-deled aþre, and is abide scarsliche wiþ fewe uplondissche men, is greet wonder; for men of þe est wiþ men of þe west, as it were undir þe same partie of hevene, acordeþ more in sownynge of speche þan men of þe norþ wiþ men of þe souþ; þerfore it is þat Mercii, þat beþ men of myddel Engeland, as it were parteners of the endes, understondeþ bettre þe side langages, norþerne and souþerne, þan norþerne and souþerne understondeþ eiþer oþer. *Willelmus de Pontificibus, libro tertio*. Al þe longage of þe Norþhumbres, and specialliche at 3ork, is so scharp, slitting and frotyng and unschape, þat we souþerne men may þat longage unneþe understonde. I trowe þat þat is bycause þat þey beþ nyh to straunge men and naciouns þat spekeþ strongliche, and also bycause þat þe kynges of Engeland woneþ alwey fer from þat cuntrey; for þey beþ more i-torned to þe souþ contray, and zif þey gooþ to þe norþ contray, þey gooþ wiþ greet [help] and strengþe. Þe cause why þey beþ more in þe souþ contrey þan in þe norþ, [is] for hit may be better corne londe, more peple, more noble citees, and more profitable havenes.

(Цит. по: [Смирницкий, 1953, с. 60–62]).

К переводу, выполненному Тревизой, прилагалось письмо, в котором сообщалось, что перевод посвящается покровителю Тревизы лорду Беркли, а также текст

---

¹⁶ Тревиза ставит букву R перед продолжением текста Ранульфа, после своих вставок или других источников.

диалога между лордом и клерком (Dialogue between a Lord and a Clerk). Этот диалог построен по типичной для латинских прототипов схеме: тема диалога – собственно перевод, его целесообразность. В уста лорда в диалоге вложены все позитивные благоприятные аргументы в пользу выполнения перевода, в то время как от клерка исходят только негативные, отрицающие необходимость перевода аргументы. Этот диалог интересен тем, что из него современный читатель получает информацию о месте латинского языка в лингвистической ситуации среднеанглийского периода, помимо очевидно любопытных для лингвиста рассуждений о переводе как таковом, включая религиозные и, шире, философские аспекты его исполнения. Ниже приводится небольшой отрывок из данного диалога.

Clericus. Peus bokes of cronyks buþ uwrte yn Latyn, and Latyn ys yused and understonde a þys half Grees yn al þe nacions and londes of Europa; and comynlych Englysch ys nozt so wyde understonde, yused and yknowe, and þe Englysch translacion scholde no man understonde bote Englyschmen alone. Panne how scholde þe mo men understonde þe cronyks þey a were translated out of Latyn, þat ys so wyde yused and yknowe, into Englysch, þat ys nozt yused and yknowe bote of Englyschmen alone?

Dominus. Pes question and doute ys esy to assoyle; vor zef þeus cronyks were translated out of Latyn into Englysch, þanne by so meny þe mo men scholde understonde ham as understondeþ Englysch and no Latyn.

Clericus. Ze cunneþ speke and rede and understonde Latyn. Panne hyt nedeþ nozt to have such an Englysch translacion.

Dominus. Y denye þys argument; for þey I cunne speke and rede and understonde Latyn, þer ys moche Latyn in þeus bokes of cronyks þat y can nozt understonde, noþer þou wiþoute studyinge and avysement and lokyng of oþer bokes. Also, þey hyt were nozt neodful vor me, hyt is neodfol vor oþere men þat understondeþ no Latyn.

Clericus. Men þat understondeþ no Latyn may lerne and understonde.

Dominus. Nozt alle: for som may nozt vor oþer maner bysynes, som vor elde, som vor defaute of wyt, som vor defaute of katel oþer of frendes to vynde ham to scole, and som vor oþere dyvers defautes and lettes.

(Цит. по: [Burrow, Thorlac Turville-Petre, 2005, p. 237–238]).

Еще один текст – отрывок из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера, описывающий аббатису, мадам Эглентину, которая так стремилась приобщиться к элите, что специально изучала французский язык. Правда, тот французский, которым она овладела, как и вычурность ее манер, представлены Чосером в несколько насмешливом тоне, в котором можно усмотреть демонстрацию соответствующего отношения к данному стереотипу в обществе того времени.

Ther was also a Nonne, a Prioressse,
 That of hir smyling was full simple and coy. 120
 Hir gretteste ooth was but by Seinte Loy;
 And she was cleped Madame Eglentyne.
 Ful wel she song the service divyne,
 Entuned in hir nose ful semely;
 And Frensh she spak ful faire and fetisly,
 After the scole of Stratford atte Bowe,
 For Frensh of Paris was to hir unknowe.
 At mete wel y-taught was she with-alle;
 She leet no morsel from hir lippes falle,
 Ne wette hir fingres in hir sauce depe. 130
 Wel coude she carie a morsel, and wel kepe,
 That no drope ne fille up-on hir brest.
 In curteisye was set ful muchel hir lest.
 Hir over-lippe wyped she so clene
 That in hir coppe was no ferthing sene
 Of grece, whan she dronken hadde hir draughte.
 Ful semely after hir mete she raughte,
 And sikerly she was of greet disport,
 And ful plesaunt, and amiable of port,
 And peyned hir to countrefete chere 140
 Of court, and been estatlich of manere,
 And to ben holden digne of reverence.
 But, for to speken of hir conscience,
 She was so charitable and so pitous
 She wolde wepe if that she sawe a mous
 Caught in a trappe, if it were deed or bledde.
 Of smale houndes had she, that she fedde
 With rosted flesh, or milk and wastel-breed.
 But sore wepte she if oon of hem were deed,
 Or if men smoot it with a yerde smerte:
 And al was conscience and tendre herte. 150
 Ful semely hir wimpel pinched was;
 Hir nose tretys; hir eyen greye as glas;
 Hir mouth ful smal, and thereto softe and reed.
 But sikerly she hadde a fair forheed;
 It was almost a spanne brood, I trowe;
 For, hardily, she was nat undergrowe.
 Ful fetis was hir cloke, as I was war.
 Of smal coral aboute hir arm she bar

A peire of bedes, gauded al with grene,
And theron heng a broche of gold ful shene, 160
On which ther was first write a crowned A,
And after, *Amor vincit omnia*.

There was also a nun, a Prioress,
whose smile was modest and sweet.
Her greatest oath was only "By Saint Loy!" 120
She was called Madame Eglantine.
She sang the divine service well,
entuning it in her nose in a most seemly way;
and she spoke French well and properly,
after the school of Stratford-at-Bow –
for the French of Paris was unknown to her.
Her table manners were admirable:
she never let a morsel fall from her lips,
nor wet her fingers too deeply in the sauce;
daintily she carried a morsel to her lips, taking care 130
that no drop should fall on her breast:
she took much pleasure in proper etiquette.
She wiped her upper lip so carefully that no
trace of grease could be seen in her cup
when she had taken a drink from it;
she helped herself to food in a very proper way.
And certainly she was very cheerful,
most pleasant, and amiable in bearing,
and took great pains to behave in a well-
bred fashion, to be stately in manner, 140
and to appear worthy of reverence.
But to speak of her tender feelings:
she was so charitable and so full of pity
that she would weep if she saw a mouse
caught in a trap and dead or bleeding.
She had a few small dogs that she fed
with roast meat, or milk and fine bread;
but she wept indeed if one of them died,
or if someone hit it smartly with a stick –
she was all feeling and tender heart. 150
Her wimple was suitably pleated;
her nose well-shaped; her eyes bright as glass;
her mouth very small, and soft and red;

and indeed she had a fine forehead –
 it was almost a handspan broad, I believe,
 for certainly she was not undersized.
 I noticed that her cloak was becoming.
 Around her arm she wore a rosary of
 tiny coral beads, marked off with green,
 and on it hung a lovely golden brooch, 160
 on which was written first a crowned A,
 and then, *Amor vincit omnia* (“Love conquers all things”).
 (Среднеанглийский текст и пер. цит. по: [Bantam, с. 6–9]).

Примечательно, что, когда филологи пытаются оценить степень французского влияния на тот или иной письменный памятник среднеанглийского периода, они практически единодушно отмечают, что, к примеру, количество французских заимствований очень сильно зависит от сословной ориентации автора, от того, на какую именно этническую группу он ориентируется, с кем себя отождествляет. Конечно, проявляется и территориальная специфика. В силу объективных причин в северных диалектах французское влияние сказалось меньше, чем в южных. Это связывают с тем, что северные диалекты развивались в области Датского права при интенсивном скандинавском влиянии, которое ощущалось в этом ареале на протяжении всей истории языка. В южных же диалектах французское влияние начинает ощущаться несколько раньше и носит более основательный характер. Вместе с тем, основными причинами и поводами (в смысле насыщения текстов французскими элементами, культурными темами и мотивами) были, конечно же, целевая аудитория, этнические предпочтения, интенции и собственные взгляды авторов текстов. По этому принципу можно противопоставить, например, такие памятники, как уже упоминавшийся «*Ancrene Wisse*», в котором фиксируется осязаемое французское влияние, и «*Brut*» Ляйямона, о чем будет сказано в ч. II, гл. III, § 1.

§ 5. Стандартизация языка в Англии

Анализируя языковую вариативность среднеанглийского периода, нельзя не отметить особую роль лондонского диалекта в последующем развитии английского языка в целом и литературного английского в частности. *Лондонский диалект* представлял собой региональную разновидность внутри *восточно-центрального ареала*. Лондон стал столицей Англии после Норманнского завоевания. Лингвисты выделяют ряд основных причин тому, что среди нескольких хаотично развивавшихся диалектов в качестве основы для стандартизации и нормирования национального языка послужил именно *восточно-центральный диалект в его лондонской разновидности*.

Среди этих причин наиболее существенным представляется тот факт, что центральные диалекты вообще и восточно-центральные в частности занимали среднее положение, о чем уже говорилось. Они могли насыщаться диалектными признаками из соседних регионов – северных и южных, что повышало роль центральных диалектов в межрегиональном общении. Восточно-центральный регион был самым крупным в то время регионом, самым населенным, экономически и политически наиболее продвинутым и важным. Наконец, в восточно-центральной зоне располагался и интеллектуально-образовательный культурный центр Англии, который формировался в пределах треугольника: Оксфорд, Кеймбридж, Лондон. Нормативный английский язык в Англии (Standard English) очень много взял от лондонского диалекта: «история нормативного английского языка это практически история лондонского английского» («the history of Standard English is almost a history of London English» [Baugh, 1978, p. 194]). Лондон был местом расположения двора, в нем фокусировалась вся элитарная социально-культурная и интеллектуальная активность, что предопределило этнокультурную значимость лондонского говора в межрегиональном информационном обмене.

Речь, которую можно было услышать в Лондоне того времени, постоянно взаимодействовала с различными местными говорами. Исследователи исторических процессов нормирования английского языка отмечают, что поначалу в лондонском диалекте преобладали *южные черты*. Однако со временем в нем возобладали признаки *центрального ареала*. Сам же лондонский диалект начинает приобретать специфические черты, выделяющие его среди других территориальных разновидностей языка, примерно с XIII в. «Находясь на границе диалектов южных и центральных районов Англии, язык Лондона как бы совмещает их черты, с преобладанием южных черт. Однако с течением времени лондонский диалект утрачивает некоторые из своих наиболее ярко выраженных южных черт и приближается к диалекту Мидлсекса. Таким образом, можно констатировать идущее в течение второй половины XIII в. и первой половины XIV в. вытеснение южных диалектных черт из языка Лондона и замену их восточно-центральными» [Ярцева, 1985, с. 198]. Поскольку скандинавское влияние отмечено в наиболее выраженной форме именно в северном ареале и в части восточно-центральных диалектов, то вместе с переориентацией диалектной базы лондонский английский накапливал все больше признаков скандинавского влияния. Это хорошо видно при сравнении ранних письменных памятников на лондонском диалекте с памятниками более позднего периода, также выполненными на лондонском диалекте (такими, как, например, произведения Чосера, Гауера, Кэкстона и др.).

Из наиболее ранних и ценных письменных памятников на лондонском диалекте следует назвать документ, созданный в 1258 г. в период войны баронов, и известный историкам как «Воззвание Генриха III к народу». Здесь король заверяет слушателей в наличии у него воли и желания следовать установленным с недовольными договоренностям, в тексте упоминаются имена участников бунта баро-

нов, включая и вождя движения баронов Симона де Монфора. Выделенные нами словоформы и окончания показывают начальную стадию формирования специфики лондонского диалекта на основе вытеснения первоначально южных черт. Сам процесс вытеснения позволяет разным вариантам словоформ в определенной степени сосуществовать в пределах одного и того же текста. К таким вариантам можно отнести, например, окончания *-eþ* и *-en* во множественном числе у глаголов, использование южных и северных вариантов глагольных словоформ с дифтонгами и без них (*healden* и *halden*), наличие вариантов с делабиализацией древнеанглийского [y] и сохранением лабиализации в *King* и *kuneriche*. В приводимом здесь тексте мы не найдем еще и скандинавских форм, например, у местоимения «они». Здесь еще используется свойственный южному ареалу древнеанглийский вариант *heo*, *heom*.

Henri, þurȝ Godes fultume *King* on Engleneloande, Lhoaverd on Yrloande, Duk on Normandi, on Aquitaine, and Eorl on Anjow, send i-gretinge to alle hise holde, i-lærde and i-leawede on Huntendoneschire. Pæt witen ȝe wel alle þæt we willen and unnen þæt þæt ure rædesmen, alle oþer þe moare dæl of heom þæt beoþ i-chosen þurȝ us and þurȝ þæt loandes folk on ure *kuneriche*, habbeþ i-don and schullen don in þe worþnesse of Gode and on ure treowþe, for þe fremme of þe loande, þurȝ þe besizte of þan toforen i-seide redesmen, beo stedefæst and i-lestinde in alle þinge abuten ænde. And we hoaten alle ure treowe, in þe treowþe þæt heo us oȝen, þæt heo stedefæstliche healden and swerien to *healden* and to werien þo i-setnesses þæt beon i-makede and beon to makien þurȝ þan toforen i-seide rædesmen oþer þurȝ þe moare dæl of heom, alswo also it is biforen i-seid; and þæt æhc oþer helpe þæt for to done bi þan ilche oþe aȝenes alle men, riȝt for to done and to foangen, and noan ne nime of loande ne of eȝte, wherþurȝ þis besizte muȝe beon i-let oþer i-wersed on onie wise. And ȝif oni oþer onie cumen her onȝenes, we willen and hoaten þæt alle ure treowe heom healden deadliche i-foan, and for þæt we willen þæt þis beo stedefæst and lestinde, we senden ȝew þis writ open i-seined wiþ ure seel, to *halden* amanges ȝew ine hord.

Witnesse usselven æt Lundene, þane eȝtetenþe day on þe monþe of Octobre in þe two and fowertizþe ȝeare of ure cruninge.

And þis wes i-don ætforen ure i-sworene redesmen: Boneface Archebischop on Kante-buri. Walter of Cantelow, Bischop on Wirechestre. Simon of Muntfort, Eorl on Leirchestre. Richard of Clare, Eorl on Glowchestre and on Hurtford. Roger Bigod, Eorl on Northfolke and Marescal on Enȝleneloande. Perres of Savveye. Willelm of Fort, Eorl on Aubemarle. Johan of Presseiz, Eorl on Warewik. Johan, Geffrees sune. Perres of Muntfort. Richard of Grey. Roger of Mortemer. James of Aldithel, and ætforen oþre i-noȝe.

And al on þo ilche worden is i-send into ævrihce oþre shcire over al þære kuneriche on Engleneloande and ek intel Irelonde.

(Цит. по: [Fisiak, p. 30–32]).

В более поздних текстах на лондонском диалекте *восточно-центральные* особенности, а вместе с ними и признаки более основательного скандинавского влияния проступают более отчетливо. Более отчетливо просматривается и специфическое для лондонского диалекта сочетание признаков. При этом у каждого автора, и в особенности у каждого крупного писателя, оставившего после себя тексты в период до фиксации языка в печатных книгах, просматриваются специфические, индивидуальные особенности речи.

У Дж. Чосера (конец XIV в.) уже преобладают черты восточно-центрального диалекта, однако все еще сохраняются некоторые южные черты, а также специфическая для Чосера вариативность некоторых форм. Так, например, в начальной части пролога к «Кентерберийским рассказам» отчетливо проявляются основные особенности лондонского диалекта (вероятно, как отмечают исследователи среднеанглийского языка, Чосер отразил в своих текстах фонетическую сторону лондонской речи, иначе говоря, он писал так, как и говорил, при этом он осознавал, что, например, северные говоры все еще отличаются своей спецификой, поскольку использовал северные формы как маркеры происхождения своих персонажей, что само по себе может рассматриваться как осознанное стилистическое маркирование инодиалектной речи в целях более точного описания персонажей на фоне других форм речи, прежде всего лондонской).

Whan that Aprill with his shoures sote
 The droghte of Marche hath perced to the rote,
 And bathed every veyne in swich licour
 Of which vertu engendred is the flour;
 Whan Zephirus eek with his swete breeth
 Inspired hath in every holt and heeth
 The tendre croppes, and the yonge sonne
 Hath in the Ram his halfe cours y-ronne,
 And smale fowles maken melodye,
 That slepen al the night with open ye 10
 (So priketh hem Nature in hir corages):
 Than longen folk to goon on pilgrimages
 And palmers for to seken straunge strondes,
 To ferne halwes, couthe in sondry londes;
 And specially, from every shires ende
 Of Englelond, to Caunterbury they wende,
 The holy blisful martir for to seke
 That hem hath holpen, whan that they were seke.
 Bifel that in that seson on a day,
 In Southwerk at the Tabard as I lay 20

Redy to wenden on my pilgrimage
 To Caunterbury with ful devout corage,
 At night was come into that hostelrye
 Wel nyne and twenty in a companye
 Of sondry folk, by aventure y-falle
 In felawshipe, and pilgrims were they alle,
 That toward Caunterbury wolden ryde.

When April with his sweet showers has
 pieced the drought of March to the root,
 and bathed every vein in such moisture
 as has power to bring forth the flower;
 when, also, Zephyrus with his sweet breath
 has breathed spirit into the tender new shoots
 in every wood and meadow, and the young sun
 has run half his course in the sign of the Ram,
 and small birds sing melodies and
 sleep with their eyes open all the night 10
 (so Nature pricks them in their hearts):
 then people long to go on pilgrimages,
 and palmers long to seek strange shores
 and far-off shrines known in various lands,
 and, especially, from the ends of every shire
 in England they come to Canterbury,
 to seek the holy, blissful martyr
 who helped them when they were sick.
 It befell that one day in that season,
 as I was in Southwark at the Tabard Inn, 20
 ready to go on my pilgrimage
 to Canterbury with a most devout heart,
 at night there came into that hostelry
 a company of nine-and-twenty people-
 all sorts of people, who had met by chance;
 and all of them were pilgrims
 who were riding toward Canterbury.

(Среднеанглийский текст и перевод цит. по: [Bantam, с. 2–3]).

В приводимых отрывках из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера отмечаются следующие морфологические признаки.

У существительных не наблюдается более подразделений по типам склонения: из всех падежных форм сохраняется только маркер родительного падежа

сильного склонения *-es* (*shires*), а преобладающей формой множественного числа стала форма с *-es* (*palmeres, fowles, croppes*) этого же склонения. Вместе с тем, в текстах Чосера еще могут встречаться формы бывшего слабого склонения с окончанием *-en* во множественном числе (*eyen*). Зафиксированы и отдельные случаи, когда он употребляет и слабую и сильную форму множественного числа в одном контексте, что рассматривается как индивидуальная специфика его стиля. В целом, формы на *-es* устойчиво преобладают. У глаголов во мн. ч. используется *-en*, которое может редуцироваться до *-e* (*maken, slepen*). Хотя флексия *-eth*, в принципе, возможна у Чосера во множественном числе, она очень редка, в отличие от устойчиво доминирующего центрального *-en*.

Вместе с тем, в текстах Чосера устойчиво фиксируется южная форма окончания глагола в третьем лице единственного числа *-eth* (*priketh, hath*).

В центральных диалектах сохраняется *-en* в причастии втором, при отсутствии префикса *y-*. У Чосера же можно наблюдать, с одной стороны, центральные формы причастий (*holpen*), с другой – южные формы (*y-falle, y-runne*). Аналогично ведут себя формы инфинитива (*seken, seke*).

Скандинавское влияние очевидно в форме личного местоимения множественного числа *they*. В косвенных падежах, однако, еще сохраняются старые формы (*hem*), которые просуществовали в лондонском диалекте вплоть до XVI в. включительно.

Что же касается специфических для лондонского диалекта фонетических признаков, отмеченных в текстах Дж. Чосера, то к числу наиболее очевидных относят: преобладание делабиализованного [i] на месте древнеанглийского [y] (в написании при обозначении звука [i] может встречаться как *i*, так и *y*: *which, ryde*), при сохранении возможности вариантного употребления кентских (южных) форм с *e* и сохранением *u*. Древнеанглийское долгое [a:] заменилось на долгий [o:] (*goon*), а др.-англ. [æ] на [a] (*that, smal*).

Текстовые данные среднеанглийского языка позволяют прийти к заключению о том, что в письменных памятниках примерно с середины XV в. невозможно, опираясь на сугубо лингвистические данные, определить ареал происхождения текста и диалект автора. Исключение составляют тексты очевидно северного происхождения, сильно маркированные северными чертами. Вместе с тем, в письмах и прочих региональных источниках отчетливо намечается тенденция к выравниванию и унификации форм по лондонскому образцу. В особенности это касается канцелярского стиля, в формально-бюрократической среде язык фиксируется в достаточно однородной лондонской по сути форме [Vaugh, Cable, 1993, p. 190]. Таким образом, опираясь на наблюдения за функционированием языковых форм по текстам, на содержательную часть текстов, где прямо или косвенно говорится о состоянии языка и его оценке современниками, а также на выводы других исследователей проблемы, можно утверждать, что стихийный процесс формирования наддиалектного койне (от греч. *koinē* < *koinē dialektos* – «общее наречие») в Анг-

лии завершился в решающей своей стадии к середине XV в. Наддиалектное койне сформировалось на базе лондонского диалекта и стало восприниматься как средство наддиалектного устного и письменного общения в условиях регулярных контактов и информационного обмена носителей разных региональных говоров. Данная норма устного разговорного языкового койне становится основой для формирования и укоренения новой формы существования английского языка – *литературного английского языка (Standard English)*. Развитие этой формы (варианта языка) проходило на фоне этнокультурных процессов дальнейшего установления и укоренения английской этнической традиции и сопровождалось всплесками общественно-языковой активности, которые приводили к неизбежному развитию и укоренению средства выведения народного сознания вовне – языка в новых формах его существования (новые функциональные стили, регистры речи, дифференциация норм внутри разных стилей), а стихийное развитие языковых процессов сопровождалось организационными усилиями по нормированию и упорядочению узуса.

Важнейшим признаком сформированности наддиалектного койне можно считать его *образцовый* характер, осознание массой населения особого статуса этого койне, предписывание ему роли образцовой речи, такой, какой ей «должно» быть. Лондонский английский постепенно обрел такой статус в силу вышеупомянутых причин. Закреплению этого статуса способствовал ряд факторов, главным из которых справедливо считают *введение книгопечатания* в Англии с 1476 г. Английский первопечатник *У. Кэкстон*, южанин по рождению, осуществлял свою неординарную деятельность в Лондоне и ориентировался на *лондонскую речь*. Новая технология позволяла тиражировать и распространять печатную продукцию с невиданной по тем временам скоростью, что, очевидно, закрепляло за лондонским диалектом и без того уже стихийно сложившуюся ведущую роль в письменном узусе.

Однако для распространения книжной продукции необходимо грамотное население, у которого эта продукция могла бы быть востребована. Историки связывают процесс роста грамотности населения в Англии с формированием среднего класса, который был заинтересован в получении новых знаний, в образовании и имел достаточно средств для развития и поддержания системы просвещения. В Лондоне эпохи Шекспира не менее одной трети (а по некоторым данным и половины) населения могли как минимум читать. Если к концу XV в. в Европе было издано свыше 35 000 книг преимущественно на латинском языке, то к 1640 г. в Англии издано около 20 000 наименований книг на английском языке [Baugh, Cable, 1993, p. 195–196; Fennell, 2001, p. 156]. Возможности тиражирования одного наименования в тысячах копий были важнейшим техническим достижением эпохи и одновременно стали орудием *фиксации и закрепления лондонской нормы*, не подверженной более искажениям при переписывании писцами из других регионов. Дальнейшее развитие торговли, связанной с ней мобильности населения,

совершенствование средств передвижения и связи в ходе технического прогресса не способствовали сохранению изоляции отдельных регионов и этнокультурных сообществ людей, вовлекая в процесс образования и активной предпринимательской деятельности все новые группы населения. Таким образом происходило расширение влияния и использования лондонского стандарта, а также укрепление его престижа.

В становлении и укреплении литературной нормы английского языка в Британии выделяется несколько периодов, которые содержательно отличаются друг от друга по типу общественно-языковой активности сообщества носителей языка. Так, в период примерно со второй половины XV по XVI в. включительно и даже в начале XVII в. идут активные процессы *вытеснения французского и латинского языков* из письменной речи, что создает условия для функционального расширения английского языка, вместе с тем требуя от этого языка гибкости в передаче возрастающей информационной нагрузки на фоне мощного (с учетом отсутствия регулярного использования английского в формальных сферах после Норманнского завоевания) иноязычного давления и развития новых сфер опыта, теологии и науки. В этот период становятся активными переводы наиболее значимых для англичан литературных произведений античности и средневековья сначала с латинского языка, а потом и с современных живых языков (преимущественно французского, а также испанского, итальянского и др.). Появляются латинско-английские и англо-латинские словники, прообраз первых словарей. Английскому языку приходится отстаивать свое право на использование во всех жанрах литературного творчества того времени. При переводе серьезной литературы на английский язык требовалась особая аргументация данного выбора в пользу родного языка, его специальное обоснование, прежде чем изучение родного языка стало самоцелью. Рассматривая этот вопрос в ходе анализа средне- и ранненовоанглийских текстов и филологических интерпретаций, В. Н. Ярцева приводит фактические данные, свидетельствующие о постепенной трансформации *образа своего языка* у англичан при переходе на родной язык в формальном общении. «Например, Р. Иден пишет в 1562 г. в письме, адресованном сэру В. Сесилю, когда отстаивает возможность перевода на английский язык книги по истории, буквально следующее: “Поскольку мне сказали, что Ваше сиятельство сомневается, может ли книга быть переведена на английский язык, я уверяю Вашу честь (и это я утверждаю со всей смелостью), что мне было бы стыдно заимствовать так много из латинского языка при переводе истории Плиния на наш язык, как он заимствует из греческого, хотя латинский язык считается богатым, а английский – необработанным и варварским, каким он был в прежнее время гораздо больше, чем сейчас, когда он обогатился и расширился с помощью книг по всем отраслям знания, переведенных с латинского и других языков на анг-

лийский язык» [Ярцева, 1985, с. 173]. Ср. с диалогом лорда и клерка «Dialogue between a Lord and a Clerk», о котором уже велась речь ¹⁷.

Тексты этого периода свидетельствуют о высокой степени вариативности форм, о допустимой встречаемости разнодиалектных форм не только в одном и том же более менее устойчивом узусе, но и в одном и том же произведении одного и того же писателя, в чем мы уже могли убедиться на примере приведенных в этом параграфе отрывков. Однако эта вариативность не носит случайно-стихийного характера. Она также может быть описана в определенных параметрах (что мы попытались продемонстрировать выше) и в значительной степени свидетельствует о типичном, по мнению В. Н. Ярцевой, для XVI в. состоянии взаимодействия художественно-литературного языка и языка разговорного, настолько типичного, что такие писатели, как Шекспир, писали на том же языке, на котором говорили [Там же, с. 170]. Не случайно язык Шекспира часто демонстрируется в качестве образца творческого и свободолобивого состояния духа англичан елизаветинской эпохи (см., например: [McCrum, Cran, MacNeil, 1986]), языка, в котором условны даже незыблемые для латинской традиции границы между частями речи. Об этом красноречиво свидетельствуют подчеркнутые нами слова в приведенном ниже отрывке из пьесы У. Шекспира «Ричард третий»:

Bol. Here comes his grace in person. My noble uncle!

Kneels

York. Show me thy humble heart, and not thy knee,

Whose duty is deceivable and false.

Bol. My gracious uncle –

York. Tut, tut! Grace me no grace, nor uncle me no uncle,

I am no traitor's uncle, and that word "grace"

In an ungracious mouth is but profane

(King Richard the Third. Act II. Scene III. Цит по: [Shakespeare, 1994, p. 371]).

В это время в обществе обсуждаются самые разные вопросы, связанные с функционированием родного языка. В первую очередь они касаются формирования новых для англоязычной традиции жанров, выбора и использования конкретных языковых средств в различных сферах коммуникации, проблем орфографии, ставших очень актуальными в контексте новоанглийских звуковых изменений. То состояние орфографии, которое мы наблюдаем в современном английском языке,

¹⁷ Вероятно, в разных диалектных ареалах наблюдалась своя специфика в отношении к складывающейся норме и в оценке статуса доминирующих вариантов. О противоречии между сложившейся практикой употребления и осознанием престижности нормы см. историко-социолингвистический анализ вариативности словоформ *be* в позднесреднеанглийском в: [Hernandez-Campoy, 2008].

приобрело относительно устойчивый характер не ранее 1650 г., однако основные принципы орфографической традиции сформировались к середине XVI в. Иначе говоря, современная английская орфография в основе своей отражает преимущественно позднесреднеанглийское произношение, не учитывая более поздних фонетических изменений. Фиксация этой нормы и ее закрепление в сознании носителей языка произошли до того, как были восприняты и оценены звуковые изменения ранненоанглийского периода¹⁸. Таким образом, рассматриваемый здесь период в становлении литературного языка в Англии отмечен активным расширением влияния лондонской нормы, ее осознанием и началом целенаправленной деятельности по ее совершенствованию и фиксации. Все это происходило при существенном расширении функциональной нагрузки английского языка, сохранении запроса со стороны общества на адекватность его субстантно-структурных параметров новым условиям и содержанию коммуникации.

Позднее, в XVII в., и в особенности с XVIII в., начинается активная деятельность, направленная на *кодификацию* стандарта. Данное явление известно в социолингвистике как стремление общества свести норму к определенному набору правил, разработать, упорядочить и зафиксировать эти правила и рекомендации по их применению. Такого рода деятельность, когда она принимает регулярный характер, приводит к созданию словарей, справочников, грамматик, пособий по культуре речи и прочих продуктов нормирования. Эта деятельность может институционализироваться в формате академий и иных специально созданных для конкретных проектов и задач общественных институтов и организаций. Она может сопровождаться пуристической активностью отдельных общественных и даже научных деятелей, иногда вовлекающей широкие массы населения в вопросы, связанные с озабоченностью текущим состоянием языка своей культуры. Сложившийся в обществе образ языка получает символическую окраску и может активно использоваться в процессах самоорганизации этноса (суперэтноса) наряду с другими символическими концептами каждой этнической эпохи, наполняя содержанием семантические оппозиции этнической картины мира (свой – чужой; добро – зло; и пр.). Подробнее о языковом пуризме в Англии, его истории, содержании и формах пуристической деятельности, а также о ее современном состоянии см.: [Жукова, 2008а, б; 2006а, б; 2007].

Кодификация приводит к относительной стабилизации нормы, к ее развитию и укоренению, что в силу символической значимости языка для сохранения этнокультурной традиции на уровне обыденного сознания воспринимается как позитивный фактор в жизни этноса. Кодификация также приводит к противопоставлению литературной нормы другим формам существования языка, таким как

---

¹⁸ Подробнейший анализ звуко-буквенных соответствий во всем их многообразии и истории становления можно найти в сохраняющей свою актуальность книге А. Л. Пумпянского «Английский литературный язык» [1963]. См. также табл. П5 в прил. 1.

местные говоры (диалектная речь), городское просторечие (неграмотная речь людей, которые не задумываются над тем, как они говорят, и не стремятся соблюдать норму: она ими просто не осознается), социальные диалекты (например, лондонский кокни, представляющий собой практически более раннюю форму лондонской речи в ее южном варианте).

Отдельного внимания заслуживает *лексикографическая практика* английского общества ранненовоанглийского периода. В ходе нормирования возникает естественная потребность сохранить информацию о значениях и употреблении слов, что особенно важно в практике обучения и при переводе. Первыми попытками справиться с такого рода проблемами являлись глоссарии, возникшие из практики помет на родном для писца (читателя) языке, раскрывающих смысл трудных латинских слов. Созданием двуязычных глоссариев как самостоятельных словариков приходилось заниматься многим просвещенным англичанам в период нормирования английского языка. В истории английской лексикографии известны глоссарии XV–XVI вв. У. Кэкстона, Дж. Стэнбриджа и послужившие прообразом более поздних толковых словарей энциклопедического типа лексикографические труды Томаса Элиота (подробнее об этом и других типах первых двуязычных и толковых словарей и словариков см. на русском языке: [Влавацкая, 2007]).

В XVII в. и позднее лексикографическая практика приняла выраженный кодифицирующий (предписывающий) характер. Первым нормативно-толковым словарем литературного языка, максимально приближенным по своему подходу к описанию лексики, свойственному современной лексикографической практике создания толковых словарей, был появившийся в 1755 г. словарь Сэмуэля Джонсона «A Dictionary of the English language: in which the words are deduced from their originals and illustrated in their different significations by examples from the best writers». В этом словаре различные значения слов структурируются в словарной статье по степени их актуальности, цитируются текстовые примеры использования толкуемых слов, а также приводятся пометы и комментарии, из которых можно судить об ассоциативном поле и сфере употребления толкуемых единиц. С. Джонсона обычно упрекают в избыточном увлечении оценочными комментариями субъективного характера (например: *Lexicographer. A writer of dictionaries; a harmless drudge, that busies himself in tracing the original, and detailing the signification of wordes* (цит. по: [Влавацкая, 2007, с. 84])). Вместе с тем эти комментарии свидетельствуют о чувстве юмора автора и сами по себе, видимо, были возможны в ситуации общей неустойчивости и неразработанности строгих подходов и жестких канонов к составлению лексикографических работ. По подсчетам некоторых историков, изучающих лексикографию, в оценочной части комментариев словаря Джонсона присутствует 90 различных помет, как то: *doubtful, ridiculous, unusual, vile, graceful, mean, corrupt, ludicrous, ought to be ejected from the language* и др. [Там же, с. 82]. Несмотря на то, что ряд толкований, приводимых в словаре, получил впоследствии название «джонсонизмов», вызывая улыбку у современных лин-

гвистов и обычных носителей языка, этот словарь относится к разряду неординарных по значимости явлений для становления нормативного литературного английского языка. Неслучайно современники называли этот труд *краеугольным камнем в основании и фиксации стандарта*, а его автора – основателем устойчивой нормы [Vaugh, Cable, 1993, p. 268–269].

С. Джонсон потратил около семи лет на составление своего труда, работая практически в одиночку¹⁹, в то время как в Европе создавались целые Академии по выполнению аналогичных задач (например, во Франции и России). В 1635 г. кардинал Ришелье предпринимает необходимые усилия для создания Французской академии, целью которой стало очищение французского языка, предписание правил использования слов, создание словаря, грамматик и риторики. Итогом работы академического сообщества в конце XVII в. стал словарь французского языка. Подобные действия успешно предпринимались и в Италии. Пример этих стран вдохновил многих интеллектуалов и активных людей на аналогичную деятельность. Словарь Джонсона создавался в период активных дискуссий о необходимости открытия академии в Англии, а автор, известный противник жестких академических норм-предписаний, выступавший против создания академии на английской почве, в шутку называл себя академией в одном лице. Его труд с учетом возможностей того времени и масштаба стоявших перед ним не решенных до того времени задач действительно может рассматриваться как титанический.

Во Франции работа над разными частями словаря выполнялась в академическом формате в течение примерно 40–80 лет. В России работой по составлению словаря русского языка, который так и назывался «Словарь Академии Российской», руководила княгиня Е. Р. Дашкова. «В 1771 г. она входит в состав Вольного Российского Собрания, которое главной своей целью считает обогащение и ис-

---

¹⁹ Некоторые подробности из жизни и деятельности несомненно пассионарного и очень неординарного человека, каковым был С. Джонсон, известны из описания его биографии, оставленного Джеймсом Бозуэллом «Life of Samuel Johnson». С. Джонсон родился в Личфильде (Стаффордшир), он был сыном книготорговца. Примечательно, что он жил на улице Grub, известной в XVIII в. как место поселения неимущих литераторов (писак и халтурщиков) – ныне – Милтон-Стрит [Великобритания: Лингвострановедческий словарь, 1978, с. 195], а после смерти удостоился чести быть похороненным в Уголке поэтов в Вестминстерском аббатстве (Poet's Corner), где похоронен и Дж. Чосер. С. Джонсон, несомненно, пользовался авторитетом у современников. Будучи уже пожилым человеком (в возрасте 63 лет), вместе с Дж. Бозуэллом он совершил путешествие в Шотландию (на родину Бозуэлла) и Ирландию, где имел возможность наблюдать несоответствие образа жизни кельтов в Шотландии тем принципам и установкам, по которым жила «просвещенная» Англия того времени. Записи об этом путешествии представляют определенную ценность для изучения этнического поля англичан, поскольку в них глазами очевидца фиксируется процесс распада кельтской клановой системы после разгрома якобинского восстания в Шотландии (S. Johnson's «Journal to the Western Isles of Scotland» и Boswell's «Journal of a Tour to the Hebrides»).

правление русского языка. Основным средством для достижения поставленной цели члены Собрания видят в составлении словаря русского языка. Позднее, в 1783 г., Вольное Российское Собрание было распущено, так как на смену ему под руководством Е. Р. Дашковой была открыта Российская академия, поставившая перед собой такие же цели и задачи» [Отечественные лексикографы, 2000, с. 26]. Работа над первым русским академическим словарем продолжалась в течение 11 лет, в ней принимало участие 47 человек из 60 членов академии. Авторский коллектив был распределен по трем отделам – объяснительному, грамматикальному и издательскому, за каждым были закреплены свои обязанности. На несколько групп разделился и объяснительный отдел в соответствии с тем, из какой области науки приходилось толковать слова [Там же, с. 31–32]. Любопытно, что в самой организации дела проявляется специфика этнических констант русских и англичан. При всем сходстве задач, их сложности и неизбежной для первопроходцев новизне в поиске решений русские аристократы видят в словарном деле *государственную* задачу и не мыслят ее выполнения вне институциональных академических структур, позволяющих вписать лексикографическую деятельность в общероссийский масштаб самоорганизации российской суперэтнической системы. Вот несколько весьма красноречивых высказываний Е. Р. Дашковой на эту тему: «Я выразила удивление, что императрица, будучи сама писательницей и любя наш язык, не основала еще Российской академии, необходимой нам, так как у нас не было ни установленных правил, ни словарей, вследствие чего нам приходилось употреблять иностранные термины и слова, между тем как соответствующие им русские выражения были гораздо сильнее и ярче» [Там же, с. 35].

Создание словаря мыслится как часть процесса становления нравственной государственности.

«Я взяла на себя собрать слова, начинающиеся на определенные три буквы алфавита, и согласилась исполнить работу, порученную мне членами Академии и состоявшую в точном и ясном объяснении всех слов, имеющих отношение к нравственности, политике и управлению государством» [Там же, с. 36]. В докладе Е. Р. Дашковой императрице об учреждении Российской академии сказано в частности: «Императорская Российская Академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение русского языка, общее установление и употребление слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение.

К достижению сего предмета должно сочинить прежде всего Российскую Грамматику, Российский Словарь, Риторику и правила Стихотворения.

Как такового рода книги не могут быть сочинены одним человеком, то и нужно Общество. Учреждения таковых добровольных обществ до сего времени частью или по недостатку средств или по несогласию членов никогда существовать не могли; а посему должны члены Императорской Российской Академии зависеть от Высшей Власти, утверждающей существование и распространение оной способствующей» [Там же, с. 37].

В Англии же ситуация сложилась иначе. Научные сообщества стали появляться здесь еще в XVI в. После Реставрации чаще обсуждалась идея создания академии именно с пуристической направленностью по отношению к английскому языку. Ряд известных общественных деятелей того времени активно поддерживал эту идею. Однако создать достаточно авторитетный в вопросах языка коллектив долгое время не удавалось. В 1712 г. очень влиятельный человек своего времени, оказывавший услуги правительству и при дворе, Джонатан Свифт (известный в России преимущественно как беспощадный сатирик, писатель-памфлетист и автор «Путешествий Гулливера») направляет главе правительства Роберту Харлею, лорду-казначею Англии, своего рода жалобу-предложение «*A Proposal for Correcting, Improving, and Ascertaining the English Tongue*», в котором говорилось: «My LORD; I do here, in the Name of all the Learned and Polite Persons of the Nation, complain to your LORDSHIP, as *First Minister*, that our Language is extremely imperfect; that its daily Improvements are by no means in proportion to its daily Corruptions; that the Pretenders to polish and refine it, have chiefly multiplied Abuses and Absurdities; and, that in many Instances, it offends against every Part of Grammar» (цит. по: [Crystal, 2005, p. 365]).

Дж. Свифт в этом обращении предлагал радикальное, с его точки зрения, средство решения языковой проблемы, которое заключалось в создании специальной структуры из группы лиц, независимо от их политической принадлежности и рода занятий, которая могла бы осуществлять работу аналогично той, что была проведена во Франции. Главной задачей такого рода активности Свифт считал нахождение способов устойчивой фиксации языковой нормы (*to fix the language permanently*). При этом он вносил и конкретные предложения, в частности, объявлял войну таким нововведениям эпохи, как использование сокращенных до однослогов словоформ (как в случае с *rep* = *reputation*, *mob* = *mobile*; редукции окончаний, как в *rebuk'd*, *disturb'd* и пр.).

Конечно, политические события того времени сильно помешали осуществлению этого плана, однако решающим фактором, думается, стало именно господствующее общественное мнение и прежде всего позиция выражающих его английских интеллектуалов. Многие считали, что политикам нечего делать в языковых вопросах, а С. Джонсон резко отвергал основной тезис сторонников академии, требующих фиксации английского языка в определенной форме. Он сравнивал усилия по установлению жесткой языковой нормы на все времена с попытками найти эликсир вечной молодости:

«When we see men grow old and die at a certain time one after another, from century to century, we laugh at the elixir that promises to prolong life to a thousand years; and with equal justice may the lexicographer be derided, who being able to produce no example of a nation that has preserved their words and phrases from mutability, shall imagine that his dictionary can embalm his language, and secure it from corruption and

decay, that it is in his power to change sunlunary nature, and clear the world at once from folly, vanity, and affectation» (цит. по: [McCrum, Cran, MacNeil, 1986, p. 136]).

Некоторые исследователи не без основания считают, что Джонсон выражал настроения своего времени, в особенности если принять во внимание тот факт, что сама идея создания академии исходила из аналогии с французским образцом. Какой же способ действия избирает англичанин? За завтраком с книготорговцем в июне 1746 г. С. Джонсон заключает контракт на будущий словарь и, получив необходимую сумму, арендует помещение, в котором располагает свою «словарную мастерскую». Среди его шести помощников, по свидетельству Бозуэлла, было пять шотландцев и один англичанин, причем двое из них умерли в процессе работы над словарем. Он не ждал помощи от влиятельных людей и не ставил свое предприятие в зависимость от покровительства каких-либо академических структур. В 1755 г. словарь был издан (подробнее о действиях Джонсона и их оценке современниками см.: [McCrum, Cran, MacNeil, 1986, p. 130–134; Baugh, Cable, 1993, p. 248–269]). Некий этнически значимый смысл его деятельности и, возможно, часть секрета его особой популярности приоткрывается в высказывании его друга и ученика, актера Д. Гаррика, которое мы цитируем вслед за [McCrum, Cran, MacNeil, 1986, p. 135]:

And Johnson, well arm'd like a hero of yore ²⁰,
Has beat forty French, and will beat forty more.

Словарь С. Джонсона длительное время сохранял актуальность при всех своих очевидных недостатках. Лексикографическая практика в Англии знала и другие имена ученых, внесших существенный вклад в становление этой отрасли в англоязычном мире (У. Кенрик, Т. Шеридан, У. Джонстон, С. Джоунз, Ч. Ричардсон, Джозеф Босворт и др.). Только в XIX в. была осознана необходимость радикального и системного обновления английских словарей. В 1857 г. Лондонское филологическое общество создает комитет, который и должен был заниматься этой проблемой. В результате было решено включить в словник нового словаря все слова, использовавшиеся в английском языке примерно с 1000 г., во всех когда-либо засвидетельствованных в текстах формах: фонетико-графических вариантах и значениях. Каждая словарная статья должна снабжаться иллюстрациями использования слова в письменных памятниках. Сотни читателей из разных уголков англоязычного мира присылали материалы для этого словаря, что и послужило исходной базой, от которой можно было отталкиваться при подготовке словарных статей. Качество собранного материала и профессионализм позволили авторам включить в словарные статьи не только информацию о развитии значений слов, но и хронологию первой и последней фиксации новых и старых значений и употреблений. В 1879 г. издательство Оксфордского университета начинает финансирование и

---

²⁰ Yore = time long past.

опубликование словаря. Редактором был Джеймс Марри, в редколлегии работали такие известные сегодня англоязычному лингвистическому миру филологи, как Генри Бредли, Уильям Крейги и Чарльз Онъонз. Словарь был, таким образом, составлен на основе исторического принципа и получил название Большого Оксфордского Словаря (*The New Oxford English Dictionary*); первоначально по завершении работы в 1928 г. он состоял из 10 томов, в словник вошло 240 165 слов (подробнее о концепции словаря, его истории и о современном состоянии проекта см. [Vaugh, Cable, 1993, p. 334–339]; на русском языке: [Влавацкая, 2007, с. 116–123]).

Сама общественно-языковая деятельность, связанная с нормированием языка, развитием новых форм его существования и кодификацией норм, приводит к тому, что все большее количество людей начинает осознавать наличие устойчивого узуса, понимать информационно-знаковую специфику параметров функционирования сложившихся норм и как результат – использовать семиотическое поле языка в своих жизненных целях. В истории английского языка формирование наддиалектного койне и утверждение литературного стандарта шло на фоне довольно ярко выраженного противостояния северных и южных диалектных ареалов. Это противостояние принимало и специфическую окраску в этнической истории англичан, в особенности в новоанглийский период с XVII в. и оставило свой след в истории формирования литературного английского языка. Исследователи новоанглийского языка связывают данную проблему с ареалом распространения складывающейся литературной нормы и даже говорят о возможности формирования литературного субстандарта при наличии поддержки со стороны «местного патриотизма», связанного по необходимости с архаизирующей установкой в отношении языка [Ярцева, 1985, с. 209].

«В условиях диалектной дивергенции даже при наличии признанного литературного языка с широкими социальными функциями возможно существование субстандартов регионального типа» [Там же. с. 210]. В данном случае речь идет о варианте английского языка, известного как шотландский английский (*Scots English*), который, по мнению некоторых лингвистов, составил конкуренцию лондонскому диалекту в период его возвышения. Сама терминология нуждается в комментариях, поскольку диалектологи различают термины *Scottis* и *Scots* как северные формы для *Scottish* и *Scotch*, аналогично тому, как различаются северный термин *Inglis* и стандартный *English* [Skeat, 1912, p. 45]. Действительно, можно согласиться с оценками В. Н. Ярцевой, которые совпадают с мнением ряда других исследователей этой проблемы: «В XIV–XVI вв. существовали языковые и культурно-исторические предпосылки для формирования на базе диалектов Шотландии своего литературного норматива. Однако после потери Шотландией политической независимости (падение династии Стюартов) и присоединения ее к Англии указанные предпосылки не получили дальнейшего развития, и “второй центр” английского языка не состоялся» [Ярцева, 1985, с. 213].

Историки-этнологи и лингвисты отличают, опираясь на веские аргументы (фактические этнокультурные и языковые различия), северную и северо-западную части Шотландии (*Highland*) от ее южной и юго-восточной частей (*Lowland*), непосредственно прилегающих к северу Англии. Формирование английского языка, который характерен для *Lowland*, проходило исторически на основе дробления североанглийского ареала, в ходе активных межэтнических контактов с кельтами. Очевидно, что влияние кельтского субстрата в этой зоне, а также скандинавское влияние были значительно ощутимее, чем в южных зонах. Английский язык проник в юго-восточную Шотландию в период англских поселений в Нортумбрии в VII в. Другими этническими группами, с которыми англам приходилось контактировать в этом регионе, были: пикты, бритты, ирландские кельты, называвшие себя *Scotti*, а позднее и скандинавские викинги. К X в., преимущественно благодаря усилиям скоттов, удалось добиться некоего объединения, при этом большая часть населения говорила на кельтском языке. После Норманнского завоевания шотландский король приютил при своем дворе бежавших от норманнов англичан, а позднее женился на англичанке. Вплоть до XII в. продолжалась миграция беженцев из северной Англии. Король Давид I даровал земли англо-норманнским семьям, англоязычные сообщества развивались там в рамках укрепленных городских колоний. Речь шотландского двора, как и английского, была англо-норманнской, но основное население городов (*Aberdeen, Dundee, Edinburgh, Perth*) говорило не на французском или гэльском (кельтском) наречии, а на английском [McCrum, Cran, MacNeil, 1986, p. 141–142]. Так, в северном ареале начал формироваться *Scots English*. Однако некоторые лингвисты, опираясь на исторические данные о лингвистических различиях внутри северного ареала, рассматривают его деление на шотландскую и йоркширскую зоны как искусственное, подсказанное политическими соображениями деление, слабо подкрепленное фактическими лингвистическими данными. Такая точка зрения первоначально была озвучена Дж. Марри и поддержана другими лингвистами. Вот как в начале прошлого века эта проблема виделась У. Скиту:

«The division between the English of the Scottish Lowlands and the English of Yorkshire was purely political, having no reference to race or speech, but solely to locality; and yet, as Dr Murray remarks, the struggle for supremacy “made every one either an Englishman or a Scotchman, and made English and Scotch names of division and bitter enmity.” So strong, indeed, was the division thus created that it would be very difficult even now to convince a native of the Scottish Lowlands – unless he is a philologist – that he is likely to be of Anglian descent, and to have a better title to be called an “Englishman” than a native of Hampshire or Devon, who, after all, may be only a Saxon» [Skeat, 1912, p. 34–35]. С этой точки зрения генеалогию шотландского диалекта английского языка Скит выводит из нортумбрийской основы, рассматривая древнешотландский (*Old Scots*) как синоним североанглийского диалекта в среднеанглийский период, датируя его существование примерно 1300–1450 гг.,

а «современный шотландский» (*Modern Scots*) – как диалект, который иллюстрируется (когда они используют его) литературными произведениями таких известных писателей, как Роберт Бернс, Сэр Вальтер Скотт и др. [Skeat, 1912, p. 34–35]. Тексты, написанные в раннесреднеанглийский период в североанглийском ареале, будучи предъявленными современным (Скиту) образованным шотландцам и англичанам, распознаются, по свидетельству Скита, как «Old Scotch», что лишний раз доказывает относительное единство северного диалектного ареала в раннесреднеанглийский период ²¹.

Истоки таких «лингвистических» разногласий, как нам думается, следует искать в попытках отождествления языкового кода с этнической принадлежностью, когда язык рассматривается на бытовом уровне (и отражается на лингвистическом) как неотъемлемый признак этноса, признак, оперируя которым, пытаются провести этническое размежевание. Англизация шотландской элиты дала свои плоды. В 1603 г. шотландский король Джеймс VI, сын шотландской королевы, но протестант антигэльского толка, становится английским королем Джеймсом I. Шотландская аристократия вместе со своим королем начинает перенимать английские обычаи и обучать своих детей тому английскому, на котором говорят в английской столице. Англизация коснулась тогда религиозной сферы и сферы домашнего быта. После победы над Испанией в 1588 г., способной оказать поддержку гэльским силам, английская корона ощутила угрозу с ее стороны. Позднее, в XVIII в., после разгрома якобинского восстания и пресечения попыток восстановить династию Стюартов, процесс принял жестко репрессивный характер в отношении гэльской Шотландии, когда шотландцы, помимо физического истребления, испытали на себе жесткие запреты на ношение своей одежды, на свою культуру и язык, что ускорило распад кельтской клановой системы и, естественно, подогревало националистические настроения. В этом контексте архаизация литературы и обычаев стала знаковым явлением, активной попыткой сохранить свою культуру ²². Политика Джеймса в отношении гэльской Шотландии, как свидетельствуют исследователи английской колонизации [Dalziel, 2006, p. 18], заключалась не только в воен-

---

²¹ «“Middle Scots” implies both “Old Scots” and “Modern Scots.” “Old Scots” is, of course, the same thing as Northumbrian or Northern English of the Middle English Period, which may be roughly dated as extant from 1300 to 1400 or 1450. “Modern Scots” is the dialect (when they employ dialect) illustrated by Allan Ramsay, Alexander Ross, Robert Tannahill, John Galt, James Hogg (the Ettrick Shepherd), Robert Burns, Sir Walter Scott, and very many others» [Skeat, 1912, p. 45]. Говоря о политической борьбе, Скит имеет в виду противостояние двух центров на территории Британских островов, Англии и Шотландии, их соперничество за контроль над северными и западными регионами, в особенности «нецивилизованными, дикими» районами гэльской Ирландии и высокогорной Шотландии.

²² Информация о научных источниках по данной проблеме и академический взгляд на специфику и функционирование английского языка в Шотландии представлены за авторством J. Derrick McClure см. в: [The Cambridge History..., 1994, p. 23–94].

ных кампаниях против северо-западной Шотландии, но и в экспроприации земель и законодательном давлении, что явилось заметным ударом по клановой системе.

Вероятно, лоулендеры вошли в английскую этническую систему как субэтнос. Важно, что роль привнесенного ими в трансформированном виде кельтского элемента в культуре Англии, а позднее Америки, значительно выше той, которую кельтский субстрат сыграл в более ранние периоды англосаксонского этногенеза после германского завоевания Британии в IV–VI вв. (см. следующую главу). Через политику наделения правом владения землей Джеймс дал возможность англичанам и шотландцам из южной и юго-восточной части Шотландии селиться в Северной Ирландии, куда многие из них поехали еще и в поисках свободы вероисповедания, поскольку столкновение пресвитерианских²³, католических и англиканских религиозных течений не сулило им спокойной жизни на родине. Так, шотландцы стали проводниками английской колонизации сначала в Ольстере (около 200 000 шотландцев, по данным [McCrum, Cran, MacNeil, 1986, p. 152], мигрировали при покровительстве королевской власти на начальном этапе в Северную Ирландию). “The policy of seizing Irish land and granting it to British landlords was aimed at subduing the Gaelic and Catholic population. Derry was granted to the city of London in 1613, populated with new settlers and renamed Londonderry. The plantations reshaped Ireland’s demography, creating large communities with a British, Protestant identity” [Dalziel, 2006, p. 18]. Позднее потомки этих шотландских ирландцев (the Scots-Irish) мигрировали под влиянием демографических и экономических проблем, убегая от голода и преследований в Америку. За два века, с XVIII по XX в., насчитывается около двух миллионов эмигрантов из этих регионов. Их количество в разы превышало в общем потоке англичан (количественные данные приводятся по: [McCrum, Cran, MacNeil, 1986, с. 153–155]). Шотландцы и ирландцы принесли с собой в Ольстер, а потом в Америку тот английский, на котором они разговаривали сами. При очевидном сохранении диалектной дивергенции в течение нескольких веков в новоанглийский период в условиях относительной территориальной изоляции стали появляться новые формы английской речи. Например, в Америке складывается так называемый аппалачский диалект американского английского, основой которого послужили говоры ирландских и шотландских иммигрантов. В истории США последним принадлежала особая роль в продвижении английской колонизации на запад и освоении новых приграничных

---

²³ Пресвитерианство – разновидность протестантизма, возникшая в Шотландии и Англии в период Реформации и основывающаяся на кальвинизме. Пресвитерианская церковь (Presbyterian Church) является государственной церковью в Шотландии с 1592 г. и имеет своих приверженцев повсюду, где проживают шотландцы; в США насчитывается, по данным лингвострановедческого словаря, более 4 млн членов [Томахин, 1999, с. 404]. Пресвитериане боролись против католицизма, который при Марии Стюарт имел поддержку в Шотландии, и против англиканства за компромисс с католицизмом, при этом составляли умеренное крыло пуританизма (подробнее см.: [Христианство, 1994, с. 370]).

территорий в ожесточенном противостоянии с коренными жителями американского континента – индейцами. По данным Nigel Dalziel [2006, p. 50], только в XVIII в. 115 000 ирландцев (включая Scots-Irish из Ольстера), 75 000 шотландцев и около 100 000 англичан и валлийцев эмигрировали в Америку. Таким образом, доля кельтского субстрата в ранней эмиграционной волне достаточно велика.

Завершая обзор вопросов, связанных со становлением литературного языка в Англии, следует выделить одну существенную для исторической типологии проблему. Она касается взаимодействия диалектного языка и литературного норматива при актуализации процессов типологических преобразований. Высказываются мнения о сдерживающем влиянии нормы, которая может в определенной степени сопротивляться инновациям, в то время как диалектная речь, более свободная от предписывающего давления литературного узуса, менее консервативна в плане типологических инноваций. С другой стороны, диалекты, в силу некоторой изоляции сообществ их носителей преимущественно в сельских регионах, могут, наоборот, сохранять более архаичные черты, типологическая маркированность которых, с нашей точки зрения, должна еще изучаться. Все эти проблемы нуждаются в исследовании и заслуживают специального рассмотрения в междисциплинарном поле исторической этнолингвистики и типологии и поэтому не будут рассматриваться в рамках данного учебника. В российской германистике эта проблема осознана и получила определенное рассмотрение во второй половине прошлого века (см.: [Бубенникова, 1996; и др.]).

§ 6. Нормирование языка в Америке

Развитие английского языка в Америке и его стандартизация имеют свою историческую специфику, отличную от западноевропейских традиций. Это связано не только с «пересадкой» языка вместе с его носителями в совершенно иной географический ареал, на другой континент, но и, прежде всего, с этническими процессами в новых условиях, со спецификой формирования сообществ носителей английского языка в Америке. В данном параграфе мы рассмотрим в общих чертах основные функциональные параметры английского языка в США, сформировавшие специфику его истории и самые устойчивые, наиболее известные отличия американской нормы от той, которая характерна для Англии.

Поскольку американская культура и сообщество носителей английского языка в США формировались в ходе соперничества нескольких европейских колониальных моделей (английской, голландской, французской, испанской и др.) при слиянии различных иммигрантских потоков, для определения базисных для языка процессов необходимо установить, какие волны иммиграции, в какое время и при каких обстоятельствах оказали формирующее влияние на языковую ситуацию в пользу английского языка и какой именно исходный вариант (или варианты) языка послужил основой для нормирования.

Очевидно, что Северная Америка с появлением там европейцев стала ареной столкновения различных суперэтнических систем. Историки и демографы выделяют несколько периодов европейской иммиграции в Америку. Миграции англоязычных европейцев в Америку принимают регулярный характер с начала XVII в., а ранненоанглийский язык того времени условно называют иногда *языком Шекспира*, языком, несущим на себе печать духа елизаветинской эпохи. В самой Англии, как мы уже видели, в это время активно проходили нормализаторские процессы, однако о широком распространении лондонской нормы во всех регионах и о ее разработанности и устойчивости, даже об относительной завершенности кодификационных процессов говорить еще рано.

Ранний период европейской иммиграции примерно с 1607 г. (появление колонии Джеймстаун) до примерно 1787 г. (одобрение федеральной конституции Конгрессом) считается наиболее важным, решающим периодом в истории английского языка в Америке. По мнению А. Бо, именно колонисты этого периода принесли в Америку и сформировали узус в той форме, в которой он существует сегодня. Те, кто прибывал позднее, уже ассимилировались сложившимся сообществом и вынуждены были так или иначе вписываться в существующие порядки. С подачи Mufwene [2001], исследователи говорят в таких случаях об «эффекте основателя» (The Founder Effect). Это понятие активно используется в историко-этнолингвистических и социоллингвистических описаниях процесса европейской колонизации (см., например, очень подробное описание первого этапа основания английских колоний в Америке, который относится к 1587–1670 гг., в: [Schneider, 2007, p. 254–264]; описание исторических корней вариативности американского английского: [Wolfram, Schilling-Estes, 2006]).

Основная масса ранних колонистов были выходцами из восточных частей Англии. После безуспешных попыток основать колонию в Роэноуке в 80-е гг. XVI в. у англичан появился новый интерес к колонизации Америки, который воплотился в создании компании «Виргиния» (the Virginia Company) (1606) инвесторами из Лондона и юго-западной Англии. В 1607 г. лондонская ветвь компании, аккредитованная как «Южная Виргиния», основала первую постоянную английскую колонию «Джеймстаун» в Северной Америке. Какое-то время ее существование было очень проблематичным, поскольку многие колонисты более интересовались поисками золота, чем возделыванием земель для выращивания и добычи еды в достаточном для выживания количестве. К концу 1609–1610 гг. голод, болезни и стычки с местными индейцами сократили количество колонистов с 500 до 60 человек [Dalziel, 2006, p. 24]. Колонии удалось выжить преимущественно за счет организованной ею торговли табаком, который в Америке курили индейцы. Позднее Виргиния перешла во власть английской короны. Здесь преобладали выходцы из западных и юго-западных регионов Англии.

Другая ветвь компании «Виргиния» (из Плимута) получила регион «Северной Виргинии», где изначально финансировала поселения на территории, известной

сейчас как Мэн и Нью-Гемпшир, и хотя эти попытки были неудачными, они сформировали новый полюс притяжения для английской колонизации в Америке. Им стала «Новая Англия», регион, название которому дал капитан Джон Смит, исследовавший берег для компании в 1614 г. Новыми поселенцами были уже не столько искатели золота и авантюристы, сколько люди, искавшие убежища от религиозных преследований в Европе, среди которых доминировали протестанты²⁴, а пуританская²⁵ нетерпимость к безделию и роскоши позволила им эффективно самоорганизоваться на новых территориях. Как утверждает Nigel Dalziel, пуритане преуспели в создании (не без помощи индейцев) смешанной экономики, основанной на рыболовстве, земледелии и торговле мехом, быстро рассчитавшись с английскими инвесторами [Dalziel, 2006, p. 26].

Религиозные притеснения и экономические трудности в Европе обеспечили постоянный приток колонистов пуританской ориентации преимущественно из восточных и юго-восточных частей Англии, поскольку Восточная Англия была средоточием пуританизма, отсюда финансировалась и здесь формировалась новая армия Оливера Кромвеля. Пуритане и иные религиозные секты, обосновавшиеся в Новой Англии, с самого начала проявили стремление к самостоятельности и независимости. К 1650 г. в Новой Англии было уже 40 городов, среди которых – Бостон, Чарлзтон, Салем и Кеймбридж. Колонизация проходила на фоне массовой гибели индейского населения от жестокого притеснения со стороны европейцев и тотального вымирания (до 90 % населения только в начале XVII в.) от европейских болезней, противостоять которым индейцы не могли [Ibid., p. 26–27].

С начала XVII в. английские колонии перешли из режима выживания в режим расширения по восточному побережью американского континента. В 1664 г. стратегическая колония Нью-Амстердам, приобретенная голландцами в 1655 г., была захвачена и переименована в Нью-Йорк. Она была дарована брату короля, герцогу Йоркскому. С конца века в Америку стали прибывать шотландцы и шотландские

---

²⁴ Протестантизм – одно из трех (наряду с католицизмом и православием) направлений христианства, которое представляет собой «совокупность многочисленных и самостоятельных церквей и сект, связанных своим происхождением с Реформацией – широким антикатолическим движением XVI в. в Европе» [Христианство, 1994, с. 375].

²⁵ Пуританизм (от лат. *purus* – «чистый», *puritas* – «чистота») – «сложившееся во второй половине XVI в. в Англии оппозиционно-религиозное движение за более последовательную реформацию англиканской церкви, «очищение» ее от черт, унаследованных от католицизма... Историческая роль пуританизма связана с утверждением... пуританского образа жизни, опирающегося на такие религиозно-этические ценности, как доктрина призвания, осуждение праздности и расточительства, культ трудолюбия и делового успеха, упорство в осуществлении целей, стойкое отношение к жизненным неудачам. Как культурно-исторический феномен, пуританизм является важным фактором формирования и компонентом американского национального характера» [Там же, с. 383–384].

ирландцы, а также английские квакеры²⁶, все они оседали первоначально в среднеатлантических штатах, преимущественно в Нью Джерси и Пенсильвании. Французы в это время пытались контролировать всю Миссисипи, построив там ряд укреплений и торговых точек к западу от английских поселений. Англичанам удалось отстоять свои интересы в войне с французами за европейские и североамериканские колонии. В семилетней войне (1756–1763) Франция потеряла свои колонии в Северной Америке в пользу Британии. В Канаде и по сей день сохраняется сильное французское влияние. Позднее, в 1819 г., была приобретена Флорида у Испании в обмен на Гавану. Испанское влияние до сих пор особенно сильно сказывается в южных и западных областях США, бывших изначально испанскими колониями (Нью-Мексико, Техас) и вошедшими в состав США только в XIX в. Все это сопровождалось войнами с индейцами, которые могли поддерживать позицию противников англичан в колониальной войне. Такова общая канва событий, значимых для истории английского языка в Америке в первый период европейской иммиграции.

Картина была бы не полной без учета африканского следа в этническом составе формирующейся новой империи. Британия стала основным инициатором и двигателем работорговли во второй половине XVII в., когда в 1660 г. «the English chartered the Company of Royal Adventurers to trade in gold, ivory and slaves. ...Losses in the Anglo-Dutch War of 1664–7 ruined the Company but in 1672 it was re-established as the Royal Africa Company, focusing on the lucrative slave trade. The English became the chief transatlantic slavers...» [Dalziel, 2006, с. 30–31]. Только из одного региона Сьерра-Леоне (на британских кораблях) в период с 1662 по 1759 г. было вывезено 106 800 рабов. В подконтрольной европейской работорговле части африканского континента Британия также соперничала с Францией, Португалией, Голландией, Данией. Не только британские, но и новые испанские и французские колонии испытывали потребность в рабской силе. По данным Nigel Dalziel, «British shipping transported an estimated 3,415,500 slaves up to 1807 (out of a total of 8,368,000 by 1800), two-thirds during the 18th century, although from 1763 slave exports broadly levelled out before the French wars from 1789 began the slow process of decline» [Ibid., 2006, p. 31]. Захват Карибских островов позволил рабовладельцам, опираясь на рабскую силу, культивировать сахарные плантации и нажиться на торговле сахаром.

---

²⁶ Quakers [kweikez], букв. «трясущиеся» – члены религиозного «Общества друзей». «Квакеры – христианская община (разновидность протестантизма); не пользуются Священным Писанием. Отличаются крайней простотой в повседневной жизни и в богослужении (церковная служба состоит в основном из благочестивого размышления молча); отвергают институт священников, проповедуют пацифизм, занимаются благотворительностью. Община возникла в Англии в середине XVII в. Штат Пенсильвания был основан квакерами, спасавшимися от религиозного преследования» [Томахин, 1999, с. 411].

К концу первого периода иммиграции (около 1787 г.) в английских колониях Америки была проведена перепись, которая показала, что в них проживало примерно 4 миллиона людей, 95 % – к востоку от Аппалачских гор и 90 % были выходцами из разных частей Британских островов [Бо, 1978, с. 345].

Второй период иммиграции связывается с расширением тринадцати штатов на запад, за пределы Аппалачских гор, вплоть до Тихого океана. Окончание этого периода относят примерно к 1860 г. В этот период, как мы уже говорили, важную роль сыграла шотландская и ирландская иммиграция, существенный вклад в европейскую часть населения внесли и немецкие иммигранты. Для понимания исторических корней американской этнокультуры и американского литературного языка, а также его основных отличий от британского английского стандарта нам будет достаточно упомянутых выше первых периодов иммиграции.

Утверждение английской основы в новой американской суперэтнической системе может показаться, на первый взгляд, парадоксальным, поскольку оно проходило в борьбе именно против Англии, что, впрочем, как уже отмечалось, стало воплощением английской колониальной модели с ответвлением новых миниимперий, т. е. по сути расширением западноевропейской суперэтнической системы в ее англосаксонском варианте. За провозглашением независимости США в 1776 году последовала война с Англией и подъем сепаратистских настроений, сформировавший этнокультурную доминанту ранних американцев. Процесс формирования новой американской культуры и ее воплощение в американском языке (именно так названа книга, о которой здесь пойдет речь – «*The American Language*») описан в: [Menken, 1963]. Эта книга, написанная в 1919 г., и сегодня служит источником знаний о базисных различиях американского от других вариантов английского языка. В ней есть специальный раздел с красноречивым названием «*A New Nation in the Making*», где автор (Генри Луис Менкен) анализирует дух эпохи и отмечает, что первые признаки реального перелома в сторону нового международного миропорядка стали появляться с президентством Томаса Джефферсона. Данный текст интересен сам по себе как образец рефлексии представителя американской этнолингвокультуры над процессом ее формирования.

«But confidence in the solidarity and security of the new nation was still anything but universal. Democracy was still experimental, doubtful, full of gunpowder. Jefferson, its protagonist, was the hero of the populace, but he was not part of the populace himself, nor did he ever quite trust it» [Ibid., p. 143].

Появление нового американского героя своего времени Менкен относит к началу XIX в.: «It was reserved for Andrew Jackson to lead the rise of the lower orders with dramatic effectiveness. Jackson was the archetype of the new American who appeared after 1814 – ignorant, pushful, impatient of restraint and precedent, an iconoclast, a Philistine, an Anglophobe in every fiber. He came from the extreme backwoods, and his youth was passed, like that of Abraham Lincoln after him, amid surroundings but little removed from savagery. Thousands of other young Americans of the same sort

were growing up at the same time. They swarmed across the mountains and down the great rivers, wrestling with the naked wilderness and setting up a casual, impromptu sort of civilization where the Indian still menaced. Schools were few and rudimentary; any effort to mimic the amenities of the East, or of the mother country, in manner or even in speech, met with instant derision. In these surroundings at this time the thoroughgoing American of tradition was born. America began to stand for something new in the world – in government, in law, in public and private morals, in customs and habits of mind. And simultaneously the voice of America began to take on its characteristic tone colors, and the speech of America began to differentiate itself unmistakably from that of England. The Philadelphian or Bostonian of 1790 had no difficulty in making himself understood by a visiting Englishman. But the Ohio boatman of 1810 or plainsman of 1815 was already speaking a dialect that the Englishman would have shrunk from as barbarous and unintelligible, and before long it began to leave its marks upon a distinctively national literature. The same year, 1828, which saw Jackson elected for his first term also saw the publication of Noah Webster's "American Dictionary of the English Language", and a year later followed Samuel Lorenzo Knapp's "Lectures on American Literature", the first formal treatise on the national letters» [Mencken, 1963, p. 144–145].

Далее Менкен перечисляет имена и произведения американских писателей, сформировавших классическую американскую литературу начала XIX в., ту, в которой отразился новый американский дух, создававший ощущение нового национального единения. Сам же этот дух, по мнению Менкена, прекрасно отраженный в публикациях того времени, основывался на вере американцев в свое великое будущее: все американское должно стать великим и большим – территория, население, продукция, богатство, наука, искусство, а в особенности – политические и социальные институты и литература. Дух эпохи зиждется на ничем не ограниченной вере в материальное процветание будущей Америки, материальный прогресс, достижения в моральной и интеллектуальной сферах. Специфику английского языка в Америке Менкен видел в его творческом использовании носителями и связывал ее с влиянием больших открытых пространств нового континента: «...By the end of the 1840s the stars of the craft were beginning to turn from the New England Yankee²⁷ to the transAlleghany American, often a Southerner and usually only theoretically literate. The discovery of gold in California attracted not only fortune seekers but also journalists, and out of their ranks came a large number of satirical historians of the rise of Western civilization, with M. Twain, in the end, overshadowing all the rest» [Ibid., p. 148]. Действительно, в произведениях Марка Твена

---

²⁷ Yankee [jæŋki] – янки, житель Новой Англии. Это слово презрительно употреблялось англичанами в качестве прозвища американских колонистов. В период гражданской войны так называли солдата армии северян. Само слово происходит от голландского корня, по значению эквивалентного английскому Johnny.

воплотился дух эпохи нового (колониального) расширения англосаксонской суперэтнической системы, состоялись образы героев-носителей этого духа и критическая рефлексия над последствиями его воплощения в жизнь (особенно интересны в этом отношении автобиографические заметки М. Твена, где он размышляет над национализмом и патриотизмом по-американски, содержанием и формами английской колонизации, см., в частности, очерк «Мы – англосаксы»).

Развитие новых вариантов английского языка в разных частях света в результате английской колонизации привлекает внимание многих историков языка, специализирующихся в области исторической этно- и социолингвистики. Американский английский – это язык, за которым стоит целый мир американской жизни, совершенно новый для европейцев опыт освоения огромных пространств, опыт межэтнических контактов. Именно этот опыт, отличный от опыта основной массы оставшихся в Европе носителей английского языка, создает специфику различий между британским и американским английским. Зачастую различия фиксируются не столько по уровням языка (хотя таких различий предостаточно и они продолжают накапливаться), сколько в культуре, новой картине мира, о чем собственно и писал Менкен, в новых формах самоорганизации этнически усложненного по составу и постоянно растущего по количеству членов сообщества носителей американской идеи в совершенно непривычном ландшафте. Все эти проявления этнической жизни требовали новой семиотики для выведения изменившегося состояния сознания людей вовне.

Эдгар Шнайдер предлагает «динамическую модель» эволюционного цикла в формировании вариантов английского языка в постколониальную эпоху (New Englishes, Postcolonial Englishes) [Schneider, 2007, см. в особенности таблицу на с. 56]. В этой модели выделяются последовательные этапы развития английского языка на новых колонизованных территориях. Данная модель применяется автором к описанию различных вариантов английского языка, включая и американский сценарий [Ibid., p. 251–308]. Уолт Вольфрам и Натали Шиллинг-Эстес, ссылаясь на исследование Эдгара Шнайдера [2003], применяют его модель к описанию вариативности американского английского. Они выделяют *пять стадий* в развитии американского английского: с начала пересадки широкого спектра британских диалектов на американскую почву до внутренней их диверсификации и превращения в разновидности американской речи. Эти стадии типичны для каждого варианта английского языка, появившегося в любой части света в ходе английской колонизации. Первая стадия названа «стадией основания» (foundation stage), когда проявляется так называемый «эффект основателя» (founder effect). В течение этого периода английский используется регулярно в регионе, где раньше не использовался. Типизация признаков этой стадии задается характером самой колонизации, когда носители языка являются выходцами из разных (в данном случае британских) регионов, и поэтому однородности их речевых признаков в новом регионе ожидать не приходится. Здесь закладываются основы для после-

дующего «эффекта основателя», что подразумевает некоторое влияние первоначальных британских диалектных различий на специфику формирующихся новых американских диалектных зон в распространении английского языка.

Во время второй фазы – эгонормативной стабилизации (exonormative stabilization) – сообщества достигают политической стабилизации под давлением иностранных колонистов (в данном случае преимущественно британских), при этом у экспатриантов складываются первичные нормы использования языка.

В третьей фазе – нативизации (nativization) – совершается фундаментальный переход к независимости в политическом, культурном и языковом аспектах. В это время в языке возникают специфичные для региона структурные и субстантные новообразования, имеет место дифференциация, отделение нового варианта от его прототипа на родине.

Четвертая фаза называется эдонормативной стабилизацией (endonormative stabilization), в ходе которой новое сообщество (нация в терминах авторов) скорее принимает свои собственные новые нормы, следуя новому внутреннему узусу, чем прежнему (ставшему чужим и внешним).

Наконец, последняя, пятая, стадия определяется как стадия дифференциации (differentiation), когда развиваются новые диалекты обычно на совершенно отличной от процессов на родине основе, происходит диверсификация исходного материала в новые формы (подробнее см.: [Wolfram, Schilling-Estes, 2006, p. 103–104; Schneider, 2007, p. 251–308]).

В ходе анализа истории американских диалектов на основе этих пяти фаз авторы замечают, что выходцы из разных территорий Британии в Америке также селятся преимущественно в различных регионах, что позволяет говорить о целесообразности анализа того, какое влияние оказывают исходные привнесенные англоязычными иммигрантами диалекты на формирование американского английского в этих регионах. Такой подход позволил авторам выделить *пять первичных культурных центров* колониальной Америки, из которых исходит формирующее диалектное влияние: *Джеймстаун, Бостон, Филадельфия, Чарлзтон и Новый Орлеан*. Все эти центры возникли еще до революции. «When the Thirteen Colonies became the United States, there were already clear indications that American English was becoming a separate linguistic entity from British English. ...Earlier American English was influenced by French in the New Orleans area, Spanish in Florida, German in Pennsylvania and New York, and by West African languages such as Mande, Mandingo, and Wolof throughout the Lower South. And, of course, it was influenced by the numerous Native American languages spoken by the indigenous inhabitants of the Americas. ...In addition, the development of English in America was affected by contact between speakers of language varieties that originated in different parts of the British Isles, including such varieties as Southeastern English, Southwestern English, the Midland English of the Quakers, Scots English, Scots-Irish, and even Irish and Scots Gaelic» [Wolfram, Schilling-Estes, 2006, p. 114].

Рассмотрим, опираясь на данные Wolfram и Schilling-Estes, а также данные Атласа североамериканского английского [2005], каждую из формирующихся зон с точки зрения заданности исходных этнолингвистических параметров.

Район вокруг Джеймстауна (Tidewater Virginia) в приатлантической Виргинии в ранний период иммиграции населялся выходцами из юго-восточной Англии, в частности из Лондона. Естественно, их речь была близка к той, что начала оформляться в лондонскую норму в Британии. Здесь уже шел процесс утраты эрного произношения после гласных (о вокализации [r] после гласных и об эрных и безэрных диалектах английского языка см. ниже). Аристократические круги Виргинии Атлантического побережья (Tidewater Virginia), которые могли позволить себе иметь плантации, сохраняли крепкие связи с Лондоном и стремились сохранить черты «хорошего» английского: говорить так, как должны были говорить в Лондоне. Что же касается других частей Виргинии в зоне влияния Джеймстауна, то через сто лет после его основания они превратились в эрные зоны, поскольку заселялись выходцами из Шотландии и Ирландии, в речи которых сохранилось эрное произношение. Эти люди селились и вели хозяйство на небольших фермах, как правило, не могли себе позволить такую роскошь, как регулярные поездки в Англию и обучение там детей, поэтому их жизнь протекала в большей изоляции от метрополии, что отразилось на их речи.

Примерно та же картина наблюдалась и в Новой Англии вокруг зоны влияния Бостона. Здесь также выделяется район Восточной Новой Англии, в котором ярко представлены черты британского юго-восточного ареала, это безэрный регион с самого основания колонии в заливе Массачусетс с 1620 г. Что же касается Западной Новой Англии и Нью-Йорка, то здесь преобладает эрное произношение, имеет место относительная изоляция от метрополии и некоторое нивелирование исходных диалектных различий на фоне интенсивных междиалектных контактов. Иногда в обоих регионах (и вокруг Джеймстауна, и вокруг Бостона) по эрным анклавам внутри безэрных зон можно определить границы расселения выходцев из западных и юго-западных частей Британии. Наиболее ярко влияние британского *юго-западного прототипа* представлено на островах Чесапикского залива (Chesapeake Bay Islands – Tangier Island, Virginia; Smith Island, Maryland и некоторых других). Для речи нью-йоркцев традиционно голландское и немецкое влияние, которое ощутимо в лексике.

Филадельфия с самого начала отличалась по составу колонистов и их речи от других регионов, поскольку колонисты-квакеры происходили из *северной Англии и северо-центральных районов*. К тому же позднее сюда иммигрировали выходцы из Уэльса и Германии. В Пенсильвании влияние немецкого субстрата было велико. Наконец, позднее сюда проникли *шотландцы и ирландцы*. Здесь также преобладали мелкие фермерские хозяйства и уклад жизни не способствовал поддержанию регулярных контактов с родиной. Как можно заключить из данных об

этническом составе колонистов, в этом регионе, естественно, преобладают эрные зоны.

Зона Чарлстона в Южной Каролине изначально характеризовалась большим разнообразием речи колонистов – поначалу это были *англичане, ирландцы, валлийцы*, которых позднее сменили *гугеноты из Франции, голландцы, баптисты из Массачусетса, квакеры из Луизианы* и *ирландские католики*, здесь также существенное влияние оказал приток *рабов из Африки*. Экономика развивалась поначалу за счет рисовых плантаций. Известно, что к 1724 г. в этом регионе чернокожего населения было в три раза больше, чем белого. Здесь начинает развиваться *афроамериканский вариант английского языка* (African American speech i.e., Black English vernacular), в частности, креольский язык Gullah (Geechee), близкий к креольским языкам островов в Карибском море и к языку крио в Африке и Сьерре-Лионе. Активная английская колонизация Флориды началась несколько позднее, чем в других регионах, из-за сохранения там испанского влияния.

Новый Орлеан, как и вся Луизиана (названная так в честь короля Франции Людовика XIV), испытывал сильное французское влияние, даже креольский язык формируется в этой зоне на французской основе, позднее сюда переселили *кейжанов* – католиков, носителей очень архаичной формы французского языка из Канады (провинции Новая Шотландия), развившейся в условиях междиалектных контактов в так называемый – Cajun English. И хотя с 1763 г. Новый Орлеан находился под испанским контролем, французское влияние там традиционно было сильнее. В 1803 г. Новый Орлеан стал американским, и туда прибыли поселенцы британского происхождения. Все это привело к снижению влияния французского субстрата.

Роль первоначальных диалектных зон, сформировавшихся в первый период европейской иммиграции, остается ведущей, как отмечают диалектологи, и в дальнейшем расширении американского английского в глубь американского континента. Высокие цены на землю, давление налогового прессы, перенаселенность ряда регионов, а также религиозная нетерпимость и консерватизм, особенно в Новой Англии, приводили к выдавливанию части колонистов за пределы устоявшегося ареала: «For the most part, European settlers and their descendants tended to move directly westward as America expanded, so that Northern states in the interior tended to be inhabited by speakers from New England and New York, the middle states to be inhabited by Midland speakers, and the Southern states by Southerners» [Wolfram, Schilling-Estes, 2006, p. 118]. При этом данные атласов, построенных на основе лексических и фонетических изоглосс, значительно совпадают. Современный американский диалектный континуум моделируется на основе идентификации северного ареала со своим внутренним подразделением (иногда район Новой Англии и Нью-Йорк рассматриваются отдельно) центрального и южного ареалов, внутри которых также наблюдается дробление преимущественно на основе противопоставления приатлантических и континентальных зон. При этом, по мнению

Лабова, диалектные различия (в особенности в гласных подсистемах) скорее усиливаются в современном американском английском, чем нивелируются [Labov, Ash, Boberg, 2006]. Думается, что эта подвижность гласных подсистем в значительной степени обусловлена их существенной нагрузкой в типологической трансформации английского языка, а некоторые варианты их преобразований при сравнительном анализе могли бы дать новые знания об адаптивности различных подсистем внутри разных ареалов распространения английского языка, а также о силе и содержании внешнего давления на эти подсистемы. Сложность такого рода анализа заключается не только в необходимости предварительного сбора информации комплексного (междисциплинарного по сути) плана на предварительном этапе до сравнения полученных данных, но и в доступности самого этого материала стороннему наблюдателю. Последняя, среди прочего, зависит от степени открытости исследуемых этноязыковых сообществ.

В середине XIX в. наблюдалось особенно активное продвижение на Запад представителей всех новых этнокультурных сообществ американцев в эпоху *золотой лихорадки в Калифорнии* (The California Gold Rush of 1849). Развитие западного диалектного ареала имело свою специфику, которая становится особенно очевидной в современный период и позволяет вести речь не только о формировании относительно самостоятельного западного диалектного ареала, но и о смене вектора распространения языковых инноваций – не с востока на запад, как сложилось исторически, а с запада на восток [Wolfram, Schilling-Estes, 2006, p. 124]. Все это также может стать предметом отдельного рассмотрения в историко-типологическом и этнолингвистическом контекстах. Влияние новых, не европейских, иммиграционных потоков из Латинской Америки, Африки и Азии, с неизбежными структурными и институциональными изменениями в этнокультурной жизни всей суперэтнической системы, – это уже предмет рассмотрения для историка далекого будущего.

Остановимся на основных нормативных признаках американского варианта английского языка, которые объясняются историческими причинами. К исторически обусловленным особенностям американской литературной нормы можно отнести такие явления, которые стали результатом неравномерности и несинхронности ряда общих для официальных норм всего англоязычного ареала изменений. Так, например, и для британского, и для американского ареалов характерно дробление на эрные и безэрные зоны, однако в каждом из этих ареалов своя специфика распределения этой переменной, своя интенсивность и устойчивость связанных с ней преобразований. Само появление безэрного произношения представляет собой результат вокализации [r] после гласных (его фонологический смысл в истории английского языка в Англии будет рассмотрен ниже). В комментариях к карте, показывающей распределение эрных и безэрных зон в Англии, авторы атласа английских диалектов пишут: «*Rhoticity or r-colouring* – the pronouncing of *r* either before a consonant or finally in such words as ARM, HORSE, TURN, FLOWER –

was for a long time a regular feature of English pronunciation, which is why the letter *r* exists in those words when they are spelt today. However, the feature began to weaken in parts of southern England during the fifteenth century, as is shown by spellings of that time such as *Dosset* for DORSET. R-colouring finally ceased to be a feature of standard pronunciation in the eighteenth century» [Upton, Widdowson, 1996, p. 31].

В английских учебных толковых словарях обычно маркируются базовые различия в произносительной норме Британии и США.

Ср. [AS Hornby, 2005]:

Arm /ɑ:m; *NAmE* ɑ:rm/; **turn** /tɜ:n; *NAmE* tɜ:rn/.

Эрное произношение в Англии сохраняется сегодня только на северо-западе и в юго-западном ареале. Этот ареал разорван, в отличие от безэрного ареала, что может свидетельствовать о неустойчивости эрного произношения, об исторической тенденции к вокализации поствокального *r*. Действительно, в ненормативной, диалектной речи, по наблюдениям Традгилла, имеет место вытеснение эрного произношения в Англии, что в социолингвистическом контексте принято объяснять, в частности, давлением литературной нормы [Ibid.]. Для американского стандарта эрное произношение является нормативным, поскольку этот тип доминирует в американском ареале. Однако он не универсален, как мы уже видели, и региональные узусы могут отличаться именно по этому параметру. Вероятно, и само понятие нормы получило специфическую для Америки трактовку в отличие от исторически сложившейся в Британии традиции. Например, в Америке существует понятие так называемого регионального стандарта (*regional standard English*²⁸), а вопрос обучения литературному нормативу может подчас принимать проблематичный характер (см. ниже). История ранней колонизации и освоения нового ландшафта в Америке объясняет, почему безэрное произношение является отличительной особенностью нормативного произношения в Новой Англии.

Наиболее существенные особенности американского нормативного произношения связаны со спецификой фонологической подсистемы этого языка, в особенности его вокализма, о чем уже говорилось. Рассмотрение устройства американской фонологической подсистемы не входит в задачи данного параграфа, поэтому ограничимся упоминанием о самых очевидных для наблюдателя особенностях произносительной нормы, связанной с гласными. Целый ряд слов с норма-

²⁸ «A variety considered to be standard for a given regional area; for example, the Eastern New England standard or the Southern standard» [Wolfram, Schilling-Estes, 2006, p. 403]. По контрасту выделяется и так называемый *general American English* как некий абстрактный эталон, который определяется следующим образом: «A term used to refer to varieties of English that are not characterized by a particular dialect trait under discussion. For example, the use of a- prefixing in some rural and Southern dialects may be contrasted with its non-use in “general American English”» [Ibid., p. 395].

тивными устойчивым [ɑ:] в британском английском содержат открытый звук [æ] в американском, что также как правило, отражается в учебных словарях. Это касается прежде всего таких лексем, в которых буква **a** стоит перед **f, sk, sp, st, ss, th, n + согласный**:

Cf. [AS Hornby, 2005]:

Fast /fɑ:st/, path /pɑ:θ/, ask /ɑ:sk/, pass /pɑ:s/, dance /dɑ:ns/

NAмЕ: /fæst/, /pæθ/, /æsk/, /pæs/, /dæns/.

Фонологический смысл данного изменения мы рассмотрим ниже в третьей части.

Распределение различных вариантов произношения по конкретным лексемам, общий охват лексем данными вариантами может осуществляться по-разному в разных регионах Америки, как и в разных диалектах Англии, где сохраняются более ранние произносительные нормы. Вот как комментируют (применительно к Англии) ситуацию со звуком [æ], который они обозначают на карте буквой **a**, Clive Upton и J. D. A. Widdowson: «During the seventeenth century, however, it became fashionable to lengthen this sound while still pronouncing it much as the short sound had been pronounced: Ekwall, in *English Sounds and Morphology* (para. 46), traces the first written record of the change to 1685. It is this new sound which is seen to survive as **aa** in the speech of non-standard speakers over most of the southern half of England. By the eighteenth century a further change had taken place, in which the lengthened sound came to be articulated further back in the mouth, giving **ah**: this development took root in the South-east, from there it influenced the Received Pronunciation of standard speakers around the country, but its non-standard geographical spread has remained quite restricted» [Upton, Widdowson, 1996, p. 7]. В американской норме, как видим, сохраняются более архаичные произносительные варианты.

Следующей специфической особенностью американского нормативного произношения, регулярно фиксируемой учебными словарями, является делабиализация **o** в закрытых слогах, в таких словах, как *not, hot, lot, top* и пр. Английскому усеченному [ɒ] в этих случаях в американском нормативе соответствует делабиализованный звук, обычно краткий [ɑ], или звуки [ɑ:], [ɒ:]. Таким образом, например, русскому человеку американский гласный в словах *not, hot, lot, top* будет напоминать звук, который мы привыкли слышать в английских словах *but, luck*. Ср.: **BE** got [g ɒt], **AE** [gɑ:t].

Центрирующие дифтонги, появившиеся в английском языке в результате вокализации [ɪ] (см. ч. III, гл. I, § 5) и ставшие нормативными в британском произношении в таких словах, как *near, hair, pure* [niə, heə, pjʊə], просто отсутствуют в американском стандарте. Вместо них произносятся монофтонги с финальным эрным вариантом. Например:

near /niɪ/, *hair* /heɪ/, *pure* /pjʊɪ/ [AS Hornby, 2005, R 118].

Кроме перечисленных выше регулярных, выявляемых при сравнении, например, с британским вариантом, фонетических отличий наблюдаются многочисленные разночтения в произношении некоторых слов и словоформ, которые не поддаются систематизации на регулярной исторической основе. Некоторые из них имеют вариантное чтение и внутри каждого из рассматриваемых ареалов (так, [i:ðər, ni:ðər], более характерны для американского). Например:

either ['aiðə(r); 'i:ðə(r)];
neither ['naiðə(r); 'ni:ðə(r)];
lieutenant [lef'tenənt; *NAmE* lu:'t-];
advertisement [əd've:tismənt; *NAmE* ɔəd'vɜr'taiz-];
 и др.

При сравнении британского нормативного произношения с американским традиционно выделяют *специфику признесения неударных слогов*, а также связанную с ней систему *распределения ударений* в отдельных (многосложных) словах. Отмечено, что американцы склонны произносить неударные слоги более отчетливо, чем в английском стандарте, где наблюдается более последовательная редукция неударных слогов. Иногда американское произношение опирается даже на иную, чем в британском стандарте, комбинацию основного и вторичных (ослабленных) ударений в целях выделения неударных в других нормативах слогов. Например:

necessary ['nesəsəri; *NAmE* -'seri];
necessarily [ɔnesə'serəli; BrE also 'nesəsərəli];
laboratory [lə'bdrətəri; *NAmE* 'læbrɔ:tɔ:ri];
 см. также *advertisement* выше.

Выделение неударных слогов и более отчетливое их произнесение некоторые лингвисты объясняют сложившейся еще в XVIII–XIX вв. практикой обучения правописанию, которую, в свою очередь, возводят к деятельности Ноя Уэбстера (1758–1843).

Н. Уэбстеру, юристу по образованию и учителю по призванию, действительно было суждено сыграть особую роль в стандартизации английского языка в Америке. Его вклад заключается как в конкретных предложениях по систематической оптимизации американской орфографии, так и в огромной практической деятельности по воплощению своих идей в жизнь. В послевоенные годы американские учителя испытывали нехватку учебной литературы, появилась потребность в упорядочении процесса обучения родному языку с опорой на более-менее устойчивую норму в непростых условиях многокомпонентных лингвистических ситуаций в различных частях США. Этот вызов времени был услышан Ноем Уэбстером,

который написал три книги для начального обучения в школе под общим названием «A Grammatical Institute of the English Language». Сюда вошли книги по грамматике, орфографии и чтению. Они были невероятно популярны в Америке. По ним обучалось несколько поколений американцев. А. Бо приводит свидетельства очевидцев организации занятий по орфографии и чтению по книге Н. Уэбстера («The American Spelling Book») в школах в самом конце XVIII в., в которых описывается процедура коллективного и индивидуального произнесения каждого слова по буквам и слогам (spelling bee) в различной игровой форме и с разными формами наказания нерадивых учеников [Бо, 1993, с. 366]. Популярность такой методики могла оказать существенное влияние на произносительные навыки американцев в отношении неударных слогов.

Деятельность самого Ноя Уэбстера отнюдь не ограничилась созданием пособий для обучения английскому языку. В 1828 г. он выпускает свой фундаментальный труд – «American Dictionary» в двух томах. Это был словарь английского языка в его американском варианте, ставший основой для разработки и утверждения нового стандарта. Внесенные им ранее предложения по реформированию американской орфографии Н. Уэбстер зафиксировал в своем словаре. Именно к деятельности Уэбстера восходят такие орфографические отличия американской нормы от британской, как устранение ряда непроезжих исторически реликтовых букв, использование одного согласного вместо двояных, перестановки некоторых букв в исходе слова и иные правила, нацеленные на рационализацию английской орфографии, придание ей большей мотивированности произношением. Приводимые ниже словоформы иллюстрируют базовые различия, появившиеся в то время и утвердившиеся как достояние американской нормы. Первая колонка состоит из американских, вторая – из британских вариантов словоформ.

AE	BE	AE	BE
check	cheque	dialog	dialogue
canceling	cancelling	catalog	catalogue
signaler	signaller	realize	realise
center	centre	analyze	analyse
fiber	fibre	organize	organise
theater	theatre	encyclopedia	encyclopaedia
color	colour	medieval	mediaeval
favor	favour	program	programme
humor	humour	jail	gaol
defense	defence	plow	plough
offense	offence	wagon	waggon
story	storey	ax	axe

Любопытно, что в период подъема патриотизма и активной борьбы американских колоний за независимость звучали разные, иногда очень радикальные, предложения по поводу реформирования языка, в частности, не кто иной, как Бенджамин Франклин высказывал идеи о необходимости введения своего американского алфавита. Н. Уэбстер, первоначально прохладно относившийся к идеям реформирования орфографии, позднее также высказывал предложения по поводу орфографических нововведений, но далеко не все из них утвердились в американской орфографической традиции. Так, например, среди прочего он предлагал удалить конечную *e* в словах *determine*, *examine*, *medicine*, *give* и т. п.; заменить *ch* на *k* в словах *chorus*, *character* и им подобных [Бо, 1993, с. 363–364].

На уровне грамматики чисто субстантных различий между британской и английской нормой наблюдается немного. Обычно они связываются с сохранением архаических форм некоторых сильных (неправильных) глаголов или, наоборот, использованием правильных форм на месте неправильных в британском варианте. Так, в американском варианте используется форма *gotten* (в перфекте: *have gotten*), в британском *got* (*have got*). В британском приняты *prove – proved – proved*, форма же *proven* более типична для Америки; BE *strike – struck – struck*, NAmE – *stricken*. Но *spoil – spoiled – spoiled* нормативны и для Британии, и для Америки, однако *spoil – spoilt – spoilt* фиксируются как чисто британские варианты. Наиболее значимую специфику можно наблюдать в самом употреблении грамматических форм в американском варианте. Так, в Америке и Британии разнятся сферы употребления форм *Present Perfect* и *Past Indefinite*, наблюдаются и различия в использовании артиклей, модальных и других служебных глаголов, местоимений и пр. Например:

BrE Have you heard the news yet? AE Did you hear the news yet?
AE Do you have a pen? No, I don't. BrE Have you got a pen? No, I haven't.

Больше всего характерных для американской нормы языковых единиц и структур отмечено на лексическом уровне. Эти различия систематизируются следующим образом. Часть слов, типичных для американского английского, не характерны для британского, чаще просто отсутствуют в нем. Например, такие слова, как *fall* со значением «осень», *platter* и др., просто устарели в Англии, но нормативны для Америки. Есть и обратные примеры: британское *porridge*. Многие американские слова появились в результате заимствований из других европейских языков или от индейцев. Значительная их часть стала использоваться в разных вариантах английского языка, но многие остаются специфически американскими реалиями. Из индейских языков пришли такие слова, как *papoose*, *war paint*, *squaw*, *wampum*, *canoe*, *tomahawk*, *to scalp*, *paleface*, *war path* и мн. др. В орфографии и произношении следующих появившихся в Америке слов угадываются их француз-

ские, голландские или немецкие корни: *bureau, cache, portage, caribou, cookie, boss, noodle, pretzel, sauerkraut*.

Специфика американской жизни, прежде всего новые ландшафты и новые способы адаптации в них, все то, что оказывает сильное воздействие на внеязыковое сознание, на его бытийный слой, постепенно фиксируется и в языковых единицах. При этом признаки рельефа местности, географические параметры зачастую назывались английскими же словами, первоначальное значение которых отличалось от вновь приобретенного, или для этой цели использовались заимствования преимущественно от индейцев. Так появились названия многих штатов (*Michigan* – от инд. «большое озеро»; *Connecticut* – от инд. *Quinnehtikqut*, букв. «возле длинной приливной реки»; и др.), рек и населенных пунктов (*the Mississippi* – инд. «отец вод»), растений и животных *potato bug, hickory, raccoon, skunk, opossum, moose*, а также такие наименования, как *bluff, foothill, gap, divide, watershed, clearing, notch, prairie, squatter, backwoodsman, back country, log cabin, snow plow, cold snap* и др.

Многие слова, общие для разных вариантов языка, начинают дифференцироваться в своих значениях, за которыми стоят совершенно разные ассоциативные сетки в языковом сознании носителей разных вариантов. Так, у слов *timber, lumber, corn* и др. в Англии и в Америке значения разные. Некоторые семантические сферы наименований имеют систематические различия в терминологии, таковы: *railway* (*railway line, sleeper, timetable, engine driver, etc.*) – *railroad* (*railroad track, tie, schedule, engineer, etc.*); *car* (*tyre, boot, gear lever, etc.*) – *automobile* (*tire, trunk, gear shift, etc.*); *post* (*postman, post code, etc.*) – *mail* (*mail carrier, mailman, zip code, etc.*) и др. Все эти различия сформировались в американском английском довольно рано и получили фиксацию в норме. По мере дальнейшего исторического развития американского английского и культуры такого рода различия только накапливались, формировались и новые сферы, где эти различия были особенно чувствительны²⁹. Су-

---

²⁹ Г. Л. Менкен в своей книге «The American Language» описывает многочисленные случаи такого рода в нескольких актуальных для читателя XX в. сферах, таких как, например, присуждение различных почетных степеней и званий: «The misuse of *Professor* began in America at an early date and still prevails. It has been applied to an appalling range of virtuosi, mostly frauds. Until recently, in all save a few of our largest cities every male pedagogue was a *professor*, and so was every band leader and dancing master. The title has been extended, *inter alia*, to balloon ascensionists, bartenders, colored hostlers who bit off the tails of puppies, rubbers of baseball players, painters of black eyes, and distinguished crab-soup and oyster-flitter cooks. [In the Nineteenth Century the piano players in bordellos and the higher-class saloons held the title, and many of them deserved it for their distinguished contributions to American jazz.] The excessive misuse of *Professor* has brought it into disrepute, and more often than not it is applied satirically. The real professors try hard to get rid of it. In 1925 those at the University of Virginia organized a society “for the encouragement of the use of *Mister* to all men, professional or otherwise,” and during the years since then its crusade has made such progress that most genuine professors now prefer to be called *Mister*,

ществует закономерность, которая проявляется в вариативности (особенно на лексическом уровне) английского языка, включая и американский – чем ниже регистр речи, тем больше различий можно наблюдать. Отмечено, что более всего различий (вплоть до непереводимости и полного непонимания) отмечается в сленге. Однако в литературном нормативном употреблении их, естественно, меньше, наиболее очевидные различия в орфографии помогают надежно идентифицировать текст с момента закрепления письменного стандарта в Америке.

Процесс нормирования и кодификации языка в США проходил не без влияния европейских ориентиров. Так, идея некоего подобия языковой академии обсуждалась и на американском континенте, а задача стандартизации «американского языка» ставилась в один ряд с первостепенными по важности политическими задачами общенациональной значимости. Такого рода идеи, по свидетельству историков, официально высказывались, например, будущим президентом Джоном Адамсом:

«The honor of forming the first public institution for refining, correcting, improving, and ascertaining the English language, I hope is reserved for congress; they have every motive that can possibly influence a public assembly to undertake it. It will have a happy effect upon the union of the States to have a public standard for all persons in every part of the continent to appeal to, both for the signification and pronunciation of the language. The constitutions of all the States in the Union are so democratical that eloquence will become the instrument for recommending men to their fellow-citizens, and the principal means of advancement through the various ranks and offices of society...» (цит. по: [Бо, 1993, с. 359]).

Поиск новых стандартов и эталонов в управлении, политике, организации жизни в целом должен был обрести новую семиотику и средства ее овнешнения, среди которых языку отводилась особая роль. В современном американском обществе отношение к стандарту сильно отличается как от установок в других европейских сообществах, так и от тех идеалов, которые волновали отцов-основателей США, что связано, как нам думается, именно с иммигрантским по природе своей характером этой страны. Неизбежная, исторически сложившаяся и постоянно усугублявшаяся разнородность речевого узуса в разных частях страны осложняет ответ на вопрос «Каков именно этот американский стандарт речи?». Вот как определяют это понятие W. Wolfram и N. Schilling-Estes:

«A couple of terms often used in reference to spoken standard English in the United States are STANDARD American English (SAE) and Network Standard. The designation SAE is often used to distinguish this variety from other Englishes used throughout

---

and that term is in wide use in the better colleges. [At those of the second rank, where nearly everyone has the *PH.D.*, *Professor* is still tolerated as a mark of distinction; in the academic Siberias where an earned doctorate is a rarity, even among the senior members of the faculty, *Doctor* takes precedence over *Professor*]» [Mencken, 1963, p. 322].

the world, such as standard British English (so-called Received Pronunciation, or RP), Australian English, and so forth. It is the variety that is aimed at when teaching American English to speakers of other languages and is the model most often used as the basis for teaching standard forms to vernacular speakers. The Network Standard simply seems to be a concrete example of SAE; it is the model aimed for by TV and radio announcers whose audiences are national in scope, in much the same way that BBC English has traditionally been an instantiation of RP in the British Isles. ...What do people mean when they refer to SAE and Network Standard? They typically refer to a variety of English devoid of both general and local socially stigmatized features, as well as regionally conspicuous phonological and grammatical features» [Wolfram, Schilling-Estes, 2006, p. 313–314].

Таким образом, норма определяется преимущественно на основе противопоставления своего узуса внешней для Америки вариативности. В отношении нормы в Америке сложилось три подхода. Первый получил название *eradicationism*, поскольку он обяывает учебные заведения вести политику вытеснения диалектной, регионально маркированной речи, путем акцентуации на исправлении нестандартных форм. Второй подход называют *bidialectalism*, так как он допускает изучение норматива как дополнительного варианта, отличного от родного для ребенка диалекта (языка) по функциональному статусу. Наконец, третий подход обычно связывают с защитой «прав диалектов» на существование, поскольку он отвергает саму необходимость принуждения детей к изучению стандарта [Ibid., p. 316–318]. Так или иначе, но вопрос мотивации к изучению нормативного литературного языка в США (как впрочем, и дальнейшая разработка стандарта) в силу специфики этнической истории этого государства оказывается связанным не столько с разными формами существования языка, сколько с этнической идентификацией американских граждан ³⁰.

§ 7. Выводы

Хронологически период активной целносистемной перестройки английского языка продолжается примерно с XI по XV в., который оказывается особенно интересен и в этническом аспекте, поскольку именно этот значительный по протяженности временной отрезок вмещает в себя основные творческие фазы жизни этноса, сопряженные с формированием этнокультурного типа англичан. К тому же именно в течение этого периода в языке находило наиболее полное отражение наследие этногенеза предшествующих веков. С XVI в. английская колонизация выходит за пределы Британских островов, что сопровождается экспансией англий-

---

³⁰ О теоретических дискуссиях по поводу других, лингвистических аспектов вариативности английского языка в США можно судить по работам А. Д. Швейцера [1991–1996].

ского языка в различные части света и постепенным формированием новых его вариантов и форм существования.

В древнеанглийский период существовало не менее четырех групп диалектов: нортумбрийский, мерсийский, уэссекский и кентский. Эти диалекты и составляли суть того, что теперь называется языком англосаксонской эпохи, или древнеанглийским языком. Нортумбрийский диалект был распространен к северу от реки Хамбер, уэссекский – к югу от Темзы, мерсийский – в центральных регионах к северу от Темзы и к югу от Хамбера, кентский – в Кенте. Эти территориальные диалекты возникли на основе смешения племенных диалектов германцев в Британии, тем не менее, есть основания считать, что нортумбрийский и мерсийский диалекты в основе своей преимущественно англские, уэссекский продолжает саксонский племенной диалект, а кентский основывается на диалектах ютов. Для древнегерманского (прагерманского) архетипа этих языков характерно флективное состояние с преобладанием синтеза.

В диалектном континууме среднеанглийского периода обычно выделяют четыре основных ареала, которые в целом продолжают древнеанглийскую традицию: северный (Northern), восточно-центральный (East Midland), западно-центральный (West Midland) и южный (Southern). Иногда выделяют как достаточно обособленный по своим характеристикам юго-восточный (кентский) ареал (Kentish). Северные диалекты занимали территории к северу от реки Хамбер, южные – к югу от Темзы. Центральные диалекты располагались между Хамбером и Темзой. Их обычно делят на два относительно самостоятельных ареала – восточный и западный. Кроме этих диалектов после Норманнского завоевания в условиях относительной изоляции французского населения Англии от прямого влияния соотечественников во Франции развился особый вариант французского языка – так называемый англо-норманнский (Anglo-Norman, или Anglo-French) диалект, с преобладанием норманнских черт, хотя и качественно неоднородный по отношению к специфике французских диалектных ареалов. В ряде сфер формального общения продолжал использоваться латинский язык. В этих условиях стихийный процесс формирования наддиалектного койне в Англии завершился в решающей своей стадии к середине XV в. Оно сформировалось на базе лондонского диалекта (восточно-центральный ареал). Данная норма устного разговорного языкового койне становится основой для формирования и укоренения новой формы существования английского языка – литературного английского языка (Standard English). Развитие этой формы проходило на фоне этнокультурных процессов дальнейшего установления и укоренения английской этнической традиции и сопровождалось всплесками общественно-языковой активности, которые приводили к неизбежному развитию и распространению средства выведения народного сознания вовне – языка в новых формах его существования (новые функциональные стили, регистры речи, дифференциация норм внутри разных стилей), а стихийное развитие

языковых процессов сопровождалось организационными усилиями по нормированию и упорядочению узуса.

Нормирование языка в Америке проходило в иной лингвистической ситуации, сильно отличавшейся в иммигрантском по природе своей государстве от языковой ситуации в Англии. Сложный этнический состав постоянно растущего населения, практика освоения и присвоения огромных пространств в зоне контактов разных суперэтнических систем, утверждение новых этнокультурных доминант в ходе самоорганизации новой империи создали функциональную специфику английскому языку в США. Постепенно сложился некий эталонный общеамериканский узус, который испытал на себе влияние общественно-языковой деятельности в период борьбы за независимость и подвергся кодификации в основных своих чертах в американской литературе, словарях и практике обучения. В настоящее время в сознании американцев вопрос мотивации к изучению нормативного литературного языка в США (как, впрочем, и дальнейшая разработка стандарта) в силу специфики этнической истории этого государства оказывается связанным не столько с разными формами существования языка, сколько с этнической идентификацией американских граждан.

С историко-типологической точки зрения английский язык в Америке начал свое относительно самостоятельное развитие уже после того, как сложилась его основная доминанта к преобразованию исходного флективного синтетического типа к типу аналитическому, совмещающему в себе признаки корнеизоляции и агглютинации. Несомненно, новое усложнение языкового коллектива, бурные процессы этнокультурного плана на фоне огромных технико-информационных изменений в современном мире в целом и в Америке в частности не могли не оставить своего следа в различных формах существования американского английского языка. Однако сравнительно-сопоставительный анализ глубины, содержания и характера целносистемных преобразований в американском и британском английском еще ждет своего исследователя.

Часть II
ОПИСАНИЕ ВНЕШНЕЙ ИСТОРИИ ЯЗЫКА.
ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В ТЕКСТАХ

Глава I
Британия до германского завоевания.
Общегерманские ценностные доминанты

§ 1. Письменность древних германцев. Германские руны в Англии

Текст 1

Древнейший алфавит у германских народов назывался руническим. Он состоял из 24 букв (рун). В Англии использовалось, как предполагают рунологи¹, по крайней мере, 30 рун, в которых нашли отражение фонетические изменения западногерманских диалектов (см. табл. ПЗ в прил. 1). Порядок следования букв в руническом алфавите существенно отличается от других европейских алфавитов. С учетом первых букв рунический алфавит называется *футарк* (др.-англ. *futhorc*). О причинах своеобразной последовательности букв в руническом алфавите можно только догадываться и строить гипотезы. Некоторые лингвисты предполагают, что расположение букв футарка является следствием какого-то мнемонического приема, который в настоящее время вряд ли может быть описан достоверно. Тексты так называемых «рунических» стихотворений свидетельствуют об организации рунических знаков в символическом (для древней эпохи) порядке, несущем самим фактом своего существования определенную информацию в семиотике древнегерманской культуры. М. Ленерт считает, что стихотворная форма часто использовалась и в практике обучения, чтобы облегчить запоминание алфавита в древние

---

¹ Так называют ученых-филологов, культурологов и историков, которые занимаются исследованием рун и рунических памятников. Классическим научным описанием английских рун считаются работы Пейджа [Page, 1973] (см. также библиографию по рунологии, фотографии рунических текстов, информацию о ранних скандинаво-славянских связях и новых находках в: [Мельникова, 2001]).

времена. До нашего времени дошел текст одного такого стихотворения, написанного предположительно в VIII в.

Рунический стих состоит из трехстиший – по количеству букв в футарке. В начале каждого трехстишия писался рунический символ и слово, которое этот символ обозначал. Рунический стих – образец *акростиха*. Последний применяется и в современных азбуках для облегчения запоминания названий букв. Ниже приводятся шесть трехстиший из древнеанглийского рунического стиха.

F (feoh) byþ frofur Sceal ðeah manna gehwylc gif he wile for drihtne	fira gehwylcum. miclun hyt dælan domes hleotan.	
H (ur) byþ anmod felafrecne deor, mære morstapa;	and oferhyrned, feohteþ mid hornum, þæt is modig wuht.	5
D (ðorn) byþ ðearle scearp; anfeng ys yfyl, manna gehwylcun	ðegna gehwylcum ungemetun reþe ðe him mid resteð	
W (os) byþ ordfruma wisdomes wraþu and eorla gehwam	ælcra spræce, and witena frofur, eadnys and tohiht.	10
R (rad) byþ on recyde sefte, and swiþhwæt meare mægenheardum	rinca gehwylcum ðam ðe sitteþ on ufan ofer milpaþas.	15
H (cen) byþ cwicera gehwam blac and beorhtlic, ðær hi æþelingas (Цит. по: [Minor, p. 28])	cuþ on fyre, byrneþ oftust inne restaþ.	

1. F. (wealth) is a comfort to all men; yet must every man bestow it freely, if he wish to gain honour in the sight of the Lord.
3. U. (the aurochs) is proud and has great horns; it is a very savage beast and fights with its horns; a great ranger of the moors, it is a creature of mettle.

6. Þ. (the thorn) is exceedingly sharp, an evil thing for any king to touch, uncommonly severe on all who sit among them.
8. A. (heathen god) is the source of all language, a pillar of wisdom and a comfort to wise men, a blessing and a joy to every knight.
10. R. (a ride) seems easy to every warrior while he is indoors and very courageous to him who traverses the highroads on the back of a stout horse.
13. C. (the torch) is known to every living man by its pale, bright flame; it always burns where princes sit within.
(Пер. по: [Lehnert, 1955, с. 83]).

Рунологи, в частности Элмер Энтонсен, высказывают предположения о том, что руны, по всей видимости, будучи самым ранним по времени известным нам германским алфавитом, использовались для разных коммуникативных задач. Это говорит о том, что у германцев сложилась своя оригинальная система письменности еще до появления христианства, с которым обычно связывают начало письменных традиций, поскольку христианская церковь в Западной Европе пользовалась латинским алфавитом, а обращение народа в христианство требовало развития навыков чтения и переписывания священных книг. Дошедшие до нашего времени рунические тексты представляют собой преимущественно различные надписи на дереве, кости, металле и камне, создававшиеся примерно начиная с I в. н. э. [Antonsen, 1990, p. 140].

Текст 2

Каждый рунический символ ассоциировался с каким-то древнеанглийским словом и мог заменять его в тексте (см. табл. ПЗ в прил. 1). Кроме того, каждая руна в тексте могла использоваться как буква, называющая звук, бывший первым звуком в обозначаемом этой руной слове. Так, если в приведенном в тексте 1 руническом стихе мы прочтем только первые буквы в первых словах первых строк трехстиший, то получим *'futhork'*. Эта особенность рунического алфавита была использована одним из двух известных нам по именам древнеанглийских христианских поэтов, Кюневульфом, который «вплетал» свое имя в ткань стиха с помощью рун. Несколько древнеанглийских поэм религиозного содержания были, таким образом, подписаны Кюневульфом. Эти произведения создавались примерно в первой половине IX в. в Мерсии. Ниже приводится содержащий подпись Кюневульфа отрывок из поэмы *«Елена»*, повествующий о походе матери императора Константина, Елены, за святым крестом, на котором был распят Иисус. В этом отрывке содержится подпись Кюневульфа.

A wæs secg oð ðæt
cnyssed cearwelnum, **h** (Cen) drusende,

beah he in medohealle maðmas þege,
 æplede gold. **ᚱ** (Yr) gnornode
ᚦ (Nyd)gefera, nearusorge dreah, 1260
 enge rune, þær him **ᚱ** (Eoh) fore
 milpaðas mæt, modig þrægde
 wirum gewlenced. **ᚦ** (Wyn) is geswiðrad,
 gomen æfter gearum, geogoð is gecyrred,
 ald onmedla. **ᚱ** (Ur) wæs geara 1265
 geogoðhades glæm. Nu synt geardagas
 æfter fyrstmearce forð gewitene,
 lifwynne geliden, swa **ᚱ** (Lagu) toglideð,
 flodas gefysde. **ᚦ** (Feoh) æghwam bið
 læne under lyfte; landes frætwe 1270
 gewitaþ under wolcnum winde geliccost,
 þonne he for hæleðum hlud astigeð,
 wæðeð be wolcnum, wedende færeð
 ond eft semninga swige gewyrðeð,
 in nedcleofan nearwe geheaðrod, 1275
 þream forþrycced.
 (Цит. по: [Elene, p. 72–74]).

Слова, которые обозначались руническими символами в этом тексте, приводятся в скобках после самих рун, а подчеркнутые нами первые буквы этих слов, прочтенные по вертикали, и есть своеобразная «подпись» автора поэмы². В переводе для удобства читателя мы сохраняем в скобках первые буквы после самих дающих субстанцию для подписи слов.

² Филологи, изучающие язык древнегерманской эпической поэзии, отмечают, что авторство представляет собой подвижную в историческом времени категорию. Эпическая поэзия древних германцев возникает «на пути от певца к поэту». В ее основе – неосознанное авторство. Индивидуальное авторство или отсутствует, или не развито. Личный поэтический акт уже возможен, но еще не ощущается как таковой, поэт не отделяет себя от толпы [Смирницкая, 1994, с. 48, со ссылкой на Веселовского, 1940 и Стеблина-Каменского, 1978]. «Поэт в эпическом искусстве не столько создает новую художественную информацию, сколько заново воссоздает (актуализирует) информацию, отложившуюся в традиционном поэтическом языке. Инструментом соединения языка с поэтикой эпоса и является метрика» [Смирницкая, 1994, с. 50–51]. Таким образом, сам факт появления подписи в поэмах Кюневульфа является знаком переходной эпохи. «Замечательное свойство этого текста, как можно убедиться, состоит в том, что имя поэта воспринимается лишь при чтении, выписанное рунами. При устном воспроизведении поэмы звуки имени ее автора растворяются во фразовом ритме строк, и поэма возвращается к своим анонимным истокам» [Там же, с. 79].

Always till then the man had been

beaten by surges of sorrow; a smouldering Torch (C) was he,
 though he received treasures in the mead-hall,
 apple-shaped gold. He bemoaned the Evil (Y),
 he, the comrade of Sorrow (N); he suffered distress, 1260
 cruel secret thoughts, though for him the Horse (E)
 measured the mile-paths, proudly ran,
 decked with adornments. Joy (W) is lessened,
 and pleasure, as the years pass; youth has departed
 and the pride of old. The splendour of youth 1265
 was once Ours (U). Now in due time
 the old days have gone,
 the joys of life have fled, even as Water (L) glides away,
 the moving floods. Wealth (F) is fleeting for all men
 under heaven; the adornments of the earth 1270
 vanish under the clouds like the wind
 when it rises loud before men,
 goes among the clouds, fares on in fury,
 and on a sudden grows still again,
 close shut in its prison, 1275
 oppressed by might.

(Пер. по: [Lehnert, 1955, p. 119]; полный перевод поэмы можно найти в Gordon).

Рассмотренные здесь поэтические тексты относятся к классическому древне-английскому периоду. Руны в этих памятниках, как мы видели, лишь «вплетены» в основной текст, выполненный латиницей. Если же мы примем точку зрения тех рунологов, которые считают, что руны использовались как полноценное средство в разных типах коммуникации (а не только в магических целях) задолго до того, как в Британии появилась латиница, будет логично предположить, что в древности существовали тексты, полностью написанные руническим письмом. Вероятно, они должны были создаваться в период германского этнического расширения в Европе (примерно с I по VI в. н. э.). Действительно, археологи находят рунические тексты, относящиеся к этому периоду. У Р. Пейджа упоминается около тридцати англосаксонских рунических надписей (преимущественно на камне). Найденные тексты обычно очень трудно датировать, в особенности если они представляют собой единичные объекты, вне системы общего археологического контекста для ряда культурных предметов. Больше всего рунических текстов найдено на Ютландском полуострове и в Скандинавии (т. е. на прародине германцев), а также на севере Англии (*Ruthwell, Lindisfarne, Newcastle*, и др.).

Происхождение рун связывают с еще более ранней эпохой, чем та, которая оставила после себя рунические тексты. Это период прагерманского состояния. Так Э. Энтонсен, изучив фонологическую систему, представленную в руническом письме, приходит к выводу о том, что существуют точные соответствия между прагерманской вокалической системой и орфографической системой футарка. Если принять во внимание всю известную сегодня рунологам информацию, включая форму и звуковые значения самих рун, неизбежно напрашивается вывод о том, что этот вид письма действительно уходит корнями в прагерманскую эпоху [Antonsen, 1990, p. 154].

Описывая форму рун, ученые замечают, что в них трудно найти округлости и горизонтальные линии, поскольку их трудно было выполнить на дереве, материал для письма в данном случае задает в определенной степени и форму рунам. Вместо скругленных знаков используются острые углы и косые линии. Происхождение слова «руна» Энтонсен также связывает не с магическими практиками, как было принято в средневековье, а с техникой рунического письма. Корень **rune** восходит к индоевропейскому корню со значением «выцарапывать, углублять, вырезать желобки, канавки» [Ibid., с. 139–140]. Ссылаясь на новые факты, полученные от недавних исследований рунологов, Энтонсен указывает на близкую связь между рунической письменностью и архаическими средиземноморскими надписями. Возможно, от этой традиции и ведут свое происхождение германские руны. Во всяком случае, такие признаки, как отсутствие фиксированного направления в тексте (слева направо, справа налево или иначе), отсутствие пробелов между словами, очень редкое использование специальных знаков для этой цели (обычно состоящих из точек) свойственно и рунам, и их гипотетическим прототипам. Так или иначе, в связи с ограниченностью дошедших до нашего времени рунических текстов и сопутствующих им иных культурных артефактов теоретические положения и интерпретационное поле исследований в рунологии носят преимущественно гипотетический характер.

Большая часть традиционных для рунических текстов признаков можно найти в тексте надписи на так называемой «Шкатулке Фрэнкса» («*The Franks Casket*»; см. рис. на обложке, а также рис. П1–П4 в прил. 2). Эта шкатулка из китового уса была, вероятно, изготовлена в Нортумбрии около 720 г. н. э. Она была подарена Британскому музею археологом А. У. Фрэнксом.

Изображения, вырезанные на шкатулке, дают прекрасную иллюстрацию тому, как сосуществовали языческая и раннехристианская традиции в древней Нортумбрии. На одной из сторон (левая сторона передней панели шкатулки (см. рис. П1 в прил. 2) изображена сцена из германского мифа о кузнеце Виланде ((*Wayland*) [Мифы народов мира, 2000, с. 229]; изображение на правой стороне передней панели шкатулки посвящено сюжету поклонения волхвов. Сама руническая надпись, сопровождающая эти изображения, выполнена на нортумбрийском диалекте древнеанглийского языка. Ее содержание не связано с сюжетом изобра-

жений, поскольку повествует о зловключениях огромной рыбы-кита, которая собственно и дала материал для изготовления шкатулки.

Рунический текст над изображением следует читать слева направо, под ним – справа налево. Рисунки же, вероятно, сюжетно выстраивались, по задумке автора, справа налево. Таким образом, изучать их нужно, начиная с правой стороны передней панели шкатулки по направлению часовой стрелки. Правая же панель (см. надпись ниже) завершает обзор. Слова не отделяются друг от друга, используется только две точки (в нашем тексте – с обеих сторон от **flodu**). Эта надпись рассказывает о китовом усе. Текст с передней и правой панелей шкатулки приводится ниже в латинице, направление чтения рун указано стрелочками на рис. П1 в прил. 2.

Текст 3

Fisc flodu ahof on fergenberig;
 warþ gasric grorn, þær he on greut giswom.
 hronæs ban.

Her Hos sitæþ on hærmbergæ,
 ag[.] drigiþ, swæ hiri Ertæ gisgraf
 særden sorgæ and sefa tornæ.

(Цит. по: [Minor, p. 116]).

Другим руническим текстовым памятником, выполненным на нортумбрийском же диалекте, является так называемый Рутвельский крест (*Ruthwell cross*), названный так по месту на севере Англии, где он был найден. На всех четырех сторонах креста есть надписи, две из них выполнены на латыни, а две других – рунами. Эти надписи датируются серединой VIII в. Каждая из них содержит несколько строк из поэмы «*The Dream of the Rood*», которая сохранилась полностью (всего 156 строк) в более поздней копии, относящейся к X в. Эта рукопись и помогла ученым-филологам восстановить те руны в надписях на самом кресте, которые отсутствовали совсем или были частично повреждены. Ниже мы приводим древнеанглийский текст в латинице, в котором реконструированные слова и буквы в поврежденных частях креста указываются в квадратных скобках. Рунический текст дается на рис. П5 в прил. 2.

Текст 4

1

[on]geredæ hinæ god almegttig,
 þa he walde on galgu gistiga,
 [m]odig f[ore allæ] men;
 [b]ug[a ic ni darstæ].

2

[ahof] ic riicnæ kyningc,
 heafunæs hlafard; hælda ic ni darstæ.
 bismæradu unget men ba æt-gad[re].
 ic [wæs] miþ blodæ [b]istemi[d],
 bi[goten of his sidan].

3

Crist wæs on rodi;
 hweþræ þer fusæ fearran cwomu
 æþþilæ til anum; ic þæt al bi[heald].
 s[are] ic w[æ]s mi[þ] so[r]gum gidroe[fi]d;
 h[n]ag [ic hweþræ þam secgum til handa].

4

miþ strelum giwundad
 alegdun hiæ hinæ limwoerignæ;
 gistoddu[m] him [æt] his [l]icæs [hea]f[du]m;
 [bih]ea[l]du[n h]iæ þe[r]
 [heafunæs hlafard].

(Цит. по: [Minor, p. 115]).

У. Скит дает буквальный перевод этого стихотворения:

1

God almighty stripped Himself
 when He would mount upon the gallows (the cross),
 courageous before all men;
 I (the cross) durst not bow down.

2

I (the cross) reared up the rotal King,
 the Lord of heaven; I durst not bend down.
 men reviled us two (the cross and Christ) both together.
 I was moistened with the blood poured forth from His side.

3

Christ was upon the cross;
 howbeit, thither came eagerly from afar
 princes to (see) that One; I beheld all that
 sorely was I afflicted with sorrows;
 I submitted however to the men's hands.

4

wounded with arrows,
 they laid Him down, weary in His limbs.
 they stood beside Him, at the head of His corpse
 they beheld there the Lord of heaven.
 [Skeat, p. 19–20].

Текст «*The Dream of the Rood*» уникален в своем роде, поскольку в нем простота сочетается с богатством образов. Р. Фаулер считает, что в жанре видения это стихотворение не имеет себе равных [Fowler, p. 97].

«The poet, speaking in the first person, tells us his dream in which he saw the True Cross, now decked with gold and precious jewels, now wet with blood. It related to him its history and the crucifixion and passion of Christ, urging the dreamer to reveal his vision to men and promote its cult. Christ is represented as a native Germanic chieftain whose retainers are his disciples as well as the personified Rood acting according to the Old Germanic rites and ideals and above all the cardinal virtue of loyalty which manifests itself in devotion and self-sacrifice» [Lehnert, 1955, p. 69].

Почитаемая как главная добродетель, Верность³ (*the cardinal virtue of loyalty*) была одной из институциональных ценностей в англосаксонской и, еще раньше, в древнегерманской культуре в период ее расцвета. Древнеримский историк Корнелий Тацит писал об отношениях верности между вождями и дружинниками у германцев: «Но если дело дошло до схватки, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь, – бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, – первейшая их обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники – за своего вождя» [Тацит, 2001, с. 465]. Сходным образом и в поэтическом произведении «*The Dream of the Rood*» деревянный крест, наделенный способностью говорить и чувствовать, разделяет страдания своего господина – Христа. Этот поэтический и риторический прием олицетворения предмета получил название *просопопея* (*prosopopeia*).

Такого рода тексты помогают исследователю выявить общегерманские ценностные ориентиры. В этом отношении и сам футарк представляет собой семиотическую систему, в которой в зашифрованном для непосвященного наблюдателя виде присутствует информация об основополагающих для создателей рун и их потомков явлениях их жизни. Чтобы получить доступ к этой информации, Ю. С. Степанов предлагает ряд приемов (см. также: [Степанов, Проскурин, 1993;

³ Об институционально значимых в самоорганизации этнической системы концептах, отражающих основные мотивы и установки этнокультурных доминант конкретной эпохи, на примере ВЕРНОСТИ см.: [Лаврентьева, 2008, с. 125–142], в более широком контексте [Шапошникова, 2007].

Проскурин, 2005]), главным из которых является взгляд на алфавит как средоточие двух осей одновременно: парадигматической (здесь алфавит предстает как код, состоящий из ряда символов) и синтагматической, подразумевающей способность алфавитных систем служить субстанцией для неких новых культурных текстов, преимущественно формульного типа. «Алфавит – своеобразное явление, одновременно и “код” для всякого текста на данном языке, и “текст”. Под “парадигматической” алфавита понимается его порядок – последовательность букв, их звуковые и числовые значения, их имена, т. е. то, что составляет алфавит, рассматриваемый как “код”. Под “синтагматикой” алфавита понимаются сцепления букв в некоторые последовательности, образующие связные (или как бы связные – этот вопрос и является предметом изучения) отрезки некоего текста, как бы “маленькие тексты” (см. далее в старинной кириллице сцепление имен трех первых букв “аз-буки-веди”)» [Степанов, 2001, с. 546]. Такой подход позволяет выдвигать различные интерпретации содержания алфавитной семиотики, в том числе и гипотезы, проясняющие значения ряда рунических символов в рассматриваемый исследователем период времени.

Лингвистически каждую руническую букву можно рассматривать как комплексный знак со своей собственной звуковой значимостью, формой, семантическими ассоциациями. Будучи таковым, этот знак занимает определенное место как член рунической системы письменности на обеих осях: как парадигматической, так и синтагматической. При парадигматическом анализе древнегерманских алфавитов (речь идет о готском алфавите, а также о руническом, в котором многое повторяется как в готском) выделяется несколько устойчивых семантических сфер, приоткрывающих завесу времени для наших знаний об общегерманских культурных доминантах, в которых отражается восприятие мира германцами, превращая футарк в германскую модель макрокосма и своего микрокосма в ней. На этой основе можно и слова, ассоциирующиеся с конкретными рунами и обозначаемыми ими ценностями, сгруппировать определенным образом в соответствии с их идейным содержанием. Исследователи алфавитных систем обычно подчеркивают, что названия букв в архаических алфавитных системах, как правило, ассоциируются в сознании создателей алфавитов с институциональными ценностями своих народов. Ю. С. Степанов выделяет четыре семантических сферы готского алфавитного кода, рассматривая их как аналог тех сфер, которые могли существовать в сознании создателей рун. Сюда он относит: 1) названия скота, имущества; 2) имена природных стихий (града, холода и т. п.); 3) имена деревьев; 4) имена богов [Степанов, 2001, с. 547].

Первая часть рунической парадигмы составлена символами, представлявшими понятия «cattle» (скот, имущество) и «property» (собственность, богатство). Центральная идея этого поля представлена словом *feoh*, которое в соответствии с традиционными (идущими еще от римских этимологов) этимологическими построениями развивалось по семантическому ряду: *скот – предметы, которыми*

владеешь – благосостояние – собственность (имущество) – деньги – богатства. Однако Э. Бенвенист убедительно показал на индоиранском, итальянском и германском материале, что в семантическом развитии и.е. *peku (ОЕ *feoh*) имел место обратный процесс. Это слово первоначально имело значение «личное движимое имущество» и лишь позднее, посредством последовательных видовых уточнений термина, получает возможность под влиянием внеязыковых причин в некоторых языках обозначать «скот», «мелкий скот», «овца» и пр. [Бенвенист, 1995, с. 51–60]. Действительно, в древнеанглийском преобладают контексты, в которых это слово обозначает движимое имущество, т. е. «деньги, богатство, драгоценности, сокровища». «Встречающееся у Эльфрика выражение *ur liegendum feo* “за наличные деньги” подтверждает древность этого значения. Кроме того, известно только три композита с *feoh* в значении «скот», но тридцать, в которых оно имеет значение “деньги, богатство”» [Бенвенист, 1995, с. 58].

Итак, центральная идея первой семантической сферы передается с помощью самого первого по счету в футарке знака **ƿ**, ассоциированного со словом *feoh*. Скот в древности считался одним из главных признаков богатства и процветания. Поскольку социальный статус члена сообщества в разные времена во многом определялся его экономическим благополучием, вероятно, содержание этого понятия (в том числе и «скот») могло играть особую роль в образе мира древних германцев. В этом же семантическом поле находится и руна **М** *eoh* – *horse* «лошадь», а также **ⷮ** *ethel* со значением *native land, inherited domains, home, estate* «родная земля, унаследованные земли, дом, поместье».

Вторая семантическая сфера в англосаксонских рунах связана с деревьями. Сюда можно отнести руны **ᚷ** *beac* – *birch-tree or poplar*, «береза, тополь», **ᚱ** *ac* – *oak*, «дуб», **ᚦ** *aesc* – *ash-tree*, «ясень», **ᚱ** *ioh* (*ēoh*), **ᚦ** *iw* – *yew-tree*, «тис». Разные части деревьев использовались древними германцами для разных целей – строительства домов, изготовления оружия и орудий труда, предметов домашней утвари, лодок и кораблей. Наконец, дерево служило материалом для письма. Эти традиционные виды деятельности объединяют многие культуры индоевропейского ареала. В древнегерманской суперэтнической культурной доминанте образ дерева играл особую роль. Германские космогонические мифы рисуют вселенную как пересечение вертикального и горизонтальных миров. Дерево, как мера вещей и жизни, устанавливает связь между разными горизонтальными мирами вселенной. Самый верхний мир – мир богов – ОЕ *heofon* (*heaven*); нижний мир – преисподняя, ад – ОЕ *hel* (*hell*) является местом обитания чудовищ, духов, миром тьмы. Германский корень **hel-* также мог означать «место нахождения мертвых», даже «божество смерти». Древние германцы верили, что сами они обитают в так называемом «среднем мире» – ОЕ. *middan-geard*, Goth. *Midjungards*, Old Norse *miðgarðr*, который был окружен внешним миром (ОЕ *utangeard*, Old Norse *utgarðr*), миром великанов. Рост ясеня в срединном мире символизировал жизнь и процветание. Любое суще-

ственное изменение в мировом древе, такое как его сотрясение или поворот, могло причинить опасность миру людей и разрушить его.

Третья семантическая сфера рунического кода – сфера германских богов. Некоторые руны непосредственно называют богов, например, центральный элемент поля **ǀ** *ōs* называл языческого германского бога, руна **↑** *Tir* называла германского бога войны Тира. Странствующий бог *Ōs*, или *Othin, Odin*, бог Водан (Один) был верховным божеством у древних германцев. Овладев магическим даром мудрости, этот мудрый творец вселенной стал и богом поэтического вдохновения, с которым связывают изобретение рун и языка. Кроме перечисленных уже рун-наименований божеств, были и такие руны, которые называли понятия, связанные с миром божеств. Например, руна **ᚱ** *man* – *man, person, servant, brave man, hero* (человек, слуга, храбрец, герой) называла слово, которое восходило к тому же корню, что и имя племенного германского бога Манна (*Mannus*). Тацит писал о нем как о почитаемом родоначальнике, основателе рода германцев, возможно, сыне бога Туэско (Тира), который в свою очередь был порождением Земли. «В древних песнопениях – а германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы – они славят порожденного землей бога Туистона. Его сын Манн – прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине – гермионами, все прочие – истевонами» [Тацит, 2001, с. 458]. Руна **ᚷ** *Ing* называла мифического предка германских племен ингевонов – the Ingaevones, поклонников Инг. Это слово считают эпонимом (дающим чему-либо, в данном случае племени, свое имя) ингевонов. Древние германцы также поклонялись земле – руна **↑** *Ear* и солнцу – руна **ᚱ** *Sigel*. Иногда солнце изображали как символ верхнего мира.

Наконец, четвертая семантическая сфера включает в себя такие названия природных явлений, как **ᚱ** OE *haegl* – *hail*, **ᚠ** OE *nyd* – *need*, **ᚱ** OE *is* – *ice*, **ᚱ** OE *ger-year*, первоначально *spring*.

Синтагматически в футарке также можно усмотреть цепочки знаков, отражающие общегерманские ценности. Возможно, начальная синтагма *futhork* была результатом некогда важных в жизни германцев ассоциаций, которые сейчас восстановить с большой долей достоверности не представляется возможным, поскольку самих носителей этих ассоциативных полей уже нет в живых. Резонно предположить, что такие руны, как **ᚱ** *haegl*, **ᚠ** *nyd*, **ᚱ** *is*, образуют синтагму названий неблагоприятных для человека явлений, а **ᚱ** *cen*, **ᚷ** *gyfu*, **ᚱ** *wen* пробуждают ассоциации с пиршествами в больших залах, освещенных факелами, где короли празднуют победу вместе с вассалами, последние получают дары и почести в награду за свою доблесть и верную службу. Идея богатства как знака славы, награды за верную службу, вероятно, была очень существенной в древнегерманском мире, поскольку и сама руна **ᚱ** занимает первое место в начальной синтагме, другие

руны со значением имущества, в особенности названий скота, имеются практически в каждой последующей синтагме. Кроме того, в первой синтагме содержится имя мудрого бога Одина, которого германцы считали покровителем благополучия человека.

Принимая во внимание все, что уже говорилось выше о происхождении рун и об объеме имеющихся в распоряжении ученых рунических материалов, можно предположить, что древнее руническое письмо на этапе его возникновения имело ассоциации с языческим германским миром. Однако это письмо использовалось и в христианский период, что, вероятно, означало неизбежность новых семантических ассоциаций, наложившихся на старые. Новые словесные ассоциативные связи могли быть подсказаны и случайными фонетическими совпадениями, если звуковые значения рун оставались неизменными. Так, в поэме Кюневульфа «*Elene*» руна **ᚱ** *ur* (имевшая значение *aurochs* «зубр») трактуется как слово *ure* (*ours*) (см. строку № 1265 в поэме Кюневульфа).

§ 2. Кельтский суперэтнос

До середины V в. н. э., до завоевания Британии германцами, она была заселена преимущественно кельтскими народами, говорившими на кельтских языках, которые, так же как и германские, входят в индоевропейскую семью языков и образуют в ней свою группу. Кельтский суперэтнос распространился по обширным территориям Европы из своего первоначального ареала в центральной Европе (см. карту 3 в прил. 3). Эпоха этнического расширения кельтов и расцвета кельтской цивилизации началась еще в начале I тыс. до н. э. В период с VII по IV в. до н. э. они уже распространились по всей западной и центральной Европе, включая и Британские острова, а к III в. проникли и в Малую Азию [Atlas zur Geschichte, 1976, p. 11].

Первыми кельтами, населившими Британию, были гаэлы (Gaels, Goidels). Спустя какое-то время освоившие железо кельтские племена бриттов потеснили своих сородичей, которые знали еще только бронзу, с плодородных юго-восточных регионов в западные части Британии – современная территория Уэльса, Шотландии и Ирландии [Morton, 1979, p. 19]. Однако к IV в. до н. э. кельтская экспансия и влияние в Европе стали ослабевать.

История кельтов в Британии примерно с середины I в. до н. э. представляет собой по сути историю борьбы за свои самобытные этнические традиции, а после завоевания Британии германцами с середины V в. н. э. – за выживание. Результат этих процессов с точки зрения сохранности кельтской лингвокультуры показан на карте 10 в приложении). Отмеченные темным цветом области составляют отдаленные, преимущественно сельские и гористые районы в Ирландии, Шотландии и Уэльсе, где сохранились компактные островки кельтской культуры и где можно услышать кельтскую речь. Эти районы сегодня называют «*кельтским поясом*» (*the*

Celtic fringe). На основе языковых различий, преимущественно фонетического плана, кельтские языки в Британии принято делить на две подгруппы – *гаэльскую* (иногда говорят *гэльскую*, или *гойдельскую* – *Gaelic or Goidelic*) и *бриттскую*, или *бретонскую* (*Britannic or Brythonic or Cymric*). Первая включает в себя *ирландский*, *шотландский гаэльский* и *мэнский*, вторая – *валлийский*, *корнуоллский* (иногда используют термин *корнский*), *бретонский*. Возможно, эти же подгруппы существовали и на территории Галлии ⁴ в эпоху Римской империи.

Современные кельтские языки оказались под угрозой исчезновения, поскольку в течение многих веков лингвистическая ситуация в Британии складывалась не в их пользу. Так, хотя валлийский язык и используется в формальной сфере (например, в системе образования), будучи теоретически равноправным с английским в Уэльсе, большая часть валлийцев разговаривает на английском языке, число валлийцев-монолингвов остается малым. Современные валлийцы – потомки древних бриттов, предпочитают называть себя по-кельтски – *Cymry*, слово же «*Welsh*» английского происхождения. В V в., во время германского вторжения, некоторые бритты большими группами бежали из Англии во Францию, спасаясь от врага у своих сородичей на северо-западе Франции. Здесь им удалось сохранить свои диалекты и культуру. Потомки этих бриттских беженцев живут во французской Бретани и сегодня, а их родной язык, бретонский, используется преимущественно в сельских районах этой провинции и не нуждается в переводе при общении с носителями валлийского языка Уэльса [McCrum, Cran, MacNeil, 1986, p. 33]. Корнуоллский развился из говоров кельтов, которые были вытеснены германцами на юго-западный полуостров Корнуолл, и просуществовал здесь вплоть до конца XVIII в.

Римляне, а позднее и германцы столкнулись в Британии с мощным сопротивлением со стороны воинственных гаэльских племен скоттов, а также со стороны пиктов. Римляне так и не смогли проникнуть в высокогорные районы Шотландии и Ирландии. Англичанам понадобилось больше десяти веков, чтобы завершить покорение этих областей. В этой борьбе *шотландский гаэльский язык* (*Scots Gaelic*) был символом и орудием кельтского единения и подвергался преследованиям, в особенности в XVIII–XIX вв. Сегодня большинство шотландцев разговаривают на английском языке, только в отдаленных гористых районах Шотландии и на Гебридских островах можно услышать гаэльскую речь (подробнее о кельтских языках Британии и о гаэльском шотландском в частности см.: [McCrum, Cran, MacNeil, 1986], а также сопровождающие это повествование серии видеоматериалов с демонстрацией звучащей речи современных носителей кельтских языков).

Язык ирландских кельтов называется *ирландским гаэльским* (*Irish Gaelic*) или языком *эрс* (*Erse*). Слово «*Erse*» в XIV–XV вв. являлось шотландским вариантом среднеанглийского *Irisc* (*Irish*), который, в свою очередь, восходит к древнеир-

---

⁴ Галлией римляне называли свою провинцию на территории современной Франции, а галлами – кельтские племена, которые там жили.

ландскому *Eire*, или *Erin* (Эйре), означавшему – «изумрудно-зеленый остров» [Partridge, 1978, p. 314]. Так называлась Ирландия в то время, поскольку ассоциировалась с зеленой растительностью круглый год.

Ирландский язык имеет длительную письменную традицию и многовековую историю. Однако укрепление английского влияния в Ирландии, помимо прочих факторов, привело к утрате позиций ирландского языка среди жителей Ирландии особенно с XVIII в.

«After the Act of Union in 1803, without official backing, Irish Gaelic went into decline, owing its survival mainly to the traditional support of the Roman Catholic church. Education, now in the hands of English administrators, meant learning English. ...In 1800 more than half the country still spoke Irish. A hundred years later more than 85 % spoke only English. Today, barely one per cent have a good knowledge of Irish Gaelic» [McCrum, Cran, MacNeil, 1986, p. 182; 170–171].

В независимой Ирландии сегодня ирландский язык опять становится символом этнического достоинства и единения. Тем не менее, в школах его изучают практически как иностранный.

Мэнский язык ныне относят к мертвым языкам. Совсем недавно этот язык еще использовался населением небольшого британского острова Мэн (название острова происходит от кельтского корня *mān* со значением «маленький») [Partridge, 1978]. Наиболее пессимистичные прогнозы относительно дальнейшей судьбы современных кельтских языков и народов усматривают в ней возможную аналогию с историей мэнского языка. Сам процесс вытеснения кельтов в кельтский пояс занял несколько веков. Несмотря на то, что кельты вступали в довольно длительные контакты с германцами в древней Британии, влияние кельтского субстрата на язык англосаксов того времени вне сферы географических названий в целом рассматривается как незначительное настолько, что им можно пренебречь (подробнее см.: [Vaugh, Cable, 1978]).

«The relation of the two peoples was not such as to bring about any considerable influence on English life or on English speech. The surviving Celts were a submerged race. Had they, like the Romans, possessed a superior culture, something valuable to give the Anglo-Saxons, their influence might have been greater. But the Anglo-Saxons found little occasion to adopt Celtic modes of expression and the Celtic influence remains the least of the early influences which affected the English language» [Ibid., p. 74–75].

В одном можно согласиться с автором этих строк, что кельтское влияние на английскую лексику и другие части языковой системы древнеанглийского языка ограничивается сферой географических названий и практически не затрагивает иные сферы. Вот как комментирует такое взаимодействие языка коренного населения с языком пришлых народов Э. Шнайдер: «It is a sad and surprising story which has repeated itself several times in history, however: even if indigenous peoples are violently subdued, frequently facing marginalization and isolation, cultural extinction, or even genocide, and leave hardly any other linguistic traces in the language of their conquerors,

names which they gave to places in their natural environment tend to be adopted, linguistically adapted (sometimes reshaped by folk etymology) and retained. ... Why this is so, and how it may have happened, is easy to imagine and understand: anybody who is new to a region will ask for names of places and landmarks and accept them as naturally true, as the names which these localities simply "have". Actually, the adoption of these names testifies beyond doubt that some collaborative communication between old residents and new immigrants must have taken place» [Schneider, 2007, p. 36].

С типологической точки зрения кельтским влиянием в период перестройки действительно можно пренебречь, оно никак не могло распространиться на типобразующие характеристики среднеанглийского языка за отсутствием необходимого субстантного материала. Однако кельтское влияние на английскую культуру и язык в его региональных вариантах в новоанглийский период было довольно велико и продолжает осуществляться в наше время (см. § 5–6 предыдущей главы). Что же касается роли кельтского субстрата в истории формирования американского варианта английского языка и в его экспансии в другие регионы мира, то его трудно переоценить. Однако этот вопрос нуждается в особом комплексном рассмотрении в междисциплинарном контексте. Вряд ли было бы правомерно с точки зрения исторической этнологии рассматривать англосаксонскую и кельтскую культуры в терминах более развитой и прогрессивной и менее развитой и прогрессивной, очевидно лишь, что это разные культуры, разные суперэтнические системы и сосуществование их на протяжении практически всей истории Англии и английской колонизации представляет собой довольно жесткое противостояние. Кельты все время осознавали свою инаковость, самобытность по отношению к англосаксам и их потомкам. В чем же заключалась специфика быта и жизни кельтов в целом в период их суперэтнических контактов с англосаксами и римлянами?

Среди факторов, позволивших некоторым кельтским сообществам длительное время сохранять резистентность своей этнической системы, Л. Н. Гумилев особо выделяет их клановую систему как специфическую форму социальной организации. Этот же фактор отмечен и другими исследователями. Так, историки пишут о кельтской родовой группе (*the kinship group*), представляющей собой семейную группу особого вида, как базовой ячейке самоорганизации и как экономической единице. Эти группы (единицы) объединяются на основе экономических и социальных связей в виде разных форм внутривидовой кооперации в более крупные группы – кланы (*clans*), из которых, в свою очередь, состоит все племя, весь народ [Morton, 1979, p. 21]. А. Л. Мортон рассматривает такую структуру отношений как очень прочное во времени образование: «The kin was, in fact, a group of tremendous social cohesion. A man without kin was like a fish without water, helpless, doomed. Not only did a man's kin form the only possible framework of his economic life, but it protected him from the hazards of violent primitive existence. ... in England, the kindred were still an organization with a considerable amount of vitality on the eve of the Norman Conquest. In Wales, Scotland and Ireland it was important until comparatively modern times» [Ibid., p. 20–21].

По сравнению с римской империей позднего периода система обработки земли у кельтов (земля находилась в совместном владении родовых групп) была значительно эффективнее. Она позволяла им относительно устойчиво поддерживать нужное состояние почв и не способствовала построению больших политических центров городского типа. Моммзен, в частности, замечает, что кельтские аналоги городов не располагали никакими политическими организациями, а представляли собой деревенские сообщества или укрепленные торговые точки [Моммзен, 1993, с. 212]. Устойчивость социальных структур и готовность кельтов ее поддерживать способствовали сохранению резистентности системы у шотландских и ирландских гаэлов вплоть до XVII в. и позднее. Все это время они сохраняли у себя клановую систему, в то время как бритты довольно рано отказались от своих природных этнических форм социальной организации. Это произошло еще до германского завоевания Британии. Кельтские социальные институты у бриттов подверглись разрушению еще в эпоху Римской империи. Неслучайно именно бритты первыми уступили германцам. По всей видимости, этому способствовал распад целостности их этнического поля, наступивший после того, как они отказались в составе Римской империи от органичной для них системы самоорганизации, в которой разные части гибко взаимодействовали, поддерживая стабильность и устойчивость этноса, что особенно важно в период внешних воздействий и в межфазовых переходах в этногенезе. Клан накладывал определенные нормы поведения на своих членов, а роль родного языка здесь была очень существенна. Однако у древней кельтской культуры была еще одна особенность, которая оказалась во многом решающей в плане предопределения дальнейшего хода событий. Эта особенность не раз отмечалась исследователями как преобладание устных (вербальных) форм передачи информации и хранения опыта. Изучив древнекельтскую систему письменности, Леман приходит к выводу, что «...the Celts were a vocal people with great memories, a love of story and song, they had no writing system borrowed or invented before coming to Britain, except for a very few inscriptions in Gaul and Spain written in Greek or Latin letters» [Lehmann, 1990, p. 159].

У язычников-кельтов была своя каста ученых жрецов, которых называли *друидами (druids)*. Друиды выполняли разнообразные функции – целителей, прорицателей, поэтов, гадалей, они могли выносить порицание, и фактически на них лежала ответственность за сохранение и передачу этнического опыта, в том числе знаний о предках и народных героях. Неповиновение друидам грозило изгнанием и изгойничеством. По утверждению историков и мифологов, культ друидизма у кельтов не находит аналогов в других индоевропейских культурах. К сожалению, мы сейчас можем только гадать и строить гипотезы о многих нюансах жизни кельтских друидов, но одно очевидно, что кельтская друидическая (элитарная) культура была не столько материальна, сколько духовна, идеальна по сути, основана на устных формах передачи информации (об этом подробнее см.: [Михайлова, 1996, с. 219–238]).

Основные текстовые сведения о древних кельтах дошли до историков через труды Плиния и Цезаря, в которых описываются эти народы, упоминается поклонение друидов солнцу и деревьям, их вера в бессмертие души и обычаи приносить жертвы своим богам. Знание – привилегия друидов. По свидетельству Цезаря (в «Записках о галльской войне»), учиться у друидов отправлению языческих обрядов могли только единицы, поскольку эти знания держались в секрете от непосвященных.

Тем не менее, у древних кельтов имелась своя неповторимая система письменности, она называлась огамической (*ogham*). По мнению некоторых кельтологов, происхождение этой системы связано с магическими и религиозными практиками у друидов. Кельтское огамическое письмо состояло из комбинаций зарубок и бороздок, которые отличаются от букв других индоевропейских алфавитов. Перечень знаков огамического письма можно найти в: [Lehmann, 1990, p. 164].

Огам использовался только в Британии, текстов на нем не сохранилось, однако есть надписи на могильных камнях и гипотезы о магическом использовании огамических знаков. Как форма письменности, вероятно, огамическая система не была экономной. В огаме четко выделяются группы по пять символов в каждой, что дает исследователям право утверждать, что данная система знаков создавалась как язык для передачи секретной информации друидами с помощью пальцев рук [Ibid., p. 164]. Кроме того, в огамической системе знаков также выделяется несколько семантических сфер, сходных с теми, которые идентифицируются в германских рунах и иных индоевропейских культурах. Особенно разработанной представляется сфера деревьев, которая содержит обозначения для тиса, дуба, березы, сосны, яблони, ивы, ясеня, осины. Все эти знаки могут рассматриваться как косвенные свидетельства наличия древесных культов у друидов.

Таким образом, огам, как система письменности, по всей видимости, отличался не только неэкономностью, но и недоступностью для «непосвященных» (основной массы людей). Эти факторы, наряду с обычным для многих европейских народов влиянием христианской культуры, могли послужить причиной тому, что позднее при развитии у них письменности кельты восприняли иные алфавитные системы. Так, например, в Ирландии после периода огамических надписей (300–500 гг. н. э.) довольно рано был введен латинский алфавит [Потапов, 1997, с. 112].

Как жили британские кельты до германского завоевания в составе Римской империи? Почему же все-таки столь мощная для своего времени цивилизация, усиленная, как может показаться на первый взгляд, техническими и культурными достижениями эпохи римского владычества, уступила впоследствии германскому давлению?

Л. Н. Гумилев считает, что римская цивилизация поглотила кельтскую культуру в Европе, постепенно в период своего упадка ввергая и кельтов в этническую обскурацию. Хотя Британия была самой отдаленной провинцией Рима, как отмечает исследовавший деятельность римлян в Британии того времени П. Сэлзэй, она

занимала особое место и имела особую значимость в сознании римлян. Римское владычество в Британии продолжалось в течение четырех веков – это достаточно длительный срок для основательной романизации местного населения [Salway, 1995, p. 2]. Однако римская колонизация Британии не была столь успешной, какой она могла бы быть в географических границах Британских островов, на что указывают исторические факты возведения так называемых защитных стен (валлов) на севере Англии. Эти сооружения выполняли роль пограничных укреплений-барьеров, предназначенных для защиты римской Британии от непокоренных гаэльских племен. Кроме того, римлянам пришлось построить сеть разнообразных укреплений и установить дорожный патруль. Для защиты городских поселений от набегов врага римляне сооружали вокруг них стены.

С самого начала колонизации Британии римляне столкнулись с необходимостью постоянного военного присутствия в районах кельтского сопротивления, они держали легионы на юге Уэльса и на севере возле Йорка. Кроме того, у них было много вспомогательных военных формирований. Стена императора Адриана (Hadrian's Wall) была построена во II в. н. э. для защиты северной границы британской провинции (между рекой Тайн и заливом Солуэй-Ферт), дальше этой границы римская власть уже не смогла утвердиться, хотя спустя некоторое время после очередного шотландского набега был построен новый оборонительный вал – стена Антонина, который протянулся от залива Ферт-оф-Форт до реки Клайд. Однако удержать территорию между двумя стенами римлянам не удалось и вскоре им пришлось вернуться к прежней границе вдоль стены Адриана.

Таким образом, в период римского владычества от непокоренных кельтских гаэльских племен постоянно исходила угроза с севера. Эти племена сохраняли свой уклад жизни и не подверглись романизации латиноязычной культурой Рима. Римские отношения с бриттами складывались совсем иначе. Вернемся к доримской Британии I в. до н. э. Первый прецедент вторжения в Британию создал Юлий Цезарь в период войны за Галлию. В I в. до н. э. сохранялись связи между этнически близкими друг другу кельтами Галлии и кельтами Британии, в войне против Рима они также оказывали поддержку друг другу. Эта-то поддержка и стала предлогом для карательной экспедиции в Британию. Цезарь предпринял ее для того, чтобы «наказать» кельтов – пособников галлов. Первая британская экспедиция Цезаря относится к 55 г. до н. э. Цезаря в ней сопровождали 10 000 воинов, которым пришлось сразиться с объединенными силами кельтов. Этот поход не принес Цезарю победы и желаемого результата, что заставило его повторить попытку с большими силами в 54 г. до н. э. Это был более удачный для римлян год. Несмотря на то, что Цезарю не удалось покорить кельтов, он все же заручился поддержкой некоторых кельтских вождей и предпринял попытку обложить кельтов ежегодным налогом в пользу Рима. История не оставила свидетельств, подтверждающих, что этот налог когда-либо взыскивался с британских кельтов. Как бы то ни было, Цезарю удалось спасти свою репутацию. Тацит деликатно замечает по

этому поводу: «...первым римлянином, вступившим с войском на землю Британии, был божественный Юлий, и хотя, выиграв сражение, он устрасил ее обитателей и захватил побережье, все же в нем следует видеть не столько завоевателя этой страны, сколько того, кто указал на нее потомкам» [Тацит, 2001, с. 433].

Текст 5

В приведенном ниже отрывке из книги «Истории против язычников» («*Historiae adversum Paganos*») описываются предпринятые Юлием Цезарем попытки завоевать Британию в I в. до н. э. Автор книги – испанский монах Орозий. Книга была написана в самом начале V в. н. э. на латинском языке. В IX в., при короле Альфреде, она была переведена на древнеанглийский язык. Само название книги Орозия говорит о ее полемическом характере. Оппонентами Орозия были его не обращенные в христианство современники, которые винили христианство во всех бедах, постигших Римскую империю в период ее распада. В своей книге Орозий пытается показать, что до появления Христа люди страдали еще больше. Книга содержит описания истории различных империй и стран и свидетельствует о том, что и в V в. в Европе уже задумывались над природой и причинами этнических событий.

ALFRED'S OROSIUS (V, XII)

Æfter þæm þe Romeburg getimbred wæs VI hunde wintra and LXVII, Romane gesealdon Gaiuse Iuliuse seofon legan, to þon þæt he sceolde fif winter winnan on Gallie.

Æfter þæm þe he hie oferwunnen hæfde, he for on Bretanie þæt iglond, and wið þa Brettas gefeaht, and gefliemed wearð on þæm londe þe mon hæf Centlond. Raþe þæs he gefeaht (eft) wiþ þa Brettas on Centlonde, and hie wurdon gefliemed. Neora þridde gefeoht wæs neah þære ie þe mon hæf Temes, neh þæm forða þe mon hæf Welengaford. Æfter þæm gefeohte him eode on hond se cyning and þa burgware þe wæron on Cirenceastre, and siþþan ealle þe on þæm iglonde wæron [Orosius, p. 238].

Основательная колонизация римлянами Британии началась только в 43 г. н. э., когда Клавдий послал свои легионы и вспомогательные силы в Британию (всего 40 000 человек). Кампания прошла удачно и закончилась покорением одиннадцати бриттских царств. В 47 г. римляне уже контролировали обширную территорию в Британии вплоть до рек Северн и Трент. Они сразу же приступили к освоению новой провинции, строительству городских поселений и дорог. Это быстро привело к урбанизации жизни в Британии.

В самом начале римской оккупации император придерживался политики патронатного управления, которая в дальнейшем полностью дискредитировала себя. На юго-востоке Британии, строго говоря, не было особенного сопротивления римскому укладу жизни. Тем не менее, здесь отмечен исторический факт восстания против римлян, спровоцированного оскорбительным для кельтов поведением рим-

лян. Конфликт случился после смерти кельтского царя племени икенов, римского клиента, в 61 г. н. э. Его жена, царица Боудикка, пыталась выразить свой протест, но в ответ подверглась надругательству в виде порки, а ее дочерей изнасиловали. Не стерпев такого позора, Боудикка подняла восстание своего и соседних племен, во время которого были сожжены римские города в Британии: Кольчестер (Камулодунум), Лондон (Лондиниум) и Сент-Элбанс (Веруламиум) (см. карту 4 в прил. 3). Над всеми римлянами, попадавшимися на пути восставших, беспощадно издевались, только ценой напряженных усилий им удалось избежать потери Британии. Боудикка покончила жизнь самоубийством.

Наиболее интенсивно романизация острова проходила в период между 70 и 160 г. н. э. В это время Британия все больше и больше становилась похожей на обычную римскую провинцию, очень важную, впрочем, для Рима с экономической точки зрения. Регулярная эксплуатация британских минеральных ресурсов началась еще в самом начале римского присутствия в 47 г. н. э. Бритты поставляли в империю зерновые, шкуры, железо, скот, а также золото и серебро, рабов и охотничьих собак. Очень скоро экономика, основанная на римской денежной системе, установилась и в Британии.

Создание специальных административных органов управления было частью общей колонизации Британии. Там, где патронатное управление оказывалось ненадежным, племенные структуры реорганизовывались по образцу римского местного самоуправления таким образом, что бриттская элита организовывалась в местные магистраты и иные управленческие формы римского типа. Для этой цели местной элите пришлось адаптироваться под римский уклад жизни.

Важнейшей частью процесса романизации бриттов было строительство защищенных стенами городов. В каждом таком административном центре были свой форум, рынок, городской суд, гражданские службы, общественные бани, водопроводы, памятники, иногда театры и амфитеатры и прочие атрибуты римской культуры. Как отмечает П. Сэлуэй, рост городов в целом зависел от появления энергичного городского населения, которое состояло из чиновников, торговцев, ремесленников и людей других городских профессий, преимущественно из иммигрантов или заезжих из других частей империи лиц. Упомянувшиеся выше в связи с восстанием Боудикки города были построены специально для ветеранов-легионеров. Тем не менее, основная масса населения там оставалась кельтской, что предполагало наличие большой прослойки романизованного кельтского населения, возможно, умелых и образованных представителей бриттов, которые стремились использовать новые открывшиеся возможности для продвижения и реализации своих способностей в различных социальных структурах [Salway, 1995, p. 21–22].

Другим знаком романизации стало появление сельских вилл. Римско-британские виллы представляли собой удобные дома, расположенные вблизи от дорог, обычно в пределах десятимильной зоны вокруг города. Эти виллы свиде-

тельствовали о постепенном превращении кельтской элиты в категорию земельных собственников.

В исторической литературе нередко говорят о смешении религиозных верований как наиболее существенном признаке романизации кельтов. Действительно, найдены археологические подтверждения (особенно это касается убранства усыпальниц) тому, что в Британии наблюдалось смешение верований в классических римских и кельтских богов. Позднее, примерно в III в. н. э., в Британию (предположительно, вместе с легионерами) проникает христианство. Ранние формы христианства сохранялись в кельтской среде вплоть до V в. и даже имели определенное влияние в северных германских королевствах Британии (см. § 4 данной главы). С появлением христианства и латиницы стали записываться законы, поэзия и сказки кельтских народов. Самыми ранними письменными памятниками в кельтском контексте считаются законы.

Несомненно, романизация кельтов была бы совершенно не возможна без широкого использования латинского языка и латиницы. Необходимо заметить, что в Британии эпохи римского владычества умение читать было обязательным для легионера, оно было необходимым для самых разных видов деятельности и продвижения по социальной лестнице. Таким образом, шаг за шагом римляне распространяли свои ценности на бриттов, которые не могли устоять перед соблазном римской «цивилизации», несмотря на то, что платой за эти блага был отказ от самобытности.

Историки по-разному объясняли быстрое покорение римлянами юго-восточной Британии (бриттов) и стремительную их романизацию в I в. н. э. Так, например, А. Л. Мортон особо отмечает римское экономическое проникновение в Британию в предыдущем веке и последующее разрушение кельтской племенной организации [Morton, 1979, p. 25]. Действительно, разрушение сложившихся в своем ландшафте навыков и социальных форм самоорганизации сыграло ведущую роль в ускорении процессов романизации кельтов. Воспринимая римский уклад жизни зачастую чисто потребительски, кельтская элита все дальше отходила от своих прежних адаптационных моделей, языка и культурных традиций, что нарушало целостность этнического поля. Еще Тацит заметил, что кельтское население, привыкшее к жизни в мелких поселениях, разбросанных на больших территориях, теперь начинало жить новой мирной, расслабленной цивилизационными благами, праздной жизнью:

«Следующая зима была отдана Агриколой проведению полезнейших мероприятий. Рассчитывая при помощи развлечений приучить к спокойному и мирному существованию людей, живущих уединенно и в дикости и по этой причине с готовностью берущихся за оружие, он частным образом, и вместе с тем оказывая поддержку из государственных средств, превозносился похвалами усердных и порицая мешкотных, настойчиво побуждал британцев к сооружению храмов, форумов и домов, и соревнование в стремлении отличиться заменило собой принуждение.

Больше того, юношей из знатных семейств он стал обучать свободным наукам, причем природную одаренность британцев ценил больше рвения галлов, и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия. За этим последовало и желание одеться по-нашему, и многие облеклись в тогу. Так мало-помалу наши пороки соблазнили британцев, и они пристрастились к портикам, термам и изысканным пиршествам. И то, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискушенными и простодушными, образованностью и просвещенностью» [Тацит, 2001, с. 439].

Действительно, цивилизованность, т. е. зависимость от потребления благ цивилизации означала для кельтов зависимость от Рима. Поскольку единство этнического поля было нарушено и вся система стала менее устойчивой к внешним воздействиям, романизированные бритты оказались не в состоянии защитить себя после того, как римляне вывели свои легионы из Британии (примерно к 407 г. н. э.). Они также оказались не в состоянии поддерживать работу бюрократической административной системы, отлаженной и навязанной римлянами, понятной им и функционировавшей благодаря их активности. В результате признаки этнической обскурации, столь характерные для самой Римской империи позднего периода, стали проявляться и в Британии. Поэтому некогда налаженный быт и органичное для самих римлян, созданное ими наследие римской цивилизации быстро разрушались, а одна из самых богатых и цивилизованных римских провинций подверглась полному запустению и разрушению еще до прихода туда германцев. Именно в период римского господства в Британии многие бритты впервые были вынуждены отказаться от своего родного языка и традиционной культуры. Последствия не заставили себя ждать: после германского вторжения ситуация только усугублялась для кельтских языков и культур, и особенно для бриттов.

§ 3. Эпоха этнического расширения у англосаксов

Как уже говорилось, германское вторжение в Британию начинается с середины V в., спустя несколько десятилетий после того, как ее покинули римские легионы. Период особенно активного этнического расширения англов и саксов в Британии приходится в основном на V–VI вв. Германцам удалось потеснить кельтов с наиболее плодородных земель, но распространить свое влияние до естественных географических границ острова они, как и римляне, не смогли.

Для того чтобы оценить состояние этнической системы на отдельно взятом этапе ее существования, необходимо описать хотя бы в общих чертах такие параметры ее самоорганизации, как *этнокультурные доминанты*, *социальные структуры*, позволяющие организовать совместную деятельность для воплощения в жизнь установок этнокультурных доминант, и *адаптационно-деятельностные модели*, в рамках которых и совершаются конкретные деяния членов этноса, формируются стереотипы поведения и заметные движения этноса на арене мировой истории

(см. ч. I, гл. II). В рамках нашего повествования мы ограничимся анализом самых общих фактов по каждому из упомянутых параметров, которые доступны исследователю-филологу, семиотику и историку, работающему с текстовыми материалами различных периодов истории английского языка.

Народы представляют собой живые этнические системы, обладающие, как и все живое в биосфере, определенной гибкостью самоорганизации и противостояния энтропии при изменении средовых факторов. Для того, чтобы не быть уничтоженными соседями, люди, составляющие этническую систему, «устанавливают выработанные или заимствованные институты, являющиеся по отношению к этносу вспомогательными жесткими системами... Таким образом, жесткие системы – это социально-политические образования: государства, племенные союзы, кланы, дружины и т. п.» [Гумилев, 1994б, с. 135]. В этих структурах (социальных институтах) воплощаются сложившиеся относительно устойчивые внутренние и внешние связи и способы информационного обмена и взаимодействия внутри этноса. При наличии у этноса достаточного энергетического ресурса гибкости старые, более не соответствующие новым функциональным условиям жесткие системы могут быть деинституционализированы и заменены новыми. Видимо, структура таких этносоциальных систем в значительной степени зависит от состояния этноса в рассматриваемый период и от сложившейся традиции. Кроме того, весь ход исторических событий может повлиять на характер выстраивающихся этносоциальных структур. Как бы то ни было, возникают эти системы в результате целенаправленной творческой деятельности этноса. Но чтобы раскрыть этот творческий потенциал, этносу необходимо эффективно организовать свою пассионарность. Такая «целеустремленность» и мобилизация энергии проявляется, как уже говорилось, в форме *этнокультурных доминант*. Последние, воплощая в себе ценностную семиотику жизни этноса, существенно влияют на целостность всего этнического поля и институционализацию жестких систем, сохраняя актуальность в течение определенной фазы этногенеза.

В ходе германского этногенеза после завоевания Британии примерно к концу VI в. складывается новая западногерманская этносоциальная система, которую традиционно называют *англосаксонской*. Древнеанглийские наименования социального статуса иллюстрируют основные ступени в англосаксонской социальной иерархии:

Cyning	вождь, позднее – основатель королевской династии
Ealdorman	наместник короля, потомственный аристократ, позднее по отношению к представителям высокой аристократии стали использовать термин eorl
Pegn	воин, дружинник
Ceorl	свободный человек, земледелец
Peow	раб, слуга

Рис. 4. Социальная иерархия англосаксов

Данная структура обеспечивала эффективное функционирование довольно жесткой этносоциальной системы, потребовавшейся англосаксам в эпоху их этнического расширения, когда старая племенная организация общества уже не могла более отвечать новым стереотипам, вызванным *военной ориентацией этнической доминанты*. Возник класс профессионалов-воинов, которые давали присягу верности своим вождам (королям) в обмен на дары и земли, захваченные в военных походах.

Король и знатные люди (*олдермены*) представляли военную (правлящую) аристократию, профессиональные же воины (*таны*) занимали в социальной иерархии промежуточное положение между знатными и простыми людьми. Сама категория *thegn* была подвижной в том смысле, что через выдвигание на службе у короля люди этой категории могли обеспечить себе и продвижение по социальной лестнице.

Наибольшими властными полномочиями в этой структуре был наделен король. Этимология древнеанглийского слова *cyning* в определенной степени отражает процесс формирования института королевской власти. Древнеанглийский корень *cypp* означал «свои родственники, люди, свой народ», с патронимическим суффиксом *-ing* от этого корня образуется существительное *cyning* со значением «человек своего (этого) рода-племени», в дальнейшем – «человек знатного рода» – «вождь своего народа» – «основатель королевской династии». Как полагают историки, в начале англосаксонского периода в Британии были десятки королей, которые имели обыкновение нанимать к себе на службу своего рода вице-королей – *ealdormen* – для управления своими территориями на местах.

Древнеанглийский корень *ealdor* означал «глава семейства» и, таким образом, был семантически близок по ассоциациям к значению *cyning*. Постепенно с изменением административной системы слово *ealdorman* также изменило свой первоначальный родовой смысл и стало называть «правителя на определенной территории, губернатора, члена совета графства, т. е. советника». *Олдермены и короли* были фактическими правителями и представляли собой *военную аристократию* англосаксов.

Профессиональные воины – таны (thegns) занимали более низкую ступень в социальной иерархии, между аристократами и простым народом, и имели, как уже было сказано, стимул и возможность к продвижению вверх по иерархии через свои боевые заслуги. М. Ленерт описывает в словаре значение древнеанглийского *þegn* со ссылкой на Н. М. Chadwick, *Anglo-Saxon Institutions* следующим образом: «þegn was a personal servant and but one degree higher in the ranks of freemen than a čeorl (the lowest); but as servants of the king the status of *þegn* rose, until they formed the elected nobility of the kingdom» [Lehnert, 1956, p. 211].

Самая низкая ступень в социальной иерархии свободных людей отводилась керлам (*ceorls* – OE *ċeorl*). Керл имел небольшой земельный надел (*hide*, OE *hīd*)⁵, размер которого мог незначительно варьироваться в разных регионах, но был достаточен для того, чтобы прокормить среднюю крестьянскую семью. Размер земельного надела тана мог быть существенно (в пять и гораздо более раз) больше. Соответствующим образом различалась и стоимость жизни, так называемый «вергельд» (*wergeld*) у керлов и танов.

Вергельд – это денежная компенсация, на которую могли рассчитывать родственники убитого. Для тана (*twelfhynde man*) вергельд составлял 1200 шиллингов, в то время как для керла (*twihynde man*) – 200 шиллингов. Видимо, здесь проходила разделительная черта социальной стратификации для основной массы народа. В зависимости от социального статуса участников правовых конфликтов различались и суммы предписанных штрафов, что можно наблюдать в формулировках текстов законов англосаксонских королей, приведенных ниже.

Дальнейшая институционализация социальных отношений у англосаксов (в особенности с введением христианства) пошла по пути существенного усложнения. С одной стороны, стала устанавливаться более глубокая социальная дифференциация внутри обозначенных классов и категорий, с другой – с христианством пришли и новые формы организации социального взаимодействия в религиозной сфере со своим институтом церковной иерархии и монашества разных видов. Частично эти формы организации отражены в приводимых здесь отрывках древних законов англосаксонских королей.

Текст 6

Законы уэссекских королей Король Инне (правил с 688 по 726 г.)

Be gefeohtum

L. Gif hwā gefeohte on cyninges hūse, sīe hē scyldig ealles his ierfes, ond sīe on cyninges dōme, hwæðer hē lif āge þe nāge.

Gif hwā on mynster gefeohte, CXX scillinga gebēte.

Gif hwā on ealdormonnes hūse gefeohte oððe on oðres geðungenes witan, LX scillinga gebēte hē, ond oðer LX scillinga geselle tō wīte.

⁵ *Hīd* – «a variable measure of land, sufficient to support a family or household, and varying in extent from 60 to 100 acres» [Lehnert, 1956, p. 112]. Мортон рассматривает *hide* как племенную категорию: «Everywhere in England, except in Kent, the hide was..the holding of a normal peasant family. Roughly it may be taken as representing the amount of land that could be kept in cultivation by an eight-ox plough. It is not, however, easy to discover the actual number of acres which the unit of the hide might contain. In the Eastern England a hide of 120 acres seems to have been usual, but in other areas it may have contained as few as 40» [Morton, 1979, p. 37].

Be ðon ðe ðēowwealh frīone mon ofslēa

CXVIII. Gif ðēowwealh Engliscne monnan ofslīhð, þonne sceal sē ðe hine āh weorpan hine tō honda hlāforde ond mæezum, oððe LX scillinga zesellan wið his fēore.

Gif hē þonne þone cēap nelle fore zesellan, þonne mōt hine sē hlāford zefrēozean. Gielden siððan his mæezas þone wer, zif hē mæezburz hæbbe frēo. Gif hē næbbe, hēden his þā zefān (цит. по: [Lehnert, 1955, p. 135–136]).

Король Альфред Великий (871–899)

...Cyninges burgbryce bið CXX scill.; ærcbiscepes hundnigontig scill.; oðres biscepes and ealdormonnes LX scill.; twelfhyndes monnes XXX scill.; syxhyndes monnes XV scill.; ceorles edorbryce V scill [Lehnert, 1955, p. 137].

Теперь обратимся к содержанию этнокультурных доминант англосаксов эпохи их этнического расширения. Анализ раннедревнеанглийских письменных памятников позволяет выделить в этнической доминанте англосаксов два отчетливо выраженных императива: с одной стороны, *воинственность*, ориентация на ведение войны и подчинение интересов личности этому императиву; с другой – *страх* быть низведенным до положения *изгоя*, человека, лишённого всяких прав, из которых главное – право быть человеком. Этот мотив страха Дж. Хьюз называет архетипическим для англосаксов, навязчиво и постоянно повторяющимся в древнеанглийской поэзии (the fear of being reduced to a wræcca or ‘wretch’ – “the archetypal fear of the Anglo-Saxons, harped upon in their poetry”) [Hughes, 1989, p. 43].

Воинственность ради *богатств* и *славы* создавала мотивацию к этническим стереотипам, организуя пассионарность англосаксов эпохи «великих деяний и храбрых героев». Эти императивы запечатлены в героическом эпосе англосаксов. Жить в обществе «великих деяний и храбрых героев» очень непросто. Чтобы реализовать себя, нужна была высокая пассионарность, индивидуум мог раскрыть свой потенциал в сообществе соратников, в составе структур, где каждому отводилась своя жестко заданная функция и от каждого ожидали качеств, соответствующих его функциональному статусу. Трудно не согласиться с А. Я. Гуревичем, который, рассуждая о регламентации индивидуального поведения в древнегерманском обществе, справедливо замечает, что «член варварского общества отнюдь не лишен воли, но она направлена в первую очередь на достижение целей, поставленных перед ним коллективом, и изъявление ее заключается не в свободном решении – как поступать в данной ситуации, исходя из собственных внутренних побуждений, – а в выборе средств, в наибольшей мере соответствующих требованиям и потребностям группы» [Гуревич, 1984, с. 173]. Вероятно, все вышесказанное о соотношении интересов сообщества и индивидуума в равной мере применимо как к королю, так и к простому человеку – таков императив выживания в эпоху ведения войны.

Король без мощи военной дружины не удержит власть, а чтобы правитель всегда был окружен дружинниками, он должен быть великодушен и щедр, раздавая дары на пиру (как Хродгар), но прежде ему придется проявить смекалку, мужество и талант военного организатора, добывая богатства для своего народа. Видимо, Джон Блэр прав, усматривая в таком положении вещей причины нестабильности в социальном статусе власть имущих в VII в.⁶ Впрочем, это относится не только к той фазе англосаксонского этногенеза, о которой говорит Блэр и которая была отмечена междоусобицами и распрями между королевствами (Гумилев называет такую фазу акматической), но и к более раннему периоду этнического расширения, о котором мы ведем речь.

Итак, стать изгоем, лишенным власти, славы и дружины, мог, в принципе, любой знатный человек: ведь дружина при короле постольку, поскольку он силен, щедр и способен захватить богатства. С другой стороны, жизнь дружинников и их благополучие зависят от щедрот, могущества и военного таланта их вождя, они всюду следуют за ним, их долг защищать его и его интересы даже ценой собственной жизни. Верность (преданность) делу дружины определяет все. Ну, а если трусил, нарушил обет верности, бросил вождя в битве и т. п.? Такого человека ждет позорное существование изгоя, лишенного всяческих прав, подобный исход – хуже смерти. В напряженной жизни военного времени опасность оказаться неудачником была велика, о чем свидетельствует тот факт, что императив страха оказаться изгоем относится к числу преобладающих мотивов в ранней англосаксонской литературе.

Текст 7

Эпоха великих деяний и героических свершений нашла отражение в уникальном литературном памятнике древнеанглийского периода, эпической поэме «Беовульф». Герой поэмы, «Беовульф», – фигура символического значения, поэтическое воплощение этнического идеала, своего рода образца для подражания (модели поведения пассионария). Благородный воин «Беовульф» служит королю данов Хротгару. Девиз героя: *завоюй славу прежде, чем умрешь!* «Беовульф» оказался не только надежным защитником своего господина, но и смог увеличить его богатст-

---

⁶ Вот как интерпретирует исторические факты Джон Блэр, выявляя мотивацию воинственности англосаксонского мира в борьбе за власть: «In the world of seventh-century politics, ...it was possible to gain great power but hard to keep it for long. Why did kings rise and fall so quickly? One reason is that power and conquest depended on military forces; forces were attracted by gift-giving; gift-giving depended on wealth; and wealth in its turn was gained by power and conquest. Society was riddled with feuds, and the succession to kingdoms was fluid and uncertain; hence there were many royal and noble exiles from their own kin in search of generous and congenial lords. ...when a king grew sick, poor, or mean his retinue would collapse, and his heirs, if they survived at all, would become sub-kings or followers of a new lord» [Blair, 1995, p. 62].

во и богатство своего народа. В поэме (строки 2792–2801) описывается конец жизненного пути героя, когда он, истекая кровью от полученных им в бою с огнедышащим драконом ран, глядя на добытые им в последнем бою сокровища, гордо заявляет своим соратникам:

Beowulf

Nu ic on maðma hord mine bebohte
frode feorhlege, fremmað gena 2800
 leoda þearfe; ne mæg ic her leng wesan.
 (Цит. по: [Fowler, p. 68])

Now have I sold my old life for the hoard
of treasures; attend ye now to the need of 2800
 my people. No longer may I tarry here.
 (Пер. по: [Gordon, p. 62])

Золото и прочие богатства были обычным вознаграждением за пролитую в бою кровь, смелость и верность. Хротгар, надо отдать ему должное, умел щедро одаривать своих воинов, а значит дружина и удача всегда были при нем. Приведем отрывок из поэмы, в котором описываются щедрые дары, полученные «Беовульфом после победы над страшным чудовищем по имени Грендель.

Ond þā Bēowulfe bēga gehwæðres
 eodor Ingwina onweald getēah,
 wicga ond wæpna; hēt hine wēl brūcan. 1045
 Swā manlice mære þēoden,
hord-weard hæleða heaðo-ræsas geald
 mēarum ond mādum, swā hy nāefre man lehið
 sē þe secgan wile sōð æfter rihte.
 (Цит. по: [Beowulf, p. 121–122])

Then the protector of the friends of Ing
 gave power over both to Beowulf,
 over horses and weapons, he bade him use them well 1045
 Thus manfully did the famous prince,
the treasure-keeper of heroes, reward the rushes of battle
 with steeds and rich stores, so that he who wishes to speak
 truth in seemly fashion will never scoff at them.
 (Пер. по: [Gordon, p. 25])

Дары обычно раздавались на пирах в больших залах, где король, олдермены и таны собирались, чтобы отпраздновать победу. Барды слагали героические песни

и представляли их на суд королевской дружины во время таких пиров. Королевские воины должны были повсюду следовать за своим королем, демонстрируя готовность ценой собственной жизни в любой момент защитить его интересы. Такая жизнь требовала физической подготовки и выносливости, вызвала к мужеству, осознанию высокого чувства долга, верности и чести. Именно такими и были дружинники Хротгара. В следующем отрывке из поэмы мы находим их спящими прямо в зале пиршеств, подле своих щитов и копий:

...Wæs ðeaw hyra,
 þæt hīe oft wæeron an wīg gearwe,
 gē æt hām gē on herge, gē gehwæðer þāra
 efne swylce mæla, swylce hira man-dryhtne
 þearf gesælde; wæs sēo þēod tilu. 1250
 (Цит. по: [Beowulf, p. 127]).

...It was their custom
 that they were ever for war prepared
 at home, in the field, in both alike,
 at whatever time to their liege lord
 the need befell. 'Twas a ready people. 1250
 (Пер. по: [Helsztyński, p. 23]).

Что же могло случиться с благородным человеком (будь он король или тан), если он не смог или не захотел исполнить свой долг? Когда «Беовульф состарился, соратники начали потихоньку покидать его. В самой последней своей битве герой остался практически одинок, и только воин по имени Виглаф оказался верным и достаточно храбрым, чтобы вступить в бой вместе с «Беовульфом. Вот какими упреками осыпает он трусов после битвы:

...Wergendra to lyt
 þrong umbe þeoden, þa hyne sio þrag becwom.
 Nu sceal sincþego ond swyrdgifu, 2885
 eall eðelwyn eowrum cynne,
 lufen alicgean; londrihtes mot
 þære mægburge monna æghwylc
 idel hweorfan, syþþan æðelingas
 feorran gefricgean fleam eowerne,
 domleasan dæd. Deað bið sella 2890
 eorla gehwylcum þonne edwitlif!
 (Цит. по: [Fowler, p. 70–71]).

...Too few protectors
 pressed round the prince, when the time came upon him.
 Now the receiving of jewels, giving of swords
 all the splendid heritage, and life's necessities 2885
 shall pass away from your race.
 Every man of the people shall wander,
 stripped of his rights in the land, when chieftains
 from afar hear of your flight,
 the inglorious act. Death is better 2890
 for all earls than a shameful life.
 (Пер. по: [Gordon, p. 64]).

Таким образом, предателям, трусам и просто слабым людям, не умеющим исполнить своего долга, была уготована судьба изгоя (*exile*). Особенно часто слышится этот мотив в древнеанглийских элегиях. С точки зрения содержания элегии обычно представляют собой плач по умершим сородичам и друзьям, по несбывшимся надеждам, по чему-то безвозвратно утраченному.

Текст 8

Отрывки из элегии «The Wanderer» описывают страдания человека, ставшего после смерти своего лорда одиноким странником, по сути бродягой, никому не нужным изгоем без средств к существованию, статуса и защиты:

Swā ic mōdsefan mīnne sceolde,
 oft earmcearig, ēðle bidæled, 20
 frēomægum feor feterum sāelan,
 siþþan geāra iū goldwine mīnne
 hrūsan heolster biwrāh, ond ic hēan þonan
 wōd wintercearig ofer waþema gebind,
 sōhte sele drēorig sinces bryttan, 25
 hwāer ic feor oþþe nēah findan meahte
 þone þe in meoduhealle mīn mine wisse,
 oþþe mec frēondlēasne frēfran wolde,
 wēman mid wynnum. Wāt sē þe cunnað,
 hū sliþen bið sorg tō gefēran, 30
 þām þe him lyt hafað leofra geholena.
 Warað hine wræclāst, nales wunden gold,
 ferðloca frēorig, nalæs foldan blæd.
 Gemon hē selescegas ond sincþege,
 hū hine on geoguðe his goldwine 35
 wenede tō wiste. Wyn eal gedrēas!

So must I often bind in fetters
 my soul's thoughts, miserably wretched, 20
 deprived of country, far from my noble kin,
 since the day, now long ago, when earth's darkness
 covered my bounteous friend, and I went abject thence,
 stricken with winters, over the frozen waves;
 sad sought I the hall of some giver of treasure, 25
 some place, far or near, where one I might find,
 who in the mead-hall would show me love,
 would comfort me in my friendlessness,
 and cheer me with delights. He knoweth who trieth,
 how dire is care as comrade 30
 to him who has few trusty friends.
 His portion is the exile's track, not twisted gold;
 a body chilled with frost, nought of earth's bliss;
 he remembers the retainers and the receipt of treasure,
 how in his youth his generous lord 35
 regaled him at the feast; but all delight has fallen away!

Обобщая опыт своих страданий, несчастный скиталец сокрушается по поводу бренности всех земных благ:

Ongietan sceal glēaw hæle hū gæstlic bið,
 þonne earle þisse worulde wela wēste stondeð,
 swā nū missenlice geond þisne middangeard 75
 winde biwāune weallas stondaþ,
 hrīme bihrorene, hryðge þā ederas.
 Wōriað þā wīnsalo, waldend licgað
 drēame bidrorene, duguð eal gecrong,
 wlonc bī wealle. ... 80
 Hwāer cwōm mearg? Hwāer cwōm mago? Hwāer cwōm māþpumgyfa?
 Hwāer cwōm symbla gesetu? Hwāer sindon seledrēamas?
 Ēalā beorht bune! Ēalā byrnwiga!
 Ēalā þēodnes þrym! Hū sēo þræg gewāt, 95
 genāp under nihthelm, swā hēo nō wære.

A wise man must grasp how ghastly it will be,
 when all the wealth of this world stand waste,
 even as now throughout this middle-earth 75
 many a wall stands wind-beaten,

covered with rime, the hedges uprooted.
 The guest-halls crumble; the masters lie
 bereft of joy; the warrior-band has all fallen,
 once so stately at the rampart. ... 80
 Where is gone the horse? Where is gone the hero?
 Where is gone the giver of treasure?
 Where are gone the seats of the feast? Where are the joys of the hall?
 Ah, thou bright cup! Ah, thou mailed warrior!
 Ah, the prince's pride! How has the time passed away, 95
 has darkened beneath the veil of night, as if it had not been!

Итак, *верность и ратный труд* могли быть вознаграждены *богатством и славой*. Но на какие блага в этом мире мог рассчитывать изгой? Видимо, христианская идея вечного блаженства на небе после смерти, как компенсация за страдания на земле, могла дать какой-то шанс и тем, кто не смог вкушать благ при жизни. Не случайно поэтому древний поэт уделяет столько внимания мысли о том, как легко разрушает время богатства и благополучие прежних дней:

Eall is earfoðlic eorþan riçe,
 onwendeð wyrda gesceaft weoruld under heofonum. 107

All the realm of earth is full of hardships;
 Fate's decree changes the world beneath the heavens. 107

Следовательно:

Til biþ sē þe his trēowe gehealdeþ, ne sceal nāefre his torn tō rycene
 beorn of his brēostum ācyþan, nemþe hē āer þā bōte cunne,
 eorl mid elne gefremman. Wēl bið þām þe him āre sēceð,
 frōfre tō fæder on heofonum, þāer ūs eal sēo fæstnung stondeð. 115

Good is he who holds his faith; nor shall a man ever
 show forth too quickly the sorrow of his breast, except he, the earl,
 first know how to work its cure bravely. Well is it for him who seeks mercy,
 comfort from the Father in heaven, where for us all security stands. 115

(Древнеанглийский текст «*The Wanderer*» цит. по: [Lehnert, 1955, p. 27–30]; пер. по: [Lehnert, 1955, p. 92–94]; пер. строк 112–115 по: [Gordon, p. 83]).

§ 4. Контакты с кельтами в Британии. Кельтский субстрат

Каким же образом выстраивались отношения между двумя суперэтническими системами (кельтской и германской) в Британии после переселения туда германцев? Теоретически романизированные кельты должны были бы стать в силу экономической и технической мощи римской цивилизации опасным противником для германцев. Но германцы также имели разнообразные контакты с Римской империей, как уже говорилось, в частности они привлекались как наемные воины и военачальники в римскую армию, поэтому, вероятно, имели необходимые знания об этой стороне жизни Рима. Кроме того, кельты, будучи фактически наследниками римской цивилизации в Британии, тем не менее не смогли должным образом распорядиться ее плодами.

К сожалению, до историков нашего времени не дошли письменные памятники с описанием германского нашествия очевидцами событий середины V в. н. э. Самые ранние англосаксонские памятники, в которых упоминается это событие, относятся к гораздо более позднему периоду времени. «Церковная история англов» Беды Достопочтенного была написана в VIII в. на латинском языке, а во многом повторяющая сведения Беды «Англосаксонская хроника» начала фиксировать исторические события только в IX в. при короле Альфреде, вся предыдущая история Англии пересказывалась из уже имеющихся источников. Все-таки кое-какие факты, описанные в трактате «Падение Британии» (середина VI в.) британского монаха по имени Гильда, приоткрывают завесу времени над этими событиями. Гильда и сообщает нам о том, что романизированные кельты не сумели защитить себя от атак пиктов и скоттов после того, как ушли римские легионы. Чтобы получить поддержку со стороны, бритты обратились к саксам за военной помощью в обмен на остров Тенет (см. карту 5 в прил. 3). Однако германские наемники, как это бывало и раньше, обратили оружие против своих хозяев. Гильда также упоминает имя некоего *Амброзия Аврелиана*, полупоэтического вождя, как полагают современные историки, одного из последних римлян в Британии, который организовал сопротивление части кельтов и даже добился победы в сражении с врагом. И хотя эта победа не могла остановить нашествия, более-менее мирное сосуществование британцам в первой половине VI в. она обеспечила. Имя этого героя непредсказуемым образом трансформировалось в средние века почти до неузнаваемости в *короля Артура*, ставшего персонажем многих легенд рыцарского цикла. Однако средневековые легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола не имели ничего общего с событиями в Британии при жизни Амброзия Аврелиана (подробнее о фактах и легендах вокруг исторических и мифических персонажей артуровского цикла см.: [Мифы народов мира 2000; Комаринец, 2001]).

Период неустойчивого мира сменился новыми германскими набегами и к концу VI в. половина острова была уже во власти германцев (см. карту 5 в прил. 3). Бритты были вытеснены с наиболее плодородных земель на север и в гористые

западные районы Уэльса, Девоншира, Корнуолла, историками отмечена массовая миграция беженцев в Арморику на севере Галлии (ныне французская Бретань).

Отношение германцев к бриттам было очень жестоким, у бриттов не оставалось выбора: либо стать рабами, либо умереть в сражении. Мортон полагает, что большая часть поработенных германцами бриттов были людьми низкого происхождения, изначально являлись рабами. Смешанные браки с кельтскими женщинами, как полагают некоторые историки, были неизбежны, поскольку англосаксы не могли взять в военный период достаточное количество женщин с континента. Кельтские женщины, вероятно, имели больше шансов выжить в этой борьбе.

Когда сравнивают колонизацию Британии германцами с римской колонизацией, то становятся очевидными разные полюса комплиментарности кельтов и германцев, с одной стороны, и кельтов и римлян – с другой. Очевидно, стратегия и модель колонизации у германцев и римлян в то время были разными. Об этом свидетельствует в частности и судьба языков, контактировавших в этот период времени в Британии. Так, языком покоренной Британии стал древнеанглийский, который, по образному выражению авторов «The Story of English», был привнесен в Британию «на острие меча» [McCrum, Cran, MacNeil, 1986, p. 60]. В Британии эпохи Римской империи также использовался латинский язык, язык победителей. Однако в отношении римлян к кельтам, как мы видели, проявлялся совсем другой стереотип – римляне, по выражению А. Бо, пришли, «чтобы править Британией, а не истреблять и превращать ее жителей в лишенцев» [Vaugh, Cable, 1978, p. 48]. Если римляне обращали провинциалов бриттов в свою культуру, приобщая их к ней, то англосаксы просто создали свои княжества на наиболее плодородных землях бриттов, уничтожив или согнав с них хозяев, а выживших превратили в рабов. Истребление кельтов объясняет, по мнению историков-лингвистов, ничтожное количество (не более дюжины) кельтских слов, вошедших в древнеанглийский словарь в период германо-кельтских контактов после завоевания Британии германцами (об этом см., например: [Vaugh, Cable, 1978, p. 72–75; Rastorguyeva, 1983, p. 134; Blair, 1995, p. 57–59; Hughes, 1989, p. 42; McCrum, Cran, MacNeil, 1986, p. 60–61 и др.]). Характер межэтнических контактов кельтов и англосаксов в Британии отразился, как нам думается, и в этимологии слов *Welsh*, *Wales*, и второго корня в *Cornwall*. Все эти слова восходят к одному древнеанглийскому корню *wealh*, который означал «чужестранец, чужой, бритт», так называли германские завоеватели покоренные кельтские племена, когда встретились с ними на их же земле. Постепенно это слово стало использоваться в сниженном значении «несвободный человек, раб». «Снижение» значения (*deterioration of meaning*) – один из наиболее очевидных и часто наблюдающихся семантических процессов отражения этнических стереотипов в языке.

Выше мы уже говорили о судьбе других кельтов, избежавших и романизации, и разрушительных последствий англосаксонского натиска в первые века после

вторжения германцев в Британию. Это были гаэльские кельтские племена, сумевшие сохранить свою резистентность и культуру. Они даже оказывали культурное влияние на северные княжества англосаксов. Так, известно, что христианство пришло к ирландским кельтам довольно рано, предположительно в III в. н. э., некоторые историки усматривают в этом влияние римских легионеров. Возможно, христианские идеи проникли в Ирландию прямо из Египта со странствующими монахами. Уже в V в. в Ирландии появилась своя независимая христианская церковь, которая несла в себе черты восточной ветви христианства. Влияние этой церкви на англосаксов, в частности на жителей Нортумбрии (см. карту 5 в прил. 3), не только упоминается в латинской и англосаксонской литературе, но и находит множество археологических подтверждений.

Вместе с тем, римская миссия, состоявшая из 40 монахов под руководством Августина, была отправлена в Англию только в 597 г. и осела первоначально в Кенте ⁷ (см. текст 9 в гл. II). Несколькими десятилетиями ранее ирландский миссионер по имени Коламба отправился в Шотландию, где обратил в христианство пиктов и в 563 г. н. э. основал монастырь на острове Айона, Гебридские острова (см. карту 5 в прил. 3). Нортумбрийский король Освальд, который правил с 633 по 642 г., воспитывался ирландскими монахами с острова Айона. В 634 г. он передал Линдисфарн некоему Айдану из Айоны, чтобы тот организовал там ирландский монастырь. Линдисфарн стал штаб-квартирой миссии Айдана. Благодаря усердию ирландских миссионеров Нортумбрия не только была обращена в христианство, но и через свою церковь оказывала влияние на другие англосаксонские княжества.

Ранняя кельтская христианская церковь с ее непосредственной обращенностью к богу и отсутствием централизованной иерархии сильно отличалась от римской. Кельты не стремились укрепить у себя организационную дисциплину аналогично той, что наблюдалась в Риме, напротив, даже находились в оппозиции к ней. Типичный кельтский миссионер был странствующим священником или отшельником, стремившимся удалиться от мира в уединенных местах. В монастырских сообществах, состоящих из таких отшельников, монахи проводили все время в кельях за изучением греческих, еврейских и латинских текстов. Простая жизнь ирландских монахов сближала их с народом и позволяла им записывать легенды о кельтских народных героях на ирландском языке [Schlauch, 1967, p. 23–26].

Противостояние двух христианских традиций в древней Англии закончилось не в пользу кельтской христианской церкви. В 664 г. на синоде, созванном нортумбрийским королем Озуином, в Уитби была провозглашена церковная уния в

---

⁷ «Surprisingly, it was not the Gregorian mission which was most successful... but the primitive, isolated Celtic Church. The Christians of Wales and Cornwall probably had some influence on the English, but it was scarcely very significant. Augustine, who seems to have been a rather proud, humourless man, offended the Welsh bishops and no co-operation resulted. The mission which achieved so much among the northern English came rather from Ireland to Scotland, and thence to Northumbria» [Blair, 1995, p. 67].

пользу римской миссии. Ирландские миссионеры удалились, но влияние ранней христианской миссии на самосознание кельтов было весьма значительным. Религиозное самосознание стало одним из средств утверждения самобытности на фоне англосаксонского давления.

Рассматривая проблему германо-кельтских этнических контактов в Британии, обычно говорят о возможном косвенном (через романизированных кельтов) влиянии римской цивилизации и латинского языка на англосаксонскую культуру и диалекты. Обычно масштабы этого влияния оценивают как незначительные в силу описанных выше причин, самого характера межэтнических германо-кельтских контактов, с одной стороны, и германо-римских – с другой. Многие слова латинского происхождения появились в германских языках еще до переселения германских племен в Британию, в результате длительных контактов с римлянами на континенте. Эти заимствования называют континентальными. Лингвисты полагают, что их присутствие в англосаксонских диалектах получило дополнительную поддержку созвучными с ними, сходными заимствованиями из латыни в языке бриттов. Сюда обычно относят такие слова, как *wall*, *vine*, *port* и некоторые другие. Древнеанглийское *-ceaster* (от лат. *castra* – «лагерь, укрепленное место, в особенности городское поселение»), вероятно, было заимствовано вскоре после германского вторжения. Варианты *-cester*, *-chester*, *-caster* встречаются в большом количестве английских географических названий. Все они восходят к одному латинскому источнику, а *-chester* является самой англизированной формой, в которой наиболее полно отразились фонетические процессы древнеанглийского периода.

В целом, истребление романизированных кельтов и этническая обскурация в Риме эпохи распада не оставляли шансов для существенного влияния латинской культуры на германцев через контакты с кельтами. Поэтому ранние латинские заимствования в древнеанглийском языке вряд ли могут быть отнесены на счет кельтского влияния. Все они называют такие артефакты римской культуры, с которыми германцы сталкивались и на континенте – стены (валлы), дороги, города, улицы и т. п. Не удивительно, что новый германский суперэтнос, заменивший римлян в Британии, не стал восстанавливать чужие для него римские города в прежних их функциях, они просто прекратили свое существование как средоточие римского уклада жизни (впрочем, вероятно, еще и до германского нашествия). Тем не менее, историки уверены, что крепкие стены поселений римского типа и система дорог использовались германцами для своих целей (к примеру, как удобные места для штаб-квартир германских вождей) [Blair, 1995, p. 59]. Вероятно, поэтому названия римских городов были в основной своей массе сохранены. Более того, новые поселения иногда также назывались латинскими по происхождению словами, чаще создавались слова-гибриды из германских и латинских корней, иногда кельтских и латинских (или германских). Последнее может свидетельствовать о том, что германцы не только заимствовали от кельтов готовые названия для городов и местностей, но и прекрасно осознавали значение соответствующих латин-

ских элементов. Например: *Chesterton* восходит к др.-англ. *ceaster* + *tūn* (ограда, дом с участком земли, усадьба, деревня, город); *Chesterfield* к др.-англ. *ceaster* + *feld* (поле, открытое место, поле боя); *Lancaster* к кельтскому названию реки *Lune* + *ceaster*; *Chichester* к др.-англ. имени собственному *Cissa* + *ceaster*.

§ 5. Выводы

Древнейший германский алфавит назывался руническим и состоял из 24 букв (рун). В Англии использовалось не менее 30 рун. Рунический алфавит назывался футарком по названиям первых семи рунических знаков. Расположение символов в руническом алфавите уникально и не имеет аналогов в других индоевропейских алфавитах. Рунологи рассматривают футарк как семиотический код, несущий в себе информацию об общегерманских ценностях древнейшего периода. На территории Англии найдены рунические надписи и несколько текстов, выполненных на камне и кости рунами на нортумбрийском диалекте. Специфика рунических знаков позволяла некоторым древним авторам «вплетать» руны в текст, выполненный на латинице, что помогает исследователям-историкам в установлении авторства таких текстов. Анализ древнейших текстов и семантических зон рунического алфавитного кода дает общее представление о системе базовых ценностей германцев в период их первоначального расширения в Европе.

До появления германцев в Британии она была заселена кельтскими племенами, которые частично (а именно бритты) подверглись романизации после завоевания Британии римлянами в I в. н. э. и в ходе последующей колонизации этой провинции. Кельтские языки в Британии делятся на две подгруппы – гаэльскую и бретонскую. Носители гаэльских языков длительное время сохраняли этническую самобытность и резистентность своей этнической системы. Римляне вынуждены были строить защитные валлы на севере Британии, чтобы защититься от них. В ходе германской колонизации бритты были истреблены и обращены в рабство, занимаемые ими ранее наиболее плодородные земли Британии были отняты германцами. В Ирландию и Шотландию германское влияние первоначально проникнуть не могло. Там возникла своя христианская церковь, которая оказала культурное влияние на население Нортумбрии и заложила письменную традицию ирландского языка. Однако в VII в. в Нортумбрии состоялся синод, установивший церковную унию в пользу римской христианской миссии. Это ослабило влияние кельтов на англосаксонскую культуру и язык.

В период этнического расширения на территории Британии у англосаксов сложились свои социальные структуры, позволившие им самоорганизоваться в условиях ведения войны и адаптации в новом ландшафте. Этнокультурные доминанты этого периода наполнены мотивами воинственности во имя богатств, власти и славы. В период господства императива «Будь таким, каким ты должен быть» ко всем членам этноса, включая элиту, предъявлялись жесткие требования соответ-

вия заявленному социальному статусу. Поэтому одним из центральных мотивов сохранившихся поэтических памятников был страх стать изгоем. В этот же период в отношениях с кельтами просматриваются специфические черты англосаксонской колонизации как формы их стереотипа поведения по отношению к иноплеменикам.

Глава II

Англосаксонская эра в Британии

§ 1. Христианская этнокультурная доминанта у англосаксов

Христианство с его идеями о бренности земных благ и богатств, о вечном блаженстве на небе сместило акцент с материализованных символов эпохи военных походов на духовное начало в человеческих деяниях. Немаловажно и то, что через страдание и искупление даже отвергнутый неудачник мог найти утешение в христианской идее. В целом, взаимоотношения между индивидуумом и сообществом перешли на новый уровень. «Искупительная жертва Христа с необычайной силой ставила проблему выбора личностью своего пути и свободного исполнения морального долга. Выдвигая на первый план индивидуальное спасение души, предполагая свободу воли человека, христианство повышало оценку человеческой личности, поставленной им в прямое, непосредственное отношение с богом» [Гуревич, 1984, с. 208]. Симптоматично, что не кто иной, как бывший изгой королевского рода, король Нортумбрии Освальд, активно поощрял миссионерскую деятельность в своем королевстве.

Заметим, что для того, чтобы в мире насилия и неутрахающих распрей в борьбе за власть жить благочестиво, следуя христианским заповедям и обращая на путь истинный других, требовалась не малая пассионарность, нужны были также и знания, а значит, и центры просвещения, где эти знания можно было получать и хранить. Таким образом, необходимо было системно организовывать энергию сообщества в рамках новых или видоизмененных этносоциальных структур, которые в большей мере соответствовали бы новым императивам. Постепенно возникает церковная иерархия, возводятся церкви, организуются монастыри.

Ранний период англосаксонской культуры в Англии характеризовался сначала подъемом Нортумбрии, а потом Мерсии. Христианство играло огромную роль как институционализирующая сила в развитии этих королевств. Как отмечают исследователи этого периода, высокий уровень организованности церковных институтов повлиял и на оживление городской жизни, и на эффективность работы управляющих структур королевской власти [Vaugh, Cable, 1978; Blair, 1995].

Действительно, королевские поместья были главными центрами, куда крестьяне могли обратиться в поисках справедливости и куда они должны были платить налоги. Эти центры назывались древнеанглийским словом *tūn* с исходным значением «ограда, дом с участком земли, усадьба, деревня, город». В поэзии они известны как королевские залы (*great halls*). Сами короли регулярно посещали свои усадьбы вместе с придворными. Зачастую часовни и церкви строили возле королевских усадеб. Под влиянием церкви укрепился институт королевской власти,

существенно расширившей свои функции, поскольку короли теперь не только воевали, но и начали писать законы и управлять внутренними делами в стране. При этом благородные воины короля постепенно становились сельскими аристократами с правами владения землей. В 787 г. впервые королевская власть была освящена церковью. Эгфрит был освящен на царство при жизни его отца Оффы, самого могущественного правителя Мерсии. Таким образом церковь стремилась укрепить институт королевской власти.

Историками давно отмечено, что своим интеллектуальным лидерством в Европе VIII в. Англия была обязана деятельности церкви и в частности культурным и духовным центрам в *Линдисфарне* (Lindisfarne), *Уитби* (Whitby), *Уирмоте* (Wearmouth) и *Джэрроу* (Jarrow). Эти центры христианской культуры находились на территории Нортумбрии и Мерсии (см. карту 5 в прил. 3).

В основе новых процессов институционализации был тот факт, что христианство существенно изменяло этнокультурную доминанту англосаксов, давая мотивацию для переоценки устоявшихся стереотипов поведения в соответствии с новыми императивами. Все это создавало почву для возникновения этнической традиции, сцементировавшей молодую англосаксонскую этническую систему и придавшей ей самобытность.

Текст 9

Первым историком Англии считается Беда Достопочтенный («the Venerable Bede»), живший в VII–VIII вв. (примерно 673–735 гг.). Он обучался в Уирмуте, но большую часть своей жизни провел в монастыре в Джэрроу, занимаясь просветительской и писательской деятельностью. Среди написанных им произведений особой популярностью пользуется «Церковная история англов» («Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum»). Написана эта книга была в 731 г. на латинском языке. При короле Альфреде она была переведена на древнеанглийский. В приведенном здесь отрывке из книги Беды англосаксы названы *Angelcynn*, т. е. род, племя англов (Angles). Беда использовал в тексте оригинала слова *Angli* и *Anglia*. Само заглавие книги содержит этноним *Gentis Anglorum*. Выбор названия *Angli* для всего этнического сообщества, включая саксов, обычно объясняется ранним возвышением англских королевств Нортумбрии и Мерсии. Формулировка темы книги также говорит сама за себя. Она свидетельствует о том, что англичане начали осознавать свое культурное и этническое единство. Этническое самосознание основано на традициях, поэтому вполне естественно обращение Беды к истории в поисках традиций. Христианский контекст показывает, что англичане начала VIII в. уже рассматривали себя как часть христианского мира. В приведенном здесь отрывке рассказывается о прибытии Римской католической миссии в Англию в 597 г. В задачу миссии входило обращение язычников англосаксов в христианскую веру.

Ecclesiastical History of the English People

Ða wæs on þa tīd Æþelbeorht cyning hāten on Centrīce, and mihtig; hē hæfde rice oð gemāeru Humbre strēames, sē tōscādeþ sūðfolc Angelþēode and norðfolc. Þonne is on eastewardre Cent micel ēaland, Tenet, þæt is siex hund hīda micel æfter Angelcynnes eahte. ... On þyssum ēalande cōm ūp sē Godes þeow Augustinus and his gefēran; wæs hē fēowertiga sum. Nāmon hīe ēac swelce him wealhstodas of Franclande mid, swā him Sanctus Gregotius bebēad. And þā sende to Æþelbeorhte æerendwrecan and onbēad þæt hē of Rōme cōme and þæt betste æerende lāedde; and sē þe him hīersum bēon wolde, būton twēon hē gehēt ēcne gefēan on heofonum and tōward rice būton ende mit þone soþan God and þone lifigendan. Ðā hē þā sē cyning þās word gehierde, þā hēt hē hīe bīdan on þæm ēalande þe hīe ūp cōmon; and him þider hiera thearfe forgēaf, oð þæt hē gesāwe hwæt hē him dōn wolde. Swelce ēac ær þāem becōm hlīsa tō him þāere crīstenan āefæstnesse, forþon hē crīsten wīf hæfde, him gegiefen of Francena cyningcynne, Beorhte wæs hāten. Þæt wīf hē onfēng fram hiera ieldrum þāere āraednesse þæt hēo his lēafnesse hæfde þæt hēo þone þēaw þæs crīstenan gelēafan and hiera āefæstnesse ungewemmedne healdan mōste mid þy biscope, þone þe hīe hiera tō fultume þæs gelēafan sealdon, þæs nama wæs Lēodheard.

Then (there) was in that time a king named Ethelberht in Kent, and (a) mighty (one): he had dominion up to (the) confines of the Humber river, which separates the south folk of the English and the north folk. Now there is in eastward Kent a large island, Thanet, that is six hundred hides large after the reckoning of the English. ... On this island came up the servant of God, Augustine, and his companions; he was one of forty. Took they likewise with them interpreters from Frank-land, as them Saint Gregory bade. And then (Augustine) sent to Ethelberht a messenger and announced that he from Rome had come and the best message brought (led); and he who (if any) would be obedient to him, without doubt he promised eternal happiness in heaven and a future kingdom without end with the true God and the living (God). When the king heard these words, then bade he them to bide on the island that they had come upon; and them thither their need provided, until that he saw what he would do with them. Likewise ere that had come to him the fame of the Christian religion, since he had a Christian wife, given him from the royal family of the Franks, (who) was named Bertha. That wife he received from her parents (elders) on the condition that she should have his permission that she the practice of the Christian faith and her religion unimpaired might hold with the bishop whom they to her for the help of the (her) faith had given, whose name was Leodheard. (Древнеанглийский текст и пер. цит. по: [Baugh, Cable, p. 62–63]).

Итак, христианский контекст, в котором Беда видит описываемые события, показывает, что этнокультурные доминанты в Англии VII–VIII вв. уже ассоциировались с христианскими ценностями. Несмотря на то что христианство впервые при-

шло в англские княжества (еще до миссии Августина) в его восточном варианте через ирландских миссионеров, в итоге с принятием христианства Англия стала важным центром новой *западно-христианской суперэтнической системы*. Факт, свидетельствующий о том, что выбор состоялся в пользу Римской христианской миссии, – синод, созванный в 664 г., на котором было принято такое решение Нортумбрийским королем Озуином упоминается в книге Беды (Bede, p. 186–194). Примечательно, что имя короля, официально закрепившего приверженность христианской доктрине, Oswin этимологически возводится к двум древнеанглийским корням *os* (языческий бог) + *wine* (друг, защитник). Видимо, изначально в германской варварской традиции в него вкладывался смысл «друг асов (т. е. языческих богов)». У Т. В. Топоровой это имя реконструируется в форме: *Ansu-weniz в ряду восточногерманских и западногерманских имен собственных [Топорова, 1996, с. 23].

Текст 10

Появление христианской поэтической традиции у англосаксов связывают с именем *Кэдмона (Caedmon)*. Известно, что он жил в VII в. и умер в 680 г. Написанный им гимн творцу вселенной («Hymn to God the Creator») является прекрасной иллюстрацией того, как содержание и форма древнегерманской героической песни трансформируются в новом христианском контексте. Кэдмон был нортумбрийским поэтом. Сохранилось две версии текста гимна: авторская на нортумбрийском диалекте и уэссекская.

Нортумбрийская версия

Nū scylun hergan hefaenrīcaes uard, metudæs maecti end his mōdgidanc, uerc uuldurfadur suē hē uundra gihuaes,	3
ēci dryctin, or āstelidæ; hē āerist scōp aelda barnum heben til hrōfe, hāleg scepen,	6
þā middungeard moncynnæs uard; ēci dryctin æfter tīadæ firum foldu, frēa allmectig.	9

Primo cantauit Caedmon istud carmen.

Уэссекская версия

Nū wē sculan herian heofonrīces weard, metudes myhte and his mōdgeþanc, wurc wuldorfæder, swā hē wundra gehwilc,	3
ēce drihten, ord āstealde;	

hē āerest gesceōp ylda bearnum heofon tō hrōfe, hālig scyppend, middangearde mancynnes weard; ēce drihten æfter tīda	6
fīrum on foldum, frēa ælmyhtig.	9

Cædmon's Hymn of Creation

Now must we praise the guardian of heaven's kingdom, the Creator's might, and his mind's thought; glorious Father of men as of every wonder he, Lord eternal, formed the beginning.	3
He first framed for the children of earth the heaven as a roof; holy Creator the mid-earth, the guardian of mankind, the eternal Lord, afterwards produced; the earth for men; Lord Almighty!	6 9

(Обе версии гимна цит. по: [Lehnert, 1955, p. 33]; пер. Б. Торпа по: [Helsztynski, p. 68]).

В этом гимне слова, прежде называвшие реалии языческой картины мироздания (см. ч. II, гл. I, § 1), применяются для обозначения новых христианских реалий (например: *middangeard*, *heofon*, *weard*). Такое переосмысление семиотики прежних знаков было неизбежным, ведь христианство принесло с собой новые понятия и идеи, интериоризация новых знаний подразумевала соотнесение их с уже устоявшимися представлениями и рубриками опыта. При передаче этих новых понятий и смыслов христианские поэты-англосаксы в значительной степени полагались на свою интуицию, широко используя ресурсы родного языка. Так, например, в состоящем всего из девяти строк гимне Кэдмона присутствует восемь различных именовании Бога. Все они показательны в плане того, какими именно выразительными средствами и каким богатством типов метафор располагал поэт, писавший на древнеанглийском языке, какими формальными средствами он мог оперировать в языке, словообразование которого основывалось на технике синтеза. Многочисленные синонимы создавались для того, чтобы раскрыть разные грани описываемого объекта (в данном случае это понятие Бога). Такая практика была характерна для древнеанглийской поэзии, причем многократному упоминанию и описанию во всех своих гранях подвергались прежде всего такие понятия, которые называли ключевые для своей эпохи предметы и явления, основные ценности и знаки образа жизни того времени (такие как, например: *битва*, *война*, *меч*, *корабль*, *щит*, *король*, *богатство*, *слава* и т. п.). Вот только несколько примеров из общего объема слов-синонимов, называющих короля, которые встречаются в приведенных выше

древнеанглийских текстах: *mondryhten* (Beow., 1248) «liege lord, lord of men»; *hordweard hæleþa* (Beow., 1047) «the treasure-keeper of heroes»; *goldwine* (Wand., 35) «lord, king, goldfriend»; *sinces brytta* (Wand., 25) «distributor of treasure (jewel)»; *maþþungyfa* (Wand., 92) «giver of treasure».

В некоторых случаях, отмеченных филологами-историками, количество синонимов при описании отдельных явлений в одном и том же произведении достигало тридцати. Все приведенные выше синонимы, описывающие короля, фокусируются на одном его свойстве – богатстве, которое является королевским признанием и вознаграждением за службу.

В сохранившихся древнеанглийских христианских поэтических памятниках мы находим сходные языковые и когнитивные модели и средства для создания новых синонимических рядов обозначений нового духовного содержания англосаксонской культуры, что и в гимне Кэдмона: *Heofonrices weard* «the guardian of heaven's realm»; *mancynnes weard* «the guardian of mankind»; *ece drihten* «Lord eternal»; *metud (meotod)* «God, who measures out».

Текст 11

Только два англосаксонских поэта известны историкам по именам. Это *Кэдмон* и *Кюневульф*. Оба они писали на христианские темы. Имя Кюневульфа стало известно благодаря подписям поэта, вкрапленным им с помощью рунических символов в тексты своих поэм: «Christ II», «Juliana», «The Fates of the Apostles», «Elene» (см. ч. II, гл. I, § 1, текст 2).

Жизнь Кэдмона описана Бедой Достопочтенным в «Церковной истории Англо-Восточной Англии». Благочестие Кэдмона в эпоху присвоения англосаксами христианских ценностей было главной чертой новой христианской жизненной философии, характеризующей новый стереотип поведения. Если верить Бедо Достопочтенному, Кэдмон жил в монастыре, который был расположен на территории современного Уитби на севере Англии. Он никогда не умел «складывать» и исполнять песни. Поэтому всякий раз во время увеселительных мероприятий, когда в монастырском сообществе практиковалось исполнение песен под арфу всеми участниками трапезы по очереди, Кэдмон, видя приближение арфы, чувствовал себя настолько смущенным, что вскакивал с места и убегал в конюшню, где ему было поручено следить за лошадьми. Однажды Кэдмон заснул в конюшне:

...þā stōd him sum mon æt þurh swefn ond hine hālette ond grētte ond hine be his noman nemde: 'Cedmon, sing mē hwæthwugu.' Þā ondswarode hē ond cwæð: 'Ne con ic nāht singan, ond ic forþon of þyssum gebēorscipe üt ēode ond hider gewāt, forþon ic nāht singan ne cūðe.' Eft hē cwæð, sē ðe mid him sprecende wæs: 'Hwæðre þū mē meahht singan'. Cwæð hē: 'Hwæt sceal ic singan?' Cwæð hē: 'Sing mē frumsceaft.'

Þā hē ðā þās andsware onfēng, þā ongon hē sōna singan in herenesse Godes scyppendes þā fers ond þā word, þe hē nāefre ne gehyrde...Þā ārās hē from þāem slāepe

ond eal, þā þe hē slæpende song, fæste in gemynde hæfde ond þāem wordum sōna monig word in þæt ilce gemet Gode wyrðes songes tō geþēodde.

...then stood a certain man by him, in a dream, and hailed and greeted him, and named him by his name, saying “Caedmon, sing me something.” Then he answered and said, “I cannot sing anything, and therefore I went out from this convivial meeting, and retired hither, because I could not.” Again he who was speaking with him said, “Yet thou must sing to me.” Said he, “What shall I sing?” Said he, “Sing me the origin of things.” When he received this answer, then he began forthwith to sing, in praise of God the creator, the verses, and the words which he had never heard...Then he arose from sleep, and had fast in mind all that he sleeping had sung, and to those words forthwith joined many words of song worthy of God in the same measure. (Древнеанглийский текст цит. по: [Lehnert, 1955, p. 148]; пер. Б. Торпа по: [Helsztynski, p. 68–69]).

Затем Беда описывает благочестивые деяния Кэдмона:

...hē monig lēoð geworhte, ond swelce ēac oðer monig be þāem godcundum fremsumnessum ond dōmum hē geworhte. On eallum þāem hē geornlice gēmdē, þæt hē men ātuge from synna lufan ond māndāeda ond tō lufan ond tō geornfulnesse āwehte gōdra dāeda. Forþon hē wæs, sē mon, swīþe āfæst ond regollecum þēodscipum ēaōmōdlīce underþēoded, ond wið þāem, þā ðe on oðre wisan dōn woldon, hē wæs mid welme micelre ellenwōdnisse onbærned; ond hē forðon fægre ende his lif betynde ond geendade.

...he made many poems; and, in like manner, many other of the divine benefits and judgments he made; in all which he earnestly took care to draw men from the love of sins and wicked deeds and to excite to a love and desire of good deeds; for he was a very pious man; and to regular disciplines humbly subjected; and against those who in otherwise would act, he was inflamed with the heat of great zeal. And he therefore with a fair end his life closed and ended. (Древнеанглийский текст цит. по: [Lehnert, 1955, p. 149]; пер. Б. Торпа по: [Helsztynski, p. 68–69]).

Наиболее интересна та часть повествования Беды, в которой он описывает сцену смерти героя. Если умирающий «Беовульф взирал на груды добытых им в бою для своего народа сокровищ, то готовый к евхаристии (причастию) Кэдмон держал в своих руках только освященный хлебец. Несмотря на телесную немощь, он был в благостном состоянии духа, о чем свидетельствуют его последние слова, адресованные братьям-монахам: «My beloved brethren, I am very kindly disposed to you and all God's men». Он помолился, оградил себя крестным знаменем и тихо ушел из жизни. Он преданно служил Богу с чистым и спокойным сердцем, и ему было дано, умирая, так же спокойно предстать перед Господом.

§ 2. Скандинавское нашествие.

Этнокультурное возрождение в эпоху Уэссекской династии

Подъем и расширение скандинавских викингов (*the vikings* – в Англии это были *даны* и *норвежцы*) как новой этнической системы в Европе приходится в основном на IX и X вв. Норвежцы и даны представляют собой две близкородственные группы внутри скандинавского субстрата. Первые упоминания о скандинавских набегах на Англию датируются в «Англосаксонской хронике» 787 г. Спустя несколько лет, в 793 г., упоминается грабеж и разрушение язычниками-данами (*heðena manna*) церкви в Линдисфарне.

Описание последующих событий в хронике свидетельствует о том, что англосаксы не осознавали опасность угрозы, идущей с севера, поскольку они были вплоть до 30-х годов IX века заняты исключительно собственными внутренними распрями и борьбой за власть. Только при Уэссекском короле Эгберте (829 г.) начинают проявляться какие-то признаки единения, положившие начало возвышению королевского дома Уэссекса.

К концу 60-х гг. IX в. династические распри окончательно обезоружили Нортумбрию и Восточную Англию перед новым врагом с севера и эти княжества пали жертвой набегов викингов, все англосаксонские княжества оказались под угрозой порабощения. Между тем в Уэссексе после смерти Эгберта (Egbert) правил его сын Этельвульф (*Æthelwulf*), который руководствовался конструктивным принципом – избегать внутренних раздоров и распрей, что спасло его род от разрушения и позволило его четырем сыновьям Этельбальду (Ethelbald), Этельберту (Ethelbert), Этельреду (Ethelred) и Альфреду (Alfred) наследовать престол по очереди в зависимости от возраста.

Скандинавские викинги отличались высокой пассионарностью, что позволило им быстро приспособиться к новому ландшафту и влиться в различные социальные слои генетически близкого им англосаксонского общества. Об этом свидетельствуют в частности встречающиеся в древнеанглийских текстах и различных надписях имена скандинавского происхождения, относящиеся к людям различных социальных категорий. Понаблюдаем за поведением англосаксов и скандинавов, изучая описания и оценки событий того времени в древнеанглийских памятниках IX–XI вв.

Текст 12

Одним из важнейших источников наших знаний о ранней истории Англии является «Англосаксонская хроника» («The Anglo-Saxon Chronicle»), ценный прозаический памятник англосаксонской эпохи, в котором фиксировались наиболее значимые события по годам. Этот памятник чрезвычайно интересен с лингвистической точки зрения, поскольку записи в нем производились регулярно в течение нескольких веков. Изучение материалов хроники дает информацию о типологиче-

ских преобразованиях переходного периода на фоне состояния древнеанглийского языка классического периода (в особенности IX–X вв.). Основателем традиции «Англосаксонской хроники» считают короля Альфреда (правил с 871 по 899 г., по некоторым данным до 900 г.). Этот факт также служит основанием, по мнению филологов, для того, чтобы считать этого уэссекского короля родоначальником англосаксонской прозы.

Король Альфред был единственным правителем в истории Англии, прозванным Великим. Историки не без оснований считают, что его деятельность спасла не только Англию в сложнейшую для нее эпоху, но и английский язык. Альфред стал королем в 871 г., сменив на троне своего брата Этельреда, с которым они вместе оборонялись от набегов скандинавских викингов при Рэдинге и Эшдуне (см. карту 6 в прил. 3). После его смерти Альфреду пришлось самому взвалить на себя всю тяжесть ведения войны в необычайно жестких условиях. Успех деятельности короля Альфреда обеспечивался не в последнюю очередь тем, что он пользовался огромной поддержкой у собственного народа (в Уэссексе) и умел принимать нестандартные решения, способные спасти казалось бы безнадежное положение. Так, в 878 г. данам удалось застать королевское войско врасплох в Чиппенгеме, после чего они заняли Уэссекс и даже вознамерились обосноваться там. Автор «Англосаксонской хроники», записавший события 878 г., повествует о том, что королю Альфреду пришлось с небольшими оставшимися в его распоряжении силами скрываться и бедствовать в болотах Сомерсета. Несмотря на всю серьезность положения, Альфред все же смог собрать войско и предотвратить назревавшую катастрофу. Вот как повествует об этом автор «Хроники»:

Pæs on Eastron ʒ worhte Ælfred cyning lytle werede geweorc æt Æþelingaige; of þam geweorce wæs winnende wið þone here. Sumersætena se del þe þær nehst wæs. Pa on þere seofeðan wucan ofer Eastron he geran to Ecgbrihtes stane ʒ be easton Wealwudu. Hin comon þær ongean Sumorsæte ealle, Willsæte, Hamtun scyr se dæl þe hire be heonan sæ wæs. His gefægene wæron. He for ymb ane niht of þam wicum to Æglea, þæs ymb ane niht to Eþandune. Þær gefeaht with ealne here, hine geflymde, him æfter rad oð þet geweorc, þær sæt XIII niht. Pa sealde se here him gislas and mycele aþas þet hi of his rice woldon, him eac geheton thet heora cyng fulwihte onfon wolde, hi þet gelæston. Pæs ymb III wucan com se cyng Godrum, þrittigum sum þara manna þe in þam here weorþuste wæron æt Alre, þet is wið Æþelinga ige; his se cyng onfeng þær æt fulwihte; his crism lysing wæs æt Wedmor ʒʒʒ.

And afterwards at Easter ʒ, King Alfred with a small force made a stronghold at Athelney, and he and the section of the people of Somerset which was nearest to it proceeded to fight from that stronghold against the enemy. Then in the seventh week after Easter he rode to 'Egbert's stone' ʒ east of Selwood, and there came to meet him all the people of Somerset and of Wiltshire and of that part of Hampshire which was on

this side of the sea, and they rejoiced to see him. And then after one night he went from that encampment to Iley, and after another night to Edington, and there fought against the whole army and put it to flight, and pursued it as far as the fortress, and stayed there a fortnight. And then the enemy gave him preliminary hostages and great oaths that they would leave his kingdom, and promised also that their king should receive baptism, and they kept their promise. Three weeks later King Guthrum with 30 of the men who were the most important in the army came [to him] at Aller, which is near Athelney, and the king stood sponsor to him at his baptism there; and the unbinding of the chrism took place at Wedmore^{***}. (Древнеанглийский текст цит. по: [Plummer, p. 878]; пер. и содержание примеч. к тексту по: [Whitelock, p. 49–50]).

Примечания к тексту.

* Easter – это был день 23 марта.

** Egbert's stone – местонахождение неизвестно.

*** the unbinding of the chrism took place at Wedmore – в течение восьми дней после крещения полагалось носить белые одежды и повязывать белой тканью голову после помазания елеем. Здесь имеется в виду процедура разоблачения через восемь дней.

Победа короля Альфреда сделала возможным заключение так называемого *Уэдморского договора* (*The Treaty of Wedmore*), по условиям которого присутствие данов ограничивалось территорией северо-восточной части Англии, получившей впоследствии название «Область датского права» (*The Danelaw*) (см. карту 6 в прил. 3). Граница между Областью датского права и Уэссекскими владениями проходила вдоль построенной еще римлянами дороги – *Watling Street*. Однако и после 878 г. даны время от времени продолжали совершать набеги, нарушая условия договора. Альфред всегда находил возможность дать адекватный и быстрый отпор. У морских разбойников-викингов были великолепные для того времени корабли. Чтобы защитить свое королевство от морских набегов, король приказал построить первый в истории Британии флот. Новым кораблям нашли успешное применение:

...Ða het Ælfréd cyng timbran langscipu ongen ða æscas; þa wæron fulneah tu swa lang swa þa oðru; sume hæfdon lx ara, sume ma; þa wæron ægðer ge swiftran ge unwealtran ge eac hieran þonne þa oðru. Næron nawðer ne on Fresisc gescæpene ne on Denisc, bute swa him selfum ðuhte þæt hie nytwyrðoste beon meahten. Ða æt sumum cirre þæs ilcan geares comon þær sex scipu to Wiht ond þær micel yfel gedydon, ægðer ge on Defenum ge welhwær be ðæm særiman. Ða het se cyng faran mid nigonum to þara niwena scipa ond forforon him þone muðan foran on utermere. Ða foron hie mid þrim scipum ut ongen hie, ond þreo stodon æt ufewardum þæm muðan on drygum;

wæron þa men uppe on londe of agane. Pa gefengon hie þara þreora scipa tu æt ðæm muðan utewardum, ond þa men ofslogon...

...Then King Alfred had 'long ships' built to oppose the Danish warships. They were almost twice as long as the others. Some had 60 oars, some more. They were both swifter and steadier and also higher than the others. They were built neither on the Frisian nor the Danish pattern, but as it seemed to him himself that they could be most useful. Then on a certain occasion of the same year, six ships came to the Isle of Wight and did great harm there, both in Devon and everywhere along the coast. Then the king ordered (a force) to go thither with nine of the new ships, and they blocked the estuary from the seaward end. Then the Danes went out against them with three ships, and three were on dry land farther up the estuary; the men from them had gone up on land. Then the English captured two of those three ships at the entrance to the estuary, and killed the men... (Древнеанглийский текст цит. по: [Fowler, p. 11]; пер. по: [Whitelock, p. 57]).

Зная, что привыкшие к морским разбоям викинги были менее искусными в сухопутных битвах, король Альфред построил целую сеть укреплений (*burghs*). Каждая такая крепость (О.Е. *byrig*) имела постоянно действующий гарнизон, способный противостоять неожиданному нападению с суши. С развитием торговли и ремесел большие крепости переросли в экономические центры – средневековые английские города. Альфреду также пришлось реорганизовать армию, чтобы увеличить ее мобильность и боеспособность. Вот что пишет об этом «Хроника»:

Hæfde se cyning his fierd on tu tonumen, swa þæt hie wæron simle healfe æt ham, healfe ute, butan þæm monnum þe þa burga healdan scolden.

The king had divided his army into two, so that always half its men were at home, half on service, apart from the men who guarded the boroughs. (Древнеанглийский текст цит. по: [Fowler, [894 год], p. 8]; пер. по: [Whitelock, p. 57]).

Такая система позволила народу не только оказать сопротивление врагу, но и продолжить заниматься хозяйственными работами и вести обычную мирную жизнь, а самому Альфреду найти время для восстановления культурной жизни и организации просвещения в стране.

Текст 13

Скандинавские набеги и распри междоусобиц нанесли огромный ущерб англосаксонской культуре. Религиозные монастырские центры, хранители духовных просветительских традиций на севере Англии, лежали в руинах. Следы духовного вырождения, по мнению историков, можно было наблюдать по всей Англии, когда даже служители церкви пренебрегали своими обязанностями, забросив работу по

просвещению и наставлению масс на путь истинный⁸. Ко времени правления короля Альфреда проблема приобрела такой масштаб, что прошлое представлялось ему как золотой век англосаксонской культуры. В предисловии к переводу книги «Обязанности пастыря» («Cura Pastoralis») он пишет:

Ðeos Bōc Sceal To Wiogoraceastre *

Ælfred kyning hāteð grētan Wāerferð " biscep his wordum luflice ond frēondlice ond ðe cyðan hāte, ðæt mē cōm swīðe oft on gemynd, hwelce wiotan iū wāeron giond Angelcynn ægðer ge godcundra hāda ge woruldcundra, ond hū gesāeliglīca tīda ðā wāeron giond Angelcynn, ond hū ðā kyningas, ðe ðone onwald hæfdon ðæs folces, Gode ond his ærendwrecum hīersumedon, ond hīe ægðer ge hiora sibbe ge hiora siodo ge hiora onweald innanbordes gehīoldon ond ēac ūt hiora ēðel ryndon, ond hū him ðā spēow ægðer ge mid wīge ge mid wīsdōme; ond ēac ðā godcundan hādas, hū giorne hīe wāeron ægðer ge ymb lāre ge ymb liornunga ge ymb ealle ðā ðīowotdōmas, ðe hīe Gode scoldon, ond hū man ūtanbordes wīsdōm ond lāre hieder on lond sōhte, ond hū wē hīe nū sceoldon ūte begietan, gif wē hīe habban sceoldon. Swāe clāene hīo wæs oðfeallenu on Angelcynne, ðæt swīðe fēawa wāeron behionan Humbre, ðe hiora ðēninga cūðen understondan on englisc oððe furðum ān ærendgewrit of lādene on englisc āreccean; ond ic wēne, ðætte nōht monige begiondan Humbre nāeren. Swāe fēawa hiora wāeron, ðæt ic furðum āne ānlēpne ne mæg geðencean besūðan Temese, ðā ðā ic tō rīce fēng. Gode ælmihtegum sīe ðonc, ðætte wē nū āenigne onstal habbað lārēowa; ond forðon ic ðē bebīode, ðæt ðū dō, swāe ic zelīefe, ðæt ðū wille, ðæt ðū ðē ðissa worulðdinga tō ðāem geæmetige, swāe ðū oftost mæge, ðæt ðū ðone wīsdōm, ðe ðē God sealde, ðāer ðāer ðū hiene befæstan mæge, befæste. Geðenc, hwelc wītu ūs ðā becōmon for ðisse worulde, ðā ðā wē hit nōhwæðer nē selfe ne lufodon nē ēac oðrum monnum ne lēfdon: ðone naman āne wē hæfdon, ðætte wē cristne wāeren, ond swīðe fēawe ðā ðēawas. Ðā ic ðā ðis eall gemunde, ðā gemunde ic ēac, hū ic geseah, ærðāemðe hit eall forhergod wāere ond forbærned, hū ðā ciricean giond eall Angelcynn stōdon māðma ond bōca gefyldæ, ond ēac micel menigeo Godes ðīowa, ond ðā swīðe lytle fiorme ðāra bōca wiston, forðāemðe hīe hiora nān wuht ongiotan ne meahton, forðāemðe hīe nāeron on hiora āgen geðīode āwritene; swelce hīe cwāeden: 'Ūre ieldran, ðā ðe ðās stōwa āer hīoldon, hīe lufodon wīsdōm, ond ðurh ðone hīe begēaton welan ond ūs lāefdon. Hēr mon mæg gīet gesīon hiora swæð, ac wē him ne cunnon æfterspyrigean'. Ond forðāem wē

⁸ «By the tenth century the decline had affected the moral fiber of the church. ...Among the clergy poverty gave way to ease, and ease by a natural transition passed into luxury. ...In the religious houses discipline became lax, services were neglected, monasteries were occupied by groups of secular priests, many of them married, immorality was flagrant. The work of education was neglected and learning decayed. By the time of Alfred things had reached such a pass that he looked upon the past as a golden age which had gone...» [Baugh, Cable, 1978, p. 86].

habbað nū ægðer forlāeten ge ðone welan ge ðone wīsdōm, forðāemðe wē noldon tō ðāem spore mid ūre mōde onlūtan. Ðā ic ðā ðis eall gemunde, ðā wundrade ic swīðe swīðe ðāra gōdena wiotona, ðe giū wāeron giond Angelcynn ond ðā bēc eallæ befullan geliornod hæfdon, ðæt hīe hiora ðā nānne dāel noldon on hiora āgen geðīode wendan. Ac ic ðā sōna eft mē selfum andwyrde ond cwæð: hīe ne wēndon, ðætte æfre menn sceolden swāe recceleāse weorðan ond sīo lār swāe oðfeallan. For ðāere wilnunga hīe hit forlēton ond woldon, ðæt hēr ðy māra wīsdōm on londe wāere, ðy wē mā geðēoda cūðon.

This Book Goes to Worcester *

Alfred the King greets Waerfeth the Bishop " with these words, lovingly and in friendly wise; and he wants thee to know how it has often come into my mind how many wise men there were formerly throughout the English people, both in the priestly and in the worldly state; and what happy times there were among the English people; and how the kings who had the power over the people in those days obeyed God and His messengers; and how they held peace and morality and power within their borders and also widened their land outward; and how they had God-speed both in war and in wisdom; and also those in priestly orders, how zealous they were for lore and for learning, and for all the good service that they should do for God; and how men without our borders sought wisdom and lore hither in our land; and how we must go out beyond if we would have them. So clean fallen away was learning among the English people that there were very few this side of the Humber who could understand their Mass-Book in English or even change a letter from Latin into English; and I think that there were not many beyond the Humber. There were so few that I cannot think of a single one south of the Thames when I took the kingdom. God be thanked that we have now any teachers at all. And for this I beg thee that thou do as I believe thou wilt; that thou free thyself from all worldly things as often as thou canst; that thou mayest make use of that wisdom which God gave thee, there where thou canst make use of it. Think well what shame has come to us before the world, that we neither love wisdom ourselves nor let other people love it; the name alone we loved, that we were Christians, and very few of the virtues. When I remember al this, then remember I also how I saw, before it was all ravaged and burned, how the churches stood around all England, filled with treasures and books and a great company of God's servants; and little they felt the profit of books, for they could not understand them because they were not written in their own tongue. As if they said: "Our elders, who held these places before us, they loved wisdom, and through it they got wealth and left it to us. Here we may see their traces, but we cannot follow after them, and for that we have lost both the wealth and the wisdom, for we would not bend to their footsteps with our hearts". (Древнеанглийский текст цит. по: [Lehnert, 1955, p. 155]; пер. по: [Helsztyński, p. 88–90]).

Примечания к тексту.

* Wiogoraceastre – Worcester – Вустер.

** Wæferfō – предполагается, что существовало много копий текста «Обязанностей пастыря», предназначенных для рассылки во все епархии в королевстве Альфреда. Данный текст предназначался епископу Верферту из Вустера. В других копиях находим имена других епископов. По свидетельству историков, Верферт считался главным помощником и переводчиком у Альфреда.

Король Альфред уделял значительное время разработке и претворению в жизнь своей культурной и образовательной программы, нацеленной на возрождение Англии. Для этого необходимо было культивировать в народе осознание своих этнокультурных корней, самобытности, того, что делает англосакса таковым. Внешним наиболее очевидным признаком англосакса был конечно же язык. Кроме того, родной язык – самое доступное средство доведения до сознания людей необходимых идейных установок. И вот король Альфред начал кампанию по распространению и изучению родного языка. В возрасте сорока лет, не отходя от ратных дел, он изучает латинский язык и пробует свои силы в переводах. «Обязанности пастыря» – только одна из переведенных в это время книг. Автор, папа Григорий I, написал ее в 591 г. В эпоху Альфреда книга не только не устарела, но и сумела приобрести новое звучание в контексте англосаксонской истории, ибо служила руководством по исполнению обязанностей для духовенства. Из предисловия, написанного Альфредом к переводу этой книги, становится ясно, что она была предназначена для того, чтобы помочь королю осуществить необходимую в то время церковную реформу и снова сделать монастыри центрами образования. Книга могла помочь наладить дисциплину прежде всего в среде священнослужителей, поскольку грамотность и хорошее знание латыни были совершенно необходимы не только для всех священников, но и выходцев из других слоев населения, желающих достичь успеха в обществе. Сам король следующим образом описывает свою программу:

Ða gemunde ic, hū sīo æe wæs ærest on ebriscgeðode funden, ond eft, ðā hīe Crēacas geliornodon, ðā wendon hīe hīe on hiora āgen geðode ealle ond ēac ealle oðre bēc: ond eft Lædenware swāe same, siððan hīe hīe geliornodon, hīe hīe wendon ealla ðurh wīse wealhstōdas on hiora āgen geðode. Ond eac ealla oðræ cristnæ ðīoda sumne dāel hiora on hiora āgen geðode wendon. Forðy mē ðyncð betre, gif īow swāe ðyncð, ðæt wē ēac sumæ bēc, ðā ðe nīedbeðearfosta sīen eallum monnum tō wiotonne, ðæt wē ðā on ðæt geðode wenden, ðe wē ealle gecnāwan mægen (ond gedōn swāe wē swīðe ēaðe magon mid Godes fultume, gif wē stilnesse habbað), ðætte eal sīo gioguð, ðe nū is on Angelcynne, frīora monna, ðāra ðe ðā spēda hæbben, ðæt hīe ðāem befēolan mægen, sīen tō liornunga oðfæste, ðā hwīle ðe hīe tō nānre oðerre note ne mægen oð ðone first, ðe hīe wēl cunnen englisc gewrit arædan: læere mon siððan furðor on lædengedode, ðā ðe mon furðor læeran wille ond tō hīeran hāde dōn wille. Ðā ic ðā gemunde, hū sīo lār

lædengeðīodes ær þissum āfeallen wæs giōnd Angelcynn, ond ðeah monige cūðon englisc gewrit ārāedan, ðā ongan ic ongemang oðrum mislīcum ond manigfealdum bisgum ðisses kynerīces ðā bōc wendan on englisc, ðe is genemned on læden P A S T O R A L I S ond on englisc H I E R D E B Ō C, hwīlum word be worde, hwīlum andgit of andgiete, swā swāe ic hīe geliornode æt Plegmunde¹, mīnum ærcebiscepe, ond æt Assere², mīnum biscepe, ond æt Grīmbolde³, mīnum mæsseprīoste, ond æt Iōhanne⁴, mīnum mæsseprēoste. Siððan ic hīe ðā geliornod hæfde, swāe swāe ic hīe forstōd, ond swāe ic hīe andgitfullīcost āreccean meahte, ic hīe on englisc āwende; ond tō ælcum biscepstōle on mīnnum rīce wille āne onsendan, ond on ælcre bið ān æstel, sē bið on fiftægum mancessa⁵. Ond ic bebīode on Godes naman, ðæt nān mon ðone æstel from ðāere bēc ne dō nē ðā bōc from ðāem mynstre: uncūð, hū longe ðāer swāe gelāerede biscepas sīen, swāe swāe nū (Gode ðonc!) wēl hwāer siendon, forðy ic wolde, ðætte hīe ealneg æt ðāere stōwe wāeren, būton sē biscep hīe mid him habban wille oððe hīo hwāer tō læene sīe oððe hwā oðre bī write.

Then I remembered how the Law was first written in the Hebrew tongue, and afterwards how the Greeks learned it and turned it all into their own tongue, and also other books. And also the Latin people, when they had learned it, they changed it all through wise translators into their own tongue. And also other Christian peoples changed some part of it into their own tongue. For this it seems well to me, if it seems well to thee, that we also change into the tongue we all know the books that are most needful to be known by all men, and we will bring it about, as we very well may with God's help, if we have the stillness, that all the youth of free men of England, those that have the opportunity to give themselves to it, should be bound to learning, while they can be bound to no other usefulness, until the time when they all know how to read English writing; let those further learn the Latin tongue who desire to learn it, and to rise to a higher state. And when I remembered how before this, the knowledge of the Latin tongue had fallen off throughout England, and yet men could read English writing, then I began, among the other various and manifold troubles of this kingdom, to change into English the book that is called PASTORALIS in Latin, and in English SHEPHERD'S BOOK, sometimes word for word, sometimes sense for sense, as I had learned it from Plegmund¹ my Archbishop and from Asser² my Bishop and from Grimbold³ my mass-priest and from John⁴ my mass-priest. When I learned it I changed it into English, as I best understood and most carefully might render it; and to each bishopric in my kingdom will I send one, and in each is an aestel worthy fifty mancessa. And I beg in God's name that no one may steal the aestel from the book, nor the book from the minster; it is unknown how long there will be learned bishops as there are now nearly everywhere, thanks be to God. For this I wish that the book may always be in its place, unless the Bishop has it with him, or unless it has been loaned to someone or someone is writing it. (Древнеанглийский текст цит. по: [Lehnert, 1955,

р. 155–156]; пер. по: [Helsztynski, p. 88–90]; содержание примечаний по: [Fowler, p. 140]).

Примечания к тексту.

* Plegmund, как и Верферт, был мерсийцем. В 890 г. Альфред даровал ему титул архиепископа Кентерберийского.

** Asser – здесь речь идет об авторе биографических очерков о короле Альфреде, валлийце из монастыря Св. Давида, который появился при дворе с 885 г. и стал епископом Шерборнским.

*** Grimbold – ученый старец, проживший много лет при монастыре Св. Бертина. К Альфреду Гримбольд перешел от Фулько, архиепископа Реймского. После смерти Альфреда Гримбольд был отдан на попечение Новой церкви в Винчестере.

**** Iohanne – John the Old Saxon, был привезен для того, чтобы руководить сообществом монахов (преимущественно из Галлии), основанным Альфредом в Этельни.

***** æstel – вероятно, экслибрис, книжный знак; mancessa – монета достоинством в одну восьмую фунта.

Если в более ранние периоды истории воплощением идеала эпохи могли быть запечатленные в текстах образы «Беовульфа и Кэдмона, то при Альфреде сам король служил образцом для подражания. Вся его жизнь, воспетая в англосаксонской культуре, воплощает образ вдохновенного лидера, готового трудиться во благо своего народа. Он не только стал инициатором программ этнокультурного возрождения, но и ревностным исполнителем своих планов.

Важнейшая часть его деятельности заключалась в побуждении ученых людей к переводческой работе в целях создания текстовой и концептуальной базы для просвещения свободных людей на родном языке. Знание латыни помогло Альфреду выбрать те книги, которые были наиболее необходимы его народу, и организовать просветительскую культурную деятельность осознанно и эффективно.

Сложности, с которыми пришлось столкнуться Альфреду и его переводчикам, были связаны в основном с отсутствием какой-либо традиции перевода на родной язык, поэтому и переводы иногда грешат буквализмом и неточностью. Наибольшую ценность для историка языка представляют оригинальные (не переводные) части дошедших до нашего времени текстов, т. е. различные вставки, комментарии и иллюстрации из текущей жизни, а также тексты предисловий, как то, что было предпослано «Обязанностям пастыря».

Текст 14

Выше уже приводился отрывок из «Истории против язычников» (см. текст 3). Это произведение также было переведено при короле Альфреде. Однако перевод был скорее вольным пересказом, чем переводом в собственном смысле этого слова.

Видимо, и эта книга была выбрана королем не случайно. Ему хотелось донести до своего народа информацию о географии и истории Англии в контексте мировых событий. Отсюда и его собственные редакторские правки текста, в которых он пытается восполнить пробелы в описании Орозием географии Северной и Центральной Европы. Альфред назвал эти земли Германией. Кроме того, он добавил два пространных описания, которые услышал от двух путешественников, Вульфстана и Охтхере. Рассказы об их путешествиях содержат в основном описания традиций и уклада жизни народов на севере Европы. Особый интерес короля Альфреда к северным территориям мог быть продиктован как необходимостью узнать больше о своих врагах – скандинавских викингах, так и об этнической родине германцев. Приведем отрывок из рассказа Охтхере о путешествии в земли, где когда-то жили предки англосаксов до того, как перебрались в Англию.

The Voyage of Ohthere to Halgoland*

Ohthere sæde þæt sio scir hatte Halgoland þe he on bude. ...Ponne is an port on suðewardum þæm lande, þone man hæт Sciringes heal". ...Wið suðan þone Sciringes heal fylð swyðe mycel sæ up in on ðæt lond; seo is bradre þonne ænig man ofer seon mæge. And is Gotland** on oðre healfe ongean, and siððan Sillende. Seo sæ lið mænig hund mila up in on þæt land. And of Sciringes heale he cwæð þæt he seglode on fif dagan to þæm porte þe mon hæт æт Hæpum"; se stent betuh Winedum", and Seaxum, and Angle, and hyrð in on Dene. Ða he þiderweard seglode fram Sciringes heale, þa wæs him on þæt bæcbord Denemearc", and on þæt steorbord widsæ þry dagas. And þa, twegen dagas ær he to Hæpum come, him wæs on þæt steorbord Gotland, and Sillende, and iglanda fela. On þæm landum eardodon Engle, ær hi hider on land coman. And hym wæs ða twegen dagas on ðæt bæcbord þa igland þe in on Denemearce hyrað. (Цит. по: [Fowler, p. 25–26]).

Примечания к тексту.

* Halgoland – Helgeland, в Норвегии

** Ниже приводятся комментарии Р. Фаулера к географическим названиям в древнеанглийском тексте (см.: [Fowler, p. 142–143]):

Sciringes heal – древнеанглийская форма древнескандинавского Skiringssalr, название порта в Ларвик фьерде (Larvik Fjord);

Gotland – Jutland; Sillende – Holstein; aet Hæpum – Hedeby, теперь Шлезвиг, видимо, aet был каким-то элементом географических названий;

Winedum – Wends, видимо, это были территории, имевшие выход к югу Балтийского моря;

Denemearc – здесь, скорее всего, Охтхере имеет в виду северное датское королевство, расположенное на юге той территории, которая сегодня принадлежит Швеции.

Текст 15

Первая половина X в. отмечена важным событием в истории Англии – объединением с Областью датского права под властью уэссекских королей. Таким образом, правящий королевский дом Уэссекса становится королевским домом всей Англии. Уэссекские короли приложили немало усилий, чтобы распространить свое культурное, экономическое и политическое влияние в Области датского права (при короле Альфреде), а в дальнейшем отвоевать эту область в свое управление. Сын Альфреда Эдуард и его сестра Этельфлед (упоминаемая в «Англосаксонской хронике» как «*the Lady of the Mercians*») сами руководили военными кампаниями, постепенно отодвигая границу своих владений все дальше на север (см. карту 7 в прил. 3). Из «Хроники» мы узнаем, что в 917 г. они овладели Эссексом и Восточной Англией. В 918 г. вся южная часть Области датского права находилась под властью Эдуарда. К концу же 920 г. английская граница закрепляется на реке Хамбер. Правители более северных территорий, населенных данами, кельтами и англосаксами, также признали Эдуарда своим лордом. В период правления внука Альфреда Ательстана граница Англии продвигается еще дальше на север от Хамбера. Врагами англичан во времена Ательстана (924–939) и его брата Эдмунда (939–946) были не столько даны, сколько норвежские викинги из Ирландии. Существенным с этнической точки зрения представляется тот факт, что даны, осевшие в Англии, часто выступали на стороне англичан в их борьбе против норвежских викингов. С другой стороны, кельты зачастую воевали на стороне норвежцев против англичан. Так, в 937 г. английской армии пришлось сражаться с объединенными силами норвежцев, скоттов и валлийцев в Битве при Брунанбурге. Победа в ней Ательстана прославляется автором поэтического фрагмента «Англосаксонской хроники», который датируется 937 г.

The Battle of Brunanburh *

Hēr Æþelstān cyning, eorla dryhten,
 beorna bēahgifa, and his brōþor ēac,
 Ēadmund æþeling, ealdorlangne tīr
 geslōgon æt sæsce sweorda ecgum
 ymbe Brunnanburh. Bordweal clufan, 5
 hēowan heaþolinde hamora lāfum
 eaforan Ēadweardes, swā him geæþele wæs
 from cnēomægum þæt hī æt campe oft
 wiþ lāþra gehwæne land ealgodon, 10
 hord and hāmas. Hettend crungon,
 Scotta lēode, and scipflotan
 fāege fēollan, feld dennade
 secga swāte, siðþan sunne up

on morgentīd, māere tungol,
 glād ofer grundas, Godes condel beorht, 15
 ēces drihtnes, oð sīo æþele gesceaft
 sāh tō setle. Pāer læg secg mænig
 gārum āgēted, guma norþerna,
 ofer scild scoten, swilce Scyttisc ēac,
 wērig, wīges sæd. Westseaxe forð 20
 ondlongne dæg eoredcystum
 on lāst legdon lāpum þēodum,
 hēowan hereflēman hindan þearle
 mēcum mylenscearpum. Myrce ne wyrndon
 heardes hondplegan hæleþa nānum 25
 þāra ðe mid Anlāfe^{****} ofer ēargebland
 on lides bōsme land gesōhton,
 fāege tō gefeohte. Fīfe lægon
 on þām campstede cyningas geonge
 swordum āswefede, swilce seofene ēac 30
 eorlas Anlāfes, unrīm heriges
 flotan and Scotta. Pāer geflēmed wearð
 Norðmanna bregu nēde gebāeded
 tō lides stefne lytle weorode;
 crēad cnear on flot, cyning ūt gewāt 35
 on fealone flōd, feorh generede.

 Gewiton him þā Norþmen nægledcnearrum
 drēorig daroða lāf, on Dynges mere^{****}
 ofer dēop wāter Dyflen^{****} sēcan, 55
 eft Īraland, āewiscmōde.
 Swilce þā gebrōþor bēgen ætsamne,
 cyning and æþeling, cyþþe sōhton,
 Westseaxna land, wīges hrēmige.
 Lētan him behindan hrāw bryttian 60
 saluwigpādan, þone sweartan hræfn,
 hyrnednebban, and þone hasopādan,
 earn æftan hwīt, āeses brūcan,
 græedigne gūðhafoc, and þæt græege dēor,
 wulf on wealde. Ne wearð wæl māre 65
 on þis īglande āefre gīeta
 folces gefylled beforan þissum
 swordes ecgum, þæs þe ūs secgað bēc,
 ealde ūðwitan, siþþan ēastan hider

Engle and Seaxe up becōman 70
 ofer brāde brimu, Brytene sōhtan,
 wlance wīgsmiðas, Wēalas ofercōman,
 eorlas ārhwate, eard begēatan.

In this year King Aethelstan "", the lord of earls,
 ring-giver of men, and his brother also,
 Prince Eadmund "", won in battle
 Everlasting glory with the edges of their swords
 at Brunanburh. The sons of Eadweard split the shield-wall, 5
 hewed the linden targes with forged brands;
 as befitted their descent
 from noble kinsmen, often in fight
 they guarded their land, treasure, and homes
 against every foe. Enemies fell, 10
 Scots and seafarers
 sank doomed; the field grew slippery
 with the blood of men when the sun,
 the famous light, glided over the earth,
 in the morning, the bright candle of God, 15
 the eternal Lord, until that noble creation
 sank to rest. There many a warrior lay
 destroyed with spears, many a Northman
 and Scot likewise pierced above his shield,
 weary, sated with war. The West Saxons 20
 in bands pursued
 the hateful troops all day,
 hewed the fugitives sorely from behind
 with swords ground sharp. The Mercians refused not
 the hard hand-play to any heroes 25
 who, fated to the fight,
 sought land with Anlaf ""
 in the bosom of the ship over the surging waves. Five
 young kings lay low on that field of battle,
 put asleep by swords, likewise seven 30
 earls of Anlaf and a countless number of the host,
 seamen and Scots. There the leader
 of the Northmen was put to flight, driven
 to the prow of the boat with a small troop;
 the galley hastened to sea; the king went out 35
 on the dark flood, saved his life.

Then the Northmen departed in their nailed boats,
 bloody survivors of javelins, humiliated, on Dingesmere ****
 over the deep water to seek Dublin ****, 55
 Ireland once again.
 Likewise both brothers together,
 king and prince, sought their own land,
 the country of the West Saxons, exulting in war.
 They left behind them the dark-coated, 60
 swart raven, horny-beaked,
 to enjoy the carrion, and the grey-coated eagle,
 white-tailed, to have his will of the corpses,
 the greedy war-hawk, and that grey beast,
 the wolf in the wood. Never yet before this 65
 was there greater slaughter on this island
 of an army felled
 by the edge of the sword, such as books,
 old learned men, tell us of, from the time when
 Angles and Saxons came up from the east hither, 70
 sought the Britons over the broad seas,
 when proud workers of war overcame the Welshmen
 and gallant earls seized the land.

(Древнеанглийский текст и пер. цит. по: [Lehnert, 1955, p. 51–53; 108–110]).

Примечания к тексту.

* «*The Battle of Brunanburh*» – поэма сохранилась в пяти рукописных вариантах «Англосаксонской хроники», датированных 937 г. Другая битва между восточными саксами и армией викингов в 991 г. описывается в поэтическом фрагменте «Хроники» – «*The Battle of Maldon*». Это произведение, в отличие от первого, приводимого здесь, повествует о поражении саксов и смерти их предводителя.

** Æþelstān (строка 1) правил с 924 по 939 г., был любимым внуком Альфреда Великого, подарившего ему меч.

*** Eādmund (строка 3) – сын Эдварда Старшего и брат короля Ательстана, которого он сменил на престоле в 939 г. Правил до 946 г.

**** Anlāf (строка 26) – Олаф, вождь скандинавов. По мнению М. Ленерта, древнескандинавское имя Anleifr (Olaf) было и остается одним из самых популярных имен во всех скандинавских странах. С. Хелстунски утверждает, со ссылкой на М. Уилльямс, что упоминаемый в поэме Олаф, Anlaf (Haveloc Cuheran) стал королем Дублина, а позднее монахом. Считается, что он был прототипом Гавелока, героя среднеанглийского произведения «*Havelock the Dane*», приключения которого во многом напоминают судьбу Гамлета в источниках, которыми пользовался Шекспир.

Отца Олафа звали Amhlaide (что, вероятно, означает «сумасшедший»). Это имя является ирландским эквивалентом Гамлета. Если бы в нашем распоряжении было больше данных о литературе скандинавской Ирландии X в., мы знали бы больше и о начале литературной жизни Гамлета Датского [Helsztynski, p. 96].

**** Dynges mere (строка 54) – не известно, о каком море идет речь. Dyflen (строка 55) – Дублин (в Ирландии). Дублин был столицей Норвежского королевства в то время.

Таким образом, подбор текстов для перевода на древнеанглийский язык, вероятно, не был случайным. Например, перевод «Церковной истории англов» Беда Достопочтенного показывает, что король осознанно стремился сохранить англское культурное наследие и таким образом помочь народу осознать историческую преемственность этнической традиции.

Вероятно, король и его просвещенные современники задавались и философскими вопросами жизни. Зачем нужно просвещение? Несомненно, оно помогает человеку постичь тайны мироздания и понять, как нужно действовать в этом мире. Рано или поздно люди начинают задумываться и о природе Бога, о душе, судьбе, о добре и зле. Все эти вопросы поднимались в средневековой теологии и философских трактатах. Вероятно, духовная зрелость короля Альфреда и жизненный опыт помогли ему осознать всю значимость этих аспектов просвещения. Поэтому незадолго до смерти он переводит «*Монологи святого Августина*» («*St. Augustine's Soliloquies*») и «*Утешение философией*» («*The Consolation of Philosophy*» – «*De Consolatione Philosophiae*») Боэция. Обе эти книги были чрезвычайно популярны в Европе в средние века, а судьбы и жизненный опыт авторов давали почву для размышлений. Если в «Монологах» основной смысл повествования фокусируется на отношениях между Богом, Миром и Человеком в контексте универсальности человеческой истории, то Боэций преимущественно размышляет о философии жизни в оппозиции макро- и микрокосма. Примечательно, что «Утешение философией» было написано Боэцием в тюрьме. При Теодорихе он был знатным римским государственным деятелем. Его обвинили в политическом заговоре и бросили в тюрьму в Павии, где и убили в 524 г. Боэций один из тех исторических персонажей, которого называют «последним римлянином» по духу [Уколова, 1987]. Его философские размышления помогли ему сохранить силу духа перед лицом смерти.

Обобщая данные о близких смысловых соответствиях между «Монологами» и «Утешением философией», Томас А. Карничелли замечает, что этих соответствий особенно много именно в оригинальных, написанных на древнеанглийском (а не переводных) вставках, представляющих собой преимущественно дополнения и комментарии самого Альфреда в обеих рукописях. Сходства и соответствия наблюдаются как на языковом уровне (что служит дополнительным доказательством единого авторства переводов), так и на концептуальном. Особый акцент в этих

комментариях делается на божьем промысле в управлении Вселенной и на идее воздаяния человеку по делам его [Carnicelli, 1969, p. 31–32]. При обсуждении абстрактных философских идей король обращается к германской мифологии, заменяя латинские примеры из жизни классической эпохи реалиями англосаксонской жизни. Это подтверждает практическую направленность переводческой деятельности при Альфреде, когда перевод выполняется для создания обучающих материалов текстовой семиотики.

Королю Альфреду не без оснований приписывают и идею создания «*Англосаксонской хроники*», основного древнеанглийского прозаического памятника эпохи. Ученым людям в монастырских центрах было поручено вести записи наиболее значимых событий в истории Англии. Вероятно, первый составитель хроники (предположительно в 891 г.) руководствовался сохранившимися преимущественно латинскими источниками, в которых упоминалась ранняя история Британии.

Читая записи о великих деяниях этого короля, невозможно не почувствовать восхищение автора «Хроники» личностью Альфреда, цельностью его натуры. В более поздних записях, относящихся к эпохе Этельреда, тон повествования меняется кардинально. Для этнокультурного исследования текста оценочный фактор в авторском повествовании играет очень существенную роль в идентификации установок и мотивов культурных доминант разных эпох и способах их овнешнения. Однако и при изучении этнокультурных доминант разных субэтносов, в особенности там, где исследователь хочет получить полномасштабную картину о самих исторических фактах, о состоянии иных специфических параметров этнической системы, лингвосомиотический анализ текстов выступает только *одним из ряда комплексных методов* получения валидной информации. В частности, он должен обязательно сопровождаться данными археологических изысканий и архивных материалов, если таковые имеются. Лингвисту-историку субъективность интерпретации событий авторами рукописей, выполненных в одно и то же время, но в разных пространственных координатах и на разных диалектах одного и того же языка, открывается при первом же сличении манускриптов. Так, разные локальные варианты могут по-разному структурировать события (одни замалчиваются, другие выдвигаются на первый план в зависимости от политических акцентов правителя региона или иных соображений); даже датировки некоторых событий могут незначительно отличаться друг от друга. Вместе с тем, оценочные суждения авторов проливают свет и на характер отношений между различными группировками внутри страны, объясняя некоторые фактические разночтения в событиях.

Сохранилось несколько вариантов рукописей «Англосаксонской хроники». В них подача информации может отличаться в зависимости от места создания рукописи и установок авторов. Записи в так называемой «Хронике из Питерборо» (The Peterborough Chronicle) велись вплоть до 1154 г. С лингвистической точки

зрения тексты «Хроник» представляются очень ценными, поскольку в них наблюдаются языковые формы переходного периода, что позволяет исследователю-типологу наблюдать за постепенными структурными изменениями при переходе от древнего к среднеанглийскому периоду. Кроме того, как мы уже видели, материалы «Хроники» дают нам информацию о событийной и о ценностной части этнической истории древних англичан. Понять актуальный для древности смысл этой информации очень сложно не только внешнему наблюдателю, но и представителю современной английской культуры. Вот что по этому поводу замечает редактор одного из изданий «Англосаксонской хроники» Чарлз Пламмер:

«A Chronicle, as the name implies, is only a narrative of events in the order of time; and we hardly call it History until these facts have undergone a new arrangement, have been re-examined, criticised, distributed, and grouped. ...The Peruvians had a memoria-technica, made of knots upon diversely coloured strings. A Peruvian woman showed a bundle of knotted strings, and said her whole life was there. Each knot was the index to a story, and all the stories were preserved in her memory.

Our own early Chronicles are something like this series of knots; for in their laconic annals much was implied and little expressed, and therefore they are a set of knots of which the solution died out with their authors. To posterity they present merely a name or two, as of a battle-field and a victor, but to the men of the day they suggested a thousand particulars, which they in their comrade-life were in the habit of recollecting and putting together. That which to us seems a lean and barren sentence, was to them the text for a winter evening and entertainment» [Plummer, Vol. II, p. xvii–xxi].

Поскольку основным инициатором просветительской культурной кампании был именно уэссекский король в период возвышения этого княжества, то и основная масса переведенных (и оригинальных) письменных памятников от той эпохи выполнены на уэссекском диалекте. Лингвисты считают, по крайней мере с опорой на данные сохранившегося корпуса текстов, что уэссекский диалект выполнял роль некоего литературного стандарта. Первые письменные памятники были выполнены на нортумбрийском диалекте. Однако до нашего времени не дошло содержательных прозаических текстов на этом диалекте. Это не означает, что их не было вообще, возможно, они погибли при разрушении монастырских центров викингами. Но по-настоящему красноречивый материал эпохи в прозаической форме представлен сегодня уэссекским корпусом текстов. В конце XIX и в первой половине XX в. велись дискуссии по поводу существования литературного древнеанглийского языка. Большая часть исследователей пришла к выводу, что в древней Англии действительно сложилось койне, общее для всех подвластных Уэссексу территорий, а его литературная форма в IX–X вв. формировалась на основе уэссекского диалекта с центрами в Уинчестере (*Winchester*) и Вустере (*Worcester*).

В России исследованиями такого рода занималась В. Н. Ярцева [Ярцева, 1985; 1992; и др.].

Обобщая информацию о деятельности короля Альфреда, нельзя не отметить ее продуктивность для целостности этнического поля англичан в трудный переходный период их этногенеза. Установление прочной литературной традиции и формы языка закрепило эффект его реформ и насытило их концептуальным содержанием для информационного обмена и деятельности при самоорганизации этнической системы на новые свершения. Цельность личности Альфреда, систематичность и последовательность его действий пошли на пользу укреплению этнического поля англичан. В этом и заключается основной вклад Альфреда в историю своего народа. В своем предисловии к переводу «*Soliloquies*» он сравнивает просветителя-переводчика с хорошим строителем, который использует необходимый инструмент и находит лучшую древесину, чтобы построить городские стены и дома для людей. Они будут жить там весело и спокойно и зимой и летом так, как не удавалось ему самому. Если предисловие к «*Cura Pastoralis*» можно считать прологом к просветительской кампании Альфреда, то предисловие к «*Soliloquies*», написанное перед самой его смертью, подводит итог его многотрудной деятельности:

Текст 16

Gaderode mē þonne kigclas, and stuþanscaftas, and lohscaftas, and hylfa tō ælcum þāra tōla, þē ic mid wircan cūðe, and bohtimbru and bolttimbru, and tō ælcum þāra weorca þe ic wyrcan cūðe, þā wlitegostan trēowo be þām dēle ðe ic āberan meihte. Ne cōm ic nāþer mid ānre byrðene hām, þē mē ne lyste ealne þane wude hām brengan, gif ic hyne ealne āberan meihte. On ælcum trēowe ic geseah hwæthwugu þæs þe ic æt hām beþorfte. Forþām ic læere ælcne ðāra þe maga sī and manigne wāen hæbbe, þæt hē menige tō þām ilcan wuda þār ic ðās stuðanscaftas cearf; fetige hym þār mā, and gefeðrige hys wāenas mid fegrum gerdum, þæt hē mage windan manigne smicerne wāh, and manig āenlic hūs settan, and fegerne tūn timbrian þāra, and þāer murge and sōfte mid mæge oneardian æðer ge wintras ge sumeras, swā swā ic nū ne gyt ne dyde. Ac sē þe mē læerde, þām sē wudu līcode, sē mæg gedōn þæt ic sōftor eardian (mæge) ægðer ge on þisum læenan stōclife be þis wæge ðā hwīle þe ic on þisse weorulde bēo, ge ēac on þām (h)ēcan hāme, ðe hē ūs gehāten hefð þurh Sanctus Augustinus and Sanctus Gregorius and Sanctus Ieronimus, and þurh manege oðre hālie fædras; swā ic gelyfe ēac þæt hē gedō for heora ealra earnunge, æðer ge þisne weig gelimfulran gedō, þonne hē āer þissum wes, ge hūre mīnes mōdes ēagan tō þām ongelīhte, þæt ic mage rihtne weig arēdian tō þām ēcan hāme, and tō þām (=þāre) ēcan āre, and tō þāre ēcan reste, þe ūs gehāten is þurh þā hālgan fæderas. Sie swā!

Nis hit nān wundor þēah man swilc ontimber gewirce, and ēac on þā(m) geh)lade and ēac on þāere bytlinge; ac ælcne man lyst, siððan hē āenig cotlyf on his hlāfordes læene myd his fultume getimbred hæfð þæt hē hine mōte hwīlum þāron gerestan, and huntigan, and fuglian, and fiscian, and his on gehwilce wīsan tō þēre læenan (āehte)

tilian, ægþær ge on sē ge on lande, oð þone fyrst þē hē bōcland and æce yrfe þurh his hlāfordes miltse geearnige. Swā gedō sē weliga gifola, sē ðe ēgðer wilt ge þissa lænena stōclifa ge þāra ēcena hāma! Sē ðe ægþer gescōp and ægðeres wilt, forgife mē þæt mē tō ægðrum onhagige: ge hēr nytwyrðe tō bēone, ge hūru þider tō cumanne.

I then gathered for myself staves, and studshafts, and cross-beams, and helves for each of the tools that I could work with; and bow-timbers and bolt-timbers for every work that I could perform – as many as I could carry of the comeliest trees. Nor came I home with a burden, for it pleased me not to bring all the wood home, even if I could bear it. In each tree I saw something that I needed at home; therefore I exhort every one who is able, and has many wains, to direct his steps to the self-same wood where I cut the stud-shafts. Let him there obtain more for himself, and load his wains with fair twigs, so that he may wind many a neat wall, and erect many a rare house, and build a fair enclosure, and therein dwell in joy and comfort both winter and summer, in such manner as I have not yet done. But He who taught me, and to whom the wood was pleasing, hath power to make me dwell more comfortably both in this transitory cottage by the road while I am on this world-pilgrimage, and also in the everlasting home which He hath promised us through Saint Augustine and Saint Gregory and Saint Jerome, and through many other holy Fathers; as I believe also for the merits of all those He will both make this way more convenient than it hitherto was, and especially will enlighten the eyes of my mind so that I may search out the right way to the eternal home, and to everlasting glory, and to eternal rest, which is promised us through those holy Fathers. So may it be!

It is no wonder that one should labor in timber-work, both in the gathering and also in the building; but every man desireth that, after he hath built a cottage on his lord's lease and by his help, he may sometimes rest himself therein, and go hunting, fowling, and fishing; and use it in every manner according to the lease, both on sea and land, until such time as he shall gain the fee simple of the eternal heritage through his lord's mercy. So may the rich Giver do, who ruleth both these temporary cottages and the homes everlasting. May He, who created both and ruleth both, grant me to be fit for each – both here to be useful and thither to attain. (Древнеанглийский текст и пер. цит. по: [Lehnert, 1955, p. 157–158]).

§ 3. Закат англосаксонской эры

Текст 17

События, датированные в «Англосаксонской хронике» концом X – началом XI в., свидетельствуют о значительных переменах в стереотипах поведения англосаксов. Особенно ярко проявляется распад прежних этнокультурных доминант во взаимоотношениях англосаксов и скандинавских викингов. Если в прежние времена население могло самоорганизоваться на борьбу с врагом, оказывая поддержку

инициативам своего короля, то в XI в. англичане предпочитают откупаться от данов деньгами, вместо того чтобы сражаться. Естественно, такая недальновидная политика только подливала масла в огонь и разбойники появлялись вновь и вновь. На историю же Англии в итоге легла тень так называемых «датских денег» (*Danegeld*), которых было заплачено 10 000 фунтов в 991 г., 24 000 – в 1002, 36 000 – в 1007, в 1012 – 48 000, а в 1018 – 82 000. Эти события имеют археологическое подтверждение.

Вероятно, поворотным пунктом в этнической истории ранней Англии были 70-е гг. X в., когда проявились первые симптомы этнического кризиса. Так, в 979 г. был убит малолетний король Эдуард (он вступил на престол в 975 г. после смерти короля Эдгара). С этого момента заметна перемена в оценке происходящих событий автором «Хроники». Читатель ощущает горькую иронию составителя «Хроники» и осуждение им предательских поступков современников.

За убийством Эдуарда последовало воцарение на престоле Этельреда в 979 г. (прозванного позднее *Æþelred Unred – Athelred the 'Unready'*).

Новые набеги викингов зафиксированы в записях 980, 981, 982 и 988 гг., но ни слова не говорится об ответных мерах, предпринятых королем. Поражение англичан в битве при Молдоне в 991 г. вынудило заплатить первую дань врагу. Предательские акты со стороны знатных руководителей, часто остававшиеся безнаказанными, стали обычным делом в то время в Англии. Так, пытаясь заманить датскую армию в ловушку на море в 992 г., король поручает руководство экспедицией своим олддерменам.

As *Ælfric ealdorman an of þam se cyng hæfde mæst truwe to* het gewarnian þone here, and on þare nihte þa hi scolde an morgen togædere cuman. Ða sceoc he on niht fram þære fyrde *him sylfum to mycclum bismore*, and se here þa æt bærst, buton an scip þær man ofslöh.

Then Ealdorman Aelfric, *one of those in whom the king trusted most*, sent someone to warn the enemy, and then in the night before the day on which they were to have joined battle, he absconded by night from the army, *to his own great disgrace*, and then the enemy escaped, except that the crew of one ship was slain. (Древнеанглийский текст цит. по: [Plummer, [992 F]]; пер. по: [Whitelock, p. 82]).

В приводимых здесь и далее отрывках из «Англосаксонской хроники» некоторые фразы нами подчеркнуты, поскольку в них выражено отношение автора к бесчестным, предательским поступкам людей. Порой, он не может сдержать эмоционально негативного отношения к неспособности народа организовать для сопротивления, как, например, в записи, датированной 998 г.:

Her gewende se here eft eastweard into Frommuðan, and þær æghwær up eodon swa wide swa hi woldon into Dorsætan; and man oft fyrde ongear hi gegaderode ac sona swa hi togædere gan sceoldan þonne wearð þær æfre þurh sumþing fleam astiht, and æfre hi æt ende sige ahton.

998 In this year the army turned back east into the mouth of the Frome, and there they went inland everywhere into Dorset as widely as they pleased; and the English army was often assembled against them, but as soon as they were to have joined battle, a flight was always instigated by some means, and always the enemy had the victory in the end. (Древнеанглийский текст цит. по: [Plummer, [998 E]]; пер. по: [Whitelock, p. 84]).

Зачастую англичане не умели правильно оценить ситуацию со всеми ее плюсами и минусами, а разработав план действий, не имели воли к его осуществлению. Бездарное руководство сильно усугубляло и без того тяжелое положение.

999...Tha rædde se cyng wið his witan þæt man sceolde mid scipfyrde and eac mid landfyrde him ongear faran. Ac þa þa scipu gearwe wæron þa elkede man fram dæge to dæge, and swencte þæt earme folc þe on þam scipon lagon. And a swa hit forðwearde beon scolde swa hit lætre wæs fram anre tyde to oðre, and a hi leton heora feonda wærod wexan. **And a man rymde fram þære sæ. And hi ferdon æfre forth æfter** *. Þonne æt þam ende ne beheold hit nan þing seo scipfyrding buton folces geswinc and feos spilling and heora feonda forðbylding.

... Then the king with his council determined to proceed against them [the Danes] with sea and land forces; but as soon as the ships were ready, then arose delay from day to day, which harassed the miserable crew that lay on board; so that, always, the forwarder it should have been, the later it was, from one time to another; – they still suffered the army of their enemies to increase; – **the Danes continually retreated from the sea-coast; – and they continually pursued them in vain** *. Thus in the end these expeditions both by sea and land served no other purpose but to vex the people, to waste their treasure, and to strengthen their enemies. (Древнеанглийский текст цит. по: [Plummer, [999 E]]; пер. по: [Ingram, p. 103–104]).

Примечания к тексту.

* В переводе «Англосаксонской хроники» под редакцией Д. Уайтлок находим такой вариант: «And ever the English retreated inland and the Danes continually followed» [Whitelock, p. 85].

В 1003 г. английская армия вдруг рассеялась при виде армии датского короля Свейна. Автор «Хроники» иронично описывает это бесславное событие:

Pa gegaderode man swiðe mycele fyrde of Wiltunscire and of Hamtunscire and swiðe anrædlice wið þæs heres weard wæron. Pa sceolde se ealdorman Ælfric lædan þa fyrde, ac he teah forð þa his ealdan wrenceas. Sona swa hi wæron swa ge hende þet ægðer heora on oþer hawede þa gebræd he hine seocne and ongan hine brecan to spiwenne and cweð þet he gesiclod wære. And swa þæt folc beswac þet he lædan sceolde. Swa hit gecweden is: þonne se heretoga wacað þonne bið eall se here swiþe gehindred.

Then a great English army was gathered from Wiltshire and from Hampshire, and they were going very resolutely towards the enemy. Then Ealdorman Elfric was to lead the army, but he was up to his old tricks. As soon as they were so close that each army looked on the other, he feigned him sick, and began retching to vomit, and said that he was taken ill, and thus betrayed the people whom he should have led. As the saying goes: 'When the leader gives way, the whole army will be much hindered' (Древнеанглийский текст цит. по: [Plummer, [1003 E]]; пер. по: [Whitelock, p. 86]).

В 1009 г. ценой непомерного налогового бремени и напряженными усилиями народа были построены новые корабли. Но они так и не были применены в битве с данами. В том же году корабли были уничтожены из-за глупой размолвки между олддерменами короля: часть кораблей сгорела, часть уничтожена бурей.

События же 1010 г. говорят сами за себя:

Pa Dæniscan...þone eard iii monðas hergodon and bærndon... * wendon þa eft to scipon mid heora herehuþe. Þone hi to scipon streddon þonne sceolde fyrd ut eft ongean þæt hi up woldon. Þonne ferde seo fyrd ham; and þonne hi wæron be easton þonne heold man fyrde be westan and þonne hi wæron be suþan þonne wæs ure fyrd be norþan. Þonne bead man ealle witan to cyngre and men þonne rædan scolde hu man þisne eard werian sceolde. Ac þeah man hwæt þonne rædde þæt ne stod furþon ænne monað æt nyxtan næs nan heafod man þe fyrde gaderian wolde, ac ælc fleah swa he mæst myhte. Ne furþon nan scir nolde oðre gelæstan æt nyxtan.

The Danes...ravaged and burnt that country for three months... * Then they turned back to the ships with their booty. And when they were dispersing to their ships, the English army should have come out again in case they wished to go inland. Then the English army went home. And when they were in the east, the English army was kept in the west, and when they were in the south, our army was in the north. Then all the councillors were summoned to the king, and it was then to be decided how this country should be defended. But even if anything was then decided, it did not last even a

month. Finally there was no leader who would collect an army, but each fled as best he could, and in the end no shire would even help the next (Древнеанглийский текст цит. по: [Plummer, [1010 D]]; пер. по: [Whitelock, p. 90]).

Примечания к тексту.

* В цитате опускаем названия территорий, разграбленных данами.

§ 4. Скандинавский субстрат и его наследие в языке

Скандинавский субстрат формировался на фоне многообразия контактов и взаимопроникновения культур. Некоторые историки называют скандинавов «людьми космополитического склада», обладающими особенной «природной адаптивностью» (см., напр.: [Vaugh, Cable, 1978, p. 94]). А. Бо справедливо замечает, что даны в X в. (и раньше) были «не только морскими грабителями-разбойниками, но и мирными жителями многочисленных фермерских поселений в различных частях страны. Эти люди выбирали себе жен из местного населения, усваивали многие обычаи англосаксов, включаясь в различные сферы жизни общества» [Ibid.]. Вероятно, данов X и особенно XI в. можно считать субэтносом в этнической системе англичан. Очень важно, что, ассимилируясь в среде англосаксов, даны смогли сохранить свою культуру, элементы которой не замедлили сказаться на этнической культуре новой системы, нарождающейся в Англии в результате «импорта пассионарности».

Некоторые историки утверждают, что скандинавская культура по ряду, прежде всего материальных, параметров превосходила англосаксонскую (см.: [Morton, 1979, p. 51]). Действительно, более совершенные сельскохозяйственные орудия позволили скандинавам выкорчевать леса и освоить плодородные целинные земли. Кроме того, они умели строить города и вести торговлю, в этом плане у них были большие преимущества перед «домоседами саксами». Таким образом, налицо взаимовлияние культур, высокий уровень адаптивности в новом ландшафте и языковой среде, в частности, усвоение английской речи.

Важнейший фактор, предопределивший характер межэтнических контактов в Англии в X–XI вв. – географический, ландшафтный. Именно он, по мнению Л. Н. Гумилева, выстраивает этнические границы. Ландшафтные особенности Области датского права заставили морских разбойников сменить образ жизни и заняться сельским хозяйством. Ведь даже когда Англия стала частью Дании⁹, ее

---

⁹ В 1013 г. король Свейн (Swein) привел флот к берегам Англии, чтобы покорить ее. Почти весь народ, в особенности жители Области датского права, признали в нем правителя. Английскому королю Этельреду пришлось искать убежища в Нормандии. Когда Свейн умер (в 1014 г.), его сын Гарольд (Harold) унаследовал Скандинавскую империю, а датская армия в Англии избрала своим королем Кнута (Cnut) (младшего брата Гарольда). В 1016 г., после смерти сына Этельреда Эдмунда (Edmund) Кнут стал королем всей Англии и правил

население не изменило привычного образа жизни и не превратилось в датчан. Сохранению англосаксонской основы новой этнической системы и вхождению в нее скандинавов на правах субэтноса в немалой степени способствовала, как мы уже видели, успешная политика короля Альфреда и его наследников, направленная на укрепление этнического самосознания англичан. Практическими шагами потомков Альфреда в этом направлении были победы, приведшие к возвращению Области датского права под власть уэссекских королей.

История свидетельствует о том, что уэссекские короли занимались не только военными делами. Они контролировали рычаги власти по всей стране. По мнению Джона Блэра, влияние королевской власти в Англии X в. было шире и глубже, чем в какой-либо другой, сравнимой по размерам, европейской стране [Blair, 1995, p. 87]. Уэссекским королям удалось создать высокоэффективную административную систему, элементы которой функционируют и сейчас; необходимая, насколько это было возможно в тех условиях, экономическая интеграция достигалась в значительной мере за счет единства денежного обращения на территории всей страны.

Практически большая часть страны оставалась под контролем англичан. Административно-властная пирамида выстраивалась следующим образом:

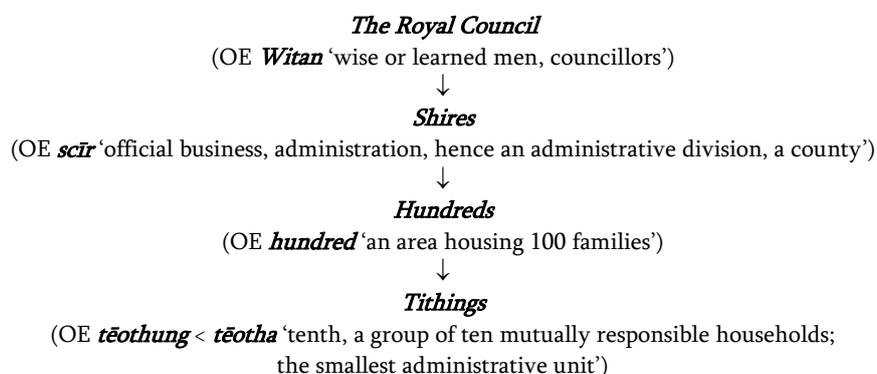

Рис. 5. Административно-властная пирамида в классический древнеанглийский период

Конечно, в областях с преобладанием скандинавского населения в административной системе были некоторые особенности местного характера. Об этом сви-

---

до 1035 г. Он женился на вдове Этельреда Эмме, которая родила ему сына (по имени Хардакнут – *Narthasnut*). В 1017 г. Кнут поделил Англию на четыре графства – Нортумбрию, Восточную Англию, Мерсию и Уэссекс. Наместники в Нортумбрии и Восточной Англии были данами. В 1042 г. датская королевская линия прерывается после смерти Кнута II (Хардакнута). С воцарением на престоле Эдуарда (Edward), сына Этельреда, реставрируется Уэссекская королевская линия. Таким образом, Англия была номинально частью Скандинавской империи около 25 лет (см. карту 8 в прил. 3).

детельствуют в числе прочего и некоторые параллельные наименования в сходных административных единицах Области датского права. Ср.: О.Е. *hundred* и *wærentac* (О.Н. *vapnatac*). В целом, система управления в Англии X в. отражает стремление к консолидации власти в руках английских королей.

Королевский совет состоял главным образом из знатных людей и епископов. Этот орган отвечал за разработку законов и указов, регулирующих различные аспекты народной жизни. Центры графств (*Shires*) часто располагались в укрепленных англосаксонских или датских поселениях (*burghs*). В каждом графстве дела решались с помощью местного органа. Здесь же чеканились монеты под строгим королевским контролем.

Социально-административные структуры имеют соответствия в иерархической статусной вертикали. Чтобы заставить управляющие структуры работать, король делегировал часть полномочий влиятельным представителям знати (*ealdormen*) на местах. Постепенно их власть расширялась, и они уподобились континентальным европейским графам и герцогам (*Counts* or *Dukes*). Вскоре вместо *ealdorman* стал использоваться титул *Earl* (ОЕ *eorl* 'a man', ср. ОН *jarl* 'nobleman'). Здесь также возможно скандинавское влияние. Олдермэн был выше в социальной иерархии по отношению к шерифу (*sheriff* – ОЕ *scīrgerēfa* 'a king's officer presiding over a shire; cognate with Germ. *Grāf* 'earl, count'). Шериф нес ответственность перед королем за управление графством, а олдермэн управлял несколькими графствами.

Итак, в отличие от кельтов, скандинавы имели одинаковый с англосаксами доступ к различным позициям в обществе. Многообразные и широкие контакты англосаксов и скандинавов на различных социально-культурных уровнях привели к широкому проникновению скандинавских элементов в английскую этническую культуру. Такая же «проникающая» способность отличает и скандинавскую лексику¹⁰. Немаловажное влияние оказала и генетическая близость языков северо- и западногерманских ареалов.

По структурно-типологическим параметрам слова скандинавского происхождения уподобились англосаксонским моно- и дисиллабам. Они не ограничены какой-либо одной узкой культурной сферой употребления, их показатели регист-

¹⁰ Вот как увидел проблему Дж. Хьюз: «The Viking invasions resulted in some revealing penetrations into the core vocabulary, an enclave which would normally be thought of as unsailable. ...A centrally important word, such as **die** (О.Н. **deyja**) drives the main native counterpart, **starve** (О.Е. **steorfan**) into the specialization of 'to die of hunger', and **take** (О.Н. **taka**) drives **nim** (О.Е. **niman**) first into dishonest practices, and then into final obscurity. Even more remarkable is the borrowing of the central pronouns **they**, **their** and **them**, which filter into Standard English from the Danelaw, displacing the natives **hie**, **hiera** and **hem**. The Scandinavian borrowings merge easily with the cognate Saxon word-stock, having the same blunt strength: **anger**, **wrong**, **ill**, **ugly**, **meek**, **cast**, **call**, **husband**, **fellow**, **rotten**, **steak**, **knife**, **sky**, **low**, **scream** and **want**. Their unrefined directness and generality place them naturally in the neutral or lower register» [Hughes, 1989, p. 42–43]. В итоге слова скандинавского происхождения он классифицирует как *grass-roots words*.

ровых ограничений приближаются к англосаксонским; абсолютное большинство скандинавских моно- и большая часть дисиллабов (по нашим подсчетам, примерно 78 и 68 % соответственно) демонстрируют ядерные свойства по нескольким параметрам сразу. Причем эти свойства ярко выражены.

Поскольку по данным Оксфордского словаря основной поток заимствований скандинавского происхождения приходится на XII–XIII вв. (в письменной речи; в устной же речи этот процесс начался много раньше), можно с уверенностью сказать, что скандинавский субстрат принимал непосредственное участие в формировании носителей развития в период активной типологической перестройки системы английского языка. Видимо, этому в значительной мере способствовала и структурная близость многих скандинавских лексем англосаксонским, обусловленная общностью происхождения и однонаправленностью устойчивых процессов преобразований в этих германских языках.

Совершенно очевидно, что высокие функциональные показатели пласта лексики скандинавского происхождения, максимально сближающие его с англосаксонским, не в последнюю очередь вызваны тем, что датский в ходе своей истории также претерпевал существенную типологическую трансформацию в том же направлении, что и английский язык, хотя в плане интенсивности реализации этих процессов он уступает английскому. Возможно, что процессы, создававшие общую доминанту в преобразовании этих языков, и без того довольно явно выраженные уже в ранних периодах их истории, в условиях межъязыковых контактов особенно активизировались. Так, историками давно замечено, что в Области датского права особенно заметно шел процесс утраты флексий (см.: [Sweet, 1958, p. 217]).

Очевидно, что в условиях таких интенсивных межэтнических контактов, какие наблюдались у скандинавов с англосаксами, в языке оставалось то, что наиболее эффективно кодировало совместный опыт контактирующих сторон. Те языковые элементы, которые ассоциировались с семантической неясностью, оказывались наименее экономными, а потому неоптимальными в обеспечении эффективности контакта. В результате они уходили на периферию и со временем могли элиминироваться. Такова была судьба флективных парадигм. Сходным образом генетический фактор, помноженный на специфику межэтнических контактов, в ходе отбора оптимальных языковых средств кодирования информации способствовал и органичному вхождению скандинавского лексического слоя в ядро лексической подсистемы английского языка.

Текст 18

После смерти последнего английского короля Эдуарда Исповедника в 1066 г., появилось три претендента на престол, поскольку детей у Эдуарда не было. Первым претендентом был герцог нормандский Вильгельм – родственник английского короля по линии его матери, Эммы. Кроме того, имеются свидетельства, что Эдуард Исповедник пообещал передать трон Вильгельму во время своего пребывания в Нормандии. Вторым претендентом был норвежский король по имени Гарольд, третьим – английский граф Гарольд, старший сын графа Годвина, влия-

тельнейшего вельможи, которого считали подлинным правителем Англии во времена Эдуарда Исповедника. Граф Гарольд, сын Годвина, и был избран на трон после смерти Эдуарда. Два других претендента не сидели сложа руки. Пока Гарольд в ожидании вторжения из Нормандии собирал флот при Сандвиче, норвежский король Гарольд вторгся в Нортумбрию с большими силами и занял Йорк. Норвежского короля поддерживал бывший правитель Нортумбрии, граф Тости. Английскому королю пришлось в спешном порядке отправиться на север. Поход продолжался ночью и днем, и 25 сентября Гарольд одержал победу над норвежской армией при Стамфорд-бридже. И норвежский король, и Тости были убиты. В дальнейшем события развивались стремительно:

Dā cōm Wyllelm eorl of Normandige in tō Pefnesēa on Sce. Michaelēs mæsse* æfen. Ond sōna þæs hī fēre wāeron, worhton castel æt Hæstinga port. Pis wearð þā Harolde cyngē gecydd, ond hē gaderade þā mycelne here ond cōm him tōgēnes æt þære hāran apuldran. Ond Wyllelm him cōm ongēan on unwær, ær his folc gefylced wære. Ac sē kyng þeah him swīðe heardlice wið feaht mid þām mannum þe him gelæstan woldon, ond þær wearð micel wæl geslægen on āegðre healfe. Ðāer wearð ofslægen Harold kyng ond...fela gōdra manna. Ond þā Frencyscan ahton wælstōwe gewæld, eall swā heom God ūðe for folces synnon. ...Ðā on midwintres** dæg hine [Wyllelm] hālgode tō kyngē Ealdrēd arcebiscop on Westmynstre. Ond hē sealde him on hand mid Xpes bēc, ond ēac swōr, ær þan þe hē wolde þā corōna him on hēafode settan, þæt hē wolde þisne þeodscype swā wēl haldan swā ænig kyngc ætforan him betst dyde, gif hī him holde bēon woldon.

Meantime Earl William came up from Normandy into Pevensey on the eve of St. Michael's mass; and soon after his landing was effected, they constructed a castle at the port of Hastings. This was then told to King Harold; and he gathered a large force, and came to meet him at the estuary of Appledore. William, however, came against him unawares, ere his army was collected; but the king, nevertheless, very hardly encountered him with the men that would support him; and there was a great slaughter made on either side. There was slain King Harold...with many good men; and the Frenchmen gained the field of battle, as God granted them for the sins of the nation.

...Then on midwinter's day Archbishop Aldred hallowed him [William] to king at Westminster, and gave him possession with the books of Christ, and also swore him, ere that he would set the crown on his head, that he would so well govern this nation as any king before him best did, if they would be faithful to him. (Древнеанглийский текст цит. по: [Lehnert, 1955, p. 130–131]; пер. по: [Ingram, p. 149–150]).

Примечания к тексту.

*Michaelēs maesse – 29 сентября, праздник Св. Михаила. Michael – имя архангела.

**Midwinter – рождество.

§ 5. Выводы

Христианские миссии в восточном варианте проникли в Британию довольно рано, возможно еще через римских легионеров. На этой основе сформировалась христианская церковь в древней Ирландии. Влияние этой ветви христианства на северные княжества англосаксов, в особенности на Нортумбрию, было ощутимым. Однако с появлением миссии из Рима во главе с Августином постепенно западный (римский) вариант христианства одержал верх. На синоде в 664 г. был сделан выбор в пользу римской миссии. Самая ранняя форма англосаксонской культуры (преимущественно англской) процветала в древней Англии в нортумбрийском варианте. В письменных памятниках того времени отражается процесс замены прежней языческой семиотики на новую христианскую. Только два дреанеанглийских христианских поэта известны по именам – Кэдмон и Кюневульф. Легенды о Кэдмоне, описанные в книге Беда Достопочтенного «Церковная история англов», демонстрируют новый личностный стереотип поведения, в корне отличающийся от прежней эпохи. Сама книга Беда представляет собой первую историю англичан, написанную в 731 г. на латинском языке. Здесь используются этнонимы *Angli*, *Angelcynn*.

VIII в. был отмечен началом набегов скандинавских викингов. Распри между князьями в англосаксонских королевствах привели к тому, что англосаксы долго не могли организовать сопротивление разбойникам данам. Только уэссекскому королю Альфреду удалось объединить народ на борьбу и провести ряд институциональных реформ, которые помогли восстановить целостность этнического поля, укрепить новые формы существования древнеанглийского языка как средства обогащения и укрепления родной культуры. В текстах эпохи зафиксированы великие деяния короля Альфреда и дана оценка его деятельности современниками.

Изменение этнокультурных доминант становится ощутимым в текстах X и в особенности XI в. Последующий период покорения Англии датскому владычеству характеризуется интенсификацией скандинавского влияния. Скандинавский субстрат формировался в ходе разнообразных контактов между скандинавами и англосаксами на фоне высокой адаптивности скандинавов в новом ландшафте и лингвокультурной среде. Вероятно, в X в. часть скандинавских викингов (данов) уже образовали активный субэтнос в этнической системе древних англичан. Скандинавы, в отличие от кельтов, занимали разные ниши в социальной структуре древнеанглийского общества, поэтому и слова скандинавского происхождения органично вошли в ядро лексического состава английского языка. Функциональные особенности этих слов во многом вызваны не только интенсивностью и глубиной межэтнических взаимодействий, но и однонаправленностью типологических преобразований в северо- и западногерманских языках.

В 1066 г. началось Норманнское завоевание Британии. Эту дату можно условно считать окончанием англосаксонской эпохи и началом новой этнической эры для англичан.

Глава III

Dieu et mon droit (Бог и мое право) ¹¹

§ 1. Этнокультурная традиция в Англии после Норманнского завоевания

Нормандский герцог Вильгельм, прозванный Завоевателем, провозгласил себя английским королем в Вестминстерском аббатстве. В истории Англии он известен как король Вильгельм I. «Англосаксонская хроника» (запись 1087 г., когда умер король) описывает его как человека очень волевого и сильного, твердого в своих решениях и требовавшего неукоснительного их исполнения. Одним из главных свершений короля было создание так называемой «Книги судного дня» («Domesday Book»), т. е. кадастровой книги, содержащей опись английских земель, которую провели в период с 1085 по 1086 г. Она стала важнейшим документом эпохи не только для современников (им она была необходима при разборе тяжб о недвижимости), но и для историков и этнологов. Записи в этой книге показали, что по прошествии неполных десяти лет после Норманнского завоевания абсолютное большинство английских земель находилось во владении французов. Норманнские вассалы Вильгельма по происхождению были офранцузившимися скандинавскими викингими, которые осели на севере Франции (ср.: древнеанглийским словом *Northman* называли скандинавов, а фр. *Normand* восходит к тем же древнегерманским корням). Вот как описывает создание «Книги судного дня» «Англосаксонская хроника»:

Текст 19

Anno 1085 Æfter þisum hæfde sē cyng mycel geþeapt ond swiðe dēope spæce wið his witan ymbe þis land hū hit wære gesett, oððe mid hwylcon mannon. Sende þā ofer eall Englaland in tō ælcere scīre his men, ond lett āgan ūt hū fela hundred hyda wæron innon þære scīre, oððe hwet sē cyng him sylf hæfde landes ond orfes innan þām lande. Oððe hwilce gerihtæ hē āhte tō habbanne tō XII mōnþum of þære scīre. Æac hē lett gewritan hū mycel landes his arcebisceopas hæfdon ond his lēodbisceopas, ond his abbodas, ond his eorlas. Ond þeah ic hit lengre telle, hwæt oððe hū mycel ælc mann hæfde þe landsittende wæs innan Englalande, on lande oððe on orfe, ond hū mycel fēos hit wære wurð. Swā swyðe nearwelīce hē hit lett ūtāspyrīan, þæt næs ān ælþig hīde nē ān gyrde landes ne furðon, hit is sceame tō tellanne. Ac hit ne þūhte him nān sceame tō dōnne, ān oxe nē ān cū nē ān swīn næs belyfon, þæt næs gesæt on his gewrite, ond ealle þa gewrita wæron gewrita wāron gebrōht tō him syððan. (Цит. по: [Lehnert, 1955, p. 131]).

¹¹ Девиз на гербе английской королевской фамилии.

Оценивая последствия деятельности Вильгельма в первые годы после Норманнского завоевания, Джон Гиллингем отмечает, что, возможно, в Англии поначалу было не более 10 000 норманнов в окружении много превосходящего их по численности, чуждого по культуре и языку населения. Это вынуждало завоевателей прибегать к тактике создания условий для выживания малыми вооруженными группами в укрепленных замках, откуда можно было совершать рейды в целях осуществления контроля за окружающим населением [Gillingham, 1995, p. 104–105]. Вероятно, у французов были не только противники, но и сторонники среди англосаксонской элиты, иначе им просто не удалось бы подчинить себе всю институциональную структуру англосаксонского общества. Свыше 4 000 танов лишились своих земель, их сменили 200 баронов норманнских ставленников Вильгельма. Столь же безжалостно смещались и служители церкви. Практически к 1086 г. не стало англосаксонской аристократии как класса земельных собственников. Она была замещена новой норманнской элитой, которая сохраняла и свои Нормандские владения на континенте. В результате Англия на долгие годы вперед оказалась под управлением англо-норманнской элиты в составе одного политического объединения с частью французских территорий (a single cross-Channel political community) [Ibid.].

С этнической точки зрения появление французов в Англии после Норманнского завоевания означало очередной приток свежей пассионарности и рассеивание ее генофонда по популяции. Этот процесс прошел в Англии после пассионарного толчка VIII в., по мнению Л. Н. Гумилева, в три этапа. Сначала в Англию пришли датские и норвежские викинги, да в ней и остались (о них шла речь выше). После Норманнского завоевания в XI в. офранцуженные потомки норвежских викингов «повторили ту же “операцию”. И, наконец, когда норманнская династия кончилась, в XII в. из Пуатье был приглашен родственник покойной королевы Матильды – Анри Плантагенет... Этот француз привез с собой массу своих галантных земляков, поскольку больше любил Францию и свои французские владения, чем Англию, которую унаследовал. Но кто же отказывается, когда дают корону! Тогда, естественно, произошло внедрение пассионарности в массу английского населения» [Гумилев, 1997, с. 249]. Наиболее интенсивному культурному французскому влиянию Англия подвергалась именно во время господства двора Генриха Плантагенета и его супруги Элионоры Аквитанской. Если, как замечает Джон Гиллингем, в 1066 г. в архивах Винчестера в списках собственников засвидетельствовано менее 30 % неанглийских имен, то к 1207 г. их стало уже свыше 80 %, среди которых французские (такие как: *William, Robert, Richard*) преобладали [Gillingham, 1995, p. 107].

Почему же французская пассионарность не повлекла за собой истребление англичан (как те в свое время поступили с кельтами) и не заставила покоренный народ говорить по-французски? А предпосылки к этому, казалось бы, были: ведь население Англии к 1300 г. составляло около 3 млн человек (в 3 раза больше, чем в

эпоху Норманнского завоевания), во Франции же – 22! (о населении см., напр.: [Гумилев, 1997, с. 178; McDowall, 1997, р. 36–38; Брайант, 2001, с. 257]). Но установить точно количество населения Англии во второй половине XI в. сегодня не представляется возможным, поэтому данные расходятся у разных авторов. Однако общие пропорции в сравнении с французами примерно одинаковы.

Дело в том, что контакты англосаксов и норманнов, равно как и тех французов, которые переселились в Англию не сразу после победы 1066 г., а несколько позднее, не были контактами различных суперэтнических систем, поэтому в них не было той жестокости добивания, которая характерна для суперэтнического уровня. Более того, французские завоеватели довольно быстро ассимилировались с местным населением, хотя короли и знатные люди французского происхождения продолжали контролировать 2/3 территории Франции, сохраняя там свои земельные владения и проводя в них большую часть времени. И все же, несмотря ни на что, пассионарным французам, которые жаждали сохранить власть в Англии, пришлось «стать англичанами»; спустя два с половиной века после Норманнского завоевания им даже пришлось развязать войну с Францией под лозунгами «англичан».

Такой ход событий (а также формирование этнокультурной традиции в Англии после Норманнского завоевания и в итоге выбор языка) был обусловлен этническим фактором, а именно возрастным. Вступавшие в контакты внутри складывающейся в то время западноевропейской христианской суперэтнической системы этносы проживали так называемую *акматическую фазу*. Сохранить власть и влияние на территориях в условиях этой фазы, когда доминирует императив «Будь самим собой», чрезвычайно трудно. Пассионарность хотя и высока, но ее избыток не может гарантировать военного успеха. Дело в том, что упомянутый императив способствует развитию индивидуализма, что, в свою очередь, ведет к дезорганизации. Практически невозможно организовать значительную массу высокопассионарных людей, каждый из которых хочет быть самим собой [Гумилев, 1997, с. 174]. Поэтому никто из королей не мог до конца быть уверен в победе и способности удержать власть. А поскольку «все против всех», удобнее выставлять лозунг не «за что», а «против чего». Так и поступили французские-английские короли, когда подъем пассионарности в Англии стал ощутим и англичане захотели быть самими собой, когда у них просыпалось этническое самосознание и звучали лозунги: «Англия для англичан!»

Вот как описывает эту ситуацию Л. Н. Гумилев: «Вильгельм и его потомки норманнской династии помогали французам. А когда династия пресеклась в XII в., королем Англии стал француз Анри Плантажене – *Генрих Плантагенет*. Уж этот-то был натуральный француз, но стал английским королем и всюду протаскивал своих французов, и потомки его тоже. Можно себе представить, как англичане лютой ненавистью возненавидели французов! И когда англичанам те же самые Плантагенеты предложили идти бить французов, англичане с восторгом пошли» [Там же, с. 179].

Среди тех, кого Л. Н. Гумилев называет «англичанами», было много потомков норманнских рыцарей, осевших в Англии в новых владениях. И это закономерно. К тому времени, когда начиналась столетняя война, *потомки норманнских завоевателей* уже, видимо, образовали *субэтнос* в английской этнической системе, одним из видимых признаков принадлежности к этой категории было владение *англо-норманнским диалектом французского языка* (правда, в XIV в. он повсеместно вытесняется английским). Поводом для осознания французами этой «англизации», вероятно, была утрата нормандских владений в период правления короля Джона в начале XIII в. В самом деле, англичанам ни к чему было становиться французами, над ними довлела своя этнокультурная традиция, сложившаяся у них в том ландшафте, где они жили в Англии. Завоеватели же, в условиях акматической фазы у себя на этнической «родине», обосновавшись в стране, набухающей пассионарностью, не смогли бы удержать в ней власть надолго, если бы длительное время игнорировали ее этнокультурную традицию.

Здесь мы подходим к трудному, но, пожалуй, главному для судьбы английского языка в тот период вопросу. *Что послужило прототипом для новой этнокультурной традиции в Англии при наложении этногенезов и разрыве этнического поля англосаксов после Норманнского завоевания?* Иначе говоря, *какими были мотивы и установки и соответствующие им концептосферы в период развития новых этнокультурных доминант?* Здесь также прослеживается связь с этническим возрастом. «В фазе подъема складывается, а в акматической фазе кристаллизуется оригинальный для каждого случая стереотип не только поведения, но и мировосприятия и мироосмысления, или то, что мы называем **культурным типом**» [Гумилев, 1997, с. 195].

Когда норманнские завоеватели превратились в субэтнос в этнической системе завоеванного этноса и их контакты с англичанами перешли с межэтнического уровня на внутриэтнический, стало очевидным, что категоризация вновь приобретенного опыта межэтнических контактов дала новый прототип английской этнокультурной традиции. Базовая концептосфера этой традиции зарождалась в англосаксонской христианской доминанте с привнесенными в нее англо-норманнскими субэтническими ценностями. Последние сильно способствовали становлению англичан как части западноевропейской христианской суперэтнической системы.

В целом, влияние англо-норманнского субстрата в английской этнической системе было очень существенным. Исследователи социальной структуры поселений норманнских завоевателей отмечают, что основную массу составляли, естественно, аристократы, знать со своей свитой; затем появлялись государственные и церковные служащие, потом – ремесленники и купцы, которые находили в Англии более благоприятные возможности для реализации своих планов. Высокий уровень пассионарности этих людей и их положение завоевателей усиливали их возможности влияния на английскую культуру и язык. С появлением первых университетов и развитием системы образования вообще, видимо, расширилось

французское влияние на письменную традицию. А когда столетняя война была на исходе, влияние французского субстрата несколько усилилось, так как появился класс купцов. Эти люди могли купить все, что хотели, в том числе и образование. С их появлением расширился доступ людей к французской культуре в целом; видимо, в это время усилилось и влияние французского литературного языка в его парижском варианте. *Рыцарская культура*, ставшая доминантой западноевропейской христианской суперэтнической системы в акматической фазе, имела в основе своей французские корни, что также обусловило глубину проникновения французского этно-культурного субстрата в английскую традицию.

Что собой представляли эти новые этнокультурные доминанты и в течение какого периода времени они сохраняли свою актуальность? Итак, в период с XI по XIV в. западноевропейские этносы переживали «акматическую фазу» своего развития [Гумилев, 1997, с. 165–191]. Как уже говорилось, в этот период в обществе у отдельных его представителей доминирует желание «быть самим собой». Но самореализовать себя как личность человек мог только в рамках «корпоративных» объединений [Гуревич, 1984, с. 211]. Такова реальность акматической фазы, что все борются со всеми, поскольку пассионарное напряжение системы очень высокое, поэтому в одиночку реализоваться практически невозможно. Значит, нужно было соответствовать определенным требованиям, налагаемым на членов различных этносоциальных групп (вероятно, некоторые корпорации могли стать позднее субэтносами). В Англии в это время интенсивно шел процесс усложнения этнической системы за счет выделения в ней субэтнических групп. К XIII в. наблюдается интенсификация развития городов и роста городского населения, появляется так называемый «средний класс» – класс людей, занимавших среднее положение между крестьянами и наследными аристократами. Англо-норманнские короли, в особенности Плантагенеты, не только усвоили основы англосаксонского и датского права, но и сами прилагали огромные усилия для развития правовых институтов в стране, прежде всего для укрепления институциональных прав королевской власти¹². Это также вело к появлению новых видов деятельности и развитию механизмов правового взаимодействия с различными категориями населения. Естественно, что все это не могло не приводить к изменению сложившихся

---

¹² Так, король Эдуард I (1272–1307) специально изучал право в Италии. «Он твердо решил осуществлять правосудие по отношению ко всем, но на самом деле вершил его только в интересах короны. Христианское общество для английского короля держалось прежде всего на феодальной власти – праве, которое должно осуществляться справедливо и твердо и по возможности расширенно. Долг правителя перед Богом и народом, полагал он, – отстоять свои королевские привилегии. Он всегда ссылался на свою коронационную клятву, когда от него требовали поступиться частью своих прав, существующих в действительности или только воображаемых, утверждая, что хранит их для своего народа» [Брайант, 2001, с. 57]. Таким образом, правосудие в средневековом сознании не имело ничего общего с равенством, «концепцией в то время неизвестной» [Там же, с. 56].

этносоциальных структур (социальные институты, как мы уже видели, выстраиваются под оформляющиеся новые доминанты). В западноевропейской суперэтнической системе в то время направляющая этническую энергию и ресурсы общества доминанта элиты складывалась в лоне так называемой «рыцарской культуры».

Известно, что основными идеалами рыцарской культуры были *служба, верность и война*. Все это во имя *лорда, бога и дамы*. Война была целью и обычным концом жизни рыцаря. Рыцарь наслаждался битвой, в ней он был смел и жесток, как лев, а в мирное время он, галантный и обходительный, посвящал себя служению даме. Военная система в Англии организовывалась так, что не только рыцари (для которых война была образом жизни), но практически все население так или иначе вынуждено было принимать участие в войне, тем более что относительно мирных лет после Норманнского завоевания с конца XI по XIV в. включительно было очень немного. Таким образом, мотив войны снова доминирует, как и в англосаксонские времена.

Джон Сандерз в этой связи усматривал в рыцарской культуре *германские (англосаксонские) корни*. Он считал, что эта культура выростала в XI в. естественным образом из старых ценностных установок. Внутри развивавшихся феодальных социальных институтов устанавливались отношения, естественно продолжающие существовавшие ранее традиции, как то: подготовка молодых к военному положению и занятию; характер связей между лордом (феодальным господином) и его рыцарями. Институт рыцарства находился под сильным влиянием религии и церкви, которые использовали его в своих интересах [Saunders, 1889, p. 30]. Чего стоят священные войны и крестовые походы! Именно в этот период укрепляется единство христианского мира (иначе говоря, формируется западноевропейская суперэтническая система), ощущается стремление этого нового образования к расширению христианского (суперэтнического) пространства путем крестовых походов и миссионерской деятельности.

Рассмотрим несколько среднеанглийских текстов с тем, чтобы понаблюдать за наиболее яркими лексико-семантическими процессами обозначения новых этнокультурных доминант.

Уже внутри древнеанглийского периода, по мере изменения понятий, ассоциированных в этнокультурную доминанту ранних англосаксов, менялся и способ их представления лексико-семантическими средствами языка. По прошествии нескольких веков многие слова, называвшие центральные, обладавшие символической значимостью концепты в этнокультурной доминанте эпохи англосаксонского этнического расширения, просто вышли из употребления и не используются в современном языке. Например: *sige, lof, wun, ellen, dugud, gud, symbel* и др. Другие знаки «отверженных символов», как правило, изменили свои значения до неузнаваемости. Поэтому в современном переводе древнеанглийских поэтических текстов почти не встречаются однокорневые слова, продолжающие соответствующие англосаксонские формы.

Ср.:

domes heotan – to gain honour; *wyn* – delight;
lof lengde – praise extended; *feoh* – wealth;
dryhtcwen dugube – the noble queen of the retinue;
modsefan – soul's thoughts;
goldwine – bounteous friend.

Однако в XII в. и в самом начале XIII в. все было по-другому. В это время Англия вместе с другими западноевропейскими этносами уже жила в системе куртуазных (рыцарских) ценностей, а наиболее *оптимальным* способом представления новой этнокультурной доминанты в текстах того времени, видимо, оставались исконные англосаксонские лексемы с исконными словообразовательными элементами. Это подтверждается наблюдениями над языком текстов раннесреднеанглийского периода (имеется в виду переходный период).

С этой точки зрения интересным для нас памятником является «Брут» Лаймона.

Текст 20

Рукопись датируется примерно 1205 г. Главным источником этого произведения был стихотворный роман англонорманнского автора Васа (Wace) «Brut d'Angleterre». Название романа восходит к имени мифического основателя рода первых королей Британии Брута, который считался по легенде внуком Энея (героя «Энеиды» Вергилия).

«Брут» Васа считают одним из первых произведений, привнесших в английскую и французскую литературу кельтские мотивы [Комаринец, 2001, с. 61]. Источником романа для Васа послужили «Деяния королей Британии» Гальфрида Монмутского. «Вас опустил имена некоторых второстепенных персонажей, придал религиозной истории более светский оттенок и исключил ряд малопривлекательных эпизодов» [Там же].

Лаймон, священник прихода Всех Святых в Вустере, адаптировал роман Васа, выполнив литературный перевод, а точнее, пересказ романа на английский язык. Несмотря на то, что сам Лаймон ссылается на книгу Беды Достопочтенного как один из своих источников, из содержания его перевода видно, что пользовался он преимущественно англо-норманнским источником. Ссылка на Беду, по мнению некоторых исследователей английской переводческой традиции, связана с простым желанием подкрепить свою работу ассоциацией с авторитетом [Görlach, 2002, p. 3].

Лаймон, несомненно, больше чем переводчик, так как он многое опускает из содержания источника (любовную поэзию, турниры), кое-что, наоборот, дополняет. В целом, его произведение несколько напоминает историческую хронику, героический эпос. В «Бруте» впервые рассказывается история легендарного короля Артура, а также история короля Лира на английском языке. В рукописи Лаймона присутствуют черты южного и западно-центрального диалектов среднеанглийского языка.

В прологе к своей исторической хронике Лайамон рассказывает о себе и о своей работе над текстом:

Incipit hystoria Brutonum

(Начинается история «брутов», т. е. бриттов)

An preost wes on leoden, Lagamon wes i-hoten; 1
 He wes Leovenaðes sone: liðe him beo Drihten!
 He wonede at Ernlege at æðelen are chirechen
 Uppan Sevarne staþe – sel þar him þuhte –
 Onfest Radestone; þer he bock radde. 5
 Hit com him on mode and on his mern þonke
 Ðet he wolde of Engle þa æðelæn tellen
 Wat heo i-hoten weoren, and wonene heo comen,
 Ða Englene londe ærest ahten,
 Æfter þan flode þe from Drihtene com, 10
 Ðe al her a-quelde quic þat he funde,
 Buten Noe and Sem, Japhet and Cham,
 And heore four wives þe mid heom weren on archen.
 Lagamon gon liðen wide gond þas leode;
 And biwon þa æðela boc þa he to bisne nom. 15
 He nom þa Englisca boc þa makede seint Beda;
 An oþer he nom on Latin þe makede seinte Albin
 And þe feire Austin þe fulluht brou(h)te hider in.
 Boc he nom þe þridde, leide þer a-midden,
 Ða makede a Frenchis clerc, Wace wes i-hoten, 20
 Ðe wel couþe writen, and he heo gef þare æðelen
 Ælienor þe wes Henries quene, þes heges kinges.
 Lagamon þeos boc leide, and þa leaf wende;
 He heom leofliche biheold; liþe him beo Drihten!
 Feþeren he nom mid fingren, and on bocfelle fiede, 25
 And þa soþe word sette togadere,
 And þa þre boc þrumde to are.
 Nu biddeð Lagamon (в тексте рукописи отсутствует вторая половина строки)
 Alcne æðele mon, for þene almi(h)ten Godd,
 Ðet þeos boc rede and leornia þeos runan, 30
 Ðat he þeos soðfeste word segge tosumne
 For his fader saule þa hine forð brouhte,
 And for his moder saule þa hine to monne i-ber,
 And for his awene saule, þat hire þe selre beo.
 Amen.

(Среднеанглийский текст цит. по: [Fisiak, p. 14–15]; источники примечаний: [Смирницкий, 1953; Fisiak]).

Примечания к тексту.

№ 1 *On leoden* – среди людей, в народе.

№ 2 *Lagamon* – здесь используется символ *g* для обозначения велярного звука. В более позднем тексте рукописи отражен процесс вокализации этого звука, и мы находим форму *Laweman*.

№ 3 *Ernlege* – совр. *Areley (Arley)*, в Вустершире; *at æðelen are chirchen* – в пре-восходной церкви.

№ 4 *Sevarne* – совр. *(the) Severn*.

№ 5 *Radestone* – совр. *Redstone*, в Вустершире. *Per he bock radde* – Там он служил мессу.

№ 7 *þa æðelæp* – благородные дела.

№ 9 *(þa) ærest ahten* – (те, которые) первыми (покорили) и правили.

№ 18 *Austin* – *Augustine*, посланный папой Григорием I в 596 г. в Англию, чтобы обратить англосаксов в христианство (см. текст 7).

№ 22 Генрих II, король Англии 1154–1189, первый король из Плантагенетов, его супруга – Элионора Аквитанская, которой Вас посвятил свой роман.

№ 27 *þrumde to are* – сложил в одну. *Voc* – женского рода, поэтому *are* – дат. пад., ед. ч., ж. р. от *ap*.

№ 34 *þat hire þe selre beo* – чтобы ей (душе) лучше было.

Текст 21

Как уже говорилось, в «Бруте» Лайамона впервые рассказывается на английском языке легенда о короле Артуре. Сам король и рыцари его свиты – образы прототипические, идеальные модели поведения эпохи, ставшие символами рыцарской Англии. Появление Артура связывают с кельтской мифопоэтической традицией прежде всего потому, что он имел реального исторического прототипа кельтского происхождения. Считается, что Артур (некий Амброзий Аврелиан) был военачальником и организатором сопротивления бриттов в период англосаксонского завоевания Британии. Это единственный из бриттов V в., имя которого упоминается в хронике Гильды «О падении Британии», написанной в VI в. (подробнее об этом см. выше, а также: [Комаринец, 2001; Мифы народов мира, 2000]).

По легенде, Артур, утвердил свое владычество над Британией при содействии мага Мерлина, валлийского Мирддина. Он основывает свою резиденцию в Карлионе. Во дворце Артура (Камелоте) установлен Круглый стол (он упоминается уже у Васа), вокруг которого восседают лучшие рыцари короля. Центром зала пиршеств был магический котел, добытый Артуром при путешествии в потусторонний мир. «Закат королевства, гибель храбрейших рыцарей знаменует битва при Камлане, где Артур сражается со своим племянником Мордредом, который в отсутствие короля посягнул на его супругу Гиньевру (валлийск. Гвенуифар)» [Мифы народов мира, с. 109]. Посмотрим, как описывает этот эпизод хроника Лайамона:

Arður for to Cornwale mid unimete ferde	265
Modred þat iherde and him togeines heolde	
Mid vnimete folke; þer weore monie uæie.	
Uppen þere Tambre heo tuhten togadere.	
Þe stude hatte Camelford; euermare ilast þat ilke weorde.	
And at Camelforde wes isomned sixti þusend,	270
And ma þusend þerto; Modred wes heore ælder.	
Þa þiderward gon ride Arður þe riche	
Mid unimete folke, uæie þah hit weore.	
Uppe þere Tambre heo tuhte tosomne,	
Heuen here-marken, halden togadere,	275
Luken sweord longe, leiden o þe helmen.	
Fur ut sprengen, speren brastlien,	
Sceldes gonnen scanen, scaftes tobreken;	
Per faht al tosomne folc vnimete.	
Tambre wes on flode mid vnimete blode;	280
Mon i þan fihte non þer ne mihte ikenne nenne kempe,	
No wha dude wurse no wha bet, swa þat wiðer wes imenged:	
For ælc sloh adunriht, weore he swein weore he cniht.	
Per wes Modred ofslage and idon of lif-dage,	
And alle his cnihtes islage in þan fihte.	285

Arthur went to Cornwall,
 The host with him was countless;
 Modred heard the tidings
 And took his way against him
 With host no man could number.
 Many there were death-doomed,
 By the river Tamar
 The troops came together;
 The place was christened Camelford;
 Forever more shall last that word
 And at Camelford was assembled
 Sixty thousand
 And thousands many more too;
 Modred was their leader.
 Then thitherward went riding
 Arthur the royal
 With army unnumbered,
 Doomed though they all were.
 By the river Tamar

The troops came together;
 Raised their royal standards;
 Rushed there together;
 Long swords locked they,
 Laying blows on helmets;
 Sparks they struck out,
 Spears did rattle;
 Shields were a-shaking,
 Shafts were a-breaking.
 There fought all together
 Folk beyond counting.
 Tamar was a flood
 With measureless blood.
 Of men in the fight there
 Nobody might there
 Distinguish any warrior.
 Nor who did better, who did worse,
 So was that conflict mingled;
 For each struck adown right,
 Were he yeoman, or were he knight,
 There was Modred stricken,
 And life in him did sicken.

(Среднеанглийский текст цит. по: [ЕМЕVP, p. 155], пер. по: [Helsztynski, p. 116–117]).

Примечания к тексту.

№ 268 Uppen þere Tambre (в рукописи Tanbre) – в комментариях к тексту в ЕМЕVP констатируется, что в ранних легендах Артуровского цикла присутствует название Samlann. У Васа находим: «Juste Camble/Cambre/Tambre», в вариантах у Васа в средневековом тексте плохо различаются символы с- и t-.

№ 269 Camelford – место, которое отождествляется с Камелотом (Camelot) в других романах Артуровского цикла.

Несмотря на то, что источник данного произведения норманнский, при переводе автор пользовался исконной англосаксонской лексикой, в том числе и для передачи реалий в русле новой системы ценностей (впрочем, былого обилия англосаксонского поэтического вокабуляра здесь мы уже не найдем). Иногда это словоформы, продолжающие древнеанглийские, которые представляют, на первый взгляд, сходные с архаическими мотивы: войны, славы, верности, бога, короля, смелости, радости и т. д. Сюда можно отнести такие слова в тексте романа, как: *dugeðe* «придворные, рыцари»; *fihten* «сражаться»; *bald* «смелый»; *win* «радость»;

treowe «верный»; *geftes, madmes* «дары, вознаграждение, богатства»; *blisse* «блаженство»; *domes waldend, Drihten* «бог».

Но эти перекликающиеся с архаическими мотивы, иногда представленные теми же лексическими единицами (правда, с несколько измененной понятийной базой), совершенно по-новому организованы на основе иных ассоциативных связей. Поэтому прежние ассоциации, несмотря на наличие сходных мотивов, не воспроизводятся, хотя оптимальным способом представления формирующейся новой концептосферы остается англосаксонская субстантная база.

Вероятно, основными ценностями эпохи, цементирующими всю парадигму, были служба и верность. В связи с этим отрицательный мотив нарушения обета верности, измены (*swikedome*) стал темой многих произведений того времени, в том числе и «Брута» Лаямона, в той его части, где описываются события из жизни короля Артура. Лексические способы выражения концепта «вознаграждение за службу и верность» по-прежнему разнообразны, но центральным элементом здесь становится *lond*, земельный надел – основная награда, от размера которой в жизни вассала зависело многое.

В основном сходные с прежними мотивы представлены англосаксонскими же элементами, но лишены коннотаций, типичных для прежних архаических ассоциаций. Так, например, для обозначения «смелости» уже не находим прежних *mod, modig*, но довольно часто встречается *ohte* (A.S. *ahht*), иногда с оттенком «пригодный для битвы», или *snelle* (A.S. *snell*):

mine beornes ohte (178) 'my brave warriors' (EMEVP); *Pa to uihte oht weoren, wepnen to beren* (260) 'who were fit for battle, to bear weapons' (EMEVP, p. 155); *Per weoren ofslage alle pa snelle Arðures heredmen* (287) 'There were killed all Arthur's brave retainers' (EMEVP, p. 156).

Совершенно новый мотив куртуазности в «Бруте» представлен англосаксонскими словами *fæir* (*fæir cniht*) и *hendeliche*:

Hengest swiðe hendeliche cwemde þan kinge (277) 'Hengest pleased that king very courteously' (Spec.of EE, p. 74); *Heo comen in to halle hendeliche alle* (197) 'They all went courteously into the hall' (Spec.of EE, p. 72).

Военная сфера и здесь вне конкуренции. Однако на фоне абсолютного большинства англосаксонских (часто прежних) элементов появляются и новые (из разных источников), в основном это наименования статуса людей, занятых военной службой.

Nu was sum forcuð *kempe* (warrior, soldier. O.E. *cempa*) in Arðures *ferde* (army. O.E. *ferd*); Anæn swa he demen iherde of Modredes dede, he nom his

swein (attendant of a knight, servant. O.N. *svein-n*) aneouste and sende to þissen londe... (125, EMEVP, p. 150); He hehte alle his *þeines* and *aðele* his *cnihte* fon somed to *fihten* and his ueond auallen (206, EMEVP, p. 153). *þeines* 'royal servants, thanes, nobles' (O. E. þein). Cf.: с 98 выше; *aðele* 'noble' (O. E. *æðele*); *cniht* 'knight' (O. E. *cniht* 'boy, servant').

В наиболее ярком виде новая этнокультурная доминанта предстает перед нами в текстах XIV в., в частности в произведениях Дж. Чосера.

Текст 22

Джеффри Чосер

Кентерберийские рассказы

Дж. Чосер был придворным пажом и поэтом. Его дед и отец были лондонскими виноторговцами. В целом судьба Чосера и жизненный путь – иллюстрация к тому, как могла развиваться из недр аристократического общества буржуазная семья в Англии. Будучи оруженосцем Эдуарда III, а затем Ричарда II, он занимал ряд важных административных должностей и всегда вознаграждался своими королями, а позднее их преемником Генрихом IV. Его женитьба также была удачной, достаточно упомянуть тот факт, что свояченица Дж. Чосера была женой Джона Гонта, могущественного сына Эдуарда III и отца Генриха IV. Чосер, будучи при дворе, несомненно разговаривал по-французски, однако он раньше многих других поэтов, появившихся в Англии после Норманнского завоевания, начал писать по-английски.

Сюжет «Кентерберийских рассказов» – паломничество (у Чосера – к святым мощам Томаса á Бекета в Кентербери) – в принципе, не нов для средневековых произведений. Герои (паломники) должны были по пути от Лондона до Кентербери и обратно рассказать по два рассказа каждый. При жизни Чосер не успел завершить свое произведение, но и в дошедшем до нас тексте проявилась вся мощь его таланта. С языковой точки зрения это произведение особенно значимо в силу того, что Чосеру удалось объединить в нем самые различные по жанру и стилю рассказы, придав каждой из традиционных форм особенное звучание в устах своих персонажей. Самое ценное для историка языка – речевые портреты персонажей. В прологе к «Кентерберийским рассказам» автор рисует показательные портреты своих героев, каждый из которых представляет определенное сословие (иногда и субэтнос) в иерархии современного Чосеру общества. Внимательное изучение текстов Чосера может многое дать лингвисту, которого интересует ценностная составляющая английского общества XIV в. Заметим, что к XIV в. серьезные структурные изменения в этнической системе англичан стали свершившимся фактом. У потомков норманнских феодалов было достаточно поводов для ощущения своей этнической близости с коренными англичанами. Правда, процесс ассимиляции занял несколько веков. По свидетельству историков, «норманнский правящий

класс начал реально смешиваться с саксами и считать себя скорее англичанами, чем французами, только после того, как король Джон потерял Нормандию в 1204 г.» [McDowall, 1997, p. 37]. Войны Эдуарда во Франции в течение длительного времени усиливали это ощущение. Как бы то ни было, но к XIV в. англо-норманнский субэтнос заметно заявлял о себе в этнической культуре Англии. Именно поэтому XIV век в Англии стал веком господства рыцарской культуры, прижившейся на английской почве. Не кто иной, как Эдуард III (1327–1377) и его старший сын, получивший прозвище «Черный принц», считались в то время живым воплощением духа рыцарства, образцами мужества в битве и куртуазности манер в мирное время [Ibid., p. 43–45]. Один только небольшой сюжет из жизни английского общества периода правления Эдуарда III красноречиво свидетельствует об актуальности рыцарских ценностей перед началом Столетней войны между Англией и Францией: «Что же касается рыцарских классов, на которые должна была лечь основная тяжесть войны, ...они жаждали доказать на поле боя тот героизм, который так часто выказывали на рыцарских турнирах. ...И в присутствии своих жен сорок молодых рыцарей-вассалов, все с шелковыми повязками на одном глазу, поклялись никогда не снимать их до тех пор, пока они не совершат какое-нибудь рыцарское деяние во Франции» [Брайант, 2001, с. 258–259]. Желая основать рыцарское братство (орден) по образцу Артуровского, Эдуард, считавший, что он превзошел победы легендарного короля, посвятил этот орден покровителю всех христианских воинов – Св. Георгию. «И в качестве символа и имени Ордена король, галантный в будуаре так же, как и на войне, избрал дамскую подвязку, которую случайно обронила на балу в Кале самая прекрасная женщина Англии, принцесса Джоанна Кентская. Как гласит молва, когда Эдуард обвязал ею свое колено, он произнес бессмертные слова: 'Honi soit qui mal y pense' (Пусть будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает). Спустя два месяца после возвращения из Кале он заказал для себя и первых рыцарей Ордена двенадцать подвязок королевского голубого цвета, украшенных словами и крестом Св. Георга. Это собрание 'рыцарей голубой Подвязки', состоящих из 'храбрейших людей королевства' и посвятившее себя стремлению к 'правде и чести, свободе и учтивости', в которую входила и учтивость по отношению к женщине, сделалась моделью практически каждого европейского рыцарского ордена» [Там же, с. 291].

В XIV в. сложился не только яркий прототип этнокультурной доминанты на новом витке этногенеза, но и дали о себе знать ростки будущего развития в пространстве этой категории, на основе уже вновь сложившегося прототипа. Эти ростки были связаны с появлением таких новых субэтнических групп, как торговый люд и городские ремесленники из числа свободных людей. Сказывались также и серьезные изменения в среде священнослужителей. Все эти процессы отразились в портретах Чосеровских паломников в прологе к «Кентерберийским рассказам».

Остановим свое внимание на описании первых трех героев – Рыцаря, Сквайра и Йомена.

A Knight ther was, and that a worthy man
 That fro the tyme that he first bigan
 To ryden out, he loved chivalrye,
 Trouthe and honour, fredom and curteisye.
 Ful worthy was he in his lordes werre,
 And therto hadde he riden, no man ferre,
 As wel in Cristendom as hethenesse,
 And ever honoured for his worthinesse. 50

At Alisaundre he was, whan it was wonne;
 Ful ofte tyme he hadde the bord bigonne
 Aboven alle naciouns in Puce;
 In Lettow hadde he reysed and in Ruce,
 No Cristen man so ofte of his degree;
 In Gernade at the sege eek hadde he be
 Of Algezir, and riden in Belmarye;
 At Lyeys was he, and at Satalye,
 Whan they were wonne; and in the Grete See
 At many a noble armee hadde he be. 60
 At mortal batailles hadde he been fiftene,
 And foughten for our feith at Tramissene
 In listes thryes, and ay slayn his fo.
 This ilke worthy Knight had been also
 Somtyme with the lord of Palatye,
 Ageyn another hethen in Turkye:
 And evermore he hadde a sovereyn prys.
 And though that he were worthy, he was wys,
 And of his port as meke as is a mayde.
 He never yet no vileinye ne sayde 70
 In al his lyf, unto no maner wight.
 He was a verray, parfit, gentil knight.
 But for to tellen yow of his array,
 His hors were gode, but he was nat gay.
 Of fustian he wered a gipoun
 Al bismotered with his habergeoun;
 For he was late y-come from his viage,
 And wente for to doon his pilgrimage.

With him there was his sone, a yong **Squyer**,
 A lovyere, and a lusty bachelor, 80
 With lokkes crulle as they were leyd in presse.
 Of twenty yeer of age he was, I gesse.
 Of his stature he was of evene lengthe,

And wonderly deliver, and of greet strengthe.
 And he had been somtyme in chivachye,
 In Flaundres, in Artoys, and Picardye,
 And born him wel, as of so litel space,
 In hope to stonden in his lady grace.
 Embrouded was he, as it were a mede
 Al ful of fresshe floures, whyte and rede. 90
 Singinge he was, or floytinge, al the day;
 He was as fresh as is the month of May.
 Short was his goune, with sleves longe and wyde.
 Wel coude he sitte on hors, and faire ryde.
 He coude songes make and wel endyte,
 Juste and eek daunce, and well purtreye and wryte.
 So hote he lovede, that by nightertale
 He slepte namore than dooth a nightingale.
 Curteys he was, lowly, and servisable,
 And carf biforn his fader at the table. 100
 A **Yeman** hadde he, and servaunts namo
 At that tyme, for him liste ryde so;
 And he was clad in cote and hood of grene;
 A sheef of pecok-arwes brighte and kene
 Under his belt he bar ful thriftily;
 Wel coude he dresse his takel yemanly:
 His arwes drouped noght with fetheres lowe;
 And in his hand he bar a mighty bowe.
 A not-heed hadde he, with a broun visage.
 Of wode-craft wel coude he al the usage. 110
 Upon his arm he bar a gay bracer,
 And by his syde a swerd and a bokeler,
 And on that other syde a gay daggere,
 Harneised wel, and sharp as point of spere;
 A Cristofre on his brest of silver shene;
 An horn he bar, the bawdrik was of grene.
 A forster was he, soothly, as I gesse.

There was a **Knight**, a valiant man,
 Who, from the time when he had first begun
 To venture out, had loved chivalry,
 Truth and honour, liberality and courtesy.
 He had proved his worth in his lord's wars,
 In which he had ridden as far as any man,

both in Christendom and in heathen lands,
and he had always been honored for his valor.

He was at Alexandria when it was won;
Many times he had sat at the head of the table
In Prussia, above knights of all nations;
He had campaigned in Lithuania, and in Russia,
More often than any other Christian man of his rank;
He had also been in Granada at the siege
Of Algeciras, and had fought in Benmarin.
He had been at Lias and at Attalia
When they were won; and he had sailed upon
The Mediterranean with many a noble host.
He had been in fifteen mortal battles,
And fought for our faith at Tlemcen
Three times in tournaments, and always slain his foe.
This same worthy knight had also been
At one time with the lord of Balat,
Against another heathen in Turkey:
And always he had won the highest honor.
Although he was valiant, he was prudent,
And bore himself as meekly as a maiden;
Never in all his life had he been
Rude to anyone at all.

He was a true, perfect, gentle knight.
But to tell you about his array –
His horses were good, but he was not gaily dressed.
He wore a fustian tunic,
Much stained by his hauberk;
For he had just come back from his expedition,
And was on his way to make his pilgrimage.

With him was his son, a young Squire,
A lover, and a gay youth on his way to knighthood,
With locks as curly as if they had been pressed.
He was about twenty years old, I guess;
He was of normal height
And wonderfully agile, and of great strength.
He had been on cavalry expeditions for a while –
In Flanders, in Artois, and in Picardy –
And in this short time he had borne himself well,
In the hope of winning his lady's favor.
His clothing was embroidered so as to look like a meadow

All full of fresh flowers, white and red.
He sang or fluted all the day long;
He was as youthful as the month of May.
His gown was short, with long, wide sleeves.
He knew how to sit his horse well, and ride beautifully;
He could compose songs and poems,
Joust and dance, too, and draw and write.
So hotly did he love that at night
He slept no more than a nightingale.
He was courteous, humble, and serviceable,
And carved for his father at the table.

A Yeoman was also with the Knight, and no other servants
at the time (so it pleased him to ride);
the yeoman was dressed in a coat and hood of green;
beneath his belt he carefully carried a
sheaf of bright, keen peacock-feathered arrows
(well did he know how to take care of his equipment:
his arrows never drooped with tired feathers!)
and in his hand he carried a mighty bow.
He was a brown-faced man, with a close-cropped head.
He knew all there is to know about woodcraft.
On his arm was a fine wrist guard,
And by one side a sword and shield;
On the other, a bright dagger,
Well mounted and sharp as the point of a spear.
A silver Christopher medal shone on his breast;
He carried a horn, with a green baldric.
I suppose that he must have been a forester.

(Среднеанглийский текст и пер. цит. по: [Bantam, p. 4–7])

Примечания к тексту.

№ 51 Alisaundre – Alexandria – была завоевана в 1365 г. Эта и другие упомянутые в тексте кампании были военными кампаниями против «неверных».

№ 56–57 Gernade – Granada – речь идет о кампании 1344 г., закончившейся завоеванием у испанских мавров города Algezir – Algeciras.

№ 57 Belmarye – Benmarin – предположительно местечко или королевство в Южной Африке.

№ 58 Lyeys – Lyas – расположен возле Антиохии, отвоеван у турок в 1367 г.

№ 62 Tramissene – Tlemcen – предположительно какое-то местечко или королевство в Африке.

№ 63 in listes thryes – три раза в рукопашной схватке один на один (как боец, представляющий свою сторону).

№ 86 – упомянутые в этой строке географические названия ассоциируются с так называемым «крестовым походом» 1383 г., который носил характер грабительской вылазки в близлежащие территории, не имевшие ничего общего с «неверными». Возможно, это намек на отсутствие серьезного военного опыта у персонажа.

Симптоматично, что Чосер начинает описание паломников с центральной для его эпохи фигуры – Рыцаря. Рыцарь (Knight), Сквайр (Squier) и Йомен (Yeman) – это три типа, представляющие собой три ступени в социальной иерархии, возникшие в период господства новой этнокультурной доминанты. Все они воины и свободные люди, владельцы земельных наделов, живущие за счет доходов от своей земли.

После прочтения текста Чосера становится очевидным, что в языке этого периода активно проявлялось англо-норманнское наследие, в особенности в лексике, ассоциировавшейся с этнокультурными доминантами. Вероятно, элементы французского происхождения входили в эту подсистему примерно с середины XIII в., ведь в тексте начала XIII в. мы не обнаружили заметного французского лексического влияния в обозначении ценностей новых доминант.

Однако в лексике, описывающей куртуазную доминанту эпохи рыцарства (в том виде, в котором она представлена у Чосера), находим уже достаточное количество французских заимствований, причем им отводится роль центральных символов. Ничего необычного в этом нет, потому что родиной куртуазности являлась именно Франция, и в эпоху наиболее ощутимого влияния новой концептосферы на характер поведения англичан, видимо, использование французских по происхождению слов стало самым оптимальным способом языкового представления категоризованного в этой концептосфере этнического опыта. Впрочем, лексические единицы англосаксонского происхождения не спешили уступать свои позиции. Последнее обстоятельство позволило Дж. Хьюзу утверждать, что с точки зрения сочетания разнорегистровых элементов портрет Рыцаря основан на «гармоничном балансе между напористостью (doughty) англосаксонских и утонченностью (courtly) французских элементов» [Hughes, 1989, p. 58].

В результате французского влияния в обозначении новых куртуазных ценностей особенно заметно преобразились названия, представляющие военную сферу. Здесь «баланс» англосаксонских и французских элементов в описании трех упомянутых выше героев выглядит следующим образом ¹³:

---

¹³ Значения и происхождение среднеанглийских слов трактуются по: [A Chaucer Glossary / Comp. by Norman Davis et al. Oxford, 1979].

Англосаксонские слова

winnen 'win'
foughten 'fought'
foo 'enemy'
hors 'horse'
arwes 'arrows'
 a *mighty bowe* 'a mighty bow'
spere 'spear'
 a *swerd* 'sword'

Французские слова

werre 'war' (ONF)
sege 'siege'
mortal batailles
a noble armee
habergeoun 'coat of mail'
a bokeler 'small shield'
chevachie 'a military expedition'
 ?*daggere* 'dagger'

Центральные символы-наименования, описывающие базовые ценности рыцарской культуры и группирующие микропарадигмы наименований моральных и в целом поведенческих характеристик воинов нового типа, довольно равномерно представлены англосаксонскими и французскими лексическими единицами. Например:

Англосаксонские и скандинавские слова

worthinesse 'valor' – *worthy*
 'brave, valiant'
trouthe – 'loyalty, constancy, veracity, righteousness'
fredom – 'liberty, nobleness, generosity'
greet strengthe
wys – 'prudent'
lusty – 'cheerful, pleasant, vigorous, gallant, brave'
meke (O.N.) – 'meek'
lowly (O.N.) – 'humble'

Французские слова

chivalrye – 'knighthood, knightly pursuits, deeds'
curteisye – 'courtly conduct, good manners, civility, graciousness, kindness'
 – *curteys*
honour – '(the quality of) honour, fame, reputation, glory, respect'
verray – 'true, loyal, real, faithful'
gentil – 'noble, well – bred'
servisable – 'ready to serve, willing' – *servyse*
 'service, serving'

Отрицательный мотив – антипод рыцарских качеств, тоже французское слово – *vileinye* – 'shame, dishonour, evil, vice, boorishness; discourteous, offensive words'.

Доказать свою смелость (*worthinesse*) и заслужить славу (*honour*) рыцарь может в войне его лорда (*his lordes werre*), в битвах за христианскую веру (*for our feith*). Он может получить вознаграждение (как правило, это земля) за свой ратный труд и верность лорду. Часто военная служба лорду уже была платой за арендуемую землю. Арендовать ее рыцарь мог пожизненно, с правом передачи земельного участка по наследству. За завоеванные новые земли для своего лорда он получал и

больше земли. Англия после Норманнского завоевания стала собственностью нового монарха и была поделена на 60 000 рыцарских наделов (*knights' fees*). За каждый надел нужно было предоставить рыцаря на королевскую службу. Король же давал больше земель тем, кого более других ценил [Saunders, 1889, p. 36].

Таким образом, и в этнокультурной доминанте новой этнической эпохи находится место для слова *fee* (ср. др.-англ. *feoh*). Среднеанглийское *fee* как вознаграждение за службу ассоциируется с *lond*, за которую нужно платить. Примечательно, что в развитии семантической структуры этого слова (совр. *fee*) имело место взаимовлияние англо-норманнской и германской традиции на уровне одной лексической единицы. Дело в том, что в семантическом развитии к современному *fee* («наследуемое поместье → плата за него → установленная денежная компенсация») усматривают влияние англо-французского *fee*, которое, в свою очередь, явилось результатом заимствования и развития в романских языках общегерманского корня *fehu* (ср. др.-англ. *feoh*). В современном языке *fee* полностью уходит в сферу экономических (денежных) отношений, закрепившись в значении «денежная компенсация за услуги профессионала» [Partridge, 1978, p. 205]. Этот тип специализации значения Дж. Хьюз называет *монетаризацией* (*monetarization*) и связывает с ростом капиталистических отношений¹⁴ [Hughes, 1989, p. 72]. В этом новом значении *fee* встречается уже у Чосера, но на протяжении среднеанглийского периода оно могло использоваться и в устаревшем теперь значении «(личная) собственность».

Сильно влияние англо-норманнского субстрата и в лексико-семантическом поле слов, называющих статус. В отрывке из текста Чосера находим, например:

Англосаксонские слова

Lord
Knight

Yeman

Французские слова

Squyer (O.F. *esquier*)
Bachelor 'young man, knight
of rank below baronet'

Статус сквайра был лишь ступенью в ходе военной подготовки на пути к полной рыцарской «карьере». Сквайр мог выполнять функцию оруженосца рыцаря, но при рыцаре могло быть несколько сквайров с различными обязанностями. В дальнейшем, с выходом в инерционную фазу этнического развития, когда отпала необходимость всех мужчин принуждать к войне, сквайры и рыцари осели в своих поместьях и превратились в мирных зажиточных эсквайров, а йомены – в свобод-

¹⁴ Л. Н. Гумилев усматривает в росте товарно-денежных отношений (когда набирают силу «торгаши») в западноевропейской суперэтнической системе признак перехода к инерционной фазе этнического развития, так называемой «фазе цивилизации», когда пассионарии направляют свою энергию в относительно безопасную для жизни деятельность [Гумилев, 1994б, с. 506].

ных фермеров, из которых, по мнению Джона Сандерса, вырос современный средний класс [Saunders, 1889, p. 48–50].

§ 2. Французский (романский) субстрат и его наследие в языке

Описанные выше внешние по отношению к системе языка факторы, связанные с вхождением французского субстрата в этническую систему, в совокупности своей предопределили судьбу английского языка в его борьбе за выживание. По всей видимости, выбор английского языка задан необходимостью сохранения наиболее адекватного кода базисной семиосферы обновленной этнокультурной традиции. Естественно, что наложение этногенезов не прошло бесследно и отразилось в языке в появлении значительного в количественном и функциональном плане французского наследия. Целые подсистемы испытали на себе влияние этого наследия, в особенности ощутимым оно было в лексико-семантических процессах и подсистеме лексической номинации в целом. Это вербальное наследие позволило языковой системе добиться наиболее оптимального способа представления обновленной этнокультурной традиции.

Мы уже имели возможность убедиться в том, что языковые процессы, отражающие категоризацию этнического опыта, вербализацию вновь обретенной семиотики смыслов, несколько отстают от этнических изменений. Так было и с вхождением французского лексического наследия, и с его упорядочением в лексической системе английского языка. Известно, что период наиболее интенсивного французского влияния очерчен О. Есперсеном в пределах среднеанглийского – с 1200 по 1400 гг. Свыше 40 % всех французских слов появляется в английском языке именно в это время [Vaugh, Cable, 1978, p. 177–178].

Важным фактором, ускорившим ассимиляцию французских слов, являлось совпадение интенсивной ассимиляции французского лексического слоя в среднеанглийском языке с наиболее активными процессами формирования доминанты типологических преобразований в сторону корнеизоляции, агглютинации и аналитизма. Отметим, что 75 % всех французских слов, заимствованных в этот период, продолжает использоваться и в современном английском языке [Ibid., p. 178]. Вероятно, это связано с тем, что большая часть таких слов все же включилась в процесс формирования носителей развития типологической перестройки или, по крайней мере, подверглась индуцирующему влиянию германских продуктивных типов в языке. Безусловно, у моносиллабов было больше шансов включиться в ядерные процессы, отсюда и высокие ядерные показатели этого слоя французских заимствований в современном английском языке. Среди слов с более сложной структурой больше шансов на вхождение в ядро и участие в типологически активных процессах имели относительно ранние заимствования, подвергшиеся воздействию фонетической редукции. Несомненно, структура слов была хотя и решаю-

щим, но не единственным фактором, предопределившим судьбу конкретных французских заимствований.

На отбор конкретных лексем воздействовали семантические и функционально-стилистические процессы. Период с 1250 по 1400 г. отмечается тем, что в это время английский язык вытеснял французский. Данный процесс означал повышение *разнорегистровой* функциональной нагрузки английского языка и прежде всего касался возврата английской речи в сферы формальных регистров общения. Но и сами участники общения, и их ценности за это время, как мы видели, сильно изменились. Поэтому оптимальность используемого языкового кода в новых условиях создавалась путем подбора более адекватного субстантного материала для овнешнения семиотики жизни новых англичан с их новыми этнокультурными доминантами, социальными институтами и стереотипами поведения. Так, по мере необходимости, англосаксонские лексические единицы могли заменяться французскими (например: др.-англ. *aethele* на фр. *noble*; др.-англ. *dema* на фр. *judge*; др.-англ. *lof* на фр. *graise* и т. п.); иногда имели место изменения в семантической структуре англосаксонских слов, что особенно ярко проявилось в создании новых синонимических групп (см., напр.: др.-англ. *might* и фр. *power*).

Исследователями замечено, что французские заимствования особенно многочисленны в определенных сферах. Это наименования в сфере управления и социальной иерархии, церковная, юридическая, военная лексика, слова, имеющие отношение к моде, пище, особенностям быта и общественной жизни высших слоев общества в Англии, проживавшей вместе с западноевропейской суперэтнической системой акматическую фазу. Отсюда и высокие показатели регистровых ограничений на использование этих слов, особенно полисиллабов. Для многих из них изначально существовавшие регистровые ограничения сделали невозможным проникновение в ядро. Сегодняшние *регистровые ограничения* на использование французских заимствований – это тоже своего рода *код*, несущий в себе для историка информацию о *функциональном назначении англо-норманнского субэтнуса* как подсистемы в этнической системе англичан. А этот субэтнос выполнял очень существенную функцию организации управления и координации политических, военных, религиозных, хозяйственно-экономических, судебных, образовательных этносоциальных структур, т. е. всего блока институтов управления.

§ 3. Выводы

Учитывая теоретические посылки, изложенные в первом разделе, и обобщая наши наблюдения по текстам, можно с уверенностью сказать, что в диахронии под воздействием внешнего фактора имела место постоянная структурная реорганизация и перегруппировка субстантного материала в лексико-семантической подсистеме английского языка, его адаптация в новых функциональных координатах. Наиболее очевидными для наблюдателя эти процессы были в лексико-

семантических подсистемах. Эта перестройка, по всей видимости, была направлена на *сохранение оптимальности лексической подсистемы как кода, ответственного за этнокультурную самоидентификацию носителей языка*. В условиях наложения этногенезов после Норманнского завоевания категоризация этнического опыта пошла таким путем, что на базисном уровне семиотика новых этнокультурных доминант развивалась на основе исходного кластера категорий в русле англосаксонской этнической традиции. Иными словами, кумуляция (накопление) знаков и интериоризация вновь обретенного опыта контактов на межэтническом, а потом и внутриэтническом (субэтническом) уровнях осуществлялись на основе стержневых матриц сложившегося ранее англосаксонского этнокультурного типа. Поэтому оптимальность лексико-семантического кода (как и языкового кода этнического опыта в целом) могла быть достигнута путем сохранения генетического тождества лексико-семантической подсистемы самой себе. По всей видимости, это была основная причина сохранения английского языка в Англии после Норманнского завоевания.

Однако в ходе адаптации системы английского языка к воздействию внешнего фактора было утрачено значительное количество германского лексического материала. Компенсация этих количественных потерь и сохранение генетического тождества лексической подсистемы самой себе были достигнуты следующим образом:

1) путем повышения функциональной нагрузки оставшихся англосаксонских лексических единиц в системе языка; этот процесс сопровождался формально-структурным упрощением оболочек слов с одновременным усложнением их семантической структуры, что, в свою очередь, повлекло за собой изменение техники соединения носителей значений;

2) путем интенсивного пополнения германской лексической базы семантически и структурно близкими скандинавскими заимствованиями, органично вписавшимися в типологическую перестройку и поддержавшими ее; приблизительно 66 % от общей функциональной нагрузки ядра выполняется германскими по происхождению словами;

3) структурно-функциональным уподоблением ранних французских (романских) заимствований германскому ядру.

Таким образом, противопоставляя заимствованные слова германскому лексическому слою, необходимо иметь в виду, что все же около 34 % ядерных лексем в современном английском языке представляют французское вербальное наследие, появление которого в ядре оправдано, пожалуй, только воздействием внешнего (этнического) фактора, поскольку этот лексический слой отражает категоризацию этнического опыта на суб- и суперэтническом уровнях.

Часть III ОПИСАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Глава I Типологически релевантные процессы в истории фонологической подсистемы английского языка

§ 1. Единицы анализа на сегментном и просодическом (суперсегментном) уровнях

Функциональное назначение единиц фонетического уровня заключается в том, чтобы выступать в качестве *смыслоразличительных элементов* в составе смысловых единиц (носителей значений) иных уровней. Поэтому единицы этого уровня должны быть организованы в языке на основе четкой противопоставленности друг другу по определенным системно значимым и закрепленным в сознании носителей языка признакам. На фонетическом сегментном уровне в качестве единиц анализа звучащей речи рассматриваются *звуки*, а на фонологическом – их абстрактные представления в языке, обобщенные модели инвариантных кластеров смыслоразличительных признаков, которые называют *фонемами*. Например, фонема *t* может реализовываться в многочисленных звуковых воплощениях в конкретных речевых сегментах. Эти звуковые воплощения могут быть сведены к нескольким типам, в каждом из которых распознаются признаки смычности, взрывности, глухости, альвеолярности, т. е. минимальный набор признаков, делающих звуковой вариант фонемы *t* узнаваемым. Однако наличие или отсутствие придыхания не рассматривается как фонемообразующий признак, поскольку он никак не изменяет смысл слова в различных его речевых употреблениях, содержащих эти звуковые варианты фонемы, как в случае с *ten* [ten] [t^hen]. Инвентарь фонем выводится на основе анализа так называемых минимальных пар смысловых единиц (носителей значений), в которых эти фонемы выполняют смыслоразличительную функцию. Ср., например: *ten* – *pen* в современном английском, а также *sōþ* «истинный, истина» и *sūþ* «юг» в древнеанглийском, которые различаются парами [t – p] и [ō – ū] соответственно.

Отношения между фонемами в языке описываются в терминах фонологических *оппозиций*, обычно основанных на том или ином *различительном признаке* (признаках). Так, в приведенных выше примерах [ō – ū] находятся в оппозиции по признаку подъема (среднего подъема и высокого), а также ряда (смешанного и заднего).

Напротив, [ten] и [t^hen] смыслоразличительную минимальную пару образовать не могут, неслучайно носители языка попросту не слышат придыхания, не идентифицируют его как особый признак. Таким образом, там, где подмена одного звука другим в составе словоформ не ведет к трансформации смысла, речь следует вести об *аллофонах* одной и той же фонемы. Как правило, они встречаются в разном синтагматическом окружении, т. е. зависят от условий этого окружения (см. случай с [t – t^h], где придыхание возникает только в позиции звука в качестве слоговой инициали). На основе анализа устойчивых оппозиций можно вывести принципы классификации звуков в рассматриваемом языке. Поскольку современные лингвисты-историки могут только смоделировать (хотя и с относительно высокой степенью точности) речь древних англичан в своем воображении, невозможно утверждать наверняка, какие именно фонемы и в каких вариантах были присущи древнеанглийской системе на всех ее участках и во всех диалектных вариантах.

Из табл. 1 можно судить о принципах формирования оппозиций зафиксированных в текстах древнеанглийских гласных в сравнении с готскими на фоне реконструированного состояния прагерманского вокализма.

Гласные в древнеанглийском языке поддаются классификации с учетом следующих принципов:

1) движение языка в вертикальной плоскости в полости рта служит основой для оппозиции по подъему (раствору), где [i], [y], [u] и их долгие корреляты [i:], [y:], [u:] – гласные высокого подъема, т. е. узкие, закрытые; [æ], [α], [æ:], [α:] – гласные низкого подъема, т. е. широкие, открытые; [e], [o], [e:], [o:] – гласные среднего подъема;

2) движение языка в горизонтальной плоскости в полости рта (оппозиции по ряду). [i], [e], [æ] – гласные переднего ряда; [u], [α], [o] – гласные заднего ряда; [y] – смешанного ряда; аналогичным образом противопоставляются и долгие монофтонги;

3) огубленность-неогубленность (лабиализованные – нелабиализованные);

4) протяженность (долгота – краткость);

5) количество и состав элементов – дифтонги и монофтонги.

Таблица 1

Древнегерманский вокализм (ударные гласные)

Прагерманское состояние			Готский (с. IV)			Древнеанглийский (с. X) ¹		
Краткие			Краткие			Краткие		
[i]		[u]	[i]		[u]	[i]	[y]	[u]
[e]	–		[ɛ]		[ɒ]	[e]	[(œ)]	[o]
	[α]		–	[α]		[æ]		[α]
Долгие			Долгие			Долгие		
[i:]		[u:]	[i:]		[u:]	[i:]	[y:]	[u:]
[e:]		[o:]	[e:]		[o:]	[e:]		[o:]
	–		–	[α:]		[æ:]		[α:]
Дифтонги			Дифтонги			Дифтонги		
						[ea], [eo], [io], [ie]		
[ɑi], [ɑu], [eu]			[ɑi], [ɑu], [iu]			[ea:], [eo: (io:)], [ie:]		

¹ [y] произносился как немецкий [ü]. Звуки [y, y:] могли быть неустойчивыми и чередовались с [i, i:], продуктами монофтонгизации неустойчивых звуков [ie, ie:]. Ср.: *nieht, niht, puht* «ночь».

[æ] появлялось в закрытом слоге или в открытом перед гласным переднего ряда, перед гласным заднего ряда, напротив, появлялось [α]. Ср.: *dæz – dazas*.

В *tapp, topp*, вероятно, как считают фонологи, приходится иметь дело скорее с фонемой [o], чем с [α]. Однако в позднеуэссекском диалекте звук приближается к [α] [Hogg, 1998, p. 86]. Иногда его обозначают в учебной литературе как [â]. Этот звук встречается только перед *п* и *т*.

Краткие дифтонги [ea], [eo], [io], [ie] были неустойчивыми образованиями, их существование было обусловлено ассимилятивными фонетическими процессами преимущественно внутри древнеанглийского периода, которые к тому же неравномерно проявляли себя в различных диалектах (см. ч. III, гл. I, § 2). Одно время историки вели оживленные дискуссии о происхождении и статусе тех образований, которые обозначались диграфами *ea, eo, io* в древнеанглийских текстах (см., например: [Kuhn, Quirk, 1953]). Наиболее обоснованной нам представляется «классическая» точка зрения, которая, оперируя сведениями о зафиксированных в текстах словоформах и указывая на аллофонное происхождение кратких дифтонгов, тем не менее, доказывает наличие фонетико-фонологических различий между краткими дифтонгами и монофтонгами, чьими аллофонами они изначально были в период своего обусловленного фонетическими условиями возникновения (подробнее об этом см.: [Ibid.]). Видимо, краткие дифтонги характеризовались неустойчивым (функционально неоднородным) состоянием в течение древнеанглийского периода. Наиболее адекватное природе этих образований объяснение, не противоречащее «классической» модели, дал В. Я. Плоткин, опираясь на системные фонологические методы с учетом антропофонического фактора [Плоткин, 1976].

Помимо сегментного уровня в фонетико-фонологических исследованиях и описаниях выделяют и так называемый суперсегментный, или просодический, уровень. Этот уровень подразумевает анализ единиц, которые в субстантно-структурном плане больше фонем и могут рассматриваться как мельчайшие просодические единицы. Такими единицами на просодическом уровне выступают *слоги*. Они имеют свою структуру, которая обычно описывается в терминах инициаль (*onset*), рифма (*rhyme*), финаль (*coda*), и могут рассматриваться в зависимости от наполнения каждой из своих частей в количественном плане как сильные («тяжелые»), слабые («легкие») и суперсильные («супертяжелые»). Схематически это можно отобразить следующим образом:

Слог Syllable		
Инициаль Onset	Рифма Rhyme	
	Вершина слога Слогообразующий элемент (ядро) Nucleus	Финаль Coda
C	V	C²
f	æ	t
CC	V	C
st	i	k
C	VV	C
t	ei	k
	VV	CC
	a:	sk
C	VV	CC
f	ai	nd

Рис. 6. Структура слога в английском языке

Слогообразующий элемент образует ядро слогоносителя и обычно является гласным. Слог же формируется как сочетание элементов разной степени звучности. Самые звучные элементы – гласные – способны образовывать слоги сами по себе и в сочетании с другими менее звучными элементами. Следующие за ними по

² Здесь и далее используются традиционные символы C – consonant и V – vowel для простых элементов слога и CC VV – для сложных – сочетаний согласных, дифтонгов или долгих гласных соответственно.

звучности полугласные и согласные сонанты также могут иногда входить в состав слононосителя и образовывать слог. Инициали и финали обычно представлены консонансами – согласными и сочетаниями согласных. В каждом языке есть свои ограничения на тип сочетаний согласных в инициалах и финалях. Роль инициалей и финалей может быть высокой в плане различения типичных для данного языка начал и окончаний словесных (морфемных) оболочек и, таким образом, в плане членимости звукового потока на смысловые отрезки, поскольку слоги непосредственно соотносятся со смысловыми отрезками: минимальные смысловые отрезки речевого высказывания умещаются в границах слога.

По составу рифмы можно определить количественные характеристики слога, а значит, и их значимость в ритмической организации речи. Например, если в рифме слогаобразующий гласный краткий, а финаль состоит из одного согласного, ведут речь о так называемом «легком» слоге (C)VC), как в случае с fat [fæt], stick [stɪk]. Если вершина слога представлена дифтонгом или долгим гласным, а финаль одним согласным, говорят о «тяжелом» слоге (C)VVC), как в случае с take [teɪk]. Если же и финаль, и ядро слога представлены сложными единицами, приходится иметь дело с так называемым «супертяжелым» слогом, как в случае с (C)VVCC: ask [a:sk], find [faind].

В таких корнеизолирующих языках, как китайский, вьетнамский и др., наименьшей смысловозначительной единицей считают не фонему, а *слог*, границы которого обычно совпадают в этих языках с границами морфемы, при этом звуковой состав такого моносиллаба может не изменяться при изменении смысла слова, поскольку смысловое варьирование в этих случаях обеспечивает *тон* (в китайском – ровный, восходящий, нисходяще-восходящий и нисходящий). *Изменение* акустических характеристик *тона* (например, интенсивности) происходит *в пределах рифмы*, а не одного звука, поэтому тон ассоциируется не с гласным, а со слогом в целом, а сам слог обычно в таких случаях рассматривают как минимальную, далее неделимую смысловозначительную единицу фонетико-фонологического (просодического) уровня. В этих случаях *просодему* как каноническую фонологическую единицу в корнеизолирующих языках называют *силлабемой, слогафонемой, моносиллабом, корнеслогом, морфосиллабом, первичной лексемой* в зависимости от того функционального ракурса рассмотрения, который входит в задачи исследователя.

В некоторых языках мельчайшей количественной (ритмической) единицей (просодемой) выступает не слог, а *мора* (см. ниже). В таких языках слог может состоять из нескольких мор (это касается и его частей в зависимости от «тяжести» слога), а в пределах слононосителя может выделяться не одна мора. В частности, моросчитающий характер языка может поддерживаться ударением. Так, в латинском языке ударение в многосложных словах фактически падает на третью от конца слова вокалическую мору (обычно ею оказывается вокалическая мора слононосителя предпоследнего тяжелого слога или последняя вокалическая мора

третьего от конца слога, независимо от его тяжести, если предпоследний слог был легким). Следствием такого положения дел является возможность проводить (на основе количественно-ритмических признаков) разделительную границу не только внутри слога, но и внутри одной фонемы слононосителя.

У фонологов есть серьезные основания для признания древнегерманских языков в период дописьменного их существования *морочитающими*. Если согласиться с такой трактовкой, одновременно принимая во внимание современное состояние фонологической подсистемы, например, английского языка, то напрашивается вывод о том, что в истории этого языка произошла существенная в типологическом плане перестройка от морочитания к развитию морфосиллабизации, которая характеризуется общей *тенденцией к совпадению слоговых и морфемных границ* (подробный историко-системный анализ направленных в эту сторону фонетических процессов в английском диалектном языке можно найти в работах О. А. Бубенниковой [1996–2004]). В качестве переходного состояния в таких случаях называется установление так называемого «плотного контакта» между слогообразующим гласным и финальным консонансом слога, т. е. акустически *плотного примыкания гласного и финали слога*. Это можно рассматривать как один из шагов в сторону развития фонетических тенденций, свойственных корнеизолирующим языкам.

Плотность контакта, вероятно, зависит от характера «контактирующих» звуков. Если рассматривать вслед за О. Есперсеном и Л. Р. Зиндером все типы звуков как континуум по степени нарастания (убывания) в них звучности, то наиболее звучными нужно признать гласные нижнего подъема ([a]). Далее в сторону уменьшения звучности размещаются: гласные среднего подъема ([e, o]), гласные высокого подъема ([i, y, u]), дрожащие сонанты ([r]), боковые ([l]), носовые ([m, n, ŋ]), звонкие щелевые [v, z, ʒ], звонкие смычные [b, d, g], глухие щелевые согласные [f, s, χ] и глухие смычные согласные [p, t, k] [Зиндер, 1979, с. 253]. Ср. с континуумом возрастающей консонантной силы у Хупер (схема приводится по: [Murray, Vennemann, 1983, p. 519]):

				voiced	voiceless	
			fricatives	fricatives,	voiced stops	voiceless
glides	liquids	nasals	fricatives	voiced stops	stops	
1	2	3	4	5	6	

Поскольку плотность контакта подразумевает «усечение» артикуляции гласного последующим согласным, вероятно, степень выраженности консонантности в звуке оказывает влияние на плотность контакта. Именно поэтому и модель континуума звуков, учитывающая их звучность, т. е. степень приближенности к (удаленности от) идеалу консонантности, будет соотноситься с их способностью обеспечивать плотность (и соответственно, наоборот, свободу) контакта. Примерно в том же направлении шли исследования в области слоговой фонологии (syllabic

phonology), посвященные изучению относительной силы (relative strength, в плане способности к оформлению границ слога, т. е. консонантной силы) контактирующих элементов, находящихся на стыке разных слогов (contiguous heterosyllabic segments), и соответственно роли этих элементов в последующих диахронических изменениях. Джоан Байби Хупер) обнаруживает закономерность влияния относительной консонантной силы этих элементов на оформление границ слога [Hooper, 1976], что, на наш взгляд, имеет прямое отношение к историческому преобразованию оболочек ставших со временем моносиллабами древнеанглийских двусложных слов, а значит, и к силе примыкания (плотности контакта) различных элементов их корневой морфемы. Рассматривая выявленные Хупер закономерности, Р. Марри и Т. Веннеман выводят закон предпочтений для контактирующих элементов слогораздела, позволяющий им предложить объяснение дальнейшему развитию слоговых структур в западногерманских, северогерманских языках и в готском, в частности предложить объяснение геминации согласных.

«The Syllable Contact Law (SCL): The preference for a syllabic structure $A^s B$, where A and B are marginal segments and a and b are the Consonantal Strength values of A and B respectively, increases with the value of b minus a .

Corollary: The tendency for a syllabic structure $A^s B$ to change, where A and B are marginal segments and a and b are the Consonantal Strength values of A and B respectively, increases with the value of a minus b » [Murray, Vennemann, 1983, p. 520]³.

Объяснения изменчивости контактирующих слоговых структур базируются на рассмотрении судьбы всех межслоговых консонансов, не соответствующих данному закону.

Следующая важнейшая просодическая характеристика языка – *словесное ударение*. Ударение означает выделение одного из элементов (слога или моры) в структуре слова. Выделение осуществляется разными способами. Например, оно может осуществляться с повышением тона на ударном слоге, а может основываться на большей силе выдоха. В первом случае ведут речь о так называемом *музыкальном* ударении, во втором – о *динамическом* (силовом). Сопоставление данных различных древнеиндоевропейских и современных языков свидетельствует о том, что, вероятно, в древних индоевропейских языках преобладало музыкальное ударение и оно не фиксировалось на каком-то одном слоге (скажем, первом, втором или каком-то ином от конца или начала слова). Исследователи древнегерманских языков считают, что в прагерманскую эпоху ударение в германских диалектах могло также быть свободным. Об этом свидетельствует, в частности, содержание

³ Иными словами, степень предрасположенности фонетических оболочек *двусложных древнегерманских слов* к дальнейшим изменениям в диахронии, а также характер этих изменений во многом зависели, по версии авторов данного закона, от контактных межслоговых явлений, вызванных несовпадением консонантной силы контактирующих финалей – инициалей.

тех изменений, которые получили название первого перебоя согласных и закона Вернера. Сами эти процессы были бы не возможны в условиях фиксированного ударения (см. табл. П1 и П2 в прил. 1). Однако еще в дописьменный период в германских языках произошли серьезные изменения в системе ударения, сыгравшие в дальнейшем значимую роль в общесистемных типологических преобразованиях этих языков. Изменения произошли и в некоторых других индоевропейских языках, но они отличались от германских по своему содержанию и характеру. Сравним систему ударения, которая наблюдается в классической латыни, с готской и древнеанглийской системами.

В латинском языке позиция ударения «просчитывалась» с конца слова и зависела от количественных характеристик слога. В двусложных словах независимо от «тяжести» первый слог был ударным, в многосложных словах ударение ставилось на предпоследнем слоге, если тот был «тяжелым», в остальных случаях ударение падало на третий от конца слог, независимо от его «тяжести». Иначе говоря, ударение, игнорируя тяжесть последнего слога, фиксировалось на третьей от конца слогом и было чувствительным к количественным характеристикам выделяемых просодем, но нечувствительно к морфологическим свойствам соответствующих элементов слова. Например: *obscurum, obscuritās, liber, liberi, nominis, imp̄ri, honōres, salvi, patientia, abutēre*.

Некоторые германисты усматривают в древнегерманских языках тенденцию к двухморности ударного слога (например, Марри и Венеман вслед за Прокошем), которая часто противоречит условиям выведенного этими авторами закона оформления структуры слога (SCL, см. с. 231 выше), а потому, вероятно, такая моросчитающая система была подвержена исторической трансформации [Murray, Vennemann, 1983, p. 525].

Что же касается места ударения в слове, то уже в готском языке в простых словах ударение всегда падает на первый слог, независимо от количества слогов в слове [Гухман, 1958, с. 47]. Сложные же слова имели свои особенности в зависимости от их частеречной принадлежности. Так, у существительных главное ударение падало на первый слог первого компонента, а второстепенное по силе ударение – на первый слог второго компонента: *badi* (кровать), *baurgja* (горожанин), но: *hardu-haitēi* (жестокосердие). В сложных же глаголах главное ударение, наоборот, фиксировалось на первом слоге второго компонента, в то время как второстепенное ударение размещалось на первом слоге всего комплекса [Там же, с. 48]: *fauragaggan* – «идти впереди». Глаголы, которые образовались от сложных имен, имели тенденцию повторять акцентную структуру имени. М. М. Гухман усматривает причины различий в размещении ударений в сложных именах и глаголах более ранней цельнооформленностью сложных имен по сравнению со сложными глаголами, которые в эпоху фиксации ударения в германских языках, по всей видимости, еще не оформились в цельные слова, сохраняя статус сочетания слов, их цельнооформление произошло позднее [Там же]. Таким образом, готское ударение уже является по сути фиксиро-

ванным и тяготеющим к началу слова, преимущественно к корневой морфеме, оно, в отличие от латинского ударения, небезразлично к морфологической структуре слова. Готский материал свидетельствует о том, что в древнегерманских языках просодические средства использовались с учетом морфологических функций носителей значений.

Древнеанглийский язык отличался динамическим ударением, которое, так же как и готское, тяготело к началу слова, в нем ярче выражалась зависимость от морфологического статуса выделяемого элемента: в древнеанглийском языке это была корневая морфема, а точнее – первый слог корневой морфемы. Например:

Gelǣfan, mōste, fēowertiga, oferwunnen, fremsumnessum, onbærned.

Иногда префиксальное имя существительное и глагол с префиксом различались по своим акцентным структурам. У глагола префикс не был ударным. Выделялась корневая морфема, а у имени префикс мог быть ударным. Однако такая система фонетического различения имен и глаголов не была регулярной.

Таким образом, в древнегерманских языках (и в древнеанглийском, по крайней мере в эпоху письменных памятников) налицо свойственная агглютинативным языкам *тенденция к выделению корневой морфемы и противопоставлению ее другим частям слова*. Другие же слоги (части слова) регулярно и последовательно оставались в безударной (слабой) позиции; в условиях динамического ударения это был существенный фактор в преобразовании структуры слова, поскольку неударные слоги стали регулярно ослабляться и наконец подверглись редукции, т. е. перестали произноситься, а затем и писаться. Сложившаяся система ударения уже не зависела от количественных показателей просодем, но была обусловлена их морфологическими функциями. Отмеченная тенденция к выделению корневой морфемы могла быть свидетельством выбора языком стратегии как в сторону агглютинации, так и изоляции, поскольку и в том и в другом случае *фонетически устойчивый корневой морфосиллаб* служит *оперативной смысловой единицей в создании новых номинативных единиц и словоформ*.

§ 2. Динамика фонетических процессов внутри древнеанглийского периода

Все фонетические процессы, которые проходили в вокалической подсистеме древнеанглийского языка, можно рассматривать, с одной стороны, как явления, обусловленные структурными перестройками вокалических оппозиций на фонологическом уровне, а с другой – как явления, имевшие под собой функциональную подоплеку. Типологическая релевантность таких процессов и их устойчивость будут зависеть во многом от их функционального статуса, особенно если их функция выходит за пределы собственно фонетико-фонологического уровня и затрагивает иные уровни языковой системы. В этом отношении все фонетические процессы древнеанглийского периода, о которых здесь пойдет речь, в той или

иной мере соотносимы с морфологическим уровнем, поскольку практически все вносили фонетическую неустойчивость, нестабильность в корневые морфемы древнеанглийского языка. Однако функциональный статус в морфологических парадигмах обрели только некоторые из этих процессов, реликты которых остались в современном языке в виде закрытых (непродуктивных) типов, основанных на чередовании гласных в корне. Рассмотрим фонологическую основу наиболее изученных и хорошо описанных фонетических процессов древнеанглийского языка и их функциональный статус в ряду других изменений.

Если внимательно изучить таблицу, в которой представлены вокалические подсистемы общегерманского состояния, готского языка и древнеанглийского (см. табл. 1), нетрудно заметить, что древнеанглийские дифтонги существенно отличаются и от готских и от прагерманских не только по количеству единиц, но и по характеру самих звуков. Если в прагерманском и готском дифтонги представляют собой преимущественно фонетические образования, в ходе произнесения которых язык смещается к более высокому подъему в вертикальной плоскости ↑ ([ɑi], [ɑu], [eu]), т. е. вторые компоненты дифтонгов – звуки более закрытые, узкие, по сравнению с первыми компонентами, хотя скольжение по ряду также имеет место →([iu], [eu]), то древнеанглийские дифтонги основаны на *скольжении от переднего ряда к заднему* и антропофонически связаны, таким образом, с движением языка в горизонтальной плоскости. Ср.: → [ea:], [eo: (io:)], [ea], [eo], [io]. Это дает основание фонологам констатировать развертывание в древнеанглийском языке *фонологической оппозиции переднезаднего скольжения* [Плоткин, 1976, с. 13]. Такая оппозиция становится для древнеанглийского вокализма своего рода аттрактором, вокруг которого развертываются процессы, поддерживающие или разрушающие устойчивость всей подсистемы. Первый шаг в развертывании этой оппозиции связывают с появлением древнеанглийских рефлексов германских дифтонгов на **-u**. Германские дифтонги на **-u** отличались скольжением в направлении от задней артикуляции к задней. По мнению Плоткина, это скольжение стало более отчетливым от переднего ряда к заднему в древнеанглийском: [ɑu > ea:], [eu > eo:]. Таким образом, в ходе стяжения германских дифтонгов в английском возникли новые долгие дифтонгоиды. В дальнейшем эта оппозиция распространилась на краткие гласные, где возникают краткие дифтонгоиды передне-заднего скольжения. Их возникновение сопровождало ряд древнеанглийских звуковых изменений, влиявших на звуковой облик корневых морфем и потому связанных с типологическим статусом языка. Несмотря на то, что эти изменения давно отмечены и описаны лингвистами, их интерпретация, в частности причины возникновения, функциональный статус образовавшихся единиц по отношению к монофтонгам, с которыми древнеанглийские дифтонгоиды были в аллофонных отношениях, и дальнейшая судьба древнеанглийских дифтонгоидов в среднеанглийских диалектах долгое время вызывали дискуссии (см. сноску к табл. 1). При этом источником для построения

гипотез выступали в основном графические способы представления дифтонгов в древнеанглийских текстах: «For the present, we see no reason to depart from the established view – namely, that short diphthongs were produced in Old English by breaking, velar umlaut, and palatal diphthongization, or by a combination of any one of these with *i*-umlaut. We have furnished some evidence to show that, within the historical period of Old English, short diphthongs were phonetically distinct from short vowels. We believe that a good case can be made for their having been phonemically distinct as well» [Kuhn, Quirk, 1953, p. 156]. Рассмотрим упомянутые авторами изменения.

V веком н. э. обычно датируется *преломление (breaking)*, при котором гласные переднего ряда [i, e, æ] дифтонгируются в определенных позициях перед согласными [r, l, x]. Результаты преломления не были однородными по диалектам древнеанглийского языка и не носили поэтому регулярного характера. Их общее направление описывается как возникновение кратких дифтонгоидов с переднезадним скольжением.

æ → ea перед rr, r + согласный; ll, l + согласный и h + согласный.

eahta, earm, eall

e → eo перед rr, r + согласный; lc, lh, h + согласный; i → io

steorra, heorte, feohtan.

Позже eo → io (перед ht, hs) и стянулось в ī (например: sneoht → cniobt → cniht (knight)).

Появление дифтонгоидов в данных позициях может рассматриваться как случай регрессивного ассимилятивного воздействия указанных согласных. Их ассимилятивное воздействие (в данном случае способность сдвигать артикуляцию предшествующего гласного назад) носило избирательный характер, поскольку затрагивало только краткие гласные переднего ряда. Однако с функциональной точки зрения возникшие в результате преломления краткие дифтонги поначалу не имели подкрепления в древнеанглийском, поскольку сохраняли синтагматические отношения, похожие на взаимоотношения аллофонов с материнскими фонемами: краткие монофтонги и возникшие из них дифтонги практически не встречались в одной и той же позиции и смысловозначительную функцию не выполняли, в отличие от долгих дифтонгоидов. Тем не менее, привлечение более широкого массива текстовых данных из разных диалектов древнеанглийского языка позволило фонологам (см.: [Kuhn, Quirk, 1953; Плоткин, 1976]) найти минимальные пары для демонстрации фонологической значимости древнеанглийских монофтонгов и кратких дифтонгов. Причинами появления таких пар к IX в. Кун и Кверк считают не только перенос позиционно-обусловленных дифтонгических огласовок корня на иные, не обусловленные позицией словоформы, но и упрощение согласных финалей, редукцию безударных гласных, появление поздних заимствований из латыни ([Kuhn, Quirk, 1953, p. 154–155]. Ср. также примеры, приводимые Плоткиным:

Ā «закон» – ēa «река»; lēf «слабый» – lēof «любимый» [Плоткин, 1976, с. 19].

Укрепление различительного признака передне-заднего скольжения осуществлялось и за счет других ассимилятивных процессов. Одним из таких процессов является так называемая *палатализация гласных (palatal diphthongization)*, включая гласные заднего ряда, в позиции после палатальных согласных [kʰ], [j]:

æ → ea *ʒæf > ʒeaf «давал»; *cæster > ceaster;

ɑ → ea *scacan > sceacan «трясти»;

o → eo *scort > sceort «короткий»;

ǣ → ēa *ʒǣfon > ʒēafon «давали».

К VII–VIII вв. относят и действие еще одного ассимилятивного процесса, укрепившего позиции передне-заднего скольжения в фонологической системе древнеанглийского языка. Этот процесс затронул преимущественно гласные переднего ряда, которые превращались в дифтонгоиды передне-заднего типа под воздействием гласных заднего ряда [u, o, a] в последующем слове того же самого слова, отчего и получил название *велярный умлаут (velar umlaut)*. Задняя артикуляция последующего гласного предвосхищается предыдущим гласным, который превращается в дифтонгоид с глайдом заднего ряда. В уэссекском диалекте распространение велярного умлаута носит ограниченный характер (он наблюдается преимущественно в позиции перед плавными *r, l* и губными *p, f, m* согласными в начале слога с вызывавшим умлаут гласным), в других же диалектах этот процесс проходил чаще:

i > io (eo) hira > hiora (heora) «их»; niman > nioman «брат»;

e > eo herot > heorot «олень»; hefon > heofon «небо»;

a > ea saru > searu «доспехи».

Отстаивая точку зрения о наличии необусловленного позицией фонематического статуса *ea* и *eo*, в др. англ. языке первой половины IX в., лингвисты находят ошутимое количество словоформ, в которых сохраняются др.-англ. *eo* и *ea* при отсутствии исходных условий, вызывавших велярный умлаут: «Heofen 'heaven', the usual form of the word, shows the *eo* remaining although the conditioning velar vowel of the final syllable has been weakened to a sound represented by *e*; similarly *seofen*. The plural *steaðelas* has *ea*, either retained from the time when the second syllable had a velar vowel or transferred by analogy from the singular *steaðul*. A similar *ea* which cannot be called conditioned appears in the preterit plural *hneapedun*, beside the singular *hneapade*. The conditioned *ea* in such present-tense forms as – *fearað* is found transferred by analogy to the participle *fearende*. In like manner, we find *beorende*, in which the *eo* is not conditioned, beside *beorað*, *cweoðende* beside *cweoðað*, and *cleopiende* beside preterit forms like *cleopade*. Any phonemic analysis which rejects the distinction between *ea* and *æ*, *eo* and *e*, must account in some way for these non-conditioned forms, as well as many others» [Kuhn, Quirk, 1953, p. 154].

В VI–VII вв. в германских языках (кроме готского) имел место процесс, получивший название *палатальный умлаут (i-умлаут)*. Этот процесс происходил во всех древнегерманских языках и также представлял собой разновидность асси-

миляции регрессивного характера. Суть процесса заключалась в том, что ударные гласные заднего ряда, за которыми следовал полугласный [j] или гласный [i], передвигались в сторону переднего ряда. Сами же звуки, вызвавшие умлаут, большей частью исчезали совсем, в некоторых случаях [i] сохраняется в суффиксах, например: -ing, -ig, -isc, или превращается в [e]. Результаты умлаута выглядели следующим образом:

u → y *fullian > fyllan; o → œ → e *ofstian > efstan; a → e *framian > fremman; æ → e *sætian > settan; u: → y: *cūþian → cyþan; ea, eo → ie → i, y *hleahian > hliehhan > hlihhan, hlyhhan; ēa, ēo → īe → ī, y *zetrēowi > zetrīewe > zetrīwe.

Такие пары, как cūþ «известный» и cyþan «сообщать»; efstan «спешить» и ofost «усердие»; fyllan «наполнять» и full «полный»; læran «учить» и lār «учение», свидетельствуют о функциональной нагруженности умлаута в словообразовательной парадигме древнеанглийского языка. Видимо, палатализованные *y* и *œ* возникли не сразу, а прошли дифтонгоидную стадию, что, по мнению В. Я. Плоткина, находит подтверждение в древнеанглийской письменности. «Как известно, англосаксонская руна для продукта умлаута от [u] сложена из рун u + i. В глоссах VIII в. встречаются диграфы ui, oi для продуктов палатального умлаута от u, o» [Плоткин, 1976, с. 33]. Эти факты позволяют В. Я. Плоткину усмотреть в первоначальных продуктах умлаута задне-передние дифтонгоиды, которые получили лигатурное обозначение в письменности. Указанный процесс интерпретируется фонологом как реализация системной тенденции к симметрии в фонологической подсистеме, развернувшей оппозицию скольжения по ряду. В соответствии с этой логикой после палатального умлаута система гласных фонем (как кратких, так и долгих) в древнеанглийском языке могла бы принять следующий вид ⁴:

Таблица 2

Гласные после палатального умлаута (по В. Я. Плоткину)

	Передние	Дифтонгоиды		Задние
	(нелабиализованные)	задне-передние	передне-задние	(лабиализованные)
Узкие	i	ui (y)	iu	u
Средние	e	oe	eo (œ)	o
Широкие	æ	—	æα (ea)	α

Произнося корневой гласный, говорящий уже заранее готовит органы речи к укладу, необходимому для произнесения последующего звука. В. Я. Плоткин

⁴ В скобках указаны графические обозначения звуков. Древнеанглийские [œ], [œ:] оказались неустойчивыми. В уэссекском диалекте они быстро подверглись делабиализации, превратившись в [e], [ē], в то время как в нортумбрийском и мерсийском просуществовали до IX в. В кентском диалекте делабиализации подверглись и [y], [y:] (об этом подробнее см., например: [Lass, 1997b, p. 66]).

заметил, что при умлауте, как и в случае с уже описанными выше процессами, изменения касаются такой характеристики звука, которая связана с движением языка в горизонтальной плоскости. Табл. 2 показывает максимальное развертывание оппозиций, образованных на этой базе гласных. «Но был и важный момент отличия, наложивший отпечаток на весь ход палатального умлаута и на его последствия для истории английского вокализма. При палатальном умлауте, в отличие от трех рассмотренных изменений, не был сохранен контекст, обусловивший образование выделившихся аллофонов – ведь в большинстве случаев последующий [j] или [i] устранялся. Поэтому продукты умлаута с самого начала получили значительную функциональную нагрузку. Этому изменению была присуща высокая степень регулярности и практическое отсутствие вариативности по диалектам» [Плоткин, 1976, с. 26]. Действительно, умлаут использовался на морфологическом уровне, например, в словоизменительной парадигме существительного как субстантная фонетическая база внутренней флексии (см. ч. III, гл. II, § 3). Результатом столь полного развертывания оппозиции скольжения по ряду, какое мы находим в реконструкции процесса у В. Я. Плоткина, явилось, по мнению автора, существенное пополнение инвентаря (количественного состава) гласных фонем древнеанглийского языка. Однако «максимальное развертывание оппозиции тембрового скольжения оказалось довольно неэкономичным способом организации вокализма, так как оно сделало фонологически значимыми, обязательными весьма *тонкие артикуляторно-акустические* (антропофонические) *различия* между фонемами, многие из которых имели *незначительную функциональную нагрузку*. Иначе говоря, действие структурного фактора натолкнулось на противодействие антропофонических и функциональных факторов, поскольку первые из них направлены на облегчение антропофонической реализации фонем, а вторые – на их оптимальное использование для различения значащих единиц» [Там же, с. 42]. Устранение данной оппозиции достигалось через монофтонгизацию дифтонгоидов в течение IX–XII вв.⁵ Но судьба древнеанглийских кратких дифтонгов и монофтонгов в среднеанглийских диалектах все-таки могла быть разной (если рассматривать весь массив дошедших до нашего времени среднеанглийских диалектных данных). Различным могло быть и распределение этих типов звуков в конкретных словах. Это послужило дополнительным аргументом в пользу особого фонологического статуса древнеанглийских кратких дифтонгоидов: «The argument that the OE short diphthongs and short vowels developed identically in Middle English is contradicted by the practice of a number of ME scribes who kept them apart in their spelling» [Kuhn, Quirk, 1953, p. 155].

---

⁵ О диалектной специфике процессов монофтонгизации (стяжения) дифтонгов и связанных с ними парадоксах см.: [Howell, Somers Wicka, 2007].

Учитывая все сказанное о неустойчивости гласных и о *трансформации фонологических оппозиций ряда и лабиализации*, можно, вслед за В. Я. Плоткиным, представить систему развития вокализма позднеревнеанглийского периода следующим образом:

Таблица 3

Позднеревнеанглийский вокализм (по В. Я. Плоткину)

	Краткие		Долгие	
Узкие	i	u	i:	u:
Средние	e	o	e:	o:
Широкие	a		æ:	ɑ: ⁶

Как характеризуют описанные фонетические процессы древнеанглийский язык с точки зрения его типологического статуса? Каждый из рассмотренных нами процессов вносил свой вклад в *неустойчивость корневой морфемы* (неустойчивость в разных диалектах, внутри парадигм в одном и том же диалекте). Это снижало потенциальную возможность для корневой морфемы к самостоятельному использованию в качестве самодостаточного слова и способствовало *развитию фузионных процессов на стыках морфем*. Сам факт ассимиляции гласных звуков корня под влиянием звуков последующего слога, как правило аффикса, свидетельствует о стремлении языка «цельноформить» звуковой отрезок в определенном масштабе (отрезок зоны взаимодействия составляющих образ словоформы элементов). *Регрессивный же характер ассимиляции показывает, что устойчивость корневой морфемы приносится в жертву цельноформленности словоформы*. Таким образом, налицо выраженная *тенденция к синтезу*. Слово «сбивается» в один цельноформленный блок с помощью фузионных и ассимилятивных процессов как способов взаимодействия звуковых сегментов внутри ударного корневого слога и в межслоговом пространстве словоформы. Однако при этом активизируется вокалическая система, что говорит о поиске средств ее оптимизации за счет своего внутреннего ресурса. Вероятно, язык ищет способы обогатить свой вокализм, что сопряжено с повышением функциональной нагрузки на вокалическую подсистему, элементы которой формируют слононоситель. Возможно, это был шаг к поиску средств установления регулярности в соединении корня и аффиксов, свойственной агглютинативным языкам. Поскольку в это время относительно однородный в этнокультурном плане коллектив носителей германских языков разрастается на новых территориях, укрепляется там, вступая в контакты с кельтами, а позднее скандинавами, постепенно складываются условия для усложнения структуры язы-

⁶ В IX–XI вв. отмечен переход [ɑ:] в [ɔ:], отсюда: stān → stōn.

кового коллектива, что модифицирует внешнюю детерминанту языка. Поэтому и вокалическая подсистема испытывает напряжение, суть которого, вероятно, заключается в *поиске внутреннего ресурса пополнения инвентаря гласных фонем*. Некоторые древнеанглийские процессы уже в древнеанглийском приводили к трансформации структуры слога и сокращению количества слогов в слове на синтетической фузионной основе. Например:

*fōhan > fōn; slahan > sleahan > slean; sehan > seohan > sēon.

В приведенных здесь примерах исчезает (вокализуется) интервокальный согласный *h*. Иногда при этом происходит дифтонгизация и «компенсаторное» удлинение гласного в корне.

Неустойчивость корневой морфемы в древнеанглийский период поддерживалась и довольно регулярным для индоевропейских языков, восходящим к праязыку явлением – *аблаутом*, который еще называют *апофонией* (vowel gradation). На основе аблаута выделялись такие типы чередований корневых морфем (так называемые ступени аблаута), которые различались корневым гласным: при определенных условиях появлялись гласные: /e/ (*средняя ступень*), в других условиях /o/ (*высшая ступень*), который мог подвергаться удлинению, сокращению или вовсе исчезал (в последнем случае имеет место *нулевая ступень*) в иных условиях.

Таким образом, классический тип чередования по аблауту в индоевропейских языках представляет собой чередование *e/o/ zero* (*нуль*). Классические проявления аблаута можно найти в современном русском или греческом языках. Например: поднести – несущ – ноша – занесет – поднос и т. п. Объяснение данного явления обычно связывают с ударением в древнейшую эпоху. В сильнударной позиции (при полном ударе) – высшая ступень, при ослабленном ударе – средняя ступень, а в неударной позиции гласный исчезает совсем. Такого рода чередование называется *качественным*. Однако существует и *количественный* аблаут, когда краткие гласные чередуются со своими долгими коррелятами. Р. Лэс приводит пример из греческого, в котором можно наблюдать пять разных по качественно-количественным признакам ступеней аблаута внутри парадигмы одного корня:

1. Вин пад, ед.ч. *pa-tér-a* ступень /e/;
2. Имен. пад., ед.ч. *pa-tér* продленная ступень /e/;
3. Родит. п. ед. ч. *pa-tr-ós* нулевая ступень;
4. *eu-pa-tor-ia* /o/ ступень;
5. *eu-pá-tōr* продленная /o/ ступень [Lass, 1997b, p. 108].

В древнеанглийском языке аблаут был существенно нагружен в функциональном плане в системе сильного глагола. Он выступал в качестве организующего начала в парадигме глагольного словоизменения в древнегерманских языках. Различные типы чередований по аблауту образовывали морфологические классы сильных глаголов.

Ср. готские (первый ряд в каждом типе) и древнеанглийские глаголы:

	Инфинитив	Ед. ч. прош. вр.	Мн. ч. прош. вр.	Причастие второе
I класс	i:	aī	i	i
	reisan	rais	risum	risans
	i:	a:	i	i
	risan	ras	rison	risen
II	iu	au	u	u
	kiusan	kaus	kusum	kusans
	eo:	ea:	u	o
	ceosan	ceas	curon ⁷	coren
III	i	a	u	u
	bindan	band	bundum	bundans
	i	a(o)	u	u
	drincan	dranc	druncon	druncen
	eo	ea	u	o
	feohtan	feaht	fuhton	fohten
IV	i	a	e:	u
	stilan	stal	stelum	stulans
	e	æ	ǣ	o
	stelan	stæl	stǣlon	stolen
V	i	a	e:	i
	gifan	gaf	gebum	gibans
	e	æ	ǣ	e
	wefan	wæf	wǣfon	wefen
VI	a	o:	o:	a
	faran	for	foron	faren
VII	feallan	feoll	feollon	feallen

В ряде случаев результаты аблаута затемнялись более поздними фонетическими явлениями (поскольку аблаут восходит еще к праиндоевропейскому состоянию), в том числе и результатами ассимилятивных древнеанглийских процессов – перегласовками по умлауту, преломлением и пр. Так, в словоформах *geafon* и *feohtan* на аблаут наслаивались результаты палатализации и преломления.

⁷ В древнегерманских языках (кроме готского) звук **s** озвончался и переходил в **z**, если ему предшествовал неударный гласный. Позднее **z** > **r**. Это явление получило название *ротацизма*. Ср.: гот. *laisjan* 'учить' и др.-англ. *lǣran*.

§ 3. Неударный вокализм

Когда историки говорят о неударном (безударном) вокализме, они имеют в виду изменения гласных в неударных слогах. Уже в дреанеанглийском инвентарь гласных в неударных слогах был существенно меньше, чем в ударных, к тому же, как мы видели, подсистема ударного вокализма развивалась в сторону обогащения новыми элементами. Это, несомненно, в условиях германского ударения способствовало выделению корневых морфем (в них локализовались ударные слоги) и их противопоставлению аффиксальным морфемам (в которых локализируются неударные гласные).

Термин *редукция* неударных гласных используется для обозначения процессов постепенной их унификации, нивелирования до так называемого schwa (нейтрального звука [ə]) с последующим его возможным исчезновением. Неударная позиция гласных в аффиксах древнегерманских языков приводила к серьезным изменениям в морфологической структуре слова и в просодии речи (см. ч. III, гл. II). Редукция в неударных слогах проходила в таких формах, как сокращение долгих гласных, монофтонгизация дифтонгов по традиционным для германского вокализма типам с последующим сокращением образовавшихся монофтонгов, унификация кратких гласных и, наконец, их исчезновение. Р. Лэс полагает, что краткие неударные гласные сначала сохранялись в виде маргинальных по подъему типов: /i,u/ vs /α/, прежде чем пошла унификация до среднего /ə/ [Lass, 1997b, p. 96].

В самых ранних по времени письменных памятниках древнеанглийского языка (в частности, рунических) можно найти графические свидетельства некогда более богатого неударного вокализма, чем в памятниках так называемого классического и позднедревнеанглийского периода. Еще более очевидным становится процесс редукции древнеанглийских неударных гласных при сравнении с неударным вокализмом в текстах на готском языке (IV в.). Однако следует иметь в виду, что в основной своей массе древнеанглийские тексты фиксируют две последние стадии редукции – постепенную унификацию и отпадение кратких неударных гласных. Ср.:

PGmc */i:/ > /i/ > */wil-i/ wil-e «will»;

*/o:/ > /u:/ > /u/ (O.E.) > /e/ ber-u 'I bear' > ber -e, Goth. /α/ baír-α;

*/ɑi/ > /ɑ:/ > /æ:/ > /æ, e/ dæg-e;

*/ɑu/ > */o:/ > /α/ eahta, sun-a; Goth. Sun-aus⁸.

В раннедревнеанглийском неударном вокализме различаются, по текстовым данным, такие звуковые единицы, как /a/ suna, /e/ stane, /i/, /o/ writon, /u/ caru. К началу среднеанглийского периода эти прежде различимые гласные слились в один неударный /ə/, что было отражено в орфографии. Например:

Tellan > tellen, writan > writen, uppon > vppen, fingrum > fingren, etc.

⁸ Приводимые примеры взяты из: [Lass, 1997b, p. 97].

Фонологи отмечают важную роль неударных гласных в поддержании оппозиции протяженности у согласных, поскольку геминаты (долгие согласные) были возможны в древнеанглийском языке в *интервокальной позиции*, которая и создавалась при наличии неударных гласных. Анализируя соотношение редукции неударных гласных с консонантной протяженностью и становлением новых оппозиций в системе ударного вокализма, В. Я. Плоткин приходит к выводу о том, что до XII в. неударный гласный сохранялся, но в XIII–XIV вв., по всей видимости, этот звук исчез. Аналогичные выводы, основанные на иных логических интерпретационных принципах, находим и у других историков. Как бы то ни было, орфографические данные о звуко-буквенных соответствиях по сохранившимся текстам свидетельствуют о том, что древнеанглийский, а особенно переходный его период XI–XII вв., характеризуется активными процессами унификации с последующей ликвидацией неударных гласных. Скрупулезное исследование неударных гласных в аффиксах и неударных слогах некогда (в общегерманский период) многосложных слов было проведено в [Sprockel, 1965] на материале «Англосаксонской хроники» (рукопись «The Parker Chronicle»).

§ 4. Ударный вокализм переходного периода (XI–XII вв.)

Период, охватывающий XI–XII вв., оказался очень важным для дальнейших типологических преобразований на всех уровнях языковой системы. В текстах этого времени мы находим явные признаки разрушения флективного типа. Изменения в системе вокализма, как неударного, так и ударного, в этот период истории языка во многом предопределили общее направление дальнейших преобразований. Конечно, в течение этого времени, как и в другое время, происходили некоторые изменения в инвентаре ударных гласных, однако наиболее значимые из них можно квалифицировать как процессы, направленные на корреляцию качества гласного и типа слога. Иными словами, результат фонетических изменений этого времени фиксируется как *зависимость качества гласного от типа слога*. Систематизация этих изменений достигается на основе анализа *развертывания оппозиции абруптивности в ударном вокализме*, вызвавшей череду сокращений и удлинений гласных в разных позициях. Рассмотрим конкретные процессы по порядку.

Краткий [æ], который, как мы уже видели, мог чередоваться в зависимости от позиции с [a], слился с [a] (glæd > glad), и система кратких гласных приняла следующий вид:

i	u
e	o
a	

Древнеанглийский [æ:], развившийся ранее из разных источников, перешел в открытый [ɛ:] (læ:tan > leten) и закрытый [e:] (leten). Обозначение звуков в орфографии первоначально было одинаковым. Различия же в результатах перехода

были диалектного характера. Более поздние попытки внедрить разные написания **ee** для [e:] и **ea** для [e:] не были достаточно последовательными в орфографической практике [Freeborn, 1998, p. 112]. Древнеанглийские дифтонги (дифтонгоиды передне-заднего скольжения), как уже говорилось, могли монофтонгизироваться, пополняя класс среднеанглийских кратких и долгих звуков, что нашло отражение в орфографии. Ср.:

O.E. heard, geaf, heafod, bread → Mid.E. hard, gef, heved, bred.

Однако в разных регионах эти процессы проходили неравномерно, кроме того, как справедливо замечают историки языка (см., например: [Kuhn, Quirk, 1953]), среднеанглийский язык, представленный, например, в произведениях Дж. Чосера, не является прямым продолжением уэссекского диалекта древнеанглийского языка, хотя их обычно сравнивают при описании динамики языковых процессов.

Особого внимания заслуживают преобразования древнеанглийских [y, y:]. Они демонстрируют, насколько сложны для логической интерпретации фонетические различия диалектов и соотношения звуковых и графических инноваций. Так, др.-англ. [y, y:] поначалу оставались в своем качестве, изменились только графические способы их представления; вероятно, под французским влиянием появляется написание *u* в западно-центральном и юго-западном диалектах. Позднее они отодвинулись к заднему ряду [u] [u:]. В северных и восточно-центральных диалектах эти звуки отразились как [i], [i:]; а в южной и юго-восточной зоне они также утратили лабиализацию и сдвинулись в [e], [e:]. В нормативном правописании и произношении современного английского языка исторически засвидетельствованные диалектные различия переплетаются самым парадоксальным образом:

O. E. byrigean > Mid. E. variants: bury/ biry/ bery; Cf.: Mod.E. bury [e];

O. E. bysig > Mid. E. variants: bisy/ bysy/ besy; Cf.: Mod.E. busy [bizi].

Поскольку древнеанглийский долгий [ɑ:] поднялся до полуоткрытого лабиализованного [ɔ:], в языке появилось два звука, различающихся степенью открытости и получивших сначала одинаковое отражение в орфографии: **o**; а позднее разное: **oa** для открытого и **oo** для более закрытого звука. Вместе с тем, звук [ɑ:] не ушел из системы. Слова с этим звуком пополнились частично за счет заимствования преимущественно из французского (blame < O.F blâmer; dame < O. F dame, etc.) и за счет удлинения соответствующего краткого звука в открытых слогах.

Наиболее масштабное изменение рассматриваемого периода заключалось в двунаправленных процессах: с одной стороны, *сокращение долгих гласных в закрытых слогах*, т. е. перед завершающим слог согласным (группой согласных); с другой – *удлинение кратких гласных в открытом слоге* в двусложных словах. Так, в приведенных ниже парах древнеанглийских словоформ после сокращения долгих гласных перед скоплением из двух и более согласных наблюдается чередование краткого и долгого звуков соответственно: O.E. sēpe/cepte, wīs/wisdom; Cf.: Mod.E. keep – kept, wise – wisdom. Таким образом, стало невозможным сочетание долгого гласного с последующими двумя и более согласными слоговой фина-

ли. Удлинение кратких [a], [o], [e] в открытых слогах вместе с редукцией неударных слогов преобразовало звуковую оболочку корневых морфем двусложных слов:

О.Е. *tacan* > *taken* [a:]; *etan* > *eten* [ɛ:]; *nosu* > *nose* [o:].

Между тем еще в IX в. произошло не отраженное в письменных памятниках того времени удлинение исконно кратких гласных, включая и гласные высокого подъема, перед так называемыми гоморганными сочетаниями согласных -ld, -nd, -mb:

О.Е. *bindan* [i] > Late O.E. *bindan* [i:] > Mid.E. *binden* [i:];

cild > *cild* [i:] > Mid.E. *child* [i:];

climban [i] > *climban* [i:] > *climben* [i:].

Однако перед скоплением из трех согласных удлинения не происходило, отсюда и краткий гласный в форме множественного числа от *cild* [i:] – *cildru* [i].

Таким образом, в ходе описанных выше преобразований долгие гласные фонемы в переходный период приобрели следующий вид:

i:	u:
e:	o:
ɛ:	ɔ:
α:	

Выше уже упоминалось о модели развития английского вокализма В. Я. Плоткина, в которой признается появление в переходный период новой вокалической *оппозиции абруптивности*, сменившей постепенно прежнюю оппозицию протяженности. В период действия оппозиции протяженности маркированными гласными были долгие. Однако с увеличением их количества произошло изменение маркировки, и краткие гласные стали демонстрировать свойства, характерные для маркированных членов. Теперь краткий звук подчеркивался по сравнению со всеми другими звуками с помощью особых средств, а именно: путем так называемого «усечения» (В. Я. Плоткин предпочитает использовать общий и для гласных и для согласных термин *абруптивность*). При этом абруптивность рассматривается как прекращение артикуляции гласного резким приступом следующего согласного: «Поскольку реализация дистинктора тем самым выводится за пределы гласного, охватывая также и согласный, абруптивность иногда называют “плотным контактом”, “примыканием» [Плоткин, 1976, с. 68]. Иными словами, наличие согласного после абруптивных гласных в английском языке обязательно и создает акустический эффект *плотного примыкания* этих звуков друг к другу. Именно с появлением этой оппозиции и связывает В. Я. Плоткин все процессы сокращения в закрытых слогах и удлинения в открытых слогах в вокализме переходного периода ⁹.

⁹ Результатом установления вокалической оппозиции усеченности стали парадигматические преобразования в системе гласных фонем. Такое положение наблюдалось во всех

Оппозиция между абруптивными и неабруптивными гласными поначалу не была устойчивой, часто наблюдались колебания в длительности. Особенно при сохранении неударных гласных, следовавших за согласным корня. Поэтому завершение редукции в среднеанглийском существенно укрепило оппозицию абруптивности. Одним из этапов в ее развертывании В. Я. Плоткин считает появление среднеанглийских дифтонгов в результате вокализации в позиции после гласного древнеанглийских [y', w, y]. В ходе этого процесса, проходившего также в переходный период, [y'] вокализовался в [i], а [w] и [y] в [u]. Вместе с предшествующим гласным продукты вокализации образовали новые среднеанглийские дифтонги, В. Я. Плоткин трактует их как дифтонгоиды [ai, au, ou]:

Legde, lægde (lecgan) > leide > laid; weg > wey; agene (agen) > awene > own; sawol > saule > soul.

Все вновь возникшие дифтонги отличаются вторым компонентом высокого подъема, и по количеству на первом этапе их было гораздо больше, но устоялись позднее только три вышеназванные. *Вокализацию древнеанглийских полугласных связывают с их неспособностью обеспечить плотный контакт в силу их фонетических особенностей, их приближенности к вокалической артикуляции* (об интенсивности признаков звучности – консонантности и их связи с плотностью контакта см. схемы на с. 230). Образовавшийся дифтонг исключает, таким образом, позицию абруптивности для исходного гласного, переводя его в разряд устойчиво неабруптивных. В ходе вокализации в отдельных случаях возникали дифтонгоиды [iu, eu, eu], которые впоследствии развивались как один восходящий дифтонг (newe [eu > ju]) проблемного статуса. При отсутствии этого звука и пополнение инвентаря слов, содержащих его и звук [oi], вызвано более поздними заимствованиями, преимущественно из французского и голландского. Таким образом, обобщая все сказанное здесь о процессах переходного периода, систематизируем состав его вокализма, вслед за В. Я. Плоткиным, как два разряда гласных – *абруптивных и неабруптивных*. В последней группе выделяются новые по качеству дифтонги с повышением.

Таблица 4

Вокализм переходного периода XI–XII вв. (по В. Я. Плоткину)

Абруптивные		Неабруптивные			
		Монофтонги		Дифтонги	
i	u	i:	u:		
		e:	o:		ou
e	o	ε:	ɔ:		ai au
	a		a:		

германских языках, где появлялась оппозиция усеченности. Подробнее об этом см.: [Плоткин, 1982; 1999].

Абруптивные гласные (маркированные) характерны для плотного контакта, поэтому их появление связывается с закрытым слогом, неабруптивные (немаркированные) характерны для более свободного контакта и могут встречаться в соответствующих ему разных позициях с преобладанием открытого слога. Все проходившие в рассмотренный период изменения характеризуют вокалическую подсистему как неустойчивую, т. е. свидетельствуют о существенной неустойчивости в звуковом и графическом оформлении корневой морфемы, с одной стороны, при наличии устойчивой тенденции выделить корневую морфему и противопоставить ее периферии слова – с другой. В процесс на этом этапе вовлекаются просодические факторы, связанные с установлением корреляции плотного контакта между вершиной слога – гласным и консонантным исходом слога. Эта корреляция маркируется абруптивностью и формируется на основе противопоставления свободному контакту, в котором вершина слога создается неабруптивными гласными. В период неустойчивости нового аттрактора на фоне описанных выше изменений, многие из которых успевала фиксировать графическая традиция, а с некоторыми фиксация запаздывала, отмечено обширное варьирование графических форм одного и того же слова. Д. Фриборн приводит данные по нескольким словам, среди которых и О.Е. *geolo* 'yellow'. Последнему в среднеанглийских рукописях соответствуют следующие графические варианты:

*zeolu/zeolo/zioļu/zeolew/zeoluw/zeleu/zeleu/zelew/zelugh/zelogh/
zelowz/zelz/zelw/zealwe/zelwe/yelwe/zelou/zelow/yelu/zelwhe/zelhewe*
[Freeborn, 1998, 121].

Рассмотрим английский вокализм в ударных слогах в его практически современном состоянии, которое можно считать сложившимся примерно к XVIII в. Данная подсистема отличается богатством инвентаря гласных (для сравнения: в русском всего 6 фонем). При этом важно помнить, что подсистема вокализма в современном английском языке находится в динамическом состоянии. *Неустойчивость* в этой подсистеме можно считать характерологической чертой английского языка на протяжении всей его истории. Поэтому приводимая ниже схема, позаимствованная у В. Я. Плоткина [1989, с. 184], не может рассматриваться как модель (табл. 5), отражающая реальное состояние вокалической подсистемы современного английского языка в его стандартном варианте, тем более в его диалектных вариантах на территории Британии¹⁰.

Для американского английского с его диалектами, равно как и для других вариантов английского языка (в Канаде, Австралии и т. д.), сегодня потребуется отдельное описание устройства их вокалических подсистем. Между тем данная схема фиксирует в общих чертах содержание и устойчивую направленность исторических изменений ударного вокализма и очень удобна для систематизации

¹⁰ О динамике, функциональном статусе и содержании изменений в современном английском вокализме как диалектного языка, так и его нормативных (кодифицированных) вариантов см.: [Бубенникова, 1999; 2004].

многообразия прошедших изменений, их осмысления в морфонологическом плане и интерпретации на типологической основе.

§ 5. Новоанглийский ударный вокализм

Как видно из табл. 5, гласные сохранили практически все свойственные им ранее отличия, связанные с движением языка в горизонтальной и вертикальной плоскостях, сохраняется также различие количественного плана, однако наряду с пополнением инвентаря гласных фонем произошла серьезная качественная трансформация звукового состава, реорганизация оппозиций как по содержанию, так и по составу (хотя в данной схеме и не отражены в полной мере более дробные деления внутри классов, различающихся по ряду и подъему). Динамические процессы, произошедшие в этой

Таблица 5

	Новоанглийский ударный вокализм							
	+				-			
	Усеченные Checked				Неусеченные Non-checked			
			+				-	
			Устойчивые Stable				Неустойчивые Unstable	
				+		-		
				Центрирующие Centring		Нецентрирующие Non-centring		
Узкие Narrow Close)	[ɪ]	[u]			[iə]	[uə]	[ii]	[uu]
Средние Mid-open	[e]	[ɒ]	[ə:]	[ɔ:]	[eə]	[ɔə]	[ei]	[ou]
Широкие Broad (Open)	[æ]	[ʌ] ¹¹	[ɑ:]		[aiə]	[auə]	[ai]	[au]

¹¹ В трактовке статуса отдельных фонем новоанглийского периода могут наблюдаться несколько отличные друг от друга подходы. Так, у Р. Лэса находим иное распределение фонем по ряду и подъему. Однако базовое противопоставление по «краткости» (абруптивности) и «долготе», а точнее «некраткости» (неабруптивности) отмечается и здесь. Ср., например, схема Р. Лэса [Lass, 1999, p. 69]:

i:	u:	ɪ	u
ɛ:	ɔ:	ɛ	ʌ
	ɑ:	æ	ɒ
ai	ei	ɔi	
au	əu		
ɛə	iə	uə	

подсистеме и продолжающие происходить в современном языке во всех его вариантах, не могут быть полноценно объяснены без учета их обусловленности внешними детерминантами языковой системы в целом и без учета связи (сопряженности) этих изменений с другими устойчивыми процессами в иных подсистемах языка. Поэтому ограничимся на данном этапе описанием принципов организации новоанглийской вокалической подсистемы и источников ее формирования, не забывая о том, что, «поскольку развертывание богатого вокализма предполагает использование тонких, трудно реализуемых фонологических различий, такой вокализм оказывается диахронически и синхронически нестабильным, что ведет к его значительной вариативности в территориальных разновидностях языка» [Плоткин, 1989, с. 229].

Итак, в среднеанглийском языке возникает, а в ранненовоанглийском развертывается и обретает устойчивость новый аттрактор – фонологическая оппозиция абруптивности, о которой уже говорилось. Эта оппозиция приходит на смену древнеанглийской оппозиции протяженности. С появлением новой оппозиции гласные организуются в рамках двух подклассов: маркированный – усеченные¹² и немаркированный – неусеченные (неабруптивные). Причем эти новые подклассы характеризуются зависимостью от типа слога (поначалу его закрытости – открытости), плотности контакта элементов слоговой структуры и вовлекаются, таким образом, в функциональное поле суперсегментного (просодического) уровня. При этом прототипическая, т. е. наиболее благоприятная антропофоническая основа для плотного контакта – в закрытом слоге, вероятно, обеспечивается перед «усекающим» эффектом «максимальной консонантности» глухого смычного согласного.

Формирование класса усеченных гласных проходило в течение примерно двух веков и началось в переходный период в раннесреднеанглийском в ходе описанного выше сокращения долгих гласных в закрытых слогах и удлинения кратких гласных в открытых слогах. Зависимость от типа слога проявлялась при этом как общая тенденция. Однако в каждом конкретном случае у каждой конкретной звуковой оболочки слова могло проявляться и влияние иных, сопутствующих по времени факторов, поэтому исторически засвидетельствованы различные изменения индивидуального характера для парадигм отдельно взятых слов. Прежние протяженные и непротяженные гласные перераспределялись по-новому между позициями плотного и свободного контакта. В словах, которые имели чередование открытого и закрытого слогов в парадигме (типа *dæg – dagas*), открывалась возможность для «воздействия грамматической аналогии на выбор гласного» [Плоткин, 1976, с. 73]. Период варьирования и чередований, вызванный удлинением и сокращением в ходе перестройки оппозиций, завершился в общих чертах в конце XIV в. «Отдельные колебания в длительности ударного гласного под влиянием индивидуальных факторов (анalogии, борьбы диалектных вариантов и т. п.) продолжались и позже. Но теперь они перешли с аллофонического на фонемный

---

¹² О корреляции усечения слога и ее связи с силой примыкания вокалического слогоносителя к следующему согласному см.: [Трубецкой, 2000, с. 231–234].

уровень, стали заметными для говорящих и получили отражение на письме» [Плоткин, 1976, с. 76–77].

Рассмотрим источники различных подгрупп неусеченных гласных, которые явили собой результаты дальнейшего развертывания и укрепления оппозиции абруптивности и тесно связаны с проблемой корреляции плотного и свободного контакта на просодическом уровне.

Неустойчивые нецентрирующие звуки отличаются от иных классов дифтонгичностью структуры, а значит, разным качеством своих элементов. Второй элемент всех этих дифтонгоидов и дифтонгов представляет собой сужающийся по отношению к первому элемент более высокого подъема. Неустойчивость артикуляции этих звуков связана, таким образом, со смещением позиции органов речи в процессе их производства. Все эти звуки возникли в ходе многоступенчатого ряда изменений, получившего название *Великого сдвига гласных*, начавшегося примерно в XV в. и продолжавшегося в течение нескольких веков. Некоторые фонологи рассматривают отдельные изменения в современном английском как этапы Великого сдвига гласных. Основные этапы преобразований среднеанглийского вокализма систематизируются в следующей схеме, за основу которой взят принцип организации материала Р. Лэса (ср.: [Lass, 1997b, p. 72]). Справа от таблицы мы приводим примеры преобразований конкретных слов в соответствии с процессами, отраженными в схеме. Эти примеры демонстрируют консервативный характер орфографии современного английского языка, поскольку в ней не нашел отражения *Великий сдвиг гласных*.

Таблица 6

Великий сдвиг гласных

1400		1500		1600		Mod.E.	
i:	→	eɪ	→	ɛi	→	ai	time [ti:mə → taim]
e:	→	i:	→	i:	→	i:	see [se: → si:]
ɛ:	→	ɛ:	→	e:	→	i:	clean [kle:n → kle:n → kli:n]
a:	→	a:	→	ɛ:	→	ei	take [ta:kə → teik]
u:	→	ou	→	ou	→	au	how [hu: → hau]; out [u:t → aut]
o:	→	u:	→	u:	→	u:	do [do: → du:]; food [fo:d → fu:d]
ɔ:	→	ɔ:	→	o:	→	ou	load [lo:d → loud]; go [gɔ: → gou]

Общий для всех этапов процесс сужения звуков заключается в том, что каждый гласный произносится на одну «ступеньку» выше с учетом перемещения языка в вертикальной плоскости. Гласные же самого высокого подъема не могли далее повышаться, поэтому в них наблюдается дифтонгизация с конечным сужением. В. Я. Плоткин усматривает в появлении новых неабруптивных фонем по сдвигу гласных «необходимость восстановить симметрию во внутренней структуре неабруптивного вокализма», относя, таким образом, причины Великого сдвига гласных

к структурным механизмам в подсистеме вокализма. Между тем встречаются и другие подходы к рассмотрению данного явления. В частности, сужение как направленность изменений вовлеченных в Великий сдвиг гласных фонем может быть объяснена в качестве еще одного шага к укреплению корреляции плотного контакта, поскольку слогоноситель с гласным более высокого подъема отличается антропофонически более сильным примыканием к последующему согласному. Фактически появление новых гласных увеличивает количество слов, в которых усеченному гласному плотного контакта могут быть противопоставлены на основе уменьшения силы примыкания слогоносители с неусеченными устойчивыми монофтонгами и неустойчивыми дифтонгическими гласными: [bit – bi:t – bait].

Следующим этапом в разворачивании данных процессов и появлении новых классов неабруптивных фонем стала *вокализация* [r, l, χ], которая продолжила цепочку начавшихся еще раньше, в позднесреднеанглийский период, вокализаций [y', w, γ]. Вокализацию всех этих звуков связывают с их близостью к гласным по качеству. Это означало их слабость в отношении формирования абруптивности у гласного слогоносителя. Поэтому такого рода согласные язык просто выводил за пределы системы, превращая их в вокалический элемент, а гласный слогоносителя – в неабруптивный. Вокализирующиеся согласные при этом могли вызывать смещение артикуляции предшествующих гласных вниз и назад, образование пазвуков [ə] или [i], [u]. Наиболее существенной для состояния вокалической подсистемы оказалась вокализация [r]. Гласные [i, u, e, o, a] в ходе вокализации последующего [r] не превратились в сужающиеся неабруптивные фонемы, а образовали *новые классы неабруптивных фонем* (устойчивые, которые количественно превышали усеченные гласные и сохраняли устойчивость положения органов речи в процессе артикуляции [ə:], [ɑ:], [ɔ:], и неустойчивые центрирующие звуки [iə], [uə], [eə], [ɔə], [aiə], [auə] со смещением уклада органов речи от маргинального к центральному положению языка в процессе производства звуков, вторым элементом которых стал продукт вокализации – [ə]), что связывают с расширяющим эффектом [r].

Вокализация [χ] давала разные результаты, пополняя количество слов с неабруптивными гласными, которые потом включались в Великий сдвиг гласных. В позиции перед [t]: night [niχt > ni:t > nait]; fought [fouχt > fo:t]. В первом случае продукт вокализации – пазвук [i] сливается с гласным, лишая его абруптивности, во втором случае образовавшийся в ходе вокализации пазвук /u/, сливаясь с предыдущим гласным, трансформирует его постепенно в устойчивый неабруптивный монофтонг [ɔ:].

В конечной позиции вокализации [χ] большей частью не наблюдается, на месте [χ] появляется [f]. При этом развивается абруптивность предшествующего звука: Rough [f], tough [f], laugh [f], etc.

Во всех случаях орфография не отразила произошедших изменений и среднеанглийский способ обозначения [χ] остался сохраненным.

Сонант [l] также не способствовал установлению плотного контакта, перед ним у некоторых гласных звуков мог развиваться пазвук [u]. Образовавшиеся дифтонгоиды также выводили исходный гласный из разряда абруптивных и могли включаться в Великий сдвиг гласных. При этом сам сонант исчезал не всегда, в конечной позиции он мог и сохраняться (ср.: talk – tall). Наиболее устойчиво его исчезновение наблюдается перед согласными: [k, m, v, f], иногда [d]: folk, palm, half, should.

Абруптивные [i u e o a] утрачивают свою абруптивность перед вокализирующимся [r], создав, как уже говорилось, новый разряд неабруптивных монофтонгов [ə: o: α:]. Этот разряд включает в свой состав и некоторые аллофоны абруптивных гласных, не находившихся изначально перед [r].

i + r	fir [fə:]	o + r >	[o:] for [fo:]
e + r }	[ə:] >	her [hə:]	a + r >
u + r	fur [fə:]		[a:] bar [ba:]

Позиции [α:] укреплялись за счет более поздних изменений. Ср.:

Cf. Mid.E. > E.New E. [a > æ > a:] bath, rather, class, fast, ask, clasp [a:].

Полного единообразия в распределении фонем по лексемам (словоформам) не наблюдается ни в разных диалектах английского языка, ни внутри одного и того же варианта языка (как в Британии, так и в Америке). Отсюда и возможность незавершенности данного перехода в каждом диалекте в своем варианте распределения звуков по лексемам между [æ] и [a:]. Ср.:

Bath, rather, class, fast, ask, clasp [æ].

Вокализация /r/ после неусеченных гласных (в этих случаях за /r/ иногда следовал неударный гласный) принимает следующий вид:

i: + r	tire [ti:rə → taiə]
e: + r	steer [ste:r → stiə]
ɛ: + r	fear [fɛ:r → fiə]
ɛ: + r	there [θɛ:rə → θeə]
a: + r	fare [fa:rə → fɛə]
o: + r	floor [flo:r → floə → flo:]
o: + r	moor [mo:r → muə]
u: + r	flower [flu:r → flauə]

Таким образом, неабруптивные гласные смогли развить несколько подклассов на основе выделения оппозиции устойчивости, а в дальнейшем и на основе выделения из разряда неустойчивых оппозиции центрирующего скольжения. Из имеющихся текстовых данных, свидетельств современников и на основании сличения звуковых оболочек слов с орфографическими данными можно заключить, что различные процессы вокализации, упоминавшиеся выше, проходили преимущественно в одно время с Великим сдвигом гласных или чуть раньше (примерно с XIV–XV по начало XVIII в.), поскольку «результаты» вокализации позднее втянулись и в изменения по Великому сдвигу гласных. С другой стороны, вокализация /r/ продолжалась и после того, как прошли наиболее масштабные изменения по

Великому сдвигу гласных. Впрочем, у диалектологов есть очень веские основания полагать, что процесс вокализации /r/, приводящий к появлению так называемых безэрных вариантов произношения (non-rhotic varieties) в ряде регионов Англии, сохраняет свою активность, отводя эрным вариантам (rhotic) место реликтовых, консервативных, на периферийных зонах ареала (об этом подробнее см: [Chambers, Trudgill, 1998, p. 95]). Возможно, ликвидация эрных вариантов поддерживается необходимостью маркировки плотного контакта, которая недостижима для гласного в соседстве с /r/.

В ранненовоанглийском имели место и некоторые изменения в подгруппе «кратких», абруптивных гласных. Некоторые из них стоит отметить особо, поскольку они повлияли на общую картину распределения абруптивных гласных с плотным контактом в звуковых оболочках слов новоанглийского периода. Так, еще при переходе к среднеанглийскому древнеанглийское [æ] перешло в [a] (см. табл. 3). В XVI в. имел место обратный переход [a] в [æ]. Лабиализованный же аллофон этой фонемы после [w] некоторое время сохранялся без изменений, но впоследствии также продвинулся по ряду до [ɒ]. Ср.: Hat, cat [æ] vs. want [wɒ].

Узкий же гласный заднего ряда [u] расширился и делабиализовался в [ʌ]: Come, love, luck, but.

Произошло это не со всеми аллофонами фонемы [u]. Например, после губных согласных условия для лабиализации сохранились и гласный остался без изменения: full [u]. Сама фонема [u] не устранилась из группы абруптивных гласных, но количество слов с этим звуком существенно сократилось после прошедшего преобразования. Кроме того, целый ряд слов со звуком [u:], о чем свидетельствует их графическая оболочка, включились в процесс, состояние которого от среднеанглийского до современного можно представить следующим образом: [o: > u: > u > ʌ]. Например: flood, blood, month, done, rough, enough и др.

Это способствовало пополнению количества слов с новым абруптивным [ʌ].

Таким образом, в новоанглийском вокализме на какое-то время закрепилось шесть абруптивных фонем, противопоставленных друг другу по признаку ряда (см. табл. 5).

Примечательно, что, несмотря на различие подходов к описанию вокализма новоанглийского периода, все фонологи (включая тех, кто трактует новоанглийский вокализм в рамках оппозиции протяженности) отмечают зависимость качества гласных от типа слога и готовы противопоставлять «краткие» (абруптивные) гласные «долгим» (неабруптивным), отмечая особенности «кратких», которые свидетельствуют об их маркированности как нового класса фонем. Так, Р. Лэс пишет: «Even though the Middle English (and Modern) vowels fall into three phonetic sets (short monophthongs, long monophthongs, and diphthongs), there are good phonological reasons for adopting only the dichotomy 'long' v. 'short'. Long vowels and diphthongs tend to behave both synchronically and historically as a set: e.g. only members of these groups can terminate the strong syllable of a foot (modern *bee* /bi:/, *buy* /bai/,

but no ****/bæ/, **/bu/**). And cross-dialectally, long vowels in one variety will often correspond to diphthongs in another and vice versa, whereas short will correspond to short, not to either of the long categories. ...This is because long vowels and diphthongs are both vowel-clusters or complex nuclei, distinct only in that the latter have non-identical members, and the former are geminates or self-clusters (e.g. /a:/ = /aa/). Historically the two sets are also quite coherent. Many of the major changes in our period fall into one of two groups: those affecting short (simple) vowels only, and those affecting long (complex) ones only. Each set has its own (relatively) independent history» [Lass, 1999, p. 69–70]. Такое положение дел, как нам думается, обусловливается именно природой противопоставления по типу контакта (плотный – свободный) в новоанглийском языке. Частными проявлениями последнего являются разнохарактерные по наполнению слогоморфемы (просодемы), общее количество которых превышает маркированные случаи плотного контакта и объединяется в общую категорию гетерогенных (немаркированных), менее устойчивых типов, воплощающих в себе свободный контакт при «фонетической сборке» становящихся каноническими носителей значений – корневых слогоморфем. Именно этот фактор и организует прежние классы протяженных и выросших из них в ходе Великого сдвига гласных дифтонгов на новой, выходящей по своей функциональной значимости за пределы собственно сегментного уровня основе. При таком развитии процессов различие между оппозициями «долгота – краткость» и «усеченность – неусеченность» может свестись к чисто терминологическому. Н. С. Трубецкой, рассуждая о фонологической интерпретации количества и о маркированности членов соответствующих оппозиций в английском и некоторых других западногерманских языках с динамическим ударением, писал: «Противопоставление по количеству в открытом исходе слова нейтрализуется. Кроме того, в конечных открытых слогах под ударением возможны лишь долгие гласные. Поэтому-то немаркированным членом корреляции здесь следует считать не краткие, а долгие слононосители. Здесь, таким образом, речь может идти только о противоположении нормальных полноартикулируемых гласных, с одной стороны, и усеченных гласных, артикуляция которых прерывается приступом последующего согласного, – с другой. При этом “резкое усечение слога” является признаком корреляции. В “корреляции усечения слога” длительность представляет собой лишь выражение полной и беспрепятственной артикуляции гласного, а краткость – выражение усечения конечной фазы артикуляции гласного последующим согласным» [Трубецкой, 2000, с. 207].

При всех различиях существующих интерпретаций вокалической подсистемы американских вариантов английского языка ведущими фонологами-англистами признается основная оппозиция абруптивности (checked – free) как системообразующая для вокалической подсистемы американского английского. Так, в недавно

выпущенном атласе американского английского ¹³ констатируется необходимость уточнения традиционной, исторически утвердившейся в педагогической практике терминологии (*short – long*) в связи с тем, что она не отражает природу тонких различий сложившихся новых классов гласных фонем по просодическому признаку зависимости от типа слога. При этом также отмечается функциональное совпадение оппозиции *checked – free* с *short – long*.

«English short vowels cannot occur word-finally in stressed position, so there are no words of the phonetic form [bi, be, ba, bo or bu]. Long vowels can occur in such positions, in a variety of phonetic shapes. The word *be* can be realized as [bi, bi¹, bi², bi³, bi⁴], etc. Thus in English, long vowels are *free* while short stressed vowels are *checked*. It follows that a short vowel must be followed by a consonant. The checked – free opposition is co-extensive with the short – long distinction that is common to historical and pedagogical treatments of English, and it is central to the ANAE analysis of North American English as well» [Labov, Ash, Boberg, 2006, p. 11].

Таким образом, системообразующая в плане различимости оболочек корневых слов оппозиция представлена и в американском английском, что свидетельствует о сформированности базовых признаков нового типа в английском языке к началу английской экспансии в мире. Однако отсутствие вокализации /r/ в большинстве американских диалектов заставило вокалические подсистемы американских вариантов языка выработать несколько отличный механизм распределения усеченных и

¹³ ANAE = The atlas of North American English: phonetics, phonology, and sound change: a multimedia reference tool / by William Labov, Sharon Ash, Charles Boberg. 2006. Berlin: Mouton de Gruyter. New York. Авторы этого атласа применяют так называемую «бинарную» систему транскрипционных знаков (binary notation), в которой распознается два типа элементов – знаки для кратких (усеченных) гласных и для глайдов. «There are three basic types of glide at the phonemic level: front upglides, represented as /y/, back upglides (/w/), and inglides or long monophthongs (/h/) ... (footnote 6 – the /h/ glide is an abstract notation indicating either a lengthened vowel or an inglide towards schwa. These are generally in complementary distribution; low back vowels are generally long monophthongs, while high and mid vowels are ingliding)» [p. 11–12]. При этом в фонематической транскрипции все виды повышающихся глайдов переднего ряда [j, i, ɪ, e, ε] (front upglides) обозначаются одним знаком – /y/, а повышающиеся глайды заднего ряда [w, u, ʊ, o, ɔ] – знаком /w/. Кроме того, авторы атласа вводят понятие исходного состояния системы (initial position), объясняя, что это помогает понять внутреннюю логику изменений, происходящих в современных североамериканских диалектах английского языка: «...the notion of initial position... is based on two principles: (1) each of the current regional vowel systems can be derived from this representation by a combination of mergers, splits, shifts of sub-system or movements within a sub-system, and (2) the differential directions of changes in progress in regional dialects can be understood as the result of a different series of changes from the initial position. If mergers are involved, the initial position will show the maximum number of distinct forms; if splits are involved, it will be the minimum. For conditioned sound changes, such as the vocalization of postvocalic /r/, the initial position will show the undifferentiated forms, for example, /r/ in all positions» [Ibid.].

неусеченных звуков по лексическим группам, в котором также очевидна зависимость встречаемости гласного от типа слога (от плотности контакта). Различия в плотности контакта фиксируются и в необходимости отражения соответствующих различий по типу групп гласных в процедуре описания фонем. Систематизируя американские гласные, авторы атласа выделяют особые типы встречаемости по позициям: гласные, которые появляются перед интервокальным /r/ в двусложных словах, и гласные, составляющие ядро слога, в позиции ядра слога перед финальным /r/. Неусеченные (неабруптивные) классы также более многочисленны и подразделяются на группы сужающихся передних и задних дифтонгов и устойчивых монофтонгов разных видов в зависимости от ряда и подъема (табл. 7 (а–в)). Табл. 7 (а) представляет «исходное состояние (конфигурацию) системы» американских гласных, на основе которого можно описать любой вариант современного американского английского языка. В табл. 7 (б) представлено исходное состояние для описания гласных перед интервокальным /r/, а в табл. 7 (в) – перед /r/ в исходе слога.

Таблица 7 (а)

Американский вокализм (стандарт)

Nucleus	Short		Long					
	V		Upliding				Ingliding	
			Front upgliding		Back upgliding		unrounded	rounded
	front	back	front	back	front	back		
		Vy		Vw		Vh		
High	i	u	iy		iw	uw		
	bit	put	beat		suit	boot		
Mid	e	ʌ	ey	oy		ow		oh
	bet	but	bait	boy		boat		bought
Low	æ	o		ay		aw	ah	
	bat	cot		bite		bout	balm	

Таблица 7 (б)

Before intervocalic /r/

Nucleus	Short		Long			
	V		Upliding			
			Front upgliding		Back upgliding	
	front	back	front	back	front	back
		Vy		Vw		
High	/i/	/u/	iy			
	Mirror	jury	nearer			
Mid	/e/	/ʌ/	ey	oy		ow
	Merry	Murry	Mary	Moira		story
Low	/æ/	/o/		ay		aw
	Marry	morrow		spiral		dowry

Таблица 7 (в)

Initial position for vowels before tautosyllabic /r/

Nucleus	front	Ingliding Vh	
		unrounded	back rounded
High	/ihr/ fear		/uhr/ moor
Mid	/ehr/ fair	/ʌhr/ fur	/ohr/ four
Low		/ahr/ far	/ohr/ for

Примечание. Источник: [Labov, Ash, Boberg, 2006, p. 12–15].

Примечательно, что сужающиеся дифтонги и дифтонгоиды не встречаются перед финалью /r/, но могут встречаться в двусложных словах с интервокальным /r/-инициалю второго слога. Вместе с тем, перед финалью /r/ фиксируется переход к ней через центростремительный глайд /h/. Такое позиционно обусловленное распределение звуков дает возможность предположить, что вокализация /r/ в американском английском, возможно, будет продолжаться в условиях немаркированности свободного контакта, во всяком случае перед /r/ наблюдается особая неустойчивость гласных, нейтрализация оппозиций, что проявляется в наибольшей по сравнению с другими позициями интенсивности звуковых изменений: «Set of vowels before /r/ show a puzzling array of mergers and chain shifts quite distinct from those operating in the rest of the vowel system. Before intervocalic /r/, /iy/ and /i/, /uw/ and /u/ are merged in most current dialects. For the majority of North Am. speakers, there is complete merger of /ey/, /æ/, and /e/ in Mary, marry, merry» [Ibid.].

«While the vowels before intervocalic /r/ show an opposition of short to long vowels, no such opposition can be found for vowels before a tautosyllabic /r/ that cannot be assigned to syllable-initial position. The high and mid short vowels in fir, her, fur, and words with-or-after /w/ have all merged to syllabic /r/ which falls structurally into the mid-back unrounded position. While upglides can occur before intervocalic syllable-initial /r/ as in Mary, they never occur before tautosyllabic /r/, where the transition to full /r/ constriction is through an inglide. Vowels before tautosyllabic /r/ fall naturally into the sub-class of long and ingliding vowels. When syllable final /r/ is vocalized, the small group of two ingliding vowels /ah/ and /oh/ ... is augmented with /ih, eh, uh/» [Ibid.].

Сопоставляя данные исторического анализа новоанглийских гласных и состояния фонологических подсистем современного американского английского, можно заключить, что в развитии американского и британского вариантов английского языка с функционально-типологической точки зрения наблюдаются изоморфные процессы при наличии специфики (вариантных возможностей) адаптации вокалических подсистем к на первый взгляд сходным внешним детерминантам. Для того чтобы получить ответы на вопросы о том, в какой мере и какие

именно этнические процессы в различных сообществах англоязычных людей в Америке формируют специфику реализации в них внешних детерминант, необходимо в каждом конкретном случае проводить историко-типологическое исследование макросистемы развития «этнос (субэтнос, суперэтнос) – язык».

§ 6. Исторические изменения в консонантной подсистеме

Рассмотрим состав консонантных фонем и характер их оппозиций в различные периоды истории английского языка. Ниже приводятся сравнительные таблицы, в которых систематизируются согласные на трех срезах.

Таблица 8

Древнеанглийский консонантизм¹⁴

	Губные Labial	зубные Dental	альвеолярные Alveolar	альвеопалатальные Palatoalveolar	←	палатальные (среднеязыч.) Palatal	палатально-велярные (заднеязыч.) Velar	велярно-горланные Glottal
Смычные (глухие)	p	t		tʃ	←	k'	k	
(звонкие) Stop	b	d		dʒ	←	g'	g	
Фрикативные Fricative	f	θ	s	ʃ	←	s + k'	χ	
Носовые Nasal	m	n						
Плавные (Ртовые) Liquid	w		r l			j		

¹⁴ Деление согласных на классы в общих чертах соответствует принципам классификации в: [Lass, 1999, p. 70–71]. Наша таблица отражает позднеревнеанглийское состояние дел, в ней из соображений экономии не отражены геминаты (протяженные, т. е. долгие согласные), но фиксируется результат аффрикатизации среднеязычных палатальных, процесс, произошедший примерно в IX–X вв., в то время как завершение упрощения геминат относят к XII в.

Окончание таблицы 8

Среднеанглийский консонантизм

	Labial	Dental	Alveolar	Palato- alveolar	Palatal	Velar	Glottal
Stop voiceless	p	t		tʃ		k	
Stop voiced	b	d		dʒ		g	
Fricative voiceless	f	θ	s	ʃ		χ	
Fricative voiced	v	ð	z	ʒ ←	z + j		
Nasal	m	n				ŋ	
Liquid	w		r l		j		

Новоанглийский консонантизм

	Labial	Dental	Alveolar	Palato- alveolar	Palatal	Velar	Glottal
Stop voiceless	p		t	tʃ		k	
Stop voiced	b		d	dʒ		g	
Fricative voiceless	f	θ	s	ʃ			h
Fricative voiced	v	ð	z	ʒ			
Nasal	m		n			ŋ	
Liquid	w		r l		j		

Из немногочисленных изменений в подсистеме консонантизма в древнеанглийском следует особо выделить те, которые имели определенное значение для дальнейших типологически значимых фонематических преобразований в языковой системе в целом. Обычно в этой связи называют *расщепление заднеязычных с выделением у них среднеязычных палатальных аллофонов*, в дальнейшем нового класса фонем – *среднеязычных палатальных*. Смычные /k, g/ под ассимилятивным воздействием соседних гласных переднего ряда превращались в среднеязычные палатальные /k', g'/. Однако этот процесс имел место только под воздействием исконных гласных переднего ряда. Гласные переднего ряда, возникшие в ре-

зультате палатального умлаута, не вызывали таких изменений¹⁵. Ср.: *birce* [k']; *cinn* [k'] vs. *cyning* [k] > *king*. Расщепление, вероятно (по датировке В. Я. Плоткина), имело место вместе с палатальным умлаутом (VI–VII вв.), поскольку могло быть обусловлено редукцией вызвавшего этот процесс неударного /i/, и может рассматриваться как аналог палатального умлаута в консонантизме [Плоткин, 1976, с. 45]. Расщепление коснулось не только простых /k' g'/, но и соответствующих им геминат /k': g':/, например: *brycg* [g':]. Однако в древнеанглийском все четыре палатальные фонемы были довольно редки, за исключением /k'/, отличавшейся существенной функциональной нагрузкой. Поэтому возникшие среднеязычные палатальные быстро превратились в аффрикаты, т. е. смычно-щелевые согласные примерно в IX–X вв. Это превращение поначалу, так же как и предшествовавшее ему расщепление заднеязычных, не нашло отражения в орфографии, и только в среднеанглийском под влиянием норманнской традиции появляется обозначение *ch* для [tʃ < k']: *cinn* > *chin*, *birce* > *birch*, *but: cyning* > *king* и *g, dge* для [dʒ < g' g':]: *ecg* > *edge*. В словаре в учебных целях мы используем специальную систему обозначений, которая традиционна для ряда древнеанглийских словарей и учебных изданий (см. список «Сокращения и символы»).

Одновременно в древнеанглийском языке появилась фонема [ʃ] как продукт «синтагматического слияния» согласных /s + k'/ при их взаимной ассимиляции. *Sceal* > *shall* [sk' > ʃ], *scip* > *ship*, etc.

Что же касается фонемы /ʒ/, то ее появление обычно связывают с синтагматическим слиянием /z + j/ в словах, которые заимствовались много позднее из французского – *vision, decision, pleasure* etc.

Особого внимания заслуживает оппозиция консонантной протяженности, которая, впрочем, не отражена в табл. 8. Наличие консонантной оппозиции протяженности, основанной, как известно, на количественном противопоставлении простых согласных геминированному (протяженному), определяется Н. С. Трубецким как важный показатель связи с признаками моросчитающего характера языка. Здесь мы опять вступаем в поле взаимодействия единиц фонологического и просодического плана, поскольку моры и слоги представляют собой две разновидности просодем, мельчайших смыслоразличительных ритмических (количественных, просодических) единиц.

Для одних языков типично моросчитание (как латинский и предположительно прагерманский), для других слогосчитание (как современный английский и немецкий). «Геминированную, или в более общем виде – многочленную, значимость долгих слогоносителей можно назвать «арифметическим пониманием количества», а языки, в которых обнаруживается такое понимание, – «моросчитающими языками» (поскольку минимальная просодическая единица в таких языках не всегда совпадает со слогом). Этим языкам противопоставляются «слогосчитающие»

¹⁵ Подробнее о причинах такого развития см.: [Плоткин, 1976, с. 43–46].

языки, где *просодические единицы всегда совпадают со слогом и где долгий слогоноситель* (если только он вообще существует) *должен расцениваться как целостная единица, а не как сумма ряда более дробных единиц* (курсив наш. – И. Ш.)» [Трубецкой, 2000, с. 205–206]. Мора меньше слога, поэтому в моросчитающих языках слогоноситель может включать в себя более одной мору. При этом число мор в слогоносителе может быть очень существенным для комплексной просодической характеристики слога. Так, в латинском языке ударение падает на третью от конца мору слогоносителя. Мору же обычно различают консонантные (C), вокалические, в количественном отношении приравненные к краткому однофазовому гласному (V), и слоговые (CV). По мнению многих германистов, в древнегерманских языках обнаруживаются явные следы прежнего моросчитающего характера, в особенности в готском языке, в котором возможен был слогораздел внутри фонемы (скажем, долгого гласного, состоящего из двух мор и приравнивающегося в количественном отношении к сочетанию одной гласной мору (краткого гласного) с согласной. Поэтому при слоговой делении проявлялась зависимость ударного слога от количества мор ударного слога (как в готских словах: *was/jis stō/jis*)¹⁶, причем эта зависимость была значима еще до появления первых письменных памятников, в которых моросчитание уже не прослеживалось как устойчивая черта. Видимо, просодическая длительность используется в моросчитающих языках как один из способов скрепления носителей значений в структуре словоформы.

Утрата моросчитания произошла, вероятнее всего, в первые века нашей эры. В письменных памятниках германских языков можно наблюдать следствия этой утраты. Очевидно, что разные фонемы по-разному ведут себя по отношению к просодическим единицам – морам и слогам. Например, далеко не все звуки могут входить в слогоноситель, т. е. становиться вершиной слога, выполнять слогаобразующую функцию. Обычно это прерогатива гласных. Если язык сохраняет моросчитающий характер, то гласные могут входить в слогоноситель на правах первой или второй вокалической мору, теоретически сонанты могут в силу своей звучности становиться второй морой слогоносителя, в отличие от шумных согласных,

¹⁶ Слогораздел здесь проходит через одну мору после первой мору слогоносителя. Таким образом, вокалическая мору слогоносителя, в данном случае однофазового гласного -a-, вместе с консонантной периферией образуют рифму -as (*wasjīs*), приравниваемую в количественном (просодическом) смысле к двум вокалическим морам двухфазового гласного рифмы *ō* (*stōjīs*) (VC = VV). Согласный -s- в таких случаях должен отойти при слогоразделе к первому слогу корня, при этом шумный -s- в слогоноситель не входит, а формирует согласную периферию слога, слоговую финаль. Ср.: закон ударного слога The Stressed Syllable Law, в соответствии с которым германские языки предпочитают двухморный ударный слог и трактовку количественных изменений гласных при переходе от древне- к среднеанглийскому (удлинение в открытых слогах и сокращение в закрытых) как стремление увеличить количество двухморных слоговых структур [Murray, Vennemann, 1983].

неспособных входить в слононоситель. Таким образом, в эпоху моросчитания слононоситель мог состоять из одной вокалической моры, двух вокалических мор, вокалической моры и сонанта. Это означает, что действовала *просодическая оппозиция противопоставления одноморного слононосителя двухморному*, и эта оппозиция могла быть значимой при формировании звуковых оболочек носителей значений в языке. Дальнейшее развитие процесса в связи с утратой моросчитания в германских языках реконструируется В. Я. Плоткиным и интерпретируется им как появление новой фонематической трактовки (уход с просодического уровня на фонематический) прежних компонентов слононосителя и как результат – образование новой оппозиции протяженности у согласных, т. е. появление нового типа согласных – геминат [Плоткин, 1976, с. 53–54]. Это означало, что одноморный слононоситель (V) начинает трактоваться как краткий гласный (и это теперь становится его неотъемлемым фонематическим свойством). Из общегерманских двухморных слононосителей только те, которые состояли из двух вокалических мор (VV и V + полугласные /i; u/), превратились в праанглийском в долгие гласные монофтонги, причем слононосители со вторым элементом /u/ превратились в дифтонги передне-заднего скольжения. Ср.:

Прагерманские двухфонемные дифтонги → древнеанглийские новые фонемы

eī	i:
ɑī	ɑ:
au	æɑ:
eu	eo:
iū	iū:

См. также табл. 1.

Двухморные же слононосители со вторыми морями-сонантами /r l m n/ развивались иначе. Только /m/ и /n/ слились с предшествующей вокалической морой, образовав долгий монофтонг. Этот процесс известен как *ингвеонское «выпадение носовых»* перед щелевыми шумными согласными с компенсаторным удлинением гласного. Он выявляется при сравнении древнеанглийских форм с готскими и древневерхненемецкими:

Готский	Древнеанглийский	Древневерхненемецкий
fimf	fif	finf
anþar	ōþer	andar
uns	ūs	uns

Что же касается остальных сонантов, а именно /l r/, то они исключались из слононосителя в новых условиях и включались в состав согласной периферии слога, что способствовало, по мнению В. Я. Плоткина, установлению более тесного

взаимодействия этих сонантов с другими синтагматически примыкающими к ним согласными. Это взаимодействие было особенно сильным, если сонант прежнего слононосителя оказывался перед сонантом, начинавшим следующий слог, и это создавало синтагматически благоприятные условия для их слияния в одну согласную фонему – долгий сонант. Так появилась, в соответствии с теорией В. Я. Плоткина, оппозиция протяженности у согласных. Возникнув первоначально у сонантов, она впоследствии распространилась и на другие консонантные подгруппы. Так, в готском мы находим еще преимущественно протяженные *сонанты*, что маркируется в орфографии: *fulls, swimman, manna, fairra*, хотя уже возможны и случаи типа *atta, sakkus*. В древнеанглийском эта оппозиция развернулась гораздо шире. Это произошло благодаря так называемому *западногерманскому удвоению согласных* (V в.). Удвоение имело место в позиции после краткого ударного гласного перед последующим гласным /i/ или полугласным /j/.

Готский	Древнеанглийский	
badi	bedd	«ложе»
hlahjan	hliehhan	«смеяться».

Вероятно, в древнеанглийском наблюдались преобразования такого рода: *framian > fremman, *hleahian > hliehhan, *tælian > tellan, *sæcgan > secgan, etc.

Таким образом, древнеанглийский консонантизм обогатился шестнадцатью протяженными согласными [p: t: k': k: b: d: g': g: f: θ: s: χ: r: l: m: n:]. Только полугласные /j w/ не имели протяженных соответствий, поскольку они не переходили обычно на слоговую периферию. Об их вокализации см. выше. *Ликвидацию моросчитания* можно отнести примерно ко II–V вв. н. э., в качестве *переходного процесса* можно, вслед за Плоткиным, рассматривать установление фонематической *оппозиции протяженности как у гласных, так и у согласных*. Синтагматически выход из моросчитания проявлялся поначалу в тенденции у протяженных гласных располагаться перед непротяженными согласными, а у протяженных согласных – после непротяженных гласных. Достигая максимального развертывания в X в. оппозиция протяженности у гласных и согласных пришла в противоречие с иными факторами в языковой системе, в частности, факторами функциональными. Вероятно, под давлением внешней детерминанты в позднедревнеанглийском и в переходный период это послужило основанием утраты ею устойчивости. В подсистеме вокализма появился новый аттрактор, как уже говорилось, оппозиция абруптивности, заменившая протяженность и с количественной точки зрения опиравшаяся на то, что В. Я. Плоткин назвал *фазовостью*, т. е. развившуюся после появления абруптивности подкатегорию оппозиций, опирающихся на «наличие или отсутствие в артикуляции гласного звука различных фаз, а также отношения между фазами» [Плоткин, 1989, с. 176]. В соответствии с этой логикой *подкатегория фазовости* включает в себя три оппозиции, реализация ко-

торых дает разные варианты по плотности контакта. Однофазовая артикуляция *маркированного абруптивного (усеченного) гласного* характеризует *плотный контакт*, в котором актуализируется оппозиция абруптивности, как у [i] (pit), в свободном же контакте реализуется потенциал двух других фазовых оппозиций – *устойчивости и центростремительности* (в первом случае обе фазы артикулируются одинаково, как у [a:] (far), во втором – наблюдается смещение артикуляции во второй фазе к центрирующей позиции языка, как у [uə] (sure), или к повышению, как у [ai] в time). *Каждый из фазовых классов фонем, таким образом, оказывается связанным с определенными типами слоговых структур и приобретает новую просодическую значимость на уровне различения звуковых оболочек корнеслов.*

В консонантной подсистеме в X–XII вв. вместе с чередой среднеанглийских сокращений и удлинений гласных в закрытых и открытых слогах произошло *упрощение геминат*, ликвидация оппозиции консонантной протяженности, что, вероятно, стало следующим шагом в сторону радикального отхода от моросчитания, начавшегося еще в дописьменный период, сопряженного с редуцией в неударных слогах и созданием *новых фонологических механизмов фонетической «сборки» носителей значений*, в первую очередь корневых морфем. В перестройке консонантных оппозиций нельзя не отметить так называемое «озвончение щелевых», которое означало фонологизацию звонких аллофонов щелевых согласных [f s θ]. Так, в древнеанглийском языке звонкие фрикативные аллофоны фонем [f s θ] появлялись в позиции, способствовавшей озвончению (между гласными и в соседстве с неглухими согласными). Соответствующие им геминаты между гласными озвончению не подвергались (что не способствовало фонологическому укреплению этих геминат в качестве отдельных фонем). Например: Risan [ri:zan] – rās [ra:s]; lufian [lufian] – leaf [leaf]; swīþe [swi:ðə] – þeod [θeo:d]. Ho:sipþan, cyssan.

В древнеанглийском, возможно, имело место оглушение звонких согласных в конечной позиции, что свидетельствует об их большей маркированности в этот период времени, как утверждают фонологи [Плоткин, 1976, с. 138]. Однако в среднеанглийском вместе с фонологизацией звонких аллофонов в упоминавшихся выше позициях у щелевых и после массовой редукации неударных гласных у некогда двусложных словоформ, ставших однослогами, появляются дополнительные трудности в различении границ корневых морфем. Как следствие, наблюдается озвончение щелевых не только в описанных выше позициях в ударных слогах, но и во флексиях, в служебных словах – предлогах, местоимениях и т. п. Например: *heavon, was, this, that, as, of, has, ofer, starve* (О.Е. *steorfan*). С фонологической точки зрения озвончение свидетельствует о меньшей маркированности звонких по сравнению с глухими [Там же]. Но что это за звонкие и глухие? Какими стали эти звуки в средне- и новоанглийском? Плоткин отмечает со ссылкой на Й. Вахека, как автора идеи, что в английском, по всей видимости, произошла *замена оппозиции звонкости на оппозицию напряженности*. И напряженность, и придыхание при этом трактуются как компоненты шумности. Это означало, что звонкие (со-

норные шумные) превратились в промежуточный класс несонорных нешумных, т. е. ненапряженных **lenes**, а глухие шумные маркируются с подчеркиванием шумообразующей артикуляции, в том числе и придыханием (для смычных), и характеризуются как напряженные, сильные – **fortes**. Новая оппозиция оказывается более устойчивой к нейтрализации в абсолютном исходе слова, а значит, более пригодна для различения корнеслогов [Плоткин, 1976, с. 137]. Добавим к сказанному фонологами, что такое развитие событий в фонологической динамике может быть сопряжено и со способностью глухих шумных (в частности, смычных) играть особую роль в обеспечении плотности контакта. Из всех своих аллофонов χ [χ χ'] и [h] щелевой заднеязычный сохранил только фарингальный аллофон, который стал самостоятельной фонемой, другие же аллофоны подверглись вокализации еще на ранних этапах истории языка¹⁷. О судьбе древнеанглийского заднеязычного аллофона [ɣ], также подвергшегося вокализации, уже говорилось. Таким образом, консонантная подсистема оказалась более устойчивой к разного рода изменениям по сравнению с вокалической подсистемой. Вместе с тем, обе подсистемы тесно взаимодействуют в ходе исторических преобразований. Их взаимодействия проявляются не только в коэволюционной динамике сходных по природе оппозиций, но и в синтагматике взаимодействий, в софункционировании в процессе фонетической «сборки» носителей значений.

§ 7. Выводы

Для того чтобы понять, как происходила адаптация фонетической подсистемы английского языка к изменению внешних по отношению к ней факторов, необходимо рассматривать взаимодействие исторических процессов преобразований фонологических (сегментных) единиц и единиц просодических (суперсегментных).

Вокалическая подсистема древнеанглийского языка строилась на основе следующих антропофонических признаков:

1) движение языка в полости рта в вертикальной плоскости; ему соответствуют оппозиции по подъему, благодаря которым в древнеанглийском имелись *гласные высокого подъема*, т. е. узкие, закрытые звуки [i], [y], [u] и их долгие корреляты; [æ], [ɑ] – *гласные низкого подъема*, т. е. широкие (открытые); а также [e], [o] – *гласные среднего подъема*;

2) движение языка в горизонтальной плоскости в полости рта (оппозиции по ряду). [i], [e], [æ] – *гласные переднего ряда*; [u], [ɑ], [o] и их долгие соответствия – *гласные заднего ряда*; [y] – *смешанного ряда*;

3) огубленность-неогубленность (*лабиализованные – нелабиализованные*);

¹⁷ Обоснование зависимости этих аллофонов от их позиции по отношению к элементам структуры слога и новую интерпретацию фонологических и связанных с ними просодических изменений с участием заднеязычных щелевых в рамках теории оптимальности можно найти в: [Opalinska, 2004].

4) протяженность (*долгота – краткость*);

5) количество и состав элементов связанные с изменением или сохранением устойчивости уклада органов речи при артикуляции – *дифтонги* и *монофтонги*.

С просодической точки зрения древнеанглийский язык является слогосчитающим. Между тем есть все основания принять гипотезу о моросчитающем характере древнегерманского праязыка. Утрата моросчитания произошла предположительно в дописьменный период, примерно со II по V в. Фонологические изменения внутри древнеанглийского периода вносили фонетическую неустойчивость и нестабильность в корневые морфемы. Фонологическая основа и функциональный статус ряда изменений, таким образом, зависели от морфологических показателей носителей значений. Так, ударение устойчиво маркировало корневую морфему, создавая условия для ее выделения и противопоставления другим частям словоформы. Вместе с тем, древнеанглийский характеризуется выраженными фузионными процессами, указывающими на преобладание синтеза в оформлении носителей значений и стремление к их цельнооформленности.

В древнеанглийском языке осуществлялся поиск в рамках старых, унаследованных от прагерманского состояния возможностей расширения состава гласных, что приводило к появлению таких антропофонически сложных оппозиций, как передне-заднее скольжение, породивших заметное количество словесных оболочек с неустойчивостью корня в результате ассимилятивных процессов на стыках морфем. К процессам такого рода можно отнести преломление, умлаут, велярный умлаут и др. Сложность тончайших фонологических различий и малая функциональная нагруженность этих процессов (не только из-за ограничений по диалектам, но и из-за малого количества словоформ, в которых реализовывалась основанная на дистинкторе передне-заднего скольжения оппозиция) приводят к тому, что оппозиция передне-заднего скольжения свернулась в течение древнеанглийского периода. Регрессивная направленность ассимиляции свидетельствует о том, что устойчивость корневой морфемы приносилась в жертву цельнооформленности словоформы, т. е. в древнеанглийском преобладала синтетическая техника сборки носителей значений.

В среднеанглийском вместе с редукцией безударных и слабоударных слогов усиливается тенденция к сокращению количества гласных, встречающихся в неударных слогах, и в итоге остался один гласный – нейтральный по отношению к ряду и подъему. В XIII–XIV вв. этот гласный перестает произноситься, его орфографический маркер становится показателем открытости среднеанглийского слога. Постепенно устанавливается зависимость качества и количества гласного от типа слоговых структур. К этому приводит многоступенчатое развертывание оппозиции абруптивности. Сначала в результате сокращения долгих гласных в закрытых слогах появляются маркированные краткие гласные (абруптивные), которые усекаются консонантной финалью. Постепенно увеличивается количество оболочек слов, в которых устанавливается такой плотный контакт между ядром слога и

его консонантной периферией. В тех случаях, где согласный в силу слабовыраженной консонантности не справлялся с усечением гласного, он подвергался вокализации, что увеличивало количество слогоморфем с устойчиво свободным типом контакта. Различные виды гласных (устойчивые монофтонги, нецентрирующие и центрирующие дифтонги), характерных для неусеченности с более-менее свободным контактом, образуются в новоанглийский период в результате Великого сдвига гласных, вокализации согласной периферии (особенно сонантов) и некоторых других процессов.

Оппозиция фазовости существенно расширила возможности различения морфосиллабов фонетическими средствами в новоанглийском языке, свойственного агглютинативным и корнеизолирующим языкам противопоставления корнеслога иным элементам словоформы (если таковые есть) и повышения его устойчивости. При наличии разных подходов к интерпретации истории и современного состояния английского вокализма фонологи сходятся во мнении, что и в британском, и в американском варианте английского языка сложилась такая системообразующая, типологически значимая оппозиция, как абруптивность (фазовость), что в определенной степени свидетельствует об относительной завершенности основных типологически релевантных преобразований, в достаточной степени, чтобы изменить типологический статус языка еще в период до развертывания (в самом начале развертывания) масштабных процессов английской колонизации новых ландшафтных зон.

Согласные проявили бóльшую устойчивость в ходе истории языка. Тем не менее, их количество и характер оппозиций менялись со временем в основном в связи с вокалическими преобразованиями. Устранение моросчитания и оппозиции протяженности у согласных (и у гласных в ее прежнем виде), фонологизация звонких щелевых, появление оппозиции напряженности и некоторые другие процессы, будучи вызванными функциональным запросом на обеспечение большей устойчивости и различимости корнеслогов (морфосиллабов), имели однонаправленный характер.

Глава II

Типологически релевантные процессы в истории грамматической подсистемы английского языка

§ 1. Единицы анализа на морфологическом уровне

Условимся под морфологией понимать учение о формах канонических носителей значений в рассматриваемом языке и о технике их «сборки». Единицы морфологического уровня обладают свойством означать смыслы, их значения поддаются описанию в языке, а потому наряду с другими номинативными единицами их можно назвать общим термином *носители значений*.

Носитель значения – языковая единица, способная передавать определенное значение (в этом ряду такие единицы, как: морфема, словоформа и т. д.). В данном параграфе речь пойдет о носителях значений, выделяемых на морфологическом уровне в различные периоды истории английского языка. Когда говорят о канонических единицах, то обычно имеют в виду длительное время сохраняющие устойчивость, типичные (типовые), «образцовые», наиболее распространенные, средне-статистически и функционально доминирующие типы, иногда уточняя, что они могут расцениваться как прототипические, т. е. наилучшие, самые яркие и оптимальные представители класса рассматриваемых единиц.

Теперь уточним понятие «значение», что представляется нам особенно важным в историко-типологическом контексте. Типологи давно заметили, что очень трудно выработать такие семантические теории, которые были бы пригодны для описания значений в языках самых разных типов, поскольку канонические носители значений, техника их соединения («сборки») и сам семантический объем типичного носителя значения могут существенно отличаться по языкам. В данном случае мы ведем речь не об ассоциативном «багаже» слова в виде культурноспецифичных значений, что представляет собой отдельную, очень важную проблему. Речь идет об именно языковых значениях, доступных для восприятия и изучения на уровне рефлексивного слоя сознания. В этой связи нам представляется удобным предложенная В. М. Солнцевым *модель описания значения*, которая, на наш взгляд, пригодна для описания значений, ассоциируемых со словами в разных языках.

В. М. Солнцев различает *лексическое, общеграмматическое и частнограмматические* значения [Солнцев, 1995, с. 142–143]. Лексическое значение в чистом виде существовать не может. Мы можем выделять его условно, для удобства анализа, но в чистом виде оно не существует. Оно реализуется совместно с так называемым «общеграмматическим» значением, значением грамматического класса, это может быть и такой класс как часть речи. Таким образом, лексическое значение всегда общеграмматически оформлено, иначе говоря, соотнесено с каким-то классом, а

значит, отличается понятийностью. Как именно оформляется такой класс – морфологическими показателями, морфонологическими или синтаксическими средствами – это уже специфика конкретного языка. Поскольку слова в русском языке способны называть предметы (*книга, девочка*), качества предметов (*хорошая, здоровая*), действия (*читает*) или качества действий (*быстро, тихо*), то в русском языке можно вести речь о таких общеграмматических значениях, как предметность (типичных для класса существительных), качественная признаковость (прилагательных), активность действий и состояний (глагола) и признаковость действий (наречий). Все эти категориальные значения совмещаются с конкретными лексическими значениями в приведенных выше русских словах. Благодаря этому слово можно представить в обобщенной категориальной форме в словаре. Однако в речи оно воплощается в конкретной словоформе. Например: «У *девочки* есть интересная *книга*, и она ее *читает* довольно быстро». В словоформе помимо общеграмматически оформленного лексического значения можно наблюдать и частнограмматические значения, они присущи не лексеме в целом, а ее отдельной словоформе в конкретной речевой синтагме. Так, у существительного женского рода *девочка* в словоформе *девочки* появляется частнограмматическое значение родительного падежа (единственного числа), а у слова *читать* – в словоформе *читает* – значение третьего лица единственного числа, настоящего времени изъявительного наклонения. Все эти значения характеризуют не слово как лексему (единицу номинации), а конкретную словоформу и нужны в частном случае для включения слова в синтагму. Видимо, поэтому они и называются *частнограмматическими*. Словоформа же не существует вне соединения в ней всех трех видов значений, упомянутых В. М. Солнцевым. Специфика «сборки» этих смыслов в канонический носитель значения (в данном случае словоформу) и составляет предмет типологического изучения на морфологическом уровне языковой системы. Итак, каковы устойчивые (устоявшиеся) типы «сборки» словоформ в древнеанглийском языке и какова их продуктивность?

Некоторые исследователи классифицируют такие типы в зависимости от того, насколько аналитична или, наоборот, синтетична собранная смысловая единица (см., например: [Плоткин, 1989, с. 17–18]). Такая логика анализа морфологических структур частично воспроизводится в нашем изложении неслучайно: она особенно целесообразна для английского языка, так как позволяет измерить степень аналитичности морфологии в каждый отдельно взятый период истории этого языка, которая, как известно, характеризуется постепенным нарастанием аналитизма. Для оценки общей направленности процессов «сборки» носителей значений необходимо рассмотреть типовые модели порождения (создания) морфологических единиц. Поэтому в § 2–6 настоящей главы сначала подаются схемы описания типов словоформ, а затем на этой основе оценивается и идентифицируется состав парадигмальных типов в разные периоды истории языка.

Какие же виды и типы носителей значений нам предстоит рассмотреть в контексте истории английского языка? Для морфологического уровня необходимо

выделить такие виды носителей значений, как *словоформы* и более мелкие смысловые единицы – *морфемы*. Последние традиционно подразделяются на *корневые* и *аффиксальные*. Средоточием лексического значения выступает *корень* слова, а аффиксальные морфемы (*суффиксы* и *приставки*) обычно модифицируют значение корня. В индоевропейских языках в словоформе выделяют *основу*. Исторически этим языкам присущи так называемые *основообразующие суффиксы*, оформляющие разные категориальные классы слов, связанные с древними рубриками (категориями) познавательного опыта человека. Словоизменительные (формообразующие) аффиксы, собственно носители частнограмматических значений – *флексии*, также весьма широко представлены в индоевропейских языках.

Рассмотрим эти типы и постараемся оценить их значимость в различные периоды истории английского языка.

§ 2. Супплетивные формы

Самыми синтетичными принято считать *супплетивные формы*. Условимся под крайним проявлением синтетичности понимать такую технику соединения носителей значений в структуре слова, которая характеризуется цельнооформленностью вплоть до *фузии* (фузией называют слияние двух морфем на основе фонетических процессов, приводящее к невозможности провести четкую границу между ними). О фузионных процессах речь пойдет в следующем параграфе. В случае же супплетивизма парадигма словоформ одной и той же лексемы строится на основе исторически разных по происхождению корней, каждый из которых синкретично представляет несколько значений (помимо лексического и общеграмматического, это может быть набор частнограмматических значений). Исторически каждый из «привлеченных» корней ассоциируется с каким-то одним сочетанием значений в составе парадигмы. Например, у современной английской словоформы *went* находим выраженное лексическое значение (соответствующее глаголу *go*) и частнограмматические значения прошедшего времени, единственного числа.

«Максимальный уровень синтетизации достигается в супплетивных образованиях, как лексических (сравним, например, супплетивные *cow* и *корова*, где объединены значения вида животного и пола, с *lioness* и *львица*, где те же значения объединены в одно слово, но представлены разными морфемами – вид в корне, а пол в суффиксе), так и грамматических (*go – went, иду – шел*)» [Плоткин 1989, с. 18]. Супплетивных форм обычно в словоизменительной морфологии немного, поскольку они представляют собой готовые единицы, которые были «собраны» задолго до современного носителя языка и могут быть объяснены (мотивированы) только исторически. Возможно, по этой причине супплетивные формы образованы в разных индоевропейских языках у функционально и этимологически сходных единиц (см. приведенные в высказывании В. Я. Плоткина русские и английские глаголы).

Рассмотрим наиболее известные супплетивные глагольные парадигмы в древнеанглийском языке.

Таблица 9

Супплетивные глаголы в древне- и среднеанглийском языках

Супплетивные глаголы в древнеанглийском языке

Глагол «быть» **bēon, wesan** 'to be'

Изъявит. (Ind.)	Наст. время (Pres.)	Сослагат. (Subj.)
ic eom, bēo	ic sīe, sī, bēo, sy	
þū eart, bist	þū sīe, sī, bēo, sy	
hē is, biþ	hē sīe, sī, bēo, sy	
wē sint, bēoþ, sind(on)	wē sīen, sīn, bēon, syn	
gē sint, bēoþ, sind(on)	gē sīen, sīn, bēon, syn	
hīe sint, bēoþ, sind(on)	hīe sīen, sīn, bēon, syn	
	Прош. время (Pret.)	
ic wæs	ic wære	
þū wære	þū wære	
hē wæs	hē wære	
wē wæron	wē wæren	
gē wæron	gē wæren	
hīe wæron	hīe wæren	
	Повелительное наклонение (Imp.)	
	2 л., ед. ч. (2 nd p., sg) wes, bēo	
	мн. ч. (pl.) wesaþ, bēoþ	
Инфинитив (Inf.)	Причастие I (Partic. I)	
wesan, bēon	wesende, bēonde	

Глагол «идти» **gān** 'go'

Изъявит. (Ind.)	Сослагат. (Subj.)	1. Повелит. (Imp.)
	Наст. время (Pres.)	
ic gā	ic gā	
þū gāest	þū gā	gā
hē gāeþ	hē gā	
wē gāþ	wē gān	
gē gāþ	gē gān	gāþ
hīe gāþ	hīe gān	
	Прош. время (Pret.)	Инфинитив (Inf.)
ic ēode	ic ēode	gān, gangan
þū ēodest	þū ēode	Причастие I (Partic. I)
hē ēode	hē ēode	gangende
	мн. ч. (pl.)	Причастие II (Partic. II)
ēodon (wē, gē, hīe)	ēoden	(ge-)gān

Супплетивные глаголы в среднеанглийском языке

<u>Глагол «быть» Bēn 'be'</u>				
Наст. время (Pres.)			Прош. время (Pret.)	
Изъявит. (Ind.)	Сослагат. (Subj.)	Повелит. (Imp.)	Изъявит. (Ind.)	Сослагат. (Subj.)
Ед.ч. (Sg.)				
ic am		–	was	
þu art	} bē	bē	wēr(e)	} wēre
hē is		–	was	
Мн.ч.				
Pl. bēn	bēn	2 nd p. bēth	wēren	wēren
Pl. (сев. arn)				
Инфинитив (Inf.)		Причастие I (Partic. I)	Причастие II (Partic. II)	
bēn		bēinge	bēn	

В тексте формы этого глагола часто сливаются с отрицательной частицей NE:

NE + AM = NAM; NE + IS = NIS; NE + WAS = NAS; NE + WERE = NERE

<u>Глагол «идти» gōn</u>				
Наст. время (Pres.)			Прош. время (Pret.)	
Изъявит. (Ind.)	Сослагат. (Subj.)	Повелит. (Imp.)	Изъявит. (Ind.)	Сослагат. (Subj.)
Ед.ч. (Sg.)				
Ic gō, (gā)			yede, wente	
þu gōst (gās)	} gō (gā)	gō (gā)	yedest, wentest	} yede, wente
hē gōth (gās)		–	yede, wente	
Мн.ч.				
Pl. gōn (gā s, gōth)	gōn (gān)	2 nd p. gōth	yeden, wenten	yeden, wenten
Инфинитив (Inf.)		Причастие I (Partic. I)	Причастие II (Partic. II)	
gōn (gān)		gōinge	gōn, gō (gān)	

В словоизменительной парадигме у глагола *bēon*, *wesan* в древнеанглийском языке наблюдаются формы, образованные от трех исторически известных корней: *s-*; *b-*; *w-*. Так, словоформы *eom*, *eart*, *is*, *sindon* восходят к корню *s-*. Ср. с лат.: *e-s*; *e-s-t*.

Словоформы *bēo*, *bist*, *bēoþ* – к корню *b-*. А формы *wesende*, *waes*, *wāeron* – к корню *w-*.

Обращает на себя внимание тот факт, что при сокращении общего числа вариантов словоформ сама супплетивная природа функционировавшей в среднеанглийском парадигмы этого глагола остается неизменной. Указанный глагол и в

современном языке сохранил существенно большее (на фоне бедности современной английской морфологии), чем у других глаголов, количество словоформ и супплетивный принцип их организации в парадигму. Это позволяет говорить об укреплении индивидуальности таких глаголов наряду с некоторыми другими функционально нагруженными единицами языка, на что обратил внимание В. Я. Плоткин.

Сходную картину в плане организации парадигмы можно наблюдать и у древнеанглийского глагола *gān*. В прошедшем времени его словоформы образуются от другого корня – *ēode*. В среднеанглийском языке он не утрачивает такой, на первый взгляд, неэкономный способ образования прошедшего времени, а, наоборот, *стремится укрепить (по крайней мере, сохранить) супплетивизм*, поскольку на смену выходящему из употребления *ēode* приходит корень другого глагола – *wente*¹⁸. Супплетивные модели никак нельзя отнести к продуктивным, ибо образованных таким способом словоформ в языке в принципе не может быть много, но их отличает особая *устойчивость* в организации словоизменительных парадигм.

§ 3. Морфонологические внутрикорневые чередования (внутренняя флексия)

Следующий тип словоформ, смещенных к полюсу синтетизма, представлен в древнеанглийском языке так называемой *внутренней флексией*, которая представляет собой способ словоизменения (или словообразования) посредством внутрисловного (морфемного) чередования звуков. Например: *foot – feet*, *long – length*. В древнеанглийском языке внутренняя флексия как тип наблюдается и в системе глагола, и в системе существительного. Ее появление в древнеанглийском языке вызвано междуравневыми индоевропейскими и германскими *морфонологическими* процессами (см. ч. III, гл. I, § 2), фонетическими ассимилятивными изменениями (преимущественно регрессивного характера), в том числе и процессами, связанными с разворачиванием оппозиции передне-заднего скольжения в вокализме древнеанглийского языка. Исследователи исторической морфологии германских языков отводят аблауту особую роль в изучении внутренней флексии. Особый интерес с исторической точки зрения представляет функционирование аблаута у имен и глагола в различные хронологические периоды существования языка. В частности, выяснилось, что глагольный аблаут всегда был более нагружен в функциональном плане, а потому проявлялся ярче и демонстрировал большую регулярность. Его следы и сегодня лучше сохранились в глагольной системе [Van Coetsem, 1990, p. 63]. Аналогичным образом функционировали и чередования по закону Вернера (см. табл. П2 в прил. 1 к учебнику).

¹⁸ Словоформа *went* восходит к древнеанглийскому глаголу *wendan* «to change, turn, direct, return, go, translate». Ее употребление фиксируется примерно с 1200 г., первоначально не только как формы претерита, но и как причастия второго [Partridge, 1978, p. 807].

Анализ причинного механизма внутренней флексии показал, что существовавшие на ее базе модели не отличались устойчивой продуктивностью в древнеанглийском языке. Напротив, сохранившийся древнеанглийский текстовый материал свидетельствует об их неустойчивости и утрате продуктивности. Уже в раннесреднеанглийском эти модели окончательно архаизируются и носят реликтовый характер. Так, к числу парадигм, основанных на внутренней флексии, помимо упоминавшихся уже сильных глаголов, относится, например, корневое склонение имен существительных, в котором отмечены следы умлаута при стыке корневой морфемы с падежными аффиксами в нескольких падежах во множественном и единственном числе. Количество сохранившихся *реликтовых* форм, ведущих свое происхождение от этого типа, в среднеанглийском и тем более в современном языке существенно меньше, чем в более ранние периоды истории английского языка (совр.: *man – men, goose – geese, tooth – teeth, foot – feet*). Ср. табл. 10.

Таблица 10

Мужской и женский род, корневое склонение*Masculine and feminine nouns, root-stems*

	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>		
	<i>m(uml.)</i>		<i>f(uml.)</i>
Nom.	man(n)	bōc	burg
Acc.	man(n)	bōc	burg
Gen.	mannes	bōce, bēc	burge
Dat.	mēn(n)	bēc	byrig
	<u>Мн. ч. (Pl.)</u>		
Nom.	mēn(n)	bēc	byrig
Acc.	mēn(n)	bēc	byrig
Gen.	manna	bōca	burga
Dat.	mannum	bōcum	burgum

Внутренняя флексия в силу своей специфики часто сопровождается и физионными процессами на стыках морфем, процессами, типичными для фузионных флективных языков, в которых корень отличается фонетической неустойчивостью в парадигме, как у *носил – носу́ – нёс – несóмый*, несамостоятельностью (неспособностью выступать в качестве самостоятельного корнеслова вне рассматриваемой словоформы), как в случае с *фуз-* у *фузия, нес-* у *несу*.

Типичные для внутренней флексии такого рода процессы можно наблюдать в парадигме претерито-презентных глаголов. *Претерито-презентными* называют особый класс глаголов в древнегерманских языках, форма прошедшего времени (претерита) которых изначально образовывалась по сильному типу, но со време-

нем была переосмыслена в форму настоящего времени, что повлекло за собой появление у этих глаголов новой формы претерита по продуктивному слабому типу спряжения. В современном языке это так называемые *модальные* глаголы.

В парадигме таких глаголов в древний период наблюдалась некоторая избыточность маркирования, при которой различные словоформы имели и внешние, и внутренние флексии – (*cunnon* – *cūðon*; *sculon* – *sceoldon*), зачастую вызванные не только общими для индоевропейских языков чередованиями по аблауту, но и древнеанглийскими фонетическими изменениями ассимилятивного характера (*mæg* – *meahte*) (см. ч. III, гл. I, § 2). В некоторых случаях чередования гласных сопровождаются и чередованиями согласной периферии корневой морфемы (*caþ* – *cūð*).

Таблица 11

Претерито-презентные глаголы в древнеанглийском

Preterite-present verbs

cunnan «мочь, знать»

Наст. время (Pres.)		Прош. время (Pret.)	
Ед. ч. (Sg.)		Ед. ч. (Sg.)	
Наклонение			
Изъявит.	Сослагат.	Изъявит.	Сослагат.
ic can		ic cūðe	
þū canst	{ cunne	þū cūðest	{ cūðe
hē can		hē cūðe	
Мн. ч. (Pl.)		Мн. ч. (Pl.)	
wē cunnon		wē cūðon	
gē cunnon	{ cunnen	gē cūðon	{ cūðen
hīe cunnon		hīe cūðon	
Инфинитив (Inf.)		Причастие II (Partic. II)	
cunnan		cunnen, cūð	

sculan «быть должным»

Наст. время (Pres.)		Прош. время (Pret.)	
Ед. ч. (Sg.)		Ед. ч. (Sg.)	
ic sceal(l)		ic sceolde	
þū scealt	{ scule	þū sceoldest	{ sceolde
hē sceal(l)		hē sceolde	
Мн. ч. (Pl.)		Мн. ч. (Pl.)	
wē sculon		wē sceoldon	
gē sculon	{ sculen	gē sceoldon	{ sceolden
hīe sculon		hīe sceoldon	
Инфинитив (Inf.)			
sculan			

Окончание таблицы 11

<i>magan</i> «мочь»			
Наст. время (Pres.)		Прош. время (Pret.)	
Ед. ч. (Sg.)		Ед. ч. (Sg.)	
ic mæg		ic meahte, mihte	
þū meahht	{ mæge	þū meahtest, mihtest	{ mihte
hē mæg		hē meahte, mihte	
Мн. ч. (Pl.)		Мн. ч. (Pl.)	
wē magon		wē meahton, mihton	
gē magon	{ mægen	gē meahton, mihton	{ mihten
hīe magon		hīe meahton, mihton	
Инфинитив (Inf.)		Причастие I (Partic. I)	
magan		magende	

<i>*motan</i> «мочь»			
Наст. время (Pres.)		Прош. время (Pret.)	
Ед. ч. (Sg.)		Ед. ч. (Sg.)	
ic mōt		ic mōste	
þū mōst	{ mōte	þū mōstest	{ mōste
hē mōt		hē mōste	
Мн. ч. (Pl.)		Мн. ч. (Pl.)	
wē mōton		wē mōston	
gē mōton	{ mōten	gē mōston	{ mōsten
hīe mōton		hīe mōston	

При доминанте к синтетизму фузия становится типичным результатом фонетических процессов на стыке корня и аффикса и приводит к трудностям в определении границ этих морфем, к их слиянию, диффузии. В древнеанглийском языке такая техника «сборки» носителей значений в составе словоформы наблюдалась в разных парадигмах: у сильных глаголов (др.-англ. *fōn* «ловить») и даже в изначально близких к агглютинативному прототипу формам слабого спряжения глаголов (др.-англ. *secgean* «сказать»).

Cf.: *fōn* (inf., str.7) – *fēhþ* (pres. ind., 3d p. sg.) – *feng* (pret. ind., 3d p. sg.).

Secgean (inf.) – *sægde, sāede* [æ:] (pret.) – *sægd, sāed* [æ:] (part. II).

В среднеанглийском поначалу также фиксируется значительная вариативность словоформ претерито-презентных глаголов с внутрикорневыми чередованиями. Однако развитие этой подсистемы в древний период, когда претерито-презентные глаголы образовались как тип в германских языках, шло, образно говоря, по пути создания парадигмы «по случаю». Этот класс особо не пополнялся новыми единицами и в целом в формальном плане сходен с другими группами слов, развивших в себе способность функционировать в качестве так называемых

служебных слов наряду с традиционными служебными классами (местоимениями, артиклями, предлогами и т. п.). В частности, как и другие слова, принявшие на себя служебную функцию, они стремятся сохранить свою индивидуальность (в том числе и за счет сохранения непродуктивных архаических чередований внутри корневой морфемы, как у *can – could, may – might, shall – should, will – would*), а также по принципу «дефективности», т. е. особенности своей парадигматики, утратившей, по сути, уже в среднеанглийском аффиксальную базу, в частности по завершении редукции неударных слогов. «Консервацию» такого типа (*fossilization*) можно рассматривать как своего рода *парадигматический маркер «служебности»* (специфика английских процессов становится очевидной при сравнении истории претерито-презентных глаголов с этапами грамматикализации, которые выявляются в рамках соответствующих теорий (ср., например: [Lehmann, 1995, p. 13; Hopper, Traugott, 2004, p. 55] и данные корпусного историко-когнитивного анализа применительно к глаголам *shall, will* в: [Wischer, 2008, p. 125–143]).

Таблица 12

Претерито-презентные глаголы в среднеанглийском

*Preterite-present verbs****cunnen*** «мочь, знать»

Наст. время (Pres.)		Прош. время (Pret.)	
Ед. ч. (Sg.)		Ед. ч. (Sg.)	
Наклонение			
Изъявит.	Сослагат.	Изъявит.	Сослагат.
ich can, con		couthe, coude	
thow canst, const	{ cunne	couthest, coude	{ couthe, coude
hē can, con		couthe, coude	
Мн. ч. (Pl.)		Мн. ч. (Pl.)	
wē cunnen, can		couthen, couden	
yē cunnen, can	{ cunnen	couthen, couden	{ couthen, couden
hī, they cunnen, can		couthen, couden	
Инфинитив (Inf.)		Причастие II (Partic. II)	
cunnen		couth	

shall «хотеть, быть должным»

Наст. время (Pres.)		Прош. время (Pret.)	
Ед. ч. (Sg.)		Ед. ч. (Sg.)	
ich shal		sholde	
thow shalt	{ shule	sholdest	{ sholde
hē shal		sholde	

Окончание таблицы 12

Мн. ч. (Pl.)		Мн. ч. (Pl.)	
wē shulen		sholden	
yē shulen	{ shulen	sholden	{ sholden
hī, they shulen		sholden	

mowen «МОЧЬ»

Наст. время (Pres.)		Прош. время (Pret.)	
Ед. ч. (Sg.)		Ед. ч. (Sg.)	
ich may		mighte	
thow mayst	{ mowe	mightest	{ mighte
hē may		mighte	
Мн. ч. (Pl.)		Мн. ч. (Pl.)	
wē mowen		mighten	
yē mowen	{ mowen	mighten	{ mighten
hī, they mowen		mighten	
Инфинитив (Inf.)			
mowen			

*mōten «МОЧЬ»

Наст. время (Pres.)		Прош. время (Pret.)	
Ед. ч. (Sg.)		Ед. ч. (Sg.)	
ich mōt		mōste	
thow mōst	{ mōte	mōstest	{ mōste
hē mōt		mōste	
Мн. ч. (Pl.)		Мн. ч. (Pl.)	
wē mōten		mōsten	
yē mōten	{ mōten	mōsten	{ mōsten
hī, they mōten		mōsten	

В целом, среднеанглийский период отличается относительно большим разнообразием (вариативностью) грамматических формантов, в том числе и при реликтовом сохранении некоторых факторов, вызывающих фузионные процессы. Однако этот же период отличает и постепенное укрепление устойчивости и продуктивности агглютинативных типов (см. ч. III, гл. II, § 4), уменьшение общего числа сильных глаголов в ходе архаизации их парадигмы, что сопровождалось сокращением и унификацией количества основ (со слиянием основ претерита единственного и множественного чисел в одну). Многочисленные заимствования из романских языков появляются в английском в больших количествах, целыми гнездами родственных слов примерно с середины XIII в. Заимствованные глаголы оформлялись в прошедшем времени по слабому типу претерита, что способствова-

ло поддержанию устойчивости и продуктивности данной модели. Вместе с тем фузионные процессы на стыках морфем в языках-донорах заимствовались в составе гнезд иностранных слов преимущественно романского происхождения. В таких случаях зачастую появлялись и словоформы с различными схемами ударения в парадигме, когда смещение ударения могло выполнять дополнительную функцию различения общеграмматического (частеречного) значения (часто уже в языке-доноре). Ср.: *ánxious* – an 'xiety; 'satiatē – sa 'tiety; *discuss* – discussion; 'increase (N) – in 'crease (V) в современном английском, где наблюдаются фузионные явления иногда со смещением ударения и внутрискорневыми чередованиями, фонетическая неустойчивость и несамостоятельность корневой морфемы в итоге.

§ 4. Аффиксальные словоформы

Аффиксальные словоформы могут образовываться и аналитическим способом. В этом случае сохраняется узнаваемость входящих в них морфологических элементов, что сопровождается сохранением прозрачности морфемных границ, фонетической устойчивости корневой морфемы, иногда ее противопоставленности аффиксальным морфемам, способности функционировать вне аффиксального слова в качестве самостоятельного корнеслова. В *агглютинирующих* языках подобный способ «сборки» словоформ характеризуется так называемым *сингармонизмом* (гармонией гласных в корне и аффиксах как *прием поддержания цельнооформленности*). Сингармонизм обеспечивается за счет прогрессивной ассимиляции, помогающей корню «управлять» процессом через гармонизацию звуковой оболочки аффиксального слова под свою огласовку. Даже если в языке и не наблюдается гармонии гласных, типичная для агглютинации устойчивость корня и выделимость аффиксальных морфем, как правило, находит отражение в орфографии. Так, в приводимых ниже древнеанглийских словах наблюдаются признаки *высокоаналитичной* (членимой, мотивированной), а значит приближенной к агглютинации коллекционной «сборки» словоформ:

Wealh/stod/as; ēað/mōd/lic/e; georn/ful/ness/e; frem/sum/ness/um; ge/end/od/e; ge/sāel/ig/lic/a; and/git/ful/līc/ost; nīed/be/ðearf/ost/a.

Приведенные словоформы проходят последовательную «сборку» коллекционного типа, когда корень обрастает все новыми показателями, уточняющими общеграмматическую оформленность лексического значения корня, а также добавляющими частнограмматические смыслы аффиксами флективного типа: *georn* – корень; *-ful-* – аффикс, указывающий на наличие у референта качества, выраженного в корне; *-less-* – аффикс, указывающий на класс абстрактных существительных (в данном случае опредмечивающий означенное в предшествующей синтагматической цепочке носителей значений качества); *-e* – показатель падежа и числа у существительных женского рода *jō* основы. *Georn* встречается в древнеанглийском языке как самостоятельное слово, прилагательное со значением «де-

монстрирующий готовность, проявляющий рвение, жаждающий». *Nīed-* – корень «нужда, необходимость, долг»; *-be-* – приставка, которая могла выполнять функцию интенсификатора; *-ðearf-* – корень «нужда, требование, желание»; *-ost-* – суффикс, указывающий на превосходную степень качества у прилагательного; *-a* – флексия, несущая в себе значения именительного или винительного падежей во множественном числе при существительном женского рода.

Наиболее приближенными к агглютинативному типу аффиксации в морфологической системе древнегерманских языков были формы слабых глаголов, которые образовались, как предполагают историки, в результате грамматикализации некогда использовавшегося в качестве суффиксированного корня энклитика со значением «делать». Компаративисты реконструируют его общеиндоевропейскую праформу – **dhē/dhō*. Этот элемент в постглагольной позиции постепенно превратился в суффиксальный элемент, за которым закрепилась функция выражения прошедшего времени (германский слабый претерит). Данная суффиксальная модель возникла позднее, чем основанная на морфонологических чередованиях по аблауту парадигма сильных глаголов. Многие слабые глаголы образовывались от прилагательных, существительных и претеритальных форм сильных глаголов с помощью основообразующих суффиксов. В зависимости от этих суффиксов, переводящих исходные единицы в класс слабых глаголов, последние делятся на три класса (в готском четыре). Все *слабые глаголы* считаются *германским новообразованием*, поскольку в других индоевропейских языках они не зафиксированы.

Таблица 13

Слабые глаголы			
	<i>Weak verbs</i>		
Инфинитив Infinitive	Прош. время Preterite	Причастие II Participle II	
1. (a) <i>regular</i>			
dēman	dēmde	dēmed	
nerian	nerede	nered	
fremman	fremede	fremed	
(b) <i>irregular</i>			
tellan	tealde	teald	
wyr(e)an	worhte	worht	
2. macian	macode	macod	
3. habban	hæfde	hæfd	
secg(e)an	sægde	sægd	

Основообразующим суффиксом первого класса в готском языке был *-j-*, который в английском практически не сохранился и восстанавливается только истори-

чески, однако он оставил после себя перегласовку (i-умлаут в корне). Различные древнеанглийские фонетические процессы, о которых уже шла речь, внесли свою лепту в разрушение некогда более прозрачной морфологии, которую можно проиллюстрировать на готском материале:

Hailidēdun «они лечили» – форма претерита, третьего лица множественного числа от слабого глагола первого класса *hailjan* «лечить», включает в себя следующие элементы: корень *hail-*; след основообразующего суффикса *-i-*; редуликат дентального суффикса (суффицированный глагол «делать» в претерите множественного числа подвергался редупликации¹⁹ в готском) *-dē-*; собственно дентальный суффикс *-d-* и личное окончание третьего лица множественного числа *-un*. В целом, данная словоформа (флективная по конечному оформлению и плеонастическая²⁰ по сути) представляет собой цепочку аффиксов со специфичными для каждого функциями, напоминающую коллекционные словоформы агглютинативных языков. Ср. форму претерита единственного числа третьего лица: *hail/i/d/a*.

В древнеанглийском у глаголов первого класса не сохранился основообразующий суффикс, как можно заключить из приведенных выше примеров, однако его остатки в виде элемента *-e-* можно наблюдать в парадигме (см. табл. 13). Характер суффикса в значительной степени предопределил судьбу глаголов данного класса. Основная масса сохранившихся в современном английском языке бывших слабых глаголов пополнила класс так называемых неправильных, несмотря на агглютинативную природу дентального аффикса. Фузионные фонетические процессы приводили к появлению алломорфов с глухим согласным, которые позднее сливались с корнем²¹. См. совре-

¹⁹ Редупликация (от лат. *reduplicatio* – «удвоение») как морфологический маркер претерита в германских языках использовалась у сильных глаголов седьмого класса наряду с аблаутом. Инициаль редуликата (в терминах Van Coetsem – *absolute anlaut*) предшествует в таких претеритальных формах инициали корневого слога (*thematic anlaut*). Звуковой состав инициали редуликата зависел от состава корневого слога: «The reduplication principle derives the absolute anlaut by specifying that: 1. Before vowels the reduplicative element consists of the vowel e (Gothic <ai>), e.g., **áuk-* ~ **eáuk-*; cf. Gothic *aukan* ~ *aiauk*. 2. Before one or more consonants of the thematic anlaut the reduplicative element consists of one consonant (the first) + e (e.g., **Xáit-* ~ *XeXáit-*, **fráis-* ~ **fefráis-*; cf. Gothic *haitan* ~ *haihait*, *fraisan* ~ *faifrais*). However, when the thematic anlaut is st or sk (sp not documented), the reduplicative element consists of this cluster + e (e.g., **stáut-* ~ **stestáut-*; cf. Gothic *stautan* ~ *staistaut*). In Gothic, *ju* [hw] is treated as one consonant (monophonematic) (e.g., *juopan* ~ *juaijuop*). It is important to note that the vowel e is the only constant in the reduplicative element» [Van Coetsem, 1990, p. 81–82].

²⁰ Плеонастическими считаются такие формы, в которых наблюдается избыточность маркирования грамматических значений. Так, в упомянутой здесь готской словоформе *hailidēdun* прошедшее время множественного числа маркируется дважды – редупликацией суффиксальной морфемы и прибавлением окончания. Подробнее о плеоназме в готском языке см.: [Осипова, 2000, с. 6–12].

²¹ Об алломорфизме и связанных с ним теоретических проблемах трактовки германского дентального претерита см.: [Мигачев, 1972].

менные формы: *kept, brought, told, taught, heard* и некоторые другие. Однако практически все синтезирующие процессы с нарушением границ морфем проходили в дописьменный период или внутри древнеанглийского периода, при этом в отношении дентального суффикса следует особо отметить проявившуюся уже в тот период тенденцию к *прогрессивной* ассимиляции на стыке корня с дентальным аффиксом претерита при наличии глухого звука в исходе корня: *sēpte* от *sērap*.

Глаголы второго класса отличались основообразующим суффиксом *-ō-*, который препятствовал умлауту и способствовал сохранению устойчивости корневой морфемы. Вероятно, поэтому данный класс стал продуктивным уже в древнеанглийском. Это была открытая для пополнения модель претерита, получившая существенное наполнение и устойчивость во все последующие периоды истории английского языка. Современные стандартные (правильные) глаголы основаны именно на этой изначально агглютинативной по способу соединения носителей значений модели. Ср.: гот. *salbon* «помазать» (инфинитив) – *salboda* (претерит ед. ч.) «помазал» – *salbodedun* (претерит множественного числа, третье лицо) «помазали» и др.-англ. *lufian* «love», *luf/o/de* (pret. sg.) «he loved», *luf/o/d/on* (pret. pl.) «they loved».

В третьем классе слабых глаголов использовался словообразовательный (основообразующий) суффикс *-ai-*, который в древнеанглийском уже отсутствует, поэтому глаголы этого класса присоединяют дентальный суффикс претерита непосредственно к корню. Наличие чередований гласных в корнях этих глаголов и в отдельных случаях геминат свидетельствует о том, что в дописьменную эпоху и в указанных словоформах мог быть элемент *-j-*, вызвавший умлаут и удвоение согласного при перестройке просодически значимой оппозиции протяженности. Эти и другие чередования в пределах древнеанглийского периода приводили к расшатыванию устойчивости данной парадигмы, как и прочих сопряженных с неустойчивостью корня моделей. Поэтому практически только четыре древнеанглийских слабых глагола воспроизводят в своих словоформах третий класс (*habban* «иметь», *libban* «жить», *secgan* «сказать», *hycgan* «думать»), остальные глаголы этого класса уже в древнеанглийском обрели формы более продуктивного второго, а иногда и первого классов. В готском же языке в ряде словоформ в парадигме слабых глаголов прослеживается основообразующий суффикс *-ai-*, а количество глаголов этого класса, по подсчетам М. М. Гухман, немногим более тридцати. «Большинство глаголов непереходные, многие из них обозначают состояние; в видовом отношении все они неопредельны» [Гухман, 1998, с. 159–160]. Любопытно, что глагол *habban* (современный *have*), названный Э. Бенвенистом *псевдотранзитивным*, по сути глаголом состояния, а не действия [Бенвенист, 2002], сохранил в древнеанглийском принадлежность к третьему классу. Здесь также проявляется некая устойчивость сохранения непродуктивной по сути модели у глагола – носителя эврисемии, на который в дальнейшем ляжет существенная строевая нагрузка в ходе дальнейшей трансформации типологического статуса английского языка.

Однако уже в древнеанглийском в парадигме личных форм этого глагола не так много различных словоформ (не считая вариантов), в табл. 14 они выделены курсивом. Здесь так же, как и у других глаголов, наблюдается омонимия форм и как следствие – зависимость от подкрепляющих синтаксических средств (аналитических конструкций – сочетаний с местоимениями) при выражении частнограмматических значений.

Таблица 14

Глагол <i>habban</i> «to have»		
Изъявит. (Ind.)	Наст. время (Pres.)	Сослагат. (Subj.)
	ic <i>hæbbe</i>	ic <i>hæbbe</i>
	þū <i>hæfst</i> , <i>hæfst</i>	þū <i>hæbbe</i>
	hē <i>hæfþ</i> , <i>hæfþ</i>	hē <i>hæbbe</i>
	wē <i>hæbbaþ</i>	wē <i>hæbben</i>
	gē <i>hæbbaþ</i>	gē <i>hæbben</i>
	hīe <i>hæbbaþ</i>	hīe <i>hæbben</i>
	Прош. время (Pret.)	
	ic <i>hæfde</i>	ic <i>hæfde</i>
	þū <i>hæfdest</i>	þū <i>hæfde</i>
	hē <i>hæfde</i>	hē <i>hæfde</i>
	wē <i>hæfdon</i>	wē <i>hæfden</i>
	gē <i>hæfdon</i>	gē <i>hæfden</i>
	hīe <i>hæfdon</i>	hīe <i>hæfden</i>
	Повелит. (Imp.)	
	2 л., ед. ч. (2d p., sg.) <i>hafa</i>	
	мн. ч. (pl.) <i>hæbbaþ</i>	
Инфинитив (Inf.)	Причастие I (Partic. I)	Причастие II (Partic. II)
<i>habban</i>	<i>hæbbende</i>	(ge-)hæfd

В древнеанглийском языке, несомненно, проявились некоторые типичные признаки агглютинации, прежде всего в характере «сборки» словоформ и формирования аффиксальных носителей значений. Просматривается тенденция к сокращению количества словоформ с неустойчивостью корня за счет укрепления агглютинативных по природе моделей словоизменения. Однако в общем объеме словоизменительных парадигм они не приобрели еще всеобъемлющего характера. Очевидна тенденция выделения с помощью ударения и других фонетических средств корневой морфемы и противопоставления ее аффиксальным на этой основе. Подобная тенденция может рассматриваться как субстрат для развития как агглютинации, так и корнеизоляции. В среднеанглийском и позднее ранненово-

английском парадигма слабых глаголов получила серьезное подкрепление с расширением охвата глагольных единиц, поскольку она пополнялась не только за счет перехода существенной части сильных глаголов в слабые, но и за счет огромного количества заимствованных глаголов преимущественно из романских языков. Наметившееся у глагола *have* своеобразие форм на фоне других представителей слабых глаголов было в значительной степени сохранено в эти периоды, так как указанный глагол также расширял свой функциональный потенциал и нуждался в сохранении индивидуальных характеристик.

§ 5. Сложные слова

Следующий тип словоформ древнеанглийского языка связан с техникой словосложения. В древнеанглийском преобладали *сложные слова*, в которых в рамках *цельнооформленной структуры* соплагалось два и более корня. В отдельных случаях можно проследить развитие грамматикализации некоторых корней, уже проявляющих себя в древнеанглийских письменных памятниках в функции словообразовательных аффиксальных морфем. Однако далеко идущей грамматикализации с переходом корнеслога в разряд грамматических формантов у древнеанглийских сложных образований не наблюдается, в большинстве случаев аффиксация происходит в рамках лексической деривации. Так, древнеанглийский суффикс прилагательных *-lic* восходит к германскому корню со значением «тело» (ср. нем. *Leiche*, гот. *leik* и др.-англ. *lic*). Древнеанглийский суффикс абстрактных существительных *-dōm*, использовавшийся для обозначения в числе прочего статусных состояний, функционирует наряду с существительным *dōm* соотносимой семантики, также имевшим однокорневые и функциональные параллели в других германских языках (например, нем. *-tum* в *Königtum*). См. примеры: *Wealh/stod/as; ēað/mōd/lic/e; and/git/ful/lic/ost; nīed/be/ðearf/ost/a; dōm/(es)/dæg; dōm/fæst; frēo/dōm, lic/homa*.

§ 6. Аналитические конструкции

Аналитические конструкции широко используются в различных языках для выражения абстрактных грамматических значений. Например, для того чтобы построить вопросительную конструкцию в настоящем времени от современного английского глагола *smoke*, необходимо использовать помимо инфинитива данного глагола так называемый вспомогательный глагол *do*: *Do you smoke?* Когда мы запрашиваем информацию о результате какого-то уже совершенного действия (например, перевода текста рукописи), мы используем сочетание глагола *have* и причастия второго от глагола *translate*: *Have you translated the manuscript?* В обоих случаях используются *аналитические конструкции* (сочетания двух словоформ), которые иногда называют аналитическими формами. От других типов словоформ

они отличаются своей синтаксической природой, поскольку состоят из разных, по сути, первичных по отношению к конструкции лексем, способных функционировать в языке как самостоятельные лексемы. Для английского языка характерны аналитические конструкции *биномного*, т. е. состоящего из двух слов, типа: *have played; is playing; will play; go out*.

Синтаксические отношения между элементами таких конструкций основаны на *сильном примыкании* (элементы конструкции подчиняются жестким правилам расположения в структуре конструкции по отношению друг к другу). При этом значимыми оказываются не только сила примыкания (стремление расположиться как можно ближе друг к другу в структуре предложения), но и сторона примыкания. Ср.:

I have done it. *I done have it.

Функциональная нагрузка, как правило, распределяется между элементами конструкции. Характер ее распределения зависит от типа конструкции. Так, например, в конструкции *have translated* общеграмматическое значение задается с помощью валентностной схемы (структуры глагольной синтагмы) глагола *have*, в то время как лексическое значение всей конструкции распределяется внутри словосочетания, тяготея своей конкретизированной частью к форме причастия, а частнограмматическое значение перфекта представляет собой продукт семантической интеграции обеих частей. В конструкции *take out* распределение семантической нагрузки между обоими компонентами становится более очевидным без специального анализа – глагол называет конкретное действие, совершаемое над предметом, а наречие указывает на пространственную направленность этого действия.

Очевидно, что элементы аналитической конструкции слиты в единую семантико-функциональную единицу, это отличает их от всех прочих синтаксических сочетаний. Подобное слияние происходит тогда, когда конструкция выходит за пределы собственно синтаксического уровня и приобретает дополнительную функцию на ином уровне языковой системы. Так, в приведенных выше случаях конструкция с глаголом *have*, оставаясь по сути сочетанием слов на синтаксическом уровне (поскольку ее компоненты не превратились в морфемы, а сохраняют свой статус самостоятельных лексем в языке), стала использоваться в системе словоизменения глагола, будучи приспособленной для выражения специфического грамматического значения перфекта, характерного для грамматической категории глагола. В этой функции аналитическая конструкция способна выражать перфектную семантику практически у любого английского глагола, она характеризуется всеохватностью, что существенно отличает ее от других аналитических конструкций, создаваемых на основе синтаксиса для порождения новых *номинативных единиц лексико-семантического уровня (лексем)*. Последние приобретают дополнительную функцию – становятся моделями лексеообразования, но, как и все словообразовательные, а не словоизменительные модели, они не претендуют на

всеохватность и отличаются меньшей наполняемостью и продуктивностью. Можно образовать *take out, go out, run out, hand out* (свыше 400 аналитических глаголов может быть образовано с *out*, по подсчетам авторов словарей таких глаголов), однако вряд ли **know out* и **translate out*.

Таким образом, *аналитическая конструкция (со статусом словоформы) have played* представляет собой аналитическую структуру, возникшую исторически из сочетания слов, в результате *грамматикализации* с включением в состав конкретной словоизменительной парадигмы (в данном случае флективной глагольной личной парадигмы) на правах функционально равнозначного члена в ряду синтетических элементов этой парадигмы. Аналитическая техника соединения носителей значений в структуре слова предполагает формально членимое, вплоть до раздельнооформленности, соединение носителей значений в структуре функциональной единицы смысла, некую изоморфность семантики и формальной структуры. *Аналитическая же конструкция со статусом лексемы* (например: *run out; have a look*) представляет собой *структурную разновидность лексем*, которая структурно организована как словосочетание *первичных лексем* (*run, out, look, have*) и является с формальной точки зрения вторичной единицей (производной от других, более простых единиц), однако она первична с точки зрения функционального статуса как *наиболее оптимальная единица лексической номинации* в языке (для выражения некоторых, например, хронотопных же смыслов), как в случае с «действием, направленным наружу»: *take out, run out* и т. п.

В древнеанглийском языке было всего две категориальные формы времени – *претерит* (прошедшее время) и *презенс* (настоящее время), последний употреблялся с гораздо большей семантической нагрузкой, чем в современном языке. Эти временные формы составляли основной флективный потенциал глагольной личной парадигмы в изъявительном и сослагательном наклонениях (табл. 16). Однако наряду с этими формами существовали и многочисленные *аналитические конструкции* как менее точные и специализированные, контекстно зависимые *вторичные* способы выражения абстрактных глагольных значений. Это были конструкции с глаголами *bēon, weorþan* + причастие первое или второе, а также сочетания претерито-презентных глаголов с инфинитивом и глагола *habban* с причастием вторым. Эти конструкции, в отличие от того, что мы наблюдали в современном английском, по мнению Т. А. Расторгуевой, исследовавшей системно-исторически их грамматикализацию и парадигматизацию, не входили в древнеанглийскую глагольную систему, а были лишь конституентами тех функционально-семантических полей, где простые глагольные формы выступали как доминанты. Грамматико-лексическое поле определенной семантики составляло ту среду и тот материал, в котором осуществлялось становление новых глагольных аналитических форм [Расторгуева, 1989, с. 86].

Упомянутое Т. А. Расторгуевой «поле» действительно существовало уже в древнеанглийском языке, а *субстантивный материал* для образования аналитических

конструкций в составе этого поля включал в себя *претерито-презентные* (модальные) глаголы и *глаголы-носители эврисемии* (широкозначные), а также *нефинитную глагольную субпарадигму* – формы причастий и инфинитива (см. ч. III, гл. IV, § 9). В ходе исторического «отбора» выделился именно этот субстантный материал, пригодный для создания аналитических конструкций не только в силу своих исходных (прототипических свойств), но и в силу онтологической и ономаσιологической значимости, наилучшим образом приспособленный для аналитического (лексико-синтаксического) выражения хронотопных смыслов, столь значимых для категориальной семантики глагола, для характеристики глагольных денотатов. Древнеанглийские флексии не обладали достаточным потенциалом для выражения хронотопных смыслов, а германские основы не способны были полноценно выразить эти смыслы. Поэтому язык и приспособил некоторые синтаксические единицы – вышеупомянутые словосочетания модальных или развивающих эврисемию (широкозначность) глаголов (таких, как *habban, bēon*) с инфинитивами или причастиями для выражения некоторых хронотопных смыслов, которые регулярно выражаются в ряде других языков в рамках специализированных грамматических категорий. Термин *хронотоп* обозначает время-пространство и ассоциируется с *означиванием пространственных и временных параметров бытия*. В приложении к глагольной семантике хронотопные смыслы очевидно представляют собой локализацию и направленность действий и процессов в пространстве и во времени, фиксацию изменений пространственных координат, а также различные виды структурирования процессов во времени (аспектуальные характеристики). Все эти смыслы образуют *функционально-семантическое поле* хронотопной семантики и объективно очень важны в характеристике глагольных денотатов. Как уже говорилось, в древнеанглийском категория времени у глагола была представлена только двумя наборами флективных словоформ – формы настоящего времени и формы претерита (прошедшего времени). Что же касается значений *будущности*, то они выражались в рамках данного поля внекатегориальными средствами, аналитическими конструкциями с претерито-презентными (модальными) глаголами, а также формами настоящего времени при наличии соответствующих контекстных средств, локализующих действие глагола в будущем.

Например:

...Dā on midwintres** dæg hine [Wyllelm] hālgode tō kynge Ealdrēd arcebiscope on Westmynstre. Ond hē sealde him on hand mid Xpes bēc, ond ēac swōr, āer þan þe hē wolde þā corōna him on hēafode settan, þæt hē wolde þisne þeodscype swā wēl haldan swā āenig kyngc ætforan him betst dyde, gif hī him holde bēon woldon.

...Then on midwinter's day Archbishop Aldred hallowed him [William] to king at Westminster, and gave him possession with the books of Christ, and also swore him, ere that he would set the crown on his head, that he would so well govern this nation as any king before him best did, if they would be faithful to him. (См. текст 18).

Of þē forþ gāeþ sē heretoga, seþe rēcþ mīn folc «от тебя произойдет вождь, который спасет мой народ» (пример Б. А. Ильиша). Здесь формы настоящего времени актуализуют семантику будущности.

Nāt ic hwæt hē is nē hwanon hē is; ac, gif ðū wille witan, hwæt hē sy:, ārsa hine, forðām þē gedafenað, þæt þū wite «Не знаю я, кто он такой и откуда он; но если тебе захочется узнать, кто он такой, спроси его, поскольку тебе действительно надлежит знать» («*Apollonius of Tyre*»; цит. по: [Lehnert, 1955, p. 172]).

Отмеченные аналитические конструкции еще не подверглись парадигматизации в древнеанглийском, т. е. еще не вошли в глагольные словоизменительные парадигмы на правах категориальных грамматических средств выражения хронопной семантики. *Парадигматизация* подразумевает процесс включения в определенную парадигму (в данном случае речь идет о категориальных формах выражения времени) новой, ранее не входящей в нее единицы. Он становится возможен при условии наличия самой парадигмы и в результате *структурного и функционального уподобления* вновь приобретенных элементов уже отмеченным в составе парадигмы каноническим единицам, что влечет за собой их функциональную специализацию в этой парадигме. Появление новых, аналитических членов словоизменительной парадигмы глагола, таким образом, было возможно только при наличии в языке исходных синтетических (флективных) парадигм, в которых выделялись, как уже говорилось, типичные для древнеанглийского языка модели словоформ, состоящие преимущественно из двух элементов: корневой морфемы и аффиксальной (флексии). Возможно, *биномный* (состоящий из двух «первичных лексем») *тип аналитических конструкций* (pseudo word-forms) в словоизменительной подсистеме древнеанглийского языка подсказан этим господствующим типом словоформы.

§ 7. Глагольное словоизменение в древнеанглийском языке

В системе глагольного словоизменения в древнеанглийском языке с помощью *флексий* выражались категории времени (настоящее и прошедшее), числа и лица (единственное и множественное число в первом, втором и третьем лицах), наклоения (изъявительное, сослагательное и повелительное).

В германских языках глаголы делились на два больших типа: *слабые* и *сильные* (ср. современные «правильные» и «неправильные» глаголы). У сильных глаголов изменение грамматического значения времени маркируется модификацией гласного в корне, так называемой внутренней флексией, вызванной аблаутом. Корневой гласный у этих глаголов может также отличаться в прошедшем времени в единственном и во множественном числе, так как чередование гласных использовалось для образования четырех базовых форм (основ) этих глаголов: основа инфинитива, основа прошедшего времени единственного числа, основа прошедшего времени множественного числа и основа причастия второго. В сис-

теме сильных глаголов существовало 7 классов, различающихся по типу чередования в этих основах:

Таблица 15

Основы сильных глаголов в древнеанглийском

	Инфинитив (Infinitive)	Прош. ед. Preterite sg.	Прош. мн. Preterite pl.	Причастие II Participle II
1.	rīdan	rād	rīdon	rīden
2.	cēosan	cēas	cūron	coren
3.	helpan	healp	hulpon	holpen
4.	brecan	bræc	bræcon	brocen
5.	sprecan	spræc	spræcon	sprecen
6.	faran	fōr	fōron	faren
7.	feallan	fēoll	fēollon	feallen

В седьмом классе древнегерманского глагола к аблауту присоединялась *редупликация* (см. с. 281). Ее влияние постепенно свелось на нет еще в дописьменный период, поэтому в древнеанглийском уже практически не сохранилось следов этого интересного явления, орфография фиксирует результат сращивания редупликата с инициальной корня. В готском же можно найти признаки относительной регулярности редупликации. Что же касается регулярности и продуктивности аблаута, то он оказался более устойчивым, однако в истории германских языков, а английского в особенности, отмечено постоянное ослабление его прежнего функционального потенциала с утратой продуктивности в качестве средства формообразования²².

Слабые глаголы образовывали формы прошедшего времени с помощью так называемых «дентальных» суффиксов *-ede*, *-ode*, *-de* для прошедшего времени, *-ed*, *-od*, *-d* для причастия. Для этих глаголов не были характерны морфонологические чередования по типу аблаута, поэтому их корневые морфемы отличаются относительной устойчивостью уже в древнеанглийский период. Однако другие фонетические процессы, менее регулярные по своей природе, могли также быть причиной чередований корня в словоизменительной парадигме некоторых слабых глаголов, как у глагола *tellan* (см. табл. 16).

²² «Ablaut, which started out in Indo-European, presumably as a phonologically (phonetically) conditioned variation, appears in the Germanic verbal ablaut as a set of morphologically conditioned alternations. As such it is comparable to other important phenomena in Germanic like Verner's law and umlaut, with which it co-occurs. It is, however, more complex than these, not only showing multidimensionality, but also a high degree of structuredness and a remarkable regularity, cohesiveness and productivity. These properties are notable especially in the Germanic languages, in contrast with both the previous and subsequent systems» [Van Coetsem, 1990, p. 13].

На примере сильного глагола *writan* и слабого *tellan* можно видеть, насколько развита была омонимия окончаний в системе глагольного спряжения. У сильного глагола *writan* гласный первой основы (основы инфинитива) встречается в инфинитиве и в настоящем времени изъявительного и сослагательного наклонений; гласный второй основы (претерит единственного числа) в первом и третьем лице изъявительного наклонения прошедшего времени; гласный третьей основы в формах второго лица единственного числа и всего множественного числа прошедшего времени изъявительного наклонения, а также всего сослагательного наклонения прошедшего времени; гласный четвертой основы – в форме причастия второго:

Таблица 16

Спряжение древнеанглийского глагола

Изъявит. наклонение		Сослагат. наклонение	
<u>(Indicative Present)</u>		<u>(Subjunctive Present)</u>	
ic wrīt-e	tell-e	ic wrīt-e	tell-e
þū wrīt-est (-st)	tel-est, tell-est	þū wrīt-e	tell-e
hē wrīt-eþ	tel-eþ, tell-eþ	hē wrīt-e	tell-e
wē wrīt-aþ	tell-aþ	wē wrīt-en	tell-en
gē wrīt-aþ	tell-aþ	gē wrīt-en	tell-en
hīe wrīt-aþ	tell-aþ	hīe wrīt-en	tell-en
<u>(Indicative Preterite)</u>		<u>(Subjunctive Preterite)</u>	
ic wrāt	tealde	ic write	tealde
þū write	tealdest	þū write	tealde
hē wrāt	tealde	hē write	tealde
wē writon	tealdon	wē writen	tealden
gē writon	tealdon	gē writen	tealden
hīe writon	tealdon	hīe writen	tealden
<u>Повелит. наклонение</u>			
<u>Imperative</u>			
Ед. число		wrīt	tele, tell
Мн. число		wrītaþ	tellaþ
<u>Причастие (Participle)</u>			
<u>(Infinitive)</u>		<u>Первое Второе</u>	
wrītan	tellan	wrītende	tellende
		writen	(ge)teald
Дат. падеж: tō wrītenne			

Как уже говорилось, в глагольной подсистеме древнеанглийского языка было два типа грамматических категорий – согласовательные *категории лица и числа*, которые выражались совместно с помощью флексий и помогали глаголу-сказуемому при *оформлении предикатного ядра предложения* (подлежащее – сказуемое). Это были, таким образом, категории глагола, ориентированные вовне, на организацию субъектно-предикатной синтагматики, на согласование с субъектом глагольного действия.

У древнеанглийского глагола были и *внутренние глагольные категории* (характеризующие глагольные денотаты), например *категория времени*. Внутренние глагольные категории ориентированы на *хронотопные смыслы*, прежде всего привязку действий к объективным параметрам, таким как актуальность по отношению к акту речи (наблюдения). Основная оппозиция, определявшая употребление форм презенса и претерита в древнеанглийский период, заключалась в том, что претерит относил действие к неактуальному прошлому, которое фиксировалось как неактуальное для настоящего акта речи, как то, что ему предшествовало и завершилось до него, поэтому оно ненаблюдаемо в актуальном настоящем. Этот признак устойчиво маркировал претерит на фоне неустойчивой в смысловом плане и потому немаркированной вплоть до панхроничности семантики презенса. Форма презенса могла называться как актуальное в акте коммуникации, наблюдаемое, так и ненаблюдаемое и неактуальное в настоящем, но потенциально возможное в будущем, последующее действие, или вообще описываемое вне какой-либо привязки к ориентиру, безотносительно к наблюдаемости (актуальности) действия (состояния). Так, по всей видимости, категоризовалось объективное время в сознании носителей древнеанглийского языка.

Например:

Формы настоящего времени:

þonne is toemnes þæm lande sudewardum, on oðre healfe þæs mores, Sweoland, oþ þæt land norþeward; and toemnes þæm lande nordewardum Cwena land. Þa Cwenas hergiað hwilum on ða Norðmen ofer ðone mor, hwilum þa Norðmen on hy and þær sint swiðe micle meras fersce geond þa moras; berað þa Cwenas hyra scyru ofer land on ða meras, and þanon hergiað on ða Norðmen; hy habbað swyðe lytle scyru ond swyðe leohte (Orosius. Цит. по: [Матузова, 1979, с. 21]). «А за этой землей к югу, с другой стороны пустынных гор лежит Свеоланд, простирается эта земля на север; а с другой стороны на севере – земля квеннов. И иногда квенны нападают на норманнов на этой необитаемой земле, а иногда норманны на них; и за теми горами очень много озер; и квенны перетаскивают свои суда по земле до этих озер, а затем нападают на норманнов; суда их очень маленькие и очень легкие» [Там же, с. 25].

Формы претерита:

He wæs mid þæm fyrstum mannum on þæm lande: næfde he þeah ma ðonne twentig hryðera? And twentig sceapa? And twentig swyna; and þæt lytle þæt he erede,

he *erede mid horsan* (*Orosius*. Цит. по: [Матузова, 1979, с. 21]). «Он был в числе первых людей этой страны: хотя у него было всего двадцать голов крупного скота и двадцать овец и двадцать свиней; а то немного, что он пахал, он пахал на лошадях» [Там же, с. 25].

Таким образом, семантико-функциональное поле внутриглагольной хронопной семантики (в данном случае соотносительности действия с объективным временем) имело относительно устойчивый семантический полюс, отмеченный претеритом, и неустойчивую, допускающую формирование новых семантических фокусов самоорганизации часть. Такого рода семантическое многообразие содержало в себе существенный потенциал для развития (усложнения) структуры категориальной семантики. Древнеанглийские тексты дают основание для того, чтобы утверждать, что в этот период начали формироваться новые относительно устойчивые семантические узлы внутри данной категории. К таковым относят *семантику следования (будущности)* и *семантику актуального наблюдаемого действия*. Эта семантика могла присутствовать во флективной словоформе презенса в определенных контекстах (см. примеры в предыдущем параграфе), а могла быть выраженной перифрастически, описательно, через синтаксис с помощью аналитических конструкций: синтаксических сочетаний претерито-презентных глаголов с инфинитивом, глаголов, содержащих в своей семантике прогностический компонент, смещающий акцент в сторону будущего, при этом семантическое ядро значений этих глаголов, вероятно, совмещалось с такого рода ассоциациями в сознании носителей языка. Например:

Eft hē cwæð, sē ðe mid him sprecende wæs: 'Hwæðre þū mē meahht singan'. Cwæð hē: 'Hwæt sceal ic singan?' Cwæð hē: 'Sing mē frumsceaft.'

Again he who was speaking with him said, "Yet thou must sing to me." Said he, "What shall I sing?" Said he, "Sing me the origin of things." (Bede, см. текст 11).

Актуальное в своем протекании наблюдаемое действие означивалось в сочетании канонического глагола состояния *bēon* «быть» с причастием первым, которое, как известно, было в древнеанглийском отглагольным прилагательным, выражающим активное деятельное состояние (в конструкции с глаголом «быть» состояние его субъекта). Например:

Eft hē cwæð, sē ðe mid him sprecende wæs: 'Hwæðre þū mē meahht singan'. Cwæð hē: 'Hwæt sceal ic singan?' Cwæð hē: 'Sing mē frumsceaft.'

Again he who was speaking with him said, "Yet thou must sing to me." Said he, "What shall I sing?" Said he, "Sing me the origin of things" (Там же).

Категория наклонения, как видно из приведенной выше флективной парадигмы, также получала регулярное выражение в наборе флексий. В отличие от временных форм индикатива, в сослагательном наклонении лицо не маркирова-

лось флективными формантами, маркировалось только число, поскольку единственные имевшиеся окончания *-e* для единственного числа и *-en* для множественного числа совпадали во всех трех лицах и в формах настоящего, и в формах прошедшего времени.

Gif hwā gefeohte on cyninges hūse, sīe hē scyldig ealles his ierfes, ond sīe on cyninges dōme, hwæðer hē lif āge ðe nāge. «Если кто-нибудь устроит драку в доме короля, быть тому виновным (нести тому ответственность) всем своим имуществом и быть тому судимым королем, независимо от того жив он будет или мертв» (см. текст 6).

У сильных же глаголов, сохранивших внутрикорневые чередования по аблауту, внутренняя флексия помогала различать настоящее и прошедшее время. Сослагательное наклонение широко использовалось в древнеанглийском в сложных предложениях, где оно встречалось практически во всех типах придаточных предложений, выполняя роль своего рода согласовательного средства, средства формального подчинения придаточного главному и согласования глагольных форм в главном и придаточных предложениях ([Иванова, Чахоян, 1976, с. 190], см. также ч. III, гл. II, § 10).

Ac ic bidde þē, þæt þū gife him, swā hwæt swā þū wille «но я прошу тебя, чтобы ты дал бы ему все что ты хочешь» («Apollonius». Цит. по: [Lehnert, 1955, p. 172]).

And þā sende to Æþelbeorhte ærendwrecan and onbēad þæt hē of Rōme cōme and þæt betste ærende lædde; and sē þe him hīersum bēon wolde, būton twēon hē gehēt ēcne gefēan on heofonum and tōweard rīce būton ende mit þone soþan God and þone lifigendan

And then (Augustine) sent to Ethelberht a messenger and announced that he from Rome had come and the best message brought (led); and he who (if any) would be obedient to him, without doubt he promised eternal happiness in heaven and a future kingdom without end with the true God and the living (God) (Bede, см. текст 9).

В качестве альтернативных форм в древнеанглийском (особенно в позднедревнеанглийском) наблюдается использование изъяснительного наклонения и различных аналитических конструкций с модальными глаголами (типа: претерито-презентный глагол + инфинитив) для выражения спектра значений, свойственных сослагательному наклонению. Вероятно, это связано с ранней утратой флективной базы этим наклонением: его флексии по природе своей оказались наименее устойчивыми в условиях редукции неударных слогов.

Nāt ic, hwæt hē is nē hwanon hē is; ac, gif ðū wille witan, hwæt hē sū, āksa hine, forðām þē gedafenað, þæt þū wite.

§ 8. Именное словоизменение в древнеанглийском языке

Таблица 17

Типы склонения существительных (-а- основы мужского рода)

	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>			
	<i>m(a)</i>	<i>m(ja)</i>	<i>m(i)</i>	<i>m(wa)</i>
Nom.	stān	her <u>e</u>	sig <u>e</u>	þēow
Acc.	stān	her <u>e</u>	sig <u>e</u>	þēow
Gen.	stān <u>e</u> s	her(i)g <u>e</u> s	sig <u>e</u> s	þēow <u>e</u> s
Dat.	stān <u>e</u>	her(i)g <u>e</u>	sig <u>e</u>	þēow <u>e</u>
	<u>Мн. ч. (Pl.)</u>			
Nom.	stān <u>a</u> s	her(i)g <u>e</u> a <u>s</u>	sig <u>e</u> a <u>s</u>	þēow <u>a</u> s
Acc.	stān <u>a</u> s	her(i)g <u>e</u> a <u>s</u>	sig <u>e</u> a <u>s</u>	þēow <u>a</u> s
Gen.	stān <u>a</u>	her(i)g <u>e</u> a	sig <u>e</u> a	þēow <u>a</u>
Dat.	stān <u>u</u> m	her(i)g <u>u</u> m	sig <u>u</u> m	þēow <u>u</u> m

Как и в других индоевропейских языках, в древнеанглийском выделяется несколько типов склонений в зависимости от архаических основообразующих суффиксов. Называются склонения традиционно по основообразующему суффиксу: -а-, -ја-, -wa-, -ō-, -п- и т. п. Приведенные в табл. 17 примеры иллюстрируют тип -а- основ, в котором выделяется три варианта основообразующего суффикса: -а-, -ја-, -wa-. В эпоху письменных памятников следы данного суффикса, как показывают примеры, ощутимы далеко не во всех падежах в парадигме склонения.

По типу -а- основ склонялись существительные мужского (см. табл. 17) и среднего рода (табл. 18).

Таблица 18

Существительные -а- основы среднего рода

	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>			
	<i>n(a)</i>	<i>n(ja)</i>	<i>n(i)</i>	<i>n(wa)</i>
Nom.	word	rīč <u>e</u>	wiht	beal <u>u</u> (evil)
Acc.	word	rīč <u>e</u>	wiht	beal <u>u</u>
Gen.	word <u>e</u> s	rīč <u>e</u> s	wiht <u>e</u> s	bealw <u>e</u> s
Dat.	word <u>e</u>	rīč <u>e</u>	wiht <u>e</u>	bealw <u>e</u>
	<u>Мн. ч. (Pl.)</u>			
Nom.	word	rīč(i) <u>u</u>	wiht	beal <u>u</u>
Acc.	word	rīč(i) <u>u</u>	wiht	beal <u>u</u>
Gen.	word <u>a</u>	rīč(e) <u>a</u>	wiht <u>a</u>	bealw <u>a</u>
Dat.	word <u>u</u> m	rīč(i) <u>u</u> m	wiht <u>u</u> m	bealw <u>u</u> m

Суффиксы *-ō-*, *-jō-*, *-wō-* также рассматриваются как варианты одного типа (*-ō-* основы). По этому типу склонялись только существительные женского рода:

Таблица 19

Существительные *-ō-* основы женского рода

	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>			
	<i>f(ō)</i>	<i>f(jō)</i>	<i>f(i)</i>	<i>f(wō)</i>
Nom.	<i>lār</i>	<i>ečǵ</i>	<i>fyrđ</i>	<i>trēow</i>
Acc.	<i>lāre</i>	<i>ečǵe</i>	<i>fyrđ</i>	<i>trēowe</i>
Gen.	<i>lāre</i>	<i>ečǵe</i>	<i>fyrde</i>	<i>trēowe</i>
Dat.	<i>lāre</i>	<i>ečǵe</i>	<i>fyrde</i>	<i>trēowe</i>
	<u>Мн. ч. (Pl.)</u>			
Nom.	<i>lāra</i>	<i>ečǵa</i>	<i>fyrde, fyrda</i>	<i>trēowa</i>
Acc.	<i>lāra</i>	<i>ečǵa</i>	<i>fyrde, fyrda</i>	<i>trēowa</i>
Gen.	<i>lāra</i>	<i>ečǵa</i>	<i>fyrda</i>	<i>trēowa</i>
Dat.	<i>lārum</i>	<i>ečǵum</i>	<i>fyrđum</i>	<i>trēowum</i>

-i- тип основ включал существительные всех трех родов. Поскольку склонение существительных этого типа мало отличалось от упомянутых выше продуктивных моделей (*-a-* и *-ō-*), примеры, иллюстрирующие *-i-* основы, приводятся вместе с типами *-a-* и *-ō-* (см. табл. 17–19).

Таблица 20

Существительные *-u-* основы женского и мужского родов

	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>		<u>Мн. ч. (Pl.)</u>	
	<i>m(u)</i>	<i>f(u)</i>	<i>m(u)</i>	<i>f(u)</i>
Nom.	<i>sunu</i>	<i>hand</i>	<i>suna</i>	<i>handa</i>
Acc.	<i>sunu</i>	<i>hand</i>	<i>suna</i>	<i>handa</i>
Gen.	<i>suna</i>	<i>handa</i>	<i>suna</i>	<i>handa</i>
Dat.	<i>suna</i>	<i>handa</i>	<i>sunum</i>	<i>handum</i>

Таблица 21

Слабое склонение. Основы на *-n*

	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>			<u>Мн. ч. (Pl.)</u>		
	<i>m(n)</i>	<i>f(n)</i>	<i>n(n)</i>	<i>m(n)</i>	<i>f(n)</i>	<i>n(n)</i>
Nom.	<i>guma</i>	<i>sunne</i>	<i>ēage (eye)</i>	<i>guman</i>	<i>sunnan</i>	<i>ēagan</i>
Acc.	<i>guman</i>	<i>sunnan</i>	<i>ēage</i>	<i>guman</i>	<i>sunnan</i>	<i>ēagan</i>
Gen.	<i>guman</i>	<i>sunnan</i>	<i>ēagan</i>	<i>gumena</i>	<i>sunnena</i>	<i>ēagena</i>
Dat.	<i>guman</i>	<i>sunnan</i>	<i>ēagan</i>	<i>gumum</i>	<i>sunnum</i>	<i>ēagum</i>

В так называемом «корневом склонении» широко используется внутренняя флексия, фонетически обусловленная умлаутом (umlaut):

Таблица 22

Умлаут в корневом склонении (Root-stems)

	<i>m(uml.)</i>	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>		<i>m(uml.)</i>	<u>Мн. ч. (Pl.)</u>	
		<i>f(uml.)</i>			<i>f(uml.)</i>	
Nom.	man(n)	bōc	burg	mēn(n)	bēc	byrig
Acc.	man(n)	bōc	burg	man(n)	bēc	byrig
Gen.	manne <u>s</u>	bōc <u>e</u> , bēc	burge	manna	bōc <u>a</u>	burga
Dat.	mēn(n)	bēc	byrig	mannu <u>m</u>	bōcu <u>m</u>	burgu <u>m</u>

Таблица 23

Основы на -r

	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>		<u>Мн. ч. (Pl.)</u>	
	<i>m(r)</i>	<i>f(r)</i>	<i>m(r)</i>	<i>f(r)</i>
Nom.	fæder	mōdor	fæder <u>a</u> s	mōdr <u>u</u> , - <u>a</u>
Acc.	fæder	mōdor	fæder <u>a</u> s	mōdr <u>u</u> , - <u>a</u>
Gen.	fæder, - <u>e</u> s	mōdor	fæder <u>a</u>	mōdr <u>a</u>
Dat.	fæder	mōdor	fæder <u>u</u> m	mōdr <u>u</u> m

Существительные -r основы немногочисленны, к ним относились существительные женского и мужского рода, называющие родственников. Основообразующий суффикс в этом классе слился с корневой морфемой. В случае с основами на -n и на -es (см. ниже) в ходе упрощения прежней трехчастной структуры слова древний основообразующий суффикс уже слился с падежной флексией.

Таблица 24

Основы на -es

	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>	<u>Мн. ч. (Pl.)</u>
Nom.	cild	cildr <u>u</u>
Acc.	cild	cildr <u>u</u>
Gen.	cild <u>e</u> s	cildr <u>a</u>
Dat.	cild <u>e</u>	cildr <u>u</u> m

Существительные -es основ в древнеанглийском очень немногочисленны, преимущественно это названия детенышей, все они среднего рода. Однако их окончания в единственном числе совпадают с типом -a основ. Появление -r в

окончаниях множественного числа свидетельствует об имевшем место ранее ротацизме -s. Возникшее на стыке корневой и аффиксальной морфемы скопление согласных создавало условие, препятствующее удлинению корневого гласного в формах множественного числа в среднеанглийский период. Отсюда неустойчивость корня в современных *child – children*.

Вероятно, за разными формальными типами склонений существительных (-a, -ō и т. д.) стояли некогда актуальные для носителей языка семантические категории, которые были связаны с древней категоризацией мира и маркировались основообразующими (тематическими) элементами, присутствовавшими в названиях древнеанглийских склонений существительных. Не все древнеанглийские склонения были одинаково продуктивными. Наибольшей устойчивостью и продуктивностью обладали такие типы, как -a, -ō, -n. Поэтому уже в древнеанглийском заметна тенденция выравнивания у существительных по этим продуктивным типам (индуцирующее влияние продуктивных моделей). Некоторые существительные в связи с этим фиксируются в текстах в формах, свойственных как исходному непродуктивному (утрачивающему продуктивность), так и продуктивному типу (см., например, -i тип выше). Особенно это характерно для позднедревнеанглийского периода.

Древнеанглийские склонения существительных имеют соответствия в других индоевропейских языках, как то: -n- тип соответствует русскому типу, представленному словом 'время – времена'; -ō- тип соответствует русскому 'жена – жены'; -jō- – 'статья – статьи'; -a- тип – 'дом – дома, окно – окна'; -es- тип – 'чудо – чудеса'; и т. п.

В словоизменительной парадигме существительного, таким образом, грамматическая категория падежа представлена четырьмя падежными формами (при очевидной омонимии ряда окончаний как внутри каждого типа, так и между разными типами), категория числа – единственным и множественным, имеющим совместный с падежным флективный формант, различавшийся по типам склонений (ср. -as, -was, у -a- основы мужского рода; -u, -wu у среднего рода; -a, -wa у -ō- основы женского рода; -an у существительных всех родов -en- основы; -gu у среднего рода -es- основы, чередование в корне у корневых основ. При различии рода у существительных на уровне парадигм в древнеанглийском не наблюдается регулярного эксплицитного их противопоставления с маркировкой в окончаниях конкретных словоформ: имеющиеся у существительных разных типов склонения окончания в именительном падеже единственного числа либо нулевые, либо многозначны по отношению к роду, т. е. совпадают у существительных разных родов. Уже в древнеанглийском акцент при выражении грамматической категории рода смещается в сторону синтаксиса и согласования существительного с определением (детерминативом, прилагательным).

Таким образом, в выражении специфических грамматических значений у древнеанглийских существительных преобладают флективные типы с много-

значностью флексий (совместно выраженными значениями падежа и числа у существительных определенного рода в одной флексии, как у *stanes*, где окончание *-es* маркирует родительный падеж единственного числа у существительного мужского рода *-a* основы). Категория рода находит формальное выражение преимущественно в согласовании с определением в составе именной синтагмы. Кроме того, в древнеанглийском языке широко используются предлоги, уточняющие значения падежных форм. Наиболее часто с ними сочетается дательный падеж, поскольку имеет богатый набор значений.

Именительный падеж оформляет подлежащее или предикативный член, винительный падеж характерен для прямого дополнения. К. Бруннер отмечает, что уже в древнеанглийском родительный падеж может трактоваться как падеж ограничения, т. е. падеж, который ограничивает референтную отнесенность определяемых слов. Этот падеж мог использоваться при существительных, глаголах, прилагательных. Семантически варианты «ограничения» были разнообразны – это родительный меры, принадлежности, происхождения, партитивный (разделительный), определительный, родительный адвербиальный (места и времени). Дательный падеж был не только падежом косвенного дополнения, но и мог передавать целый спектр значений, перекрывающих функции творительного и других косвенных падежей в различных языках, как то: местные (локативные) значения, значения времени, сходные с родительным значения принадлежности, и пр. Естественно, такое многообразие значений требовало дополнительного подкрепления падежных форм уточняющими аналитическими сочетаниями с предлогами. Наиболее часто использовались предлоги *of*, *ðurh*, *wið*, *to*, *by*, *mid* и некоторые другие. В приводимых ниже примерах интересующие нас падежные формы существительных выделены курсивом, а уточняющие значения падежей предлоги подчеркнуты:

Ɔa æt sumum *cirre* (Dat.) þæs ilcan *geares* (Gen.) comon þær sex scipu to *Wiht* (Dat.) ond þær micel yfel gedydon, ægðer ge on *Defenum* (Dat.) ge welhwær be ðæm *særiman* (Dat.). Ɔa het se cyng faran mid *nigonum* (Dat.) to þara niwena *scipa* (Gen.) ond forforon him þone muðan foran on utermere. Ɔa foron hie mid þrim *scipum* (Dat.) ut ongen *hie* (Acc.), ond þreo stodon æt ufewardum þæm muðan on *drygum* (Dat.); wæron þa men uppe on *londe* (Dat.) of agane. Ɔa gefengon hie þara þreora *scipa* (Gen.) tu æt ðæm muðan utewardum, ond þa men ofslogon...

Then on a certain occasion of the same year, six ships came to the Isle of Wight and did great harm there, both in Devon and everywhere along the coast. Then the king ordered (a force) to go thither with nine of the new ships, and they blocked the estuary from the seaward end. Then the Danes went out against them with three ships, and three were on dry land farther up the estuary; the men from them had gone up on land. Then the English captured two of those three ships at the entrance to the estuary, and killed the men... (см. текст 12).

hū ðā kyningas, ðe *ðone onwald* (Acc.) hæfdon ðæs *folces* (Gen.), *Gode* (Dat.) ond his *āerendwrecum* (Dat.) hīersumedon, ond hīe āegðer ge hiora sibbe ge hiora siodo ge hiora onweald innanbordes gehīoldon ond ēac üt *hiora ēðel* (Acc.) rymdon, ond hū him ðā spēow āegðer ge *mid wīge* (Dat.) ge *mid wīsdōme* (Dat.); ... ðā ðā ic *tō rīce* (Dat.) fēng.

and how the kings who had the power over the people in those days obeyed God and His messengers; and how they held peace and morality and power within their borders and also widened their land outward; and how they had God-speed both in war and in wisdom...

when I took the kingdom.

hīe hīe wendon ealla *ðurh* wīse *wealhstōdas* (Acc.) *on* hiora āgen *geðīode* (Acc.).

ðā ongan ic *ongemang* *ōðrum mislīcum* ond *manigfealdum* *bisgum* (Dat.) *ðisses kynerīces* (Gen.) ðā *bōc wendan on englisc* (Acc.), ðe is genemned *on læden PASTORALIS* ond *on englisc HIERDEBŌC*, *hwīlum* word *be worde* (Dat.), *hwīlum* andgit *of andgiete* (Dat.), swā swāe ic hīe geliornode *æt Plegmunde*,* *mīnum ærcebiscepe* (Dat.) (см. текст 13).

Типы словоизменения у прилагательных отличались своеобразием в германских языках. Вероятно, прилагательные как класс выделились из состава существительных как более древней категории слов. Поэтому склонения древнеанглийских существительных и прилагательных были в значительной степени похожи друг на друга. Но все же существовали и отличия.

Важно, что прилагательное, в отличие от существительного, не принадлежало к какому-то одному типу склонения. Большинство прилагательных могли склоняться как по слабому, так и по сильному типу. Тип словоизменения зависел от синтактико-позиционных свойств прилагательного. Если оно входило в словосочетание существительного с детерминативом, то оформлялось по слабому склонению, если же, напротив, в именной синтагме прилагательное использовалось как единственный атрибут существительного, без каких-либо детерминативов, то оно оформлялось по сильному склонению. Например:

...ðā ongan ic *ongemang* *ōðrum mislīcum* *ond manigfealdum* (слабое склонение) *bisgum* *ðisses kynerīces* *ðā bōc wendan on englisc*, *ðe is genemned on læden PASTORALIS* (см. текст 13).

Ɔa sceolde se ealdorman Ælfric lædan þa fyrde, ac he teah forð þa his ealdan (слабое склонение) *wrenceas* (см. текст 17).

(ur) *byþ anmod* and *oferhyrned* (сильное),
felaftrecne (сильное) *deor*, *feohteþ mid hornum*,
mære (сильное) *morstapa*; *þæt is modig wuht* (см. текст 1).

Таким образом, категории прилагательного функционально подчинились согласовательным параметрам и носили в целом согласовательный характер, что в условиях редукции неударных слогов расширяло сферу неустойчивости в именной системе. Окончания сильного склонения несколько отличались от аналогичных типов (-a-, -ō-) у существительных. Сильное склонение прилагательных относят к германским инновациям, а происхождение типичных для него формантов обычно связывают с влиянием местоименной парадигмы (указательных местоимений, ср. табл. 25–27). Окончания слабого типа практически не отличались от -en типа у существительных.

Таблица 25

Сильное склонение прилагательных (The Strong Declension)

	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>			<u>Мн. ч. (Pl.)</u>		
	m.	n.	f.	m.	n.	f.
Nom.	gōd	gōd	gōd	gōde	gōd	gōda
Gen.	gōdes	gōdes	gōdre	gōdra	gōdra	gōdra
Dat.	gōdum	gōdum	gōdre	gōdum	gōdum	gōdum
Acc.	gōdne	gōd	gōde	gōde	gōd	gōda
Instr.	gōde	gōde	–	gōdum	gōdum	gōdum

Таблица 26

Слабое склонение прилагательных (The Weak Declension)

	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>			<u>Мн. ч. (Pl.)</u>
	m.	n.	f.	(различий по родам не наблюдается)
Nom.	gōda	gōde	gōde	gōdan
Gen.	gōdan	gōdan	gōdan	gōdra (gōdena)
Dat.	gōdan	gōdan	gōdan	gōdum
Acc.	gōdan	gōde	gōdan	gōdan
Instr.	gōdan	gōdan	gōdan	gōdum

Таблица 27

Указательные местоимения (Demonstrative Pronouns)

				<u>Мн. ч. (Pl.)</u>
	m.	n.	f.	
Nom.	sē	þæt	sēo	þā
Gen.	þaes	þaes	þære	þara
Dat.	þaem	þaem	þære	þaem
Acc.	þone	þæt	þā	þā
Instr.	þy	þy	þy	þy

Окончание таблицы 27

	Местоимение (pron.) 'þes'			
Nom.	þes	þis	þeos	þās
Gen.	þisses	þisses	þisse	þissa
Dat.	þissum	þissum	þise	þissum
Acc.	þisne	þis	þās	þās
Instr.	þys	þys	þys	þys

Древнеанглийские прилагательные образовывали формы степеней сравнения синтетическим путем. Суффиксы *-ira*, *-ora* прибавлялись к прилагательному в сравнительной степени, а суффиксы *-ist*, *-ost* – в превосходной. Например:

wērig – wērigra – wērigost.

Иногда аффиксация сопровождалась внутренней флексией, вызванной ассимилятивными процессами регрессивного характера между аффиксальными и корневыми морфемами. Например:

eald – ieldra – ieldest.

Существовали и супплетивные формы степеней сравнения, как то:

gōd – bettra – bet(e)st; lytel – lāessa – lāest; micel – māra – māest.

Прилагательные в сравнительной степени склонялись по слабому типу; прилагательные же в превосходной степени могли склоняться по обоим типам.

Forðy mē ðyncð betre, gif iow swāe ðyncð, ðæt wē ēac sumæ bēc, ðā ðe nīedbeðearfosta sīen eallum monnum tō wiotonne, ðæt wē ðā on ðæt geðiode wenden, ðe wē ealle gecnāwan mægen (см. текст 13).

Næron nawðer ne on Fresisc gescæpene ne on Denisc, bute swa him selfum ðuhte þæt hie nytwyrdoste beon meahten (см. текст 12).

§ 9. Историческая трансформация словоизменительных парадигм

В среднеанглийский период система словоизменения претерпела глубокие преобразования, связанные имплицативными отношениями с уже описанными типологически релевантными фонологическими и морфонологическими процессами. Одним из таких масштабных изменений, затронувших парадигмы всех частей речи, стал *распад флективной системы*. За ним последовала *унификация сохранившихся аффиксальных элементов и радикальное изменение самой природы этих формантов*, ставших похожими на агглютинативные единицы по способу взаимодействия с корневыми морфемами и по характеру их связи с категориальной грамматической семантикой. Ряд описанных в ч. III, гл. I фонетических процессов привел к повышению устойчивости и самостоятельности корневой морфемы, появлению просодических механизмов ее выделительности и противопоставленности аффиксальной морфеме в противовес фузионности,

свойственной более раннему флективному состоянию. Само выделение и укрепление корневой морфемы наряду с наметившейся в среднеанглийском тенденции к утверждению в живом разговорном языке в качестве канонической преимущественно моносиллабической структуры простого корнеслова можно рассматривать как признаки направленности языковых процессов в сторону формирования как корнеизоляции, так и агглютинации. Обе эти тенденции специфическим образом переплетаются в системе современного английского языка. Сама эта специфическая связь обрела устойчивость в ходе преобразований позднераннеанглийского (раннесреднеанглийского) и классического среднеанглийского периодов. Рассмотрим трансформацию флективных парадигм внутри среднеанглийского периода.

Текстовые данные свидетельствуют о том, что трансформация флективных парадигм проходила неравномерно в разных диалектах среднеанглийского языка. Наиболее интенсивно распад, унификация и перерождение флективных парадигм проходили в *северных* диалектах. В *южных* диалектах эти процессы не были столь интенсивными. Что же касается *центральных* диалектов, то в них можно наблюдать неравномерное распространение данных процессов по зонам и неравномерное распределение по отношению к состоянию дел в прилегающих южных или северных ареалах.

Так, например, в системе склонения существительного стали исчезать различия между разными подтипами внутри склонений с основами на гласные. Еще в древнеанглийском языке происходит выравнивание по сильному типу -а- основ, в раннесреднеанглийском наблюдается активное разрушение устойчивости прежних типов, о чем свидетельствуют аналогичский перенос окончаний с одного (как правило, индуцирующего) типа на другой и нарастание вариативности форм. В *северных* диалектах вслед за этим практически исчезли различия в типах склонений и соответственно формальные различия классов существительных по родам. В дальнейшем эти процессы прошли и в *центральных* диалектах, между тем как *южные* диалекты сохраняли некоторое время следующую систему:

Таблица 28

Склонение существительных в южных диалектах среднеанглийского языка

Сильное склонение существительных мужского и среднего рода

	M.		N.	
	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>	<u>Мн. ч. (Pl.)</u>	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>	<u>Мн. ч. (Pl.)</u>
Nom., Acc.	stōn	stōnes	dōr	dōre, dōres
Gen.	stōnes	stōne, stōnes	dōres	dōre, dōres
Dat.	stō(n)	stōnes	dōr(e)	dōre, dōres

Окончание таблицы 28

Слабое склонение существительных мужского и среднего рода

	М.		Н.	
	Ед. ч. (Sg.)	Мн. ч. (Pl.)	Ед. ч. (Sg.)	Мн. ч. (Pl.)
Nom., Acc.	nāme	nāmen	eye	eyen
Gen.	nāme	nāmen(e)	eye	eyen(e)
Dat.	nāme	nāmen	eye	eyen

Склонение существительных женского рода

	Ед. ч. (Sg.)	Мн. ч. (Pl.)
Nom.	tunge	tungen
Gen.	tunge	tungen(e)
Dat.	tunge	tungen
Acc.	tunge	tungen

Корневое склонение

	Ед. ч. (Sg.)		Мн. ч. (Pl.)	
Nom.	man	fōt	men	fēt
Gen.	mannes	fōtes	manne, men	fōte, fēt
Dat.	manne, man	fōte, fōt	mannen, men	fōten, fēt
Acc.	man	fōt	men	fēt

В северных и центральных диалектах слабое склонение и различия по родам распались как типы еще в переходный период (XI–XII вв.). Единственными пережившими редукцию аффиксами, оказавшимися самыми устойчивыми, были: аффикс *-es* родительного падежа единственного числа из парадигмы *-a*- основы существительных мужского и среднего родов, а также субстантно совпавший с ним аффикс *-es* множественного числа именительного и винительного падежей того же типа склонения. Поэтому в северных и центральных диалектах эти аффиксы распространились практически на все существительные, максимально охватив их инвентарь уже к концу переходного периода. Только некоторые умлаутированные существительные корневого склонения сохранили устойчивость своих форм с внутренней флексией во множественном числе.

Существенное качественное отличие новых аффиксов от древнеанглийских флексий состояло в том, что если древнеанглийские флексии обладали многозначностью (каждая выражала какой-то падеж и число у существительных одного из трех родов), то среднеанглийские аффиксы, субстантно развившиеся из древнеанглийских флексий, изменили при этом свою природу. Они утратили способность к многозначности: категории числа и падежа утратили способность быть совместно выраженными в одном форманте. Среднеанглийский аффикс *-es* выражает только категориальное значение числа у имен существительных, иначе говоря, он может оформлять существительное во множественном числе независимо от падежа. Полное формальное совпадение именительного, винительного и датель-

ного падежей привело к появлению единого, так называемого *общего падежа*, лишённого окончаний в единственном числе на фоне родительного падежа, сохранившего свой формант. Вследствие этого возрастает функциональная нагрузка предложных сочетаний с существительными в общем падеже, поскольку функцию выражения семантических различий, ассоциируемых с прежними падежными формами, стал выполнять синтаксис.

В ранненоанглийском дальнейшие преобразования в парадигме существительных практически сводились к укреплению устойчивости сложившихся в среднеанглийском продуктивных типов и устранению случайных аналогических или архаических образований. Направленность изменений в падежной системе хорошо просматривается в судьбе аффикса родительного падежа, который, изменив свою природу и обретя устойчивость, тем не менее, сузил охват существительных, способных выражать это падежное значение с его помощью. Сама категория падежа сохранилась таким образом, за счет сужения категориального охвата имен, поскольку в новоанглийский период складывается употребление этого форманта преимущественно с одушевленными существительными. В XVII в. появляется так называемый орфографический способ обозначения родительного падежа – *апостроф*, который позволил частично устранить субстантное тождество формантов множественного числа и падежа.

«Написание апострофа перед окончанием -s в родительном падеже появляется около 1680 г. К этому же времени относится и новое образование родительного падежа существительных, оканчивающихся на глухой согласный; он образуется заново от формы ед. ч.: wife's [waifs] «жены», в то время как раньше (например, в изданиях произведений Шекспира, вышедших при его жизни) еще употреблялась исторически обоснованная форма wives» [Бруннер, 2003, с. 17]. Вероятно, как полагают многие историки, апостроф первоначально использовался как заместитель неударного (непроизносимого) гласного в аффиксе. У Дж. Чосера можно найти случаи употребления *группового родительного*, как, впрочем, и более древнюю модель. Ср.: That was the *god of sleepes* heyre (Book of the Duchess, 168), где речь идет о «наследнике бога сна» и “*The Wiues Tale of Bath*” «Рассказ дамы из Бата» (примеры взяты из: [Бруннер, 2003, с. 17–18]).

Итак, *исторически последовательными шагами по пути радикальной перестройки английской грамматической подсистемы явились: тенденции к унификации падежных окончаний; их редукции, вплоть до исчезновения; раздельности выражения числа и падежа, в дальнейшем частично закрепленной орфографическим приемом (апострофом)*. При этом охват существительных категорией числа с агглютинативным формантом существенно расширяется, в то время как охват существительных категорией падежа, напротив, снижается, что свидетельствует о существенном снижении ее функциональной нагрузки в оформлении парадигмы существительного. Формальные преобразования сопровождались категориальными перестройками семантического плана. Так, в оппозиции числа, по мнению

В. Я. Плоткина, возник новый член, и число стало осмысляться как категория, имеющая формальное средство для выражения множественности, представляющей денотат как расчлененный на однородные единицы, с практически универсальным формантом *-(e)s*: *stones, times, ducks*; единичности с аналитическим формантом – артиклем *a/an*: *a stone, a duck, a time*; и континуальности без каких-либо формальных маркеров: *time, duck, stone*. «Первая из них представляет денотат как расчлененный, составленный из отдельных экземпляров; вторая – как внешне отграниченный и внутренне единый, целостный; третья – как континуум без внешних или внутренних границ (камень как вещество, утка как вид птицы и пищевой продукт, время как бесконечная протяженность, человечество в целом)» [Плоткин, 1989, с. 148]. Что же касается категории падежа, то исторически засвидетельствованное сужение ее субстантивной базы не привело к исчезновению единственной формы, однако сохранение данной категории сопровождается ее семантической трансформацией, по мнению некоторых ученых. В частности, сохранившийся родительный падеж несколько расширяет свои функции, получив возможность оформлять существительные с пространственной и временной семантикой в современном английском языке: *a day's wait, a mile's distance*. Тем не менее, этот падеж сохранил присущее ему с древности лимитативное значение и способен, как и в древности, сужать референтную отнесенность существительного, как то: *a girl's bag = the bag of a girl*. Сама возможность такого рода трансформаций вскрывает *детерминативный* характер приименного родительного (притяжательного) падежа и его *лимитативное* (ограничительное) значение. Семантически это ограничение может иметь разный характер – лимитация по расстоянию, времени, принадлежности. На это обращали и обращают внимание многие исследователи (см., например: [Бруннер, 2003, с. 26; Плоткин, 1989; Huddleston, Pullum, 2005]).

Система прилагательных претерпела очень существенные изменения. В эпоху Дж. Чосера прилагательное становится практически неизменяемым. Поскольку падежных различий в его формах уже не наблюдается, невозможно установить и грамматические различия по родам. Оставшиеся на письме различия по числу и типам склонения (сильное и слабое) носили рудиментарный характер (табл. 29) и вряд ли могли быть устойчивыми в условиях морфосиллабизации.

Таблица 29

Остатки склонения прилагательных

	Сильное склонение	Слабое склонение
	<u>Ед. ч. (Sg.)</u>	
Nom., Gen., Dat., Acc.	gōd	gōde
	<u>Мн. ч. (Pl.)</u>	
Nom., Gen., Dat., Acc.	gōde	gōde

В стихах Дж. Чосера, как известно, редуцированный в речевой практике *-e* может произноситься или не произноситься в зависимости от потребностей соблюсти стихотворный ритм. Действительно, в северных диалектах в этот период *-e* уже окончательно редуцировалось что нашло отражение в орфографии. Разрушение флективных словоизменительных парадигм в среднеанглийский период привело к тому, что в именных синтагмах стало невозможно формальное согласование словоформ существительных и прилагательных, вместе с тем возросла нагрузка на аналитические по своей природе средства связи – предлоги и примыкание.

С исчезновением окончаний единственными формами словоизменения у прилагательных остаются формы степеней сравнения. Даже в новоанглийском сохраняются все существовавшие в древнеанглийском способы образования степеней сравнения. Однако стала отчетливо проявляться зависимость способа образования форм степеней сравнения от структуры прилагательного. Прилагательные с односложными и двусложными основами сохранили аффиксальные способы: *-er* в сравнительной степени и *-est* в превосходной. Прилагательные, имевшие чередования в корне, в сравнительной и превосходной степенях выравниваются по типу с устойчивой корневой морфемой. Ср. более ранние формы: *long – lenger – lengest* и новоанглийские *long – longer – longest*. Эти процессы также можно рассматривать как проявление отмеченной выше тенденции в выделении корня, укреплению его устойчивости.

Оставшиеся как реликты старые формы от *old – elder, eldest* сохранились за счет семантической дифференциации от новых *older – oldest*.

Некоторые прилагательные сохранили супплетивные формы: *good – better – best*. Использование аналитических способов выражения степени качества в сочетаниях с *more, most* наблюдается уже в древнеанглийском (*māra, māest*). Однако в новоанглийском отмечены плеонастические формы, в которых степень качества маркируется дважды: с помощью суффикса и аналитической конструкции. Например:

Cordelia Then poore *Cordelia*, and yet not so, since I am sure
My loue's **more richer** then my tongue
(SHK. *Lear*. I, i – Folio) (цит. по: [Gonzalez Diaz, 2004, p. 190]).

Это явление не раз привлекало внимание исследователей, высказывались различные предположения о причинах подобного употребления, о стилистических и социальных коннотациях, связанных с использованием плеоназмов этого типа в разные периоды в новоанглийском языке ²³.

²³ Подробнее об этом см. корпусное исследование «Adjectival double periphrastic comparison in emode: A socio-stylistic analysis»: [Gonzalez Diaz, 2004, p. 177–210].

В глагольных подсистемах в среднеанглийском существенно сокращается синтетический флективный потенциал выражения категориальных значений. У сильных глаголов в результате фонетических процессов намечается тенденция к унификации основ с дальнейшим сокращением их количества (с четырех до трех). Ср. табл. 30, где курсивом выделены ставшие внешне идентичными формы сильных глаголов, с табл. 15 сильных глаголов в древнеанглийском, а также (с. 241 – материал с нумерованной таблицей между табл. 3 и табл. 4, ч. III, гл. I, § 2).

Таблица 30

Глагольные словоизменительные парадигмы.

Сильные глаголы

	Инфинитив (Inf.)	Прош. ед. (Pret. sg.)	Прош. мн. (Pret. pl.)	Причастие II (Partic. II)
1.	<i>rīden</i>	rōd	<i>rīden</i>	<i>rīden</i>
2.	<i>chēsen</i>	chēs	<i>chōsen</i>	<i>chōsen</i>
3.	<i>helpen</i>	halp	<i>holpen</i>	<i>holpen</i>
4.	<i>bēren</i>	bar	<i>bēren</i> [ɛ:], bar	bōren
5.	<i>spēken</i> [ɛ:]	spak	<i>spēken</i> [ɛ:]	spēken [ɛ:], spōken
6.	<i>shāken</i>	shōk	shōken	<i>shāken</i>
7.	<i>fallen</i>	fell	<i>fell</i>	<i>fallen</i>

Морфонологическое чередование по аблауту, не отличавшееся продуктивностью уже в древнеанглийском языке, все дальше отходит от своего древнего прототипа и имеет тенденцию к устранению у целого ряда глаголов. Имевшийся в древнеанглийском причастии префикс *ge-* подвергся редукции до *y-*, а впоследствии и вовсе исчез из произношения и написания, причем сначала в северных диалектах.

Фонетическая редукция распределила слабые глаголы по разным группам. Стало очевидным, что глаголы второго класса наиболее устойчивы к фонетическим изменениям, особенно в корневой морфеме. Этот признак подкреплял продуктивность парадигмы слабых глаголов и способствовал включению в неё новых единиц. Из 333 древнеанглийских сильных глаголов (по данным [Baugh, Cable, 1978, p. 162]) до новоанглийского периода не дошло и половины. Часть некогда сильных глаголов развили у себя слабые формы по продуктивному типу (*climb, help, burn, walk, etc.*), часть вышла из употребления (*hnīgan, nīman*), в особенности после Норманнского завоевания. А заимствованные глагольные единицы преимущественно уже изначально оформлялись по слабому типу (*confess, pray, sacrifice*).

Сравнивая инвентарь древнеанглийских сильных глаголов с современным состоянием этой реликтовой группы (получившей название неправильных), А. Бо отмечает проявившуюся уже в среднеанглийском тенденцию в истории языка свести к минимуму количество так называемых неправильных, т. е. нерегулярных,

немотивированных, не поддающихся шаблонизации и моделированию словоформ «When we subtract the verbs that have been lost completely and the eighty-one that have become weak, there remain just sixty-eight of the Old English strong verbs in the language today. To this number may be added thirteen verbs which are conjugated in both ways or have kept one strong form. These figures indicate how extensive has been the loss of strong verbs in the language» [Baugh, Cable, 1978, p. 164–165].

В среднеанглийский период система базовых форм слабых глаголов всех трех классов приобрела следующий вид:

Таблица 31

Слабые глаголы			
	Инфинитив (Inf.)	Прош. время (Pret.)	Причастие II (Partic. II)
1. (a) <i>regular</i>			
	liken	likede	liked
(b) <i>irregular</i>			
	tellen	tōlde	tōld
	werken	wroughte	wrought
2.	māken	mākede	māked
3.	haven, han	hadde	had

Существенно сократились возможности флексий в различении категориальных значений среднеанглийского глагола ввиду редукции гласных перед согласными в окончаниях *-an, -on, -en, -ath, -eth*. Кроме того, в этот период наблюдается диалектная вариативность глагольных окончаний. Так, в северных диалектах глаголы во множественном числе настоящего времени изъявительного наклонения имели окончание *-es*, в южных же диалектах продолжала использоваться форма *-eth*, в центральных могла встречаться аналогическая по происхождению форма *-en*.

Таблица 32

Спряжение среднеанглийских сильных и слабых глаголов

	<u>Изъявит. (Ind.)</u>	<u>Наст. время (Pres.)</u>	<u>Сослагат. (Subj.)</u>	
	(Indicative Present)		(Subjunctive Present)	
ich	wrīt-e	have		
thow	wrīt-est (wrītes)	hast	} wrīt-e	hav-e
hē	wrīt-eth (wrītes)	hath (has)		
wē				
yē	} wrīt-en, wrīt-es, wrīt-eth	han, has, hath	} wrīt-en	han
hī, they				

Окончание таблицы 32

	(Ind.)	Прош. время (Pret.)	(Subj.)
ich	wrote		
thow	write		} write hadde
hē	wrote		
wē			
yē	} writen		} writen hadden
hī, they			
	Инфинитив	Причастие (Partic.)	
	(Inf.)	Первое I	Второе II
wrīte(n)	have(n), han	wrītinge, havinge (writande, havande)	write(n) had

По данным памятников северных диалектов, уже на рубеже XIII–XIV вв. конечные *-e* отпали, а инвентарь личных окончаний в этом диалекте свелся к ставшим омофоничными *-(e)s* во втором лице ед.ч.; *-(e)s* в третьем лице ед. ч. и *-(e)s* во множественном числе, однако после личного местоимения, служившего аналитическим маркером лица и числа, окончания у глагола во множественном числе не было. Это, несомненно, свидетельствует о тенденции к устранению аффиксальной маркировки различий по лицам и числам в наиболее продвинувшихся по пути типологической трансформации северных диалектах. Окончание *-en* для множественного числа изъявительного наклонения некоторое время конкурировало с *-eþ* в южных и центральных диалектах на правах вариантов, у Дж. Чосера абсолютно преобладает *-en*. После завершения редукции неударных гласных и исчезновения конечных *-en* и *-e* спряжение глаголов практически приблизилось к современному его состоянию, а сохранившийся в библейских и некоторых других контекстах *-eþ* в третьем лице единственного числа был заменен на свойственное сначала преимущественно северным диалектам *-(e)s*. Некоторые лингвисты [Бруннер, 2003, с. 182] связывают укрепление формы третьего лица единственного числа *-(e)s* с влиянием соответствующей формы глагола *be – is*.

В раннесреднеанглийском, таким образом, ярко проявилась тенденция к исчезновению флективной базы сослагательного наклонения, а также к исчезновению флективного согласования глаголов с подлежащим в лице и числе, поскольку число и лицо стали малоразличимы даже там, где продолжали какое-то время существовать окончания (ср. степень омонимичности выделенных в табл. 32 форм в условиях редукции неударных слогов). А в новоанглийском уже местоименные средства принимают на себя основную функцию для уточнения коммуникативно значимых смыслов лица и числа при глагольных словоформах, лишенных каких-либо морфологических средств флективного типа. Даже сохранившийся аффикс у

глагола в единственном числе нуждается в контекстном (синтаксическом, местоименном) сопровождении. Ср.: *his plays* (N) и *he plays* (V).

Исторические изменения словоизменительных парадигм германских языков стали объектом пристального изучения в советской лингвистике. В 60–80-е годы прошлого века в СССР активно изучались особенности исторической перестройки германских языков на основе системного подхода. Наиболее детально эта проблема была разработана в трудах М. М. Гухман, в частности в ее монографии «Историческая типология и проблема диахронических констант». В этой работе М. М. Гухман выводит так называемую *диахроническую типологическую константу*, термин, которым она обозначила устойчивую тенденцию в историческом развитии строя германских языков, тенденцию общую, которая формируется рядом однонаправленных более мелких (частных) констант. М. М. Гухман исследовала именную и глагольную словоизменительную парадигматику в 11 германских языках, включая мертвый готский. Германский материал оказался не только доступным (в силу сохранности довольно объемного корпуса текстов) и удобным для рассмотрения. Он оказался еще и особенно значимым с теоретической точки зрения, поскольку именно некоторые германские языки претерпели глубокую качественную цельносистемную (затронувшую все уровни языковой системы в той или иной мере) перестройку своего структурного типа. Материал этих языков свидетельствует о глубоких преобразованиях *в исторически засвидетельствованный, во многом отраженный в текстовом наследии период* их существования. М. М. Гухман так объясняет свой выбор германского материала: «Довольно длительная письменная традиция (первые краткие надписи рунического письма III–IV вв., готские тексты IV–V вв.) позволяет более или менее последовательно проследить судьбу словоизменительных систем в течение пятнадцати столетий; значительный разрыв существует лишь в отношении северной подгруппы, поскольку поздние северные рунические надписи относятся к VIII–IX вв., а первые крупные памятники – Старшая и Младшая Эдда, саги – дошли в письменной фиксации начиная с XIII в. Основные процессы языковых преобразований протекали на сравнительно ограниченной территории компактного заселения Западной Европы, периферией которой является Исландия. Исключение составляет лишь поздняя языковая формация – африкаанс – на территории Южной Африки в результате образования бурских поселений и обособления их языка от нидерландского» [Гухман, 1981, с. 69–70].

Рассматривая преобразования в германском словоизменении, исследователи прибегали к методу реконструкции, сравнительно-историческому анализу носителей значений в разных германских языках на разных исторических срезах. В частности, в работе М. М. Гухман описывается исходная (архетипическая) модель словоизменения в древнеиндоевропейских языках, в дальнейшем эти общие свойства индоевропейской словоизменительной парадигматики проецируются на конкретные исторические процессы в словоизменительных подсистемах имени и

глагола в различных германских языках и таким образом выводятся общие и специфические процессы в развитии словоизменения в этих языках. Так, М. М. Гухман приходит к выводу, что в своих типологически существенных преобразованиях германские языки продемонстрировали значительную неравномерность развития при всем сходстве общей направленности прошедших изменений. Последнюю она описывает как общую константу распада старых (унаследованных) флективных синтетических принципов построения словоизменительной парадигматики и приближения к закономерностям моделирования грамматических отношений в языках изолирующего типа.

Общую направленность исторической динамики в сторону корнеизоляции, агглютинации и аналитизма отмечали в той или иной степени и многие другие исследователи прошлого века – Дж. Гринберг, Г. П. Мельников, В. Я. Плоткин [1989; 1999], О. Есперсен [Jespersen, 1925] и др. Общую направленность истории германских языков с точки зрения реализации в них этой внутренней тенденции на материале словоизменительных подсистем можно было бы графически представить в виде пирамиды, в которой условно отражена интенсивность и глубина прошедших преобразований (см. рис. Пб в прил. 2). На схеме отчетливо видно, что английский язык уступает только африкаанс в интенсивности и глубине преобразований, английский и датский ушли по пути трансформации архетипа²⁴ дальше других германских языков Европы. С другой стороны, исландский язык оказался наиболее консервативным; относительно высокая устойчивость типологических признаков наблюдается в немецком, а также в голландском языках, что может на первый взгляд показаться странным, так как голландский послужил субстратом для формирования африкаанс, столь разительно отличающегося по своим характеристикам от архетипа.

Зависимость типологически значимых языковых преобразований от внешних факторов (прежде всего историко-этнокультурных процессов, формирующих языковую ситуацию в каждый отдельно взятый период) становится особенно очевидной при анализе состояния дел (в данном случае в словоизменительных парадигмах) в языках замкнутых сообществ. Например, исследование процессов трансформации словоизменительных парадигм в языке небольшого англоговорящего сообщества о-вов Тристан-да-Кунья²⁵ показало, что длительная изоляция

---

²⁴ Слово «архетип» восходит к гр. *archē* – «начало» и *typos* – «образ» и понимается как «некий образец, прообраз, начальная, первичная форма, исходное состояние объекта». Не путать с элементом *архи-*, который восходит к гр. *archi* – «старший, главный» и встречается в таких словах, как, например, *архиепископ* – старший епископ (в иерархии православной церкви).

²⁵ Жители о-ва Тристан-да-Кунья (Tristan da Cunha) в южной части Атлантического океана представляет собой смешанное по составу англоязычное сообщество из потомков европейских (большой частью британских) и американских колонистов. Они появились на острове в начале XIX в. (1816 г.). В отличие от других колониальных территорий, на Три-

(хотя и подвергнувшегося вестернизации) населения – преимущественно потомков британских моряков и американских китобоев – вкупе с отсутствием систематического влияния какой-либо престижной нормы (например, британской) дала очень интересные результаты «свободного», не скованного жесткими предписаниями развития глагольного словоизменения. В частности, имело место выравнивание (стихийно сложившаяся норма) форм глагола *be* в прошедшем времени с доминантным использованием *was* для всех чисел и лиц (тогда как в британских диалектах имеет место аналогичное явление с различной доминантной формой в разных регионах: где-то *was*, а где-то *were*, иногда возможны очень специфические по регионам виды варьирования этих форм, при сохранении их грамматической дифференциации) [Schreier, 2002a, p. 73]. Независимо от варианта, в котором воплощался процесс выравнивания, суть его сводится к устранению морфологической различимости лица и числа в прошедшем времени, а наиболее интенсивно и полно этот спонтанный процесс прошел в замкнутом сообществе носителей языка (здесь: на о-вах Тристан-да-Кунья). Аналогичный результат демонстрирует и исследование маркировки третьего лица единственного числа с помощью аффикса *-s*. В языке о-вов этот вид маркировки последовательно исчезает. В условиях относительно высокой географической изоляции рождались новые поколения, в сознании которых на когнитивном уровне отсутствовала соответствующая морфологически оформленная категория [Schreier, 2002b, p. 127].

Сколь бы ни было сильно давление экстралингвистических факторов, меняющих условия функционирования языка, направленность и устойчивость языковых изменений в значительной степени определяются внутрисистемными параметрами.

Сходство преобразований разных германских языков во многом заложено *спецификой исходного словоизменительного архетипа*. Анализ этого архетипа позволил М. М. Гухман выявить такие типологически релевантные их признаки, которые, с одной стороны, были свойственны всем индоевропейским языкам, а с другой – могли получить индивидуальное развитие в различных языках в зависимости от их внешней истории. Этими признаками были для германских языков: наличие множества подвидов именной и глагольной парадигм (основные и вторичные варианты

стан-да-Кунья не было аборигенного населения. Однако языковая ситуация и в этих условиях отличалась своеобразной динамикой. В частности, в 1961 г. все население Тристан-да-Кунья было вывезено в Англию из-за извержения вулкана, а два года спустя изгнанники вернулись назад на острова. Отмечено также влияние (возможно, креольское) компактной группы женщин, переселившихся с о-ва св. Елены. Подробнее о языковой ситуации на Тристан-да-Кунья см.: [Schreier, 2002a, b]. В исторической англистике все чаще появляются работы, в которых рассматриваются теоретические аспекты возникновения новых вариантов английского языка и конкретных языковых процессов как явлений, детерминированных внешними факторами различного порядка, особенно демографическими и этнокультурными [Trudgill, Gordon, Lewis, MacLagan, 2000; Schneider, 2007; и др].

склонений и спряжений); типичной структурой слова была трехчастная модель, в которой выделялось три морфемы: корень, основообразующий суффикс и словоизменятельный аффикс, при этом не только словоизменятельный аффикс, но и огласовка лексической основы (морфонологическое чередование) могли быть морфологическими показателями категориальных признаков. Одна и та же оппозиция могла маркироваться избыточно, как в случае с д.-в.-н. *nim-i-t* 'он берет' / *nem-a-nt* 'они берут', где оппозиция 3 л. ед.ч. / 3 л. мн. ч. трижды отмечена: огласовкой корня (*i - e*), огласовкой показателя презентной основы (тематического гласного в суффиксе: *i - a*) и личным окончанием (*t - nt*). По наблюдению М. М. Гухман, знаковая функция отдельного морфа могла ослабляться при избыточности маркирования, когда использовались еще и разноструктурные морфы (редупликация начала корневой морфемы (*tēk- - tai-tōk*), внутрикорневой аблаут (*ē - ō*), противопоставление тематического гласного нулю (*tēk-a- - tōk-ø-*) и личные окончания (*-nd - -un*) в готской оппозиции презентных и претеритальных форм (в 3 л. мн. ч. през. *tēk-a-nd* / 3 л. мн. ч. прет. *tai-tōk-un*). Однако присутствие нескольких маркеров не влияло на изоморфность плана выражения и плана содержания (прозрачность, мотивированность словоформ), поскольку комплексный показатель во флективных языках комплексно же (а не раздельно) маркирует несколько грамматических значений (число, падеж, род у существительных, лицо, число, время, наклонение у глагола) (об этом подробнее см.: [Гухман, 1981, с. 71–72]). Как уже говорилось, только в среднеанглийском преобразования пошли по пути разделения маркеров семантики числа и лица, числа и падежа и т. п.

Все упомянутые выше признаки грамматического строя индоевропейских языков М. М. Гухман относит к «слабым участкам словоизменятельной парадигматики», т. е. к тем особенностям, которые «стимулировали ее преобразование» [Там же], а отмеченные нами в предыдущих главах просодические изменения (включая акцентную структуру слова), несомненно, явились в ряду других процессов формами этих преобразований в английском языке. Таким образом, новое качество носителей значений создавалось в межуровневом пространстве языка на основе утраты или обретения устойчивости функций рядом процессов и подсистем, связанных общностью субстантного материала.

Рассуждая о причинах неравномерности развития типобразующих характеристик в области морфологии разных германских языков, М. М. Гухман замечает, что далеко не все преобразования, отмеченные на разных уровнях языковых систем германских языков, имеют универсальный характер. Абсолютной «универсальностью» отличались «процессы, связанные с переразложением и опрощением трехморфемной структуры слова. Даже в исландском языке, где сохранилась старая пестрота именной парадигматики, связанная генетически с древними классами склонения, основообразующий суффикс либо невыделим, либо занял позицию конечного флективного показателя. В этой связи старый тип сложных маркеров и в этом языке был в значительной степени вытеснен из именной парадигмы» [Там же]. М. М. Гухман высказывает пред-

положение о том, что различие английского и исландского языков в словоизменительных подсистемах в значительной мере обусловлено различием их словарного состава [Гухман, 1981, с. 84]. Последний в результате многочисленных межэтнических контактов приобрел гетерогенный (неоднородный) характер с точки зрения его «чуждости» старым словоизменительным схемам. Однако, как мы увидим позже, английский язык продемонстрировал высокую гибкость в плане ассимиляции иноязычных лексических пластов, в особенности ранних заимствований, активно включившихся в перестроечные процессы на всех уровнях языковой системы. В каких направлениях проходила эта ассимиляция и какой вклад она внесла в разрушение старых словоизменительных типов и в формирование устойчивости цельносистемных типологических новообразований – вопрос теоретически очень интересный, но объяснить характер глубинных межуровневых процессов вне учета внешних по отношению к языку детерминантных факторов сегодня не представляется возможным. Поэтому рассмотрим для начала вопрос о субстантном материале типологической перестройки английского языка, иначе говоря, в каком субстантном материале язык нашел резерв для внутрисистемных преобразований и почему именно из того субстантного материала, который был привлечен, сформировались носители развития инноваций. Рассмотрим эту проблему на примере глагольной системы, где динамика типологических преобразований ощущалась особенно остро.

Современный английский глагол характеризуется разветвленной аналитической парадигмой, в которой находят выражение тонкие и семантически усложненные оппозиции (в противовес, скажем, простой древнеанглийской оппозиции претерита и презенса, в которой претерит соотносился с неактуальным для настоящего, предшествующим акту речи, ненаблюдаемым действием, а презенс называл все остальное, включая и актуальное для настоящего, и наблюдаемое действие, и действие планируемое, будущее). Мы уже говорили о тех аналитических конструкциях, которые существовали в древнеанглийском языке для выражения некоторых хронотопных смыслов (прототип континуала, будущего времени, перфекта, конструкции с пассивным значением и со значением нереального, предположительного действия). Все эти аналитические по сути образования с субстантной точки зрения построены на валентностях некоторых широко употреблявшихся глаголов. Главным материалом для развертывания глагольных видо-временных категорий на новой субстантной основе после исчезновения флексий послужили претерито-презентные (модальные) глаголы-носители эврисемии (широкозначности). Несмотря на то, что явление глагольной эврисемии не получило однозначного истолкования в разных подходах, оно было системно описано В. Я. Плоткиным [1989] и его учениками. Он предложил термин «*эврисемия*», который нам представляется особенно удачным. Его можно поставить в один ряд с *полисемией* (многозначностью) и *моносемией* (однозначностью) как явления однорядковые с точки зрения вариативности семантической структуры глагола.

Нам представляется принципиально важным для понимания сущности типологически значимых преобразований в истории английского языка положение

В. Я. Плоткина о том, что один и тот же элемент, принадлежащий какому-то одному уровню языковой системы, может принимать на себя функции, свойственные элементам другого уровня, если в языке возникает такая потребность. В таком случае исходный элемент может сохранять свою принадлежность обоим уровням, имея функциональную специфику на каждом из них. Жесткие структуры с переходом элемента на иной уровень и полной его утратой для исходного уровня вовсе не свойственны системе английского языка (ср. объяснения через понятие *exaptation*; см. с. 333). Использование, скажем, некоторых глаголов в качестве служебных (в валентностной схеме которых возникают и утверждаются продуктивные модели аналитических конструкций) не ведет к утрате глаголом его исторически исходного значения, не вызывает и других существенных ограничений, способных нарушить целостность глагольной лексемы. Напротив, расширение сферы функционирования таких глаголов происходит потому, что их исходное значение не противоречит приобретаемому широкому, а, наоборот, служит каркасом для развития семантической структуры глагола *на основе когнитивной метафоры*. При этом развитие эврисемичных глаголов по своему характеру несколько отличалось от развития претерито-презентных глаголов. Так, модальные глаголы во все периоды истории английского языка имели «семантическую структуру, в которой органически слиты два компонента: с одной стороны, актуальная, наличная в соответствующий момент, обусловленная реальными объективными и субъективными факторами расположенность к действию, с другой – гипотетичность, ирреальность самого действия. Усиление одного из компонентов может, разумеется, вести к ослаблению другого. Для семантической эволюции английских модальных глаголов *shall – should, will – would* характерно общее ослабление компонента актуальной готовности к действию и соответствующее усиление компонента гипотетичности, перерастающей при этом в прогностичность – предсказание неминуемости действия при определенных условиях. ...Семантическое изменение не вышло за пределы типичной семантики модального глагола, а регулярное использование *should, would* как показателей ирреальности предикации не потребовало от них утраты каких-либо синтаксических свойств модальных глаголов» [Плоткин, 1989, с. 108–109].

В среднеанглийский период наблюдается дальнейшая унификация и упрощение парадигм некоторых употребительных претерито-презентных глаголов (табл. 33), одновременно сокращается количество глаголов, которые могут использоваться в сочетаниях с инфинитивом с прогностическим компонентом будущности, все регулярнее и чаще в этой функции используются глаголы *shall* и *will* в настоящем и прошедшем времени. В ранненоанглийском этот тип аналитической конструкции закрепляется как основной (самый оптимальный) способ передачи значения будущности. С утратой синтетических флективных форм сослагательного наклонения аналитические сочетания с упомянутыми выше глаголами также стали постепенно главным средством передачи значений нереальности, ранее свойственных

древнеанглийским флексиям сослагательного наклонения. Спряжение претерито-презентных глаголов см. в табл. 12, с. 277.

Некоторые лингвисты-историки, рассматривая развитие претерито-презентных глаголов в английском языке, отмечают специфику преобразований их семантики как способность «перевоплощаться» на основе переосмысления отнесенности действия (или его части, скажем, результата) к прошлому или будущему не один раз в истории этих глаголов (см., например: [Ильиш, 1958, с. 332–333; Иванова, Чахоян, 1976, с. 161–162]). Так, при образовании временной системы древнегерманских языков, вероятно, произошло переосмысление старых видовых форм (перфекта и аориста) в прошедшее время у сильных глаголов, у архетипов претерито-презентных глаголов это было переосмысление в пользу настоящего времени, благодаря чему прежние формы перфекта стали рассматриваться как формы претерита у основной массы сильных глаголов, у претерито-презентных же они стали трактоваться как презенс. В результате формы претерита им пришлось образовывать заново по слабому типу. Позднее, в ранненовоанглийский период, эти глаголы уже завершат упрощение своих парадигм и укрепят таким образом свою «дефективность». При этом у ряда глаголов снова произойдет переосмысление некоторых форм, на этот раз из прошедшего в настоящее. Так, форма древнеанглийского глагола *mōt* «могу, может» не сохранилась в новоанглийском, а его среднеанглийская форма прошедшего времени *mōste* «мог» развила *новое значение настоящего времени* со смещением акцента на долженствование. Аналогичные преобразования произошли и с *may – might*, *can – could* и др. Ср.: *It may rain. It might rain*, где обе формы соотносимы с настоящим, а не с прошедшим, поскольку различие между ними в интенсивности модального признака (прогностичность действия с большей или меньшей степенью уверенности). Эти метаморфозы зачастую служат поводом для описания такого рода форм как разных модальных глаголов, а не словоформ одного и того же глагола.

В отборе субстантного материала для типологической трансформации в глагольных подсистемах ощущалось два направления преобразований. Первое заключалось в укреплении индивидуальности, уникальности ряда уже существовавших служебных слов, а другое – в вовлечении в парадигматику словоизменения (а позднее и лексеобразования) слов, ранее не использовавшихся в служебных функциях и потому ассоциировавшихся с так называемыми «знаменательными» частями речи. Такого рода процессы можно описать в терминах теорий грамматикализации. Однако в английском языке грамматикализация (как в сочетаниях с модальными глаголами, так и в сочетаниях с широкозначными) не заходит так далеко, чтобы превратить привлеченные для «служебных» функций глаголы в лексически «пустые» образования с ассоциативной номинативностью, свойственной аффиксальным морфемам. Обе тенденции приводили к укреплению классов служебных слов, к их пополнению и расширению лексико-семантической базы единиц, способных создавать компенсаторные способы выражения хронотопной

семантики за счет лексико-синтаксических процессов после утраты флективных парадигм.

Рассмотрим первую тенденцию, о которой писал В. Я. Плоткин, – укрепление индивидуальности, уникальности, в нашем случае, вовлеченных в глагольную систему служебных слов [Плоткин, 1989]. После перестройки всей системы организации «согласовательных» категорий лица и числа у среднеанглийского глагола естественным образом возрасла функциональная нагрузка личных местоимений, как аналитических маркеров лица и числа в глагольно-именной (предикативной) синтагме. Ср.: *he plays – her plays; I play – they play – we play, etc.*

Сравнивая древнеанглийские и среднеанглийские местоименные парадигмы (табл. 33), невозможно не заметить нарастание (в результате идущих субстантных преобразований) омонимии словоформ, их слабовыраженную различимость в определенный период времени.

Таблица 33

Личные местоимения (Personal Pronouns)

Древнеанглийский

	Sg.			Pl.				
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.		
			m.	f.	n.			
Nom.	ic	þū	hē	hēo	hit	wē	gē	hīe, hī, hēo
Gen.	mīn	þīn	his	hire	his	ūre	ēower	hiera, hira, heora
Dat.	mē	þē	him	hire	him	ūs	ēow	him
Acc.	mē(c)	þuc	hine	hīe	hit	ūs(ic)	ēow(ic)	hīe, hī, hēo

Среднеанглийский

	Sg.			Pl.				
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.		
			m.	n.	f.			
Nom.	I, ich	thow	hē	hit, it	hē, shē	wē	yē	hī, they
Obj.	mē	thē	him	hit, it	hir, her	us	yow	hem, them

Притяжательные местоимения (Possessive Pronouns)

	Sg.			Pl.				
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.		
			m.	n.	f.			
	mīn, mī	thīn, thī	his	his	hir, her	our	your	hire, their

Как укреплялась индивидуальность местоимений? Как правило, заимствования не свойственны для грамматических подсистем. Тем не менее, английский язык заимствовал скандинавские формы *they, them, their*. Происхождение формы *shē* вызывает споры. В частности, предлагалась версия об аналогическом влиянии

соответствующей древнеанглийской формы указательного местоимения женского рода в именительном падеже *sēo*. Появление новых форм способствовало и укреплению формальной базы дифференциации семантики рода (позднее пола) в третьем лице. Мы уже говорили о том, как укрепляли свою индивидуальность некоторые активно вовлекаемые в *служебные функции* широкозначные глаголы (такие как *beon, gan* и др.), названные В. Я. Плоткиным эврисемичными [Плоткин, 1989, с. 205].

Be, have, do, get, give, take, keep, make, grow, turn, come, go и некоторые другие глаголы-носители эврисемии в современном языке могут быть объединены в одну подсистему еще и на основании *общности их исторической судьбы*. Эта подсистема, вероятно, не носит абсолютно замкнутого характера и допускает некоторое пополнение и в современный период. Глаголы, ее составляющие, не являются синонимами, поскольку каждый из них вносит определенную коннотацию в семантику аналитической конструкции, построенной по одному и тому же формальному шаблону. Например:

Cf.: He *was (got)* tired.
 Fall *(be)* ill.
 Have *(give, take)* a look, etc.

С диахронической точки зрения все эти глаголы прошли путь развития, который свойствен словам корнеизолирующего языка. Эту тенденцию можно назвать развитием семантической структуры по типу эврисемии, в результате чего постепенно расширяются референтная база глагола и лексическая наполняемость его валентностей. Сочетаемость глагола разрастается по мере включения в глагольную парадигматику все большего количества классов референтов глагола (новые и новые группы «объектов» сначала в конкретно-вещном, материальном смысле, а затем и за счет расширения наполняемости объектной валентности группами абстрактных имен разного типа). В результате исторического развития глаголы обретают такую широкую сочетаемость (по отношению к исходной, отмеченной в древних текстах), что актуализация их значений вне контекста и непосредственной ситуации общения начинает зависеть не столько от лексической семантики непосредственно сочетающегося с глаголом слова, сколько от того семантического класса (группы референтов), в который входит названный словом (существительным) объект. Таким образом, значение данных глаголов становится семантически широким в рамках исходной синтаксической модели (глагольно-объектной), тогда мы имеем дело с *семантической эврисемией*. В дальнейшем в результате когнитивной метафоры и абстрагирования от исходного конкретного значения у глагола могут развиваться новые семантико-синтаксические валентности, вследствие чего значение глагола может стать еще и синтаксически детерминированным (*семантико-синтаксическая эврисемия*). Например, глагол *have* может сочетаться практически с любым причастием в перфектной конструкции. Кроме того, он имеет и

другие синтаксические возможности в сочетании с инфинитивом для обозначения потенциального действия, где он также демонстрирует весьма широкую сочетаемость, как в случае с *have to go* (*have to swim; have to be*, etc.).

Объем семантической сочетаемости (лексическая наполняемость модели), а значит, и семантическая структура носителя эврисемии прошли такой исторический путь развития, в ходе которого в сферу глагольной сочетаемости попадали все новые и новые классы референтов (объектов, предметов), при этом исходное (архетипическое, конкретное, вещное) значение глагола продолжает сохраняться в его семантической структуре на протяжении всего исторического периода существования. Таким образом, существуют сочетания: *have a book* (в данном случае дополнение представляет собой собственно прототипический, т. е. физический, «вещный» объект); *have an idea* (где в качестве «объекта» выступает абстрактная сущность, локализуемая благодаря когнитивной метафоре, во внутреннем мире, внутреннем пространстве человеческой души), *to have a look, to have to go, to have written*. В последних трех случаях названия действий представлены в разных формальных оболочках, но все они объединены в одну деятельную когнитивную сферу, будучи уподобленными «объектам», благодаря когнитивной метафоре и размещению в контактную правостороннюю по отношению к глаголу позицию, позицию прототипического дополнения (объекта). В таких случаях, как *to have the car washed*, в качестве нового объекта при глаголе выступает конструкция, представляющая собой вторичную предикацию (сложное дополнение), целое структурированное событие в позиции прототипического объекта. Все эти новые валентности исторически представляют собой несколько более поздние явления, развившиеся в результате «наслоений», усложнений (расширителей) на базе исходной объектной валентности с прототипическим вещным объектом. В исходную глагольно-объектную конструкцию (синтагму) встраивались разнообразные «расширители» в виде прилагательных, причастий и других форм, каждая из которых вносила свой параметр в описание характеристик объекта (или субъекта). Например, включение в валентный набор глагола завершенных (*to have asked*) и потенциальных (*to have to ask*) действий достигается в ходе трансформации исходных синтаксических моделей формального (флективного) управления и согласования внутри глагольных синтагм. Так развивается сильное правостороннее примыкание инфинитива или причастия второго в качестве «псевдообъектов» к глаголу “*have*”. Описанные выше исторические процессы в развитии семантико-синтаксических валентностей глагола “*have*” хорошо иллюстрируют примеры из Дж. Чосера и древнеанглийских текстов ²⁶:

²⁶ Ch. WB; Ch. Kn; Ch. MC – from Chaucer G. *Troilus and Cressida and the Canterbury Tales*. Encyclopaedia Britannica. V. 22. USA, 1952.

Beow – *Beowulf with the Fight at Finnsburg* / Rev. and enl. Ed. Wrenn C. L. L., 1958.

VB. – *The Vercelli Book Poems* / Ed. by F. Magoun. Cambridge, 1960.

a) ...or elles ye wol *han* me young and fair (Ch. WB 27); *Haefdon* swurd nacod, tha wit on sung reowon (Beow 539) «Имели мечи обнаженными, кинулись в зыби...»;

b) *Haefde* him on innan ellen untweonde (VB. Andreas 1241) «имел он внутри себя смелость непоколебимую»;

c) Se cyng *haefde* gegaderod sum hund scipa (Chr 911) «Король имел собранными около 100 кораблей»; ...oth hie thaerymbutan *haefdon* monega byrig begietena (Oros 66.23) «...пока они в округе не имели много крепостей захваченными»;

d) nu ic longe spell *haebbe* to secgenne (Oros 94.16) «теперь я длинный рассказ имею рассказывать»; I *have*, God woot, a large feeld to ere, and wayke been the oxen in my plough (Ch. Kn 28);

e) King Alla, which that *hadde* his modor slayn... to Rome he comth (Ch. MC 854) [Шапошникова, 1999, с. 212].

В приведенных примерах подчеркнуты все типы расширителей глагольно-объектной синтагмы, которые впоследствии в ходе исторического развития станут субстантным материалом для закрепления в качестве новых синтаксических валентностей у глагола.

Сходные процессы можно наблюдать в историческом развитии эврисемии и у других английских глаголов, например глаголов динамического состояния *keep*, *get* и др. В новоанглийском наблюдается зависимость между сложившимся типовым содержанием каждой валентности такого глагола и статусом образовавшейся на ее основе языковой единицы. Ср.: *To have written* – аналитическая грамматическая конструкция в словоизменительной подсистеме английского глагола; *to have a look* – аналитическая лексема (в подсистеме лексической номинации). Это, по всей видимости, следует рассматривать как результат состоявшейся парадигматизации образовавшихся аналитических конструкций в качестве элементов глагольных грамматических и лексических парадигм.

Исторически формирование таких конструкций, как перфект, прошло несколько этапов, которые можно описать следующим образом: переструктурирование связей внутри глагольно-объектной синтагмы; утрата согласования объекта с причастным расширителем и укрепление семантической близости причастия к глаголу; установление сильного примыкания причастия к глаголу; оформление новой валентности у глагола с контактной правосторонней позицией причастия; распространение модели на непереходные глаголы, у которых состояние субъекта по завершении действия первоначально маркировалось в сочетании причастия с глаголом «быть» (в особенности у глаголов движения, откуда современное *he is gone* – «он умер»); установление четкой функционально-семантической специфики конструкции вместе с общей перестройкой грамматических оппозиций у глаго-

---

Chr – Plummer Ch. Two of the Saxon Chronicles Parallel with supplementary extracts from the others. V. 1–2. Oxford, 1899.

Oros – King Alfred's Orosius / Ed. by H. Sweet. L., 1883.

ла; парадигматизация конструкции в составе глагольной словоизменительной парадигмы как аналитической модели, специально предназначенной для выражения перфективности; наконец, дальнейший рост лексической наполняемости модели за счет возможностей создавать по ней перфектные конструкции у вновь образованных и заимствованных глаголов в новоанглийском языке. Сегодня наполняемость этой модели настолько велика, что свидетельствует о ее почти универсальном характере.

Глаголы-носители эврисемии, таким образом, самым фактом своего существования подтверждают вывод В. Я. Плоткина о том, что для английского языка не типична грамматикализация с «далеко идущими последствиями» [Плоткин, 1980]. Под «далеко идущими последствиями» следует иметь в виду утрату лексической семантики, так называемую «десемантизацию» лексемы, ограничение ее валентного потенциала, превращение лексемы в пустой служебный элемент с ассоциативной номинативностью аффиксального типа, наконец, слияние с «лексически ведущим» компонентом и превращение в аффикс. Действительно, эти глаголы не характеризуются утратой первоначального семантического потенциала. Более того, они отличаются индивидуальным набором форм, богатым по отношению к бедной у основной массы английских глаголов морфологии. Так, у глагола *be* в парадигме насчитывается восемь форм. Вероятно, основная нагрузка по оформлению согласования подлежащего и предиката переходит к этому глаголу вместе с созданием на его базе различных аналитических предикатов. Подобные глаголы сохраняют свою индивидуальность либо за счет супплетивизма, либо иными способами (вплоть до сохранения реликтовых моделей с внутренней флексией): *have – had, has; go – went, gone; come – came; get – got; take – took, etc.*). Ср. парадигмы древнеанглийского периода и среднеанглийского в табл. 34–35.

Таблица 34

Парадигмы некоторых глаголов-носителей эврисемии в древнеанглийском

bēon, wesan «быть» см. табл. 9, с. 271.

dōn «делать»

Наклонение (Mood)

Изъявит. (Ind.)

Сослагат. (Subj.)

Повелит. (Imp.)

Наст. время (Pres.)

ic dō	ic dō	
þū dēst	þū dō	dō
hē dēþ	hē dō	
wē dōþ	wē dōn	
gē dōþ	gē dōn	dōþ
hīe dōþ	hīe dōn	

Окончание таблицы 34

Прош. время (Pret.)		Инфинитив (Inf.)
ic dyde	ic dyde	dōn
þū dydest	þū dyde	Причастие I (Partic. I)
hē dyde	hē dyde	dōnde
Мн. ч. (Pl.)		Причастие II (Partic. II)
dydon (wē, gē, hīe)	dyden	(ge-)dōn

gān «идти» см. табл. 9, с. 271

habban «to have» см. табл. 14, с. 283.

Таблица 35

Парадигмы некоторых глаголов-носителей эврисемии в среднеанглийском

have(n) «иметь» см. табл. 14, с. 283.

	Наст. время (Pres.)		Прош. время (Pret.)	
	Изъявит. (Ind.)	Сослагат. (Subj.)	Изъявит. (Ind.)	Сослагат. (Subj.)
ich	have		hadde	
thow	hast	} hav-e	haddest	} hadde
hē	hath (has)		hadde	
wē				
yē	} han, has, hath	} han	} hadden	} hadden
hī, they				
	Инфинитив (Inf.)	Причастие I (Partic. I)	Причастие II (Partic. II)	
	have(n), han	havinge (havande)	had	

dōn «делать»

	Наст. время (Pres.)			Прош. время (Pret.)	
	Изъявит. (Ind.)	Сослагат. (Subj.)	Повелит. (Imp.)	Изъявит. (Ind.)	Сослагат. (Subj.)
Ед.ч. (Sg.)					
1 л. dō				dide (dude, dede)	
2 л. dōst (dōs)		} dō	dō	didest	} dide
3 л. dōth (dōs)				dide	
Мн.ч. (Pl.)					
dōn (dōs, dōth)	dōn		2 л. dōth	diden	diden
	Инфинитив (Inf.)	Причастие I (Partic. I)		Причастие II (Partic. II)	
	dōn	dōinge		dōn	

bēn «быть», **gōn** «идти» см. табл. 9, с. 272.

У этих глаголов не наблюдается сворачивания синтагматики (ликвидации «лишних» валентностей, особой регламентация на сочетаемость внутри сохранившегося типа), то, что иногда исследователи грамматикализации называют «condensation» [McMahon, 1996, p. 167]. Наоборот, как уже говорилось, исторически в их становлении наблюдается устойчивая тенденция к расширению синтагматического потенциала, увеличению числа синтаксических конструкций в валентном наборе этих глаголов за счет «рекрутирования» в глагольную синтагму расширителей с последующим закреплением за ними статуса обязательных для определенного типа валентности элементов. Конечно, все эти семантико-синтаксические трансформации связаны с расширением функциональной нагрузки данных глаголов, которая заключается, прежде всего, в создании новых аналитических (лексико-синтаксических) средств выражения грамматических и лексических значений (преимущественно в функционально-семантическом поле хронотопных смыслов). Таким образом, парадигматизация аналитических конструкций, т. е. их включение в глагольные словоизменительные парадигмы на правах элементов функционально равноправных с уже имеющимися там синтетическими по своей природе аффиксальными моделями, как в случае с равноправными формами типа *we walk; we walked; we have walked*, вероятно, не ограничивается только сферой грамматических категорий и может иметь место в подсистеме лексической номинации (ср.: *have a walk, take a walk; walk about*). Таким образом, если несколько модифицировать высказывание Гивона о том, что «today's morphology is yesterday's syntax» (сегодняшняя морфология – это вчерашний синтаксис) [Givon, 1971], то в применении к английскому языку можно сказать, что «today's lexemes are yesterday's syntax» (сегодняшние лексемы – вчерашний синтаксис). К таким результатам приводит грамматикализация в истории английского языка. Здесь нет семантического опустошения. Наоборот, присутствует расширение семантического потенциала и сопутствующего ему синтагматического на основе когнитивной метафоры.

Приводимые ниже иллюстрации из текстов, относящихся к разным периодам истории английского языка, позволяют проследить закономерности, свойственные становлению носителей глагольной эврисемии, на примере яркого представителя этой подсистемы – глагола *have*. Значение *have* в современном английском языке – «нахождение в обладательном состоянии центра сферы субъекта глагола». Этот глагол справедливо назван Э. Бенвенистом «псевдообъектным» (2002), поскольку он использует *объектную валентность* как *синтаксическую матрицу* для описания *состояния субъекта* через многообразные сущности, составляющие достояние его сферы. Ср. определение В. Я. Плоткина (вслед за Лангакером): «Новое широкое значение можно обобщить как вхождение референтов дополнений к *have* – предметов, качеств, действий, событий – в сферу, центром которой служит субъект глагола» [Плоткин, 1989, с. 210].

Исходное конкретное значение *have* – обладание, а точнее – *состояние обладания* у его субъекта, поскольку в сферу влияния субъекта этого глагола во все

исторические периоды включаются различные конкретные предметы («вещные» объекты):

Ʒone hring hæfde Hihelac (Beowulf)

«букв.: Это кольцо имел Хигелак»;

Antonius hæfde eahtatig scipa (Orosius)

«букв.: Антоний имел 80 кораблей»;

Se man þa heafde twa hundred oðþe ðre hundred swin (P. Chronicle)

«У того человека было 200 или 300 свиней».

В сочетании с абстрактными существительными в позиции объекта в результате когнитивной метафоры сфера субъекта глагола наполняется абстрактными сущностями: качествами, свойствами, показателями психического состояния субъекта, его чувств, способностей и пр. Например:

Hi nan helpe ne hæfdon of the king (AS Chronicle)

«Не было им помощи от того короля»;

He hæfde giet þe ma unþeawa þone his eam hæfde ær (Orosius)

«У него же было больше пороков, чем у его дяди»;

He hæfde rice XXIII wintra (Orosius)

«Он правил 23 года (букв.: имел царство)».

Сочетания глагола *habban* с инфинитивом использовались для выражения потенциального будущего действия с целевым оттенком. Значение обладания объектом здесь совмещается с возможностью распорядиться им, совершить какое-то действие в будущем, тем самым включить потенциальное действие в сферу субъекта глагола:

Nu ic longe spell hæbbe to secgenne (Orosius)

«Есть у меня длинный рассказ (и я мог бы его рассказать)».

Наконец, трехчленные конструкции, которые мы уже определяли как прототип перфекта, конструкции, в которых при дополнении к глаголу *habban* имеется расширитель (приобъектное определение, причастие, часто согласующееся с этим дополнением). Таким образом, объект включается в сферу субъекта *have* в каком-то определенном качественном состоянии, что часто бывает результатом действия со стороны субъекта глагола: такова основа метафоры включения в сферу влияния субъекта действий, уже совершенных.

Ʒa ðere sittende wæran ymb þa burg, oð hi hie gewunnene hæfdon (Orosius)

«Тогда они осаждали город (букв.: сидящими были вокруг того города), пока не имели его побежденным (победили)»;

*Leofe dohtor, hwæne hafast þu ðe **gecoren** to gemæccan? (Apollonius of Tyre)*
 «Кого же ты имеешь избранным, дочь милая, в мужья?»

В конструкциях такого рода при утрате прямого дополнения глагол получает возможность непосредственно сочетаться с причастием. Это происходит уже в древнеанглийском, когда *habban* сочетается с причастием от глаголов, семантика которых позволяет опустить дополнения, или с причастиями от непереходных глаголов, в норме предпочитающих глагол *beon* для описания таких состояний. Например:

We to symble geseten haefdon (Beowulf)
 «Мы сели пировать».

В количественном отношении эти сочетания уже в древнеанглийском не уступают конструкциям, в которых сохраняется согласование причастия с определяемым словом.

Уже в языке эпохи У. Шекспира глагол *have* реализовал весь свой широкий семантический потенциал в сформировавшихся к тому времени новых синтаксических валентностях (см. примеры ниже). Он используется для характеристики субъекта через составляющие сферу его влияния и жизнеобеспечения конкретные предметы, абстрактные сущности, психические манифестации, действия (однократные, потенциальные, совершенные) и события. Исторически все эти модели восходят, как мы уже видели, к исходной модели с объектными отношениями.

Though now you have no sea-cap on your head (Sh. TN 3,4); You must have patience, madam (Sh. Mac 4,2); Good monsieur, have a care the honey-bag break not (Sh. MND 4.1); Thou hadst need send for more money (Sh. TN 2,3); There is your money that I had to keep (Sh. Err 1,2); He has given him warning (Sh. MM 3,2); It is in us to plant thine honour where we please to have it grow (Sh. AWW 2,3).

Речь персонажей пьесы J. Vanbrugh «The Confederacy», написанной в самом начале XVIII в. (1705 г.), изобилует новыми средствами выражения грамматических категорий, в особенности аналитическими конструкциями с носителями эврисемии, однако здесь еще встречаются некоторые реликтовые формы (перфект с глаголом «быть» – *I'm but just come*; словоформы с окончаниями во втором лице единственного числа – *Hast thou, thou art*; префикс *a-* у причастия – *There's a storm a-coming*; и некоторые другие). Глагол *have* (см. подчеркнутые в тексте конструкции) здесь также представлен в своем полном валентном наборе:

Dick: Well, Brass, what news? Hast thou given my letter to Flippanta?

Brass: I'm but just come; I ha'n't knocked at the door yet. But I've a damn'd piece of news for you.

Dick: As how?

Brass: We must quit this country.

Dick: We'll be hang'd first.

Brass: So you will, if you stay.

Dick: Why, what's the matter?

Brass: There's a storm a-coming.

Dick: From whence?

Brass: From the worst point in the compass, the law.

Dick: The law! Why, what have I to do with the law?

Brass: Nothing; and therefore it has something to do with you.

Dick: Explain.

Brass: You know you cheated a young fellow at piquet t'other day of the money he had to raise his company.

Dick: Well, what then?

Brass: Why, he is sorry he lost it.

Dick: Who doubts that?

Brass: Ay, but that's not all; he's such a fool to think of complaining on't.

Dick: Then I must be so wise to stop his mouth.

Brass: How?

Dick: Give him a little back; if that won't do, strangle him.

Brass: You are very quick in your methods.

Dick: Men must be so that will dispatch business.

Brass: Hark you, colonel, you father died in's bed.

Dick: He might have done, if he had not been a fool.

Brass: Why, he robbed a church.

Dick: Ay, but he forgot to make sure of the sexton.

Brass: Are not you a great rogue?

Dick: Or I should wear worse clothes.

Brass: Hark you; I would advise you to change you life.

Dick: And turn ballad-singer.

Brass: Not so neither.

Dick: What then?

Brass: Why, if you can get this young wench, reform, and live honest.

Dick: That's the way to be starved.

Brass: No, she has money enough to buy you a good place, and pay me into the bargain, for helping her to so good a match. You have but this throw left to save you; for you are not ignorant, youngster, that your morals begin to be pretty well known about town: have a care your noble birth, and your honourable relations are not discovered too; there needs but to have you tossed in a blanket, for the entertainment of the first company of ladies you intrude into; and then, like a dutiful son, you may dabble about with your mother, and sell paint; she's old and weak, and wants somebody to

carry her goods after her. How like a dog will you look, with a pair of plod shoes, your hair cropped up to your ears, and a band-box under your arm!

Dick: Why, faith, brass, I think thou art in the right on't; I must fix my affairs quickly, or Madam Fortune will be playing some of her bitch-tricks with me; therefore I'll tell thee what we'll do: we'll pursue this old rogue's daughter heartily; we'll cheat his family to purpose, and they shall atone for the rest of mankind.

...

Brass: A great rogue – Well, I say nothing, but when I have got the thing into a good posture, he shall sign and seal, or I'll have him tumbled out of the house like a cheese.

[Ступников, 1975, с. 84–85].

Семантические и функциональные особенности глаголов, развивающихся в сторону эврисемии, стали очевидны уже в *позднесреднеанглийском*. В *новоанглийском* эти глаголы можно рассматривать как особый *лексикографический тип*, требующий специфических средств описания в лексикографических источниках. Эта проблема была осознана Сэмюэлем Джонсоном при составлении словаря новоанглийского языка, опубликованного в 1755 г. Интуиция и наблюдательность позволили С. Джонсону выделить эти глаголы как особую группу, в описании которой он испытывал определенные трудности, свойственные именно этим словам. Вот что он говорит по этому поводу в предисловии к своему словарю: «signification is so loose and general, the use so vague and indeterminate, and the senses distorted so widely from the first idea that it is hard to trace them through the maze of variation, to catch them on the brink of utter inanity, to circumscribe them by any limitations, or interpret them by any words of distinct and settled meaning». Сюда он отнес такие глаголы, как *come, get, do, put, set, go, run, make, take, turn*, и некоторые другие. «These words are hourly shifting their relations and can no more be ascertained in a dictionary, than a grove, in the agitation of a storm, can be accurately delineated, from its picture in the water» (цит. по: [Johnson, 1785])²⁷.

Таким образом, суть придуманного Джонсоном описания данных единиц основана на констатации семантической «аморфности» и трудноуловимости семантики указанных глаголов при попытках ее параметризации. Сам факт постановки проблемы уже говорит об устойчивости новой тенденции в английском языке – тенденции к корнеизоляции.

Модель внутренней детерминанты языков корнеизолирующего типа Г. П. Мельников описывает следующим образом: «*Простога* грамматики корнеизолирующего языка, неизменность и относительно небольшой объем его исходных значений и морфем и, следовательно, *легкость освоения*, если иметь в виду наиболее простые коммуникативные ситуации, оборачивается *отсутствием фиксированного коммуникативного ракурса*, необходимостью творческого подхода при выбо-

²⁷ Страницы в этом издании не пронумерованы.

ре приемов выражения *служебной* информации с помощью *вещественных* значений» [Мельников, 2003, с. 124]. Анализируя параметры внутренней формы корнеизолирующих языков, Г. П. Мельников отмечает: «Устойчивым компонентом внутренней формы остается лишь ее этимологический минимум, т. е. план *значений* морфем, причем значений *вещественных*, поскольку с их помощью осуществляются намеки не только на ближайшие смыслы, но и на *отношения* между смыслами, как трансноминативные (деривационные), так и когноминативные (синтаксические). Следовательно, как и в случае предельной инкорпорации, морфемы корнеизолирующего языка можно назвать *корневыми*, если иметь в виду лишь то, что, как и в языках с развитой системой грамматических морфем, они являются носителями *вещественных* значений» [Там же]. При этом «практически любая морфема *корнеизолирующего* языка, в благоприятных контекстах и условиях общения, способна самостоятельно, «изолированно» выступать как высказывание» [Там же, с. 124–125]. Тенденция к морфосиллабизации, которую мы проследили на фонетическом уровне, проявилась и на морфологическом уровне в появлении типовых структур корнеслов – слов, состоящих из одной морфемы, т. е. корневой, как правило, одно- или двусложной. Комбинаторика таких утративших способность изменяться с помощью флективных приращений единиц осуществляется преимущественно в лексико-синтаксическом поле языка.

Видимо, можно говорить о носителях значений как совокупности некоторых кластеров семантических признаков и жесткой их связи во флективном слове, а также о свободной связи для показа окказионального сюжета высказывания при создании лексем с помощью синтаксиса, когда этого требует сюжет. Нежесткая связь кластеров семантем (моделей композиционности «корневых морфем») с носителями этих смыслов (значений) поддерживает возможность синтаксически создавать (псевдо)лексем по мере надобности в зависимости от требований показа сюжета. При этом у всех носителей эврисемии сохраняется способность к употреблению в исходном конкретном значении в соотнесенности с предметными (материальными) денотатами.

Семантическая корреляция эврисемичных глаголов в качестве элементов лексико-синтаксической подсистемы, функционально адаптировавшейся к созданию аналитических номинативных единиц (преимущественно биномов), исторически проявлялась со всей очевидностью в лексемах типа «глагол + существительное», тем самым привлекая к себе особое внимание исследователей. Именно на основе анализа этого типа аналитических биномов Р. Кателл пришел к выводу о том, что такие глаголы, как *give, have, make, get, take*, и некоторые другие «образуют единую систему и, возможно, даже представляют собой реализации одной супплетивной единицы», что позволило ему строить предположения относительно устойчивости сочетаемости разных групп существительных с каждым из рассматриваемых глаголов [Cattell, 1984]. В среднеанглийском активно развивается аналитическое лексеобразование с участием носителей эврисемии, а в ранненовоанглийском мы уже

сталкиваемся с развитой системой, в которую втягивается все большее количество глаголов (в особенности это касается модели «глагол + наречие»). В текстах этого периода в целом доминируют «словоформы» (корнеслоги) и способы выражения различных типов значений, характерных для корнеизолирующих языков.

Shakespeare – Much Adoe About Nothing (Scene 14, Act 5, Scene 1)

Don Pedro: See see, heere comes the man we went to seeke.

Claudio: Now signior, what newes?

Benedicke: (*to Don Pedro*) Good day my Lord.

Don Pedro: Welcome signior, you are almost come to parte almost a fray.

Claudio: Wee had likt to haue had our two noses snapt off with two old men without teeth.

Don Pedro: Leonato and his brother what thikst thou? Had we fought, I doubt we should haue beene too yong for them.

Benedicke: In a false quarrell there is no true valour, I came to seeke you both.

Claudio: We haue beene vp and downe to seke thee, for we are high prooffe melancholie, and would faine haue it beaten away, wilt thou vse thy wit?

Benedicke: It is in my scabberd, shal I drawe it?

Don Pedro: Doest thou weare thy wit by thy side?

Claudio: Neuer any did so, though very many haue been beside their wit, I will bid thee drawe, as wee doe the minstrels, draw to pleasure vs.

Don Pedro: As I am an honest man he lookes pale, art thou sicke, or angry?

Claudio: What, courage man: what though care kild a catte, thou hast mettle enough in thee to kill care.

(Цит. по: [Freeborn, 1998. p. 311].

Итак, широкое использование аналитической техники характерно не только для словоизменяемых парадигм у современного английского глагола. В новоанглийском языке активно функционируют оформившиеся в среднеанглийском модели аналитического лексеобразования.

Все четыре известных сегодня типа глагольных аналитических лексем в современном английском языке могут быть описаны в терминах частей речи:

“V + adv” – *take off*; “V + N” – *make a move*; “V + adj” – *grow white*; “V + V” – *grow to know*, *get talking*.

В современном английском языке процессы аналитизации и развертывания внутренней детерминанты корнеизолирующего типа зашли так далеко, что с новоанглийского периода фиксируются новообразования, которые можно назвать *вторичными аналитическими конструкциями*. Это также биномы, т. е. сложные аналитические лексемы, состоящие из двух компонентов с понятийной номинативностью, однако второй их компонент отличается *сложносоставной структурой*. Так, приводимые ниже примеры аналитических биномов построены по типичной модели глагольно-объектной валентности V + N: *have a take-off*, *make*

a getaway. Однако второй компонент (N) в свою очередь воспроизводит структуру первичной аналитической лексемы (**v + adv – take-off, getaway**).

Вторичные аналитические лексемы имеют свою функциональную специфику, прояснить которую зачастую невозможно, не понимая характера взаимоотношений между носителями эврисемии, в валентном наборе которых преимущественно и возникают данные аналитические конструкции. В текстах и речи возникает проблема понимания тонких семантических различий между аналитическими конструкциями, имеющими, на первый взгляд, сходную или частично сходную субстантную основу. Ср.:

(1)	(2)
(a) The plane <i>took off</i> smoothly.	Come back;
(b) The plane <i>had a smooth take-off</i> .	make a comeback;
(c) The pilot <i>made a smooth take-off</i> .	have a comeback.
(3)	(4)
(a) Break through;	Have a play-back;
(b) make a breakthrough.	do a play-back.

Во всех приведенных здесь примерах первичные аналитические глагольные лексемы (*take off, come back, break through, play back*) подвергаются перекатегоризации с помощью синтаксиса. Иными словами, они превращаются, будучи помещенными в синтаксическую позицию дополнения при глаголе, в псевдообъект, в *опредмеченное действие*, которое может осмысляться как манипулируемый, аналогично конкретному физическому, объект на основе когнитивной метафоры. Как и в первичных лексемах, использование неопределенного артикля в качестве аналитического маркера единичности денотата и наличия у него физически выделенных границ, способствует актуализации значения однократности действия, а выбор глагола-носителя эврисемии помогает уточнить характер «манипуляции», общую ее направленность в сфере субъекта глагола. Таким образом, новые типологические тенденции в системе лексической номинации также опираются на лексико-синтаксические межуровневые возможности языка, существенно расширившие комбинаторный потенциал морфосиллабов. Целая группа глаголов-носителей эврисемии обеспечивает возможность говорящему создавать («собирать») номинативные единицы по ставшим устойчивыми со среднеанглийского периода моделям. Создание номинативных единиц вторичного порядка позволяет достигать большей компрессии и концентрации смысла в пределах одной и той же лексико-синтаксической матрицы.

Процесс типологической перестройки глагольной подсистемы осуществлялся при участии носителей эврисемии. Однако субстантный материал для идущих в языке преобразований не ограничивался этими глаголами. Неличные формы гла-

гола (*нефинитная субпарадигма*²⁸ – *non-finite subparadigm*) противопоставляются личным (*финитной субпарадигме* глагола – *finite subparadigm*) на основе функционально-синтаксических параметров. *Финитная* субпарадигма необходима глаголу в его типично глагольной *функции предиката*, в его соотнесенности с субъектным актантом, когда личные глагольные словоформы способны изменяться в лице и числе при согласовании с подлежащим. Нефинитная, т. е. не имеющая категории лица и числа, а потому используемая во вторичных, не типичных для глагола функциях (именных, адъективных и пр.), субпарадигма также давала субстантную базу для изменений в области аналитизации морфологии глагола и лексико-синтаксических трансформаций внутри глагольных синтагм и всего предложения.

Рассматривая неличные формы глагола, необходимо выделить три аспекта:

а) соотношение нефинитных глагольных типов с динамикой частеречных преобразований в английском языке;

б) функциональный вклад неличных форм глагола в развитие подсистем глагольного словоизменения и лексической номинации;

в) вклад этой субпарадигмы в синтаксическое развитие, в частности субпредикаций и их включенности в структуру предложения в разные периоды истории языка.

Все эти аспекты, как нам представляется, были достаточно полно описаны в работах российских германистов прошлого века.

Рассмотрим первый аспект – соотношение динамики исторических изменений природы частей речи и соответствующих изменений в нефинитной субпарадигме глагола. Этот вопрос получил оригинальное системно-историческое и историко-типологическое истолкование в трудах В. Я. Плоткина. Автор усматривает закономерную связь между изменением природы частей речи, которое привело к «размыванию» частеречных границ, устанавливаемых на основе лексико-морфологического критерия, и историческими преобразованиями в нефинитной субпарадигме глагола [Плоткин, 1989, с. 128–135].

В древнеанглийском языке выделялись образованные от глагольных корней имена существительные и прилагательные, называвшие действия и деятельные состояния и поэтому функционально-семантически и морфологически уподоблявшиеся прототипичным представителям соответствующих неглагольных частей речи (существительных и прилагательных). *Инфинитив* – по происхождению отглагольное существительное – называл действие и имел разные падежные формы. Однако в письменных памятниках древнеанглийского периода он засвидетельствован только в двух формах – так называемого именительного падежа: *secgan*, *fremman*, *etan* с окончанием *-an* и дательного, который всегда сопровож-

²⁸ Здесь мы пользуемся системой терминов, принятой у В. Я. Плоткина в описании английского глагола (см.: [Плоткин, 1989, с. 128–135]).

дался «целевым» предлогом *tō* и имел окончание *-anne* (*-enne*): *tō secgenne*, *tō fremmenne*, *tō etanne*. Форма дательного инфинитива также называла действие, но, в отличие от именительного падежа, это было действие-цель, такая словоформа использовалась как обстоятельство цели. Таким образом, в древнеанглийском отмечены две морфологически различимые формы отглагольного имени, называющего действие, которые были функционально-семантически и субстантно близки к имени существительному. Например:

Nu ic longe spell haebbe to secgenne (*Orosius*)

Forðy mē ðyncð betre, gif iow swāe ðyncð, ðæt wē ēac sumæ bēc, ðā ðe nīedbeðearfosta sīen eallum monnum tō wiotonne, ðæt wē ðā on ðæt geðiode wenden, ðe wē ealle gecnāwan mægen (*Cura Pastoralis*) (см. текст 13).

Дальнейшее развитие инфинитива обычно рассматривают как слияние этих двух падежных форм в одну, с утратой всяческой флективной морфологии, а предлогу *tō* отводится роль аналитического показателя английского инфинитива. Постепенная вербализация английского инфинитива в ходе его истории обычно сводится к появлению у него новых, присущих преимущественно глаголу функций и субпредикатных образований, в которых инфинитив взаимодействует с агенсом на уровне субъектно-предикатных отношений. Нам представляется более приближенной к истине точка зрения В. Я. Плоткина о том, что обе формы инфинитива продолжают существовать и в современном языке как различные формы, отличные и функционально, и семантически, и субстантно, поскольку их прежние различия не только сохранились, но и углубились со временем. Так, инфинитив с частицей *to* расширил диапазон своих функций и может выполнять сегодня все синтаксические функции, вторичные для глагола и первичные для прочих частей речи (именные, адъективные, наречные в качестве подлежащего, определения, обстоятельства и пр.). Что же касается формы без *to*, то она сократила свое употребление и унаследовала от древнеанглийского периода только сочетание с модальными глаголами, где более не выполняет роль дополнения, а стала обязательным компонентом сложного глагольного модального сказуемого. Эта функция не равна функции личных форм глагола-сказуемого, но она чисто глагольная, несвойственная другим частям речи. Кроме того, исторически после редукции флексий эта форма инфинитива субстантно совпала с формами повелительного наклонения и сослагательного настоящего времени. Таким образом, данная форма инфинитива выполняет в современном языке еще и функцию предикатного ядра односоставного побудительного предложения: *Go!* (от древнего повелительного наклонения, см. табл. 16) и функцию сказуемого субпредикатной части косвенно-побудительного предложения (от древнего сослагательного наклонения, ср. *I insist that he go*. Это позволило В. Я. Плоткину трактовать данную форму инфинитива

как особую, которую он назвал *полуфинитивом* с присущим ему значением «действия потенциального, необходимого, возможного» [Плоткин, 1989, с. 131].

В древнеанглийском также имелись *отглагольные прилагательные – причастия*, которые образовывались от глагола с помощью суффикса *-end* и склонялись как прилагательные по двум типам склонения. В дальнейшем это причастие субстантивно слилось с отглагольным же именем существительным на *-ung (-ing)* и образовало единую неличную форму **Ving**. Новая форма отмечена в первичных для всех неглагольных частей речи функциях подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства, именного члена сказуемого, она может сочетаться с предлогами, артиклями и другими детерминативами. В. Я. Плоткин считает, что эта новая форма, которая, в отличие от древнеанглийских предшественников, не проявляет устойчивого тяготения к какой-либо одной неглагольной части речи. Как и у инфинитива, у нее проявляются свойства всех неглагольных частей речи, она даже может быть позиционно транспонирована (перекатегоризована) в любую из них [Там же, с. 132]. Таким образом, между финитной субпарадигмой глагола и неглагольными частями речи следует расположить на основе примененного В. Я. Плоткиным функционального критерия в порядке убывания выраженности глагольных признаков три компонента нефинитной субпарадигмы: полуфинитив, инфинитив и герундий (Ving) [Там же, с. 133].

Финитная субпарадигма (finite subparadigm) ⇒ полуфинитив (semifinitive: write) ⇒ инфинитив (infinitive: to V) ⇒ инговая форма (Ving) ⇒ неглагольные части речи.

Стрелочками здесь помечено направление убывания выраженности глагольных признаков по мере продвижения от яркой глагольности к ярко выраженной неглагольности. Таким образом, В. Я. Плоткин отметил однонаправленность и изоморфизм процессов преобразований всего комплекса глагольных подсистем, как финитных, так и нефинитных, по мере утраты ими флективных маркеров и возрастания синтаксической детерминированности семантики носителей значений.

Особо следует сказать о древнем причастии втором. Оно было вовлечено, как уже отмечалось, в перфектную конструкцию, где воплотился когнитивный механизм его семантико-синтаксического сближения с именем. Кроме того, у некоторых глаголов это причастие может сохранять самостоятельное употребление, сближаясь с прилагательным и наречием. Исследование лексического анализма на материале современного английского языка показывает, что В. Я. Плоткин верно определил основную семантико-функциональную доминанту и в развитии этой нефинитной формы в истории английского языка: «Что же касается причастия, то его общую семантику в обоих употреблениях – перфектном и неперфектном – можно описать как состояние одного из актантов, обусловленное его участием в действии. В неперфектном употреблении таким актантом обычно бывает пациенс,

в перфектном – агенс, для которого сохраняют актуальность последствия выполненного им действия. Таким образом, вхождение причастия в состав перфектного сочетания расширило его семантику, увеличив диапазон его семантической отнесенности к актантам, но сам принцип характеристики актанта у причастия сохранен» [Плоткин, 1989, с. 135]. Очевидно, что семантическая характеристика древнеанглийского причастия способствовала тому, что оно органично вошло в аналитические конструкции различного типа, поскольку его предрасположенность к характеристике актантов стала основой для семантической интеграции с глаголом – сказуемым. Семантические же свойства древнеанглийского причастия способствовали тому, что оно органично вошло в аналитические конструкции различного типа, так как его предрасположенность к характеристике актантов стала основой для семантической интеграции с глаголом-сказуемым. Ср. примеры использования причастий с глаголом *habban* (*haven – have*) выше и:

Swāe clāene hīo wæs oðfeallenu on Angelcynne, ðæt swīde fēawa wāeron behionan Humbre, ðe hiora ðēninga cūden understondan on englisc oððe furðum ān āerendgewrit of lādene on englisc āreccean.

Ðā ic ðā gemunde, hū sīo lār lādengeðīodes āer þissum āfeallen wæs giond Angelcynn, ond ðēah monige cūðon englisc gewrit ārāedan,

Sīððan ic hīe ðā geliornod hæfde, swāe swāe ic hīe forstōd, ond swāe ic hīe andgitfullīcost āreccean meahte, ic hīe on englisc āwende; ond tō āelcum biscepstōle on mīnnum rīce wille āne onsendan (см. текст 3).

Все члены нефинитной субпарадигмы глагола включились не только в словоизменятельную парадигматику, являясь удобным для создания аналитических грамматических конструкций субстантным материалом. Нефинитная субпарадигма глагола поставляет материал для образования аналитических номинативных единиц в лексико-синтаксическом поле языка. Так, модели «глагол + Ving», «глагол + Ven» и «глагол + инфинитив» широко используются для создания аналитических конструкций, способных описывать *нахождение актантов в каком-то качественном или деятельном состоянии, а также динамику этих состояний*, в зависимости от семантики первого компонента, преимущественно одного из глаголов-носителей эврисемии²⁹. Например:

Come to hate, come walking, get to know, get talking, get shaved, grow tired, get tired, go telling, keep doing, keep focused, etc. Cf.: be going – get going – keep going.

В современной европейской лингвистике, особенно в историко-типологических исследованиях, продолжают дискуссии о теоретических подходах к

²⁹ Подробнее об истории вопроса и развитии этих моделей в английском языке см.: [Аналитизм германских языков..., 2005; Битнер, 2004; 2007].

описанию исторических изменений, так или иначе связанных с функциональной адаптацией и оптимизацией языковой субстанции и структур в различные периоды истории языка. Практически все описанные в этом параграфе и в целом в третьей части учебника изменения служат или могут послужить иллюстративным материалом для такого рода дискуссий. Предметом обсуждения и сегодня продолжает оставаться среди прочего применимость понятийно-категориального аппарата теории эволюции Дарвина к языковым изменениям. В частности, некоторые изменения в системах выражения хронотопных смыслов описываются с помощью недавно вошедшего в научный обиход неodarвинистского термина *exartation*, который получает разную интерпретацию, ассоциируясь преимущественно с тем, что известно в лингвистике как функциональный сдвиг (*functional shift*), и используется в одном ряду со ставшими привычными для европейских лингвистов терминами грамматикализационных теорий (*grammaticalization, degrammaticalization, reanalysis, regrammaticalization, hyponalysis, functional shift, etc.*). Эти дискуссии показывают, что и в современных попытках опереться на теории эволюции биологических систем зачастую просматривается недооценка специфики знаковой природы языка. Критический обзор и предысторию ряда дискуссий такого рода можно найти в: [De Cuypere, 2005, p. 13–26; Lass, 1997a; 1997b; Hopper, Traugott, 2004, p. 135–138].

§ 10. Единицы анализа на синтаксическом уровне

Единицами анализа на синтаксическом уровне в истории языка традиционно являются способы оперирования носителями значений в структуре предложения – способы связи слов (включая и аналитические средства), организация синтагм, прежде всего глагольных и именных, построение структурных схем предложения, способы включения субпредикации в структуру основного предложения³⁰.

Обычно выделяют *синтетические* (опирающиеся на встроены в словоформу морфологические показатели значений) средства связи слов, такие как *формальное согласование* и *управление* и *аналитические* (лежащие вне словоформы), такие как *примыкание* и *служебные слова*. В языках с развитой флективной морфологией формальное согласование и формальное управление обычно играют основную роль в организации синтаксических структур, в то время как примыкание и слу-

---

³⁰ Подробный критический обзор проблем выявления единиц и процедур анализа, а также предмета изучения в синтаксисе в типологическом аспекте с учетом германского материала можно найти в: [Циммерлинг, 2002, с. 19–29]. О специфике методов и единиц исследования близкородственных (скандинавских) языков с учетом как структурных, так и просодических аспектов организации синтагм разных уровней см.: [Никуличева, 2000, с. 3–25]. Об учете семантики глаголов и иных элементов предложения при синтаксическом историко-типологическом анализе, в частности, о роли расширителей на материале нидерландского языка, см.: [Миронов, Зеленецкий, Дренясова, 2001].

жебные слова используются в качестве фоновых, сопутствующих средств. Поскольку древнеанглийский язык был флективным с преобладанием синтетической техники, в нем имелся необходимый субстантный материал для формального согласования и управления. С другой стороны, поскольку в древнеанглийских словоизменительных парадигмах наблюдалась значительная омонимия окончаний, неустойчивость флективных типов в особенности в позднедревнеанглийском (переходном периоде), служебным словам и примыканию всегда отводилась заметная роль в организации синтаксических структур. Однако в древнеанглийском эти (аналитические) средства еще пока не несли на себе основной функциональной нагрузки в организации синтаксических структур. Так, формальное согласование активно используется в выражении синтаксических отношений внутри именных синтагм (при согласовании определения и определяемого слова, когда имя прилагательное согласуется с существительным в роде, числе и падеже; при соединении некоторых детерминативов с существительными). Выше уже упоминалось о согласовательном характере адъективных категорий в древнеанглийском. Согласование наблюдалось также и в предикативной группе у подлежащего с глаголом-сказуемым в лице и числе.

Формальное *согласование* можно определить как вид техники подчинительной связи слов в структуре предложения, при которой зависимая словоформа копирует (повторяет) грамматические значения ведущей словоформы с помощью специально встроенных в нее морфологических показателей. Например, согласование в роде, числе и падеже или в лице и числе (ведущее слово в каждой из подчеркнутых синтагм выделено курсивом):

hū gesæliglīca tīda [Nom.pl., f(i)] ðā wæron giond Angelcynn, ond hū ðā kyningas [Nom.pl. m(a)], ðe ðone onwald [Acc.sg. m(a)] hæfdon ðæs folces, Gode ond his ærendwrecum hīersumedon, ond hīe ægðer ge hiora sibbe ge hiora siodo ge hiora onweald innanbordes gehīoldon ond ēac ūt hiora ēðel rymdon, ond hū him ðā spēow ægðer ge mid wīge ge mid wīsdōme; ond ēac ðā godcundan hādas [Nom.pl. m(u)], hū giorne hīe wæron [3d p.pl.] ægðer ge ymb lāre ge ymb liornunga ge ymb ealle ðā ðīowotdōmas [Acc.pl., m(a)], ðe hīe Gode scoldon, ond hū man ūtanbordes wīsdōm ond lāre hieder on lond sōhte, ond hū wē hīe nū sceoldon ūte begietan, gif wē hīe habban sceoldon [1t p.pl.].

ðā ongan ic [1t p.sg.] ongemang ōðrum mislīcum ond manigfealdum bisgum [Dat.pl., f(n)] ðisses kynerīces [Gen.sg., n (ja)] ðā bōc wendan on englisc (см. текст 13).

Управление относится к технике связи слов в структуре предложения, при которой выбор словоформы зависимого члена подчинительной синтагмы детерминруется словоформой главного члена, прежде всего семантическими свойствами этой словоформы. Сфера формального управления также была очень богатой в древнеанглийском. Управляли своими адъюнктами глаголы, имена существитель-

ные, числительные, местоимения, прилагательные и предлоги. Ниже приводятся примеры флективно маркированного управления в древнеанглийском тексте (зависимые формы выделены курсивом):

hū gesæliglīca tīda ðā wāeron giond Angelcynn, ond hū ðā kyningas, ðe *ðone onwald* [V + Nacc.] *hæfdon ðæs folces* [N + Ngen], *Gode* ond *his ærendwrecum hīersumedon* [V + Ndat.sg. + Ndat.pl.], ond hīe āegðer ge hiora sibbe ge hiora siodo ge hiora onweald innanbordes gehīoldon ond ēac ūt hiora ēðel rymdon, ond hū him ðā spēow āegðer ge mid wīge ge mid wīsdōme; ond ēac ðā godcundan hādas, hū giorne hīe wāeron āegðer ge *ymb lāre ge ymb liornunga ge ymb ealle ðā ðiowotdōmas* [prep. + Nacc.sg. + Nacc.pl.], ðe hīe Gode scoldon, ond hū man ūtanbordes *wīsdōm ond lāre* hieder on lond *sōhte* [V + Nacc.], ond hū wē hīe nū sceoldon ūte begietan, gif wē hīe habban sceoldon.

ðā ongan ic *ongemang oðrum mislicum ond manigfealdum bisgum* [prep. + Ndat.pl.] ðisses kynerīces *ðā bōc wendan* [V + Nacc.sg.] on englisc (см. текст 13).

Во всех приведенных выше случаях формальное согласование и управление сопровождаются более-менее сильным примыканием, иногда используются служебные слова:

hū him ðā spēow āegðer ge *mid wīge ge mid wīsdōme*.

Примыкание представляет собой способ связи слов, при котором слова, семантически связанные друг с другом, располагаются в непосредственной близости друг к другу.

Бывает и так, что семантическая связь слов не приводит ни к их соположению в непосредственной близости друг от друга, ни к включению таких слов в структуру одной синтагмы с морфологической маркировкой (как в формальном управлении или согласовании). В этом случае единственным способом выражения синтагматических отношений между словами остается примыкание. Различают *силу примыкания* и *сторону примыкания* (см., например: [Плоткин, 1989]). Если примыкание *сильное*, то словоформы располагаются в *непосредственной близости* друг к другу. Позиция одной словоформы по отношению к другой также быть значима и может иметь функциональную нагрузку преимущественно коммуникативного плана, иногда значимую в грамматическом смысле, что характерно для языков корнеизолирующего типа. Примыкание может служить в таких случаях средством синтактико-позиционной перекатегоризации (см. ч. I, гл. I, § 7).

В примерах же из древнеанглийских текстов можно наблюдать такое состояние, при котором помимо уже упоминавшихся выше приемов согласования и управления в качестве *фоновой техники* используется примыкание, поскольку словоформы, согласованные друг с другом с морфологической точки зрения, располагаются в определенной последовательности по отношению друг к другу в соответствии с коммуникативным ракурсом подачи сюжета в высказывании. Например:

hū gesæliglīca tīda ðā wæron giōnd Angelcynn ðā ongan ic ongemang oðrum mislīcum ond manigfealdum bisgum ðisses kynerīces ðā bōc wendan on englisc (см. текст 13).

Для понимания историко-типологической специфики синтаксических процессов необходимо не только различать типы (подчинительных) синтагм (именных, глагольных) и анализировать способ их организации, но и понимать, какие структурные модели канонических форм высказывания³¹ сложились в языке в рассматриваемый период времени и оформились как относительно устойчивые типы. Предложение как типовая грамматическая единица в древнеанглийском, как и в других индоевропейских языках того времени, организовывалось вокруг предикатного ядра, т. е. вокруг предиката (сказуемого) и его сочетания с субъектом (подлежащим). Из приводимых ниже примеров видно, что сказуемое в древнеанглийском могло быть преимущественно *простым глагольным* (*stōd, hālette, grētte, nemde*), *составным глагольным* (модальным или видовым) (*meaht singan, sceal singan*) и *именным* (*wæron lang*):

þā stōd him sum mon æt þurh swefn ond hine hālette ond grētte ond hine be his noman nemde

‘Hwæðre þū mē meaht singan’. Cwæð hē: ‘Hwæt sceal ic singan?’ (см. текст 11).

þa wæron fulneah tu swa lang swa þa oðru; sume hæfdon lx ara, sume ma; þa wæron ægðer ge swiftran ge unwealtran ge eac hieran þonne þa oðru (см. текст 12).

³¹ Нам близка точка зрения В. Я. Плоткина, который определяет предложение как *каноническую форму высказывания*. Если предложение в качестве грамматической единицы служит для номинации события (стандартизованной номинации событий, т. е. пропозитивной номинации), то высказывание как коммуникативная единица сообщает о событии, оно всегда детерминруется конкретным актом общения, с характерным для него тематическим членением. Соответственно словопорядок (порядок словоформ в синтагматической цепочке) может обслуживать в большей или меньшей степени нужды предложения или высказывания в зависимости от типа организации строя языка [Плоткин, 1989, с. 51–53]. Иначе говоря, предложение как единица уровневого анализа относится к системе языка (синтаксису языка), что подразумевает существование ряда типовых схем построения предложений, а высказывание как актуализованная форма может принимать структурную форму предложений определенного типа и характеризует речевые произведения, соотносимые с ситуацией общения, конкретным дискурсом (текстом). Если признается существование правил развертывания структур линеаризации носителей значений, то системно-функциональному историко-типологическому изучению подлежат типы предложений и организации их структур, а сам процесс линеаризации в аспекте восприятия и порождения речи может изучаться не только на базе имеющихся типологических знаний, но и с помощью психолингвистических методик. Смысловыми единицами анализа (т. е. носителями коммуникативно релевантных смыслов) в этом случае могут выступать высказывания.

Предложения также могли быть *простыми (монопредикатными)* и *сложными (полипредикатными)*. Простое предложение характеризуется наличием базового предикатного ядра и периферийной части, включающей в себя второстепенные члены предложения.

Ðā *cōt Wyllelm eorl of Normandige* in tō Pefnesēa on Sce. Michaelēs mæsse āefen (см. текст 18).

В этом предложении предикатное ядро содержит подлежащее (оно подчеркнуто) и простое глагольное сказуемое (выделено курсивом), повествующее о действиях субъекта (агенса) (Вильгельма, герцога нормандского). Таким образом, *предикация* семантически представляет собой тип отношений, при котором имеется деятель (носитель признака и исполнитель действия, т. е. агенс) и собственно признак (действие).

У древнегерманских языков отмечены специфические особенности организации структурных типов словоупорядка в простых предложениях. Так, Р. Лэсс (со ссылкой на [Antonsen, 1975]) приводит результаты анализа корпуса ранних рунических текстов северо-западногерманского ареала, созданный, по всей видимости, несколькими веками раньше готской Библии. Доминирующим типом организации словоупорядка в древнеанглийских предикативных синтагмах (около 70 % всей выборки корпуса) является последовательность OV (SOV), которую иногда называют *синтетическим* порядком слов, как в случае с ³²:

Rūnoz waritu (с. 450)

O (N, Acc. pl.) (these) runes + V write (1 person sg.)

«Руны (эти) пишу (я)».

Менее 20 % синтагм построено по типу SVO (остальные содержат глагольную форму в позиции топика в начале предложения, большей частью в императиве):

Eƿ Hagustaldaz hlaiwido mago minino (с. 450)

S (I Hagustaldaz) + V pret., 1 person sg. (buried) + O (N Acc sg.) + Pron Acc.sg. (my)

Модель SVO иногда называют *аналитическим* порядком слов [Ильиш, 1958, с. 128].

Анализируя древнеанглийские тексты, Р. Лэсс отмечает, что в самых ранних древнеанглийских письменных памятниках, датируемых примерно VII–VIII вв., состояние дел со словоупорядком предложения принципиально мало отличалось от ранних северо-западногерманских данных. Например, надпись на золотом кольце по датировке Пейджа, относящаяся приблизительно к 800 г., иллюстрирует модель SOV:

Æðred me ah Eanred mec agrof

«Æðred me owns, Eanred me carved» [Lass, 1997b, p. 221].

Даже если учесть несколько архаизированный, формально-клишированный характер регистра, в котором исполнены дошедшие из той эпохи тексты надписей,

³² Примеры и количественные данные приводятся по: [Lass, 1997b, p. 219–220].

в этих и более поздних, пространных, текстах (таких как гимн Кэдмона) уже наблюдается существенное в количественном плане смещение устойчивости в сторону типа (S)VO, при этом модель OV устойчиво закрепляется за придаточными предложениями и становится своего рода маркером включенной (зависимой) предикации в составе сложноподчиненного предложения. В придаточных предложениях складывается так называемая рамочная конструкция (clausal brace), когда все члены придаточного предложения замыкаются между двумя частями сказуемого – личной и неличной, как в немецком: Ich werde das Buch lesen. [Lass, 1997b, p. 224–226], причем в древнеанглийских придаточных личная форма, как правило, завершает предложение. Такого рода синтетический порядок слов часто используется в придаточных предложениях (включая и косвенную речь) наряду с сослагательным наклонением (см. выделенные курсивом глагольные словоформы):

Forðy mē ðyncð betre, **gif** iow swāe ðyncð, **ðæt** wē ēac sumæ bēc, **ðā ðe** nīedbeðearfosta sīen eallum monnum tō wiotonne, **ðæt** wē ðā on ðæt geðīode *wenden*, **ðe** wē ealle gecnāwan *mægen* (ond gedōn **swāe** wē swīðe ēaðe magon mid Godes fultume, **gif** wē stilnesse *habbað*), **ðætte** eal sīo gioguð, **ðe** nū is on Angelcynne, frīora monna, **ðāra ðe** ðā spēda **hæbben**, **ðæt** hīe ðāem befēolan *mægen*, sīen tō liornunga oðfæste, **ðā hwīle ðe** hīe tō nānre oðerre note ne mægen **oð** ðone first, **ðe** hīe wēl cunnen englisc gewrit āraēdan: lāere mon siððan furður on lædengeðīode, **ðā ðe** mon furðor lāeran *wille* ond tō hīeran hāde dōn *wille* (см. текст 13).

В приведенном здесь отрывке из текста предисловия короля Альфреда к «Обязанностям пастыря» можно найти несколько разных видов придаточных предложений (субпредикатных построений). Под *субпредикацией* здесь понимается – *вторичная предикация*, имеющая иерархически подчиненное значение (включенный характер, о чем свидетельствует приставка *суб-*) по отношению к основной (первичной) предикатной группе в структуре предложения. Включенный характер этих субпредикатных построений маркируется определенными способами (средствами) включения вторичных (зависимых) предикатов в структуру основного построения. Таковыми здесь являются союзы (**ðæt**), вопросительные слова и союзы (**gif**), относительные и сложные местоимения (**ðe**, **ðā ðe**, **ðāra ðe**), союзные наречия и союзы (**ðā hwīle ðe**, **oð**) и пр. Ряд связующих главную и придаточную часть элементов представляют собой коррелирующие структуры (**ðāra ðe**), обеспечивающие формально-семантическое управление и согласование слов в главном предложении со словоформами во включенной субпредикации (ср. рус.: *та* девушка, *которая* подошла ко мне вчера. *Той* девушке, *у которой* я был вчера; и пр.). Включение субпредикации в структуру предложения в качестве его придаточной части, примыкающей к главной и функционально идентичной члену предложения (придаточное атрибутивное, придаточное обстоятельственное, подлежащее, дополнительное и пр.) с помощью формальных (преимущественно флективных синтетических) средств, названо В. Я. Плоткиным «*режим*» и характеризуется, среди прочего, «четкостью границ между двумя частями сложноподчиненного предложе-

ния, примыканием субпредикации как единого целого к главной части» [Плоткин, 1989, с. 83]. Здесь может иметь место обособленность субпредикации, отмеченная, в частности, знаками препинания. Вместе с тем уже в недрах древнеанглийского языка можно найти случаи так называемой «*плавно*» включенной субпредикации, которая целиком базируется на плотном примыкании и взаимозависимости элементов подчиняющего предикативного ядра и элементов субпредикатного построения. Такого рода субпредикации обычно не образуют придаточных предложений, а глагольные действия (признаки) обозначаются в них неличными формами. В таких случаях традиционные грамматики ведут речь о так называемых «вторичных предикативных конструкциях», например, в древнеанглийском отмечены конструкции «винительный падеж с инфинитивом» после глаголов чувственного восприятия, приказания, разрешения и некоторых других:

zeseah he in recede rinca manize swefan sibbe-zedriht

«увидел он, как в зале спали многие из воинов, дружественная дружина» [Ильиш, 1958, с. 131].

В приведенном примере подчиняющее предикативное ядро выделено курсивом, субпредикатное построение включено в структуру основного предложения не на правах придаточной части, а плавным способом с помощью плотного примыкания. В структуре примыкания дополнение к глаголу *zeseah* – **rinca manize** занимает правостороннюю позицию, типичную для дополнения в валентной схеме глагольно-объектной синтагмы. Однако одновременно оно примыкает и к глагольной форме (здесь это инфинитив **swefan**), причем по отношению к действию (состоянию, признаку), выраженному инфинитивом, **rinca manize** выступает как исполнитель действия, агенс, носитель признака. Иными словами, здесь мы наблюдаем субпредикатное построение с неличной формой глагола, которое функционирует аналогично члену простого предложения и плавно включается в его структуру за счет плотного примыкания. Основным элементом, связующим обе части предложения, служит существительное в качестве прямого дополнения ведущего глагола-предиката, которое примыкает к глаголу-сказуемому в личной форме справа, а к глаголу, выполняющему функции вторичного предиката, – слева. Последнее типично для подлежащего. Аналогичную конструкцию находим в следующих примерах:

tha gesawon hi micel leoht heofonlice cuman

«тогда они увидели, что большой свет шел с небес»;

ðonne he geseah þa hearpan him nealæcan, þonne aras he for scome from þæm symble, and ham eode to his huse

«когда он увидел, что к нему приближается арфа, он поднялся от стыда и пошел к себе домой» (Bede, цит. по: [Fowler, p. 20], см. текст 11).

§ 11. Возрастание роли синтаксиса как устойчивая тенденция в истории английского языка

Радикальное изменение типа английского языка от флективного синтетического к аналитическому, совмещающему в себе свойства корнеизоляции и агглютинации, повлияло на усиление значимости синтаксиса. Иначе говоря, перестройка привела к устойчивому повышению функциональной нагрузки именно синтаксических средств в создании продуктивных типов в языке, определяющих устройство и функциональную специфику всей его системы. Данная устойчивая тенденция (в терминах М. М. Гухман – общая диахроническая константа) воплотилась в ряде изменений, ставших очевидными к концу среднеанглийского и особенно в новоанглийском языке. Часть этих изменений уже затрагивалась нами, в данном же параграфе рассмотрим их в аспекте синтаксической обусловленности.

К наиболее очевидным и всегда спорным для интерпретации германистами явлениям в этом ряду следует отнести постепенное *изменение природы частей речи*. Речь идет о таких номинативных классах в английском языке, как глаголы, существительные, прилагательные и в определенной степени наречия. Это такие классы номинативных единиц, которые описываются грамматистами как «открытые» [Quirk et al., 1982, p. 27]. Их количество постоянно пополняется в языке, поэтому их инвентарь не может быть задан ограниченным списком. Соответственно служебные слова (*form words*) при таком подходе квалифицируются как закрытые классы, поскольку их количество может быть задано конечным списком, а их пополнение новыми членами на протяжении истории языка происходит очень редко и может быть связано с изменениями строевого порядка в его системе. Сюда относятся, например, предлоги, местоимения, артикли, коннекторы (союзы, союзные слова), вспомогательные глаголы. Когда мы ведем речь об изменении природы частей речи, то мы имеем в виду именно открытые классы слов, по сути речь идет об *изменении природы носителей понятийно-номинативных значений*.

Если исходить из установки, что в каждом языке могут быть выделены на *когнитивном уровне* классы слов, аналогичные частям речи, выявленным и описанным изначально на материале индоевропейских флективных языков, то при анализе лексико-грамматической системы языка необходимо будет найти критерии для таксономического описания таких классов и для интерпретации их функциональных особенностей. Если попытаться условно-графически изобразить различные совокупности слов, составляющих части речи, как поля со своими границами, то такие словоформы, как (to) *look* и (a) *look* в английском и *любимый* (человек) и (мой) *любимый* в русском, нужно будет расположить не в центре этих полей, а в областях совмещения, где поле одной части речи накладывается на поле другой (глагол на имя в английском и прилагательное на существительное в русском соответственно). Объем и содержание таких наложений очевидно будет зависеть от типа языка. Языки синтетического флективного типа можно с этой точки

зрения охарактеризовать как языки с четко очерченными границами частей речи с очень незначительными областями наложения, если таковые вообще имеются в системе. Поэтому слова в этих языках могут быть описаны как единицы, *принадлежащие* какой-то определенной *части речи*. Иначе говоря, если речь идет именно о слове, а не о морфеме, то можем сразу же определить его категориальную (частеречную) принадлежность по формальным характеристикам этого слова, не помещая его даже в минимальный контекст. Образно говоря, в абсолютном большинстве случаев (но не во всех, о чем свидетельствует приведенный выше пример) частеречный ярлык закрепляется за словом «пожизненно». Для идентификации общеграмматического (частеречного) значения слова нам доступен морфологический критерий (т. е. показатели, встроенные в словоформу, как *печник*, *читать*, *красивый* и пр.), семантический (отнесение слова к определенному когнитивному классу – актанты и партиципранты события; их качества; действия; качества действий) и функциональный (наиболее характерная, типичная для этого слова функция в структуре предложения). Таким образом части речи могут быть охарактеризованы как *лексико-морфологические классы слов*. У каждой части речи имеется своя словоизменительная и словообразовательная парадигма, построенная на основе доминирующих в языке типов (внутренняя флексия, аффиксация и пр.). *Морфологический критерий* становится ведущим (самодостаточным) при определении общеграмматического значения лексемы. Изменение аффикса, к примеру, ведет к изменению общеграмматического значения слова и соответственно отнесению его к другому когнитивному классу. Такое явление можно назвать **лексико-морфологической перекатегоризацией носителей значений** в языке. Например:

Ср.: Old English	Russian
mod; mod <i>nes</i> (nouns)	смел <i>ость</i> (noun)
mod <i>ig</i> , mod <i>iglic</i> (adjectives)	смел <i>ый</i> (adjective)
mod <i>iglice</i> (adverb)	смел <i>о</i> (adverb)
mod <i>igian</i> (verb)	<i>осмелеть</i> (verb)

Приведенные примеры свидетельствуют о типологическом сходстве русского языка с древнеанглийским.

В языках *аналитических* и особенно *корнеизолирующих* слова не могут быть классифицированы как разные части речи на основе морфологических показателей, поскольку такие показатели не характерны для этих языков. Соответственно, общеграмматическое (частеречное) значение слова детерминируется преимущественно его синтаксической позицией (местом в синтагме по отношению к другим ее элементам). Таким образом, слово обретает частеречную гибкость (полифункциональность). За ним уже более нельзя закрепить частеречный ярлык, поскольку частеречная семантика меняется в зависимости от синтаксической позиции данно-

го слова³³. Части речи в таких условиях, если и выделимы, то преимущественно на синтактико-позиционной основе, соответственно, в этом случае можно вести речь о **синтактико-позиционной перекатегоризации** носителей значений. Специфика современного английского языка такова, что одно- и двусложные слова, преимущественно германского происхождения, а также ранние романские заимствования, уподобившиеся им структурно и функционально, характеризуются синтактико-позиционной перекатегоризацией при изменении частеречных функций, а многосложные относительно поздние заимствования из романских языков и греческие по происхождению слова – преимущественно лексико-морфологической.

Ср.: Who can **back** you up? Look at his **back**.
We can offer you a **back** room. Please, come **back**.

Но: comprehend, comprehensive, comprehension,
comprehensibility, comprehensively.

Другая исторически обусловленная характерологическая особенность английского языка связана со специфическим сочетанием корнеизолирующих тенденций в описанном выше качестве с укреплением агглютинативности. Это привело к тому, что, с одной стороны, некоторые аффиксы приобрели способность к расширению своего функционального потенциала, они менее зависимы от исходных параметров «производящей» основы, их сочетаемость с разными типами основ расширяется, вплоть до образования аффиксального деривата от «свернутой» в цельнооформленный лексемоподобный комплекс синтаксической конструкции. Например:

Everydayness, I-ness, keepy-uppy, oil-and-natural-gas-fired³⁴.

С другой стороны – некоторые аффиксальные дериваты, несмотря на аффиксальную маркировку, развивают у себя способность к синтактико-позиционной перекатегоризации, преодолевая частеречные барьеры в ситуативной синтагматике речи (в соответствии с окказиональной детерминантой³⁵ корнеизолирующих языков). Например:

³³ О соотношении когнитивных и типологических аспектов в частеречных классификациях см.: [Croft, 2000; Ježek, Ramat, 2009]; о взаимодействии грамматикализационных процессов с размытостью частеречных границ на примере английского и других языков см.: [Vogel, 2000].

³⁴ Здесь примеры приводятся из: [Ильина, 2005, с. 186–188].

³⁵ Описывая типологическое своеобразие языков разных структурных типов, Г. П. Мельников предложил анализировать такие единицы сознания, которые взаимодействуют непосредственно в актах коммуникации. Такими единицами являются повод, сюжет и аспект коммуникативного акта. Вероятно, эти единицы отражают специфику условий функционирования языка, которые собственно и создают то, что Г. П. Мельников параметризовал и описал как внешнюю детерминанту. Для языков корнеизолирующего типа характерно разнообразие (отсутствие фиксированности, а значит, неустойчивость организации)

To business together (N→V); apprenticeship opportunities (N→Adj); a fugitive from the Venetian Republic (Adj →N); ...producers can package people and make... (N→V); ...early-retirement packages helped (N→Adj), etc.³⁶

Следующая устойчивая тенденция, свидетельствующая о повышении значимости синтаксиса в ходе истории английского языка, заключается в *укреплении закрытых классов слов и повышении их функциональной нагрузки в системе*. В. Я. Плоткин отметил два направления в развитии этого процесса в течение письменной истории английского языка. Первое связано с укреплением индивидуальности уже существующих и традиционно использовавшихся классов служебных слов, а второе – с использованием в служебных функциях некоторых слов из открытых классов. Такое развитие заставляет исследователей задуматься, почему отбор субстантного материала при типологической трансформации языка пошел именно этим путем, какова исходная специфика используемого субстантного материала, почему именно этот материал был приспособлен для новых функций? Выше мы уже излагали суть проблемы на примере глагольной подсистемы (ч. III, гл. II, § 2–9). Очевидно, что в ряде случаев в условиях выхода из исходных флективных синтетических параметров привлекаются возможности старых типов. Речь идет о сохранении индивидуальности и уникальности словоформ за счет сохранения супплетивности, внутренней флексии в подсистемах местоимений, претерито-презентных глаголов и некоторых носителей эврисемии. Заметим, что при этом продуктивные в прежние, более ранние, периоды времени флективные типы не сохраняются. В новую систему вовлекаются синтетические по своей природе, *реликтовые* типы с периферии, такие как супплетивизм и внутренняя флексия, уже не обладавшие продуктивностью и в рамках прежнего, более выраженного флективного состояния древнеанглийского языка. Эти типы демонстрируют устойчивость и таким образом поддерживают типологические преобразования в языковой системе. Они начинают использоваться как знаковые (и значимые) элементы в составе синтаксических конструкций (синтагм), приобретающих новые функции в словоизменительных и лексеообразовательных парадигмах. При этом

сюжетов сообщений и аспектов высказываний. *Коммуникативный ракурс* показа сюжета в типичных высказываниях в корнеизолирующем языке характеризуется им как *оказиональный* (нефиксированный, разнообразный). Такова внутренняя (содержательная) детерминанта корнеизолирующего языка как проекция специфики условий коммуникации. Ср. у *флективного типа* – *событийный* ракурс показа сюжета, у *агглютинативного* – *качественно-признаковый*, а у *инкорпорирующего* – *обстановочный* [Мельников, 2003, с. 131]. Для каждого ракурса характерны свои устойчивые (*доминантные*) *типы оперирования носителями значений*, но в каждом конкретном языке они получают свое специфическое субстантное наполнение.

³⁶ О гибкости комбинаторики аффиксальных элементов с корневыми морфемами (словами) в зависимости от семантико-синтаксических факторов в современном английском языке см.: [Plag, 2004, p. 193–226].

именно индивидуальный, неповторимый за счет непродуктивности самой модели облик используемого элемента становится значимым и обеспечивает узнаваемость общего смысла. Например, лицо и число в системе новоанглийского глагола передается именно таким (синтаксическим) путем: *I swim, you swim, he swims, she swims, they are, he is, etc.*

Рост значимости синтаксиса проявился и в *широком развитии аналитических конструкций* (преимущественно биномной структуры) в системе английского языка, всегда привлекавших внимание исследователей. В связи с этим указанная область описания историко-типологических процессов преобразования германских языков представляется нам наиболее хорошо разработанной в отечественной и зарубежной германистике. Мы уже описывали развитие аналитизации на примере глагольных парадигм (см. гл. II, § 6, 9). Аналитические конструкции представляют собой не что иное как синтагмы, глагольные или именные по своему происхождению, которые, не будучи выведенными из синтаксиса, приобрели дополнительные функции на других уровнях языковой системы. Таким образом был задействован межуровневый резерв лексико-синтаксических процессов.

Увеличение функциональной нагрузки чисто синтаксических приемов связи слов в структуре предложения – одно из самых очевидных проявлений возрастающей значимости синтаксиса в целом. К чисто синтаксическим приемам связи слов относятся *примыкание* и *служебные слова*, а также *аналитическое управление с помощью предлогов*. В структуре древнеанглийского предложения подчинительные синтагмы, как правило, оформлялись за счет формального (флективного) согласования ведущих и зависимых словоформ, а также с помощью флективного же управления, где главная форма диктовала выбор падежного оформления зависимых словоформ. Распад флективных парадигм существенно сокращал сферу применимости формального согласования и управления в английском языке. Поэтому там, где древнеанглийское подлежащее, как правило, согласовывалось с глаголом-сказуемым в числе и лице, в новоанглийский период форма сказуемого зачастую зависит не столько от форманта подлежащего (если таковой имеется), сколько от семантического содержания, которое в него вкладывает говорящий:

Ср.:

OE *Haefde se cyning his fierd on tu tonumen, swa thaet hie waeron simle healfe aet ham, healfe ute, butan thaem monnum the burga healdan scolden*

The king had divided his army into two, so that always half its men were at home, half on service, apart from the men who guarded the boroughs (см. текст 12).

Mod.E. *The government have broken all their promises.*

The government has broken all its promises [Quirk et al., p. 163–169].

В таких случаях ведут речь о *согласовании по смыслу, семантическом согласовании*, когда форма подлежащего может противоречить форме сказуемого, однако они согласованы семантически, что, вероятно, можно рассматривать как типичное явление (а пример – как частный случай) для языков, внутренняя детер-

минанта которых заключается в отсутствии фиксированного коммуникативного ракурса, в ориентации на показ окказионального сюжета высказывания. В современном английском языке большое количество слов может регулярно допускать варианты согласования в зависимости от смысла: *group, crew, family, team* и многие другие.

В новых условиях естественным образом возрастает роль примыкания: как его *сторона*, так и *сила* становятся знаками тесной семантической связи между отдельными словами в структуре (подчинительной синтагмы) предложения. Ср.:

watch **pocket** vs. pocket **watch** (о значимости таких типов для контрастивного анализа языков см.: [Ярцева, 1981, с. 70–71]).

a high red brick **wall** vs. *a brick red high **wall**

В именных синтагмах, где при существительном имеется цепочка определений, можно наблюдать тенденцию к упорядочению расположения семантически различных атрибутивных слов на основе *силы примыкания*: «...существительное, или герундий в функции определения, непосредственно предшествует определяемому существительному. Впереди атрибутивного существительного (герундия) ставится прилагательное, обозначающее цвет, а впереди него прилагательное, обозначающее размер или форму. Прилагательные, обозначающие другие качества, стоят обычно дальше всего от определяемого слова, сразу после определителей» [Хорнби, 1992, с. 230]. Причем предложным сочетаниям, выполняющим атрибутивные функции, отводится постпозиция по отношению к определяемому существительному. См. приведенный выше пример: a high red brick **wall** «высокая красная кирпичная стена», а также:

Some *sour green eating* apples «Несколько кислых незрелых десертных яблок»; a *useful oblong tin* box «удобная продолговатая жестяная коробка; a *very valuable old long brown gold* watch «очень ценные старинные золотые часы». The woman *with long hair*; the views of the man *in the street*; a man *of the people* [Там же, с. 229–230].

Использование служебных слов для связи словоформ в предложении называют также *коннекцией*. Выделяются разные типы коннекторов (т. е. слов, обеспечивающих коннекцию), в зависимости от типа синтагм, структуры коннектора и его функционального назначения (подробнее о типах коннекторов в истории английского языка см. [Плоткин, 1989, с. 166–169; Rastorguyeva, 1983, p. 126–128]). Так, например, можно говорить о простых (предлоги: *for, at, to, и др.*) и сложных коннекторах. Последние представляют собой лексические единицы, субстантно организованные как целые сочетания служебных слов – своего рода лексикализованные синтаксические сочетания, используемые в функции коннекторов с определенным, закрепленным за каждым из них значением. Например: *as soon as, for the sake of* и др. Ср.: др.-англ. *sona... swa; sacu (strife, lawsuit, hence: a purpose, a motive, a reason, an advantage or benefit)*.

Pa sceolde se ealdorman Ælfric lædan þa fyrde, ac he teah forð þa his ealdan wrenceas. Sona swa hi wæron swa ge hende þet ægðer heora on oþer hawede þa gebræd he hine seocne and ongan hine breacan to spiwenne and cwæð þet he gesiclod wære. And swa þæt folc beswac þet he lædan sceolde. Swa hit gecweden is: þonne se heretoga wacað þonne bið eall se here swiþe gehindred.

Then Ealdorman Elfric was to lead the army, but he was up to his old tricks. As soon as they were so close that each army looked on the other, he feigned him sick, and began retching to vomit, and said that he was taken ill, and thus betrayed the people whom he should have led. As the saying goes: 'When the leader gives way, the whole army will be much hindered' (см. текст 17).

Коннекторы могут включать субпредикатные построения в структуру сложного предложения, как в приведенном выше примере (подчиняющая предикатная структура выделена курсивом), а также соединять словоформы внутри одной подчинительной или сочинительной структуры. В современном языке это происходит при создании синтагм, выражающих значения, ранее, в древнеанглийском языке, присущие определенным флективным падежным формам. В древнеанглийский же период часть падежных значений передавались только падежными формами или падежными формами совместно с коннекторами (предлогами). Ср.:

Ælfred kyning hæteð grētan Wæerferð biscep his word um luflice ond frēondlice ond ðe cyðan hæte, ðæt mē cōm swiðe oft on gemynd, hwelce wiotan iū wæron giond Angelcynn ægðer ge godcundra hāda ge woruldcundra, ond hū gesæliglica tīda ðā wæron giond Angelcynn, ond hū ðā kyningas, ðe ðone onwald hæfdon ðæs folces, Gode ond his ærendwrecum hīersumedon, ond hīe ægðer ge hiora sibbe ge hiora siodo ge hiora onweald innanbordes gehioldon ond ēac üt hiora eðel rymdon, ond hū him ðā spēow ægðer ge mid wīge ge mid wīsdōme; ond ēac ðā godcundan hādas, hū giorne hīe wæron ægðer ge ymb lāre ge ymb liornunga ge ymb ealle ðā ðiowotdōmas, ðe hīe Gode scoldon, ond hū man utanbordes wīsdōm ond lāre hieder on lond sōhte, ond hū wē hīe nū sceoldon ūte begietan, gif wē hīe habban sceoldon. Swāe clāene hīo wæs oðfeallenu on Angelcynne, ðæt swiðe fēawa wæron behionan Humbre, ðe hiora ðēninga cūden understondan on englisc oððe furðum ān ærendgewrit of lādene on englisc āreccean; ond ic wēne, ðætte nōht monige begiondan Humbre nāeren. Swāe fēawa hiora wæron, ðæt ic furðum ānne ānlēpne ne mæg geðencean besūðan Temese, ðā ðā ic tō rīce fēng. Gode ælmihtegum sīe ðonc, ðætte wē nū āenigne onstal habbað lārēowa.

Alfred the King greets Waerfeth the Bishop with these words, lovingly and in friendly wise; and he wants thee to know how it has often come into my mind how many wise men there were formerly throughout the English people, both in the priestly and in the worldly state; and what happy times there were among the English people; and how the kings who had the power over the people in those days obeyed God and His messengers; and how they held peace and morality and power within their borders

and also widened their land outward; and how they had God-speed both in war and in wisdom; and also those in priestly orders, how zealous they were for lore and for learning, and for all the good service that they should do for God; and how men without our borders sought wisdom and lore hither in our land; and how we must go out beyond if we would have them. So clean fallen away was learning among the English people that there were very few this side of the Humber who could understand their Mass-Book in English or even change a letter from Latin into English; and I think that there were not many beyond the Humber. There were so few that I cannot think of a single one south of the Thames when I took the kingdom. God be thanked that we have now any teachers at all (см. текст 13).

В следующих синтагмах используются коннекторы для координативного (сочинительного) типа связи: *āegðer ge ymb lāre ge ymb liornunga ge ymb ealle ðā ðīowotdōmas; luflice ond frēondlice; Gode ond his āerendwrecum*. Напротив, в случае с of lādene on englisc āresceap предлоги помогают связать слова в пределах подчинительной синтагмы. Простое сравнение древнеанглийских сочетаний с соответствующими им по смыслу сочетаниями в переводе на современный английский язык показывает, что удельный вес коннекторов в современном тексте гораздо выше, чем в древнеанглийском, более того, с утратой ряда падежных форм уходит возможность формального управления, становится более невозможно выразить значение этих падежных форм без предлогов, как в случае с др.-англ. *grētan Wāerferð* bisceap his wordum* и совр.: *greet Waerfeth the Bishop* with these words*.

Очень существенная с точки зрения возрастания роли синтаксиса тенденция связана с постепенным перераспределением *функциональной нагрузки словоупорядка предложения* в пользу его *грамматической значимости*. Очевидно, как уже говорилось, что словоупорядок в предложении балансирует между двумя функциональными параметрами: с одной стороны, это грамматическая функция, связанная с обеспечением *пропозитивной номинации*, с другой – *коммуникативная функция*, связанная с гибким решением коммуникативной задачи высказывания, прагматического ракурса рассмотрения сюжета в конкретной ситуации общения. Первая функция требует довольно строгих правил построения синтагматики, что может приводить к фиксации допустимых схем, особенно в отсутствии возможности выразить общеграмматическую семантику в аффиксальной маркировке словоформ. Вторая, наоборот, должна обеспечить гибкость и пластичность средств выражения коммуникативно значимых смыслов, организации всего информационного блока с учетом прагматической значимости отдельных его частей, что требует свободы перемещения элементов в составе целого. В истории английского языка имело место перераспределение функциональной нагрузки словоупорядка в пользу грамматической функции, поскольку синтактико-позиционная перекаатегоризация словоформ зачастую становилась едва ли не единственным способом обозначения их актантных (партиципантных), пропозитивно значимых смыслов.

Особенно наглядно действие данной тенденции проявляется при сравнении схем построения конкретных древнеанглийских предложений с соответствующими им по смыслу современными английскими и русскими предложениями. Например, следующее древнеанглийское предложение из поэмы «Беовульф» не поддается дословному переводу на современный английский, тогда как дословный русский перевод вполне может претендовать на самостоятельное высказывание:

О.Е. *Hi hine to thaem ade beran wyllath* (SOV).

М.Е. **They him to that fire (burying) place to take want* (*SOV) .

Они его к тому погребальному костру нести хотят (SOV).

They want to take him to the burying-place (SVO).

Реализация тенденции к возрастанию грамматической функции порядка слов в предложении привела к тому, что в современном английском словоупотребление подвергается жесткой регламентации в группе: *подлежащее – глагол-сказуемое – дополнение* (SVO). Эту группу называют *конструктивным ядром* предложения [Мороховский, 1980] или *центральной зоной*, выделяя таким образом две зоны в английском предложении: центральную и периферийную [Плоткин, 1989]. При наличии двух существительных при глаголе-сказуемом левосторонняя позиция отводится имени субъекта действия (носителя признака), а правосторонняя – объекта, на который действие нацелено. Вместе с тем полная фиксация порядка слов даже и в центральной зоне вряд ли достижима, поскольку это противоречило бы потребностям коммуникации, т. е. блокировало бы передачу коммуникативно значимых смыслов средствами словоупотребления. Поэтому в английском языке сохраняются довольно богатые возможности для манипуляции схемами расположения словоформ в периферийной зоне предложения. Вместе с тем постепенно развиваются приемы, компенсирующие необходимость фиксации словоупотребления под грамматическую задачу в центральной зоне. Например, известные тенденции к утяжелению и рематизации конца предложения (the principles of end-weight and end-focus в терминах Р. Кверка [Quirk et al., 1982, p. 357]) требуют размещения наиболее коммуникативно значимых рематических элементов как можно ближе к концу предложения, что может противоречить организации центральной зоны предложения, если члены этой зоны являются рематическими элементами. В. Я. Плоткин отмечает, что в английском языке развились специальные приемы выведения элементов центральной зоны в коммуникативно значимые позиции ближе к концу предложения без ущерба для грамматической функции словоупотребления. К таким приемам он относит следующие техники изменения структур [Плоткин, 1989, с. 54–64].

Инактивные (пассивные) структуры в современном английском языке, трехчленный пассив, например, позволяет поместить исполнителя действия в позицию коммуникативного фокуса: *Peter was informed by Nick*. В древнеанглийском также использовались синтаксические средства выражения инактивности, поскольку синтетических флективных парадигм, аналогичных готскому медиопассиву, в этом языке не сохранилось. Это были преимущественно сочетания глаголов *bēon* или

weorþan с причастием вторым. Причем глагол *bēon* в сочетании с причастием выражал статичное состояние, возникшее в результате действий, называемых причастием, а глагол *weorþan* показывал динамику становления этого состояния. Например:

Æfter þæm þe Romeburg **getimbred wæs** VI hunde wintra and LXVII, Romane gesealdon Gaiuse Iuliuse seofon legan, to þon þæt he sceolde fif winter winnan on Gallie.

Æfter þæm þe he hie oferwunnen hæfde, he for on Bretanie þæt iglond, and wið þa Brettas gefeaht, and **gefliemed wearð** on þæm londe þe mon hæf Centlond. Raþe þæs he gefeaht (eft) wiþ þa Brettas on Centlonde, and hie **wurdon gefliemed** (см. текст 5).

В среднеанглийском глагол *weorþan* вышел из употребления, а позднее в новоанглийском стали активно использоваться сочетания причастий с такими динамическими глаголами состояния, как *get*, *turn*, *grow*, расширяя сферу аналитических (лексико-синтаксических) средств номинации разного рода инактивных состояний в их динамике.

Так называемое *вводное* ('it') позволяет вывести подлежащее из центральной зоны, обеспечивая ему формальную замену: *It is useless asking him. It took them three hours to do the work.* Вероятно, аналогичную функцию выполняет и предвещающее *there*, оформляя безличные по смыслу предложения преимущественно с глаголом состояния *be*: *There's no getting over it. There is a lady to see you.* Вводные, позиционно замещающие подлежащее, сказуемое или дополнение элементы, используются все чаще по мере ослабления и распада парадигм флективных носителей значений. В древнеанглийский же период отсутствие подлежащего в предложении было явлением нормальным, поскольку в контексте и во флективных показателях глагола-сказуемого заключалась необходимая для понимания актантных ролей по ситуации смысловая нагрузка. Различие древнеанглийских и современных структур очевидно просматривается в следующих примерах. В безличных конструкциях современного английского языка позиция подлежащего остается заполненной формальными элементами, тогда как в древнеанглийском языке расположение флективных словоформ диктуется коммуникативным ракурсом рассмотрения ситуации.

...**Wæs ðēaw hyra,**
þæt hīe oft wāeron an wīg gearwe,
gē æt hām gē on herge, gē gehwæðer þara
efne swylce mæla, swylce hira man-dryhtne
þearf gesælde; **wæs sēo þēod tilu.**
(Цит. по: [Beowulf, p. 127])

1250

...**It was their custom**
that they were ever for war prepared

at home, in the field, in both alike,
 at whatever time to their liege lord
 the need befell. **‘Twas a ready people.** 1250
 (Пер. по: [Helsztyński, p. 23])

Wāt sē þe cunnað,
 hū sliþen bið sorg tō gefēran, 30
 þām þe him lyt hafað lēofra geholena.
He knoweth who trieth,
 how dire is care as comrade 30
 to him who has few trusty friends.

Wēl bið þām þe him āre sēceð,
 frōfre tō fæder on heofonum, þāer ūs eal sēo fæstnung stondeð. 115
Well is it for him who seeks mercy,
 comfort from the Father in heaven, where for us all security stands 115
 (см. текст 8).

Forðy **mē ðyncð betre,** gif **īow swāe ðyncð,** ðæt wē ēac sumæ bēc, ðā ðe
 nīedbeðearfosta sīen eallum monnum tō wiotonne, ðæt wē ðā on ðæt geðiode wenden,
 ðe wē ealle gecnāwan mægen.

For this **it seems well to me,** if **it seems well to thee,** that we also change into the
 tongue we all know the books that are most needful to be known by all men (см. текст
 13).

Предлоги в новоанглийском позволяют вывести из центральной зоны косвен-
 ное дополнение. Известно, что при наличии двух дополнений при глаголе-сказу-
 емом в центральной зоне современный английский язык располагает косвенное
 дополнение перед прямым. Предлог, наоборот, позволяет вывести косвенное до-
 полнение в коммуникативно более значимую позицию. Ср.: *I gave the book to him.*
I gave him the book.

В древнеанглийском косвенное и прямое дополнение при глаголе различались
 падежными формами. Так, прямое дополнение при переходном глаголе оформлялось
 винительным падежом, а косвенное – дательным. В современном английском при
 отсутствии возможности формального противопоставления падежных словоформ
 используются возможности синтаксической регламентации в центральной зоне и
 вывода косвенного дополнения из нее с помощью предлога. Например:

Ond þā **Bēowulfe** bēga gehwæðres
 eodor Ingwina **onweald** getēah,
 wicga ond wæpna; hēt hine wēl brūcan. 1045

(Цит. по: [Beowulf, p. 121–122])

Then the protector of the friends of Ing

gave power over both **to Beowulf**,

over horses and weapons, he bade him use them well

1045

(Пер. по: [Gordon, p. 25])

Регламентация расположения элементов центральной зоны настолько важна в условиях исчезновения флективной словоизменительной базы и развития признаков корнеизоляции, что сохраняется и в вопросительных предложениях, где традиционно для германских языков глагол-сказуемое должен выноситься в препозицию к подлежащему, т. е. имеет место полная или частичная инверсия. Ср., например:

О.Е. **Gehyrest þū**, Eadwacer? (*Wulf and Eadwacer*, см.: [Lehnert, 1955, p. 24]).

Перевод у Ленерта с архаическими формами для передачи значения второго лица и единственного числа у сказуемого, но с новой аналитической вопросительной структурой:

Dost thou **hear**, Eadwacer? [Ibid., p. 89].

Mod. E *The king **knows** the man. **Does** the king **know** the man?*

Использование эврисемичного глагола *do*, прототипического средства выражения деятельного состояния в английском языке, в препозиции к подлежащему маркирует эту позицию как *позицию глагольности*, в которой благодаря семантико-морфологическим особенностям глагола *do* есть *указание на обще- и частнограмматическую специфику глагола-сказуемого*, чем обеспечивается возможность удержания глагольной нефинитной формы в позиции после подлежащего, где она выполняет, по словам В. Я. Плоткина, функцию разделительного «буфера» [Плоткин, 1989] между существительным-подлежащим и существительным-дополнением, задавая им на основе синтактико-позиционной схемы актантные функции. Аналогичные механизмы можно наблюдать и в построении отрицательных предложений [Там же]. Возникновение аналитических конструкций с глаголом *do* в вопросительных предложениях отмечено еще в среднеанглийский период. Однако регулярное замещение древнеанглийских схем «обратного» словопорядка аналитическими вопросительными формами с глаголом *do* утверждается только в новоанглийском. Еще у В. Шекспира можно встретить в одном и том же контексте два типа организации вопросительных структур: с глаголом *do* и без него с инверсией глагола-сказуемого.

Claudio Wee had likt to haue had our two noses snapt off with two old men without teeth.

Don Pedro Leonato and his brother what **thikst** thou? Had we fought, I doubt we should haue beene too yong for them.

Benedicke In a false quarrell there is no true valour, I came to seeke you both.

Claudio We haue beene vp and downe to seke thee, for we are high prooffe melancholie, and would faine haue it beaten away, **wilt** thou **vse** thy wit?

Benedicke It is in my scabberd, shal I drawe it?

Don Pedro **Doest** thou **weare** thy wit by thy side?

(Цит. по: [Freeborn, 1998, p. 311]).

Современная аналитическая форма вопросительных предложений с *do* утверждается в английском примерно с середины XVIII в. Это явление можно было бы назвать распространением частичной инверсии (с сохранением «буфера» между субъектом и объектом при глаголе) на простые формы сказуемого (Present Simple, Past Simple). Для этой цели стал использоваться глагол-носитель эврисемии *do*. Частичная инверсия к тому времени уже вполне утвердилась как способ образования вопросительных структур, поскольку интенсивное развитие аналитических конструкций для передачи различных хронотопных смыслов (континуал, перфект, будущее время и пр.) создавало субстантную базу для устойчивости такой модели. Ср., например: О.Е. 'Hwæt **sceal ic singan?**' Mod.E. What **shall I sing?**

Отрицание также строится в новоанглийском с учетом грамматической нагрузки словоупотребления центральной зоны. В древнеанглийском же отрицательные предложения линеаризировались по коммуникативно мотивированным схемам. Причем количество отрицательных слов также детерминировалось прагматическими, коммуникативными факторами, в отличие от нормативных требований современного стандарта. Например:

Swāe clāene hīo wæs oðfeallenu on Angelcynne, ðæt swīðe fēawa wāeron behionan Humbre, ðe hiora ðēninga cūðen understondan on englisc oððe furðum ān āerendgewrit of lædene on englisc āreccean; ond ic wēne, ðætte **nōht** monige begiondan Humbre **nāeren**.

So clean fallen away was learning among the English people that there were very few this side of the Humber who could understand their Mass-Book in English or even change a letter from Latin into English; and I think that there were **not** many beyond the Humber (см. текст 13).

В древнеанглийском использовалась отрицательная частица *ne*, которая ставилась непосредственно перед отрицаемым словом и могла сливаться с ним фонетически, что отражалось в орфографии. Например: *nāeren* = *ne wāeren*; *nulle*, *nelle* = *ne wille*, *nolde* = *ne wolde*; *nabban* = *ne habban*; *nō*, *nā* = *ne ā* (ever); *nōht* = *nō(wi)ht* > Mid.E *nought*, *naught*, *not*, *nat* "not at all, nothing, not".

§ 12. Выводы

Доминирующие в древнеанглийском типы носителей значений свидетельствуют о его флективном синтетическом строе, в котором возможны фузионные процессы. Как и в других германских и индоевропейских языках, в древнеанглийском средоточием лексического значения выступает корень слова, а аффиксальные морфемы (суффиксы и приставки) обычно модифицируют значение корня. В словоформе выделяют основу. Исторически германским языкам присущи так называемые основообразующие суффиксы, оформлявшие разные категориальные

классы слов, связанные с древними рубриками (категориями) познавательного опыта человека. Существительные разных родов и типов склонения имели разные основообразующие аффиксы. Данная система классовых показателей уже в древнеанглийском носила реликтовый характер. Словоизменительные (формообразующие) аффиксы, собственно носители частнограмматических значений – флексии, также весьма широко были представлены в древнеанглийском. Однако флективные парадигмы древнеанглийского языка отличаются меньшей разветвленностью и менее выраженной различимостью элементов, чем в других флективных индоевропейских и германских языках.

В древнеанглийских словоизменительных парадигмах наблюдались такие типы словоформ, которые строились на внутренней и внешней флексии, супплетивизме (причем устойчивые, хотя и непродуктивные супплетивные формы укрепляются в парадигмах слов, способных выполнять особенно значимые строевые функции в дальнейшей истории английского языка), имелись также и аффиксальные модели, изначально возникшие как агглютинативные образования с тенденцией к укреплению устойчивости корня и его противопоставленности аффиксальным морфемам. Это касается, прежде всего, подсистемы слабых глаголов. Инвентарь аффиксов пополнялся в древнеанглийском на своей субстантной базе, как и в других германских языках, через композитные образования, в которых некоторые корни постепенно преобразовывались в аффиксы в результате грамматикализации. Однако язык рано начал конструировать аналитические модели на лексико-синтаксической основе для выражения таких семантических сфер, которые не имели специальных маркеров ни в германских основах, ни во флективных парадигмах. Эти модели стали складываться особенно интенсивно в глагольной подсистеме хронотопных смыслов на субстантной базе претерито-презентных глаголов и глаголов-носителей эврисемии, а также глагольной периферии (нефинитной субпарадигмы).

В среднеанглийском наблюдается нарушение устойчивости вплоть до постепенного разрушения прежних флективных типов с заметной вариативностью по диалектам и памятникам. Вариативность приводит к выравниванию по продуктивным (агглютинативным по своей природе) типам словоизменения через стадию унификации основ, дальнейшего их сокращения по количеству. Устранение вариативности и архаизация прежних парадигм шли наиболее интенсивно в северных диалектах, в то время как южные отличались большей консервативностью.

Сокращение морфологического потенциала древнеанглийского языка привело к необходимости опереться на лексико-синтаксический межуровневый резерв при выражении грамматических значений. Все это способствовало возрастанию роли синтаксиса в истории английского языка. Функционально, в плане выражения грамматических значений, синтаксис новоанглийского языка нагружен значительно больше, чем в среднеанглийский и тем более древнеанглийский периоды. Возрастание роли синтаксиса сопровождалось изменением природы основных

частей речи, которые все больше и больше становились синтактико-позиционными, а не лексико-морфологическими классами слов. Способность исконно германских слов в английском языке использоваться в функциях разных частей речи без изменения морфологической оболочки словоформы стала очевидной уже в среднеанглийский период. Другими проявлениями возрастания роли синтаксиса следует считать укрепление индивидуальности и состава закрытых (служебных) классов слов (местоимений и пр.), пополнение данных подсистем новыми элементами за счет носителей эврисемии, претерито-презентных глаголов и некоторых других единиц. Расширение классов служебных элементов можно рассматривать как один из признаков развития корнеизоляции и аналитизма. Широкое развитие аналитических конструкций грамматического и лексического типов осуществлялось на этой субстантной основе. Постепенно в подчинительных синтагмах и предложении роль таких способов соединения носителей значений, которые зависимы от флексий, сводилась к минимуму в пользу чисто синтаксических способов (примыкания и порядка слов). Происходило смещение функциональной нагрузки словоупотребления предложения с коммуникативно-прагматической в пользу грамматической (существенной для опознавания актантов) значимости. Вместе с тем, все эти процессы регламентации синтаксических структур сопровождались выработкой типовых схем построения разных видов предложений – отрицательных, вопросительных и др.

Глава III

Историко-типологические процессы в подсистеме лексической номинации

§ 1. Модели создания номинативных единиц в древнеанглийском языке

Основными единицами исторического анализа на лексическом уровне языковой системы являются собственно слова, основные (канонические) единицы лексической номинации, а также способы их образования. Все слова, которыми язык располагает в отдельно взятый для рассмотрения период времени, образуют его словарный состав. Языки могут различаться богатством и семантической неоднородностью своего лексического состава, поскольку словарь отражает естественный для данного народа этнокультурный опыт развития в своем ландшафте, опыт этнических контактов всех уровней, поставляя необходимые знаковые средства для выведения вовне сознания людей. Язык – и часть, и орудие семиотики народной жизни. С появлением письменности и развитием книжного дела накапливается общий фонд текстов, содержащих бесценную для потомков и филологов информацию о народе и языке, в частности о функционировании и типах его лексических единиц. Для исследователя истории лексических подсистем особенно важны те тексты, которые создавались на древнеанглийском языке, а не переводились с латыни, поскольку в них не так сильно ощущается латинское влияние, что позволяет более адекватно оценить участие собственно германских (англосаксонских) лексико-морфологических и иных ресурсов в пополнении словарного состава и расширении функционального потенциала уже существующих единиц.

Одной из базовых функций языка считается *функция номинации*. Явления, которые человек хочет описать, должны быть названы. Эти названия в свою очередь узнаются членами данного языкового сообщества, поскольку за каждым из словесных ярлыков-названий стоит определенное устоявшееся понятие, ячейка совместного опыта людей, ставшая настолько важной оперативной единицей при передаче информации, что общество создало для нее специальный словесный знак. Даже при изменении содержания самого понятия или при изменении семантических сфер использования соответствующего ему слова в языке оно может длительное время устойчиво ассоциироваться с этим понятием в течение нескольких периодов истории языка. Это позволяет отслеживать с помощью данных историко-лексикологических (и семантических в целом) исследований содержание изменений ассоциативных связей, актуализованных в сохранившихся текстах эпохи. Так, например, современное слово *sell* «продавать» имеет свою историю *функционирования* в языке с самого древнего периода. Однако в древнеанглийском

глагол *sellan* использовался практически так же широко, как современный *give* (др.-англ. *gifan*), поскольку значение «продавать» было только одним из возможных в семантической структуре этого древнеанглийского глагола (*sellan*). Глагол (*sellan – sell*), таким образом, исторически сузил свое значение и употребление, что не могло не снизить его сочетаемостные потенции, поскольку продать можно многое, но не все то, что можно просто передать (*give*). Такое историческое развитие называется *специализацией (сужением значения)*, в данном случае у *sellan*. Исследование подобных процессов изменения значений иногда дает ключ к пониманию следов системности ассоциативно-вербальных связей (в том числе и этнокультурно значимых), некогда актуальных, а потому отрефлектированных носителями языка в текстах соответствующей эпохи. Анализ парадигматических связей лексических единиц в историческом плане, в свою очередь, необходим для того, чтобы оценить устойчивость системообразующих доминант в различных семантических сферах словаря.

Сужение значения у *sellan* приводит не только к изменению его семантической структуры, но и сопряжено с перестройкой парадигматики синонимических рядов (ср. например, пару *sell – give* и их синонимы в новоанглийском языке и соответствующие древнеанглийские аналоги). Когда большое количество слов, способных составить целое лексико-семантическое поле на основе сходства своей семантики, подвергается сходным содержательным изменениям в истории языка, можно говорить об их (сходном) однонаправленном развитии. Здесь, как правило, появляется повод для анализа внешних факторов, вызвавших такого рода устойчивые для ряда лексем процессы. Сюда можно отнести, к примеру, явление, названное Дж. Хьюзом *монетаризацией*, которое во многом детерминируется цивилизационными факторами, в частности развитием товарно-денежных капиталистических отношений и перевода основных форм расчета за товары и услуги в деньги. В результате целые группы слов, ранее не имевших значений, ассоциировавшихся с денежной сферой, стали использоваться в новых смыслах. Здесь выявляются, в частности, по данным исследовавшего проблему Дж. Хьюза, группы слов, называющих сделки и всякого рода процессы обмена и совместной деятельности, перенесенные с ростом капитализма в западноевропейском суперэтнотипе в финансово-денежные сферы бытия. Например: *business, duty, budget, finance, fortune, speculate* и мн. др. [Hughes, 1989]. Так, *business* восходит к корню др.-англ. *bysig, bysgian*, который ассоциировался с простой занятостью, исполнительностью, а *speculate* – к латинскому глагольному корню со значением «следить, размышлять, теоретизировать», сходным со значением имени-названия башни, откуда велось наблюдение.

Одна и та же смысловая единица может получить разное по типу оформление в номинативных подсистемах структурно разных по типу языков. Например, современное русское *выбежать* можно перевести на английский как *run out*. В данном случае однословной (цельноформленной единице) в русском языке соответ-

ствуует двусловное сочетание (раздельнооформленная, на первый взгляд, единица). Обе эти формы (русская и английская) функционально-семантически близки друг другу и могут рассматриваться как словарные знаки соответствующих лексем. Поскольку, логически рассуждая, лингвисты приходят к выводу, что слово не может состоять из слов, единицей анализа на лексическом уровне следует признать не «слово» как таковое, поскольку это слишком общий термин, а *лексе́му*. Такой подход (применительно к истории становления английской глагольной номинации инициированный В. Я. Плоткиным) открывает возможность для сопоставления разных языков на семантико-функциональной основе, поскольку *лексе́мы могут иметь разную структурную организацию* в разных по типу языках. Структурно *лексе́мы* в качестве канонических носителей значений могут быть как *цельнооформленными* во флективных языках с синтезом, так и *раздельнооформленными*. В последнем случае лексемой называют *аналитическую конструкцию*, которая используется для образования лексем на лексико-синтаксической субстантной базе. Аналитическая лексе́ма может, таким образом, состоять из более мелких носителей значений, которые иногда называют *первичными лексе́мами*. Более того, как мы уже видели, сами аналитические глагольные лексе́мы в современном английском языке могут служить первичным субстантным материалом для еще более сложных аналитических образований, усложнение модели при этом дает новые возможности в создании номинативных единиц, недоступные для экспликации в других типах.

Итак, *лексе́ма* (которая может по-разному организовываться структурно в разных по типу языках) являет собой основную единицу анализа на лексико-синтаксическом уровне. Парадигматика лексических единиц строится на разных *типах отношений* (синонимия, антонимия, гипо-гиперонимия и пр.), которые дают основания для построения *лексико-семантических полей*, представляющих различные концептуальные сущности и в определенной степени отражающих историческую динамику в интеграции разных смысловых ресурсов, которыми человек располагает в разные периоды истории языка в процессе знакотворчества (создания новых номинативных единиц). Объектом анализа в историко-лексикологическом аспекте становится и сам *словарный состав*. Его необходимо исследовать для выявления *объема словаря, путей его формирования* во взаимодействии с внешними детерминантами рассматриваемых языков. Мы уже описывали возникновение и специфику каждого этимологического слоя, соответствующего определенному этническому субстрату, в предыдущих частях книги, теперь сосредоточимся на собственно продуктивных моделях номинации (словообразования) в древнеанглийском языке и определим основные тенденции данной подсистемы.

Мы уже знаем, что в древнеанглийском языке были простые слова, часто состоящие из одной корневой морфемы: *bōc* “book”; *fisc* “fish”; *nl̥ed* “need, necessity, duty, trouble” с нулевыми флексиями; или имеющие флексию именительного падежа в исходе слова: *nosu, nasu* “nose”; *searo, searu* “device, contrivance, artifice”.

Эти слова рано приобрели устойчивую моносиллабическую структуру в ходе редукции неударных слогов и стали субстантной основой для формирования совершенно новых, по сравнению с древнеанглийским, ритмических рисунков новоанглийской речи.

Древнеанглийский также располагал существенным аффиксальным потенциалом для образования *аффиксальных дериватов* с лексико-морфологической маркированностью их частеречных функций. Например, для образования прилагательных от имен существительных широко использовались суффиксы *-lic*; *-ig*: *searolic* “curious, wonderful, displaying art or skill”, *(ge-)sāelig* “happy, fortunate, blessed”. Прилагательные с этим суффиксом характеризовали свои денотаты по наличию у них соответствующего признака, названного корнем. Другие суффиксы прилагательных также достаточно широко использовались в древнеанглийском и часто имели параллели в других германских языках. Например, суффикс *-isc* часто использовался для создания слов-этнонимов, *-full* (от омонимичного прилагательного «полный») обозначал аналогично *-lic* присутствие качества у денотата, а суффикс *-feald* выражал кратность (интенсивность) признака: *englisc* “English”, *sorgfull* “full of sorrow”, *manigfeald* “multifarious, various, manifold”.

Особенно богатый арсенал суффиксов был у древнеанглийских существительных. Так, для называния лиц, осуществлявших какие-либо действия, использовались суффиксы *-ere* (преимущественно для обозначения лиц, занятых мужскими профессиями) у существительных и *-end(e)* у субстантивированных причастий: *flēotend* “seaman, sailor”, *fishere* “fisher, fisherman”, *lifgende* “the living” исторически сюда восходят и такие слова, как: *frēond* “friend, lover, relative”, *fēond* “foe, enemy, devil”. Патронимический суффикс *-ing* указывал на связь деривата с понятием, заключенным в корне (в том числе и по признаку родовой принадлежности): *cyning*, суффикс *-ung*, *-ing* образовывал имена процессной семантики от глагольных корней, имена, называющие как сами деятельностные состояния, так и состояния, ставшие их результатом: *leorning* “learning, study”, *ðegnung* “service, church-service, mass”, *gītsung* “greediness, covetousness”, а суффиксы *-þ*, *-uþ*, *-hād*, *-dōm*, *-scipe*, *-nis (-nes)* и некоторые другие образовывали преимущественно от прилагательных и других существительных большое количество различных дериватов с абстрактным значением: *trēowþ* “truth, faith, fidelity”, *cildhād* “childhood”, *wīsdōm* “wisdom”, *stilnes* “quiet, silence, calm, rest, peace”, *þēodscipe* “discipline, training, teaching, learning”, *herenes* “praise”, *geornfulnes* “eagerness, zeal, diligence”.

Глаголы отличались богатством префиксации, что позволяло им увеличивать деривационный потенциал корневых морфем и выражать не только многообразные оттенки смыслов, относящихся к параметрам действий, процессов и состояний, но и изменять полностью семантику исходного корня, приводя к образованию идиоматичных дериватов, значение таких приставочных образований никак не выводимо из типичных исходных смыслов у первичных носителей значений. Ср.: *(ge-)niman* “to take, get, seize, carry off, receive”, *(ge-)wyrcean* “to work, do, make,

create, cause, construct” и *āniman* “to take away, deprive”, *āwyrca* “do”, *beniman* “deprive”, *bewyrca* “make cover, surround, wall in, imprison”, *forniman* “plunder, destroy”, *forwyrca* “barricade, obstruct, dam up, ruin”, *fullwyrca* “complete, commit (crime)”, *oferniman* “rape, carry off, get rid of”, *oferwyrca* “cover”, *ofniman* “fail, be wanting”, *opwyrca* “injure”, *tōniman* “divide, take away”, *underniman* “take upon oneself, take in (with mind), steal”, *ymbwyrca* “enclose, surround” и т. п. Приставками в приведенных выше примерах отнюдь не исчерпывается система префиксации древнеанглийского глагола. В древнеанглийском были отмечены и такие приставки, как *wiþ-* (*wiþstandan* “resist, oppose”); *æt-* (*ætstandan* “stand still; be present, cease”); *mis-* (*misspreca* “grumble, murmur”) и др.

Префикс *ge-*, характерный для глаголов и особенно для причастий прошедшего времени, оказался самым неустойчивым. Уже в древнеанглийский период он характеризовался факультативностью употребления при отсутствии каких-либо смысловых изменений в приставочных глаголах и в вариантах, лишенных этого префикса. Например: *niman* = (*ge-*)*niman*. Среди распространенных префиксов выделялась особая группа приставок, способная передавать хронотопные параметры глагольных действий, т. е. выражать, в частности, пространственно-направительные характеристики действий, некоторые аспектуальные их параметры (многократность, завершенность и пр.)³⁷. Однако чаще всего пространственно-направительная семантика выражалась с помощью контекстных средств, подкрепляющих значение префикса наречиями. Историки обычно говорят о том, что современные приставки были когда-то самостоятельными словами с локативными (хронотопными) смыслами (как современные наречия, указывающие на направленность действия: наружу, вокруг, вверх и т. п.). Однако со временем часть их превратилась в аффиксальные элементы (превербы-префиксы), утратив все или только некоторые признаки архетипа. При этом образовалось несколько семантико-функциональных групп превербов.

³⁷ Все прикорневые элементы, ставшие приставками в древнеанглийском языке или постепенно эволюционирующие в этом направлении и употреблявшиеся в контактной приглагольной позиции (иногда цельноформленно с глаголом, иногда раздельноформленно), модифицируя значение глагольного корня, назывались превербами (подробнее об истории вопроса в германских языках см.: [Сизова, 1978, 2004; Hiltunen, 1983]). Превербы-приставки делились на группы в зависимости от их функционально-семантической соотнесенности с самостоятельными словами (наречиями, предлогами). Так, например, у древнеанглийского префикса *ge-* нет аналога среди самостоятельных корнеслов-наречий или служебных слов, в то время как *ofer-* семантически и функционально соотносим с одноименным наречием и предлогом в древнеанглийском языке. В зависимости от степени «спаянности» преверба с глаголом можно выделить их сочетания, подобные цельноформленному аффиксальному слову, сочетания, подобные свободному синтаксическому словосочетанию, и пр. Это дает повод говорить о разной степени изоморфности (уподобленности, подобия, сходства) образований с превербами синтаксическим единицам, т. е. о лексико-синтаксическом изоморфизме, иначе говоря, разной степени аналитичности этих номинаций.

Итак, в древнеанглийском, как и в готском, можно было наблюдать образования с превербами разной степени изоморфности (сходства, подобия) по отношению к словосочетанию. Примечательно, что и функциональная нагрузка каждого из этих типов в плане передачи пространственно-направительных смыслов была различной.

Так, некоторые префиксы уже давно ушли из сферы локативной семантики, превратившись в аффиксальные морфемы, не имеющие соотносимых самостоятельных слов (например, приставки *a-*, *ge-*). Здесь можно вести речь об утрате лексико-синтаксического изоморфизма.

С другой стороны, большая группа префиксов, как то: *for-*, *be-*, *under-*, *ymb-*, *on-*, *to-*, *forth-* и др. – соотносятся с предлогами и наречиями и способны сочетаться с глаголами в качестве самостоятельных слов, а не аффиксальных морфем. Эти префиксы могут сохранять и свои исходные локативные оттенки, но раздельного написания их с глаголами в письменных памятниках обычно не наблюдается, что косвенно свидетельствует о тесной семантической связи компонентов и о превращении биннома в цельнооформленное слово. Несмотря на наличие большого количества переносных значений у данных приставочных образований и в силу узнаваемости их исходных семантических типов можно вести речь о сохранении у них лексико-синтаксического изоморфизма и о большей приближенности к архетипу. Однако у данной группы префиксов локальные оттенки вряд ли можно признать основными, так как количество случаев использования таких префиксальных глаголов в текстах в переносных значениях существенно превышает количество случаев с сохранением исходных значений (последнее типично для приставочных образований с основными глаголами перемещения в пространстве). Вот несколько примеров с префиксами второй группы:

а) *Ac untin me thine dura and taec me hu ic scile tocuman* (Sol. 55.2) «Но открой мне твою дверь и научи меня, как я должен приблизиться»;

б) *Ymbeode tha ides Helminga duguthe ond geogoth*e (Beow. 620) «Вокруг затем пошла госпожа Хельмингов, с каждой стороны, и среди старых и среди молодых»;

в) *mid thaem maestan geswince tha muntas oferfor* (Oros. 186.20) «с тем великим трудом те горы перешел»;

г) *bronda lafe wealle beworhton* (Beow. 3161) «могильник стеной окружили»;

но: д) *fe1a thusenda thaer ond be waege earmlice forforan* (P.Chr. 1096) «много тысяч там и в пути, к несчастью, погибли»;

е) *thaet he bebead thaet munecas – the woroldlica thing forgan sculon* (Oros. 290.1) «что он приказал, чтобы монахи от мирских вещей отказывались»;

ж) *thurh the we ofercumath ure feond aegther ge gastlice ge lichamlice* (Sol. 51.22) «таким способом мы одолеваем нашего врага, как духовного, так и телесного»;

з) *siththan ic hie tha geliornod haefde, swae swae ic hie forstod...* (P.C.) «когда я ее (книгу) так изучил, насколько я ее понял...»

Некоторые древнеанглийские превербы очень напоминали современные немецкие отделяемые приставки, в том смысле, что они могли употребляться и в составе цельнооформленного приставочного глагола, и дистантно, сохраняя при этом функцию модификатора глагольного действия. У этого типа преобладают наречия пространственно-направительного значения. Такая модель типична для глаголов движения, но встречается не только у них (см. примеры а–д).

Наконец, некоторые древнеанглийские превербы-наречия, будучи модификаторами глагольных действий по пространственным параметрам, тем не менее, никогда не сливались с глаголом в цельнооформленный префиксальный глагол (*adune, aweg*) (см. примеры е–ж).

а) ...thonne he inneode beforan gode... (P.C. 79) «...когда он вошел прежде господ...»;

б) ne maeg for scame in gan buton scrude (Ap. 22.9) «не может он от стыда войти без одежды»;

в) tha eode heo ut and het feccan hire hearpan (Ap. 24.26) «тогда пошла она наружу (вышла) и велела принести ее арфу»;

г) Ic tha eode inn and geseah... (P.C. 153) «и тогда я пошел внутрь (вошел) и увидел...»;

д) and tha tha he ut eode of tham baethe... (Ap. 20.20) «и как только он вышел (наружу пошел) из той купальни...»;

е) thaer wearth thaet /// hund monna ofslagen, ealle buton thaem consule anum, he com wund aweg (Oros. 172.24) «Там стали три сотни людей убитыми, все, кроме того консула одного, он пришел раненый»;

ж) Ic ga adune «Я спускаюсь (иду вниз), букв.: of dune «с горы».

Два последних типа образований с превербами (собственно глаголы с отделяемыми «приставками» и аналитические конструкции, здесь: словосочетания) выражали хронотопную семантику пространственно-направительного типа. Применительно к этим моделям можно вести речь о сохранении наивысшей степени лексико-синтаксического изоморфизма. Преверб в данном случае является, в сущности, членом глагольной синтагмы. Образую нестойкое сложное слово с глагольным корнем, он демонстрирует тенденцию к отделению и использованию в качестве глагольного адъюнкта в словосочетании.

Видимо, мотивированность и семантическая недвусмысленность образований с превербами уже в тот древний период зависели от степени их изоморфности синтаксическим словосочетаниям. Чем выше изоморфность, тем ярче проявляется регулярность и стандартность моделируемого семантического типа: действие, структурированное по конкретному хронотопному (пространственно-направительному) параметру.

Цельнооформленные приставочные образования (первой и второй группы) со временем оказались совершенно не способными сохранить свой первичный (пространственный) семантический тип. Уже в древнеанглийском диапазон передаваемых ими значений был столь широк и детализирован в каждом конкретном случае, что можно говорить о размытости, нечеткости значений древнеанглийской приставочной глагольной модели как типа ³⁸. Р. Хилтунен в связи с этим говорит о функциональной перегруженности префиксальной системы у древнеанглийского глагола, об отсутствии в ней функциональной доминанты и, как следствие, – уменьшении жизнеспособности и эффективности этой системы [Hiltunen, 1983, p. 100]. Думается, что здесь дело не столько в функциональной перегруженности, сколько в отходе от исходного (конкретно-пространственного) семантического прототипа как мотивационной базы для «функциональной доминанты».

Примечательно, что в истории русского языка префиксальные глаголы прошли несколько ступеней в своей семантической эволюции, приведшей к оформлению нескольких словообразовательных типов глаголов с приставками [Нефедьев, 1994, с. 74]. «На первой ступени, присоединяясь к мотивирующей основе, приставки вносили только лексическое значение, локально уточняя действие глагола. При этом приставочное образование было эквивалентно беспрефиксному глаголу в сочетании с локальным уточнителем (предлогом или наречием), а сама приставка сохраняла след самостоятельного слова... Ср. **належати** = лежати на чем-л.; **насъдьти** = съдьти на чем-л.; **обстояти** = стояти вокруг (чего-л.)» [Там же] (аналогично др.-англ. *umbsittan* в прямом значении). Следующей ступенью в семантической эволюции русских приставок М. В. Нефедьев считает появление «локальной предельности», т. е. совмещение значения предельности с выражением пространственных отношений; на третьей ступени появляется значение результативной предельности с элиминацией пространственных отношений, на этой базе за глагольными приставками закрепляется видообразующая функция; на четвертой ступени оформляются вторичные конкретные значения приставок. Эти значения развиваются в результате наполнения приставки новым содержанием из мотивирующей основы. Так, у приставки **на-** под влиянием глаголов с семантикой «копить, наполнять что-л.» оформляется вторичное конкретное значение накопительства: *наполънить, наковавъ, натъкати* и т. п. [Там же, с. 76–78].

Таким образом, в развитии русской приставочной модели у глагола просматривается постепенный рост ее функциональной нагрузки в лексико-грамматическом поле языка на фоне тесного семантического взаимодействия префиксаль-

³⁸ Исследователи древнеанглийских префиксов отмечают их «ненадежность» в силу семантической неразличимости префиксальных и непрефиксальных глаголов, частой взаимозаменяемости префиксов, трудноуловимости их значений. В ряду возможных, но нечетко различимых префиксальных значений – предельное и непредельное, локативное, усиленное, перфективирующее и пр.

ных элементов с глагольными основами и постепенного расширения круга мотивирующих основ. Удельный вес исходного (пространственного) семантического прототипа у русского приставочного глагола всегда был высок, что, несомненно, способствовало стандартизации префиксальной модели как словообразовательного средства. Развитие же новых словообразовательных типов с «вторичными конкретными значениями» свидетельствует о продуктивности и оптимальности префиксальной модели в словообразовательной парадигме русского глагола.

Вырождение исходного семантического прототипа у древнеанглийского приставочного глагола привело к тому, что в подсистеме глагольной номинации сформировалась тенденция к оптимизации процедуры кодирования хронотопной семантики с опорой на лексико-синтаксический изоморфизм. В условиях информационного давления на языковую систему, вызванного необычайной интенсивностью и глубиной межэтнических контактов на территории Британии, это, пожалуй, был самый оптимальный (надежный) вариант сохранения адекватности данной части языкового кода за счет собственных ресурсов. Мы еще вернемся к проблеме распада древнеанглийских префиксальных моделей, а сейчас поговорим о глагольной суффиксации.

У древнеанглийского глагола не было столь богатого суффиксального арсенала, каким располагало существительное. Основным маркером глагольности был суффикс инфинитива *-an*, превратившийся в условиях редукции в *-en*, потом в *-e* в среднеанглийском. Этому суффиксу могли предшествовать такие глагольные же суффиксы, как *-si(an)*, *-ett(an)*, *-lāec(an)*. Например: *(ge-)nēalāecan* “to approach, come or draw near”, *cohhetan* “to cough”, *bletsian* “to bless”. Немногочисленные глагольные суффиксы не имели отношения к локативной семантике и служили показателями общеграмматического значения глагольности.

В древнеанглийском языке существовала возможность образовывать с помощью суффиксации не только имена существительные, прилагательные и глаголы, для обозначения предметов, их признаков и действий, но и наречия, которые как особая часть речи специализируются на выражении признаков (качеств) действий. Например, суффикс *-e* был наиболее распространенным элементом при образовании наречий *gearwe*, *georne*, *geornlice*. Иногда суффиксы прилагательных, существительных и наречий совпадали по форме, например: *innanweard* “within”, *utanweard* “outside”.

В древнеанглийском было много слов-дериватов, образовавшихся за счет прибавления нескольких аффиксов или путем сложения корней с присоединением аффикса (цепочки аффиксов). В этих образованиях, хотя и могут иногда наблюдаться внутрикорневые чередования, уже в древний период просматривается тенденция четко обозначить границы морфем, противопоставляя корни аффиксам. Например: *un/ofer/cum/en* “unconquered”, *un/wil/sum/lic/e* “against one’s will”, *nyd/ge/fera* “companion”, *ge/sāel/ig/lic/a* “holy”, *æfter/spyr/ig/ean* “to follow, inquire after, examine”, *georn/ful/nes* “eagerness, zeal, diligence”.

Таким образом, древнеанглийский язык широко использовал свой собственный деривационный потенциал за счет образования новых слов по продуктивным аффиксальным моделям и моделям словосложения. При этом формальные средства словопроизводства имели четко выраженную частеречную специфику, что также достаточно характерно для языков, в которых части речи определяются как лексико-морфологические классы. Прослеживается семантико-функциональная связь ряда словообразовательных аффиксов (и полуаффиксов) с совпадающими по форме и значению самостоятельными корнесловами (предлогами, наречиями и единицами некоторых других классов слов). Это свидетельствует о том, что древнеанглийский язык имел устойчивый механизм пополнения класса аффиксальных и служебных элементов за счет грамматикализации самостоятельных слов, значения которых не противоречили приобретаемой функции и позволяли создать типовую (продуктивную) модель порождения номинативных единиц. Поэтому с историко-типологической точки зрения особую значимость приобретают исследования, в которых рассматривается типология грамматикализационных процессов в сложных словах и словосочетаниях, с одной стороны, и в сложных словах и аффиксальных дериватах - с другой, как в работе [Bauer, 2007].

§ 2. Динамика лексических подсистем в средне- и новоанглийском.

Аналитизм в глагольной номинации

Как и в случае со словоизменяющей морфологией, в морфологии словообразовательной особенно рано и очевидно признаки типологических преобразований начали проявляться у глагола. Глагол, формируя предикативное ядро предложения, будучи семантически связанным с деятельностью (в широком смысле слова) активностью своего субъекта, становится центральным элементом анализа в исследовании субъектно-объектных отношений и в особенности разных типов подчинительных синтагм. Возможно, в силу своей функциональной специфики он первым отреагировал на давление внешних факторов. Поэтому начнем с рассмотрения некоторых процессов у глагола, особенно значимых по своим типологическим последствиям для всей системы языка.

В среднеанглийском, как уже говорилось, наиболее заметным явлением в подсистеме словообразования стал распад прежней префиксальной системы у глагола. Этот процесс, в свою очередь, был частью *радикальной перестройки в системе средств выражения хронотопных смыслов* в языке. Данный участок в целом оказался наиболее динамичным и насыщенным изменениями преимущественно межуровневого характера. Функциональная «недееспособность» префиксов в выражении локативной семантики компенсировалась со временем за счет создания аналитических глагольных моделей биномной структуры. В частности, направленность движений и действий у глагола передается в новоанглийском аналитической лексемой глагольно-наречного типа (*gip out*). Почему развитие этой под-

системы пошло именно таким путем? А были ли какие-либо иные ресурсы у языка? И могли ли другие модели в глагольной словообразовательной парадигме компенсировать функциональную «недееспособность» префиксов в период активной перестройки?

В английском языке, как известно, довольно много заимствованных префиксов. Однако вряд ли заимствованная префиксация могла хотя бы частично возместить утрату своей в сфере пространственных значений. У заимствованных префиксальных образований дефицит членимости, семантической четкости и моделированности ощущался еще сильнее, ведь заимствовались в основном романские (французские) слова, а в них очень сильно сказывалось влияние фузионных процессов, идущих от латинского первоисточника, эти модели еще дальше ушли от исходного пространственного семантического прототипа. Кроме того, регистровые ограничения, характерные для французского субстрата в целом, наложили отпечаток и на функционирование заимствованных из этого источника префиксов. Наконец, между процессом интенсивного распада древнеанглийской префиксации и вхождением большого количества заимствованных префиксальных глаголов в лексическую подсистему английского языка наблюдается значительное хронологическое несовпадение. В среднеанглийских текстах глаголы с заимствованными приставками встречаются уже с XIII в., особенно много их у Дж. Чосера. Однако исходные значения префиксов неуловимы (как, видимо, и в языке-источнике, т. е. старофранцузском), а сами префиксы часто не вычлениаются из-за фузионных процессов [Sweet, 1958, p. 468–479]. Например:

а) формы *ob-*, *o(b)s-*, *o-*, *of-*, *oc-*, представляющие один и тот же префикс со значением «приближение, направленность движения к объекту или навстречу ему» находим в среднеанглийских словах: *offend* [O.F. ofendre], *occupye* [O.F. occuper], *observe(n)* [O.F. observer] и т. п. (Chaucer);

б) *ad-*, *a-*, *ag-*, *af-* и др. восходят к префиксу со значением «приближение к»: *assente* [O.F. assenter], *agregge* [O.F. agregier], *avaunce* [O.F. avaunc(i)er] (Chaucer);

в) *com-*, *con-*, *co-* и др. изначально несли в себе семантику «соединения», но в среднеанглийских словах эти «префиксы» ничем не отличаются от др.-англ. *ge-*: *commune* [O.F. comuner], *corrupten* [O.F. corrumpre], *conferme* [O.F. confermer] (Chaucer).

Суффиксальные модели (как свои, так и заимствованные) также не могли выражать хронотопные характеристики действий, поскольку в суффиксальной подсистеме английского глагола не существовало для этого подходящей субстантной базы. С древнейших времен суффиксации в системе глагола отводилась роль оформителя его как части речи, к пространственно-направительной модификации глагольных действий суффиксы (ни свои, ни заимствованные) не имели никакого отношения [Мешков, 1976; Мороховский, 1980; Sweet, 1958; Lass, 1997b].

Словосложение в глагольной сфере также не было типичным способом создания номинативных единиц (в отличие от других частей речи). Тем не менее, упоминавшиеся выше образования с превербами (третьей группы) могут встречаться в текстах древнеанглийского периода в виде цельнооформленных единиц – сложных слов высокоаналитичной структуры с адвербиальным корнем в препозиции. Возможно, нестойкость этих сложных образований была отчасти вызвана тем, что препозитивное расположение модификатора глагольного действия ассоциировалось с теряющей продуктивность, семантически размытой префиксальной моделью.

Таким образом, опора на синтаксис в поисках оптимизации системы наименований глагольных действий, структурированных по параметрам хронотопной семантики, была неизбежна, тем более что почва для этого уже имелась. Фактически в древнеанглийский период в развитии этой подсистемы глагольной номинации уже отчетливо наметился второй фокус – словосочетания глаголов с наречиями пространственно-направительного значения.

Материалы различных периодов истории английского языка показывают, что первоначально такая модель была характерна преимущественно для глаголов движения. Так, по данным нашей выборки, уже в среднеанглийский период на долю этой модели приходится примерно 20 % от всех случаев использования глаголов *come* и *go*. В этих конструкциях реализуется исходный семантический тип – уточнение пространственно-направительных характеристик движения. В дальнейшем расширение наполняемости этой модели, а значит, и базы для стандартизации на основе новых семантических инвариантов, пошло по пути включения модели ***V + adv*** в валентный набор других, в основном динамических по своей семантике глаголов, для которых эта модель стала как бы вторичной, в отличие от глаголов перемещения в пространстве. Особенно отчетливо этот процесс проступает в развитии глагольных носителей эврисемии, которые в современном английском языке составляют базу аналитической деривации; и в модели ***V + adv*** для них также характерна особая активность. Однако в среднеанглийский период и у этих глаголов модель ***V + adv*** находилась в стадии становления, как вторичная в их валентном наборе. Развивается же она на основе переструктурирования семантико-синтаксических связей внутри глагольно-объектных сочетаний с наречным расширителем (см. примеры ниже). Этот процесс сопровождался ростом удельного веса модели ***V + adv*** по отношению к общему количеству всех зафиксированных случаев употребления рассматриваемых глаголов, с одной стороны, и постепенным увеличением количества наречных модификаторов, с которыми глаголы могут сочетаться – с другой.

Так, в среднеанглийский период удельный вес модели ***V + adv*** в валентном наборе глаголов *take*, *give*, *make*, *get* и *keep* колеблется от максимального показателя 5,4 % (у *take*) до минимального 0,4 % (у *make*), а в произведениях У. Шекспира эти показатели достигают уже 14 % (у *take*) и соответственно 1,5 % (у *make*). С другой стороны, по данным нашей выборки, у Чосера *make* используется лишь с

наречием *up*, в то время как у *take* диапазон сочетаемости значительно выше (*up, out, off, away, by*); в текстах У. Шекспира наполняемость модели **V + adv** у *make* возрастает в 4 раза (*up, out, away, on*), расширяется она и у *take* за счет включения наречий *forth, back, in, on*. Например:

а) Thou wost eek what thy lady granted thee, and day is set, the charters up to make (Ch.TC.3.340);

б) else thou diest in thine unthankfulness, and thine ignorance makes thee away (Sh.AWW. I.I);

в) Why, no, boy; nothing can be made out of nothing (Sh .Lr. 1.4);

г) I seye, he took out of his owene sleve a teyne (a thin slice) of silver which that ne was nat but an ounce of weighte (Ch.CY.670);

д) And after that they rise and forth been went, and took away this martyr from his beere (Ch.Pri.228);

е) Thanne Melibee took hem up fro the ground ful benignely... (Ch.Mel. § 74);

ж) Take in your love, and then let me alone (Sh.Shr.4.2);

з) You do me wrong to take me out o 'the grave:- Thou art a soul in bliss (Sh.Lr.4.7);

и) The lady bade take away the fool; therefore, I say again, take her away (Sh.TN.1.5);

к) Robin, take off his head (Sh.MND.4.1);

л) Thee and thy virtues here I seize upon; Be it lawful I take up what's cast away (Sh.Lr.1.1);

м) I have seen her rise from her bed, throw her nightgown upon her, unlock her closet, take forth paper, fold it, write upon't (Sh.Mac.5.1);

н) She could not sway her house, command her followers, take and give back affairs (Sh.TN.4.3).

Аналогичные процессы расширения диапазона сочетаемости с наречиями (при переходе от древне- к средне- и особенно ранненовоанглийскому периоду) с последующим повышением удельного веса самой модели в общем объеме сочетаемости глаголов имели место и у других вышеупомянутых глагольных единиц.

Уже в древнеанглийский период наиболее активными в словосочетаниях с глаголом (и, пожалуй, ранними) модификаторами глагольных значений по пространственно-направительным характеристикам были превербы-наречия ***ut*** и ***up***. Видимо, передаваемые ими локативные значения наилучшим образом реализовывались именно в *синтаксических* сочетаниях с глаголами, а не в префиксальных моделях. Например:

а) *thet aenig man sceolde modigan swa, hine sylf upp ahebban and ofer ealle men tellan* (Fowler, с.14) «что всякий человек должен был гордиться так и его самого букв.: вверх поднимать (видимо, перевозосить) и выше других людей считать»;

б) *Storm upp aras* (V.B. Andr.1236.) «бура поднялась»;

в) *he... tha ut raesde on hine ond hine miclum gewundode* (Chr.755) «он тогда наружу бросился на него и его сильно ранил»;

г) *Seo ea the we aer ymbe spraecon lith uf of thaem wealda* (Chr.893) «Та река, о которой мы говорили раньше, протягивается снаружи (за пределами) того леса»;

д) *ond eac ut hiora ethel gerymdon* (P.C.8) «И также расширяли свои владенья».

В примерах (а, б, д) наречия используются вместе с префиксами, что, вероятно, делает последние по существу избыточными.

Несколько иначе создавалась лексико-синтаксическая база для стандартизации аналитической конструкции *V + N*. Ее прототипом в древнеанглийский период было глагольно-объектное сочетание, где в качестве грамматически ведущего компонента выступали глагольные единицы, развивавшиеся по пути широкой значности, а в роли объекта – существительные деятельностной семантики. Последние представляли собой, по мнению Т. М. Беляевой, отдельную группу в более широком разряде абстрактных имен [Беляева 1979, с. 35].

Исследователи семантики древнеанглийских существительных давно уже обратили внимание на ее синкретичность. Так, Т. М. Беляева, вслед за М. И. Стеблин-Каменским, отмечает «нерасчлененность значений действия, свойства, качества и состояния в смысловой структуре производных абстрактных имен» [Там же].

Характерной чертой семантики древнеанглийских существительных была и синкретичность конкретных и абстрактных существностей. Основу этой синкретичности, как базу для «широкого», по ее мнению, значения существительных, Н. В. Феоктистова видит в том, что «одной из ступеней на пути к созданию последовательно отвлеченного имени был переход от вещественного осмысления качества к пониманию его как явления не предметного, но воспринимаемого органами чувств, зримого, слышимого, хотя и не осязаемого. Не полностью еще отвлеченное наименование равнялось по своему содержанию целой серии конкретных действий, а отдельные действия получали более общее осмысление, обобщались этим наименованием» [Феоктистова, 1984, с. 42]. Н. В. Феоктистова анализирует большое количество древнеанглийских существительных, которые в текстах называют как конкретные, так и абстрактные существности. Так, существительное *thearf* «нужда» в прозаических текстах может относиться к обозначению «ничего», а слово *maegen* «сила, могущество» стало называть «чудо» как конкретное, «разовое» проявление могущества [Там же, с. 44].

Отмеченный здесь синкретизм конкретного и абстрактного в значениях древнеанглийских существительных в дальнейшем сыграл немаловажную роль в семантико-синтаксическом становлении глагольных носителей эврисемии. В древнеанглийском языке, как показывают наши наблюдения, удельный вес сферы

конкретно-предметной семантики в сочетаниях *V + N* с широкозначными глаголами существенно превосходил сферу абстрактной семантики. При этом в формальном плане словосочетания с существительными, называющими абстрактные сущности, не отличались ничем от словосочетаний с существительными, относящимися к конкретным предметам, тем более что очень часто одно и то же имя могло в силу вышеупомянутой синкретичности называть и конкретное, и абстрактное. Например:

а) Se cyng geaf heora land tham mannum the him holde waeron (P.Chr.1088) «Король отдал их землю тем людям, которые ему верными были»;

б) Hi habbath haligra fedra bec myd heom a on eorþan (Sol.95.19) «Они имеют святых отцов книги с ними всегда на земле»;

в) ...ge eac hie selfe him betweonum haefdon ungeraednesse (Oros. 262.13) «...более того, они сами меж собою имели несогласие»;

г) Tоeасan thaem Romane haefdon gewin betuh him selfum (Oros. 276.8) «Кроме того, римляне имели меж собой стычку (борьбу)»;

д) thaer haefdon Romane sigе (Oros. 232.12) «Тогда римляне имели (одержали) победу»;

е)...and tha habbath suatheah suite misleca geearnunga the thaerinne wunigeath (P.C.95) «и все же они, кто живет там внутри, имеют очень разные качества»;

ж) Hafa bloetsunge ofer middan-geard mine thaer thu faere (V. B. Andreas 223) «Имей мое благословение в мире, куда бы ты ни поехал»;

з) Mid thaem the tha burgware swa geomorlic angin haefdon, tha com... (Oros. 166.15) «Когда те горожане такое печальное начало имели, тогда пришел...»;

и) Gief we thonne habbath swa micle sorge... (P.C.45) «Если мы будем иметь такую большую заботу...».

Глагольно-объектное словосочетание, как подчинительная структура, строилось с учетом морфолого-синтаксических закономерностей флективного древнеанглийского языка независимо от значения существительного-объекта. Основным типом связи в глагольно-объектном сочетании было морфологически оформленное управление. Существительное могло стоять в любом косвенном падеже, преимущественно в accusative. Однако винительный падеж зачастую имел нулевую флексию, поэтому объектная функция в этих случаях никак не маркировалась в словоформе существительного, если у него не было согласованного определения. Ср. примеры (а, б, в, е, и) и (г, з).

Позиция существительного, выполняющего функцию дополнения при глаголе, не имела жесткой фиксации в древнеанглийском предложении: она могла быть как контактной (см.: примеры (в, г, ж, з)), так и дистантной (примеры (б, д, е)), как лево- (з), так и правосторонней (а-ж, и) по отношению к глаголу.

Древнеанглийские существительные деятельностной семантики часто образовывались с помощью аффиксации. К числу наиболее продуктивных аффиксов этого типа Т. М. Беляева относит: *-ing* (*-ung*), *-th*, *-ness* [Беляева, 1979, с. 34]. См. примеры (в, е, ж).

Кроме того, в древнеанглийском была обширная группа однокоренных глаголов и существительных (последние обычно одно- или двусложные). Например, *sorg – sorgian*, *ende – endian*, *ongin – onginnan*, *gewin – gewinnan*. Большое количество таких словообразовательных пар упоминается, например, в ставших классическими изданиях у Lee [1948]; Quirk, Wrenn [1957]. Наличие подобных глагольно-субстантивных пар, в которых действие представлялось то как процесс (*onginnan*), то как предметный партиципant процесса (*ongin – angin haefdon*), в древнеанглийский период сформировало основную лексико-семантическую базу для прототипа современного глагольного бинорма **V + N**.

Со временем четко определилось три источника наполняемости глагольно-субстантивной модели, на базе которых укреплялся основной семантический тип, продуктивность и стандартность аналитической конструкции как элемента глагольной номинативной системы. К числу этих источников следует отнести: *исконные существительные*, употреблявшиеся еще в древнеанглийском, *заимствованные существительные*, сыгравшие менее заметную роль в становлении аналитического стандарта **V + N**; наконец, основной источник – так называемые «конверсионные» существительные, продукты синтактико-позиционной перекатегоризации. Количество заимствованных существительных абстрактной семантики было уже внушительным в среднеанглийский период. Так, в выборке из Дж. Чосера заимствованные существительные в функции дополнения при глаголе *have* (он уже в то время отличался особо широкой сочетаемостью) составляют примерно 60 %. Среди них имена действий занимают одно из первых мест. У других эврисемичных глаголов находим практически тот же набор существительных, только в меньшем объеме. В дальнейшем морфологическая структура заимствованных существительных сыграет роль ограничивающего фактора для их участия в процессе бинормализации глагольных наименований.

Поскольку зачастую из французского языка заимствовались и глаголы, и однокоренные существительные, фонетически их формы совпадали: либо из-за того, что изначально были омонимичны в языке-источнике, либо из-за фонетического развития (главным образом, в результате редукции) на английской почве. Д. Ли отмечает особенно возросшее количество таких совпадений в языке XIV в. [Lee, 1948, p. 14]. Большая часть таких слов уже в этот период наряду со структурно идентичными германскими моно- и дисиллабами становится ядром лексической подсистемы. Ср. германские по происхождению пары: *N nede – V nede*, *N kepe – V kepe*, *N look – V looke(n)*, *N drede – V drede(n)* и заимствованные: *N doute – V doute(n)*, *N peyne – V peyne*, *N space – V space*.

Независимо от источника (а их может быть три: совпадение по форме в результате развития германских однокоренных пар, заимствование омонимичных пар, создание новых единиц в результате включения механизма частеречной полифункциональности, иначе говоря, синтактико-позиционной перекатегоризации после структурно-типологической перестройки) функциональное назначение субстантивной части аналитических конструкций определяется когнитивной базой – механизмом реификации, т. е. перекатегоризации действия (процесса) в предметную сущность. Аналитическая конструкция *V + N* дает матрицу для моделирования семантических номинативных типов: включение процесса как предметного участника в другие процессы определенных видов (в зависимости от семантики эврисемичного глагола, обычно: *have, make, give, take, get* или *keep*). Лексемы такого типа уже характеризуются своеобразной коллекционностью, в отличие от цельнооформленных (готовых) лексем флексивного прошлого.

Постепенно в особую группу слов, семантически сближающихся с глаголом, выделяется целый подкласс имен деятельности семантики, что ускорило процесс формирования семантического каркаса аналитической модели *V + N*. Об этом свидетельствуют текстовые материалы среднеанглийского периода (эпоха Дж. Чосера):

а) The norice of digestioun, the slepe, gan on hem winke, and bad hem taken kepe, that muchel drink and labour wolde han reste (Ch.Sq.346);

б) Upon the walles made he many a wente (Ch.T.C.5.1194);

в) For that a preestes sone yaf him a knok upon his leg whyl he was yong and nyce... (Ch.N.P.494);

г) No thing list him to been imaginatyf if any wight had spoke, whyl he was oute, to hire of love; he hadde of it no doute (Ch.Frl.367);

д) Be wroth, then shalt thou have a groyn anon (Ch.T.C.1.349);

е) ...and afterward thanne shul ye taken conseil in your-self (Ch.Mel. § 17);

ж) and therefore wol I maken you desport as I said erst, and doon you some comfort (Ch.Prol.774);

з) Her teeres, so they gonnen up to welle, that yaven signes of the bitter paine, in which her spirit was (Ch.T.C.4.710);

и) For she will take a purpose for to abide (Ch.T.C.5.770).

В эпоху У. Шекспира в глагольно-объектной модели с глагольными носителями эврисемии общее количество таких существительных, по нашим данным, составило от 62 % (у *keep*) до 77 % (у *get*). Структурная упорядоченность аналитической конструкции, достигнутая к этому времени, способствует ее стандартизации и укреплению ясности моделируемого семантического типа. Например:

а) I shall attend your leisure: but make haste; the vaporous night approaches (Sh.M.M.4.1);

б) ...for let the world take note, you are the most immediate to our throne (Sh.Ham.1.2);

в) But art thou not advised, he took some care to get her cunning schoolmasters to instruct her? (Sh.Shr.1.1);

г) Nay, I will give thee a kiss (Sh.Shr.5.1);

д) Good monsieur, have a care the honey-bag break not (Sh.M. N. D.4.1).

Структура современных глагольных биномов типов *V + adv* и *V + N* копирует структуру глагольной синтагмы современного английского языка, в которой циркуманту места (ему соответствует наречный компонент аналитического бинома) и дополнению при глаголе-сказуемом (ему соответствует именной компонент аналитического бинома) отводится максимально приближенная к глаголу позиция. Наблюдающийся здесь лексико-синтаксический изоморфизм способствует сохранению мотивированности и моделированности лексеообразовательных типов данных биномов.

Однако такая норма в размещении глагольных адьюнктов установилась в истории английского языка не сразу, соответственно и в структурной регламентации глагольных биномов также выделяется несколько этапов, при этом процессы структурной регламентации биномов постоянно взаимодействовали с основными тенденциями в расположении элементов структуры предложения.

При этом установление наиболее строгих правил размещения элементов предложения в английском языке касается в основном так называемого «конструктивного ядра предложения» (термин А. Н. Мороховского), или «центральной зоны» предложения (термин В. Я. Плоткина), куда входят глагол-сказуемое и существительное без предлога (подлежащее и дополнение). У каждого члена предложения вырабатывается своя позиция по отношению к центральной зоне. Особенно важным в условиях невыраженности в словоформе отношений к другим словам в предложении было различие двух существительных при глагольном ядре. В английском языке эта проблема была разрешена с помощью строгих правил примыкания: установление контактного расположения подлежащего и глагола-сказуемого *SV*, т. е. установление конструктивного ядра предложения, и строжайшая регламентация в центральной зоне при наличии двух существительных без предлогов, отводящая существительному-подлежащему позицию левостороннего, а существительному-дополнению – правостороннего актанта. Соответствующим образом была упорядочена и структура глагольно-субстантивного бинома (ср. приводимые в этом параграфе примеры из различных периодов истории языка).

Установление контактного расположения подлежащего и сказуемого должно было привести к вытеснению всех ранее употреблявшихся между ними элементов из этой позиции. Данный процесс активно развивался уже в раннесреднеанглийский период, поэтому наречие было очень быстро вытеснено из предглагольной контактной позиции, т. е. выведено таким образом за пределы конструктивного

ядра предложения. Этот процесс сопровождался еще и тем, что у наречий, сохранивших четкую пространственную семантику, не наблюдалось, как мы видели, устойчивой тенденции к препозитивному контактному расположению по отношению к глаголу. В среднеанглийский период находим варианты в расположении наречия: либо в препозиции, либо в постпозиции по отношению к глаголу, но всегда вне конструктивного ядра (у Дж. Чосера). В выборке из Дж. Чосера от 16 % до 50 % всех случаев употребления наречий с широкозначными глаголами приходится на препозицию наречных компонентов. Причем наивысшие показатели у глаголов движения *go* и *come*. У Шекспира же случаи препозиции наречия единичны и касаются только этих глаголов – *go* и *come*. Тем не менее, можно утверждать, что структура глагольно-наречного бинорма в основном сложилась в среднеанглийский период, поскольку все казалось бы многочисленные случаи препозиции наречий у Дж. Чосера используются автором как стилистическое средство, в целях создания определенных ритмических структур. Например:

а) And forth she goth as jolif as a pie (Ch.Sh.209)

Ср.: перевод И. Кашкина: «...и прочь взвилась вертлявою сорокой...»;

б) Up goon the trumpes and the melodye (Ch.Kn.1707)

Очевидно, что в таких случаях мы имеем дело с определенными *правилами* нарушения нормы в сложившейся структуре глагольно-наречного бинорма, которые соотнесены с правилами структурных нарушений (инверсии) *SV* и отнюдь не могут быть записаны на счет неустойчивости нормы. Причем эти правила напоминают современные. Ср.: Out we go! При невозможности: *Out the servant goes.

Примерно к этому же времени, т. е. к XIV–XV вв., у новых аналитических бинормов (правда, еще очень слабо) проявляется тенденция к метафорическому, переносному употреблению в текстах. В этом нет ничего удивительного, ведь для того, чтобы развились вторичные, переносные значения, нужен устойчивый исходный мотивирующий семантический тип. Исходные же семантические типы аналитических бинормов в основном сложились, как мы видели, в среднеанглийский период вместе с их структурной стабилизацией.

В сохранившихся текстах из древнеанглийского периода очень трудно найти примеры использования рассматриваемых конструкций в переносных значениях. У Дж. Чосера они встречаются. Например:

а) I broghte it so aboute by my wit that they moste yeve it up, as for the beste (Ch.WB.Prol.427);

б) «Now... for Godde's love, I praye», quod she, «come off, and tell me what it is» (Ch.T.C. 2.310);

в) I have. his horse, to take up the quarrel (Sh.T.N.3.4);

г) Come on, and kiss me, Kate (Sh.Shr.5.1);

д) I have no words; my voice is in my sword: thou bloodier villain than terms can give thee out (Sh. Mac. 5.8).

В целом, процесс развития новых значений у аналитических биномов на основе модификации исходных семантических типов набирает силу только в новоанглийском и современном английском, т. е. в период особенно активного функционирования глагольных аналитических биномов как первичных, ядерных моделей глагольной номинации хронотопных смыслов.

Подводя итоги наблюдениям над процессом исторического становления некоторых моделей аналитического лексеообразования, можно прийти к выводу о том, что эти модели сложились в межуровневом лексико-синтаксическом поле языка. В ходе этого развития оформились исходные семантические типы аналитического биномообразования, которые стали мотивационной основой для их дальнейшей модификации и появления подтипов. Данные процессы проходили на фоне расширения наполняемости исходных моделей и реструктурирования семантико-синтаксических связей между их компонентами. Результатом стала структурная стабилизация аналитических конструкций с установлением сильного правостороннего примыкания глагольных адъюнктов – компонентов бинорма, что отражает их особенно тесную семантическую связь с глаголом. Расширение наполняемости моделей и их дальнейшее семантическое развитие привело к их стандартизации, постепенному повышению устойчивости, продуктивности и оптимальности в подсистеме средств создания наименований глагольных действий, структурированных по параметрам хронотопной семантики.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что исследуемые модели приобрели основные характеристики, свойственные словообразовательным типам: устойчивость, моделированность, мотивированность, стандартность и продуктивность, и таким образом проделали путь от периферийных конститuentов рассматриваемого номинативного поля до ядерных конститuentов глагольной словообразовательной (точнее: лексеообразовательной) парадигмы. В качестве таковых сложившиеся модели глагольной аналитической номинации способны порождать первичные (по своему функциональному статусу) номинативные единицы, будучи «вторичными» по структуре (созданными на базе синтаксического сочетания). Первичность этих аналитических биномов означает их оптимальность как номинативных единиц, их способность быть самыми *наилучшими, оптимальными* способами передачи тех хронотопных смыслов, на которых каждая из этих моделей специализируется. Вторичность же связана со снижением селекционности словоформ.

Снижение селекционности словоформ, свойственной флективным языкам, стало одним из следствий перестроечных процессов в морфологии. Аналогичный этому процесс наблюдается и в подсистеме лексической номинации, поскольку «сборка» аналитических глаголов идет в достаточно свободном режиме, который допускает некую вариативность в рамках устойчивых типов моделирования. Эта вариативность,

в свою очередь, детерминируется окказиональными ракурсами показа сюжета высказывания, а привлечение целого ряда слов из парадигмы носителей эврисемии и некоторых других позволяет обеспечить «сборку на случай», выветив тот качественный признак, который доминантен в данном сюжете. Отсюда и большое количество так называемых «псевдолексем», строящихся по продуктивной модели, но фиксирующихся как разовые образования. Естественно, словари (даже специализированные, например, словари фразовых глаголов) отражают лишь самые устойчивые образования, которые стали первичными аналитическими биномами, представляющими определенные семантические типы лексем. Аналитическое лексемообразование представляет собой весьма чувствительную проблему для современной английской лексикографии, поскольку ставит перед практиком-лексикографом помимо традиционных для составителей словарей проблем, связанных с отбором единиц описания, способами их представления и т. п., задачу определения границ слова, выделенности различных типов лексической номинаций как таковой.

В связи с этим возникает вопрос, почему аналитические глагольные лексемы имеют преимущественно биномную структуру? Исторически это объясняется самым характером развития новых для лексической номинации типов в языке, каковыми стали в среднеанглийском аналитические глагольные биномы. Однако новое возникает на основе подобия уже освоенному человеком ранее опыту. Эта закономерность когнитивного характера наблюдается и в исторических преобразованиях языковых структур. Так, типичной для начала типологической трансформации английского языка структурой слова, как мы уже выяснили, обращаясь к текстам, был аффиксальный дериват из двух элементов – корня и аффикса, который определенным образом модифицировал значение корня. Доминантным функциональным типом в речи древних англичан, вероятно, был двуслог, состоявший из корня и флексии, а в процессе редукции количество вновь образовавшихся двухэлементных единиц все время возрастало, укрепляя устойчивость этого типа (прототипа, архетипа) в сознании носителей языка. (Ср. *onsendan* со сложной цельнооформленной структурой: (prefix) + (verb)R + suffix (flexion) трансформируется позднее в (on)send(en), а затем в раздельнооформленное *send away* or *send forth*). С точки зрения лексической номинации здесь изменились только структурные технические параметры и сменился субстантный материал – теперь это синтаксическая матрица в лоне глагола *send* с элементом локативного содержания.

По логике развития системных преобразований в истории английского языка биномизация может рассматриваться и как способ определения границ слова. Ведь в случае его аналитичности теоретически само слово (а мы условились использовать термин «лексема») может разрастаться до бесконечности. Вероятно, психологический предел-границу для аналитических глагольных лексем устанавливает биномность структуры, если учитывать ее историческую преемственность по отношению к двухчастным структурным предшественникам от флективного типа. Бином при этом может быть и вторичным (как в *make a getaway*), что повышает его

информационную насыщенность, сигнализирует о новых функциях по сравнению с первичными биномами-лексемами.

Обеспечение более-менее устойчивой моделированности в рамках биномизации нуждается в инвентаре глаголов-носителей эврисемии. Уже один этот факт заставляет усомниться в правильности их трактовки как многозначных единиц, а историческое становление ярких представителей эврисемии указывает на лексико-синтаксическую природу данного явления в номинативной подсистеме английского языка. Именно как носители признаков эврисемии они «рекрутируются» для перестроечных целей и адаптируют свою субстанцию под новые требования. Полисемия и эврисемия, будучи по сути разными способами расширения функциональной гибкости ограниченного инвентаря первичных номинативных единиц, по-разному организуют лексико-синтаксическую парадигматику в языке. Однако и тот и другой способ семантической организации вносит свою лепту в системную организацию аналитической номинации у глагола. Ср.: *take a look, give a look, have a look; go in – come in; go in, come in – walk in, run in, fly in, etc.; walk in – creep in, march in, etc.* Наконец, в основе формирования полисемичных и эврисемичных носителей значений лежит один и тот же механизм когнитивной метафоры, который получает разное направление развития в зависимости от исходных свойств субстантного материала и функционального давления надсистем на подсистему лексической номинации.

§ 3. Динамика лексических подсистем в средне- и новоанглийском. Функционально-типологическая разнородность лексического состава

В предыдущих параграфах мы уже касались вопроса восприимчивости разных языковых подсистем к воздействию надсистемных (внешних по отношению к языковой системе в целом) факторов. Лексическая подсистема очень чутко реагирует на изменения внешних параметров функционирования языка. Так, появление новых для общества предметов и явлений тут же сопровождается появлением новых слов, называющих эти явления. Источниками пополнения словарного состава любого языка могут быть заимствования при межэтнических контактах разного уровня и словообразование с опорой, как правило, на собственные (а иногда также заимствованные) средства создания новых лексических единиц. В результате английская лексика предстает перед нами как очень неоднородное по составу и функциональным параметрам явление. Каждый этнический субстрат оставил свое вербальное наследие в английском языке. При этом специфика (прежде всего, функциональная) этнической группы (субэтнуса) в период ее активного участия в этногенезе, группы, на основе которой сформировался такой этнический субстрат, оказывает непосредственное влияние на функциональные параметры ее лексического наследия. Вероятно, такая зависимость интуитивно ощущалась носителями английского языка и в прежние эпохи, поскольку не кто иной, как Д. Дефо харак-

теризовал английский язык как «your Roman-Saxon-Danish-Norman English» (цит. по: [Hughes, 1989, p. 5]).

Специфическое для истории английского языка воздействие внешних (надсистемных) детерминированных этногенезом факторов на внутрисистемные языковые процессы привело в итоге к возникновению особого неустойчивого, с нашей точки зрения, равновесия в лексическом составе английского языка. В. Я. Плоткин назвал это состояние сосуществованием типологически разнородных лексических слоев [Плоткин, 1989, с. 214–225; 232]. Другие исследователи также обращали внимание на значительные различия слов негерманского происхождения от исконных, делая преимущественно упор на этимологический фактор. Однако, как нам думается, при историческом анализе лексического состава современного английского языка граница между заимствованным и исконным слоем будет недостаточной для адекватного описания этой подсистемы. Реальные различия, идентифицированные В. Я. Плоткиным как сочетание разнородных типологических признаков системы, нуждаются в более точном описании с учетом более тонких различий. Ср. параметры отнесенности языковых единиц к типологически релевантному ядру (ч. I, гл. II, § 8) и условия сохранения тождества лексической подсистемы самой себе в ходе ее исторической трансформации (в заключении, с. 398).

Поскольку количественное распределение функциональной нагрузки между различными этимологическими слоями слов, формирующих устойчивые ядерные процессы в новоанглийском языке, не дает оснований для безоговорочного отождествления заимствованной лексики с функционально-типологической периферией языковой системы, этот фактор должен полнее учитываться при описании результатов исторических преобразований лексической подсистемы. Различия между лексикой, несущей в себе функциональный потенциал устойчивых, продуктивных типов в языке, определяющих общую типологическую доминанту его системы, и всей прочей лексикой может быть описано как системное отличие *анализированных слов* (т. е. слов, ассоциирующихся с *анализацией* языка, которая, подкрепляет в новоанглийском языке как корнеизоляцию, так и агглютинацию) и слов *синтетических* (т. е. ассоциирующихся с синтезом в языках флективного типа, в частности в древнеанглийском, латыни и греческом).

Сравним оба слоя (в дальнейшем – **А** слова и **С** слова) с функционально-типологической точки зрения.

А слой включает в себя все германские (исконно германские) слова и ранние заимствования из других германских языков, а также латыни и греческого при посредстве латыни, и позднее – корнеслова романского происхождения (преимущественно французского). Наоборот, слова **С** слоя в большинстве своем заимствованы из романских языков (преимущественно латыни; греческого при посредстве латыни; французского; а также из латыни и греческого при посредстве французского). Различия между двумя слоями представлены в табл. 36.

Таблица 36

**Функционально-типологическая разнородность лексического состава
английского языка**

А слова	С слова
<u>1. Морфологическая структура и фонетическая оболочка</u>	
<p>Исторически трансформировались в моно- или дисиллабы, ставшие корне-словами (морфосиллабами), поскольку подверглись воздействию свойственных английскому языку фонетически изменений. Их фонетические оболочки каноничны для английской речи и создают специфику ее просодической организации</p>	<p>Остаются многосложными, какими они были и в языке-источнике, поскольку их появление в английском языке относится к периоду затухания редукции и позднее. Поэтому такие слова сохраняют аффиксы из языка-источника (флективного, с доминированием синтеза)</p>
<u>2. Акцентная структура</u>	
<p>Характеризуются устойчивостью (фиксированностью) ударения в парадигме: Например: <i>'lazy – 'laziness – lazier;</i> <i>'busy – 'busier – 'busily;</i> <i>fill – 'filled – 'filling – 'filler, etc.</i></p> <p>Случаи фонетической неустойчивости корня (чередования) носят реликтовый характер (закрытые парадигмы) и не могут рассматриваться как регулярные и продуктивные модели в современном английском языке. Например: <i>long – length</i></p>	<p>Как правило, акцентная структура таких слов базируется на чередовании нескольких ударных слогов разной силы с примыкающими неударными. Многосложное слово при этом разбивается на более мелкие ритмические единицы. Такая имитация ритмических групп, возникающих при комбинировании моносиллабов и дисиллабов, позволяет полисиллабам вписаться в создаваемый ими ритм. Неустойчивость акцентной структуры, смена позиции ударения при переводе таких слов из одной части речи в другую, а также при смене словоформы в парадигме – характерное их свойство. Например.:</p> <p><i>'flexible – flexi'bility; con'tiguous – conti'guity; cons'pire – cons'piracy, cons'pirator – con'spira'torial.</i></p> <p>В этих примерах проявляется также фонетическая неустойчивость корневых морфем С слов, иногда она находит отражение в орфографии</p>

Продолжение таблицы 36

А слова	С слова
<u>3. Типы частеречной перекатегоризации</u>	
<p>Характеризуются частеречной полифункциональностью (т. е. синтактико-позиционной перекатегоризацией), поскольку не могут быть формально идентифицированы вне синтагмы как лексико-морфологические классы. Даже аффиксальные дериваты этих слов зачастую могут выполнять функции разных частей речи, как у (<i>business – to business</i>)</p> <p>Ср.: <i>a round table (adjective); another round (noun); come round (adverb); to round the corner at a high speed (verb); round the corner (prep)</i></p>	<p><i>Принадлежат</i> конкретной части речи как <i>лексико-морфологическому</i> классу, получают при этом общеграмматическое (категориальное частеречное) оформление (маркировку) на основе <i>морфологических</i> показателей в словоформах.</p> <p>Ср.: <i>difference (noun); differ (verb); differentiate (verb); recognize (verb); recognition (noun); recognizable (adj.)</i>.</p> <p>Однако здесь ощущается индуцирующее влияние продуктивных моделей, поскольку в текстах последних десятилетий отмечаются случаи частеречной полифункциональности аффиксальных дериватов с заимствованными суффиксами при условии, что эти суффиксы продуктивны (ср.: <i>valuable – adj; n.</i>)</p>
<u>4. Техники соединения носителей значений в структуре словоформы</u>	
<p>Менее активны в аффиксации, чем слова С. Обычно предпочитают исконные аффиксы (германского происхождения). Аффиксы соединяются с корневыми морфемами без фузионных процессов, дериваты легко членимы по морфемным швам. Например:</p> <p><i>sharp – sharp/en – sharp/ness – sharp/ly</i> <i>hope – hope/ful – hope/ful/ly – hope/ful/ness – hope/less, etc.</i></p> <p>Ср.: О. Е. <i>mod – mod/ig – mod/ig/lic – mod/ig/ian, mod/ig/nes.</i></p> <p>В современном английском наблюдается тенденция к гибридным образованиям с некоторыми заимствованными аффиксами, которые стали высокопродуктивными. Например:</p> <p><i>sale/able, oath/able, eat/able, etc.</i></p>	<p>В силу специфики лингвистической ситуации в Англии в течение нескольких веков после Норманнского завоевания С слова заимствовались целыми родственными гнездами, парадигмами. Поэтому иностранные аффиксы становились различными и были заимствованы языком. Кроме того, они сохранили фузионные процессы, унаследованные от языка-источника. Например:</p> <p><i>in / im / il / ir</i> представляют собой разные фонетические варианты одного и того же латинского аффикса. Форма этой приставки менялась по правилам, свойственным латинскому языку.</p> <p>Ср.: <i>irregular, immortal, inarticulate, illegal.</i></p> <p>Таким образом, и аффиксы здесь тоже заимствованы. Однако и в этом случае</p>

Продолжение таблицы 36

А слова	С слова
	наблюдается индуцирующее влияние продуктивных исконно германских моделей. Ср. два равнозначных существительных, образованных от одного и того же заимствованного корня с помощью разных по происхождению суффиксов с абстрактным значением: <i>contiguousness – contiguity</i>
<u>5. Модели словосложения</u>	
<p>Очень активны в так называемых самомотивированных сложных словах (self-explaining compounds). Например: <i>heavyweight, housewife</i>.</p> <p>Некоторые из них в англоязычной лингвистической литературе называются <i>embedded structures</i> [Hughes, 1989] («свернутые конструкции», термин наш. –И. III.; подробнее о них см.: [Петрова, 2005]): <i>mother-to-be, ready-to-wear, up-to-the-minute, eat-on-the-run</i> (trend), <i>well-brought-up, kitchen-cum-dining-room</i>.</p> <p>Все эти сложные слова при структурном анализе легко распадаются на более простые, способные выполнять самостоятельную функцию в предложении корнеслова.</p> <p>Ср.: О. Е. <i>freomaeg</i> (<i>free or noble kinsman</i>), <i>nydgefera</i> (<i>companion in need</i>)</p>	<p>Менее активны в словосложении, как правило, сложные слова заимствуются в готовом виде. В них используются соединительные гласные для соединения разных корневых морфем, относящиеся преимущественно к разряду связанных (bound root-morphemes).</p> <p>Например: <i>psychotherapy, sociology, electrotechnology, telephone, television, monosyllabic</i></p>
<u>6. Возможность перехода из одного слоя в другой</u>	
<p style="text-align: center;">А ≠> С</p> <p>В норме невозможен переход из слоя анализированного в синтетический. Это связано со всем комплексом уже описанных выше отношений и распределения функциональной нагрузки между различными слоями лексического состава английского языка. Видимо, уход из доминантного функционально-</p>	<p style="text-align: center;">С => А</p> <p>Многосложные слова могут испытывать индуцирующее влияние продуктивных ядерных тенденций, и тогда их оболочки подвергаются сокращению: <i>ad – advertisement; mime – pantomime; phone – telephone; photo – photograph; lab – laboratory; memo, hi-fi, porno, comfy, etc.</i></p> <p>В такой форме они вписываются в просо-</p>

Продолжение таблицы 36

А слова	С слова
<p>го поля может иметь место только при архаизации лексем. Однако в этом случае меняется лишь сфера использования, поскольку лексема выходит из употребления, а иногда сужает либо свое значение до термина-историзма, либо свой функционально-стилевой потенциал</p>	<p>дические структуры английской речи, ими легко манипулировать в рамках современных английских продуктивных моделей, порожденных моно- и дисиллабами. Например: <i>to take a photo, a photo album, phone in, What's your phone number?</i></p>
<u>7. Аналитическое лексеобразование</u>	
<p>Очень активны в аналитическом лексе-мообразовании (как первичного, так и вторичного типа): <i>get up, keep getting up, knock down, get knocked down, go telling, go away, pick up, have check-ups, do a play-back, make a move, make a comeback, etc.</i></p>	<p>Не типичны в составе аналитических лексем, хотя аналитические конструкции образовывать, в принципе, могут, но они остаются преимущественно перифрастическими, на их основе не рождается собственно лексический аналитизм как корпус оптимальных (базисных) моделей номинации. Ср.: <i>make a proposal (to propose); *accumulate along</i>. Однако многие глаголы (и существительные) имеют предложное управление, при этом возможны семантические изменения всего сочетания в зависимости от его компонентов, тип предложного управления может также служить дополнительным способом различения частей речи. Ср.: <i>influence her decision (v)</i> и <i>his influence on her decision (n)</i>; <i>compare to</i> «уподоблять» и <i>compare with</i> «сравнивать»</p>
<u>8. Семантическая структура значений</u>	
<p>Корневые морфемы одно- или двусложны, границы слов часто совпадают с границами корнеслога. Это сказывается на семантической структуре корнеслов. Обычно они многозначны (являются носителями полисемии), некоторые эврисемичны (широкозначны). В последнем случае актуализация значения детерминируется синтаксисом. Будучи</p>	<p>Корневые морфемы не используются в качестве самостоятельных слов. Частеречное значение обычно представлено (маркируется) в словоформе, однако у них имеется семантическая зависимость от контекста и ситуации: <i>I recognized Mary in the picture.</i> <i>The government recognized his services by making him a lord (LDCE)</i></p>

Окончание таблицы 36

А слова	С слова
эврисемичными (глаголами), они используются и в служебных функциях: <i>have a book (pen, stamp, etc.)</i> но: <i>have cut (made, played, etc.)</i> но: <i>have to go (play, wait, etc.)</i> но: <i>have my hair cut, etc.</i>	
<u>9. Функционально-стилевые особенности</u>	
Используются в разных регистрах речи (как в формальных, так и неформальных). Особенно типичны для живой речи новоанглийского, для повседневного разговорного стиля, очень распространены в современной живой речи во всех вариантах и формах существования английского языка. Как типы, не имеют функционально-стилевых ограничений в использовании: <i>put off, give in, take part, take away, jut out, mark off, slow down</i>	Доминируют семантически и синтаксически специализированные значения, зависящие от контекста и стиля речи. Обычно используются в качестве терминов, принадлежат формальному стилю, неуместны в неформальном стиле: <i>postpone, capitulate, participate, deprive, protrude, distinguish, decelerate, etc.</i>

Несмотря на то, что С слой находится, на первый взгляд, вне магистрального пути развития типологической доминанты английского языка, его существование, по мнению В. Я. Плоткина, поддерживается международным статусом английского языка, его ролью в международном общении [Плоткин, 1989]. Количество слов в этом слое исторически имело тенденцию к увеличению вместе с расширением английской колонизации, техническим и в целом научным прогрессом последних столетий. Оценивая французский вклад в формирование лексического состава английского языка с опорой на измерение процесса, проведенное в исследовании О. Есперсена [1928], А. Бо приходит к выводу, что только в среднеанглийском было заимствовано около 10 тыс. французских слов, 75 % из них еще и в наше время (речь идет о XX в.) используются в английском языке [Baugh, Coble, 1978, p. 178]. Однако, как мы уже заметили, далеко не все французские слова ушли на периферию, большая часть заимствований раннесреднеанглийского периода вошла в число активных носителей развития перестроечных процессов.

Исследователь лексического состава английского языка Джон Нист так оценил соотношение заимствованных и исконных лексических слоев, без учета функционально-типологических параметров, о которых идет речь в этом параграфе: «With the exception of a few Celtic place-names, a larger list of Latin terms introduced by Christian missionaries, and about eighteen hundred Scandinavian loans and

cognates, English until 1066 was basically West Teutonic in its word stock. With the Norman Conquest, however, that word stock became a hybrid, a cross between Anglo-Saxon base and Latinic transplant. French, which made its greatest gains in England in the reign of Henry III, was a beachhead for the invasion of Latin and its Greek uncle and Romance nephews – a vast army of words that swelled the vocabulary ranks of English from the thinly populated Anglo-Saxon (50,000 to 60,000 words), through the growing Middle English (100,000 to 125,000 words), to the immense international British, American, and Commonwealth English of today (650,000 to 750,000 words, at least) [Nist, 1966, p. 8].

Функционально-типологическая разнородность лексического состава английского языка нуждается в дальнейшем исследовании, в частности явление, которое можно назвать «индуцирующим влиянием ядра» (т. е. самых продуктивных моделей и парадигм, доминирующих типологически релевантных процессов). Это влияние обнаруживается в новых приемах адаптации прежних и новых заимствований, в отношении слов **С** слоя к инновациям, рожденным в **А** слое английской лексики. Заслуживает внимания исследователя и влияние новой информационно-технологической среды и этнокультурной специфики вариативности языка на содержание и динамику типологических процессов (детерминант) в различных слоях лексического состава английского языка. Наконец, само существование двух слоев английской лексики, их состав, удельный вес и функциональная специфика теоретически могут существенно отличаться в разных вариантах английского языка.

§ 4. Выводы

Древнеанглийский язык широко использовал деривационный потенциал общегерманских и своих собственных продуктивных моделей словообразования. При этом формальные средства словопроизводства имели четко выраженную частеречную специфику, что характерно для языков, в которых части речи определяются как лексико-морфологические классы. Прослеживается семантико-функциональная связь ряда словообразовательных аффиксов (и полуаффиксов) с совпадающими по форме и значению самостоятельными корнесловами (предлогами, наречиями и единицами некоторых других классов слов). Это свидетельствует о том, что древнеанглийский язык имел устойчивый механизм пополнения класса аффиксальных и служебных элементов за счет грамматикализации самостоятельных слов, значение которых не противоречило приобретаемой функции и позволяло создать типовую (продуктивную) модель порождения номинативных единиц. Создание устойчивого резерва пополнения аффиксов типично для агглютинативных доминант, вместе с тем устойчивая корреляция носителей значений, выполняющих «служебные» функции с формально идентичными «знаменательными» носителями значений (преимущественно корнесловами), характерна для корнеизолирующих тенденций.

Как и в случае со словоизменяющей морфологией, в словообразовательной морфологии английского языка признаки типологических преобразований начали проявляться особенно рано и со всей очевидностью у глагола. Одним из главных последствий перестроечных процессов в морфологии стало снижение селекционности словоформ, свойственной флективным языкам. Аналогичный этому процесс наблюдается и в подсистеме лексической номинации, поскольку «сборка» аналитических глаголов идет в достаточно свободном режиме, который допускает некую вариативность в рамках устойчивых типов моделирования. Эта вариативность, в свою очередь, детерминируется окказиональными ракурсами показа сюжета высказывания, а привлечение целого ряда слов из парадигмы носителей эврисемии и некоторых других подсистем позволяет обеспечить «сборку на случай», высветив тот качественный признак, который доминантен в данном сюжете. Словарями фиксируются лишь самые устойчивые семантические типы аналитических биномов.

Аналитическое лексеобразование представляет собой весьма чувствительную проблему для современной английской лексикографии, поскольку ставит перед практиком-лексикографом, помимо традиционных для составителей словарей проблем, связанных с отбором единиц описания, способами их представления и т. п., задачу определения границ слова, выделимости различных типов лексической номинаций как таковой. В этой связи биномная структура аналитических лексем может рассматриваться как исторически и психологически оправданный способ (средство) поддержания границ лексем в условиях их аналитизации и нарастания коллекционности словоформ.

Различия между лексикой, несущей в себе функциональный потенциал устойчивых, продуктивных типов в языке, определяющих общую типологическую доминанту его системы, и всей прочей лексикой может быть описано как системное отличие аналитизированных слов (т. е. слов, ассоциирующихся с аналитизацией языка, которая подкрепляет в новоанглийском языке как корнеизоляцию, так и агглютинацию) и слов синтетических (т. е. ассоциирующихся с синтезом в языках флективного типа, в частности в древнеанглийском, латыни и греческом). Противопоставление этих двух слоев лексики в английском языке базируется на историко-типологических (в том числе этимологических) и функциональных параметрах. Способы сосуществования и взаимодействия этих слоев являются прямым следствием развертывания типологической доминанты английского языка под воздействием внешних надсистемных факторов преимущественно этногенетического порядка.

Заключение

Ко взаимодействию внешней и внутренней истории языка

При описании истории языка в теоретико-познавательных и учебных целях перед исследователем встает проблема параметризации языковых изменений, отбора необходимой, но достаточной для целей описания информации¹. Наша модель описания истории английского языка основывается на историко-типологическом осмыслении языковых процессов, что определяет и подход к отбору материала, т. е. доминантных параметров для изучения.

Тип языка в абстрактном понимании представляет собой *конфигурацию устойчиво взаимодействующих продуктивных типов в языке*, иными словами, доминантных параметров организации его системы. На основе данных истории отдельных типов в языке можно строить частносистемные исторические типологии. Например, исторические типологии лексических, синтаксических и иных подсистем двух и более языков и даже вариантов одного языка. На этой же поуровневой и межуровневой основе можно выделять единицы исторического анализа. Экспликатором доминирующих типов в языке может служить устойчивость, которая проявляется в продуктивности и частотности и поддается измерению в синхронно-диахронном рассмотрении.

Устойчивый доминантный (и поддающийся измерению и описанию) тип языка в каждый отдельно взятый для исследования исторический период времени складывается из *взаимодействия устойчивых же продуктивных типов в языке*, отмеченных и поддающихся системному описанию именно в рассматриваемый период времени. К этим типам в языке можно применить хорошо зарекомендовавший себя в типологических описаниях термин *имплицативные характеристики*

---

¹ Эта задача по-разному решалась историками прошлых лет. Здесь и свойственная младограмматикам скрупулезная полнота описания собственно языковых изменений [Пауль, 1960; Бруннер, 2003; Ильиш, 1958 и др.], и сочетание полноты описания с поуровневой систематизацией изменений в рамках структурной лингвистики [Смирницкий, 1955; Иванова, Чахоян, 1976; Rastorguyeva, 1983; Lass, 1997 и др.], с академически строгой детализацией и многофакторной традиционной интерпретацией [The Cambridge History..., 1994–1999], и представление истории языка как истории написанных на нем текстов [Freeborn, 1998], как части истории и культуры говорящего на нем народа [Nist, 1966; Vaugh, Cable, 1978; Knowles, 1998; Fennell, 2001], наконец, рассчитанное на широкую аудиторию носителей языка, близкое к научно-популярному изложению событий [Crystal, 2005].

(они взаимообуславливают друг друга, иначе говоря, если есть какая-то одна из этих характеристик, какой-то из рассматриваемых типов в языке, то с большой долей вероятности можно ожидать и появления других связанных с ним имплицативными отношениями типов).

Историко-типологический подход к диахроническому описанию английского языка особенно оправдан самой природой прошедших в нем изменений. В *ходе своей письменной истории* английский язык претерпел *структурную перестройку от неяркого флективного и синтетического типа к типу аналитическому, совмещающему неяркие черты корнеизоляции и агглютинации*. Таким образом, структурный тип языка (т. е. способы кодирования и упаковки информации в языке) подвергся радикальной перестройке.

Это означает, что *предмет истории английского языка состоит в изучении типологической трансформации на фоне внешних по отношению к языку факторов (в частности фактора этногенеза), способствовавших радикальному изменению его типа*.

Цельносистемная типологическая трансформация не обязательная форма исторического изменения в данном случае флективного типа, но она оказалась возможной в некоторых германских языках, особенно в английском. Однако в ряде других германских языков аналогичные процессы остаются на уровне скорее количественных, чем качественных изменений. Сочетание типологических параметров в современном английском языке по-своему уникально. Так, укрепление агглютинации означает, вместе с тем, усиление элементов синтетизма (в смысле цельнооформленности носителей значений) и препятствует реализации потенциальной тенденции к корнеизоляции, которая сопровождает распад флексий в истории этого языка. Специфика реализации внутренних типологических доминант английского языка заставляет обратить внимание на специфику воздействия надсистемных, внешних по отношению к системе языка факторов, меняющих условия функционирования языка в ходе его истории.

Изучение взаимодействия внутренней и внешней истории языка требует ответа на несколько вопросов: какие именно параметры и какого уровня надсистемности оказывают влияние на цельносистемные изменения языка? Как общие (более высокого уровня надсистемности) параметры конкретизируются (модифицируются) в каждой фазе этногенеза? Как соотносится содержание и динамика этнических процессов с динамикой типологически релевантных процессов в языке? Иными словами, в чем именно проявляют себя надсистемные параметры разных рангов, как они взаимодействуют в каждой фазе этногенеза, в чем заключается их конкретное влияние на субстанцию и структурную организацию языковой системы и каков механизм этого влияния? Первым шагом в поиске ответов на эти вопросы должно быть соотнесение хронологии цельносистемных изменений языка и этнической истории говорящего на нем народа.

Хронологически период *активной цельносистемной перестройки английского языка* продолжается примерно с XI по XV в. Этот период оказывается особенно интересен и в этническом аспекте, поскольку именно он вмещает в себя основные творческие фазы жизни этноса, сопряженные с *формированием этнокультурного типа англичан*. К тому же именно в течение этого периода в языке находило наиболее полное отражение наследие этногенеза предшествующих веков. С XVI в. английская колонизация выходит за пределы Британских островов, что сопровождается экспансией английского языка в различные части света и постепенным формированием новых его вариантов и форм существования.

Каждый условно выделенный нами по типологическим параметрам период в истории языка характеризуется неоднородностью и разной степенью устойчивости доминантных признаков. Однако при всей неоднородности состояний, например древнеанглийского языка, все подпериоды объединяются одной инвариантной сущностью, группирующей его типобразующие характеристики – *флективность*. Неоднородность состояния системы языка была характерна и для *среднеанглийского периода*. При этом если XI и XII вв. демонстрируют нам типологическую доминанту к разрушению исходного (флективного синтетического) типа, то язык последующих веков внутри среднеанглийского периода дает исследователю достаточный материал для того, чтобы *уточнить характер инноваций и определить общее направление развития типологически релевантных процессов на разных уровнях языковой системы. К концу среднеанглийского периода становится различимой тенденция к аналитизму, корнеизоляции и агглютинации.*

Характерно, что в типологическом плане *среднеанглийский* был *наиболее динамичен* по сравнению с другими периодами. Можно сказать, что среднеанглийский – эпоха «поиска и экспериментов». Это был *период активной перестройки и адаптации системы языка к воздействию внешнего фактора*. В системе шел активный поиск путей ее упорядочения: сначала это были *варианты в рамках исходного типа* (XI–XII вв.), а позднее – *инновации в русле обозначившейся новой доминанты*. В среднеанглийский же период *оформляются и лексические пласты, отражающие первичные этнические субстраты* в этнической системе англичан. В новоанглийском имеет место *накопление признаков перерождения типов как словоизменятельных, так и словообразовательных парадигм, укрепление устойчивости новых типов в языке.*

Новоанглийский период сопряжен с экспансией английского языка по всему миру, что сопровождалось *возникновением новых англоязычных сообществ* со *сложной этнической структурой*. Это существенно повлияло в дальнейшем на *неоднородность состояния языка не только в диахронии, но и в синхронии.*

Взаимодействие внешней и внутренней истории языка нуждается в *понятийно-категориальном аппарате исследования междисциплинарного характера*. Использование данных исторической этнологии позволяет выявить и оценить сложность, неоднородность и другие показатели этноязыкового сообщества не только с

внешней структурной стороны, но и на основе анализа *семиотических проявлений внутренних, формирующих эту неоднородность и единство процессов, которые выявляются на уровне суперэтнотосов и получают специфику на уровне этносов*. Такая постановка задачи в итоге позволяет максимально учесть динамику взаимодействия языкового и внеязыкового сознаний каждого конкретного этнокультурного сообщества как фактор самоорганизации языковой системы.

Объектами изучения внешней истории языка при этом являются параметры, позволяющие оценить текущее состояние исследуемой этнической системы: *этнокультурные доминанты* как формы трансфера этнических констант, сопряженные с ними *адаптационно-деятельностные модели* и *жесткие социальные структуры* – плод текущей самоорганизации этнической системы. Все эти параметры – разнопорядковые семиотические маркеры внутренних этнических процессов.

В качестве единиц анализа в этом междисциплинарном поле фигурируют *образы сознания, ассоциативно-вербальные сети, концепты, концептосферы*, а также *фреймы, схемы; фрагменты, модели и стереотипы поведения*, которые мы конкретизируем в нашем ракурсе как достойные нравственной оценки *поступки*. Все эти единицы изучаются как *носители смыслового содержания, знаки культуры и рефлексии общества над этим ее содержанием*.

Упомянутые выше параметры внешней (этнической) истории языка оказывают формирующее воздействие на типологически релевантные условия его функционирования. Полученные с их помощью знания могут дополнить и расширить возможности традиционного для исторической социолингвистики анализа языковой ситуации.

Жизнь человеческих сообществ (народов) проходит в *специфической природной информационной среде – этносемносфере*, поскольку здесь создается *семиотика жизни* человеческих сообществ, необходимая для их выживания, – *культура*.

Различные суперэтнотосы и таксоны внутри одного суперэтнотоса различаются именно как разные *этнокультурные системы (подсистемы)*. Человек, благодаря наличию у него второй сигнальной системы, научился создавать знаки особого порядка, языковые, которым предписываются смыслы, соотносимые со структурами сознания, с помощью которых можно выводить свое сознание вовне. Таким образом, язык представляет собой семиотическую систему, способную интерпретировать все другие знаковые системы, создаваемые человеком, и выводить содержание сознания человека вовне. Вероятно, здесь находится тот мостик, который необходим для анализа взаимодействий языковых и этнических процессов. Им является состояние сознания (внутренний мир человека, картина мира, как говорят этнологи, образ мира в терминах психологов).

Поскольку язык (вместе с другими знаковыми системами) выводит сознание вовне, можно найти инструмент для изучения этого явления и участия языковой (речевой) деятельности в ориентационных этнических процессах. Совместная деятельность и свершения на исторической арене требуют некоей *общности соз-*

хания от членов этноса (суперэтноса) и приводят к формированию *этнического опыта*, оседающего в сознании живых людей и кумулятивно в *культуре*, как *семиотике жизни*. Этнокультурный опыт, зафиксированный в языковых знаках и созданных при их участии текстах, становится объектом этнолингвистики и может многое рассказать о тех условиях, в которых использовался язык. *Смена же условий функционирования* для языковой системы является основным *фактором языковых изменений*.

Для такого популярного в мире языка, как английский, изучение внешних параметров языковых изменений вынуждает исследователя обратить особое внимание на способ колонизации и его семиотические проявления у англоязычных сообществ. Способ колонизации очень важный, идущий извне, от этнической системы, фактор типологических преобразований в языке, так как он задает *новую функциональную ситуацию* и для этноса, и для языка (языков в зоне контакта), новые вызовы *функционального* плана для самоорганизации этих систем, что становится особенно очевидным при сравнении процессов стандартизации в Британии и США.

Развитие *литературной формы английского языка (Standard English)* проходило на фоне этнокультурных процессов установления и укоренения английской этнической традиции и сопровождалось всплесками общественно-языковой активности, которые приводили к неизбежному развитию и укоренению средства выведения народного сознания вовне – языка в новых формах его существования (новые функциональные стили, регистры речи, дифференциация норм внутри разных стилей), а стихийное развитие языковых процессов сопровождалось организационными усилиями по нормированию и упорядочению узуса.

Нормирование языка в Америке проходило в иной лингвистической ситуации, сильно отличавшейся в иммигрантском по природе своей государстве от языковой ситуации в Англии. Сложный этнический состав постоянно растущего населения, практика освоения и присвоения огромных пространств в зоне контактов разных суперэтнических систем, утверждение новых этнокультурных доминант в ходе самоорганизации новой империи создали функциональную специфику английскому языку в США. Постепенно сложился некий эталонный общеамериканский узус, который испытал на себе влияние общественно-языковой деятельности в период борьбы за независимость и подвергся кодификации в основных своих чертах в американской литературе, словарях и практике обучения. В настоящее время в сознании американцев вопрос мотивации к изучению нормативного литературного языка в США (как, впрочем, и дальнейшая разработка стандарта) в силу специфики этнической истории этого государства оказывается связанным в значительной степени не столько с разными формами существования языка, сколько с этнической идентификацией американских граждан.

С историко-типологической точки зрения английский язык в Америке начал свое относительно самостоятельное развитие уже после того, как сложилась его

основная доминанта к преобразованию исходного флективного синтетического типа к типу аналитическому, совмещающему в себе признаки корнеизоляции и агглютинации. Несомненно, новое усложнение языкового коллектива, бурные процессы этнокультурного плана на фоне огромных технико-информационных изменений в современном мире в целом и в Америке в частности не могли не оставить своего следа в различных формах существования американского английского языка. Однако сравнительно-сопоставительный анализ глубины, содержания и характера целносистемных преобразований в американском и британском английском еще ждет своего исследователя.

Этносемиосфера, в которой формируется надсистема «язык-этнос», имеет свою специфику как информационно-семиотическое явление биосферы, во многом не познанное человеком. Что релевантно в каждый рассматриваемый период времени? Что сохраняется и передается новым поколениям? И что нужно исследователю-историку для того, чтобы понять, как декодировать информацию, скрытую под толщей веков, и выявить закономерности целносистемных языковых преобразований?

Теоретически здесь возникает две проблемы. Первая – расшифровка информации исследователями-лингвистами, а значит, определение *объекта* и единиц анализа, а также упоминавшихся выше параметров внешней истории языка, подлежащих учету в историко-лингвистическом исследовании. В этом случае мы идем от внешней истории к внутренней и получаем доступ к структурирующим условиям функционирования языка надсистемным факторам. Вторая – использование доставшегося в наследство от предков коммуникативно-когнитивного кода (т. е. языка) каждым новым поколением его носителей. В этом случае мы должны изучать онтогенез и филогенез сознания в этнических сообществах всех уровней, участие языка в этих процессах, а также концептуальное историко-филологическое, духовное и в целом культурное наследие этнической истории. На этом пути мы получаем доступ (через семиотику народной жизни) к содержанию внутренних этнокультурных процессов, таких, как, например, возникновение и разрушение этнокультурных типов народов, содержание информационной структуры и обмена внутри этнической системы в ходе ее самоорганизации. И в первом, и особенно во втором случае исследователь-лингвист может обратиться к разработанному исторической этнологией и этнопсихолингвистикой понятию этнической картины мира.

В этой связи *категоризацию этнокультурного опыта* можно рассматривать как *оформление нового опыта этнических контактов и изменений в качестве относительно устойчивых элементов этнической картины мира* – образов сознания в определенной системно-иерархической организации. Поскольку ментальные формы категоризации опыта (тоже своего рода продукты семиозиса) выводятся вовне с помощью языковых знаков, здесь следует искать и механизмы взаимодействия этнических и языковых процессов через изучение взаимодействия языкового и внеязыкового сознания у человека.

Особенно очевидно исторические следы категоризации этнокультурного опыта англичан проявляют себя в словарном составе их языка.

В результате прошедших в истории Англии этногенезов в английском этносе при ретроспективном анализе можно выделить несколько появившихся в ходе активных межэтнических контактов субстратов: саксы, англ, кельты, даны, норвежцы и французы. Эти субстраты оформились в английском этносе в период формирования его этнокультурного типа. Очевидно, что тот таксон, который при рассмотрении определенной фазы в этнической системе (синхронный ракурс) классифицируется как субэтнос, в диахронном ракурсе превращается в этнический субстрат. Так, например, даны эпохи короля Альфреда и особенно его преемников на троне могут рассматриваться, с нашей точки зрения, как субэтнос.

Каждый из этнических субстратов оставил свое наследие в английском языке, которое является предметом изучения его истории. Этнические субстраты оставляют свое вербальное наследие в форме лексических этимологических слоев, однако не всякий этимологический слой в языке соотносим с этническим субстратом. Для английского языка этнически маркированными этимологическими слоями являются: англосаксонский (англ, саксы, юты, фризы), скандинавский (даны, норвежцы), кельтский (кельты) и французский, или романский (французы). Каждый из этих лексических слоев имеет свои особенности, которые в конечном счете обусловлены особенностями межэтнических контактов в эпоху появления соответствующего этнического субстрата в этнической системе (которую мы теперь называем англичанами).

В диахронии под воздействием внешнего фактора имела место постоянная структурная реорганизация и перегруппировка субстантного материала в языке, его адаптация в новых функциональных координатах. Наиболее очевидными для наблюдателя эти процессы были в лексико-семантических подсистемах. Их перестройка, по всей видимости, была направлена на *сохранение оптимальности лексической подсистемы как кода, ответственного за этнокультурную самоидентификацию носителей языка*. В условиях наложения этногенезов после Норманнского завоевания категоризация этнического опыта пошла таким путем, что на *базисном уровне* семиотика новых этнокультурных доминант развивалась на основе исходного кластера категорий в русле *англосаксонской* этнической традиции. Иными словами, *кумуляция* (накопление) *знаков* и *интериоризация* вновь обретенного опыта контактов на межэтническом, а потом и внутриэтническом (субэтническом) уровнях осуществлялись на основе стержневых матриц сложившегося ранее англосаксонского этнокультурного типа. Поэтому *оптимальность лексико-семантического кода* (как и языкового кода этнического опыта в целом) могла быть достигнута путем *сохранения генетического тождества лексико-семантической подсистемы* самой себе. По всей видимости, это была основная причина сохранения английского языка в Англии после Норманнского завоевания.

Однако в ходе адаптации системы английского языка к воздействию внешнего фактора было утрачено значительное количество германского лексического материала. Компенсация этих количественных потерь и сохранение генетического тождества лексической подсистемы самой себе были достигнуты следующим образом:

1) путем повышения функциональной нагрузки оставшихся англосаксонских лексических единиц в системе языка; этот процесс сопровождался формально-структурным упрощением оболочек слов с одновременным усложнением их семантической структуры, что, в свою очередь, повлекло за собой изменение техники соединения носителей значений;

2) путем интенсивного пополнения германской лексической базы семантически и структурно близкими скандинавскими заимствованиями, органично вписавшимися в типологическую перестройку и поддерживавшими ее; приблизительно 66 % от общей функциональной нагрузки ядра выполняется германскими по происхождению словами;

3) структурно-функциональным уподоблением ранних французских (романских) заимствований германскому ядру.

Таким образом, противопоставляя заимствованные слова германскому лексическому слою, необходимо иметь в виду, что все же около 34 % типологически ядерных лексем в современном английском языке представляют французское вербальное наследие, появление которого в ядре оправдано, пожалуй, только воздействием внешнего (этнического) фактора, поскольку этот лексический слой отражает категоризацию этнического опыта на суб- и суперэтническом уровнях.

Каждый уровень языковой системы по-своему отреагировал на функциональный вызов со стороны внешнего фактора. Так, фонологические процессы были направлены на обеспечение фонологических и просодических механизмов формирования и поддержания новых типов носителей значений в языке.

Фонологические изменения, происходившие в древнеанглийский период, привели к фонетической неустойчивости и нестабильности в корневых морфемах. Фонологическая основа и функциональный статус ряда изменений, таким образом, зависели от морфологических показателей носителей значений. Так, ударение устойчиво маркировало корневую морфему, создавая условия для ее выделения и противопоставления другим частям словоформы. Вместе с тем, древнеанглийский характеризуется выраженными фузионными процессами, указывающими на преобладание синтеза в оформлении носителей значений и создании цельнооформленности этих единиц.

В древнеанглийском языке осуществлялся поиск в рамках старых, унаследованных от прагерманского состояния возможностей расширения состава гласных, что приводило к появлению таких антропофонически сложных оппозиций, как передне-заднее скольжение, породивших заметное количество словесных оболочек с неустойчивостью корня в результате ассимилятивных процессов на стыках

морфем. К процессам такого рода можно отнести древнеанглийское преломление, умлаут, велярный умлаут и др. Однако ввиду сложности тончайших фонологических различий и малой функциональной нагруженности оппозиции переднезаднего скольжения с ограничением по диалектам и количеству словоформ, в которых эта оппозиция реализовывалась, она свернулась в течение древнеанглийского периода. Регрессивная направленность ассимиляции свидетельствует о том, что устойчивость корневой морфемы приносилась в жертву цельноформленности словоформы, т. е. *в древнеанглийском преобладала синтетическая техника сборки носителей значений.*

В среднеанглийском вместе с редукцией безударных и слабоударных слогов усиливается тенденция к сокращению количества гласных в неударных слогах, в результате чего в них остается один гласный – нейтральный по отношению к ряду и подъему. В XIII–XIV вв. этот гласный перестает произноситься, его орфографический маркер становится показателем открытости слога.

Постепенно устанавливается зависимость качества и количества гласного от типа слога. К этому приводит многоступенчатое развертывание оппозиции абруптивности. Сначала в результате сокращения долгих гласных в закрытых слогах появляются маркированные краткие гласные (абруптивные), которые усекаются согласной финалью. Постепенно увеличивается количество оболочек слов, в которых устанавливается плотный контакт между ядром слога и его консонантной периферией. В тех случаях, где согласный не справлялся с усечением гласного, он подвергался вокализации, переводя словоформу в устойчиво свободный тип контакта внутри слогоморфемы. Различные виды гласных (устойчивые монофтонги, нецентрирующие и центрирующие дифтонги), характерных для неусеченности с более-менее свободным контактом, образуются в новоанглийский период в результате Великого сдвига гласных, вокализации согласной периферии слога (в особенности сонантов) и некоторых других процессов.

Такая оппозиция фазовости существенно расширила возможности различения морфосиллабов фонетическими средствами в новоанглийском языке, свойственное агглютинативным и корнеизолирующим языкам противопоставление корнеслога иным элементам словоформы (там, где таковые есть) и повышение его устойчивости. При наличии разных подходов к интерпретации истории и современного состояния английского вокализма фонологи отмечают, что и в британском, и в американском вариантах английского языка системообразующей, типологически значимой оппозицией является маркировка абруптивности (усеченности). Это в определенной степени свидетельствует о завершенности основных типологически релевантных преобразований, изменивших типологический статус языка еще в период до развертывания (в самом начале развертывания) масштабных процессов английской колонизации новых ландшафтных зон.

Согласные проявили большую устойчивость в ходе истории языка, однако динамика их исторических изменений также была вызвана функциональным за-

просом на обеспечение большей устойчивости и различимости корнеслогов (морфосиллабов).

Доминирующие в древнеанглийском типы носителей значений свидетельствуют о его флективном синтетическом типе, в котором возможны фузионные процессы. Как и в других германских и индоевропейских языках, в древнеанглийском средоточием лексического значения выступает корень слова, а аффиксальные морфемы (суффиксы и приставки) обычно модифицируют его значение. В словоформе выделяют основу. Исторически германским языкам присущи так называемые основообразующие суффиксы, оформлявшие разные категориальные классы слов, связанные с древними рубриками (категориями) познавательного опыта человека. Существительные разных родов и типов склонения имели разные основообразующие аффиксы. Данная система классовых показателей в древнеанглийском носит уже реликтовый характер. Словоизменительные (формообразующие) аффиксы, собственно носители частнограмматических значений – флексии, также весьма широко представлены в древнеанглийском языке. Однако его флективные парадигмы отличаются меньшей разветвленностью и менее выраженной различимостью элементов, чем в других флективных индоевропейских и даже германских языках.

В древнеанглийских словоизменительных парадигмах наблюдались такие типы словоформ, которые строились на внутренней и внешней флексии, супплетивизме (причем устойчивые, хотя и непродуктивные супплетивные формы укрепляются в парадигмах слов, способных выполнять особенно значимые строевые функции в дальнейшей истории английского языка), имелись также и аффиксальные модели, изначально возникшие как агглютинативные образования с тенденцией к укреплению устойчивости корня и его противопоставленности аффиксальным морфемам. Это наблюдается прежде всего в подсистеме слабых глаголов. Инвентарь аффиксов пополнялся в древнеанглийском на своей субстантной базе, как и в других германских языках, через композитные образования, в которых некоторые корни постепенно преобразовывались в аффиксы в результате грамматикализации. Однако язык рано начал конструировать аналитические модели на лексико-синтаксической основе для выражения таких семантических сфер, которые не были специально выражены ни в германских основах, ни во флективных парадигмах. Эти модели стали складываться особенно интенсивно в глагольной подсистеме хронотопных смыслов на субстантной базе претерито-презентных глаголов и глаголов-носителей эврисемии, а также глагольной периферии (нефинитной субпарадигмы).

В среднеанглийском наблюдается нарушение устойчивости вплоть до постепенного разрушения прежних флективных типов с большой вариативностью по диалектам и памятникам. Сокращение морфологического потенциала древнеанглийского языка приводило к необходимости опереться на лексико-синтаксический межуровневый резерв при выражении грамматических значений. Все это способствовало возрастанию роли синтаксиса в истории английского языка. Фун-

ционально, в плане выражения грамматических значений, синтаксис новоанглийского языка нагружен значительно больше, чем в среднеанглийский и тем более древнеанглийский периоды. Возрастающая роль синтаксиса сопровождалась изменением природы основных частей речи, которые все больше становились синтаксико-позиционными, а не лексико-морфологическими классами слов. Способность исконно германских слов в английском языке использоваться в функциях разных частей речи без изменения морфологической оболочки словоформы стала очевидной уже в среднеанглийский период. Другими проявлениями возрастания роли синтаксиса следует считать укрепление индивидуальности и состава закрытых (служебных) классов слов (местоимений и пр.), пополнение данных подсистем новыми элементами за счет носителей эврисемии, претерито-презентных глаголов и некоторых других единиц. Расширение классов служебных элементов можно рассматривать как один из признаков развития корнеизоляции и аналитизма. Широкое развитие аналитических конструкций грамматического и лексического типов осуществлялось на этой субстантивной основе. Постепенно в подчинительных синтагмах и предложении роль таких способов соединения носителей значений, которые зависимы от флексий, сводилась к минимуму в пользу чисто синтаксических способов (примыкания и порядка слов). Происходило смещение функциональной нагрузки словопорядка предложения с коммуникативно-прагматической в пользу грамматической (существенной для опознавания актантов) значимости.

В словообразовательной морфологии древнеанглийский широко использовал потенциал общегерманских и своих собственных продуктивных моделей. При этом формальные средства словопроизводства имели достаточно выраженную частеречную специфику, что характерно для языков, в которых части речи определяются как лексико-морфологические классы. Прослеживается семантико-функциональная связь ряда словообразовательных аффиксов (и полуаффиксов) с совпадающими по форме и значению самостоятельными корнесловами (предлогами, наречиями и единицами некоторых других классов слов). Это свидетельствует о том, что древнеанглийский язык имел устойчивый механизм пополнения класса аффиксальных и служебных элементов за счет грамматикализации самостоятельных слов, значение которых не противоречило приобретаемой функции и позволяло создать типовую (продуктивную) модель порождения номинативных единиц. Создание устойчивого резерва пополнения аффиксов типично для агглютинативных доминант, вместе с тем, устойчивая корреляция носителей значений, выполняющих «служебные» функции с формально идентичными «знаменательными» носителями значений (исключительно корнесловами), характерна для корнеизолирующих тенденций.

Как и в случае со словоизменяющей морфологией, в словообразовательной морфологии английского языка признаки типологических преобразований начали проявляться особенно рано и очевидно у *глагола*. Одним из главных последствий

перестроечных процессов в морфологии стало *снижение селекционности словоформ*, свойственной флективным языкам. Аналогичный этому процесс наблюдается и в подсистеме лексической номинации, поскольку «сборка» аналитических глаголов идет в достаточно свободном режиме, который допускает некую вариативность в рамках устойчивых типов моделирования. Эта вариативность, в свою очередь, детерминируется окказиональными ракурсами показа сюжета высказывания, а привлечение целого ряда слов из парадигмы носителей эврисемии и некоторых других позволяет обеспечить «сборку на случай», выветив тот качественный признак, который доминантен в данном сюжете. Словарями фиксируются лишь самые устойчивые семантические типы аналитических биномов.

Аналитическое лексемообразование представляет собой весьма чувствительную проблему для современной английской лексикографии, поскольку ставит перед практиком-лексикографом, помимо традиционных для составителей словарей проблем, связанных с отбором единиц описания, способами их представления и т. п., задачу определения границ слова, выделяемости различных типов лексической номинаций как таковой. В этой связи биномная структура аналитических лексем может рассматриваться как исторически и психологически оправданный способ (средство) поддержания границ лексем в условиях их аналитизации и нарастания *коллекционности* словоформ.

Различия между лексикой, несущей в себе функциональный потенциал устойчивых, продуктивных типов в языке, определяющих общую типологическую доминанту его системы, и всей прочей лексикой может быть описано как системное отличие *анализированных слов* (т. е. слов, ассоциирующихся с аналитизацией языка, которая подкрепляет в новоанглийском языке как корнеизоляцию, так и агглютинацию), и слов *синтетических* (т. е. ассоциирующихся с синтезом в языках флективного типа, в частности в древнеанглийском, латыни и греческом). Противопоставление этих двух слоев лексики в английском языке базируется на историко-типологических (в том числе этимологических) и функциональных параметрах. Способы сосуществования и взаимодействия этих слоев являются прямым следствием развертывания типологической доминанты английского языка под воздействием внешних надсистемных факторов преимущественно этногенетического порядка.

Вопрос взаимодействия внешней и внутренней истории языка получил широкое методологическое обоснование в российской лингвистике в теории системной типологии Г. П. Мельникова. Наше описание в связи с этим может рассматриваться как попытка конкретизации общего контекста этой теории применительно к конкретной надсистеме для английского языка и этноса. Разрабатывая понятийно-категориальный аппарат описания внешних и внутренних процессов, Г. П. Мельников предложил термины «внешняя и внутренняя детерминанта».

Термином «внешняя детерминанта» языка определенного типа он обозначил коммуникативно-релевантные характеристики языкового коллектива, куда относят-

ся: 1) его величина (малый / большой коллектив); 2) однородность / разнородность (смешанность) состава; 3) доминирующий режим общения, а именно наличие / отсутствие временных и (или) пространственных ограничений на межкоммуникационные интервалы (в том числе в зависимости от оседлости / неоседлости носителей языка). Эти характеристики в своей совокупности формируют внешнюю детерминанту языка и в особенности внеязыкового сознания носителей языка: тип связи поводов сюжетов в памяти общающихся, степень близости текущих, индивидуальных образов и мировидения [Мельников, 2003, с. 127–141]. Таким образом, было показано, что сама функция языка варьируется под воздействием надсистемных, внешних по отношению к нему факторов. Нетождественность коммуникативной функции языка зависит от различий в структуре и наполнении языкового коллектива, условий общения и различий во внеязыковом сознании носителей языка. Эти факторы становятся доступными для изучения преимущественно в историко-культурном аспекте. Каждый эталон языкового типа (флективный, агглютинативный, корнеизолирующий и инкорпорирующий) представляет собой модель оптимальной самоорганизации языковой системы под воздействием одного из наиболее вероятных типов конфигурации внешних по отношению к языковой системе коммуникативно-релевантных факторов.

Однако и при таком подходе в вопросах внешней истории все же остается некая неопределенность, которая, на наш взгляд, может быть со временем снята, если последовательно вводить в описание истории каждого рассматриваемого языка этногенетические параметры. Г. П. Мельников выделяет и называет значимые аспекты внеязыкового сознания, имеющие психологическую основу – общность образов (текущих, индивидуальных и мировидения). Эти образы – продукт внеязыкового давления на сознание человека. По сути, здесь имплицитно содержится информация об этнической картине мира в близком к исторической этнологии понимании, уклад жизни рассматривается имплицитно и эксплицитно как формирующий внеязыковое сознание фактор. Таким образом, этническая компонента входит во внешнюю историю как детерминантный процесс: от этногенеза в конкретном вмещающем ландшафте (месте развития) зависят колебания всех выявленных Г. П. Мельниковым внеязыковых параметров внешней истории. Поэтому когда мы ставили перед собой задачу описать внешнюю историю языка, мы стремились выявить единицы анализа и объекты рассмотрения с учетом того, что они способны формировать внешнюю детерминанту и модифицировать функцию языка внутри значимых для становления этнокультурного типа народа периодов этнической истории. За их описанием должно последовать сравнение полученных результатов с динамикой языковых изменений внутри хронологически соотносимых периодов внутренней истории языка. Все выделенные нами объекты-параметры и маркеры процессов самоорганизации – этнокультурные доминанты, адапционно-деятельностные модели и соответствующие им социальные структуры,

а также выявляемые в них для исследовательских целей единицы анализа – могут составить аппарат такого описания в будущем.

Внутриязыковые изменения систематизируются в теории Г. П. Мельникова как внутренняя детерминанта языка определенного (эталонного) типа, представляющая собой функционально наиболее нагруженное свойство языка как коммуникативной системы. Внутренняя детерминанта описывается им через анализ особенностей коммуникативного ракурса, смысловых схем типовых высказываний. Смысл типичного высказывания есть внутренняя форма сообщения, он зависит от преобразования типичных поводов в типичном аспекте при формировании типичных же сюжетов высказываний при типичных пространственных и временных интервалах между коммуникациям (актами общения). Взаимодействие внутренней и внешней детерминант описывается в теории Г. П. Мельникова следующим образом. Если однородный коллектив возрастает по величине, то возрастает пространственный межкоммуникационный интервал и, следовательно, эффективность событийного коммуникативного ракурса в аспекте констатации результирующего событийного признака. Это переводит инкорпорирующий строй в эргативный. Дальнейшее увеличение коллектива в этом случае содействует формированию флективной техники. Если же межкоммуникационный интервал увеличивается только во времени, а не в пространстве, то складывается агглютинативный строй. *Разрастание языкового коллектива при усилении его неоднородности делает функционально целесообразной корнеизоляцию* [Мельников, 2003]. Это, кстати, объясняет трансформации не только в английском, но и во многих европейских языках и побуждает к исследованию динамики проходящих в них процессов на современном этапе при нарастающей этнокультурной вариативности, при усложнении коллективов, с учетом функциональной разнородности ряда этнических групп и субэтносов, и прежде всего «встроенных» в европейские этносы иммигрантских сообществ.

Таким образом, внутренняя детерминанта выводится из внешней. Внешняя история английского языка – наглядное тому подтверждение, а конкретные, специфические для эпохи параметры истории каждого народа, говорящего на одном из «английских языков» (вариантов языка), конкретизируют не только специфику взаимодействия внешней и внутренней истории языка, но должны дать основания для сравнительной оценки глубины типологических преобразований в разных этнокультурных его воплощениях. Вероятно, если бы удалось провести масштабное исследование различных этнокультурных вариантов английского языка, стало бы возможным измерение и описание в числовом выражении сравнительной динамики целносистемных преобразований и выведение индексов их зависимости от этнокультурной детерминированности.

Список литературы

- Аналитизм германских языков* в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах. Новосибирск, 2005.
- Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н.* Введение в германскую филологию. М., 2000.
- Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика: учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001.
- Беляева Т. М.* Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. М.: Высш. шк., 1979.
- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002.
- Битнер И. А.* Аналитические лексемы глагольно-глагольного типа в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2004.
- Битнер И. А.* Аналитические лексемы глагольно-глагольного типа и их когнитивный потенциал в современном английском языке // *Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах.* Новосибирск, 2005. С. 72–96.
- Битнер И. А.* Явление вторичного аналитизма в лексемных типах V + V // *Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* Новосибирск: НГУ, 2007. Т. 5. Вып. 1. С. 50–54.
- Брайант А.* Эпоха рыцарства в истории Англии / Пер. с англ. Т. В. Ковалева, М. Г. Муравьева. СПб., 2001.
- Бруннер К.* История английского языка: Пер. с нем. М.: Иностран. лит., 1955–1956. Т. 1–2; 2003.
- Бубенникова О. А.* Актуальные проблемы исторической морфологии диалектов английского языка. М., 1996а.
- Бубенникова О. А.* Актуальные проблемы исторической диалектологии английского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996б.
- Бубенникова О. А.* Основные тенденции развития диалектов современного английского языка в области фонологии // *Вестн. МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 1999. № 1. С. 90–102.
- Бубенникова О. А.* О языковой ситуации в современной Англии // *Германистика в России. Традиции и перспективы: Тез. науч.-метод. семинара.* Новосибирск, 2004а. С. 7–11.

Бубенникова О. А. Литературная произносительная норма (RP) в Британии: история и перспективы развития // Вестн. МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004б. № 2. С. 18–31.

Великобритания. Лингвострановедческий словарь. 9500 единиц / А. Р. У. Рум, Л. В. Колесников, Г. А. Пасечник и др. М.: Рус. яз., 1978.

Винничук Л. Латинский язык. М.: Высш. шк., 1985.

Влавацкая М. В. Экскурс в историю англоязычной лексикографии VII–XXI вв.: учеб. пособие. Новосибирск: НГТУ, 2007. Ч. 1.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ протоязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. 1, 2 (переиздание: Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. Т. 1–3).

Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков / Пер. с англ. Е. С. Кубряковой, В. П. Мурат // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 60–94.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1993.

Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. СПб., 1994а.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли // Свод № 3. Междунар. Альманах / Сост. Н. В. Гумилева. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994б.

Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: ДИ-ДИК, 1997.

Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. СПб.: ООО «Издат. Дом Кристалл», 2002.

Гумилев Л. Н. Струна истории. Лекции по этнологии / сост., предисл., коммент. О. Г. Новиковой. М.: Айрис-пресс. 2008.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.

Гухман М. М. Готский язык. М., 1958–1998.

Жукова Л. С. Объективация концепта «английский язык» в американской языковой картине мира (опыт применения метода анкетирования) // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск 2006а. Т. 4. Вып. 1. С. 44–51.

Жукова Л. С. Образы американцев и англичан: авто и гетеростереотипы // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2006б. Т. 4. Вып. 2. С. 25–32.

Жукова Л. С. Исследование языкового пуризма как общественного явления в современной Британии // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2007. Т. 5. Вып. 2. С. 131–138.

Жукова Л. С. Языковой пуризм как общественное явление в современной Англии: Учебное пособие. Новосибирск, 2008а. (Сер.: Инновационно-образовательные материалы практикума по социолингвистике).

- Жукова Л. С.* Исследование языкового пуризма как этнопсихологического явления (на примере современной Великобритании) // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск 2008б. Т. 6. Вып. 1. С. 63–70.
- Зиндер Л. Р.* Общая фонетика: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1979.
- Иванова И. П., Чахоян Л. П.* История английского языка. М., 1976.
- Ильин И. А.* Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2006.
- Ильина Т. И.* Укрепление агглютинации в словообразовательной подсистеме английского языка // Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах. Новосибирск, 2005. С. 181–192.
- Ильиш Б. А.* История английского языка. М.: Высш. шк., 1958 (и более поздние издания).
- Комаринец А.* Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола. М., 2001.
- Костомаров Н. Н.* Домашняя жизнь русского народа. М.: Эксмо, 2008.
- Крысин Л. П.* Лингвистический аспект изучения этностереотипов (постановка проблемы) // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002.
- Лаврентьева Л. Р.* Исследование институционально значимых для этнической картины мира концептов // Шапошникова И. В. История английского языка. Книга для семинарских занятий и самостоятельной работы (с приложением). Новосибирск: НГУ, 2008. С. 125–142.
- Лингвистические задачи.* М.: Просвещение, 1983.
- Лихачев Д. С.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Л.: Наука, 1983.
- Лурье С. В.* Историческая этнология. М.: Аспект-пресс, 1998.
- Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты. Перевод. Комментарий. М.: Наука, 1979.
- Мельников Г. П.* Системная типология языков. М.: Наука, 2003.
- Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
- Мечковская Н. Б.* Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей. М.: Флинта; Наука, 2001.
- Мешков О. Д.* Словообразование современного английского языка. М., 1976.
- Мигачев В. А.* Германский дентальный претерит и его морфонологический статус // Вопр. языкознания. М.: Наука, 1972. № 4. С. 80–89.
- Миронов С. А., Зеленецкий А. Л., Дренясова Т. Н.* Историческая грамматика нидерландского языка. Калуга: «Облиздат», 2001. Кн. 2: Синтаксис, заключение.
- Мифы народов мира.* Энциклопедия в двух томах. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

Михайлова Т. А. Друиды и религия древних кельтов // Энциклопедия для детей. М.: Аванта +, 1996. Т. 6. Ч. 1. Религии Мира. С. 219–238.

Моммзен Т. История Рима. СПб., 1993.

Мороховский А. Н. Слово и предложение в истории английского языка. Киев, 1980.

Нефедьев М. В. Семантическая эволюция глагольных приставок **на-** и **об-** в истории русского языка XI–XVIII вв. // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1994. № 4. С. 73–83.

Никуличева Д. Б. Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках (Контрастивный анализ). М.; СПб.: Б. С. К., 2000.

Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / Пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ; М: ХРАНИТЕЛЬ, 2008.

Осипова О. А. О явлениях исторического плеоназма в структуре готских существительных // Проблемы историко-типологических исследований германских языков в лингво-этническом аспекте: Вестн. ИГЛУ. Иркутск, 2000. С. 6–12.

Отечественные лексикографы XVIII–XX веков / Под ред. Г. А. Богатовой. М.: Наука, 2000.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Петрова Т. А. Свернутые конструкции как тип сложных номинативных единиц в современном английском языке // Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах: моногр. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 131–180.

Плоткин В. Я. Очерк диахронической фонологии английского языка. М.: Высш. шк., 1976.

Плоткин В. Я. Эволюция фонологических систем. На материале германских языков. М., 1982.

Плоткин В. Я. Строй английского языка. М.: Высш. шк., 1989.

Плоткин В. Я. Как устроен английский язык. Новосибирск: НГУ; Научно-издательский центр СО РАН, 1999.

Плоткин В. Я. Фонология // Историческая грамматика нидерландского языка. Кн. 1: Фонология, морфология / С. А. Миронов, А. Л. Зеленецкий, Н. Г. Парамонова, В. Я. Плоткин М.: Эдиториал УРСС. 2000. С. 8–27.

Полужин М. М. Префиксация как способ модификации аспектуальной семантики древнеанглийского глагола // Филол. науки. М., 1993. № 3. С. 92–101.

Потапов В. В. Краткий лингвистический справочник. Языки и письменность. М.: Метатекст, 1997.

Проскурин С. Г. Семиотика индоевропейской культуры. История языка. Новосибирск, 1998–2005.

Пумпянский А. Л. Английский литературный язык (связь произношения и правописания). М.: Изд-во АН СССР. М., 1963.

Расторгуева Т. А. Очерки по исторической грамматике английского языка. М., 1989.

- Садохин А. П.* Этнология: учебник. М.: Гардарики, 2000.
- Сидорина Н. П.* Турецкий без репетитора. М.: ООО «Издательство Толмач»; ООО «Дом славянской книги», 2008.
- Сизова И. А.* Становление германского глагольного словообразования (на материале готского языка). М., 1978.
- Сизова И. А.* К вопросу об истоках фразовых глаголов в английском языке // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2004. Т. 2. Вып. 1. С. 149–156.
- Скрелина Л. М., Становая Л. А.* История французского языка. М.: Высш. шк., 2001.
- Смирницкий А. И.* Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. М., 1953.
- Смирницкий А. И.* Древнеанглийский язык. М., 1955.
- Смирницкая О. А.* Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1994. Т. 1, 2.
- Словарь античности*: Пер. с нем. М.: Эллис Лак; Прогресс, 1994.
- Солнцев В. М.* Введение в теорию изолирующих языков. М.: Изд-во Вост. лит. РАН, 1995.
- Сорокин Ю. А.* Речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов (какими мы видим себя и других) // Вопр. языкознания. М., 1995. № 6. С. 43–53.
- Сорокин Ю. А.* Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). М.: Ин-т проблем риска, 2007.
- Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.; Л., 1953.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.
- Степанов Ю. С., Проскурин С. Г.* Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993.
- Ступников И. В.* Хрестоматия по английской литературе XVIII века. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов и фак. иностр. яз. Л.: Просвещение, 1975.
- Тарасов Е. Ф.* Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. М., 2006. № 4. С. 69–73.
- Тацит К.* О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История: Пер. с лат. М.: ООО «Изд-во АСТ»; Ладомир, 2001. С. 458–483.
- Тойнби А. Дж.* Постигание истории: Сборник. М.: Рольф, 2001.
- Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории: пер. с англ. М.: Рольф, 2002.
- Томахин Г. Д.* США. Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. яз., 1999.
- Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.
- Топорова Т. В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
- Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М.: Аспект-пресс, 2000.
- Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007.

Уколова В. И. «Последний римлянин» Бозций. АН СССР. Серия «Из истории мировой культуры». М.: Наука, 1987.

Уфимцева Н. В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте). М.: Наука, 2002.

Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 13–23.

Феоктистова Н. В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л., 1984.

Хорнби А. С. Конструкции и обороты английского языка / пер. с англ. А. С. Игнатъева. М.: АО «Буклет», 1992.

Христианство: Словарь / Под общ. ред. Л. Н. Митрохина и др. М.: Республика, 1994.

Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М.: Языки русской культуры, 1999.

Шапошникова И. В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингвоэтническом аспекте. Иркутск, 1999.

Шапошникова И. В. Этнолингвистический анализ текста в курсе истории английского языка. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003.

Шапошникова И. В. Для чего нам нужны концепты и концептосферы? (Размышления о филогенезе мировоззрения и возможностях его исследования // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2007. Том. 5. Вып. 2. С. 103–117.

Швейцер А. Д. К разработке понятийного аппарата социоллингвистики // Социально-лингвистические исследования. М., 1976

Швейцер А. Д. Модели языковой вариативности // Языки мира: проблемы языковой вариативности. М., 1991.

Швейцер А. Д. Истоки фонетических и грамматических особенностей американского варианта английского языка // Изв. РАН. 1994. № 5. С. 30–45.

Швейцер А. Д. История американского варианта английского языка: дискуссионные проблемы // Вопр. языкознания. 1995. № 3. С. 77–91.

Швейцер А. Д. Роль инновационных и реликтовых элементов в формировании норм кодифицированного литературного языка // Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 68–78.

Шервуд Е. От англосаксов к англичанам. М., 1988.

Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс. 2003.

Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. М.; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

- Ярцева В. Н.* Историческая морфология английского языка. М.; Л., 1960.
- Ярцева В. Н.* Исторический синтаксис английского языка. М.; Л., 1961.
- Ярцева В. Н.* Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.
- Ярцева В. Н.* Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981.
- Ярцева В. Н.* История английского литературного языка IX–XV вв. М.: Наука, 1985.
- Antonsen Elmer E.* A Concise Grammar of the Older Runic Inscriptions. Tübingen: Niemeyer, 1975.
- Antonsen E. H.* The Runes: The Earliest Germanic Writing System // The Origins of Writing / Ed. Wayne M. Senner. Univ. of Nebraska press, 1990. P. 137–158.
- Approaches to the Typology of Word Classes* / Ed. by Petra M. Vogel, Bernard Comrie. N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000.
- Atlas zur Geschichte.* VEB Hermann Haack, Geographisch-Kartographische Anstalt Gotha. Leipzig, 1976. Band. 1.
- Bauer A. H.* Old English – *fæst*: A case of grammaticalisation // Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. Vol. 28. № 1–2. P. 27–54.
- Baugh A. C., Cable Th.* A History of the English Language. 3d ed. L., 1978; 4th ed. Routledge, 1993.
- Blair J.* The Anglo-Saxon Period (c. 440–1066) // The Oxford Illustrated History of Britain / Ed. K. O. Morgan. Oxford: Univ. press, 1995. P. 52–103.
- Burrow J. A., Thorlac Turville-Petre.* A Book of Middle English. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2005.
- Bynon Th.* Historical Linguistics. Cambridge Univ. press, 1996.
- Carnicelli Th. A.* (Ed.) King Alfred's Version of St. Augustine's Soliloquies. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1969.
- Cattell R.* Syntax and Semantics. Composite Predicates in English. Newcastle: US. W. Australia Academic Press, 1984.
- Chambers J. K., Trudgill P.* Dialectology. Cambridge, 1998.
- Croft W.* Typology and Universals / Cambridge textbooks in linguistics. Avon: Cambridge Univ. Press, 1993.
- Croft W.* Parts of speech as language universals and as language-particular categories // Approaches to the Typology of Word Classes / Ed. by Petra M. Vogel, Bernard Comrie. N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 65–102.
- Crystal D.* The Stories of English. Penguin Books, 2005.
- Dalziel Nigel.* The Penguin Historical Atlas of the British Empire. Introduction by John M. MacKenzie. Penguin Books, 2006.

De Cuypere Ludovic. Exploring exaptation in language change // *Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae*. Poznan: Mouton, 2005. Vol. 26. № 1–2. P. 13–26.

Enger Hans-Olav. The story of Scandinavian *-s(t)* retold: Grammaticalising a clitic to a derivational affix // *Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. Vol. 23. № 1–2. P. 79–106.

Evidence for Old English. Material and Theoretical Bases for Reconstruction / Ed. by Fran Colman. Edinburgh, 1992.

Fennell B. A. A History of English. A Sociolinguistic Approach. Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2001.

Freeborn D. From Old English to Standard English. Macmillan Publishers Ltd, UK, 1998.

Gillingham J. The Early Middle Ages (1066–1290) // *The Oxford Illustrated History of Britain* / Ed. by K. O. Morgan. Oxford, 1995. P. 104–165.

Givon Talmy. Historical Syntax and Synchronic Morphology: an archaeologist's field trip. *Chicago Linguistic Society Papers* 7: 394–415. 1971.

Gonzalez Diaz Victoria. Adjectival double periphrastic comparison in emode: A socio-stylistic analysis // *Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae* 25. 2004. № 1–2. P. 177–210.

Görlach M. Explorations in English Historical Linguistics. Heidelberg: Universitätsverlag C. WINTER, 2002.

Hernández-Campoy Juan Manuel. Overt and covert prestige in Late Middle English: A case study in East Anglia // *Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. Vol. 29. №. 1. P. 1–26.

Hiltunen R. The Decline of the Prefixes and the Beginning of the English Phrasal Verb. Turku, 1983.

Hooper Joan Bybee. An Introduction to Natural Generative Phonology. N. Y.: Academic Press, 1976.

Hogg Richard M. Phonology and Morphology // *The Cambridge History of the English Language* / Ed. by Richard M. Hogg. Cambridge: Univ. Press, 1998. Vol. 1. P. 67–167.

Hopper Paul J., Elizabeth Closs Traugott. Grammaticalization. Cambridge Univ. Press, 2004.

Howell Robert B., Katerina Somers Wicka. A phonetic account of Anglian smoothing // *Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. Vol. 28. № 1–2. P. 187–214.

Huddleston R., Pullum G. K. A Student's Introduction to English Grammar. Cambridge Univ. Press, 2005.

Hughes G. Words in Time. A Social History of the English Vocabulary. Oxford, 1989.

Hughes G. A History of English Words. Oxford: Blackwell Publishers, 2000.

- Jarceva V. N.* The Problem of Existence of the Literary Language in Anglo-Saxon Britain // Perspectives on Indo-European Language, Culture and Religion. S. L., 1992. Vol. 2. P. 280–294.
- Javier Calle Martin, Antonio Miranda Garcia.* Aspects of punctuation in the Old English *Apollonius of Tyre* // Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. Vol. 26. № 1–2. P. 95–114.
- Jespersen O.* Language. Its Nature. Development and Origin. L., 1925.
- Jespersen O.* Growth and Structure of the English Language. L., 1928.
- Ježek Elisabetta, Paolo Ramat.* On parts-of-speech transcategorization // Folia Linguistica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. Vol. 43. № 2. P. 391–416.
- Knowles G.* A Cultural History of the English Language. L.: Arnold, 1998.
- Kuhn Sherman M., Randolph Quirk.* Some Recent Interpretations of Old English Digraph Spellings // Language, Vol. 29, № 2 (Apr. – Jun., 1953). P. 143–156.
- Labov W., Ash Sh., Boberg Ch.* The Atlas of North American English. Phonetics, Phonology and Sound Change. Mouton de Gruyter, 2006.
- Lass R.* Historical Linguistics and Language Change. Cambridge, 1997a.
- Lass R.* Old English. A Historical Linguistic Companion. Cambridge, 1997b.
- Lass R.* Phonology and Morphology // The Cambridge History of the English Language / edited by Roger Lass. Cambridge: Univ. Press, 1999. Vol. 3: 1476–1776 p. P. 56–186
- Lee D. W.* Functional Change in Early English. 1948.
- Lehmann Ruth P. M.* Ogham: The Ancient Script of the Celts // The Origins of Writing. 1990. P. 159–170.
- Lehmann Chr.* Thoughts on grammaticalization. LINCOP studies in Theoretical Linguistics 01. Munchen [i.e.] Unterschleissheim; Newcastle: LINCOP EUROPA, 1995.
- McCrum R., Cran W., MacNeil R.* The Story of English. L.; Boston: BBC Publications, 1986.
- McDowall D.* An Illustrated History of Britain. Hong Kong, 1997.
- McMahon April M. S.* Understanding Language Change. Cambridge, 1996.
- Mencken H. L.* The American Language. N. Y.: Alfred a Knopf, 1963.
- Mills Carl.* American Grammar. Sound, Form, and Meaning / American Univ. Studies. Ser. 13. N. Y., 1990.
- Morton A. L.* A People's History of England. N. Y., 1979.
- Mufwene Salikoko S.* The Ecology of Language Evolution. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Murray Robert W., Theo Vennemann.* Sound Change and Syllable Structure in Germanic Phonology // Language. Vol. 59. № 3 (Sep., 1983). P. 514–528.
- Nist J.* A Structural History of English. N. Y., 1966.
- Opalinska M.* Compensatory lengthening in Old English // Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae. 2004. Vol. 25. № 1–2. P. 235–252.

Page R. I. An Introduction to English Runes. London: Methuen and CO LTD; Cambridge: Univ. Printing House, 1973.

Plag Ingo. Syntactic Information and the Semantics of Derivational Morphological Rules // *Folia Linguistica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae.* 2004. Vol. 38. № 3–4. P. 193–226.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. M.: Vysšaja Škola, 1982.

Quirk R., Wrenn C. L. An Old English Grammar. L., 1957.

Rastorguyeva T. A. A History of English. M., 1983.

Salway P. Roman Britain (c. 55 BC – c. AD 440) // *The Oxford Illustrated History of Britain* / Ed. by Kenneth O. Morgan. Oxford, 1995. P. 1–51.

Saunders J. Chaucer's Canterbury Tales. L., 1889.

Schlauch M. English Medieval Literature and its Social Foundations. Warszawa PWN, 1967.

Schneider Edgar W. Postcolonial English Varieties around the World. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2007.

Schreier D. Past *BE* in Tristan da Cunha: The Rise and Fall of Categoricity in Language Change // *American Speech.* 2002a. Vol. 77. № 1. P. 70–99.

Schreier D. Tracing the history of dialect transplanted in post-colonial English: 3rd person singular zero on Tristan da Cunha // *Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae.* Berlin: Mouton de Gruyter, 2002b. Vol. 23. № 1–2. P. 115–132.

Shaposhnikova I. V. A History of the English Language. The Early Period (Linguo-ethnic Approach). Irkutsk, 1997.

Skeat W. W. English Dialects from the Eighth Century to the Present Day. Cambridge: Univ. Press, 1912.

Sprockel C. The Language of the Parker Chronicle. Phonology and Accidence. 'S-Gravenhage Martinus Nijhoff, 1965. Vol. 1.

Sweet H. A New English Grammar. Logical and Historical. Oxford, 1958.

The Cambridge History of the English Language / Ed. by Richard M. Hogg. Cambridge: Univ. Press, 1998. Vol. 1: The beginnings to 1066.

The Cambridge History of the English Language / Ed. by N. Blake. Cambridge: Univ. Press, 1998. Vol. 2: 1066–1476.

The Cambridge History of the English Language / Ed. by R. Lass. Cambridge: Univ. Press, 1999. Vol. 3: 1476–1776.

The Cambridge History of the English Language / Ed. by R. Burchfield. Cambridge: Univ. Press, 1994. Vol. 5. English in Britain and Overseas: origins and development.

Trudgill P., Gordon E., Lewis G., MacLagan M. Determinism in new-dialect formation and the genesis of New Zealand English // *J. Linguistics* Cambridge Univ. Press. 2000. Vol. 36. P. 299–318.

Upton C., Widdowson J. D. A. An Atlas of English Dialects. Oxford Univ. Press, 1996.

Van Coetsem F. Ablaut and Reduplication in the Germanic Verb. Heidelberg, 1990.

Versloot Arjen P. Why Old Frisian is still quite old // *Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae*. 2004. Vol. 25. № 1–2. P. 253–298.

Vogel Petra M. Grammaticalisation and part-of-speech systems // *Approaches to the Typology of Word Classes* / Ed. Petra M. Vogel, Bernard Comrie. N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 259–284.

Wischer Ilse. Will and shall as markers of modality and / or futurity in Middle English // *Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae*. Vol. 29. № 1. P. 125–143.

Wolfram W., Schilling-Estes N. *American English. Dialects and Variation*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.

Wyld Henry Cecil. *A Short History of English*. L., 1929.

Yule G. *The Study of Language. An Introduction*. Cambridge: Univ. Press, 1985 (и более поздние издания).

Исторические словари.

Тексты письменных памятников и их переводы

Bantam – A Bantam Dual-Language Book. Chaucer. *Canterbury Tales* / Ed. by A. Kent Hieatt and Constance Hieatt. N. Y., 1964.

Bede – Bede. *Ecclesiastical History of the English People with Bede's Letter to Egbert and Cuthbert's Letter on the Death of Bede* / Transl. by Leo Sherley-Price, revised by R. E. Latham. Penguin Books, 1990.

Beowulf – *Beowulf with the Fight at Finnsburg* / Rev. and enl. ed. Wrenn C. L. L., 1958

Bosworth – Bosworth J., Toller T. N. *An Anglo-Saxon Dictionary* / Ed. and enlarged by T. N. Toller. L.: Oxford Univ. Press, 1973.

Chaucer G. – *The Canterbury Tales. A Selection* / Ed. by D. R. Howard. The Signet Classic from New American Library. L., 1969.

Chaucer – *A Chaucer Glossary* / Comp. by N. Davis, D. Gray, P. Ingham. Oxford, 1979.

Elene – *Cynewulf's Elene* / Ed. by P. O. E. Gradon. L., 1958.

EMEVP–*Early Middle English Verse and Prose* / Ed. by J. A. W. Bennett and G. V. Smithers with a glossary by N. Davis. Oxford: Clarendon Press, 1988.

Fisiak – *An Early Middle English Reader (12th–13th century)* / Texts selected and provided with notes and glossary by Jacek Fisiak. Lodz, 1961.

Fowler – *Old English Prose and Verse. A Selection* / Ed. by R. Fowler. L., 1978.

Gordon – Gordon R. K. *Anglo-Saxon Poetry* / Selected and Transl. by Prof. R. K. Gordon. L., 1930.

Hall – Hall J. R., Clark A *Concise Anglo-Saxon Dictionary*. Cambridge, 1962.

Hornby – Hornby A. S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. 7th ed. Oxford Univ. Press, 2005.

- Helsztynski** – Stanislaw Helsztynski. *Specimens of English Poetry and Prose*. Warszawa, 1966.
- Ingram** – *The Anglo-Saxon Chronicle* / Transl. By the Rev. James Ingram. L., 1917.
- Johnson** – Johnson S. *A Dictionary of the English Language*. In 2 Volumes. 1785.
- Klein** – Klein E. A. *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*. Amsterdam, 1971.
- [**Lehnert 1955** – [Lehnert M. *Poetry and Prose of the Anglo-Saxons*. Berlin, 1955.
- [**Lehnert 1956** – [Lehnert M. *Poetry and Prose of the Anglo-Saxons*. Dictionary. Berlin, 1956.
- LDCE** – *Longman Dictionary of Contemporary English*. Longman, 1992. Vol. 1–2.
- Minor** – *The Anglo-Saxon Minor Poems* / Ed. by E. Van Kirk Dobbie. N. Y., 1942.
- Orosius** – *King Alfred's Orosius* / Ed. by H. Sweet. L., 1883.
- Partridge** – Partridge E. *Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English*. L., 1978.
- Pastoral Care** – *King Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care*. L., 1934.
- Plummer** – Plummer Ch. *Two of the Saxon Chronicles Parallel with supplementary extracts from the others*. Vol. 1–2. Oxford, 1899.
- Rybakin** – Rybakin A. I. *A Dictionary of English Surnames*. M., 1986.
- Sermo** – *Wulfstan. Sermo Lupi ad Anglos* / Ed. by Dorothy Whitelock. L., 1952.
- SOED** – *The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles* / Rev. and ed. by C. T. Onions. Oxford, 1964.
- Shakespeare** – *The Complete Works of William Shakespeare*. Wordsworth Editions Ltd., 1994.
- Skeat** – Skeat W. W. *A Concise Etymological Dictionary of the English Language*. Oxford, 1927.
- Spec. of EE** – *Specimens of Early English with Introductions, Notes, and Glossary Index* / Ed. by the Rev. Richard Morris. Oxford: Clarendon Press, 1935.
- Sweet** – Sweet H. *The Student's Dictionary of Anglo-Saxon*. Oxford, 1998.
- Whitelock** – *The Anglo-Saxon Chronicle* / Ed. by Dorothy Whitelock. Spottiswoode, 1961.

Сокращения и символы

abl. = ablative
acc. = accusative
AD = Anno Domini
adj. = adjective
adj.(ja). = adjective (of the ja-declension)
Angl. = Anglian (dialect)
adv. = adverb
art. = article
āe = [æ̃]
A_f = affixational morpheme (inflection)
A_p = affixational morpheme (prefix)
A_s = affixational morpheme (suffix)
BC = before Christ
c. = circa (about)
č = [tʃ]
čg = [dʒ]
cf. = (Lat.) confer (compare)
comp. = comparative
conj. = conjunction
correl. = correlative
dat. = dative
def. = definite
dem. = demonstrative
etc. = (Lat.) etcetera (and the rest; and so on)
f. = feminine (noun)
f (i). = feminine noun of the i-declension
f (īn). = feminine noun of the īn-declension
f (jō) = feminine noun of the jō-declension
f (n) = feminine noun of the n-declension
f (ō) = feminine noun of the ō-declension
f (r) = feminine noun of the r-declension
f (u) = feminine noun of the u-declension
f (uml.) = feminine noun of the root-declension

---

f (wō) = feminine noun of the wō-declension
gen. = genitive
Gmc. = Germanic
IC. = immediate constituent
i.e. = (Lat.) id est (that is)
imp. = imperative
ind. = indicative
indef. = indefinite
inf. = infinitive
instr. = instrumental
interj. = interjection
ir. = irregular
Lat. = Latin
lit. = literal(ly)
m. = masculine (noun)
m (a) = masculine noun of the a-declension
m (i) = masculine noun of the i-declension
m (ja) = masculine noun of the ja-declension
m (n) = masculine noun of the n-declension
m (r) = masculine noun of the r-declension
m (uml.) = masculine noun of the root-declension
Mid. E = Middle English
Mod. E = Modern English
N. = noun
n. = neuter (noun)
n (a) = neuter noun of the a-declension
n (ja) = neuter noun of the ja-declension
n (n) = neuter noun of the n-declension
n (s) = neuter noun of the s-declension
n (þ) = neuter noun of the þ-declension
n (wa) = neuter noun of the wa-declension
nom. = nominative
Nth. = Northumbrian (dialect)
num. = numeral
O.E. = Old English
O.N. = Old Norse
opt. = optative
orig. = original(ly)
1^t p. = first person
2nd p. = second person
3^d p. = third person

- p.(pp.) = page(s)
p.p. = past participle
part. (gen.) = partitive (genitive)
partic. = participle
pl. = plural
pref. = prefix
prep. = preposition
pres. = present
pret. = preterite
pret.pres. = preterite-present
prob. = probably
pron. = pronoun
R = root
reg. = regular
rel. = relative
Rus. = Russian
sg. = singular
str. = strong (verb)
subj. = subjunctive
sup. = superlative
Ð, ð, þ, ð = [θ – ð]
uml. = umlaut (mutation)
v. = verb
voc. = vocative
w. = with
wk.2 = weak (verb of the second class)
W.S. = West Saxon (dialect)
> = develops diachronically into
< = comes from, coming from
* = an asterisk preceding a word indicates a reconstructed form (in accordance with the customary practice of comparative philologists), unattested by textual evidence
→ = an arrow; indicates semantic development into

Глоссарий ¹

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

Аа

Ā, Ō adv. (for)ever, always, at any time
ĀBERAN str. 4 to bear away, carry off, take away, remove
ĀC f (uml.) oak; name of the rune for 'a'
ĀCWÆNĀCAN, ĀCWENĀCAN wk.1 to quench, extinguish
ĀCYPAN wk.1 to make known, declare
ĀF(E)ALLAN str. 7 to fall, fall off or away, decay
ĀGAN pret.pres. to own, possess, have, hold, have control over; ĀGE sg. pres. opt.
ĀGEN adj. own, proper, peculiar; orig. p.p. of ĀGAN
ĀGĒTAN (Angl.), ĀGĪ(E)TAN (W.S.) wk.1 to waste, destroy, slay
ĀHEBBAN str. 6 to lift up, raise, exalt; draw, remove; ĀHŌF 1, 3 sg. pret.
ALD (EALD) adj. old, ancient
ĀLEČĀCAN wk.1 to lay (down), put away, give up; ĀLEGDUN pl. pret.
ĀLEGDUN>ĀLĒDON
ĀLIČĀCAN str. 5 to fall, rest, cease, fail, perish
ALL, EALL adv. fully, wholly, entirely, quite
ALLE adj. nom., acc. pl. of EALL
ALLMECTIG, ALMEGTIG, EALMIHTIG adj. almighty (God)

---

¹ При составлении словаря использовались следующие источники: *Bosworth J., Toller T. N. An Anglo-Saxon Dictionary.* L., 1973; *A Chaucer Glossary / Comp. by N. Davis, D. Gray, P. Ingham.* Oxford, 1979; *Early Middle English Verse and Prose / Ed. by J. A. W. Bennett, G. V. Smithers with a glossary by Norman Davis.* Oxford, 1988; *Fowler R. Old English Prose and Verse. An annotated selection with introductions and notes.* L.: Routledge and Kegan Paul, 1978; *Lehnert M. Poetry and Prose of the Anglo-Saxons. Dictionary.* Berlin, 1956; *Middle English Dictionary / Ed. Hans Kurath.* – Ann Arbor, Mich.: Univ. Press, 1963–1982; *The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / Rev. and ed. by C. T. Onions.* Oxford: Clarendon Press, 1964; *Sweet H. The Student's Dictionary of Anglo-Saxon.* Oxford Clarendon Press, 1998.

- AN, ON prep. w. dat., instr. (implying rest) or acc. (implying motion) on, in, into, at, among, from, by, of, against, towards
- ĀN num., indef. art. – one, a certain (one), single, only, alone, a(n) ĀN (unstressed form) a certain (one), single, only, alone; ĀNE acc.sg.f. of ĀN; ĀNE ‘alone, only’ instr. sg. of ĀN
- AN, ON adv. on
- AND, OND conj. and, but
- AN(D)FENG m(i) seizing, taking, receiving, illegal occupation (of land, etc.); reception, admission
- ANDGIT n(a) understanding, intelligence; sense, meaning
- ANDGITFULLĪCOST adv. sup. most intelligibly
- ANDSWARIAN, OND- wk.2 to answer, reply
- ANDSWARU f(ō) answer, reply
- ANGELCYN(N) n(ja) the English race of people, England
- ANGELPĒOD f(ō) the English people, England
- ĀNLĪ(E)PE (ja) going alone, single, solitary, separate; individual, private; ĀNLĒPNE acc. sg. m.; ĀNNE ĀNLĒPNE NE ‘not a single one’
- ĀNMŌD adj. unanimous, resolute; bold, fierce; proud
- ĀNRĀED adj. unanimous, resolute
- ĀNRĀEDLĪČE adv. unanimously, resolutely
- ĀRĒDIAN wk.2 to find (one’s way), hit upon, devise, understand
- ANTECRĪST m(a) Antichrist, the great personal enemy and opponent of Christ
- ĀR f(ō) honour, favour, kindness, help, grace, mercy; landed property, possessions
- ĀR f(ō) oar
- ĀRĀEDAN wk.1 to determine, decide, settle, decipher, interpret, read
- ARĀEDNESSE f(jō) utterance, decision, reading, interpretation
- ĀREČČ(E)AN wk.1 to explain, declare, say, tell, translate
- ĀRHWÆT adj. eager for honour, gallant
- ĀRĪSAN str.1 to rise, arise, originate
- ĀSTELLAN, ONSTELLAN wk.1 to establish, cause, start
- ĀSTĪGAN str. 1 to ascend, (a)rise, climb up, increase
- ĀSWEBBAN wk.1 ‘to put to sleep’, kill
- ĀTĒON str. 2 to draw off, out, from, or away, remove; ĀTUGE sg. pret. opt.
- ĀWEČČAN wk.1 to awake, rouse, incite, excite; ĀWEHTE (Angl.),
- ĀWEAhte (W.S.) 1, 3 sg. pret. (opt.)
- ĀWENDAN wk.1 to avert, pervert, remove, change, alter, turn from; translate
- ĀWIHT, ŌWIHT, ĀHT, OHT indef. pron. aught, anything, something; good of value
- ĀWRĪTAN str. 1 to write (down), write out, compose, describe
- ĀÐ m(a) oath
- ĀE, ĀEW f(i) law (divine or human), custom, faith, marriage; religion, Scripture
- ĀEFÆST adj. upright, pious, religious

- ÆFÆSTNES(S) f(jō) religion, devotion, piety
 ÆFEN (W.S.), ĒFEN (Angl.) mn(ja) eve, evening
 ÆFRE adv. ever, always; never (in negative clauses)
 ÆFTAN adv. (from) behind, in the rear
 ÆFTER adv. after, then, afterwards
 ÆFTER prep. after, along, through, among, on, following, in consequence of, in accordance with, according to, for, about, over (w. dat. or acc.); ÆFTER ÐŌN (ÐĀEM, ÐĀM, ÐISSUM) thereafter, thereupon, afterwards
 ÆFTERSPYRI(GE)AN wk.1 to follow, inquire after, examine
 ÆEGHWĀ m., ÆEGHWÆT n. pron. every, one, everything
 ÆEGHWĀER, ĀHWĀR adv. everywhere, at any time; ever
 ÆEGHWYLĈ, -HWILĈ, -HWELĈ indef.pron. each, every, every one, any
 ÆEGÐER GE...GE both...and
 ÆELĈ, ÆELC pron. any, every, each (one), all
 ÆENIG adj. any
 ÆENLĪĈ adj. unique, peerless, beautiful, excellent, glorious
 ÆPLEDE GOLD adj. apple-shaped, round, or embossed gold
 ÆER conj. ere, before
 ÆER prep. (w. dat.) before
 ÆER adv. (comp.) formerly, earlier, previously; ÆER conj. (w. indic. or opt.) ere, before; ÆER ÐĀM (ÐĀEM, ÐĀN) ÐE before
 ÆRĈEBISCEP, ARĈEBISC(E)OP m(a) archbishop
 ÆERENDE n(ja) errand, message, mission
 ÆERENDGEWRIT n(a) written message, letter
 ÆERENDWRECA m(n) messenger, envoy, ambassador
 ÆEREST adv. (sup.) first, first of all, at first
 ÆES (W.S.), ĒS (Angl.) n(a) food, carrion, carcass
 ÆESC m (a) ash-tree, spear; name of the rune for 'Æ'
 ÆESTEL m(a) book-mark
 ÆET prep. (w. dat.) at, near, in, upon, into, toward, by, through, from
 ÆETBERSTAN str. 3 to break (away), escape; ÆETBÆRST 1, 3 sg. pret.
 ÆETFORAN prep. (w. dat.) before, previous to; in the presence of, in front of
 ÆTGÆD(E)RE adv. together, united
 ÆTSAMNE, ÆTSOMNE adv. together
 ÆPELE (ja) noble, excellent, honoured
 ÆPELING m(a) nobleman, noble retainer, prince, hero, man, warrior; Lord
 ÆEWISCMŌD abashed, disgraced
 (GE-)ĀEMETIGIAN wk.2 (w. g.) to free, disengage, be vacant, be at leisure

Bb

BACAN str. 2 to bake

BĀN n(a) bone, the bone of a limb; whalebone, ivory

BÆC n(a) back

BÆCBORD n(a) port (side), left side of a ship (looking forward)

(Ge-)BĀEDAN wk.1 to urge on, force, constrain, solicit, require

BÆRNAN wk.1 to burn

BE, BI prep. (w. dat., instr.) by, beside, on, among, about, along, near, to (local); during (temporal); with, by, in, about, according to, concerning (extended use)

BĒAG, BĒAH m(a) ring (as ornament and as money), circlet, armband, bracelet, treasure

BĒAGGYFA, BĒAHGIFA m(n) treasure-giver, lord, king

BEARN n(a) child, son

BEBĒODAN str. 2 (w. dat.) to bid, prescribe, command, order; entrust;

BEBĒAD 1, 3 sg. pret.

BEBYČĜAN wk.1 to sell; BEBOHTE 1, 3 sg. pret.

BECUMAN str. 4 to come (upon), meet with, happen to, arrive, befall

BEDĀELAN wk.1 (w. dat., instr. of thing) to deprive of

BEDRĒOSAN str. 2 to deceive, seduce, drive, fall; deprive of, bereave of (w. instr.)

BEFÆSTAN wk.1 to fix, secure, make safe; commit, entrust, hand over to. BEFÆSTE sg. pres. opt.

BEFORAN prep. (w. dat. or acc.) before, in front of; BEFORAN ÞISSUM (dat. sg.) before this (time)

BEFORAN adv. before, in front

BEFULLAN adv. entirely, completely, perfectly

BĒGEN m., BĀ f., BŪ and BĀ n. both; where one thing or person is m. and the other f. or n., the nom. is BĀ or BŪ

BEGĒOTAN str. 2 to pour over (upon, into), to infuse; suffuse, cover

BEGI(E)TAN str. 5 (w. acc.) to get, receive, take, acquire, find, obtain; happen to, befall, come upon; BEGĒATAN pl. pret.

BEGIONDAN, BEGEONDAN prep. (w. dat.) beyond, on the other or further side (of)

BEH(E)ALDAN str. 2 to hold, guard, possess, occupy; behold, see, observe, look at; BEHĒOLD 1, 3 sg. pret.

BEHINDAN prep. (w. dat.) behind

BEHINDAN adv. behind

BEHIONAN prep. (w. dat.) on this side (of)

BEHRĒOSAN str. 2 (w. nstr.) to cover (with)

BELĪFAN str. 1 to remain, be left; BELYFON pl. pret.

(Ge-)BĒODAN str. 2 to offer, announce, show, give, grant; bid, order, command; BĒAD 3 sg. pret.

BĒON, BĪON v. in -mi to be, exist, grow, become, happen; BYP is the unstressed form of BIP; in the "Runic Poem" (N 13) BYP is used in the sense of 'seems'
 BE(O)RHT, BRIHT adj. bright, shining, splended, magnificent; clear (of a voice)
 BEORHTLĪČ adj. brilliant, clear, shining
 BEORN m(a) man, warrior, hero; rich man
 (ge)BĒORSCIPE m(i) banquet, feast
 BESTĪ(E)MAN, BESTYMAN (W.S.), BESTĒMAN (Angl.) wk.1 to (make) wet, bedew
 BESŪPAN adv. in the south, southwards
 BESWĪCAN str. 1 to deceive, seduce, overcome; BESWĀC 1, 3 sg. pret.
 BET adv. (comp.) better
 (Ge-)BĒTAN wk.1 (w. gen.) to amend, improve, make good, make amends; pay compensation (for); make up (fire)
 BETST adv. in the best manner, most (sup.)
 BETST(A) sup. adj. of GŌD best
 BET(W)UH, BET(W)UX, BETWYX prep.(w. dat.) between, among
 BETYNAN wk.1 to hedge in, enclose, shut, close, finish, end
 BEPURFAN pret. pres. 3 (w. g.) to need, have need of, want
 BEWĀWAN str. 7 to blow (upon); BIWĀUNE p.p.pl.
 BEWRĒON str. 1 to cover (up), hide, enwrap; BIWRĀH 1, 3 sg. pret.
 (Ge-)BĪDAN str. 1 to await, endure, experience, live to see; stay, remain; wait or look for, await, expect (w. gen. or following clause); (ge-)BIDEN p.p.
 (ge)BIND n(a) binding, fetter; WAPEMA GEBIND 'the frozen waves'
 BISCEP, BISC(E)OP m(a) bishop, high-priest
 BISCEPSTŌL m(a) bishop's see, bishopric
 BISMER, BYSMOR mfn. humiliation, disgrace, insult, reproach, scorn; BISMRA gen. pl. of BISMER
 BISMERIAN wk.2 to mock, insult, revile
 BLĀC adj. pale, white, shining
 BRĀD adj. broad, white; BRĀDRE comp.
 BLĀED (W.S.), BLĒD (Angl.) m(a) prosperity, riches, power, renown, glory; enjoyment, vigour of life; blessing
 BLŌD n(a) blood vein
 BŌC f(uuml.) book, document, charter, Bible; pl. BĒČ
 BŌCERE m(ja) scribe, writer, scholar
 BŌCLAND n(a) land held by a special charter, private land (in contrast to FOLCLAND or land of the community)
 BOHTIMBER n(a) bow-timber (for angles and arches) (BŌGIAN + TIMBER)
 BŌGIAN wk.2 to dwell, inhabit
 BOLTTIMBER n(a) timber for building
 BORD n(a) plank, table, side (of a ship), ship
 BORD n(a) edge, shield

- BORDWEAL(L) m(a) 'shield-wall'; (protecting) shield
 BŌSM m(a) bosom, breast, womb, interior
 BŌT f(ō) help, relief, remedy, amendment, reform; compensation (for an injury or wrong)
 BRECAN str. 4 to break (up), burst, tear; take by storm (mil.), capture (city); injure, violate
 BREGU, BREGO m(u) chief, lord, ruler, king
 (Ge-)BRENGAN wk.1 to bring, produce, lead
 BRĒOST (mostly in pl.) f(ō), n(a) breast, heart, mind
 BRIM n(a) flood, sea, water (of sea, lake); BRIMU nom., acc. pl.
 (Ge-)BRINGAN str. 3 to bring, carry, lead, present, offer; FORÐ BRINGAN to bring forth, produce, accomplish; (GE-)BRŌHTE 1, 3 sg. pret.
 BRŌÐOR m(r) brother
 Ge-BRŌÐOR m(r) pl. brothers
 BRŪCAN str. 2 (w. gen. or w. instr.) to use, make use of, enjoy, possess
 BRYČE, BRIČE m(i) breach, breaking, fracture; injury
 BRYČE, BRIČE m(i) use, profit, gain, advantage
 BRYNE m(i) burning, fire, flame, heat, fervour, passion; hell
 BRYTTA m(n) distributor, dispenser
 BRYTTIAN wk.2 to distribute, allot, dispense; tear in pieces
 BŪAN ir.(some strong and weak forms) live, dwell in, cultivate; BŪGEAÐ 3 pl. pres.; BŪDE 3 sg. pret.
 (GE-)BŪGAN str. 2 to bow, bend, turn, stoop, incline, sink; to go over, submit
 BUNE f(n) cup, goblet
 BURH, BURG, BYR(I)G f(uml.) fortified place, fortress, castle, palace, walled town, dwelling surrounded by a wall or rampart of earth; a city, town, burgh, borough
 BURGBRYČE m(i) breaking into a (fortified) dwelling; penalty for that offence: the houses of the upper classes and even of the small farmers were surrounded by a ditch and rampart.
 BURGWARAN, -WARE, -WARU pl. townsmen, citizens
 BŪTON, BŪTAN prep. (w. dat. and w. acc.) (all) but, without, except, apart from, out of, without, outside of, off; conj.(w. indicative) except (that), but (that), only; conj. (w. opt.) but, unless, save that, if not
 BŪTON, BŪTAN adv. without, outside
 BYRNAN, BI(E)RNAN (W.S.), BIORNAN, BEORNAN (Angl.) str. 3 to burn
 BYRNWIGA m(n) 'corslet-warrior', warrior (wearing corslet)
 BYRST m(i) calamity, loss, injury
 BYTLING f(ō) building, constructing
 BYRÐEN(N) f(jō) burden, load, weight

BYSEN f(ō), n(a) example, pattern, model; BE PÆERE BYSENE 'by the original manuscript'; in the days before printing we often find such exhortations to copyists to adhere strictly to the original.

BYS(I)GU f(n) affliction, distress, trouble, care, occupation; BISGUM instr. pl.

Cc

CAMP mn(a) battle, fight, warfare

CAMPSTEDE m(i) battle-field

CASTEL m(a) castle, fort, fortified camp

ČĒAP m(a) price, bargain; cattle, live-stock, property

ČEARWELM m(i) seething of sorrow, sorrowful or anxious emotion

CEMPA m(n) champion, fighter, warrior

CĒN m(a) resinous pine-wood; torch

C(ĒN) m(a) torch; name of the rune for 'c'

CENT f(jō), Gentland n(a) Kent

ČEORFAN str. 3 to carve, hew (out), cut

ČEORL m(a) (common) man, free peasant (contrasted with eorl)

(GE-)ČĒOSAN str. 2 to choose, select, obtain, decide

ČIRIČE f(n) church, religious community

ČI(E)R(R), ČYR(R) (W.S.), ČER(R) (Angl.) m(i) turn, change, occasion, time, tide

(GE-)ČI(E)RRAN, -ČYRRAN (W.S.), -ČERRAN (Angl.) wk.1 to turn (oneself), go, come, return, change;

(GE)ČYRRED p.p.

CLĀENE adj. (ja) clean, clear, pure

CLĒOFAN str. 2 to cleave, split, separate; CLUFAN pl. pret.

(GE-)CNĀWAN str. 7 to know, learn, understand, recognize

CNEAR(R) m(a) small ship, galley (of the ships of the Northmen)

CNĒOMÆG m(a) kinsman; pl. ancestry, lineage

CNĒO(W) n(wa) knee, generation; gen. CNĒOWES

CNYSSAN wk.1 to dash against, batter, strike, smite, beat, (op)press

CONDEL, CANDEL f(ō) candle, light

CORŌNA (Lat.) f crown

COTLĪF n(a) cottage, house, dwelling

CRĒ(A)CAS m(a), CRĒCE m(i) pl. the Greeks, i.e. the inhabitants of the Eastern Roman Empire

(GE-)CRINGAN str. 3 to fall (in battle), sink, die, perish, collapse;

(GE-)CRONG 1, 3 sg. pret.; CRUNGON pl. pret.

CRISTEN adj. Christian

CRŪDAN str. 2 to press forward, hasten, drive (esp. of a ship); CRĒAD 1, 3 sg. pret.

CŪ f (uml.) cow

CUMAN str. 4 to come, go, depart; CWŌM 1, 3 sg. pret.; CWŌMAN, CWŌMON pl. pret.
 CUNNAN pret. pres. to be or become acquainted with, know (how to), be able; CŪPAN(ON) pl. pret.
 (GE-)CUNNIAN wk.2 (w. gen.) to experience, try, make trial of, explore
 CŪP adj. (well)known, familiar
 CWĒN f(i) queen, wife of a king, lady, wife
 (GE-)CWEPAN str. 5 to say, speak, declare, order; make over, assign; CWÆP 1, 3 sg. pret.
 CWIC(O), C(W)UCU (u) alive, living
 CYĀGEL m(a) cudgel, stick
 CYNING m(a) king
 CYNG(C) late O. E. shortened form of cyning
 CYNINGCYN(N) n(ja) royal race, pedigree or family
 CYN(N) n(ja) kin, kind, kindred, sort, race, tribe, family
 GUMENA CYNN, ÆLDA CYNN, MANNA CYNN = mankind
 WĪFA CYNN = womankind
 (GE-)CYPAN wk.1 (w. dat.) to make known, declare, announce, show, display; GE-CYDD p.p.
 CYP(P)U f(ō) kinship, relationship, familiarity, acquaintance, friendship; home, native land

Dd

DAROP m(a) dart, spear, javelin
 DAROPA LĀF 'those left by spears, survivors of the battle'
 DĀED f(i) deed, act, action, doing
 DÆG m(a) day, time, life-time; name of the rune for 'd'; DAGAS pl.
 (Ge-)DÆGHWĀMLIČ adj. daily
 DĀEL m(i) part, portion, division, share, number, multitude; DĒL nom.,acc.sg.
 (GE-)DĀELAN wk.1 to deal, distribute, divide, share, part, separate
 DĒAP m(a) death
 DĒMA m(nj) judge, ruler
 DENE m(i) pl. The Danes
 DENNADE (occurs only in 'Brunanburh', N12) 3 sg. pret. from *DENNIAN wk.2 to stream(?), or perh.
 *PĀNADE 'grew wet', from PĀN adj. 'wet'
 DĒOFOL mn(a) devil, demon
 DĒOP n(a) deepness, depth, abyss, hollow passage
 DĒOP adj. deep, profound, serious, important
 DĒOR n(a) (wild) beast, animal

DĒOR adj. brave, bold, fierce
 (GE-)DIHTIAN = ADIHTIAN wk.1(2) to compose, write, arrange, prepare, appoint,
 direct, make; ADIHTODE = ADIHTNODE pret.sg.
 DOHTOR f(r) daughter
 DŌM m(a) doom, judgement, judicial sentence, decree, ordinance, law; a ruling, gov-
 erning, command; might, power, domination, majesty, glory, magnificence, hon-
 our, praise, dignity, authority; will, free will, choice, option; sense, meaning, inter-
 pretation
 DŌMLĒAS adj. inglorious
 (GE-)DŌN v. in -mi to do, act, commit, put, place, make, render, cause, bring about;
 DYDE 1, 3 sg. pret.; DYDON pl. pret.
 DRAGAN str. 6 to draw, drag, go
 DRĒAM m(a) joy, rejoicing, delight, bliss
 (GE-)DRĒFAN wk.1 to stir up, disturb, trouble, afflict
 DRĒOGAN str. 2 to endure, suffer, experience; perform, carry out; DREAH 3 sg. pret.
 DRĒORIG adj. bloody, blood-stained; sad, sorrowful
 (GE-)DRĒOSAN str. 2 to fall, decay, decline, perish; (GE)DRĒAS 1, 3 sg. pret.
 DRĪFAN str. 1 to drive, expel
 DRIHTEN, DRYHTEN m(a) chief, lord, king; the Lord, God; DRYHTNE dat.sg.
 (GE)DRINC, DRYNC n(a), m(a) drink, drinking, beverage
 DRŪSIAN wk.2 to sink, be languid, become slow or inactive; DRŪSENDE partic. pres.
 *DURRAN pret.pres. dare; DORSTE 1, 3 sg. pret.
 DRYGE (ja) dry
 DUGUP f(ō) body of (noble or tried) retainers, noble company, royal household, pow-
 er, glory
 DWELIAN wk.2 to deceive, seduce, lead astray

Ee

ĒA f(uuml.), usually f(ō) water, stream, river; ĪE dat.sg.
 ĒAC prep. (w. dat.) together with, in addition to
 ĒAC adv. also, moreover
 ĒADNES(S) f(jō) happiness, prosperity
 EAFORA, EAFERA m(n) progeny, off-spring, son; (in a wider sense) pl. retainers, men
 EAHTIAN wk.2 to consider, deliberate; watch over, rule; esteem, praise
 ĒALĀ interj. Oh! Ah!
 ĒALAND, ĒALOND m(a) island, isle
 (E)ALD adj. old, ancient
 EALDORLANG adj. lifelong, eternal
 EALDORMON(N) m(uuml.) prince, nobleman, chief, earl
 (E)ALGIAN wk.2 to protect, defend

- (E)ALL adj. all, every, entire, whole
 EALL see ALL
 EALNEG see WEG
 ĒAR m(a) earth; name of the rune for 'ēa'; in Northumbria, where these diphthongs were confused, it is used for 'ēo' as well as for 'ēa'
 EARD m(a) (native) land, abode, dwelling-place, estate, home, country
 EARDIAN wk.2 to dwell, remain, inhabit
 EARFOPLĪČ adj. full of hardship, in distress
 EARGEBLAND n(a) 'wave-blend', surge
 EARM m(a) arm
 EARM adj. poor, wretched, miserable
 EARMČEARIG adj. wretched, sorrowful
 EARN m(a) eagle
 (GE-)EARNIAN wk.2 to earn, merit, deserve, win
 EARNUNG f(ō) earning, desert, merit, reward;
 MID MICLAN EARNUNGAN 'most deservedly'
 ĒAST adj. east, eastern, easterly, eastward
 ĒAPE, YPE adv. easily
 ĒAPMÖDLĪČE adv. humbly, respectfully, kindly
 ĒČE (ja) eternal, everlasting
 EČĜ f(jō) edge, point, sword
 EDOR m(a), EODOR (w. velar uml.) enclosure, fence, gate, dwelling, protection, house, protector, prince; EDERAS nom., acc. pl.
 EDORBRYČE m(i) fence-breaking, house-breaking
 EDWĪT n(a) reproach, shame, disgrace
 EFNE, EMNE adv. even, just
 EFT, ÆFT adv. again, back again, afterwards, in turn, then, on the other hand
 ELCUNG f delay
 ELLEN n(ja) strength, vigour, valour, power, courage, fortitude; ELNE with strength, power, or courage, strongly, powerfully, courageously
 ELLENWÖDNIS(S) f(jō) zeal, ardour, fervour
 ENDE m(ja) end, ending; death; part, district, region
 (GE-)ENDIAN wk.2 to end, finish, bring or come to an end; die
 ENGE (ja) narrow, anxious, painful
 ENGLE m(i) pl., ENGLAN m(n) pl. the Angles
 ENGLISC adj. English
 ĒODE 1, 3 sg. pret.; ĒODON, ĒODAN pl. pret. of GĀN
 E(O)H m(a) horse; name of the rune for 'e'
 ĒOH (ĪOH), ĪW, ĒOW m(a) yew-tree; name of the rune for 'ēo(īo)'
 EOLH m(a) elk; name of the rune for Gmc. 'z', which became 'r' in West Gmc. (O.E.)
 ĒOREDCYST f(i) choice troop

EORL m(a) man, warrior, hero, nobleman, earl
 EORPE f(n) earth, world, ground, soil; ERTAE prob. Early Nth.
 ĒOWER poss. pron. your
 ĒPEL m(a) country, native land, territory, inherited domains, home, estate; name of the
 rune for 'ōe'

Ff

(GE-)FĀH, – FĀG m(a) foe, enemy; (GE-)FĀN wk. nom., a.pl. of (GE-)FĀH
 (GE-)FARAN str. 6 to go, depart, die
 FÆDER m(r) father; Father (of the Church); the Father (God)
 FĀEGE (ja) doomed to die, fated, near death
 GE-FÆG(E)N (w. gen.) glad, rejoicing
 FĀEGER adj. fair, beautiful, lovely; FEGRUM d. pl. of FĀEGER
 FÆGERE adv. fairly, pleasantly, fittingly, well, beautifully
 FÆSTNUNG f(ō) firm support, security
 FĒA, pl. FĒAWE (wa) few, a few
 Ge-FĒA m(n) delight, joy, happiness, gladness, favour, glory
 FEALU, FEALO adj. (wa) fallow, dark, brown-yellow; pale-yellow shading into red or
 brown
 FELA, FEALA, FEALO adj. (w. gen.) many, much
 FELA, FEALA adv. much
 FELAFRĒCNE (ja) very savage, very dangerous
 FELD m(u) open or cultivated land, plain, field (of battle)
 FEOH n(a) cattle, living animals; cattle being used in early times as a medium of ex-
 change, hence money, value, price, hire, stipend, fee, reward; as property chiefly
 consisted of cattle, hence goods, property, riches, wealth; name of the rune for 'f'.
 FĒOS gen.sg.
 (ge-)FEOHT n(a) fight, battle
 (GE-)FEOHTAN str. 3 to fight
 FĒ(O)LAN str. 3 to penetrate; FYLTH 3 sg. pres.
 FE(O)LLAN str. 3 to cleave, enter, pass into, through, or over
 FEOND, FIOND m. substantivized partic. pres. Fiend, foe, enemy, wicked man, devil
 FE(O)RH mn(a) life, soul, spirit; a living being, person
 FEORHLEGE f(i) portion of life, allotted span of life
 FEOR(R) adv. far, afar, far back (time)
 FĒORE d. sg.; FĒORES g. sg. of FE(O)RH
 FEORM, FIORM f(ō) food, sustenance, taking care of; profit, use
 FEORRAN adv. from afar, from a distance, from far back (time)
 (ge-)FĒERA m(n) companion, comrade; TŌ GEFĒERAN 'as a companion'

- (GE-)FĒRAN wk.1 to go, walk, move, travel, pass, depart; to happen, come to pass; reach, attain; experience, suffer
- FĒRE adj. (ja) able to go, fit for (military) service
- FERGEN-BERIG ?N ?hill, ?high shore
- FERS mn(a) verse, sentence
- FERPLOCA m(n) breast, heart, secret thoughts
- FETER f(ō) fetter, bond
- (GE-)FETIAN, late OE FEČČAN wk.2 to fetch, bring (near), summon
- (GE-)FĒPRIAN wk.2 to load
- (GE-)FI(E)LLAN, -FYLLAN (W.S.), -FELLAN (Angl.) wk.1 to fell, strike down, kill, slay
- FI(E)RD, FYRD (W.S.), FE(O)RD (Angl.) f(i) army, military expedition, camp
- FINDAN str. 3 to find, obtain (by search or study), discover; FUNDEN p.p.
- FĪRAS m(ja) pl. men, human beings, mankind
- FISC n fish
- FISCERE m(ja) fisher, fisherman
- FLĒAM m(a) fleeing, flight
- FLĒOGAN str. 2 to fly, flee, take to flight; FLEAH 1, 3 sg. pret.
- FLŌD mfn. flood, stream, sea
- FLOT n(a) sea
- FLOTA m(n) boat, ship; seaman, sailor, (Scand.) pirate; fleet (especially of the Scandinavian pirates)
- (GE-)FLYMAN, -FLĪ(E)MAN (W.S.), -FLĒMAN (Angl.) wk.1 to put to flight, drive away or back
- FOLC n(a) tribe, army, people, nation; pl. common men or people, multitude
- FOLDE f(n) earth, ground; land, country; FOLDAN gen., dat., acc.sg.
- (GE-)FŌN str. 7 seize, grasp, get, take, capture; GE-FĒNG 1, 3 sg. pret.; (GE-)FĒNGON 3 pl. pret.; FŌN TŌ RĪČE to succeed to (or take) the throne
- FOR, FORE prep. (w. dat., instr.) before, in front of, in the presence of (local); for, instead of, because of, on account of (causal); before (temporal); for, as, on behalf of (w. acc.)
- FORAN adv. from the front, at the front
- FORBÆRNAN wk. 1 to burn (up), be consumed, consume by fire
- FORD m(u) ford
- FORE adv. before, formerly; once
- FORFARAN str. 6 to obstruct; FORFŌRON 3 pl. pret.
- FORGIEFAN str. 5 forgive, give, bestow, grant
- FORHERGIAN wk. 2 to plunder, ravage, devastate
- FORLĀETAN (WS), FORLĒTAN (Angl.) red. 1 to let go, surrender, abandon, leave (behind), lose; pardon, excuse FORLĒTON pl. pret.
- FORSTANDAN str. 5 to withstand, hinder, prevent; defend; to avail, be worth; under-stand; FORSTŌD 1, 3 sg. pret.

- FORÐ adv. forth, away; henceforth, thenceforth, forwards, onwards, all the time, continually; succeeding, preceding
- FORÐON, FORÐAN adv. for that cause, therefore, consequently
- FORÐRYČČAN wk.1 to press, oppress, suppress
- FORÐY, FORÐĪ adv. for that, therefore, consequently
- FORÐY, FORÐĪ conj. for that (this) reason, therefore
- FRAM, FROM prep. (w. dat.) from, away from, of, about, concerning
- (Ge-)FRÆGE adj. (ja) well-known, famous, renowned
- FRÆTWE, FRÆT(E)WA f(wō) pl. ornaments, ornamented armour or weapons, trappings, adornments, precious things, treasure
- FRĒA m(n) lord, the Lord (God), king, chief, ruler, husband
- FRĒCNE adj. (ja) audacious, daring; dangerous, terrible
- FRĒFRAN wk.1 to comfort, console
- (GE-)FREMMAN wk.1 to do, achieve, perform, accomplish; support, advance
- FREMSUMNES(S) f(jō) benefit, kindness
- FRĒO, FRĪO, FRĪOH adj. free, glad, noble
- FRĒOMÆG m(a) free or noble kinsman
- (GE-)FRĒON, -FRĒOGAN, -FRĪOGAN wk.2 to set free, liberate, love, honour
- FRĒONDLĒAS adj. friendless
- FREONDLĪČE adv. in a friendly manner, kindly
- FRĒORIG adj. freezing, frozen, cold
- FRĒOSAN str. 2 to freeze
- (GE-)FRICĠAN str. 5 to learn (by asking or inquiry), hear of
- FRŌD adj. old, wise
- FRŌFOR, FRŌFUR f(ō) consolation, solace, relief, comfort, help, refuge, profit, benefit
- FROM, FRAM adv. forth, away
- FRUMSCEAFT f(i) creation, beginning, origin
- FUGLIAN wk.2 to fowl, catch or kill birds
- FULL adv. fully, completely, entirely, perfectly
- FUL(L) adj. (w. gen.) full, complete, entire
- FULLUHT, FULWIHT mnf(i) baptism, Christianity
- FULNĒAH adv. almost
- FULTUM, FULTOM m(a) help, aid, assistance, support, succour; a helper, an army, forces
- FURÐUM, FURÐON adv. just (of time), only just, even, exactly, already, (at) first
- FŪS adj. eager to go, ready, hastening; ready for death; shining, brilliant
- (GE-)FYLCĠAN wk.2 to assemble, marshal
- (GE-)FYLLAN wk.1 (w. g.) to fill (up), fulfil
- FYR n(a) fire
- FYRDIAN wk.2 to go on an expedition
- FYRST, FIRST, FRIST m(i) space of time, time (granted for doing something), period

FYRSTMEARC f(ō) appointed time, space of time
 (GE-)FYSAN wk.1 to make ready, impel, incite; drive away, put to rout

Gg

(GE-)GAD(E)RIAN wk. 2 to gather, unite, assemble, collect
 GALGA (Angl.), GEALGA (W.S.) m(n) gallows, cross
 GAMEN, GOMEN n(a) joy, entertainment, amusement, sport
 GĀN v. in -mi to go, walk, move, hurry, proceed; GĀN prob. is a short form of GANGAN
 GĀR m(a) spear
 GASRIC ?m ?savage, ?beast, ?monster
 GĀESTLĪČ adj. appalling, terrible
 GE conj. and, also; GE...GE both...and
 GĒARA (orig. gen. pl. of the noun GĒAR) long since, in former times, once
 GEARDAGAS m(a) pl. days of yore; life-time
 GEARU, GEARO adj. (gen. GEARWES) (wa) ready, prepared
 GEAR(W)E adv. readily, certainly, fully, thoroughly, surely
 GE-LIMPFUL(L) adj. fitting, convenient. GE-LIMPFULRAN comp. (wk. a. sg.)
 GĒNA adv. still
 GEOGOP, GEOGUP f(ō) youth (abstract); young men or warriors (concrete)
 GEOGOPHĀD m(a) state of youth, adolescence
 GEOND, GIOND, GYND prep. (w. acc. or dat.) over, about, through, throughout (of place and time), among, in, after, beyond
 GEONG, IUNG adj. young, recent, fresh
 GEORNE adv. eagerly, willingly, certainly, zealously, readily, firmly
 GEORNFULNES(S) f(jō) eagerness, zeal, diligence
 GEORNLIČE adv. eagerly, willingly, conscientiously, zealously
 GĒR (Angl.), GĒAR (W.S.) n(a) year, spring; GĒ(A)R orig. Meant 'spring', name of the rune for 'g'
 GIF conj. if, whether
 GI(E)LDAN str. 3 to repay, pay for, require, render, sacrifice to, punish; GEALD 1, 3 sg. pret.
 GĪ(E)MAN, GYMAN (W.S.), GĒMAN (Angl.) wk.1 (w. gen. or acc.) to take care for or of, take notice of, regard, observe
 GIERD, GYRD (WS), GERD (Angl.) f(jō) twig, rod, stick; yard, staff, measure of length.
 GERDUM d., instr. pl. of GI(E)RD
 GIFOLA m(n) giver
 GĪSL, GĪSEL m(a) hostage
 GLĀEM m(i) gleam, splendour, radiance, joy, beauty
 GLĒAW (often w. gen.) wise, clever, skilful, skilled

GLĪDAN str. 1 to glide, glide away, vanish, slide; GLĀD 1, 3 sg. pret.
 GNORNIAN wk. 2 to mourn, grieve, lament
 GOD, God m(a) (heathen) god, God
 GŌD n(a) good thing, goodness, property, benefit, advantage, gift
 GŌD adj. good, generous, liberal; able, powerful, strong, brave, excellent; SĒL(RE)
 comp.; SĒLEST sup.
 GODCUND adj. religious, holy, divine
 GŌDIAN wk.2 to become good, improve, amend
 GOLD n(a) gold
 GOLDWINE m(i) gold-friend, lord, king
 GŌS f(uml.) goose
 GRĀEDIG adj. greedy
 GRĀEG (W.S.), GRĒG (Angl.) adj. grey
 (GE-)GRĒTAN wk.1 to greet, salute, welcome, address, approach, touch, attack
 GREUT = GREOT n(a) earth, sand, gravel
 GRORN adj. sad, irritated
 GRUND m(a) ground, bottom, depth (of sea), land, earth
 GUMA m(n) man
 GŪPHAFOC m(a) war-hawk, eagle
 GYFU, GI(E)FU (W.S.), GE(O)FU (Angl.) f(ō), f(n) gift, talent, faculty; favour, grace (of
 God); name of the rune for 'g'
 GYTA, GĪ(E)T(A) (W.S.), GĒT(A) (Angl.) adv. yet, still, thus far, furthermore, hitherto,
 not yet (w. negation)

Hh

HABBAN wk. 3 to have, hold, keep, take, receive, possess
 HĀD m(u) manner, form, degree, rank, order, state, position, condition, profession,
 office; sex, race, tribe
 HĀLETTAN wk.1 to salute, greet
 HĀLGIAN wk.2 to hallow, sanctify, keep holy; consecrate, dedicate;
 HĀLGODE 1, 3 sg. pret.
 HALIG adj. holy
 HĀM m(a) home(stead), house, residence, estate, manor
 HAMOR m(a) hammer
 HAND f(u) hand, side; person inheriting, heir (special meaning in O. E. wills and char-
 ters); control, power; ON HAND GĀN to yield
 HANDPLEGA m(n) 'hand-play', fighting
 HĀR adj. grey, old
 HASOPĀDA m(n) the grey-coated one (= the eagle)

- (GE-)HĀTAN str. 7 to order, bid, command, name, call; vow, promise; (GE-)HĒT 1, 3
sg. pret.; HÆT 3 sg. pres.
- (GE-)HĀWIAN wk. 2 to observe
- HÆGL, HAGOL mn(a) hail, hail-shower, storm of hail; name of the rune for 'h'
- HÆLE(Ð) m(b) man hero, warrior; nom., acc. pl. are HÆLEÐ,
HÆLEÐAS
- HĒAFOD n(a) head, chief, source
- HĒAH (W.S.), HĒH (Angl.) adj. high, lofty, deep (sea); exalted, noble, illustrious; HĒAN
gen., dat., acc.sg.; nom., acc. pl.; dat. pl.
- HEALF f(ō) half, side, part
- H(E)ALF adj. half
- (GE-)HEALDAN str. 7 to hold, keep, support, preserve, observe, defend, maintain,
possess; guard, protect; rule
over; HĒOLD 1, 3 sg. pret.
- HĒAN adj. abject, humiliated, wretched, despised
- HEARD adj. hard, strong, severe, cruel, sharp, brave
- HEARDLĪĈE adv. bravely, severely, resolutely
- HEAPOLIND f(ō) battle-shield
- (GE-)HEAÐ(O)RIAN wk. 2 to lock up, confine, restrain
- (GE-)HĒAWAN, -HĒOWAN str. 7 to hew down, cut (to pieces), strike, kill
- HĒDAN wk. 1 (w. g.) to heed, take heed of, care for, look after. HĒDEN pl. pres. opt. of
HĒDAN
- (Ge-)HENDE adj. w. dat. near
- HEOFON m(a) (pl. used w.sg. meaning) sky, heavens
- HEOFONRĪĈE n(ja) kingdom of heaven
- HEOLSTER, HEOLSTOR m(a) hiding-place, darkness
- HEONAN, HEONON, HINE adv. hence, from here, away
- HEONANFORÐ adv. henceforth
- HEORTE f(n) heart, soul, mind
- HĒR adv. here, in this world, hither; now, at this date, in this year
- HERE m(ja) army, troop, host, multitude; war, devastation
- HERIES, HERIGES, HERGES gen. sg.
- HEREFLĒMA m(n) fugitive from army, deserter
- HERENES(S) f(jō) praise
- HERETOGA m(n) army-leader, commander
- HERIAN, HERGAN, HERIG(E)AN wk.1 to praise
- HERGIAN wk.2 to harry, lay waste, ravage, go ravaging
- HETTAN wk.1 to chase, persecute; HETTEND m. substantivized partic. pres.: hater,
enemy
- HIDER adv. hither, here
- HIELFE, HYLFE (WS), HELFE (Angl.) n(ja) helve, (tool) handle. HYLFA nom., a. pl.

- HĪERRA, HYRRA (W.S.), HĒERRA (Angl.) adj. comp. higher (see HĒAH)
 HĪERSUM adj. obedient, docile
 HĪERSUMIAN, HYRSUMIAN wk.2 (w. dat.) to obey, serve
 HINDAN adv. (from) behind
 HINDRIAN wk.2 to hinder (from the O. E. adv. HINDER)
 HLĀFORD, HLĀFURD m(a) lord, master, patron, ruler, king; the Lord, God, lit. 'bread-guardian'
 HLĒOTAN str. 2 (w. gen., dat., acc. or instr.) to cast lots, get by lot, obtain
 HLŪD adj. loud, noisy
 HNĪGAN str. 1 to bow, bend down, decline, sink; HNĀG 1, 3 sg. pret.
 HOGIAN wk. 2 to care for, think about, strive or wish for
 Ge-HOLA m(n) protector; ge-HOLENA gen. pl.
 HOLD adj. friendly, gracious, kind (of a lord); loyal, faithful (of a retainer or subject)
 HOPIAN wk.2 to hope, expect, look for
 HORD n(a) hoard, treasure (orig. what is hidden)
 HORN m(a) horn (of a beast, musical instrument, drinking-horn); pinnacle, projection
 HRĀ(W), HRĒA(W) mn(wa) corpse, body
 HRÆF(E)N, HREFN m(a) raven
 HRĒMIG adj. (w. gen. or dat.) exulting
 HRĪM m(a) hoar-frost
 HRING m(a) ring, valuable object, anything circular or rounding
 HRĪPIG adj. clogged with snowdrifts; HRYÐGE nom.pl.
 HRŌF m(a) roof, top, dome
 HRON m(a) whale
 HRŪSE f(n) earth, ground
 HŪ adv. how
 HUNTIAN, HUNTIGAN wk.2 to hunt
 HŪRU, HŪRE interj., adv. indeed, at any rate, at least, certainly, especially, however.
 HŪS n(a) house
 HŪP f(ō) plunder, booty, prey; HEREHŪP f booty
 HWĀ interrogative pron. m., f. (w. partit. gen.) who; indef. pron. someone, anyone
 GE-HWĀ m., f. indef.pron.(w. partit. gen.) each one, every one, some one, any one
 HWĀER conj. where, anywhere, somewhere
 HWĀER adv. where
 HWÆT interrogative pron. n. (w. partit. gen.) what, who; indef.pron. something, anything
 HWÆTHWUGU indef.pron. somewhat, something, a little
 HWÆPER pron. which (or one) of the two; whichever; conj. whether (in indirect question)
 HW(E)ORFAN str. 3 to turn, go, move round, roam, depart
 HWĪL f(ō) while, time, space of time, a long time. HWĪLUM dat. instr. pl.

HWĪT adj. white, bright, shining
 HWYLČ, HWILČ, HWELČ pron. which, what; indef.pron. (w. partit. gen.) any(one)
 GE-HWYLČ, -HWILČ, -HWELČ pron. (w. partit. gen.) each, every(one), any(one),
 everything
 (GE-)HYRAN, -HĪERAN (W.S.), -HĒRAN (Angl.) wk.1 to hear, learn, know, under-
 stand; to listen to, obey, belong to (w. dat.), to hear of (w. acc.)
 HYRNEDNEBBA m(n) the horn(y)-beaked one (=the raven)

Ii

IAR, IOR m(a) name of a river-fish (?eel); name of the rune for 'io'
 ĪDEL adj. idle, vain, empty, desolate, useless, worthless, unoccupied; (w. gen.) deprived of
 ĪDEL n(a) idleness, emptiness, frivolity
 IDES f(i) woman, wife, lady
 ĪE dat.sg. of ĒA
 Ī(E)G (W.S.), ĒG (Angl.) f(jō) island, river-land
 Ī(E)GBUEND see the noun Ī(E)G and the verb BŪAN
 I(E)LDRA, YLDRA (W.S.), ELDRA, ÆLDRA (Angl.) adj. comp. older, elder, higher (in
 rank)
 IELDRAN m(n) pl. elders, parents, ancestors
 ĪGLOND, ĪGLAND n(a) island
 I(E)RFE, YRFE(W.S.), ERFE (Angl.) n(ja) inheritance, heritage; property, live-stock,
 cattle. ĀEČE YRFE "ownership in perpetuity"
 ILCA, YLCA pron. (the)same
 IN prep. (w. dat., instr. or acc.) in, to, into, upon, on, at, among
 IN adv. inside, in
 ING m(a) the mythical ancestor of the Ingaevones, the Gmc. North Sea tribes, of Tacit-
 us; name of the rune for 'ng'
 INNANBORDES adv. within the country, at home
 INNE adv. inside, within
 ĪS n(a) ice; name of the rune for 'i'
 ĪU = GĒO, GĪU formerly, of old, once

Kk

KIGCLAS nom., a.pl. of CYČGEL
 KYNERĪČE = CYNERĪČE n(ja) kingdom

Ll

- LĀF f(ō) remnant, rest, relic; 'what is left as an inheritance or remnant' = heirloom, sword, armour; HAMORA LĀF lit. 'remnant of the hammers', i.e. sword
- LAGU m(u) water, lake, sea, ocean; name of the rune for 'l'
- LAND, LOND n(a) land, earth, soil; territory, country
- LANDSITTENDE partic. pres.: occupying land
- LANG, LONG adj. long (of space and time)
- LANGE, LONGE adv. long, for a long time, far
- LĀR f(ō) lore, teaching, instruction, learning, knowledge, cunning, science, preaching, doctrine, dogma, precept; exhortation, admonition counsel, suggestion, instigation, persuasion
- LĀRĒOW m(wa) teacher, master, preacher
- LĀST m(a) track, footprint, trace; ON LĀST(E) 'behind or following in the footsteps, in pursuit, after'
- LĀP n foe, enemy
- LĀP adj. hateful, grievous, hostile
- (GE-)LĀEDAN wk. 1 to lead, bear, take, bring, carry, derive
- LÆDEN adj. Latin
- LÆDENGEPĪODE n(ja) Latin language
- LÆDENWARE m(i) pl. Latins, Romans
- LĀEN n(i) loan; lease, land held on lease
- LĀENE adj. (ja) transitory, frail, perishable, fleeting
- (GE-)LĀERAN wk.1 to teach, train, instruct, advise
- (GE-)LĀESTAN wk.1 to follow, do service, serve, stand by; perform, carry out, fulfil
- LĀET adj. (often used w. gen.) sluggish, slow; LĀETRE comp.
- LĀETAN (W.S.), LĒTAN (Angl.) str. 7 to let (go), allow, permit, cause to happen, leave (behind); regard as, consider; conduct oneself
- LĒAF f(ō) leave, permission, license
- (ge-)LĒAFA m(n) belief, faith, creed
- LEGAN Lat. legion
- LEČĜ(E)AN wk.1 to lay, put, place, establish; LEG(E)ST, LEG(E)P 2, 3 sg. pres.; ON LĀST LEGDON (w. dat.) 'they pursued'
- LENG adv. longer; comp.
- LĒOD f(ō) people, nation
- LĒOD m(i) man, member of a tribe or nation; chief, king
- LĒODBISC(E)OP m(a) suffragan bishop (helping a bishop of higher rank in his work)
- LĒODE, LĪODE m(i) pl. people, men, countrymen
- (GE-)LEORNIAN, -LIORNIAN wk.2 to learn, read, investigate, study; (GE-)LIORNOD p.p.
- LEORNUNG, LIORNUNG f(ō) learning, study
- LĒOP n(a) song, lay, poem

LIBBAN, LIFIAN, LIFGAN w.velar-uml. wk.3 to live, be alive
 LĪĈ n(a) body, corpse
 (Ge-)LĪĈ adj. (w. dat.) like, alike, similar, resembling; GE-LĪCOST sup.
 LĪCIAN (w. d. or impers.) to please; LĪCODE 3 sg. pret (impers.)
 LID n(a) ship
 LIDA m(n) sailor; ship; fleet
 (GE-)LĪ(E)FAN, -LYFAN (WS), -LĒFAN (Angl.) wk. 1 to believe in (OE on), trust in
 LĪ(E)FAN, LYFAN (WS), LĒFAN (Angl.) wk. 1 to allow, grant, concede; LĒFDON
 pl. pret.
 LĪF n(a) life
 LIFGENDE partic. pres. living
 LIFGENDE m. substantivized partic. pres. the living
 LĪFWYN(N) f(i) pleasure or joy of life
 LICĜ(E)AN str. 5 to lie down, lie low, lie dead; LĪP 3 sg. pres.; LICĜ(E)AÐ pl. pres.;
 LIG(E)ST, LIST, LIG(E)P, LĪP 2, 3 sg. pres.; LÆG 1, 3 sg. pret.; LÆGON, LĀGON
 pl. pret.
 LIMWĒRIG adj. weary in limb
 LĪ(E)SAN, LYSAN (W.S.), LĒSAN (Angl.) wk.1 to loosen, deliver, liberate, redeem
 (GE-)LĪPAN str. 1 to go, sail, travel, depart, pass away; GE-LIDEN p.p.
 LŌHSCEAFT m(a) cross-beam
 LONDRIHT, -RYHT n. privilege of land, estate
 LUFEN f. joy, comfort
 LUFLĪĈE adv. lovingly, affectionately
 LUFU f(ō), LUFU f(n) love, affection, favour
 LŪS f(uml.) louse; pl. LYS
 LYFT m(a), f(i) air, sky
 LYT adv. (w. partit. gen.) but little, but few; not at all
 LYTEL, LĪTEL adj. little, small; LÆSSA comp.; LÆSTA sup.
 LYSTAN wk.1 (impers., w. acc. of person and gen. of thing or inf. to please, desire,
 cause pleasure or desire

Mm

MAGAN pret. pres. to be able, be possible, avail; may, can; MÆG 1, 3 sg. pres.;
 MEAHTU 1, 3 sg. pret.
 MAGO, -U m(u) son, (young) man
 MAN, MON, MEN(N) indef.pron. one, any one, they
 MAN(N), MON(N) m(uml.) man, person (male or female), servant, brave man, hero;
 name of the rune for 'm'
 MANCYN(N) n(ja) mankind, men

- MĀNDĀED f(i) criminal or wicked deed, sin, crime
 MANDRYHTEN m. lord
 MANIGF(E)ALD, MĀENIGF(E)ALD adj. manifold, various
 MANLĪĈE adv. manfully
 MANNA m(n) man; MANNA gen. pl. of MAN(N)
 MĀRA adj. comp. more, larger, greater
 MĀPPUM, MĀDM m(a) precious object, treasure, gift
 MĀPPUMGYFA m(n) treasure-giver, lord
 MĀEBURG f(uuml.) kinsmen, family, clan, tribe
 MĀEGENHEARD adj. very strong
 MĀEL n(a) (suitable or fixed) time, occasion, mark, sign, measure
 MĀERE adj. (ja) famous, renowned, glorious, sublime, notorious
 (GE-)MĀERE n(ja) limit, boundary, frontier
 MĀERPU, -O f(ō) fame, glory, glorious deed
 MĀESSEPREOST, -PRĪOST m(a) (mass-)priest, high-priest
 MĀEST, MĀST adv. mostly, almost, in the greatest degree, chiefly, very much
 MĀEST, MĀST adj. sup.of MIČEL largest, greatest; (w. partit. Gen.) most
 MEARH (gen. MĒARES) m(a) horse; MĒARE dat., instr.sg.
 MĒĈE (Angl., poet.), MĀEĈE (W.S.) m(ja) sword MĒCUM instr. pl. of MĒĈE
 MEDOHEAL(L) f(ō) mead-hall
 MENGGO, MENIGEO, MENIGU f(in) a great many, multitude, large number, crowd,
 company
 ME(O)DU, ME(O)DO (w.velar-uuml.) m(u) mead (drink made of fermented honey)
 Ge-MET n(a) measure, moderation, power, means, manner. IN PĀET ILCE
 GEMET is a stiff and unidiomatic translation from Latin for regular
 O.E. ON PĀEM ILCAN GEMETE
 (GE-)METAN str. 5 to measure, compare, estimate; pass over, traverse
 METOD, -UD (Angl. w. velar-uuml.) m(a) 'What is measured out', fate, destiny; God,
 Lord
 MIČEL, MYČEL adj. much, great, intense, big, large
 MIČ(E)LE adv. much, greatly, far
 MID, MIP (Nth.) prep. (w. dat., acc., instr.) with, together with, along with, among, in,
 by means of, through, by, of
 MIDDAN(G)EARD m(a) middle dwelling (yard), world, earth
 MIERČE, MYRČE m(i) pl. the Mercians; gen. MYRCNA
 MIHT, ME(A)HT f(i) might, strength, power
 MIHTIG, MEAHTIG adj. mighty, powerful, the mighty one (=God)
 MĪL f(ō) mile; pl. MĪLA, MĪLE
 MĪLPÆP m(a) 'mile-path', course (distance) measured by miles
 MILTS f(jō) kindness, favour, mercy
 MISLĪĈ, MISTLĪĈ adj. various, diverse, manifold

- MISLĪČE adv. diversely, in various ways
 MISSENLĪČ adj. various, diverse, different
 MISSENLĪČE adv. Variously
 MŌD n(a) mood, spirit, heart, temper, courage, thoughts; ĀNES MŌDES gen. sg. (adv.)
 unanimous
 MŌDGEƆANC, Nth. MŌDGIDANC (d=Ɔ) m(a) mind, thoughts, purpose
 MŌDIG adj. high-spirited, noble, courageous, brave, bold, proud
 MŌDSEFA m(n) thoughts, mind; heart, spirit
 MŌNAP m(-Ɔ) month
 MORGEN m(ja) morning, morrow
 MORGENTĪD f(i) morning
 MŌRSTAPA m(n) 'moor-stepper', ranger of the moors
 *MŌTAN pret. pres. may, to be allowed. Be able to, have opportunity to, be compelled
 to, must; MŌT 1, 3 sg. pres.; MŌSTE sg. pret.; MŌTAN pl. pres. opt.
 (GE-)MUNAN pret. pres. (w. acc.) to bear in mind, remember, think of; GE-MUNDE
 1, 3 sg. pret. (opt.)
 MŪS f(uuml.) mouse; pl. MYS
 MŪƆ m(a) mouth
 MŪPA m(n) mouth (of a river), estuary; entrance to a house, door
 MYLENSCEARP adj. sharpened on a grindstone, groundsharp
 Ge-MYND f(i), n(ja) memory, remembrance, memorial
 MYNSTER n(a) monastery, nunnery, church, cathedral
 MYRČE, MI(E)RČE (W.S.), MERČE (Angl.) m(i) pl. the Mercians (fighting under
 Aethelstan in 'Brunanburh')
 MYR(I)GE adj.(ja) delightful, pleasant; MURGE adv. pleasantly

Nn

- NĀGE < *NE ĀGE (see ĀGAN)
 NĀHWÆƆER, NŌHWÆƆER, NĀ(W)ƆER, NĀƆOR pron. neither (of two)
 NALÆS, NALES, NALLÆS, NALLES adv. not at all, by no means
 NAMA, NOMA m(n) name
 NĀN (<* ne ān) no, no one
 NĀEFRE (W.S.), NĒFRE (Angl.) (<*ne āefre, *ne ēfre) adv. never
 NÆGLEDCNEAR(R) m(a) boat with nailed planks
 NĀERON, NĒREN < *NE WĀERON, NE WĒREN
 NÆS < NE WÆS
 NĒAH (W.S.), NĒH (Angl.) adv. near, nearly, almost
 NEAH adj. near, close
 NĒAH prep. (w. dat. and mostly postposited) close to, near, on, by

- (GE-)NĒALĀEĀCAN (W.S.), -LĒĀCAN (Angl.) wk.1 (w. dat.) to approach, come or draw near
 NEARU n(wa) difficulty, distress, captivity
 NEARUSORG f(ō) oppressive care, grievous trouble
 NEARWE adv. narrowly, closely, carefully
 NEARWELĪĀCE adv. narrowly, closely, accurately, strictly
 NĒDCLEOFA m(n) prison
 NĒDE, NYDE adv. needs, of necessity
 NEMNAN wk.1 to name, call, mention; NEMDE 1, 3 sg. pret.
 NEMPE, NYMPE, NEFNE conj. unless, but, except; prep. (w. dat.) save, except
 (GE-)NERIAN wk.1 to save, rescue, protect
 NĒDBEPEARF adj. necessary
 NĪ(E)HST, NYHST (W.S.), NĒHST (Angl.) sup. nearest, next, latest, last
 NIHT, NEAHT f(uuml.) night, darkness; day (in reckoning)
 NIHTHELM m(a) cover(ing) of the night
 (GE-)NIMAN str. 4 to take, seize, carry off, receive, get, capture; take to wife (= marry);
 NĀMON pl. pret.
 (GE-)NĪPAN str. 1 to grow dark, gloom; (GE-)NĀP 1, 3 sg. pret.
 NĪWE, NĒWE (W.S.), NĒOWE (Angl.) adj. (ja) new, fresh, recent, inexperienced
 NŌ, NĀ adv. emphatic neg. not, not at all, no, never
 NOLDE < *NE WOLDE
 NORP adv. north(wards)
 NORPERNE adj. (ja) northern, from the north, Norse
 NORPHYMBRE m(i) pl. orig. 'dwellers north of the river Humber', but was also used of
 the territory, including the Anglian parts of Scotland; after 1018 the name was re-
 stricted to the part of England north of the Humber
 NOSU, NASU f(ō) nose
 NOTU f(ō) use, employment; enjoyment; TŌ NĀNRE ŌPERRE NOTE
 NE MĀEGEN 'cannot be set to any other employment.'
 NŌ(WI)HT, NĀ(WI)HT, NĀUHT adv. not, not at all, nothing
 NŪ adv. now, at this time; introducing commands, requests and arguments
 NŪ PĀ adv. now then
 NYD, NĒD (W.S.), NĒOD, NĒOD, NĒD (Angl.) f(i) need, necessity, duty; trouble,
 compulsion, distress
 NYDGEFĒRA m(nj) companion in need
 NYDPEARF f(ō) necessary, need
 NYHSTAN w. ÆT: ÆT NĒXTAN, ÆT NYHSTAN adv. in the end, then, afterwards
 NYTWYRPE adj. (ja) useful, profitable, serviceable

Oo

- OFER prep. over, above (w. dat. implying rest); over, across, towards, against, beyond, throughout (w. acc. implying motion or extension); after (of time)
- OFERCUMAN str. 4 to overcome, subdue, conquer
- OFERHYRNED adj. (orig. p.p.) with great horns; OFER- is intensive
- OFERWINNAN str. 3 to conquer
- OFSLĒAN str. 6 to strike off or down, slay, kill; OFSLŌH 1, 3 sg. pret.; OFSLŌGAN pl. pret.; OFSLÆGEN p.p.; OFSLĒA sg. pres. opt.; OFSLIHÐ 3sg. pres.
- OFT often, constantly, as a rule, regularly, frequently; OFTOR comp. more often; OFTOST, OFTAST, OFTUST sup. very often, continually
- ON prep. (w. dat., instr. implying rest or acc. implying motion) on, in, into, at, among, from, by, of, against, towards
- ON on, thereon, therein
- ONBÆRNAN wk.1 to kindle, inflame, incite, inspire
- ONBĒODAN str. 2 announce; ONBĒAD 3 sg. pret.
- OND see AND
- ONDLONG, ANDLANG adj. continuous, whole (day or night); extending away in the opposite direction, standing upright; ONDLONGNE DÆG all day long
- ONDSWARODE 1, 3 sg. pret. of ANDSWARIAN
- ONEARDIAN wk.2 to inhabit; dwell, live
- ONFŌN str. 7 (w. acc. or dat.) to receive, take; ONFĒNG 1, 3 sg. pret.;
- RĪĈE ONFŌN (cf.: FŌN TŌ RĪĈE) to ascend the throne
- ONGĒAN prep. (w. dat. or acc.) towards, against
- ONGĒAN adv. opposite, opposing, against
- ONGELĪ(E)HTAN wk. 1 to (en)lighten, give light to; illuminate; ONGELĪHTE sg. pres. opt.
- ONGEMANG prep. (w. dat.) among, during
- ONGEMANG adv. meanwhile
- ONGINNAN (BE-, Ā-) str. 3 to begin, start, try, undertake, endeavour;
- ONGON, ONGAN 1, 3 sg. pret.
- ONGI(E)RWAN, ONGYRWAN (W.S.), ONGERWAN (Angl.) wk.1 to unclothe, take one's clothes off;
- ONGEREDÆ is probably an old Northumbrian form of the pret. pl.
- ONGI(E)TAN, -GYTAN (W.S.), -GETAN (Angl.) str. 5 to perceive, see, hear, understand
- ONHAGIAN wk.2 to suit, be suitable, please; MĒ ...ONHAGIGE "I may be fit for"
- ONLŪTAN str. 2 to bow, bend down, incline
- ONMĒDLA m(n) pomp, glory, pride, arrogance, presumption
- ONSENDAN wk.1 to send, send away or forth
- ONSTAL acc. sg. of ONST(E)AL(L)
- ONST(E)AL(L) m(ja) supply, stock

ONTIMBER, ANTIMBER n(a) building material, timber-work; matter, cause, reason, motive
 ONW(E)ALD m(a) rule, dominion, authority, power, possession
 ONWENDAN wk.1 to change, alter, overthrow, change for the better or the worse;
 ONWENDE 1, 3 sg. pret. [<*onwend(ed)e]
 ORD m(a) point (of any kind), front, beginning, vanguard
 ORDFRUMA m(n) source, creator, author, chief
 ORF n(a) cattle
 ŌS m(uml.) a heathen god, name of the rune for 'a' in the orig. runic alphabet; later for 'o'
 OP prep. (w. acc.) till, until, up to;
 OP (PÆT) conj. till, until
 ŌPER (used also as noun) other, one of two, another, second, following
 OPFÆSTAN wk.1 to bind, apprentice; hand over, entrust, convey (property); set (to task); OPFÆST (<*oðfæsted) p.p.; OPFÆSTE [<*oðfæst(ed)e] 1, 3 sg. pret. and p.p.pl.
 OPFEALLAN str. 7 to fall off, decline, decay; OPFEALLENU p.p.
 OPPE, OPPON, OPPEA conj. or, or else, and;
 OPPE...OPPE correl. either...or
 OXA m(n) ox

Pp

PEORP an unknown word; name of the rune for 'p'
 PORT m(a) harbour, trading-place, town

Rr

RĀD f(ō) ride, riding, journey; name of the rune for 'r'
 RAPE adv. quickly, soon, at once
 (GE-)RĀEČAN wk.1 to gain by reaching, reach, hit, get, obtain
 RÆCED, RECED mn(a) building, house, hall, room
 RĀEDAN (W.S.), RĒDAN (Angl.) str. 7 to advise, consult, discuss, deliberate, decide, decree, interpret, explain; read, learn by reading; rule, guide, govern (w. dat., instr.)
 RĀERAN wk.1 to raise, establish, create
 REČČELĒAS (<RĒČELĒAS) adj. careless, negligent
 REGOLLĪČ adj. according to rules, canonical, regular; REGOLLECUM dat. pl.
 REST, RÆST f(jō) rest, repose, resting-place, bed
 (GE-)RESTAN wk.1 to rest, repose
 RĒPE, RĀEPE adj. (ja) fierce, furious, cruel, severe

RĪČE n(ja) kingship, kingdom, rule, power, realm, empire; GUMENA
 RĪČE or EORPAN RĪČE 'worldly (or temporal) kingdom' (contrasted
 with the eternal kingdom of heaven)
 RĪČE adj. (ja) rich, strong, great, powerful; RĪCNE acc.sg.; RIICNÆ is probably the Old
 Northumbrian form
 RĪCSIAN wk.2 to rule, reign, govern
 RĪDAN str. 1 to ride, move, swing
 RIHT n(a) right, justice, due, duty, law, truth
 RIHT adj. right, just, proper, true, correct
 RIHTE adv. rightly, well, duly, properly
 Ge-RIHTE n(ja) law, right; privilege, office, due; straight direction
 RINC m(a) man, warrior, hero
 RINNAN = I(E)RNAN, YRNAN (w. metathesis of 'r' in the orig. RINNAN) str. 3 to
 run, flow, move rapidly, get to, occur (to one's mind); RAN 1, 3 sg. pret.
 RŌD f(ō) rood, cross, gallows, crucifix
 RODOR m(a) sky, heaven, firmament; usually in pl.
 RODRA (RODERA) WEARD 'the guardian of heaven (God)'
 RŪN f(ō) mystery, secret, (secret) consultation, council, counsel
 RYGEN, RECON, RICON(EN) adj. quick, prompt, rash, ready
 RYCENE, REONE adv. quickly, promptly, at once
 RYHTSPELL see RYHT, RIHT and SPELL
 (GE-)RYMAN wk.1 to make space, widen, extend, enlarge; clear (a way), vacate, yield,
 allow, grant

Ss

SALWIGPĀD, SALU-, SALOWIGPĀD adj. dark-coated
 SĀR adj. sore, painful, grievous, sad
 SĀE mf(i) sea
 SÆĈ(Ĉ) f(jō) fight(ing), battle, conflict, quarrel
 SÆD adj. (w. gen.) satiated with, filled, full; wearied with
 (GE-)SĀELAN wk.1 to tie, fasten, bind, fetter
 (Ge-)SĀELIG adj. happy, fortunate, blessed
 GE-SĀELIGLĪĈ adj. happy, prosperous
 SĀERIMA m coast
 SCACAN str. 6 to pass, depart, hasten, hurry away
 SCAMU, SCEAME f(jō) shame, disgrace, dishonour, insult
 (GE-)SCEAFT f(i), n(a) creation, creature, thing, world; destiny, fate; nature, condition;
 decree
 Ge-SCEAP (W.S.), GE-SCÆP (Angl.) n(a) shape, form, creation, creature; condition,
 destiny, fate

SCEARP adj. sharp, acute, smart
 SCĒOTAN str. 2 to shoot (missile), push, throw; SCOTEN p.p.
 SCI(E)LD, SCYLD (W.S.), SCELÐ (Angl.) m(a) shield, protection, defence
 (GE-)SCI(E)PPAN, -SCYPPAN (W.S.), -SCEPPAN (Angl.) str. 6 to create, form, make, arrange
 SCI(E)PPEND, SCYPPEND m. substantivized partic. pres. Creator
 SCILLING m(a) the shilling was not a coin but a 'unit of account', one sixtieth of a pound, previous to the Norman Conquest
 SCIP n(a) ship
 SCIPFLOTA m(n) man from over the sea, seaman
 SCĪR f(ō) business, office, authority, administration; district, shire
 SCULAN pret.pres. shall, will, must, ought to, be to, have to, be destined, be in the habit of; to owe; SCEAL 1, 3 sg. pres.
 SCYLDIG adj. (w. gen.) guilty, having forfeited
 S(E)ALT n(a) salt
 SEAROPONC m(a) cunning thought, skilful device
 SEAXE m(i) the Saxons; gen. SEAXNA. Also SEAXAN m(n) pl.
 (GE-)SĒČAN, -SĒČ(E)AN wk.1 to seek, try to find or get, look for, go to, visit, attain, return to; attack
 SEČĜ m(ja) man, warrior; SEČĜ (Elene 1256) = the poet himself
 SEČĜ f(jō) sword, reed
 SEČĜAN wk.3 to say, tell; declare, narrate; SEG(E)ST, SEG(E)P 2, 3 sg. pres.
 SEFA m(n) mind, spirit, heart
 SĒFTE, SŌFTE adj. (ja) soft, gentle, quiet, agreeable, comfortable; SŌFTOR comp.
 SĒFTE, SŌFTE adv. softly, at ease, gently, pleasantly
 SELE m(i) hall, house, dwelling
 SELEDRĒAM m(a) joy of the hall, festivity
 SELESEČĜ m(ja) retainer
 SELF, SEOLF, SYLF pron. (him-, her-)self, same; (his, her, its, their) own (w. gen.)
 SEMNINGA, SAMNUNGA adv. straightway, presently, suddenly
 SENDAN wk.1 to send (out)
 SĒOC adj. sick, ill, weak, sad
 (GE-)SĒON str. 5 to see, behold, perceive; inspect, visit; (GE-)SĀWE sg. pret. opt.
 Ge-SET n(a) place, seat, dwelling
 SETL (W.S.), SEPEL, SELD (Angl.) n(a) seat, bench, place, throne; setting (of the sun)
 (GE-)SETTAN wk.1 to set (down), record, place, establish, decide, decree, put; create, form, make; compose, occupy, apportion; set up, erect
 SIB(B) f(jō) kinship, relationship, friendship, peace
 SĪDE f(n) side
 SĪGAN str. 1 to sink, fall, drop, descend; SAH 1, 3 sg. pret.
 SIGE m(i) victory, success, triumph

- SIGEL mn(a) treasure, precious object, ornament, jewel
 (GE-)SI(E)LLAN, -SYLLAN (W.S.), -SELLAN (Angl.) wk.1 to give (up), sell, grant, bestow, proffer, pass; promise; (GE-)SEALDAN, -ON pl. pret.; (GE-)SEALDE 1, 3 sg. pret.; (GE-)SEALDE p.p.pl.; (GE-)SELLE sg. pres. opt.
 (GE-)SIGLAN, -SEGLIAN wk.1 to sail
 SINCPEGU f(ō) receiving of treasure
 SINGAN str. 3 to sing, celebrate in song, recite, narrate; sing (of birds), cry
 Siodo (w. velar-uml.) = SIDU, Siodu m(u) custom, way of life, morality
 (GE-)SITTAN str. 5 to sit, sit down, be placed, stay, remain, dwell, settle; occupy, possess
 SIPPAN, SYPPAN conj. since, when, from the time when, after, as soon as (shading into 'because')
 SIPPAN, SYPPAN adv. since, afterwards, thereupon, beyond that (number)
 SI(E)XHYNDE adj. (ja) belonging to the class whose WERGI(E)LD was 600 shillings
 SLĀEP (W.S.), SLĒP (Angl.) m(a) sleep
 (GE-)SLĒAN str. 6 to achieve or bring about by fighting, gain by striking blows; strike down
 SLĪDAN str. 1 to slide, glide, fall down, fail
 SLIPE(N) adj. cruel, dire, severe
 SMICER adj. fair, fine, beautiful, handsome
 SNYTTRU f(-in) wisdom, prudence, skill
 SŌNA adv. soon, directly, immediately, at once; SONA...SWA (in prose), SŌNA...SIPPAN (in poetry) as soon as
 SORH, SORG f(ō) sorrow, grief, trouble
 SŌP n(a) truth, fact, justice, reality; TŌ SŌPE, TŌ SŌPAN 'for certain, in truth, truly, as a fact'
 SŌP adj. true, genuine, real
 SPĒD f(i) luck, opportunity, success, riches, wealth; speed, quickness
 SPEL(L) n(ja) tale, story, message
 SPILLAN wk.1 destroy
 SPĪWAN str. 1 to spew, vomit, spit (out)
 SPOR n(a) track, trail, footprint
 SPŌWAN str. 7 (impers. w. dat.) to succeed, profit, avail; HIM SPĒOW 'they were successful'
 SPRĀEČ (W.S.), SP(R)ĒČ (Angl.) f(jō) speech, language, report, discussion
 SPRĀEČE f(n) talk, discourse
 SPRECAN str. 5 to speak, say, declare, tell of; SPĀECAN (late O. E.) pl. pret.
 STĀN m(a) stone, rock, cliff
 (GE-)STANDAN str. 6 to stand, stand still, lie, remain; start, arise, shine, gleam; STENT 3 sg. pres.
 STEFN, STEMN, STÆFN m(a) stem (of tree), root, prow (of a ship)

- STĒORBORD n(a) starboard
 (GE-)STĪGAN str. 1 to go, go up, step, ascend, mount, rise
 STILNES(S) f(jō) quiet, silence, calm, rest, peace; release, relaxation (from Danish attacks)
 STOCLĪF n(a) habitation, cottage
 STŌW f(wō) place, spot, locality
 STRĀEL (W.S.), STRĒL (Angl.) m(a) arrow, missile
 STRĒAM m(a) stream, flood, current, river, sea
 (GE-)STRYNAN, -STRĪ(E)NAN (W.S.), -STRĒONAN (Angl.) wk.1 to acquire, gain, produce, achieve, increase
 STUPANSCEAFT m(a) “studshaft”, stay, prop
 SUM pron. some one, a certain one, one, a(n); in many cases SUM + a noun in the gen. pl. stands for the indefinite article A(N)
 SUM adj. some, certain
 SUNNE f(n) sun
 SUNU m(u) son
 SŪP adv. southwards, to the south, in the south
 SŪP adj. south
 SŪPAN adv. from or in the south; BE SŪPAN to (in) the south of
 SŪPEWEARD adj. southern (part of)
 SWĀ, SWĀE conj.as, just as, even as, according as, since; in such a way that, so that (in negative clauses); as if (w. opt.); SWĀ SWĀ, SWĀE SWĀE (intensive) just as, like; as far as, which; SWĀ...SWĀ (SWĀ) (correl.) so...as, whether...or, either...or; SWĀ HWĀ SWĀ, SWĀ HWILČ SWĀ whosoever, whatsoever; SWĀ ÞĒAH nevertheless
 SWĀ, SWĀE adv. so, thus, in this way
 SWĀT m(a) sweat, labour, blood
 SWÆP n(a) track, trace, footprint
 SWEART, SWART adj. swarthy, black, dark
 SWEFN n(a) dream, sleep
 SWELLAN str. 3 to swell
 (GE-)SWENČ(E)AN wk/1 to press hard, oppress, afflict, strike down
 SW(E)ORD, SWURD, SWYRD n(a) sword
 SWEOSTOR, SWUSTOR f(r) sister
 SWERIAN, SWERIG(E)AN str. 6 to swear; SWŌR 1, 3 sg. pret.
 SWIFT adj. swift, quick
 SWĪGE adj. (ja) silent, still, taciturn
 SWILČE conj. (such) as; as if
 SWIMMAN str. 3 to swim; GISWOM p.sg.
 SWĪN n(a) swine, pig; boar-image (on helmet)
 (Ge-)SWINC n(a) toil, effort, hardship, oppression

(GE-)SWINCAN str. 3 to labour, toil, struggle
 SWĪPE adv. (w. adj. or verb) very, much, very much, greatly, severely
 SWĪÐHWÆT adj. very bold, very active
 (GE-)SWIPRIAN, -SWEÐRIAN wk.1 to diminish, decrease, cease, abate
 SWYLČ, SWILČ, SWELČ pron. (dem.) such, such a one, such a thing; such as, which
 (relat.); such...as (correl.)
 SWYLČE, SWILČE, SWELČE adv. likewise, (and) also
 SYMLE, SIMLE adv. always, ever, continuously
 SYMBEL n(a) feast, feasting, banquet
 SYN(N) f(jō) sin, crime; sinful deed, injury, wrongdoing, hostility

Tt

GE-TĒON wk.2 to assign, allot
 (GE-)TĒON str. 2 to draw, pill, lead, undertake (a journey or course), go (on a journey),
 return; TĒAH 1, 3 sg. pret.
 TID f(i) time, period, hour
 TIL adj. good, honest, excellent
 TIL (Nth.) prep. (w. dat.) to, till, for
 TILIAN wk.2 (w. gen., dat.) to aim at, strive after, endeavour, earn, gain, provide;
 attend to
 (GE-)TIMBRAN wk.1 -TIMBRIAN wk.2 to build, construct, erect
 TĪR m(a) glory, honour, success; name of the rune for 't'; name of a planet and a god
 (=Mars); the orig. name of the runic letter was TĪ(W) 'Mars', so that TĪR is a mis-
 reading for TĪW
 TŌ prep. (w. dat.) to, towards; for, from (w. certain verbs); in respect to, at (of time and
 place); often used w. inf.; also used as intensive adv.: TŌ ÐÆS, TŌ ÐÆM, TŌ ÐON
 to such a degree, so
 TŌ adv. too (before adj. or adv.), on, besides; thereto, towards, in the direction of
 TŌ ĀHTE adv. in any degree, at all, in any case, by any means
 TŌCYME m(i) coming, arrival
 TŌGÆD(E)RE adv. together (w. verbs of motion)
 TŌGĒ(A)NES adv. opposite, towards, against
 TŌGĒ(A)NES prep. (w. dat. or acc.) against, towards
 TŌGLĪDAN str. 1 to glide asunder or away, split, vanish
 TŌHIHT, -HYHT m(i) hope, refuge, consolation
 TŌL n(a) tool, instrument, implement
 TŌNIMAN str. 4 divide; TŌNUMEN p.p.
 TORN n(a) anger, vexation; grief, trouble
 TŌSCĀDAN str. 7 to separate
 TŌWEARD adj. future, approaching

TRĒO(W) n(wa) tree, wood, timber; (tree of the) cross, rood
 TRĒOW, TRYW f(wō) truth, good faith, fidelity, agreement, kindness
 (Ge-)TRĒOWP f(jō) truth, (good) faith, trust, loyalty
 TŪ n., TWĀ f., TWĒGEN m. num. (w. gen.) twain, two
 TUNGOL mn(a) planet, sun, star
 TWELFHYNDE adj. (ja) belonging to the class whose WERGI(E)LD was 1200 shillings
 TWĒO m(n) doubt, uncertainty

ƿƿ

ƿĀ conj. when, since, as
 ƿĀ adv. then, at that time, thereupon, on that occasion; ƿĀ...ƿĀ (correlat.)
 when...then
 ƿĀ HWĪLE ƿE conj. while, as long as
 ƿANC, ƿONC m(a) thanks, grace, mercy
 ƿĀER adv. there, in that place, to that place; where, when; ƿĀER ƿĀER where, where-
 ever; ƿĀER...ƿĀER where...there
 ƿĀET n. dem.pron., def.art. the, that (one); it, this; which, that which, what
 ƿĀETTE pron. which, that which, what; conj. that, so that, in order that; ƿĀETTE (in-
 troducing sentences where the main clause is not expressed) the case is such, that;
 it came to pass, that
 ƿE, ƿĒ uninflected rel. pron. or particle (for any gender, number, and case) who,
 which, that, etc.; ƿE...HIM to whom
 ƿĒAH (ƿE) conj. though, although, even if, if
 ƿĒAH adv. yet, nevertheless, however; (emphatic) SWĀ ƿĒAH yet, however
 (GE-)ƿĒAHT f(jō) consideration, advice, thought, counsel; council, assembly
 ƿEARF f(ō) need, requirement, want, distress, trouble
 ƿEARLE adv. exceedingly, vigorously, severely, hard
 ƿĒAW m(wa) custom, habit, manner, disposition, usage; pl. good qualities, virtues
 ƿEG(E)N m(a) thane (Scottish form), follower, retainer, warrior, noble; servant, disciple
 ƿEGNUNG, ƿĒNUNG f(ō) service, church-service, mass, mass-book
 (GE-)ƿENČ(E)AN wk.1 to think (of), mean, intend, recollect, remember, bear in mind,
 conceive (of), contrive; purpose, determine
 THEOD f(ō) troop of warriors, tribe, people, nation; region, country
 (GE-)ƿĒODAN wk.1 to join, associate, come to; (GE-)ƿĒODDE p.p.
 ƿĒODEN, ƿĪODEN m(a) chief, ruler, prince, king, the Lord
 ƿĒODSCYPE, -SCYPE m(i) nation, people, population; discipline, training, teaching,
 learning
 ƿĒOW m(wa) servant, slave; GODES ƿĒOW priest, monk
 ƿĒOWOTDŌM m(a) service
 ƿĒOWWEALH m(a) servant, slave, serf

- (GE-)PIČĀGAN str. 5 to receive, accept (ÆT = FROM), partake of (food or drink), consume; PĒGE 1, 3 sg. pret. opt.
- PIDER adv. thither, to that specified place
- PIDERWEARD adv. thither
- PING n(a) thing, matter, affair, trouble, object, property; cause, motive, reason
- Ge-PĪODE, Ge-PĒODE (Angl.), GE-PĪEDE (W.S.) n(ja) speech, language
- PON, PAN pron. instr. sg. of PÆT; FOR PON (PAN) (PE) for the reason (that), because, as; TŌ PON (PAN) to that extent or degree, so very much; in (with) regard to, so that; WIP PON (PAN) PE on condition that
- PONNE, PANNE, PÆNNE conj. when, whenever, at such times as; PONNE...PONNE when...then (correl.); than (after comp.) PONNE, PANNE, PÆNNE adv. then, further, therefore, thus, however
- PORN m(a) thorn, thorn-bush; name of the rune for 'þ'
- PRĀG f(ō) time, space of time, period, season
- PRANG n throng
- PRÆGAN wk.1 to run, proceed in a course
- PRĒA f(wō) threat, calamity, oppression
- PRIDDA num. Third
- PRYM(M) m(ja) power, might, glory, strength, courage; crowd, army
- Ge-PUNGENA m(n) competent, excellent, virtuous man
- *PURFAN pret.pres. (in negative clauses) need, must, have good cause or reason; PORFTE 1, 3 sg. pret.; PORFTON pl. pret.
- PURH prep. (w. acc.) through; over, throughout; by means of, because of, with, by, owing to
- PURH adv. through, throughout, over
- (GE-)PYNČAN, -PINČAN wk.1 (impersonal w. dat.) to seem, appear; PŪHTE 3 sg. pret. (impers.)

Uu

- UNCŪP adj. unknown, uncertain, strange, terrible; UNCŪP HŪ LONGE "(it being) uncertain how long"
- UFAN(E) adv. over, above, upwards; from above; ON UFAN (w. dat.) on high
- UFEWEARD adj. above, upper
- UNC pron. dat. or acc. (dual) us two, the two of us
- UNDER prep. (w. dat. or acc.) under, below, underneath, beneath
- UNDER adv. under, below, underneath, beneath
- UNDERSTANDAN, -STONDAN str. 6 to understand, perceive; to stand under, beneath
- UNDERPĒODAN wk.1 to subdue, subjugate, (make) subject
- UNGEMETE, UNGEMETUM adv. without measure, exceedingly, extremely
- UNLAGU f(ō) bad or wicked law, injustice

UNLYTEL adj. not little, much, many, great
 (GE-)UNNAN pret.pres. (w. dat. of person and gen. of thing) to grant, wish (someone to have a thing), allow, bestow, give; ŪPE 1, 3 sg. pret.
 UNRIHT n(a) wrong(ful)ness, injustice, oppression
 UNRĪM n(a) countless number, multitude
 UNWÆR adj. unaware, unexpected; incautious, careless, foolish; ON UNWÆR un-
 wares, unexpectedly
 UNWEALT adj. steady; UNWEALTRAN comp.
 UNWEMME adj. inviolate
 UP, UPP adv. on high, up, up country (inland), up stream, upwards, above
 ŪR m(a) the aurochs or buffalo; name of the rune for 'u'
 ŪT adv. out, outside, outward; abroad
 ŪTANBORDES adv. outside the country, abroad
 ŪTĀSPYRIAN wk.1 to track or trace out, investigate, discover, explore
 ŪTE adv. out, outside, abroad
 ŪTERMERE m open sea
 ŪTEWEARD adj. outer
 ŪPWITA m(n) scholar, sage, philosopher

Ww

WĀCIAN wk.2 to grow weak or faint, decline
 (GE-)WADAN str. 6 to go, advance; WŌD 1, 3 sg. pret.; GINDWŌD= GEOND WŌD
 see GEOND prep.
 -WARE, -WERE, -AN pl. used as a suffix 'inhabitants'; BURGWARE 'inhabitants of a
 fortified place'
 WARIAN wk.2 to guard, protect, defend, occupy, inhabit; WARAP 3 sg. pres.
 (GE-)WARNIAN wk.2 to warn
 WAPUM m(a) wave, flood, sea
 WÆL n(a) slaughter, the slain, dead bodies (pl.), battle-field
 WÆLSTŌW f(ō) 'slaughter-place', battle-field; WÆLSTŌWE WEALDAN 'to win the
 battle'; ĀGAN WÆLSTŌWE GEWEALD lit. 'to gain possession of the battle-field'
 WĀEG, WĀG, WĀH m(a) wall
 WĀEP(E)N n(a) weapon, sword; pl. arms
 WÆGN, WĀEN m(a) waggon, carriage, cart, vehicle; WĀEN nom., acc. sg.
 WÆROD, WEROD, WEOROD n(a) troop, host, company, people, army;
 LYTLE WEREDE 'with a small troop'
 WÆTER n(a) water, sea
 WĀEPAN wk.1 to wander, roam about, hunt
 W(E)ALL m(a) wall, rampart; hill, mount
 WEALD m(a) forest, wood

- W(E)ALDEND m. substantivized partic. pres.: ruler, king, the Lord (God)
 WEALHSTÖD m(a) interpreter, translator
 WEARD f(ō) watch, guardianship, protection
 WEARD m(a) guardian, keeper, protector, lord
 (GE-)W(E)AXAN str. 2 to grow, flourish, increase
 WĒDAN wk.1 to rage; WĒDENDE partic. pres.
 (GE-)WEFAN str. 5 to weave, devise
 WEG m(a) way, path, road; ON WEG (AWEG), ON WÆG acc. sg. (adv.) “away”;
 EALNE WEG, EALNEG acc. sg. (adv.) all the way, all the time, always
 WELA m(n) (often in pl.) wealth, riches, happiness
 WELIG adj. wealthy, rich, prosperous
 WELHWÆER adv. (nearly) everywhere
 WELL adv. well, very (much), quite, rightly, fully, plenty
 WELM (Angl.), WYLM (W.S.) m(i) welling, boiling, surging (water), stream, flood;
 fervour, ardour, zeal
 WĒMAN wk.1 to allure with pleasure, comfort
 WEN, WYN(N) f(jō), f(i) joy, happiness, delight, pleasure; name of the rune for ‘w’
 WĒNAN wk.1 (w. gen.) to think, believe, hope, suppose, expect fear
 (GE-)WENDAN wk.1 to change, alter, turn, direct, return, depart, go, translate
 WENNAN wk.1, WENIAN wk.2 to accustom, attach to oneself, honour, treat well;
 WENNAN TŌ WISTE to feast, treat with abundance, entertain
 (Ge-)WEORC n(a) work, action, deed, exercise; (defence) work, construction, structure;
 affliction, distress
 WEORPAN str. 2 to throw, cast, dash, change, transform; WEORPAN TŌ HANDA “to
 hand over”
 (GE-)WEORPAN str. 3 to be, become, get, happen, grow, come to pass, arise, be made;
 GE-WYRÐEP 3 sg. pres.; WURDAN pl. pret. WEARÐ 1, 3 sg. pret.; WARÐ
 sg. pret. (Nth.)
 WER m(a) price set upon a man’s life according to his rank, paid to his kin in compen-
 sation for homicide; short form for WERGI(E)LD
 (GE-)WERIAN wk.1 to defend, protect, ally, unite
 WĒRIG adj. (w. instr.) weary, exhausted, sad, sorrowful; miserable, unfortunate
 WER(I)GEND m. substantivized partic. pres.: defender
 WEST adv. west, westward
 WĒSTE adj. (ja) waste, deserted; uninhabited
 WIČĠ n(ja) horse
 WĪDE adv. widely, far and wide, far
 WĪF n(a) woman, wife
 WĪG nm(a) war, battle, onset, fighting power
 WĪGSMIP m(a) ‘battle-smith’, warrior

- WILLAN will, to wish, desire, intend, be about to; shall, will (in future sense); WILE 3 sg. pres.; WOLDE, WALDE 1, 3 sg. pret.
- WILNUNG f(ō) desire, longing (good or bad); FOR ÐÆRE WILNUNGA “intentionally, purposely”
- WIND m(a) wind
- WINDAN str. 3 to wind, weave, circle, roll, twist, turn, fly, sail; WUNDEN p.p.
- WINNAN str. 3 to contend, fight, strive, toil
- WĪNSÆL n(a) wine-hall, hall
- WINTER m(u)., m(a) winter; pl. years
- WINTERĀEARIG adj. sorrowful in winter
- WĪR m(a) wire, wire-ornament
- WĪSDŌM m(a) wisdom
- WĪSE f(n) manner, way, fashion; arrangement, affair, way of doing things; melody
- WIST f(i) feasting, abundance, prosperity; food, nourishment
- WITA m(n) wise or learned man, scholar, counsellor; WIOTAN nom., acc. pl.
- Ge-WITA m(n) witness, accomplice
- (GE-)WĪTAN str. 1 to go, go out, go away, depart, pass (away), die; often followed by a verb of motion
- (GE-)WITAN, -WIOTAN pret. pres. to know, be conscious of; observe, understand, learn; WĀT 1, 3 sg. pres.; WISSE sg. pret. (opt.)
- WĪTE n(ja) punishment, fine, torment, misery, distress
- WĪP prep. (w. dat. or acc.) against, opposite, near, to, towards, in relation to, from, at, with, along with, together with
- W(I)UCU, WICU (w. velar-uml.) f(ō)., f(n) week
- WLANC, WLONC adj. proud, a proud one, martial, high-spirited, bold, stately, rich
- WLENĀAN wk.1 to enrich, adorn
- WLITIG adj. beautiful, fair, radiant; WLITIGOST sup.
- WOLCEN n(a) cloud, pl. clouds, sky, heaven(s); UNDER WOLCNUM ‘beneath the firmament, on earth’
- WORD n(a) word, command, pl. speech, language, promise
- WŌRIAN wk.2 to roam, wander, move round, crumble, decay
- WOR(U)LD, W(E)OROLD f(i) world, the present life
- WORULDCUND adj. worldly, secular
- WORULDPING n(a) worldly affair, secular matter
- WRAPU f(ō) help, support
- WRĀECLĀST m(a) path or track of exile, exile
- WRENĀ m(i) artifice, trick, modulation of the voice, melody, song
- (Ge-)WRIT n(a) something written, writing, document, scripture, letter, book, will, testament, chapter, decree, register
- WUDU m(u) wood, forest, tree(s); spear, ship
- WUHT, WIHT fn(i) person, creature, being, thing; (in negative clauses) anything; at all (acc.sg. WIHT is used adverbially in negative clauses) NE... WIHT nothing, not at all

WULDORFÆDER m(r) father of glory (god)
 WULF m(a) wolf
 WUNDIAN wk.2 to wound
 WUNDOR n(a) wonder, marvel, miracle
 WUNDRIAN wk.2 to wonder (at), admire
 (GE-)WYRČ(E)AN, WIRCAN wk.1 to work, do, make, cause, create, achieve, perform,
 construct; gain, earn, win (w. gen. of thing); (GE-)WORHTE 1, 3 sg. pret.
 (Ge-)WYRD f(i) fate, destiny; event, fact, experience
 WYRNAN wk.1 (w. gen. of thing and dat. of person) to refuse, deny, reject
 WYRS adv. (comp.) worse
 WYRSA, WI(E)RSA (W.S.), WERSA (Angl.) adj. comp. of YFEL worse
 WYRPE, WIERPE (W.S.), WEORPE (Angl.) (ja) w. gen. worthy (of) fit (for), deserv-
 ing; valued, worth, held in esteem

Xx

XPES (=CRĪSTES)BĒČ f(uml.) pl. 'Christ's books' = the Gospels

Yy

YFELIAN wk.2 to become evil, grow worse
 YMB, YMBE prep. (w. acc.) about, around, at, upon, near, after, before, concerning,
 owing to, in, on
 YR m(i) ornaments (?), bow (?), money (?); name of the rune for 'y'
 YRFE see I(E)RFE

СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД**Aa**

AC(C) conj. but (on the contrary)
 ADUNRIHT adv. straight down, strongly
 AGEIN, AGEYN, AGEN adv. back, back again
 ÆLDER n. leader
 ÆREST, ERST, EREST adv. previously
 ÆTHELE adj. noble
 AFTER, EFTER adv. far, in the future; prep. on account of, for, after
 AHTEN see OWEN
 AL pron.(adj.) all; the whole of; pl. ALLE, ÆLLE; gen. pl. ALDER, ALRE
 ALCNE see ECH
 ALKYN adj. of every kind [OA *alra cynna]

ALMYGTY, ALMIHT adj. ALMIGHTY
AMIDDE(N) prep. amid; adv. in the middle of
AMOREG adv. (on) the next day
AN, A indef.art., a, an; acc. ENNE; dat.fem. ARE
AND, ANDE, ANT, AN, ENT conj. and, if
A-QUELLE(N) wk.v. kill, destroy; p.p. A-QUOLD; pret. A-QUELDE
ARCHE n. arch
ARE see AN, ON(E), ORE
ARM n arm < O.E. earm
AT, ATT, ATE prep. at, from
AWEN see OWEN

Bb

BALE n. pain, misery, torment, punishment
BAUDRIK n. baldric, diagonal belt, a belt over one shoulder to hold one's hunting-horn
BE(N), BEE(N), BEO(N), BIE(N) v. Be; pres. 1.sg. AM, ÆM, EM, BE; 2 sg. ART, ÆRT, ARTOW; 3 sg. IS, ES, BITH, BEO; pl. AR(E), AREN, ARN, ERE, BE, BEE, BETH, BEOTH, SINDEN; pret.sg. WAS, WES 2 sg. WORE; pl. WER(E)N, WER(E), WAR(E), WEORE, WEOREN, WOREN, WÆRON, WÆREN, WAREN
BER, BERE(N) v. carry, wear, take
BERN n. warrior, hero. < O.E. beorn
BET adv. comp. BETTER; RATHER
BIDDE(N), BEDDE str.v. command, order, offer, ask, pray; pres.3 sg. BYT, BIDDETH; pret. BAD, BADDE, BIT, BED; p.p. I-BEDE
BI, BY, BE prep. by, by way of, over, on, through
BIHEOLD see BIHOLDE(N)
BIHOLDE(N), BIHALDE(N) str.v. behold, contemplate; pret. BIHEOLD
BISNE n. model
BITACNEN v. signify, symbolize; BITAKENS pr.3 sg. [OE. Be- + tǣcnian]
BEWINNEN str.v. get, acquire, pret. BIWON
BLIS(S), BLISSE, BLYSSE n. joy, happiness
BLISSIN v. rejoice, be glad; pr. 3 sg. refl. BLISSEþ
BLOD(E) n. blood
BLOSME n.coll. blossom; BLOSTME pl. BLOSME blossoms, flowers
BOC, BOKE, BOCK, pl. BOKES n. book
BOC-FELLE n. parchment
BORD n. table; THE ~ BIGONNE sat in the place of honour (at the head of the table)
BOT conj. but
BOT(E) n. remedy, cure, forgiveness, salvation, redemption
BOþ(E), BOþE, BOTH adv., conj.: BOTH...AND

BRACER n. leather guard for the forearm to protect it from the bowstring
 BRASTLIEN v. clash
 BREKE(N) v. < O.E. brecan
 BRYNGE(N) wk.v. bring; pret. BROHTE, BROUHTE; p.p. Y-BROHT
 BROUHTE, BROUTE see BRYNGE(N)

Cc

CAN, CON, KAN(E) pret.-pres.v. can, know how, be able, know; pret. KUTHE,
 COUTHE, COUTH; p.p. CUTH
 CHIRCHE, CHIRECHE, CHURCHE n. church
 CHIVACHEE/CHIVACHIE n. cavalry expedition
 CHIVALRYE n. knighthood, chivalry; knightly pursuits, deeds
 CLEPEN, CLEOPIE(N) v. call, cry, invoke; name
 CLERK, CLERC n. man in holy orders, cleric, scholar, educated person, student
 COME(N), COMME, CUMEN, CUM str.v. come; pret. sg. COM, COME, CAM, pl.
 COME, COME(N), COMAN; p.p. COMEN, CUMEN, Y-COME, Y-CUMEN
 COUDE v. could; COUDE...ENDITE (95) could write melodies and compose words to
 them
 COUTHE see CAN
 CRAFT n. skill, art; magic art, sorcery
 CRULL adj. curly
 CURTEISYE n. courtly conduct, courtliness, chivalry, good manners, civility, gracious-
 ness, kindness

Dd

DANES n. < O.E. Dene
 DÆI, DAY n. < O.E. dæg
 DED(E) n deed, action, thing done
 DEFAUTE n. lack [OF]
 DELIVER adj. active, agile
 DEME n. judge < O.E. dēma
 DIM(ME) adj. dim, clouded; dark
 DIUERS(E), DYVERS adj. different, various [OF divers]
 DRESSE(N) v. prepare, arrange; DRESS HIS TACKLE take care of his arrows; the feath-
 ers are trim, which gives them a clear flight
 DO(N), DOO v. Do, perform, commit, make, act, put, place, set; pret.sg. DUDE p.p.
 IDON
 DOUGHTER n. daughter < O.E. dohtor
 DRAGEN, DRAWWE(N) v. to draw < dragan, pull, drag, bring, move, go; DRAWES 3sg.

DRIHTEN, DRIHTIN n. Lord, God
 DRINK(E) n. drink, something to drink
 DRIVE(N) v. to drive < O.E. drifan

Ee

ECH(E), ÆCH, EUCH adj. pron. each, every; ÆLC, ÆLCHE
 EK(E) adv. also
 ENDYTE(N) v. compose, write
 EMBROUDE(N), ENBROUDE(N) v. embroider; EMBROUDED embroidered
 ENGLE n. the Angles < O.E. Engle
 EUE, EVE n. evening
 EUERMAR(E) adv. for ever, always, still
 EVEN adj. medium, avarage

Ff

FADER, VADER n. father
 FAIR(E), FAR(E), FEIR adj. fair, beautiful; adv. beautifully, well
 FALEWE pr. 1sg. fade, wither [OE. fealuwian]
 FARE(N) str.v. go, travel, fare, get on, behave, act, do; pret. FOR, p.p. FAREN, I-FARE
 FEIGEN, FIE wk.v. write
 FEOND n. enemy; þe FEOND the Devil; gen FEONDES
 FER, FUR adv. far (away), at a distance; FERRE further
 FERD(E) n. army
 FESTEN v. make fast, bind pr. 3 sg. FESTETH fixes, sets
 FETE v. fetch, get; FETTEN pr. 3 sg. FETTES derives
 FETHER n. feather
 FIEDE see FEIGEN
 FIHTE, FIHT(E) n. fighting, battle
 FIHTE, FIHTEN v. fight
 FINDE(N), FYNDE(N) str.v. find, also providing board and lodging
 FINGER n. finger; dat. pl. FINGREN
 FISHERE n. fisherman < O.E. fiscere
 FLE(N), FLEE, FLEO(N) v. flee, run away, escape; FLY, FLO imper. Sg.
 FLESC(E)N, FLES(SE) flesh, body; body, human form; MID FLESC and GAST in
 body and soul
 FLOD(E) n. flood, river, water
 FLOITING, FLOYTINGE pres. p. playing the flute, whistling
 FOLK(E) n. people, men, crowd, army
 FONDE v. try; look for, seek; TO FONDE to know, see

FOR, FORE, VOR prep. for; conj. for, on account of
 FOR see FARE(N)
 FORSTER n. forester
 FORT prep. until
 FOUR, FOWR num. Four
 FRAM, VRAM, VROM prep. from
 FRO, FRA prep. fro, from
 FUL(E), FOUL adj. foul, evil, dirty
 FULLUHT n. baptism
 FUNDE wk.v. seek out, aspire to

Gg

GEF, GIF, conj. if
 GIF, GEVE str.v. give, pret.sg. GEF, GAF
 GINNE str.v. begin; GINNETH, GYNNETH pres. 3 sg. begins; pret.sg. GAN, GON; pl. GONNE(N), GUNNE(N)
 GIPOUN n. tunic worn under the coat of mail
 GLAD(E) adj. glad; happy, cheerful
 GOD(E) n. good, benefit
 GOD(E) adj. good, fine, strong, good-humoured
 GOND, GEOND prep. through, across
 GOOS n. goose < O.E. gōs
 GOST, GAST n. spirit, soul
 GRETE(N) v. to greet < O.E. grētan

Hh

HABERGEOUN n. coat of mail. It has stained (bismotered) the tunic underneath
 HARNEISED fastened to a handle
 HATIE v. hate; HATETH, HEATETH 3 sg.
 HEIGH, HEI, HEY, HEGH, HEH, HEG, HEE, HIG, HYH adj. high, mighty, loud
 HELL(E) n. hell
 HELMEN n. pl. (dat.) helmets
 HEO, HI, HA 3sg. fem. pron. she; dat. acc. HIR, HIRE; acc. HEO; gen. HIR, HER
 HEOUEN v. raise, lift; pret. pl. HEUEN
 HER, HIR 3 pl. pron. their
 HER(E) adv. here
 HERE(N) v. hear < O. E. hyran
 HERE-MARKEN n. standards
 HERT(E) n. heart

HETHENESSE n. heathen lands
 HI, HY, HEO, HO, HE, HA 3 pl. pron. they
 HIDER, HEDER adv. hither
 HIGTE n. joy
 HIGTETH pr. 3 sg. is glad
 HIT, HYT, YT, IT 3 sg. n. pron it
 HOGE(N) v. to care for, think about, wish for
 HOLDE(N) v. hold, keep, maintain, contain, preserve; pret.sg. HEOLD; pl. HEOLDEN, HEOLDON
 HOPE(N) v. to hope < O.E. hopian
 HOTE(N) v. command, decree; pret.sg. HATTE
 HUNGREN, HONGREN v. feel hungry, go hungry; HIM HUNGRETH he is hungry
 HWUCH(E), HWUCCHE adj. interrog. of WHAT KIND; WHAT, WHICHEVER, WHICH

Ii

I, Y, ICH pron 1 sg. I
 I-BERE(N) str.v. bear, carry, bring into the world; pret. I-BER
 IHERE(N) v. hear, listen; pret.sg. IHERDE
 IKENNE(N) v. recognize, distinguish
 ILESTE v. last, continue; pres. 3 sg. ILAST
 ILKE adj. same, very
 ILL(E) adj. bad
 IMENGED confused
 INOGH adv. enough, greatly, very, completely, abundantly
 I-NOW, INOW, INOU, INOG, INOGH, INOH n. enough, a great deal
 ISE, YSEE v. see, meet, perceive, understand; ISO pr. 1 sg.
 IPENCHE v. conceive, imagine, remember

Kk

KEENE adj. sharp
 KEMPE n. warrior, soldier
 KERVE(N) v. to carve < O.E. ceorfan
 KINDE, KYND, KUNDE, CUNDE n. family, nature, innate character or qualities
 KNEE n. KNES pl. knees < O.E. cnēow
 KNOWE, CNOWE, KNAW v. know, show, recognize
 KOU, KOV n. cow < O.E. cū
 KOUD knew

Ll

LAGE n law; jurisdiction; uses, ways
 LAGE adj. weak, low, base; of little worth; humble; LOWE of low rank
 LECHERIE n. lechery, sensuality
 LEF adj. dear, beloved, pleasing; ME IS LEF I like, wish; LEOUE pl.
 LEF, LEEF n. leaf; pl. LEAF, LEVES
 LEFLICHE, LEOFLICHE adv. kindly
 LEPE v. run
 LESS(E) adj. comp. Less, smaller, shorter; LESSERE – double comp. “of less importance”; LEASTE sup. smallest
 LEST(E) conj. lest
 LESTE(N) v. last, continue, endure
 LEUE, LEVE n. permission; permission to go, leave; faith, belief
 LEYE(N), LEI, LAY wk.v. lay, put, place, stretch out, go to bed; LEYDE, LADE pret.; p.p. LAYD, I–LEID, LEGD
 LEGGE v. lay, place, put, impose; pret. pl. LEIDEN
 LENGTHE n. length; ON LENGTHE – at length, in the end
 LERNE, LEORNIEN wk.v. learn
 LEUDE, LEDE, LEODE n. man, people
 LIF n. life
 LIF–DAIE n. term of life, life; dat. pl. LIF–DAGE
 LIGGE(N) v. lie, lie down, be idle; LITH pr. 3 sg.
 LIKE(N) v. please
 LIST, LUST n. desire
 LISREN v. listen; LISTNETH, LUSTNETH pr. 3 sg.; LUSTNEDE past t. sg.
 LITHE adj. gracious, merciful
 LORE n. learning; lesson, teaching
 LOUERD(E), LAUERD, LAVERD n. lord, master, husband
 LOWLY adj. humble, modest
 LOWSE n. louse < O.E. lūs
 LUKEN pret. pl. drew
 LUSTY adj. pleasant, cheerful, vigorous, gallant, gay, brave
 LUVE, LOUE n. love, make love to
 LYVE(N) v. to live < O.E. libban

Mm

MAKE(N), MAKIEN wk.v. make
 MAN, MON n. man (used as indef. pers. pron) one, they

MANER(E) n manner, way; conduct, bearing; way of life; kind, kind of, in ECHE
 MANER MEN, MANI MANER FRUTE; pl.: MANERES conduct
 MANIE, MONIE pron. pl. many
 MED(E) n. meadow
 MENE v. mean pr. 1 sg.
 MENE, MEANEN v. complain
 MESTER, MEOSTER, MISTER n. trade, occupation; office; duty, function; WHAT
 MESTER MAN a man of what occupation, what sort of man
 MICHEL, MYCHEL, MUCHEL adv. much, greatly
 MID, MYDE prep. with, among, in
 MIGHT(E), MYHT, MIGHT, MAGT – n. strength, power
 MOD(E) n. mood, mind, heart
 MODER n. mother
 MOUS n. mouse < O.E. mūs
 MOUTH n. mouth < O.E. mūð

Nn

NAMO no more
 NEASE n. nose
 NYME, NIME(N) str.v. take, grab, betake oneself, go, be taken; pret. NOM,
 NAM; p.p. NOMEN, I-NUME
 NOGT, NOHT adv. not at al, not
 NOT-HEED close-cut hair
 NOSE n. nose < O.E. nosu
 NORÐHUMBRES n. pl. the Northumbrians < O.E. Norðhymbre
 NOPELES, NAPELES adv. nevertheless, all the same

Oo

O, OF prep. of
 ON(E), AN adj. one, a single; the same; a certain; pron. one (person), a certain person,
 someone, one (thing)
 ONFEST, ONFAST prep. nearby, not far from
 OWEN pret.pres.v. possess, own; 3 sg. pres. AH; 3pl. AHEN, pret. OUHTE, AUCHT,
 AUHTE, AHTE
 OFDRED, OFDRAD p.p. adj. afraid (of)
 OFSLAGE killed p.p. of SLEN
 ONDE n. envy, malice, enmity; breath
 OUER, OVER adv. over; through; prep. over, across, along, above

Pp

PERES n. pl. pears

PER-TRE n. pear-tree

PORT n. bearing

PRESSE n. press, device for pressing; AS...PRESSE as if they had been put in a hair-curler

PREST, PREOST n. priest

PRIS, PRYS n. renown, reputation; SOVEREIGN PRIS distinctive excellence and renown

PURTRAY v. paint, draw

Qq

QUAT, QUASA = WHAT, WHOSE pron. Interrog.

QUEDIR, -UR = WHAÐER conj. whether interrog., indef.

QUENE, QWENE, CWEN n. queen

QUYK, QUIK, QUIC adj. alive, living, quick

Rr

RECCHÉ v. pr. 1 sg. care (with OF)

RECCHÉ v. go

REDE wk.v. read, advise, ask; pret. RADDE

REISED made a military expedition, fought

REOWE(N), REU, REWEN cause sorrow to, grieve; have pity (on or of); tr. take pity on

RICHE adj. of high rank, noble, powerful, great

RIDE(N), RYDE(N) v. ride; RIDEN OUT go on knightly expeditions, i.e. to wars, crusades, etc.

RIWLE n. rule

ROTE n. root

RUDE, RODE n. rosy colouring, pink cheeks, complexion, face; as adj. rosy

RUNE n. secret, writings, learning

RYNG n. ring < O.E. hring

Ss

SAD adj. sated, weary (of)

SAMMNENN v. gather, collect; ISOMNED p.p.

SAULE, SOULE, SAWLE n. soul

SAXONS n. the Saxons < O.E. Seaxe
SCANEN v. break
SEYE(N), SEYN, SEIE, SAY, SEGGE, SIGGE wk. v. say
SEL adj. good, agreeable
SETTE, SETT wk.v. set, place
SEUENE, SEOVENE adj. seven
SCHAL, SHAL pr. 1, 3 sg. shall
SCHELD n. shield, pl. SCELDES
SCHUNIEN v. shun, avoid
SCILWIS adj. discerning; as n. pl. perceptive men
SE, SEE(N), SEN(E) v. see, look at
SERUE(N) v. attend upon, assist at mass
SIN(NE), SYN(NE), SUNNE n. sin
SKENTINGE n. entertainment, pleasure
SLE(N) v. kill; p.p. ISLAGE; pret.sg. SLOH
SNOV, SNOU, SNOWE n. snow
SONDE, SCHONDE n. disgrace, ruin
SONE, SONN, SUNE n. son
SONNE n. sun < O.E. sunne
SOR(E) adv. bitterly, grievously, painfully, exceedingly
SORE n. pain, sorrow
SORWE n. sorrow < O.E. sorg
SOTH, SOOTH, SOUTH adj. true
SOTHFEST adj. sincerely true
SPEKE(N) v. speak, tell
SPERE n. spear
SPREDE v. spread, expand; open
SPRENGEN v. fly, leap
SPRINGE, SPRYNGE v. spring, flower, grow
STATHE n. river-bank
STEDEFEST adj. steadfast, true
STENCH n. stench
STINKE v. stink
STUDE, STEDE n. place
SUMDEL adv. somewhat, rather; in part, to some extent; a good deal
SUSTER n. sweostor
SWEIN, SWEYN n. attendant (of a knight), servant
SWERD, SWEORD n. sword
SWINKEN v. labour, work; SWANK, SWONK past t. sg.
SWIPE adv. strongly, greatly, severely
SWYMME(N) v. to swim < O.E. swimmen

Tt

TAK, TAKE(N) v. take, catch, understand; TAS – 3pl.
 TELLE(N) wk.v. tell, count; pret. TOLDE
 TEMPTATIUN n. temptation; pl. TEMPTATIUNS
 TOBLAWEÐ pr. 3 sg. blws up
 TOBREKE(N) v. break (down), break to pieces
 TOGEDRE, TOGEDERES, TOGADERE adv. together
 TO–SUMNE adv. together
 TRE(E), TREO, TRO, TROWE n. tree
 TUHTE(N) pl. drew, came
 THAI, THAY pron. 3 pl. they
 THAN, THANNE, THANE, THENNE adv. and conj. then
 THER, THAR, THÆR adv. there; rel adv. there where
 THIDERWARD adv. to that place
 THING(E), THYNG n. thing, event, anything, creature; FOR MINE THINGE on my
 account
 THIRE = THIN(E), THYN yours
 THYNKEN, THINKEN v. < O.E. þencan
 THONK n. thought, mind, thanks
 THOU pron. 2 sg. thou, you
 THRIFTILY adv. carefully, properly
 THRUMME(N) wk.v. condense, push together; pret. THRUMDE
 TOLLEÐ pr. 3 sg. entices, attracts

Þþ

ÞORN(E) n. thorn-tree
 ÞORNE–WODE n. brier-bushes
 ÞRIST. See ÞURST n. thirst

Uu

UÆIE adj. doomed, fated to die
 UNIMETE, VNIMETE adj. immeasurable, immense; excess of [O.E. ungemete]
 UNNEN, VNNEN v. grant, be willing, wish, desire (as imper.)
 UNNEÐE adv. scarcely, hardly
 UNÐEU, UNÐEAW n. vice, sin
 UPPARD = UPWARD adv. upwards
 UPPEN, UPPE prep. upon, on

Vv

VERAY, VERRAY adj. true, genuine, loyal, faithful, just
 VERTU, UERTU n. power, quality

Ww

WAT see WHAT, WITE(N)
 WEL, WEEL, WEYL(L) adv. well
 WENDE(N) wk.v. go, turn; translate; pret.sg. WENT, WENDE, VENT; pl. WENTEN;
 p.p. WEND, Y-WENT
 WEORDE, WORD(E) n. word, name
 WHA, WHO pron. interrog. Who; indef. (some)one; anyone, whoever
 WHAN, HWAN, WANNE, HWEN(NE), QUEN adv., conj. when, since
 WIF, WYF, WYFF n. wife, woman; dat.sg. WYVE, pl. WYVES
 WIL, WYL, WILL(E) n. will, wish, desire, what one wants
 WIL, WYL, WILL(E) n. craft, deceit
 WIGHT n. creature, person, man; NO MANER ~ (in neg. context) anyone
 WILLE, WILEN v. desire, want to, mean to, intend to, will
 WIS, WYS adj. wise, prudent
 WISSE n. guide, title
 WITE(N), WYT(E) pret.pres. v. know, keep; pres. sg. WAT, WOT
 WITHER n. conflict, fighting
 WIPSTODE past t. subj. Sg. resisted
 WLITE n. appearance, face, beauty, splendour
 WODE n. wood, forest < O.E. wudu
 WOLCUME(N), WELCOME(N), WILCUME(N) adj. welcome; WELCOMETH,
 WOLCUMETH imper. Pl. welcome, pr. 3 sg.
 WOLDE pret. of WILLE
 WONEN, WONYE, WUNIEN wk.v. inhabit; p.p. WONED, I-WUNET accustomed
 WONENE adv. whence
 WONDRE(N) v. to wonder < O.E. wundrian
 WORD, WURD n. word message; pl. WURDYS, WORDEN
 WRITE(N), WRYTE str.v. write; pret. WROTE; p.p. WRITEN, I-WRITEN
 WURSE, WORS(E) adj. comp. worse
 WYCCHЕ n. witch; pl. WITCHES
 WYDENE adv. far and wide

Yy

YEMAN n. yeoman, retainer; a servant to the knight and his son. He is above the rank of an ordinary servant and acts as a forester or gamekeeper, perhaps having a small plot of land for his own [from YONG + MAN]

Предметный указатель

- аблаут (апофония), 238, 239, 271, 273, 278, 287, 291, 305, 311
- абруптивный (усеченный),
абруптивность, фазовость, 241, 243, 244, 245, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 261, 262, 264, 265, 393
- агглютинация, агглютинат,
агглютинирующий, 19, 21, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 56, 59, 62, 67, 69, 125, 220, 231, 237, 265, 274, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 299, 300, 302, 309, 340, 342, 353, 377, 383, 384, 386, 387, 390, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 401
- адьюнкт, 334, 361, 372, 374
- акростих, 127
- актант, 329, 331, 332, 341, 347, 349, 351, 354, 372, 395
- акцентная структура слова, 230, 231, 311, 378
- алломорф, 279
- аллофон, 224, 232, 233, 236, 247, 250, 251, 257, 262, 263
- альвеолярный, 223
- американский (английский) язык, 104, 106, 109, 111, 112, 114, 115, 120, 121, 122, 125, 141, 245, 254, 255, 265
- анализ, аналитический,
аналитическая конструкция,
аналитические модели,
аналитические лексемы,
аналитические формы, 7, 9, 15, 16, 18, 23, 25, 31, 32, 36, 39, 44, 46, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 56, 58, 59, 62, 64, 68, 69, 70, 71, 73, 86, 93, 109, 112, 115, 125, 135, 148, 152, 163, 186, 220, 223, 224, 226, 228, 241, 255, 266, 267, 272, 275, 277, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 290, 291, 296, 303, 304, 307, 308, 309, 310, 312, 313, 315, 316, 318, 319, 321, 323, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 336, 337, 340, 341, 344, 345, 349, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 361, 364, 366, 368, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 380, 381, 384, 385, 386, 387, 388, 390, 391, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 404
- английская колонизация, 40, 41, 103, 104, 107, 111, 114, 123, 141, 265, 382, 387, 393
- англо-норманнский диалект, 79, 80, 102, 124, 202
- англосаксонская хроника, 159, 171, 172, 181, 184, 186, 187, 190, 191, 199, 241
- аорист, 314
- апостроф, 302
- архетип, 64, 69, 124, 152, 308, 309, 310, 314, 317, 359, 360, 375
- ассоциативная номинативность, 314, 319
- ассоциативно-вербальные связи, 54, 58, 356, 388
- африкаанс, 68, 308, 309
- афроамериканский английский, 114
- аффрикаты, 258
- базисный уровень категоризации, 222, 391
- Бегун по свету, 71
- безэрное произношение, безэрные диалекты, 113, 115, 116, 251
- бином, 56, 283, 286, 326, 327, 344, 360, 364, 370, 372, 373, 374, 375, 376, 384, 396
- Битва при Брунанбурге, 181

- Битва при Молдоне, 190
 Большой Оксфордский словарь, 100, 101, 196
 Бостон, 107, 112, 113
 Брут, 205, 207, 210
 валентность, 283, 312, 313, 316, 317, 318, 319, 321, 323, 327, 399
 великий сдвиг гласных, 248, 249, 250, 251, 252, 265, 393
 велярный умлаут, велярный звук, 207, 234, 256, 264, 393
 вестернизация, 310
 викинги, скандинавский субстрат, даны, норвежцы, скандинавское влияние, 38, 61, 66, 102, 171, 172, 173, 174, 180, 181, 184, 187, 189, 190, 198, 199, 200
 внешняя
 детерминанта, 9, 255, 256, 396, 397, 398
 история языка, 9, 13, 44, 58, 310, 386, 388, 390, 397
 флексия, 353, 394
 внеязыковое
 сознание, 57, 58, 121, 388, 390, 397
 внеязыковые
 параметры, 397
 причины, 136
 внутренняя
 детерминанта, 325, 327, 344, 396, 398
 история языка, 9, 13, 44, 57, 386, 387, 390, 396, 397, 398
 флексия, 353, 394
 внутриэтническая
 конфликтность, 42
 среда, 57
 внутриэтнический
 конфликт, 52, 53
 уровень, 202, 222, 391
 внутриэтническое
 взаимодействие, 50
 внутриязыковые
 изменения, 398
 Воззвание Генриха III к народу, 87
 вокализация ([r] и др.), 113, 115, 116, 117, 207, 244, 249, 250, 251, 253, 255, 261, 263, 265, 393
 вокализм, 116, 224, 225, 232, 236, 237, 240, 241, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 251, 254, 261, 265, 271, 393
 геминаты, 241, 258, 260, 262, 280
 германские языки, 8, 9, 26, 65, 66, 67, 68, 69, 162, 196, 198, 228, 229, 230, 231, 234, 237, 238, 240, 252, 259, 260, 271, 272, 274, 278, 282, 286, 287, 297, 308, 309, 310, 311, 314, 337, 344, 351, 352, 353, 358, 377, 386, 394, 399, 401, 402
 германское завоевание Британии, 38, 104, 139, 142, 143, 148, 159, 162
 Гимн Богу – творцу вселенной (Гимн Кэдмона), 167, 168, 169, 338
 глагольная синтагма, 283, 285, 315, 317, 318, 321, 329, 339, 361, 372
 гласный
 высокого (низкого, среднего) подъема, 224, 228, 243, 263
 переднего (заднего, смешанного ряда), 71, 72, 224, 233, 234, 235, 251, 257, 263
 глоссарий, 9
 готский язык, 66, 229, 230, 232, 234, 240, 259, 260, 261, 278, 279, 280, 287, 308, 360, 403, 480
 грамматикализация, 275, 278, 282, 284, 314, 319, 321, 333, 353, 364, 383, 394, 395
 грамматическая подсистема, 16, 302, 315
 групповой родительный, 302
 делабиализация, 88, 117
 детерминанта, 261
 детерминатив, 295, 297, 303, 331, 334
 Джеймстаун, 106, 112, 113
 Джэрроу, 165
 диалект
 лондонский, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 101, 124
 диалектный континуум, 63, 65, 67, 68, 70, 71, 114, 124, 228, 303

- диалекты
восточно-центральные, 70, 75, 78, 86, 87, 89, 124, 242
западно-центральные, 70, 75, 77, 124, 205, 242
северные, 70, 71, 72, 86, 87, 101, 124, 300, 304, 305, 306, 307, 353
центральные, 87, 300, 307
южные, 70, 73, 75, 77, 81, 86, 87, 101, 205, 300, 306, 307, 353
- Диалог лорда и клерка, 94
- диахроническая типологическая константа, 308, 340, 400
- дивергенция, 63, 67, 101, 104
- дисиллаб, 55, 57, 195, 196, 370, 378, 381
- дифтонги, дифтонгоиды,
дифтонгизация, 72, 75, 88, 117, 224, 227, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 240, 242, 244, 248, 249, 250, 252, 254, 255, 260, 264, 265, 393
- дифференциация, 92, 112, 124, 151, 304, 310, 316, 389
- древнегерманские племена и диалекты, 37, 60, 66
- Законы уэссекских королей, 151
- закрытые классы слов, 340, 343, 354, 395
- западногерманское удвоение согласных, 261, 280
- звучность, 226, 227, 228, 244, 259
- золотая лихорадка, 115
- изоморфизм, изоморфность, 55, 255, 284, 311, 331, 360, 361, 363, 372
- именная синтагма, 296, 297, 304, 345
- имплицитивные признаки,
отношения, характеристики, 18, 22, 29, 59, 299, 385, 386
- инактивность, 348
- ингвеонское выпадение носовых, 260
- индоевропейский, 26, 64, 65, 69, 136, 138, 142, 143, 163, 229, 230, 238, 239, 268, 271, 273, 278, 292, 295, 308, 310, 311, 336, 340, 352, 353, 394, 399, 402
- инициаль, 71, 224, 226, 227, 255, 287
- инкорпорация, инкорпорирующий, 19, 326, 397, 398
- интериоризация, 168, 222, 391
- Истории против язычников*, 145, 179
- Калифорния, 115
- качественно-признаковый ракурс, 267
- квакеры, 108, 113, 114
- кейжаны (язык кейжанов), 114
- кельты, кельтские языки, кельтский субстрат, кельтский суперэтнос, 38, 40, 54, 55, 60, 61, 68, 102, 103, 104, 105, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 181, 195, 198, 200, 205, 207, 237, 391, 402
- Кентерберийские рассказы, 83, 89, 90, 211, 212
- кентский, 68, 69, 70, 91, 124
- кластер
категорий, 391
семантических признаков, 326
смыслоразличительных признаков, 223
- Книга судного дня, 199
- когнитивная метафора, 313, 316, 317, 321, 322, 328, 376
- кодификация, 95, 101, 106, 122, 125, 389
- койне, 91, 92, 101, 124, 187
- кокни, 96
- коллекционность, 29, 371, 384, 396
- коммуникативный ракурс, 335, 345, 349, 398
- комплиментарность, 40, 43, 52, 160
- коннекция, 345
- консонантность, 228, 244, 247, 265
- корневое склонение, 272, 294, 301
- корнеизоляция, корнеизолирующий, 19, 30, 31, 32, 56, 59, 62, 68, 69, 125, 220, 227, 228, 265, 281, 300, 309, 316, 325, 326, 327, 335, 340, 341, 342, 351, 354, 377, 383, 384, 386, 387, 390, 393, 395, 396, 397, 398
- корнеслова, корнеслог, 20, 21, 24, 31, 227, 262, 263, 265, 272, 277, 282, 300,

- 326, 327, 364, 377, 378, 380, 381, 383, 393, 394, 395
- корреляция усечения слога, 241, 252
- кумуляция, 222, 391
- куртуазный, 73, 205, 210, 212, 217
- лабиализация, 75, 88, 237, 242, 251
- лексико-морфологическая
маркированность, 358
перекатегоризация, 21, 341, 342
- лексико-морфологический
класс, 341, 354, 364, 379, 383, 395
критерий, 329
ресурс, 355
- лексико-синтаксические процессы, 7, 285, 315, 321, 326, 328, 329, 344, 349, 353, 357, 376, 394
- лексико-синтаксическое поле языка, 326, 332, 374
- лексическое значение, 267, 268, 277, 283, 352, 362, 394
- лимитативный, 303
- Линдисфарн, 161, 165, 171
- макросистема (суперсистема, надсистема), 14, 43, 44, 53, 54, 376, 377, 384, 386, 390, 396, 397
- межъязыковые
контакты, 196
- межэтнические
контакты, 34, 39, 40, 50, 54, 55, 60, 61, 102, 111, 160, 162, 193, 196, 202, 312, 363, 391
конфликты, 41
- межэтнический
опыт, 391
уровень, 202, 222, 391
- межэтническое
взаимодействие, 50, 198
- мерсийский, Мерсия, 68, 69, 124, 128, 164, 165, 179
- монетаризация, 219, 356
- Монологи святого Августина, 185
- моносиллаб, 23, 24, 25, 30, 31, 32, 55, 56, 57, 220, 227, 229, 300, 358, 378
- монофтонги, монофтонгизация, 72, 75, 117, 224, 232, 233, 236, 240, 242, 249, 250, 254, 260, 264, 265, 393
- мора, моросчитающий, 227, 228, 230, 258, 259, 260, 261, 262, 264, 265
- морфонология, морфонологический, 7, 246, 267, 271, 278, 287, 299, 311, 401
- морфосиллаб, морфосиллабизация, 31, 227, 228, 231, 265, 303, 326, 328, 378, 393, 394
- напряженные (ненапряженные), 146, 153, 192, 262, 263, 265
- нативизация, 112
- нефинитная субпарадигма, 285, 329, 331, 332, 351, 353, 394
- Новая Англия, 107, 113, 114, 116
- Новый Орлеан, 112, 114
- Норманнское завоевание, 35, 38, 59, 60, 79, 86, 93, 102, 124, 199, 200, 201, 202, 204, 211, 219, 222, 305, 379, 391
- норманны, норманнский, англо-норманнский, 35, 40, 55, 73, 79, 102, 124, 200, 201, 202, 203, 205, 209, 211, 219, 221, 258, 289, 483
- Нортумбрия, нортумбрийский, 68, 69, 102, 124, 131, 132, 161, 163, 164, 165, 167, 171, 187, 197, 198
- носители значений, канонический носитель значения, 14, 21, 28, 29, 266, 267
- Нью-Йорк, 107, 113, 114
- Область датского права, 173
- общеграмматическое значение, 30, 266, 267, 268, 277, 283, 341, 347, 363, 379
- общескандинавский язык-основа, 66
- Обязанности пастыря, 22, 175, 177
- озвончение (фонологизация) щелевых, 262
- окказиональный ракурс, 326, 342, 345, 375, 384, 396
- онтогенез и филогенез, 38, 44, 390
- оппозиция, 51, 52, 95, 161, 185, 224, 231, 232, 235, 236, 237, 241, 243, 244, 246, 247, 248, 250, 251, 252, 253, 255, 256, 258, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 271, 280, 289, 302, 311, 312, 318, 392, 393

- оптимальность языкового кода, 221, 222, 391
- основообразующий суффикс (тематический элемент), 67, 268, 278, 279, 280, 292, 294, 295, 311, 352, 353, 394
- открытые классы слов, 340, 343
- палатализация, палатальный, 234, 235, 236, 239, 256, 257, 258, 483
- парадигматизация, 284, 286, 318, 319, 321
- первичные лексемы, 31, 227, 284, 328
- первое передвижение согласных, 479
- плеонастический, плеоназм, 279, 304, 402
- плотный (свободный) контакт, 228, 229, 243, 244, 245, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 254, 262, 263, 264, 339, 393
- полисемия (многозначность), 56, 312, 376, 381
- полисиллаб, 20, 23, 25, 26, 55, 221, 378
- полисинтетический, 19
- полуфинитив, 331
- понятийная номинативность, 327
- Правила для отшельниц, 75
- праязык, праязыковой, праформа, 63, 64, 238, 264
- превербы, 359, 360, 361, 366, 367
- предикатное ядро предложения, предикация, 289, 313, 317, 319, 329, 330, 336, 337, 338, 339, 364
- преломление, 233, 239, 264, 393
- пресвитерианство, 104
- претерит, 67, 272, 273, 276, 279, 280, 284, 285, 288, 289, 312, 314, 401
- претерито-презентные глаголы, 272, 273, 274, 275, 284, 285, 290, 291, 312, 313, 314, 343, 353, 354, 394, 395
- примыкание, 228, 229, 243, 249, 283, 304, 317, 318, 333, 334, 335, 339, 344, 345, 354, 372, 374, 395
- прогрессивная ассимиляция, 27, 277, 280
- продуктивность – непродуктивность, 7, 16, 17, 18, 19, 24, 267, 272, 276, 277, 284, 287, 295, 305, 343, 344, 363, 366, 370, 374, 385
- пропозитивная номинация, 347
- просодема, просодический (супрасегментный), 226, 227, 229, 230, 231, 240, 245, 247, 248, 252, 253, 258, 259, 260, 262, 263, 264, 280, 299, 311, 378, 380, 392
- просопопея, 134
- просторечие, 96
- протестантство, 103, 107
- прототип, прототипический, 78, 83, 112, 113, 131, 184, 202, 207, 212, 247, 266, 274, 285, 305, 312, 317, 322, 329, 351, 362, 363, 365, 368, 370, 375
- протяженность, геминация, долгота, удлинение, 224, 241, 243, 247, 251, 258, 260, 261, 262, 264, 265, 280, 303
- псевдотранзитивность, псевдообъектность, 280, 317, 321, 328
- пуризм, 95, 400, 401
- пуританизм, 107
- различительный (дифференциальный) признак, 224, 234
- расширители, 317, 318, 321, 322, 366
- региональный стандарт, 116
- регистр, регистровый, 56, 77, 80, 81, 92, 122, 124, 195, 217, 221, 337, 365, 382, 389
- регрессивная ассимиляция, 233, 235, 237, 264, 271, 299, 393
- редукция неударных слогов, 70, 118, 231, 233, 240, 241, 243, 244, 258, 262, 264, 275, 291, 298, 301, 302, 305, 306, 307, 358, 363, 370, 375, 378, 393
- редупликация, редупликат, 279, 287, 311
- рифма, 226, 227
- Ричард III, 94
- ротацизм, 64, 295, 480
- руны, рунический, рунология, 66, 69, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 143, 163, 169, 235, 240, 308, 337, 400, 401, 481, 483

- руत्वельский крест, 132, 492
- самоадаптация, самоорганизация, 7, 8, 12, 14, 15, 22, 36, 40, 43, 45, 48, 49, 52, 53, 58, 66, 70, 76, 95, 98, 107, 111, 125, 141, 142, 147, 148, 149, 163, 188, 189, 290, 388, 389, 390, 397
- свернутая конструкция, 380, 402
- сегментный уровень, 223, 226, 252
- селекционность, 21, 24, 29, 374, 384, 396
- семантическая структура слова, 56, 219, 221, 222, 312, 313, 316, 317, 356, 381, 392
- семиотический, семиотика, семиозис, (этно)семиосфера, семиотическая деятельность, 7, 8, 12, 14, 15, 36, 37, 39, 40, 43, 44, 46, 48, 49, 50, 51, 54, 58, 101, 111, 122, 126, 134, 135, 149, 163, 168, 186, 198, 220, 221, 222, 355, 388, 389, 390, 391, 402
- силлабема, 227
- сильное склонение, 91, 297, 298, 300, 303
- сильные глаголы, 78, 79, 120, 226, 238, 272, 274, 276, 278, 282, 286, 287, 288, 291, 305, 306, 314, 318, 335, 480
- симметрия – асимметрия, 15, 16, 17, 235, 248
- сингармонизм, 27, 28, 277
- синкретичность, 368, 369
- синтактико-позиционная
перекатегоризация, 30, 56, 297, 335, 342, 347, 351, 353, 370, 371, 379, 395
- синтез, синтетический, 31, 32, 59, 62, 69, 124, 125, 168, 237, 238, 264, 267, 268, 271, 274, 280, 284, 286, 299, 305, 309, 313, 321, 333, 334, 337, 338, 340, 343, 348, 352, 357, 377, 378, 380, 384, 386, 387, 390, 392, 393, 394, 396
- слабое склонение, спряжение, 91, 273, 274, 276, 278, 293, 297, 298, 299, 301, 303
- слабые глаголы, 65, 77, 226, 278, 279, 280, 282, 286, 287, 288, 305, 306, 314, 353, 394
- словопорядок, порядок слов в предложении, 338, 347, 348
- слог (легкий, тяжелый, супертяжелый), слогиноситель, слогиобразующий элемент, слогиосчитающий, слогиораздел, 73, 226, 227, 228, 229, 237, 249, 252, 258, 259, 260, 261, 264
- слогоморфемы, 252, 265, 393
- слогофонема, 227
- служебные слова, 23, 29, 120, 262, 275, 313, 314, 315, 333, 334, 335, 340, 343, 344, 345, 354, 395
- событийный ракурс, 398
- согласование, 24, 27, 289, 291, 295, 296, 304, 307, 317, 318, 319, 323, 329, 333, 334, 335, 338, 344, 345
- социально-функциональный статус, 39
- специализация (сужение значения), 56, 219, 286, 302, 303, 356
- Стамфорд бридж, 197
- стандарт, стандартизация, норма, нормирование, литературный язык, 24, 77, 86, 93, 95, 97, 101, 105, 109, 116, 117, 118, 119, 122, 123, 125, 187, 245, 254, 352, 363, 366, 370, 371, 374, 389
- столетняя война, 80, 202, 203, 212
- структура словоформы (слова), 20, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 55, 220, 229, 231, 240, 247, 259, 268, 282, 284, 294, 304, 311, 379
- структура этноса, суперэтнос, субэтнос, консорции, конвиксии, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 57, 58, 60, 63, 79, 95, 103, 104, 123, 138, 148, 149, 162, 163, 186, 193, 194, 198, 201, 202, 203, 205, 212, 221, 256, 356, 376, 387, 388, 389, 391, 396, 398
- структура языка, 13, 16, 43, 59
- субпредикация (вторичная, зависимая предикация), 329, 333, 338, 339

- субстанция языка, субстантный, 13,
14, 15, 17, 18, 43, 53, 57, 63, 64, 95,
112, 120, 129, 135, 141, 210, 221, 226,
236, 284, 285, 301, 302, 303, 311, 312,
314, 315, 318, 328, 329, 330, 331, 332,
333, 334, 343, 345, 352, 353, 354, 357,
358, 365, 370, 371, 372, 375, 376, 386,
391, 394, 395
- субэтническая
группа, 203, 212
- субэтнические
ценности, 202
- субэтнический
уровень, 40, 222, 391, 392
- суперэтническая
доминанта, 136
система, 35, 36, 37, 40, 43, 49, 68, 98,
106, 109, 111, 115, 125, 141, 158,
167, 201, 202, 203, 204, 219, 221,
389
- суперэтнический
контакт, 141
уровень, 40, 201, 222, 392
- суперэтническое
пространство, 204
- супплетивизм, супплетивный, 17, 24,
268, 269, 270, 271, 299, 304, 319, 326,
343, 353, 394
- техника соединения носителей
значений, 7, 31, 60, 222, 264, 266,
268, 274, 284, 379, 392, 393
- тип в языке, 17, 25
- тип словоизменения
(словоизменяемый тип), 19, 22,
297, 312
- тип языка, 17, 18, 22, 32, 385, 386
- типологическая разнородность
лексического состава английского
языка, 55, 377, 378, 383
- ударение, 28, 118, 227, 229, 230, 231,
238, 240, 252, 259, 264, 277, 281, 378,
392, 480
- Уинчестер, 187
- Уирмог, 165
- Уитби, 165
- умлаут, 234, 235, 236, 239, 258, 264,
272, 279, 280, 294, 393
- управление, 42, 76, 98, 122, 145, 146,
150, 181, 186, 195, 200, 221, 317, 333,
334, 335, 338, 344, 347, 369, 381
- Утешение философией, 185
- уэдморский договор, 173
- уэссекский, 68, 69, 124, 167, 171, 172,
173, 181, 187, 194, 198, 234, 242
- Филадельфия, 112, 113
- финаль, 226, 227, 228, 233, 242, 254,
255, 264, 393
- флексивность, флексивный, флексия,
17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27,
29, 31, 32, 49, 53, 54, 58, 59, 61, 62,
67, 69, 72, 91, 109, 111, 124, 125, 196,
232, 236, 241, 262, 266, 268, 271, 272,
273, 277, 278, 279, 284, 285, 286, 289,
290, 291, 294, 295, 296, 299, 300, 301,
304, 305, 306, 307, 309, 311, 312, 313,
314, 315, 317, 319, 326, 330, 331, 333,
334, 335, 338, 340, 341, 343, 344, 346,
348, 349, 351, 352, 353, 354, 356, 357,
369, 371, 374, 375, 377, 378, 384, 386,
387, 388, 390, 394, 395, 396, 397, 398
- фонема, 13, 223, 224, 226, 227, 228, 233,
234, 235, 236, 243, 246, 248, 249, 250,
251, 253, 256, 257, 258, 259, 260, 261,
262
- фонологическая подсистема, 116, 228,
235, 255
- французский (романский) субстрат,
наследие французского субстрата в
языке, 55, 57, 63, 75, 77, 79, 80, 81,
83, 86, 93, 114, 120, 203, 205, 217,
218, 219, 220, 221, 222, 242, 244, 258,
365, 370, 377, 382, 391, 392
- фузия, фузионный, 27, 28, 29, 31, 237,
238, 264, 268, 272, 274, 276, 277, 299,
352, 365, 379, 392, 394
- функциональная
адаптация, 333
адекватность, 15, 17, 18, 57
значимость, 252

- нагрузка, 14, 15, 16, 17, 30, 35, 55, 56, 95, 221, 222, 235, 236, 237, 258, 264, 271, 302, 315, 321, 334, 335, 340, 343, 344, 347, 354, 360, 362, 377, 392, 393, 395, 398
- перегруженность, 362
- ситуация, 40, 389
- специфика, 14, 43, 51, 125, 313, 328, 340, 364, 376, 383, 389
- функциональное
- назначение, 13, 221, 345
  - поле, 247
  - разделение, 80
  - расширение, 93
- функционально-семантический, 221, 283, 284, 285, 290, 318, 321, 325, 329, 330, 331, 341, 357, 359, 364, 383, 395
- функционально-типологический, 255, 377, 382
- функциональные
- параметры, 33, 57, 105, 329, 347, 376, 384, 396
  - показатели, 196
  - стили, 92, 124, 389
  - условия, 149
  - факторы, 236, 261
- функциональный
- вклад, 329
  - конфликт, 52, 53
  - критерий, 331
  - план, 40, 55, 220, 238, 271
  - потенциал, 282, 287, 342, 355, 377, 384, 396
  - ракурс, 227
  - сдвиг, 333
  - смысл, 15
  - статус, 25, 42, 49, 80, 123, 152, 231, 232, 264, 284, 374, 392
  - элемент, 53
- функция языка, 14, 355, 397
- футарк, 126, 127, 131, 134, 135, 136, 137, 163
- хронотоп, 284, 285, 286, 289, 290, 312, 314, 321, 333, 352, 353, 359, 361, 363, 364, 365, 366, 374, 394
- цельнооформленность, 230, 237, 264, 268, 277, 282, 342, 356, 357, 360, 361, 362, 366, 371, 375, 386, 392, 393
- цельносистемная перестройка, 7, 8, 18, 34, 44, 59, 63, 123, 125, 308, 386, 387, 390, 398
- центральная зона предложения,
- конструктивное ядро предложения, 330, 348, 372, 373, 380
- центрирующий звук,
- центростремительный, 117, 246, 248, 249, 250, 255, 262, 265, 393
- Церковная история англов, 68, 159, 165, 169, 185, 198
- Чарлстон, 107, 112, 114
- частнограмматическое значение, 266, 267, 268, 277, 281, 283, 351, 353, 394
- Чесапикский залив (о-ва), 113
- Шкатулка Фрэнкса, 131, 132, 488, 489, 490, 491
- шотландский английский, 101, 102
- эврисемия (широкозначность),
- носители эврисемии, 56, 280, 285, 312, 313, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 323, 325, 326, 328, 332, 343, 351, 352, 353, 354, 366, 368, 370, 371, 375, 376, 381, 382, 384, 394, 395, 396
- эгнонормативная стабилизация, 112
- экзегеза, 76
- эндонормативная стабилизация, 112
- эрное произношение, эрные
- диалекты, 113, 114, 115, 116, 117, 251
- эталонный процесс, 34
- этимологический слой, 54, 55, 56, 391
- этническая
- близость, 211
  - граница, 59, 193
  - группа, 40, 46, 49, 50, 51, 80, 81, 86, 102, 376, 398
  - доминанта, 150, 152
  - жизнь, 35, 36, 38, 46, 47, 48, 49, 111
  - идентификация, 123, 125, 389
  - идентичность, 38

- история, 36, 44, 49, 53, 58, 60, 101, 123, 125, 187, 190, 386, 388, 389, 390, 397
- картина мира, 8, 33, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 95, 390, 397, 401
- культура, 53, 193, 195, 212, 401, 404
- обскурация, 47, 143, 148, 162
- общность, 51
- принадлежность, 47, 103
- проблема, 33
- родина, 180, 202
- самобытность, 47, 163
- система, 7, 8, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 52, 54, 55, 58, 60, 62, 80, 104, 134, 141, 148, 149, 163, 165, 171, 186, 188, 193, 194, 198, 202, 203, 211, 220, 221, 388, 389, 390, 391
- структура, 62, 387
- традиция, 43, 44, 45, 92, 124, 138, 165, 185, 389
- фаза, 49
- хронология, 34
- целостность, 66
- эпоха, эра, 57, 60, 95, 198, 219
- этнические
- изменения, 220
  - константы, 45, 48, 50, 58, 98, 388
  - предпочтения, 86
  - стереотипы, 52
- этнический
- аспект, 63, 123, 387
  - возраст, 202
  - идеал, 153
  - контакт, 40, 48, 161, 355, 376, 390
  - кризис, 190
  - критерий, 60
  - образ, 46
  - опыт, 37, 43, 44, 48, 51, 142, 217, 220, 222, 389, 391, 392
  - процесс, 33, 34, 36, 38, 46, 48, 49, 52, 53, 58, 59, 60, 79, 80, 105, 256, 386, 388, 390
  - состав, 108, 114, 125, 389
  - стереотип, 34, 35, 44, 46, 47, 48, 152, 160
  - субстрат, 54, 55, 62, 357, 376, 387, 391
  - таксон, 40
  - уровень, 40
  - фактор, 57, 61, 201, 222, 392
- этническое
- единство, 165
  - поле, 34, 35, 36, 38, 42, 46, 97, 142, 147, 148, 149, 188, 198, 202
  - развитие, 60, 219
  - размежевание, 103
  - расширение, 35, 40, 130, 138, 148, 150, 152, 153, 163, 204
  - самосознание, 47, 60, 165, 194, 201
  - событие, 145
  - сообщество, 44, 49, 53, 165, 390
- этногенез, 32, 33, 34, 36, 38, 39, 42, 43, 46, 47, 49, 52, 54, 55, 57, 60, 61, 63, 66, 104, 123, 142, 149, 153, 188, 202, 212, 220, 222, 376, 377, 386, 387, 391, 397, 400
- этнокультурная
- вариативность, 398
  - детерминированность, 398
  - жизнь, 115
  - значимость, 87
  - самоидентификация, 222, 391
  - система (подсистема), 36, 388
  - специфика, 383
  - традиция, 34, 43
- этнокультурное
- возрождение, 179
  - сообщество, 57, 58, 93, 115, 388
- этнокультурные
- взаимодействия, 39
  - доминанты, 49, 50, 51, 52, 53, 57, 58, 109, 125, 148, 149, 152, 163, 165, 166, 186, 189, 198, 202, 203, 204, 205, 211, 212, 217, 219, 221, 222, 388, 389, 391, 397
  - корни, 177
  - параметры, 57
  - процессы, 92, 124, 125, 389, 390
  - различия, 102
  - традиции, 95, 201, 202, 220

-
- этнокультурный
опыт, 8, 15, 37, 48, 51, 57, 355, 389,
390, 391
процесс, 44
тип, 34, 42, 44, 45, 47, 50, 54, 60, 63,
66, 123, 222, 387, 390, 391, 397
- этнолингвистические
аспекты, 8
параметры, 113
- этнолингвистический
анализ, 51, 404
контекст, 115
подход, 70
- этнология, 33
- эффект основателя, 106, 111, 112
- ядро-периферия, 16, 17
- языковая
академия, 122
вариативность, 11, 39, 63, 86, 404
деятельность, 36, 43, 81, 388
картина мира, 400
макросистема, 16
норма, 99
политика, 42
система, 7, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18,
19, 22, 24, 34, 37, 39, 44, 48, 49,
57, 58, 59, 61, 62, 140, 220, 222,
231, 234, 241, 247, 257, 261, 267,
283, 300, 308, 311, 312, 313, 340,
343, 344, 355, 363, 364, 376, 377,
386, 387, 388, 389, 392, 397
ситуация, 39, 42, 58, 105, 125, 309,
388, 389, 399
среда, 193
формация, 308
- языковое
наследие, 57, 60, 61
сознание, 29, 31, 57, 58, 121, 388,
390, 404
сообщество, 39, 355
- языковой
код, 14, 103, 221, 222, 363, 391
коллектив, 125, 390
материал, 8
уровень, 14, 185
- языковые
изменения, 397
- языковые
вопросы, 99
данные, 57
единицы, 13, 14, 17, 65, 120, 121,
266, 318, 377
закономерности, 8
знаки, 15, 37, 54, 390
значения, 266
изменения, 8, 13, 15, 33, 37, 48, 57,
59, 310, 385, 389, 390
инновации, 115
модели, 169
особенности, 77
преобразования, 309
проблемы, 99
процессы, 7, 9, 18, 34, 43, 92, 125,
220, 242, 300, 377, 385, 388, 389
различия, 102, 139
семьи, 69
союзы, 69
средства, 94, 196
структуры, 31, 375
формы, 64, 65, 91, 187
элементы, 12, 13, 17, 196
явления, 15, 17

Именной указатель

- Августин (св.), (Augustine (St.)), 161, 166, 167, 185, 189, 198, 207, 291, 405
- Адамс Джон (президент), 122
- Адриан (император), 144
- Айдан (миссионер), 161
- Альфред (король) (Alfred), 22, 54, 145, 152, 159, 165, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 179, 180, 181, 184, 185, 186, 188, 194, 198, 338, 391
- Амброзий Аврелиан, 159, 207
- Антоний, 322
- Арсеньева М. Г., 66, 399
- Артур (король), 159, 205, 207, 209, 210, 212, 401
- Ательстан, 181, 184
- Балашова С. П., 399
- Беда Достопочтенный, (Bede the Venerable), 68, 159, 165, 166, 167, 170, 185, 198, 205, 290, 291, 339, 409
- Беликов В. И., 39, 399
- Беляева Т. М., 368, 370, 399
- Бенвенист Э., 36, 43, 136, 280, 321, 399
- Беркли, 82
- Берков В. П., 399
- Бернс Роберт, 103
- Битнер И. А., 10, 332, 399
- Бо А., (Vaugh A. C.), 73, 75, 78, 79, 87, 91, 92, 97, 100, 101, 119, 140, 160, 164, 166, 175, 193, 220, 305, 306, 382, 385, 405
- Богатова Г. А., 402
- Боудикка (царица), 146
- Бозций, 185, 404
- Брайант А., 201, 212, 399
- Бредли Генри, 101
- Бруннер К., 296, 302, 303, 307, 385, 399
- Бубенникова О. А., 9, 105, 228, 399, 400
- Вас, 205, 207, 209
- Вахек Й., 262
- Вергилий, 205
- Верферт (епископ), 177, 179
- Виглаф, 155
- Виланд (кузнец), 131, 490
- Вильгельм (Завоеватель), 79, 196, 199, 200, 201, 337
- Винничук Л., 25, 400
- Влавацкая М. В., 96, 101, 400
- Вольфрам Уолт, (Wolfram W.), 106, 111, 112, 113, 114, 115, 122, 123, 409
- Вульфила, 66
- Вульфстан (Wulfstan), 180, 410
- Гавелок, 184
- Гальфрид Монмутский, 205
- Гамкрелидзе Т. В., 400, 479
- Гамлет Датский, 184, 185
- Гарольд (английский король), 196
- Гарольд (норвежский король), 1066, (Harold (Norwegian king)), 196, 197
- Гауер, 87
- Генрих III (король), 80, 87
- Генрих IV, 211
- Генрих Плантагенет, 200, 201, 207
- Гивон, 321
- Гиллингем Джон, 200
- Гильда (монах), 159, 207
- Гиньевра, 207
- Годвин, 196, 197
- Грендель, 154
- Григорий I (папа), (Gregory (St.)), 22, 166, 177, 189, 207
- Гримбольд (Grimbold), 179
- Гримм Я., 65, 479, 480

- Гринберг Дж., 309
Гумилев Л. Н., (Gumilev Leo), 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 46, 47, 52, 53, 54, 60, 66, 141, 143, 149, 153, 193, 200, 201, 202, 203, 219, 400
Гуревич А. Я., 152, 164, 203, 400
Гухман М. М., 66, 230, 280, 308, 309, 310, 311, 340, 400
Давид I (король), 102, 179
Дашкова Е. Р., 97, 98
Джеймс I (король), 103, 104
Джефферсон Томас (президент), 109
Джоанна Кентская, 212
Джон (король, Иоанн Безземельный), 80
Джон Гонт, 211
Джон де Тревиза, 81, 82
Джонсон С., (Johnson S.), 96, 97, 99, 100, 325, 410
Джонстон У., 100
Джоунз С., 100
Дренясова Т. Н., 333, 401
Елена (мать императора Константина), (Elepe), 128, 129, 138, 169, 409, 440
Есперсен О., (Jespersen O.), 220, 228, 309, 382, 407
Жукова Л. С., 10, 95, 400, 401
Зеленецкий А. Л., 333, 401, 402
Зиндер Л. Р., 228, 401
Иванова Вяч. Вс., 400
Иванова И. П., 291, 314, 401
Игнатъев А. С., 404
Иден Р., 93
Ильин И. А., 35, 342, 401
Ильина Т. И., 10, 401
Ильиш Б. А., 286, 314, 337, 339, 385, 401
Ине (король), 151
Карничелли Томас А., 185
Кейбл Т., 79
Кенрик У., 100
Клавдий, 145
Ковалев Т. В., 399
Ковалева Л. М., 9
Коламба (миссионер), 161
Колесников Л. В., 400
Колопотин М., 402
Комаринец А., 159, 205, 207, 401
Константин (император), 128
Костомаров Н. И., 35, 401
Крейги Уильям, 101
Крысин Л. П., 39, 47, 399, 401
Кубряковая Е. С., 400
Кэдмон, 167, 168, 169, 170, 179, 198, 338
Кэкстон Уильям, 81, 87, 92, 96
Кюневульф, 128, 138, 169, 198
Лаврентьева Л. Р., 10, 134, 401
Лангакер, 321
Леман Р. П. М., 142
Ленерт М., 126, 150, 184, 351
Лихачев Д. С., 401, 484
Лурье С. В., 33, 41, 42, 45, 48, 50, 52, 401
Лэс Р., (Lass R.), 65, 66, 67, 235, 238, 240, 246, 248, 251, 252, 256, 333, 337, 338, 365, 385, 407, 408
Марри Джеймс, 101, 102
Марри Р., (Murray R.), 102, 228, 229, 230, 259, 407
Матузова В. И., 289, 290, 401
Маханьков И. И., 404
Мельников Г. П., 21, 28, 29, 309, 325, 326, 342, 343, 396, 397, 398, 401
Мельникова Е. А., 126, 401
Менкен Генри Луис, 109, 110, 111
Мечковская Н. Б., 39, 401
Мешков О. Д., 365, 401
Мигачев В. А., 279, 401
Миллз Карл, (Mills Carl), 13, 55, 407
Мионов С. А., 333, 401, 402
Митрохин Л. Н., 404
Михайлова Т. А., 142, 402
Моммзен Т., 142, 402
Мордред, 207
Мороховский А. Н., 348, 365, 372, 402
Мортон А. Л., (Morton A. L.), 138, 141, 147, 151, 159, 193, 407
Мурат В. П., 400
Нефедьев М. В., 362, 402
Никуличева Д. Б., 9, 402
Новикова О. Г., 400
Озуин (король), (Oswin), 161, 167

- Олаф (вождь), 184, 185
Онъонз Чарльз, 101
Орозий, (Orosius), 145, 180, 289, 290,
322, 330, 410
Осборн Р., 35, 402
Освальд (король), 161, 164
Осипова О. А., 9, 279, 402
Оффа (король), 165
Охтхере, 180
Пасечник Г. А., 400
Пауль Г., 385, 402
Пейдж Р., (Page R. I.), 126, 130, 337,
408, 481
Петрова Т. А., 10, 380, 402
Пламмер Ч., (Plummer Ch.), 173, 187,
190, 191, 192, 193, 410
Плиний Старший, 68, 93, 143
Плоткин В. Я., 9, 24, 27, 55, 225, 232,
233, 234, 235, 236, 237, 241, 243, 244,
245, 247, 248, 258, 260, 261, 262, 267,
268, 271, 303, 309, 312, 313, 315, 316,
319, 321, 329, 330, 331, 332, 335, 336,
338, 339, 343, 345, 348, 351, 357, 372,
377, 382, 402, 479
Полюжин М. М., 402
Потапов В. В., 143, 402
Проскурин С. Г., 134, 135, 402, 403
Пумпянский А. Л., 95, 402
Ранульф Хигден, 81
Раск Р., 65, 479, 480
Расторгуева Т. А., (Rastorguyeva T. A.),
160, 284, 402, 408
Ричард II, 211
Ричард III, 94
Ричардсон Ч., 100
Ришелье (кардинал), 97
Рум А. Р. У., 400
Садохин А. П., 33, 46, 403
Сандерз Джон, (Saunders J.), 204, 219,
220, 408
Свейн (король), (Swein), 192, 193
Свифт Джонатан, 99
Сесиль В., 93
Сидорина Н. П., 28, 29, 403
Сизова И. А., 359, 403
Симон де Монфор (барон), 88
Скит У. (Skeat W. W.), 101, 102, 103,
133, 134, 408, 410
Скотт Вальтер, 103
Скрелина Л. М., 79, 403
Смирницкая О. А., 129, 403
Смирницкий А. И., 81, 82, 206, 385,
403
Солнцев В. М., 266, 267, 403
Соловьева Л. Н., 399
Сорокин Ю. А., 47, 403
Становая Л. А., 79, 403
Стеблин-Каменский М. И., 129, 403
Степанов Ю. С., 9, 134, 135, 399, 403
Ступников И. В., 325, 403
Стэнбридж Дж., 96
Суит Г., 61, 62
Сэлүэй П. см. Salway P., 143, 146
Тарасов Е. Ф., 47, 403
Тацит Корнелий, 68, 134, 137, 144, 145,
147, 148, 403
Твен М., (Twain M.), 110, 111
Тойнби А. Дж., 35, 403
Томас а Бекет, 211
Томахин Г. Д., 104, 108, 403
Топорова Т. В., 167, 403
Торп Б., 168, 170
Тости (граф), 197
Традгилл П., (Trudgill P.), 116, 251,
310, 405, 408
Трубецкой Н. С., 35, 247, 252, 259, 403
Уайтлок Д., 191
Уилльямс М., 184
Уколова В. И., 185, 404
Уфимцева Н. В., 47, 404
Ушакова Т. Н., 57, 404
Уэбстер Ной, 118, 119, 120
Фаулер Р., (Fowler R.), 134, 154, 155,
174, 178, 180, 339, 368, 409
Франклин Бенджамин, 120
Фрэнкс А. У., 131
Хаммерих Л., 479
Хардакнут, 194
Харлей Роберт (лорд казначей), 99
Хелстунски С., 184
Хорнби А. С. см. Hornby A. S., 345, 404
Хротгар, 153, 154, 155

- Хьюз Дж., (Hughes G.), 55, 152, 160, 195, 217, 219, 356, 377, 380, 406
- Циммерлинг А. В., 333, 404
- Цицерон, 25
- Черная Л. А., 35, 404
- Чосер Джеффри, 83, 87, 89, 90, 91, 211, 212, 217, 219, 242, 302, 303, 304, 307, 317, 365, 370, 371, 373
- Шапошникова И. В., (Shaposhnikova I. V.) 10, 55, 318, 401, 404, 408
- Швейцер А. Д., 39, 123, 404
- Шервуд Е., 404
- Шеридан Томас, 100
- Шиллинг-Эстес Натали, (Schilling-Estes Natalie), 106, 111, 112, 113, 114, 115, 122, 123, 409
- Шнайдер Эдгар, (Schneider Edgar W.), 106, 111, 112, 140, 141, 408
- Шпенглер О., 35, 404
- Эгберт (король), (Egbert), 171, 172, 173, 409
- Эгфрит (король), 165
- Эдмунд, (Eadmund (Prince)), 181, 183
- Эдуард (Исповедник), 196, 197
- Эдуард I, 181
- Эдуард III, 190, 211, 212
- Элионора Аквитанская, 200, 207
- Элиот Томас, 96
- Эльфрик, 76, 136
- Эмма, 196
- Энтонсен, 128, 131
- Этельбальд, (Ethelbald), 171
- Этельберт, (Ethelbert), 171
- Этельвульф, 171
- Этельред (уэссекский король), (Ethelred), 171, 172, 186, 190
- Этельфлед, 181
- Юл Дж., (Yule G.), 48, 64, 409
- Юлий Цезарь, 144, 145
- Ярцева В. Н., 87, 93, 94, 101, 188, 345, 405
- Alfred, (Альфред (король)), 22, 54, 145, 152, 159, 165, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 179, 180, 181, 184, 185, 186, 188, 194, 198, 338, 391
- Amhlaide, 185
- Anlaf, 183, 184
- Antonsen Elmer H., 128, 131, 337, 405
- Ash Sh., 115, 253, 255, 407
- Asser, 178, 179
- Augustine (St.), (Августин (св.)), 161, 166, 167, 185, 189, 198, 207, 291, 405
- Bauer Anna H., 364, 405
- Baugh A. C. (Бо А.), 73, 75, 78, 79, 87, 91, 92, 97, 100, 101, 119, 140, 160, 164, 166, 175, 193, 220, 305, 306, 382, 385, 405
- Bede the Venerable, (Беда Достопочтенный), 68, 159, 165, 166, 167, 170, 185, 198, 205, 290, 291, 339, 409
- Bennett J. A. W., 409
- Beowulf, 153, 154, 155, 170, 179, 322, 323, 348, 349, 350, 351, 409
- Bertha, 166
- Blair J., 153, 160, 161, 162, 164, 194, 405, 499
- Boberg Ch., 115, 253, 255, 407
- Boswell J., 97, 100
- Bosworth J., 100, 409
- Burchfield R., 408
- Burrow J. A., 73, 75, 76, 77, 83, 405
- Bynon Th., 55, 405
- Cable Th., 73, 75, 78, 91, 92, 97, 100, 101, 140, 160, 164, 166, 193, 220, 305, 306, 385, 405
- Caedmon, 167, 170
- Carnicelli Th. A., 186, 405
- Cattell R., 405
- Chadwick H. M., 150
- Chambers J. K., 251, 405
- Chaucer G., 365, 409
- Clark, 409
- Colman Fran, 406
- Comrie Bernard, 405, 409
- Cran W., 94, 100, 102, 104, 139, 140, 160, 407
- Croft W., 18, 342, 405
- Crystal D., 99, 385, 405
- Dalziel Nigel, 42, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 405

- Davis Norman, 409
De Cuypere Ludovic, 333, 406
Eadmund (Prince), (Эдмунд), 181, 183
Egbert, (Эгберт (король)), 171, 172, 173, 409
Elene, (Елена (мать императора Константина)), 128, 129, 138, 169, 409, 440
Enger Hans-Olav, 26, 406
Ethelbald, (Этельбальд), 171
Ethelberht, 166, 291
Ethelbert, (Этельберт), 171
Ethelred, (Этельред (уэссекский король)), 171, 172, 186, 190
Fennell B. A., 92, 385, 406
Fisiak Jacek, 88, 206, 409
Fowler R., (Фаулер Р.), 134, 154, 155, 174, 178, 180, 339, 368, 409
Freeborn D., 72, 75, 242, 245, 327, 351, 406
Garcia Antonio Miranda, 407, 483
Gillingham J., 406
Givon Talmy, 321, 406
Gonzalez Diaz Victoria, 304, 406
Gordon E., 310, 408
Gordon R. K., 130, 154, 156, 158, 351, 409
Görlach M., 205, 406
Gradon P. O. E., 409
Gray Douglas, 409
Greenbaum S., 408
Gregory (St.) (Григорий I (папа)), 22, 166, 177, 189, 207
Grimbold, 178, 179
Gumilev Leo, (Гумилев Л. Н.), 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 46, 47, 52, 53, 54, 60, 66, 141, 143, 149, 153, 193, 200, 201, 202, 203, 219, 400
Guthrum (king), 173
Haack Hermann, 405
Hall J. R., 409
Harold (Norwegian king), (Гарольд (норвежский король), 1066), 196, 197
Helsztynski Stanislaw, 168, 170, 176, 178, 185, 209, 410
Hernández-Campoy Juan Manuel, 94, 406
Hieatt A. Kent, 409
Hieatt Constance, 409
Hiltunen R., 362, 406
Hogg Richard M., 103, 225, 406
Hooper Juan Bybee, 228, 229, 406
Hopper Paul J., 275, 333, 406
Hornby A. S., 116, 117, 409
Howard D. R., 409
Howell Robert B., 236, 406
Huddleston R., 303, 406
Hughes G., (Хьюз Дж.), 55, 152, 160, 195, 217, 219, 356, 377, 380, 406
Ingham Patricia, 409
Ingram James, 191, 197, 410
Jackson Andrew, 109, 110
Jarceva V. N., 407
Javier Calle Martin, 407, 483
Jespersen O., (Есперсен О.), 220, 228, 309, 382, 407
Ježek Elisabetta, 342, 407
John the Old Saxon, 179
Johnson S., 100, 325, 410
Julius Caesar, 11
Klein E. A., 410
Knapp Samuel Lorenzo, 110
Knowles G., 385, 407
Kuhn Sherman M., 225, 233, 234, 236, 242, 407
Labov W., 115, 253, 255, 407
Lagamon / Laweman, 206, 207
Lass R., (Лэс Р.), 65, 66, 67, 235, 238, 240, 246, 248, 251, 252, 256, 333, 337, 338, 365, 385, 407, 408
Latham R. E., 409
Lee D. W., 370, 407
Leech G., 408
Lehmann Chr., 275, 407
Lehmann Ruth P. M., 142, 143, 407
Lehnert M., 128, 130, 134, 150, 152, 158, 168, 170, 176, 178, 184, 189, 197, 199, 286, 291, 351, 410
Leodheard, 166
Lewis G., 310, 408
Lincoln Abraham, 109

- MacKenzie John M., 405
MacLagan, 310, 408
MacNeil R., 94, 100, 102, 104, 139, 140, 160, 407
Madame Eglantine, 85
McCrum Robert, 11, 94, 100, 102, 104, 139, 140, 160, 407
McDowall D., 201, 212, 407
McMahon April M. S., 321, 407
Mencken H. L., 110, 407
Mills Carl, (Миллз Карл), 13, 55, 407
Morgan K. O., 405
Morris Richard, 410
Morton A. L. (Мортон А. Л.), 138, 141, 147, 151, 159, 193, 407
Mufwene Salikoko S., 106, 407
Murray Robert W., (Марри Р.), 102, 228, 229, 230, 259, 407
Nist J., 383, 385, 407
Ohthere, 180
Onions C. T., 410
Opalinska M., 263, 407
Orosius, (Орозий), 145, 180, 289, 290, 322, 330, 410
Oswin, (Озуин (король)), 161, 167
Page R. I., (Пейдж Р.), 126, 130, 337, 408, 481
Partridge E., 140, 219, 410
Plag Ingo, 343, 408
Plegmund, 178, 179, 297
Plummer Ch., (Пламмер Ч.), 173, 187, 190, 191, 192, 193, 410
Pullum G. K., 303, 406
Queen Victoria, 42
Quirk Randolph, 225, 233, 234, 236, 242, 340, 344, 348, 370, 407, 408
Ramat Paolo, 342, 407
Rastorguyeva T. A., (Расторгуева Т. А.), 160, 284, 402, 408
Rybakin A. I., 410
Salway P., 144, 146, 408
Saunders J., (Сандерз Джон), 204, 219, 220, 408
Schilling-Estes Natalie, (Шиллинг-Эстес Натали), 106, 111, 112, 113, 114, 115, 122, 123, 409
Schlauch M., 73, 161, 408
Schneider Edgar W., (Шнайдер Эдгар), 106, 111, 112, 140, 141, 408
Schreier D., 310, 408
Shakespeare William, 11, 94, 410
Shaposhnikova I. V. (Шапошникова И. В.), 10, 55, 318, 401, 404, 408
Sherley-Price Leo, 409
Skeat W. W., (Скотт Вальтер), 101, 102, 103, 134, 408, 410
Smithers G. V., 409, 414
Sprockel C., 241, 408
Svartvik J., 408
Sweet H., 61, 196, 318, 365, 408, 410, 414
Swein, (Свейн (король)), 192, 193
Thorlac Turville-Petre, 73, 75, 76, 77, 83, 405
Toller T. Northiote, 409
Traugott Elizabeth Closs, 275, 333, 406
Troilus, 317
Trudgill P., (Традгилл П.), 116, 251, 310, 405, 408
Twain M., (Твен М.), 110, 111
Upton Clive, 116, 117, 408
Van Coetsem F., 271, 279, 287, 408
Van Kirk Dobbie E., 410
Vanbrugh J., 323
Vennemann Theo, 228, 229, 230, 407
Verner, 287
Versloot Arjen P., 67, 409
Vogel Petra M., 405, 409
Wace, 205, 206
Waerfeth, 176, 346, 347
Wayland, 131, 490
Wayne M. Senner, 405
Webster Noah, 110
Whitelock Dorothy, 173, 174, 190, 191, 192, 193, 410
Wicka Katerina Somers, 236, 406
Widdowson J. D. A., 116, 117, 408
Wolfram W., (Вольфрам Уолт), 106, 111, 112, 113, 114, 115, 122, 123, 409
Wrenn C. L., 370, 408, 409
Wulfstan, (Вульфстан), 180, 410
Yule G., (Юл Дж.), 48, 64, 409

Указатель таблиц и графического материала

Часть I

Таблица 1. Структурно-количественный анализ древнеанглийских словоформ, 23

Таблица 2. Структурно-количественный анализ латинских словоформ, 26

Часть III

Таблица 1. Древнегерманский вокализм (ударные гласные), 225

Таблица 2. Гласные после палатального умлаута (по В. Я. Плоткину), 235

Таблица 3. Позднедревнеанглийский вокализм (по В. Я. Плоткину), 237

Таблица 4. Вокализм переходного периода XI–XII вв. (по В. Я. Плоткину), 244

Таблица 5. Новоанглийский ударный вокализм, 246

Таблица 6. Великий сдвиг гласных, 248

Таблица 7. Американский вокализм (стандарт), 254, 255

Таблица 8. Древне-, средне- и новоанглийский консонантизм, 256, 257

Таблица 9. Супплетивные глаголы в древне- и среднеанглийском языках, 269, 270

Таблица 10. Мужской и женский род, корневое склонение, 272

Таблица 11. Претерито-презентные глаголы в древнеанглийском, 273, 274

Таблица 12. Претерито-презентные глаголы в среднеанглийском, 275, 276

Таблица 13. Слабые глаголы, 278

Таблица 14. Глагол *habban* (to have), 281

Таблица 15. Основы сильных глаголов в древнеанглийском, 287

Таблица 16. Спряжение древнеанглийского глагола, 288

Таблица 17. Типы склонения существительных (-a- основы мужского рода), 292

Таблица 18. Существительные -a- основы среднего рода, 292

Таблица 19. Существительные -ō- основы женского рода, 293

Таблица 20. Существительные -u- основы женского и мужского родов, 293

Таблица 21. Слабое склонение. Основы на -n, 293

Таблица 22. Умлаут в корневом склонении (Root-stems), 294

Таблица 23. Основы на -r, 294

Таблица 24. Основы на -es, 294

Таблица 25. Сильное склонение прилагательных (The Strong Declension), 298

Таблица 26. Слабое склонение прилагательных (The Weak Declension), 298

Таблица 27. Указательные местоимения (Demonstrative Pronouns), 298, 299

Таблица 28. Склонение существительных в южных диалектах среднеанглийского языка, 300, 301

Таблица 29. Остатки склонения прилагательных, 303

Таблица 30. Глагольные словоизменительные парадигмы. Сильные глаголы, 305

Таблица 31. Слабые глаголы, 306

Таблица 32. Спряжение среднеанглийских сильных и слабых глаголов, 306, 307

- Таблица 33.* Личные местоимения (Personal Pronouns), 315
Таблица 34. Парадигмы некоторых глаголов-носителей эврисемии в древнеанглийском, 319, 320
Таблица 35. Парадигмы некоторых глаголов-носителей эврисемии в среднеанглийском, 320
Таблица 36. Функционально-типологическая разнородность лексического состава английского языка, 378, 379, 380, 381, 382

Приложение 1

- Таблица П1.* Первое общегерманское передвижение согласных (закон Раска – Гримма), 479
Таблица П2. Закон Вернера, 480
Таблица П3. Древнеанглийские руны, 481
Таблица П4. Древнеанглийские звуко-буквенные соответствия, 483
Таблица П5. Среднеанглийские изменения в орфографии, 487

Часть I

- Рис 1.* Периодизация истории английского языка, 62
Рис 2. Генеалогия германских языков, 65
Рис 3. Датировки письменной фиксации западногерманских языков, 67

Часть II

- Рис 4.* Социальная иерархия англосаксов, 149
Рис 5. Административно-властная пирамида в классический древнеанглийский период, 194

Часть III

- Рис 6.* Структура слога в английском языке, 226

Приложение 2

- Рис. П1.* Шкатулка Фрэнкса. Правая панель, 488
Рис. П2. Шкатулка Фрэнкса. Левая панель, 489
Рис. П3. Шкатулка Фрэнкса. Передняя панель, 490
Рис. П4. Шкатулка Фрэнкса. Задняя панель, 491
Рис. П5. Рутвельский крест, 492
Рис. П6. Актуализация типологической доминанты в словоизменительных подсистемах германских языков, 493

Приложение 3

- Карта 1.* Древнеанглийские диалекты, 494
Карта 2. Среднеанглийские диалекты, 495
Карта 3. Кельтская суперэтническая система, 496
Карта 4. Британия в составе Римской империи, 497
Карта 5. Завоевание Британии германцами, 498
Карта 6. Войны короля Альфреда с данами, 500
Карта 7. Границы скандинавских поселений, 501
Карта 8. Англия в составе Скандинавской империи в XI в., 502
Карта 9. Норманнское завоевание (1066), 504
Карта 10. Кельтский пояс, 505

Приложение 1

Таблицы звуковых и звуко-буквенных соответствий

Таблица III

Первое общегерманское передвижение согласных (закон Раска – Гримма)¹
Шумные согласные

и.-е.	герм.
<p>Глухие смычные</p> <p><i>p</i> <i>t</i> <i>k</i></p> <p>лат. <i>pater</i> «отец» лат. <i>tū</i> «ты»; рус. <i>три</i> лат. <i>octo</i> «восемь»</p>	<p>Глухие щелевые</p> <p><i>f</i> <i>þ</i> <i>h</i></p> <p>(если им не предшествовал другой щелевой)</p> <p>гот. <i>fadar</i>, англ. <i>father</i> гот. <i>þū</i>, англ. <i>three</i> нем. <i>acht</i></p>
<p>Звонкие смычные</p> <p><i>b</i> <i>d</i> <i>g</i></p> <p>рус. <i>болого</i> лат. <i>duo</i> «два» лат. <i>granum</i> «зерно» лат. <i>ego</i></p>	<p>Глухие смычные</p> <p><i>p</i> <i>t</i> <i>k</i></p> <p>англ. <i>pool</i> англ. <i>two</i> англ. <i>corn</i> др.-англ. <i>ic</i>, нидерл. <i>ik</i></p>
<p>Придыхательные смычные</p> <p><i>bh</i> <i>dh</i> <i>gh</i></p> <p>санскр. <i>bharāmi</i> <i>Madhyas</i> «средний» (лат. <i>medius</i>) санскр. <i>stighnōmi</i> др.-греч. <i>steikhō</i></p>	<p>Звонкие смычные</p> <p><i>b</i> <i>d</i> <i>g</i></p> <p>англ. <i>bear</i>, готск. <i>bairan</i> гот. <i>midjis</i> нем. <i>steigen</i></p>

¹ По мнению некоторых фонологов, этот закон отражает исторические процессы, ставшие частью эволюции строя общеиндоевропейского языка и не ограничивающиеся германскими языками (Л. Хаммерих, В. Я. Плоткин). Как считает В. Я. Плоткин, относительно новые реконструкции общеиндоевропейских согласных (см. [Гамкрелидзе, Иванов, 1984]) могут привести к пересмотру этого закона [Языкознание, 1998, с. 119–120].

Закон Вернера²

<p>Возникшие по закону Раска – Гримма из и.е. глухих смычных (p, t, k) древнегерманские глухие щелевые (f, þ, h) озвончились и превратились в звонкие смычные после безударного гласного корня.</p> <p style="text-align: center;"> $p \Rightarrow f \Rightarrow b \Rightarrow b$ $t \Rightarrow þ \Rightarrow ð \Rightarrow d$ $k \Rightarrow h \Rightarrow g \Rightarrow g$ </p> <p>Cf.: OE weorþan “become” Skr vartami “I turn” weorþe (pres 1 sg), weorþ (pret 1 sg), OE slēan (*sleahan) slōh (pret sg)</p> <p>s озвончается в тех же условиях</p> <p>Goth. hausjan «слышать» kusum «выбрали»</p>	<p>Звонкие смычные (b, d, g) (после безударного гласного корня, когда ударение смещалось на суффиксальную морфему, что предположительно имело место у сильных глаголов в причастии втором и претерите множественного числа в период доминирования свободного ударения).</p> <p>wurdon (pret pl), -worden (p. p.) -slegen (p.p.)</p> <p>s ⇒ z ⇒ r в тех же условиях. Например, was – were. Это явление получило название ротацизма. Оно наблюдалось в западно- и северогерманских языках, в готском оно не отмечено.</p> <p>OE hīeran curon</p>
--	---

² Закон Вернера действовал, пока в общегерманском праязыке еще сохранялось индоевропейское свободное ударение. При фиксации динамического (силового, основанного на силе выдоха) ударения на корне условия для действия закона Вернера исчезают.

Таблица ПЗ

Древнеанглийские руны ³

Рунический знак	Звуковое значение	Древнеанглийское слово
ƿ ₁	f	Feoh (feh)
u ₂	u	Ur
þ ₃	þ	Thorn
o ₄	o	Os
r ₅	r	Rad
c ₆	c	Cen
g ₇	g	Gyfu
w ₈	w	Wen
h ₉	h	Haegl
n ₁₀	n	Nyd
i ₁₁	i	Is
j ₁₂	j	Ger
Ʒ ₁₃	Ʒ, originally i(h)	Eoh
ƿ ₁₄	p (very rare, variant shapes)	Peorth
z ₁₅	z (r in West Germanic)	Eolh
s ₁₆	s	Sigel
t ₁₇	t	Tir

³ В таблице приводится список англосаксонских рун вслед за [Page, 1973, p. 44]. Пейдж выделяет в древнеанглийских памятниках 31 руну, отмечая возможность вариативности некоторых форм. Руны 29–31 были введены англосаксами (на севере) для обозначения отличий заднеязычных и среднеязычных аллофонов древнеанглийских **c** и **g**. Некоторые руны отражают результаты звуковых изменений по умлауту (например, руны 24, 27, которые интерпретируются как результат слияния o + i; u + i соответственно).

ᚼ ¹⁸	b	Beac
ᚾ ¹⁹	e	Eh
ᚿ ²⁰	m	Man
ᛚ ²¹	l	Lagu
ᚷ ²²	ng	Ing
ᚫ ²³	d	Daeg
ᚩ ²⁴	oe	Ethel
ᚱ ²⁵	a	Ac
ᚳ ²⁶	ae	Aesc
ᚷ ²⁷	y	Yr
ᚹ ²⁸	ea	Ear
ᚷ ²⁹	g	Gar
ᚫ ³⁰	k/c	Calc
ᚷ ³¹	k'	Its name is unknown

Древнеанглийские звуко-буквенные соответствия

В качестве материала для письма англосаксы использовали преимущественно пергамент. В структурной организации текстов отсутствовали привычные для современного человека орфографические средства: регулярные пробелы между словами, разбиение на смысловые отрезки (абзацы), знаки препинания⁴. Поэтому в издательской практике принято соблюдать ряд условностей, которые облегчают современному читателю восприятие древнеанглийских текстов, но никогда не применялись писцами (авторами и переписчиками древних текстов). К числу таких условностей можно отнести обозначение долготы гласного, например **ō**; замену некоторых несвойственных современному языку древнеанглийских знаков на более привычные символы, например: различные варианты букв для обозначения щелевого звука [θ – ð] – **þ, P**, заимствованный из рун ‘thorn’ (**ᚦ**), **ð** (названный в XIX в. ‘eth’) – на более привычные **Th, th**, лигатуру **æ** (которая называлась ‘ash’) – на более простое в графическом воспроизведении **ae**, а более древний (так называемый «островной») **Ʒ** на «карolingский минускул» **g** при воспроизведении текстов, относящихся ко времени, когда эта замена еще не стала нормой для писцов.

Иногда маркируется палатализация и назализация с помощью специальных значков, например: **Ċ ċ, Čč, â**. Заимствованный из рунического письма древнеанглийский символ ‘wynn’ (**ƿ**) заменяется на **w**, само произношение этой буквы английского алфавита говорит о ее происхождении, однако появилась она в текстах рукописей значительно позднее, чем можно было бы заключить из изданий с модернизированной орфографией.

Англосаксы начали пользоваться латиницей (у готов, в отличие от западногерманских народов, алфавит создавался на основе греческой системы) в ходе приобщения к христианству. Поначалу это был латинский минускул (от лат. *minusculus* «меньший»), предположительно привнесенный в Англию ирландскими миссионерами. Позднее он был преобразован в так называемый «островной» вариант (*insular script*), просуществовавший вплоть до XI в. С этого времени под влиянием норманнской письменной традиции для обозначения целого ряда звуков начинают использоваться знаки континентального шрифта (созданного франками), так называемые «карolingские минускулы», островные же выходят из употребления к концу XII в.

⁴ Использование знаков препинания в древних текстах – малоисследованная область англистики. О направлении творческого поиска исследователей по этой проблеме можно судить из появившихся в последние годы в европейских научных журналах статей, посвященных отдельным письменным памятникам. См., например: [Javier Calle Martin, Antonio Miranda Garcia, 2005].

Самой необычной для современного человека особенностью древнеанглийских текстов является вариантность написаний, которая отражает не только диалектное разнообразие речи самих авторов сохранившихся текстов, но и свидетельствует об отсутствии нормирования как общественно закрепленной практики. Вот что по этому поводу пишет Р. Хор: «...scribes were making individual copies of manuscripts for a tiny and generally locally restricted audience. This meant that each scriptorium at any one time would have its own spelling conventions, which would differ from the conventions both of other scriptoria and of the same scriptorium at some other time. In part this would be a matter of dialect, for at least in the earlier period scribes probably attempted to represent in a recognisable form the speech of those around them. But it has also to be remembered that the concept of 'correct' spelling is a modern one. For the Anglo-Saxon scribe it would not necessarily have been 'incorrect' to spell a word one way in one line and another way in the next» [The Cambridge History of the English Language. Vol. 1, p. 77–78]⁵.

Древнеанглийский звук	Буквенные обозначения звука в древнеанглий- ской латинице	Древнеанглийское слово с этим звуком	Перевод на современный английский
[i]	I i	biscep	bishop
[u]	U u	wulf	wolf
[y (ü)]	Y y, i	geniht, genyht	sufficiency, abun- dance
[e]	E e	mere	sea, lake, water
[â]	A a, O o before m, n	and, ond	and, but
[o]	O o	oft	often, regularly
[æ]	a + e = ae, æ	Ælf; æsc	elf, fairy; ash-tree
[i:]	I i	isen, iren	iron, sword
[u:]	U u	ure	our, ours
[y: (ü:)]	Y y, ie	hyran, hieran	to hear, learn
[e:]	E e	ece	eternal
[ɑ:]	A a	ac	oak
[o:]	O o	os	a heathen god
[æ:]	a + e = ae, æ	faege	doomed to die, fated

⁵ Скрипториями в средневековых монастырях называли мастерские, в которых переписывались книги (лат. *scriptor* – «переписчик, писец»; ср.: англ. *scribe*). Иногда скрипториями называют группы писцов. О группах («дружинах») писцов и связанных с этим традициях переписки применительно к древнерусским реалиям, их описании с помощью введенного Д. С. Лихачевым термина «конвой» см.: [Лихачев, 1983, с. 245–284].

Древнеанглийский звук	Буквенные обозначения звука в древнеанглий- ской латинице	Древнеанглийское слово с этим звуком	Перевод на современный английский
[ɑ]	A a	habban	have
[ea]	ea	earh	arrow
[eo]	eo	eolh	elk
[io]	io	ior	name of the rune for <i>io</i>
[ie]	ie	iernan (yrnan, iornan)	to run, flow
[ea:]	ea	east	east
[eo: (io:)]	eo (io)	eode	went
[ie:]	ie	nied (nyd)	need, duty
[p]	P p	preost	priest
[b]	B b	beon	be
[t]	T t	tid	time, period, hour
[d]	D d	dor	door, gate
[f]	F f	faran	to go, run, pass
[v]	F f (between vowels; between a vowel and a sonant)	ofer yrfe	over property, live-stock
[m]	M m	manig	many
[n]	N n	nosu	nose
[w]	W w; U u (Nth.)	wundor, uundor	wonder, miracle
[l]	L l	leof	dear, friendly
[r]	R r	rinc	man, hero
[θ]	Ʀ, ð, Ð, þ	Ʀurh, ðeowman	through; serf, serv- ant
[ð]	ð, þ (be- tween vowels; between a vowel and a sonant)	baþian	to bathe
[s]	S s	spel	tale, story
[z]	S s (between vow- els; between a vow- el and a sonant)	risan	rise
[k]	C c (before back vowels and fronted by umlaut vowels)	com cynn (Cf. Goth <i>kuni</i>)	came kin

Древнеанглийский звук	Буквенные обозначения звука в древнеанглийской латинице	Древнеанглийское слово с этим звуком	Перевод на современный английский
[k'], later [tʃ]	C c (before front vowels)	cild	child
[sk'], later [ʃ]	Sc sc	sceadu	shadow, darkness
[g]	ʒ, later G g (before back vowels and consonants in initials; before fronted by umlaut vowels; after nasals)	God glidan ges singan	God glide geese sing
[gʷ], later [dʒ]	Cg	brycg	bridge
[j]	ʒ, later G g (before front vowels)	geolu, geong	yellow, young
[χ]	H h (after back vowels)	sohte	to seek
[y]	ʒ, later G g with back vowels (between and after back vowels; after r, l)	dagas slog sorg folgian	days killed sorrow follow
[yʷ]	ʒ, later G g (between and after front vowels)	weg	way
[χʷ]	H h (after front vowels)	niht	night
geminated consonants [θ: l: r: n: m: f: s: , etc.]	doubling (only between vowels)	siþþan, tellan, steorra, gewinnan, swimman, offrian, cyssan, etc.	since, tell, star, to conquer, swim, offer, kiss, etc.

Среднеанглийские изменения в орфографии

Древне-английский звук	Древнеанглийская орфография	Средне-английский звук	Среднеанглийская орфография
[kʰ], later [tʃ]	C c cild	[tʃ]	ch child
[skʰ], later [ʃ]	sc sceal	[ʃ] schal, shal	schal, shal
[g]	ȝ	[g]	G g
[gʰ:], later [dʒ]	cg brycg	[dʒ]	dge bridge
[ɣ]	G g boga, dragan	[u]	w bowe, drawen
[ɣʰ]	G g weg	[i]	wey
[xʰ]	H h niht		gh night
[k]	C c loc, cepan	[k]	K k, ck lock, keepe
[v]	F f heofon	[v]	V v heaven
[θ], [ð]	ƿ, ð, Ð, þ ƿer	[θ], [ð]	th there
[kw]	cwen	[kw]	qu queen
[æ]	þæt	[a]	A a that
[ɑ:]	wrat	open [o:]	O o wrote
[y]	Y y, I i cyning	[i], [e], [u]	I i, E e, U u busi, king
Long vowels in the root (for instance [e:], [æ:], [i:], [o:])	gemetan, sae (sæ), tid, fot	Close [e:], open [e:], [i:], close [o:]	doubling or dia- graphs, or final e meet, sea, tide, foot
[u:]	U u ut	[u:]	ou out
[hw]	hw hwæt	[hw]	wh what

Иллюстрации

Рис. П1. Шкатулка Фрэнкса ¹. Правая панель

Проблемный по содержанию текст о некой злой лесной богине. Текст на латинице см. в ч. II, гл. I, § 1, текст 3.

---

¹ На рис. П1–П4 фото Л. С. Жуковой.

Рис. П2. Шкатулка Фрэнкса. Левая панель

Текст соотносится с сюжетом изображения. Своеобразная трактовка сюжета о братьях-близнецах Ромуле и Реме с двумя волками возле Тибра и четырьмя коленопреклоненными воинами вместо одного пастуха Фаустула ².

---

² Согласно римскому преданию, Ромул и Рем были братьями-близнецами, основавшими Рим (ок. 753 г. до н. э.). Ромул стал его первым царем. Братья-близнецы были сыновьями весталки Реи Сильвии и бога войны Марса. Они были брошены в реку Тибр, а когда младенцев прибило к берегу, их вскормила своим молоком волчица, воспитаны они были пастухом Фаустулом и его женой Аккой Ларенцией (подробнее см.: [Словарь античности, 1994, с. 500]).

Рис. ПЗ. Шкатулка Фрэнкса. Передняя панель

Текст не соотносится с сюжетом изображения. Предположительно, на рисунке изображены сюжеты поклонения волхвов (*справа*) и миф о древнегерманском боге-кузнеце Виланде (Wayland) (*слева*).

Текст на латинице приводится в ч. II, гл. I, § 1, текст 3.

Рис. П4. Шкатулка Фрэнкса. Задняя панель

Судя по тексту, на этой части шкатулки изображен сюжет подавления восстания иудеев, захват Иерусалима и бегство иудеев от римского военачальника (позднее императора) Тита Флавия Веспасиана (70 г. н. э.).

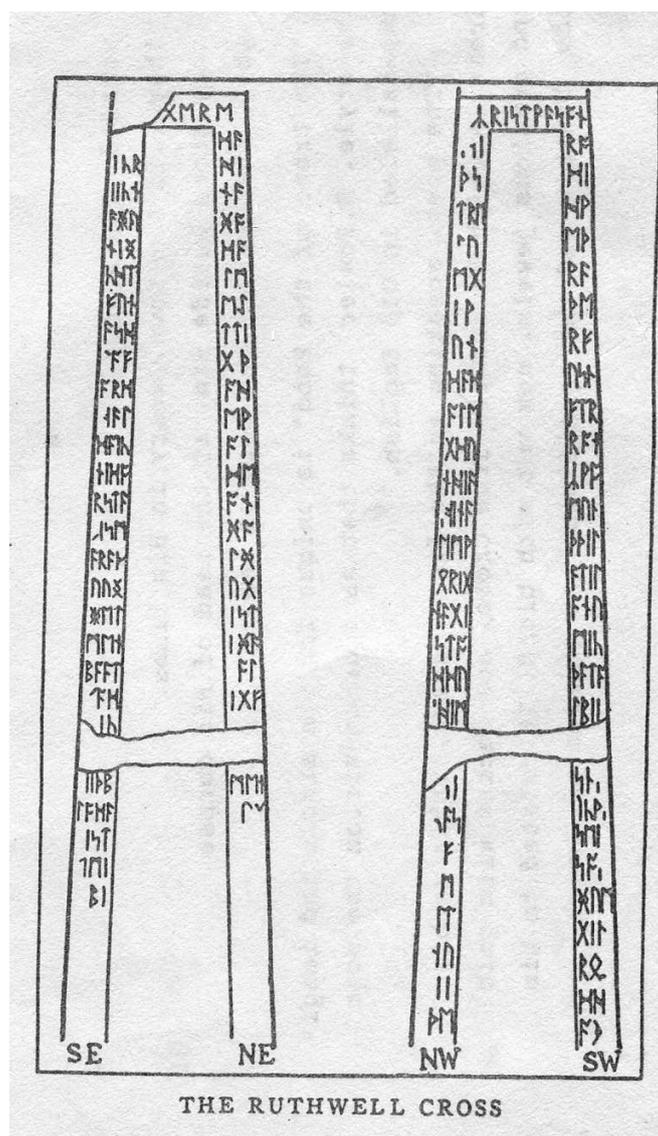

Рис. П5. Рутвельский крест³

Текст на латинице приводится в ч. II, гл. I, § 1, текст 4.

³ Рисунок воспроизводится по: [Minor, 1942, p. 114].

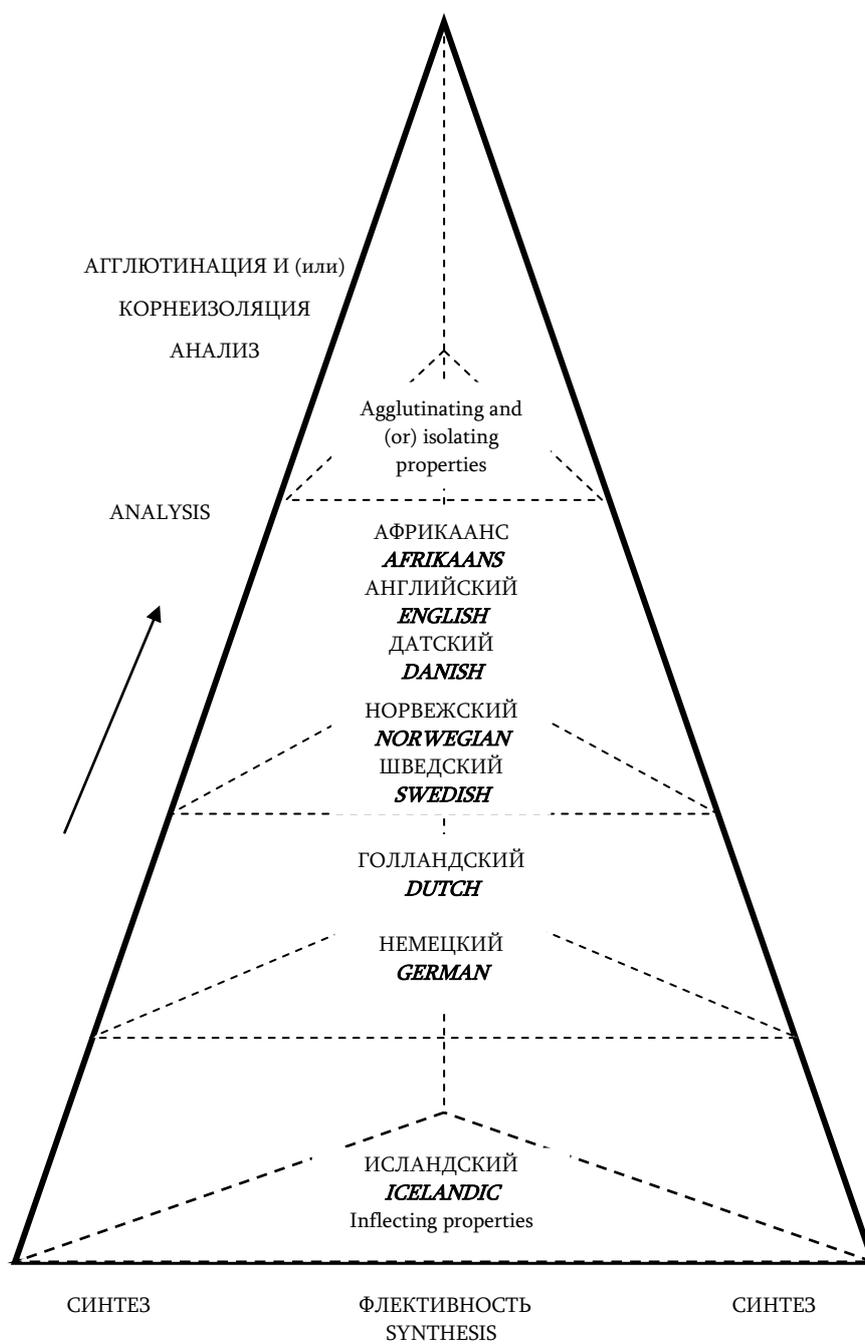
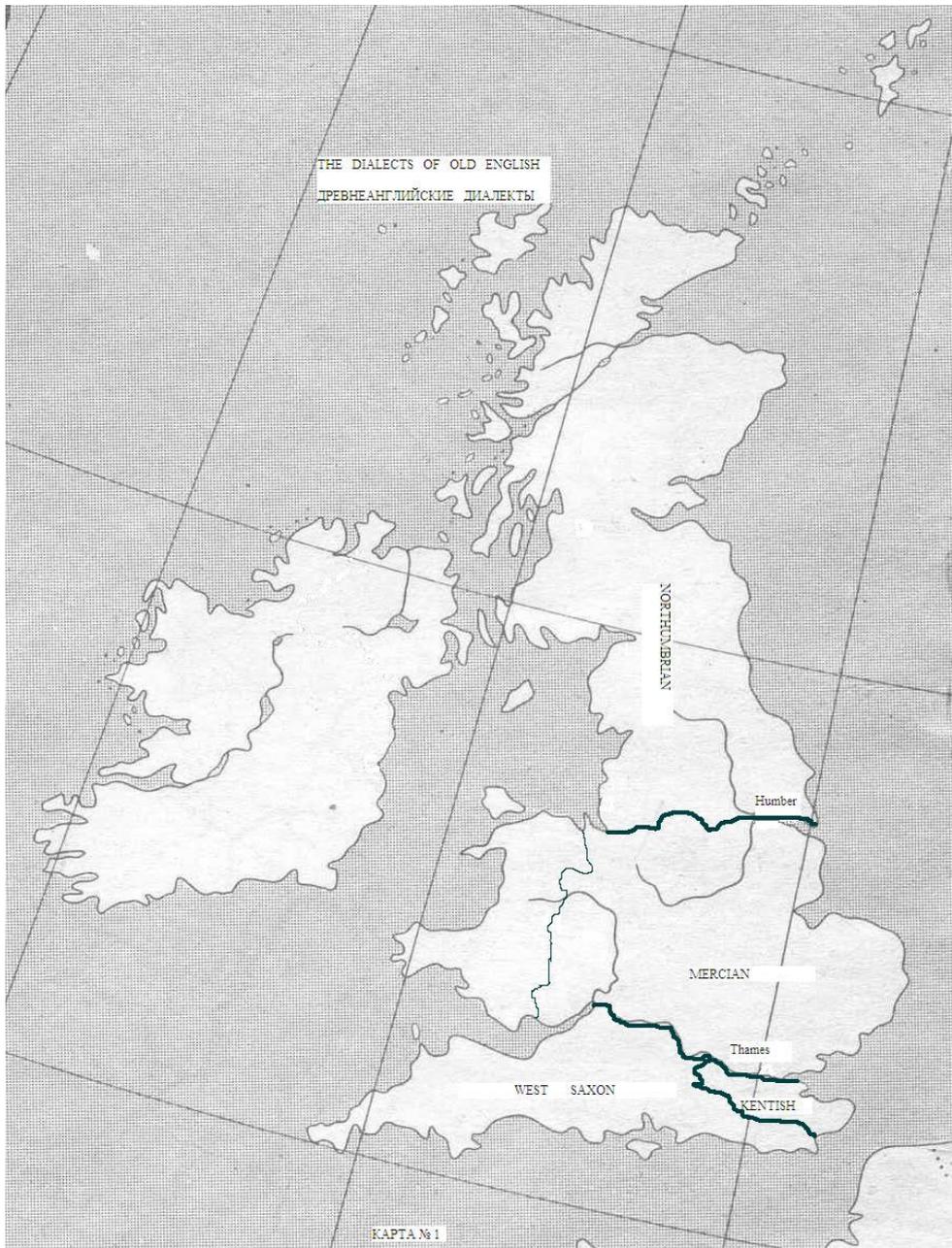

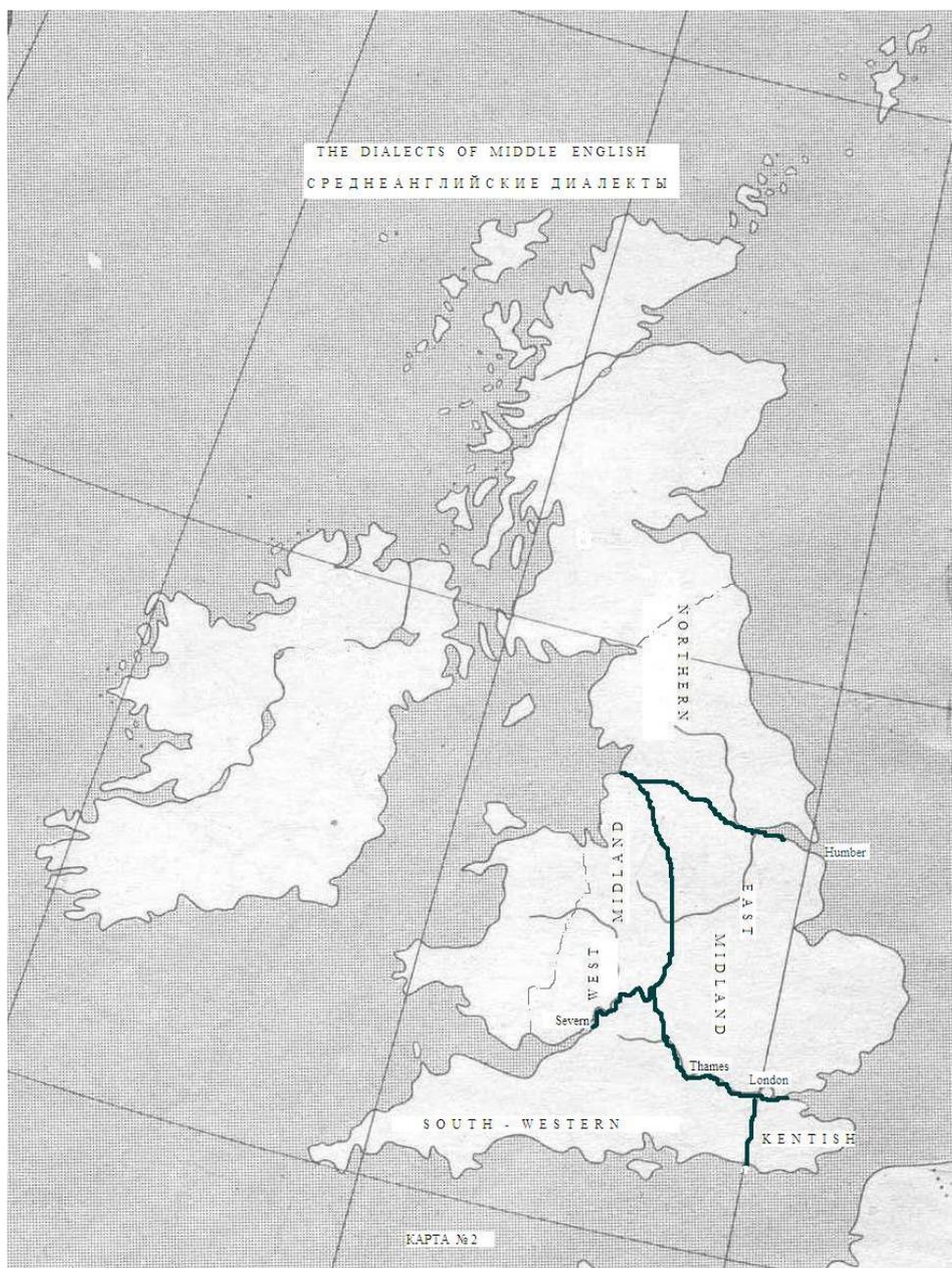
Рис. П6. Актуализация типологической доминанты в словоизменительных подсистемах германских языков

Карты

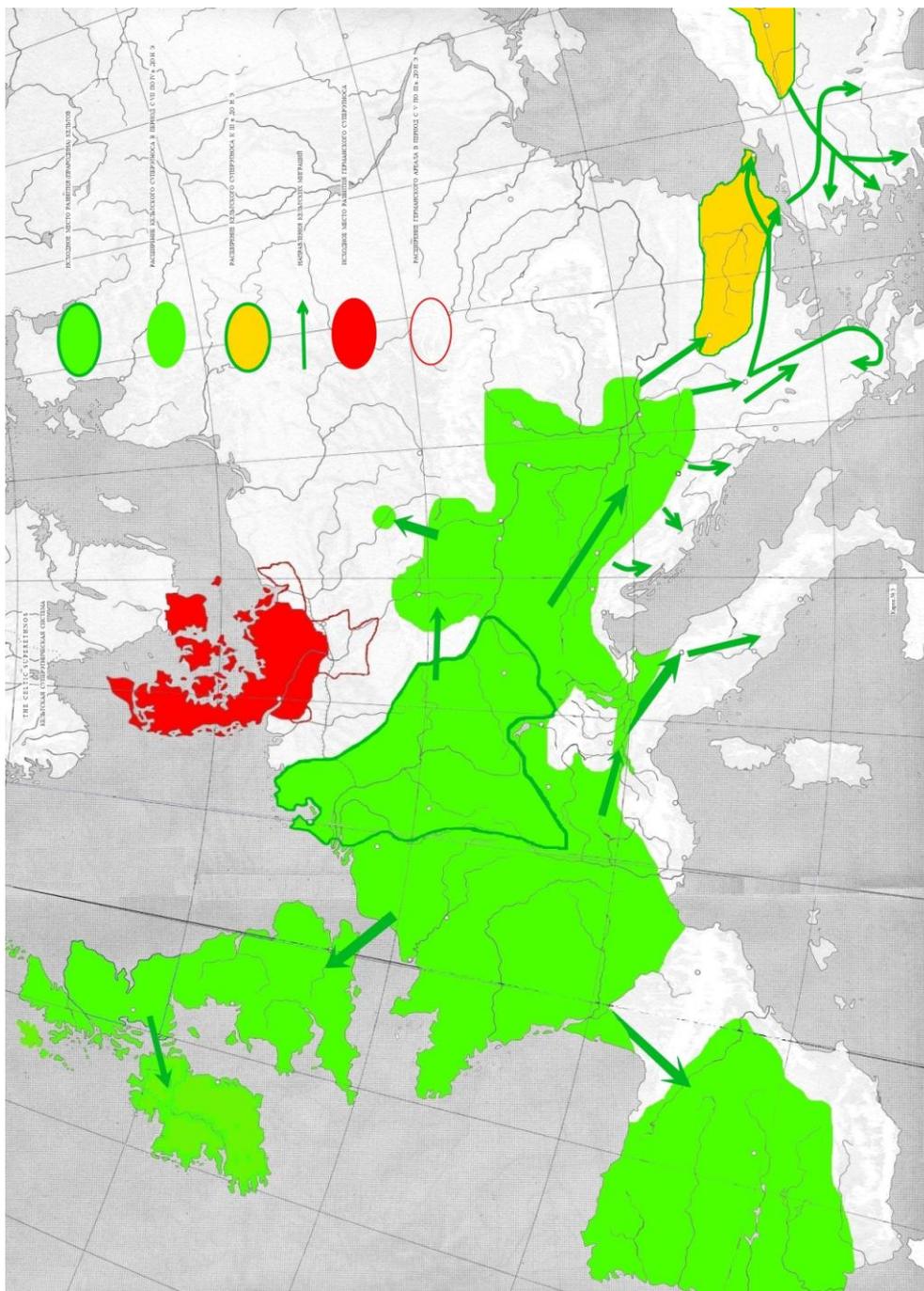
Карта 1. Древнеанглийские диалекты

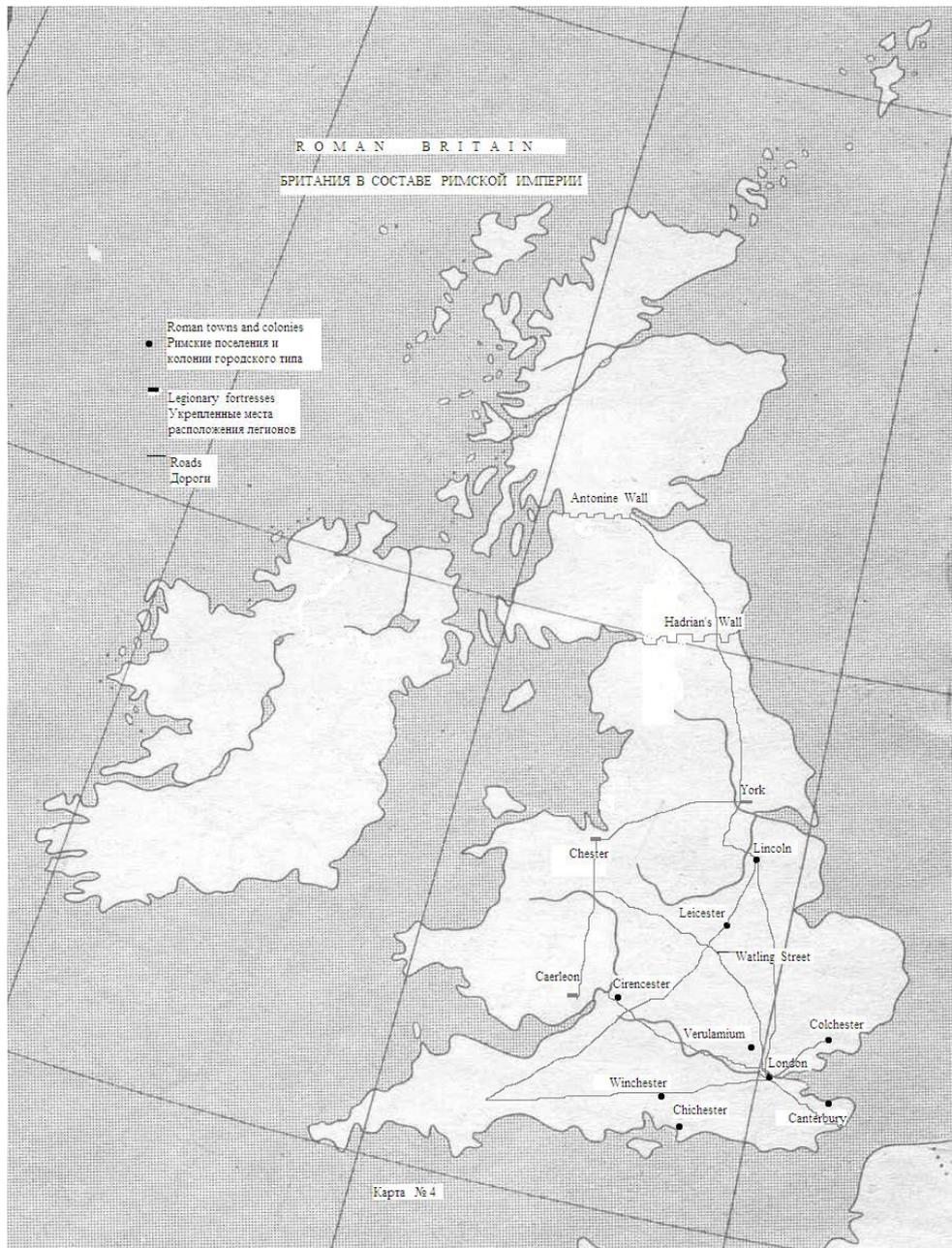
Карта 2. Среднеанглийские диалекты

Карта 3. Кельтская суперэтническая система

Карта 4. Британия в составе Римской империи

Карта 5. Завоевание Британии германцами

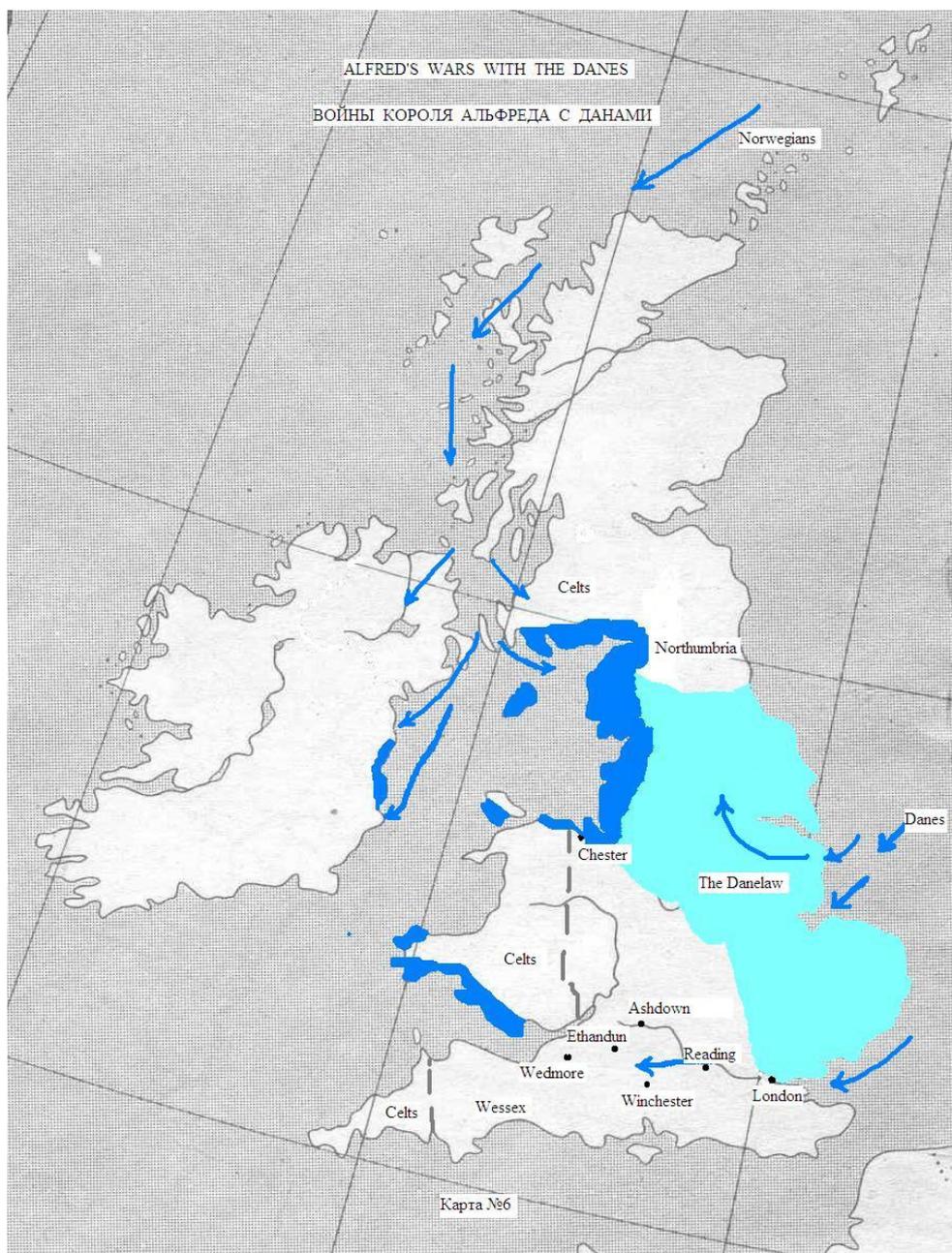
Текст к карте 5

Джон Блер так описывает последствия германского вторжения к концу VI в.: «By the end of the century we... find the invaders in permanent control of half the island. ...Sixth-century Scotland was still mainly Pictish, though the settlements of Irish (the future 'Scots') on the west coast had created a settled kingdom, Dalriada. ...There were also three northern British kingdoms: Strathclyde, ...Rheged on the Solway Firth, and Elmet in the region of Leeds. ...Strathclyde survived, but Rheged and Elmet were swallowed up by Northumbria during the late sixth and seventh centuries.

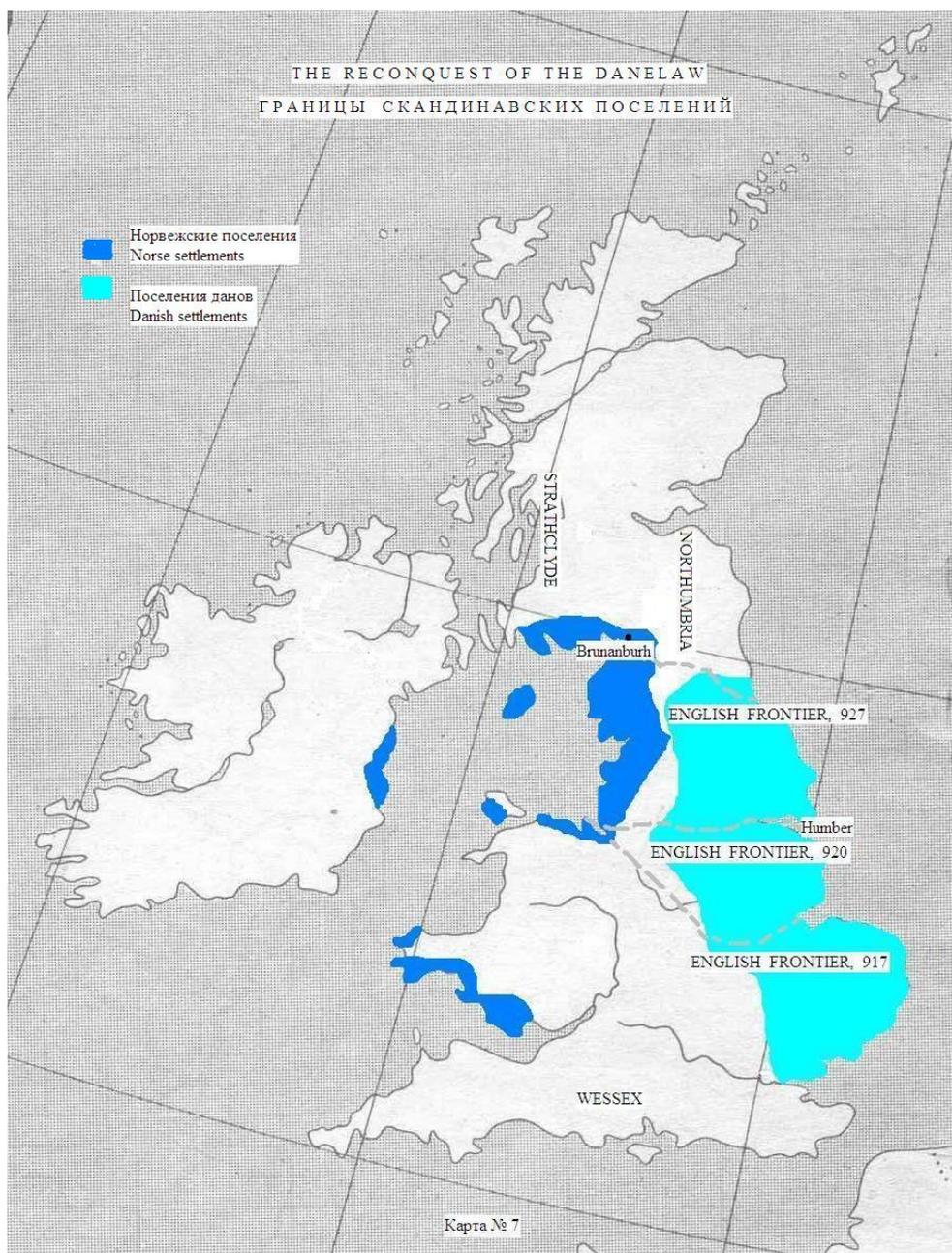
The main British enclave was, of course, Wales. The kingdoms of Gwyned, Dyfed, Powys, and Gwent existed by c. 550, and some minor kingdoms by the end of the century.

Cornwall, Devon, and Somerset formed the British kingdom of Dumnonia. ...The inhabitants were pushed back by the Anglo-Saxons during the seventh and eighth centuries, though Cornwall held out until 838» [Blair, 1995, p. 57].

Карта 6. Войны короля Альфреда с данами

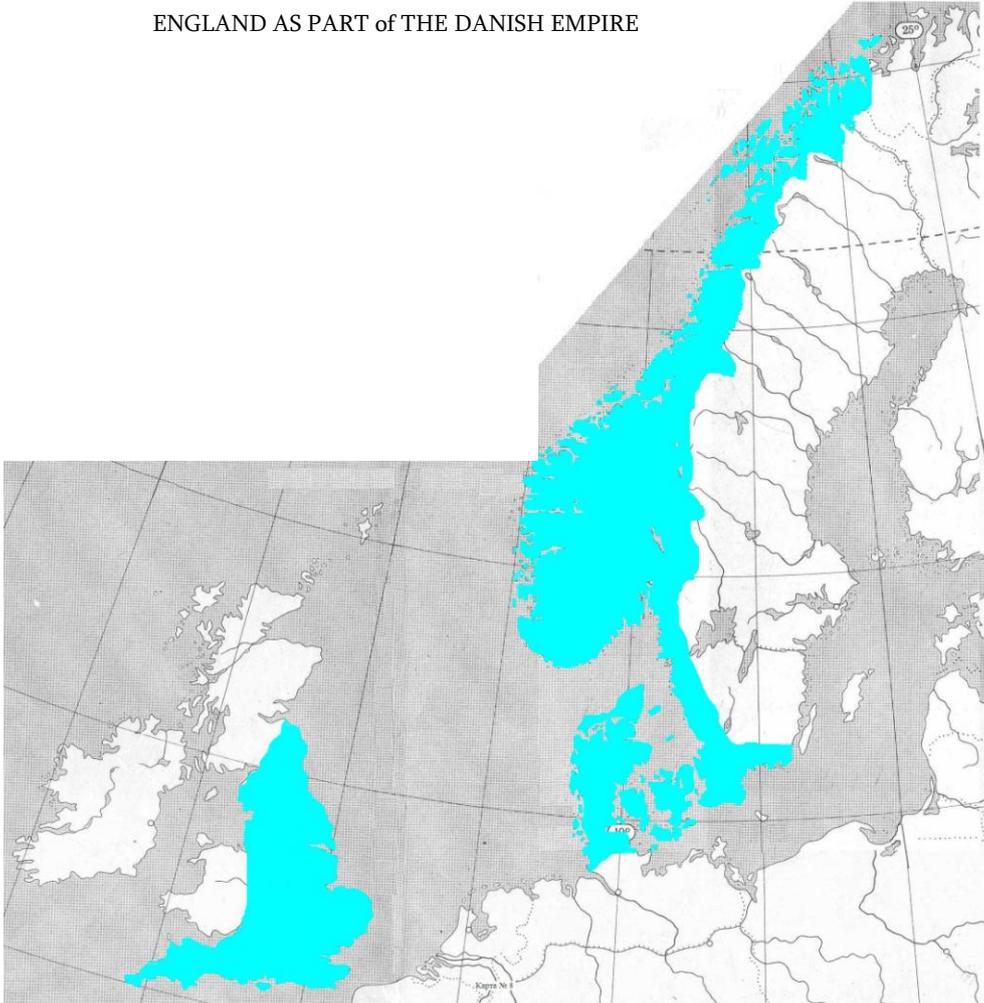

Карта 7. Границы скандинавских поселений

Карта 8. Англия в составе Скандинавской империи в XI в.

ENGLAND AS PART of THE DANISH EMPIRE

Текст к карте 8

В 1013 г. король Свейн (Swein) привел флот к берегам Англии, чтобы покорить ее. Почти весь народ, в особенности жители Области датского права, признали в нем правителя.

Тогдашнему английскому королю Этельреду пришлось искать убежища в Нормандии.

Когда Свейн умер (в 1014 г.), его сын Гарольд (Harold) унаследовал Скандинавскую империю, а датская армия в Англии избрала своим королем Кнута (Cnut) (младшего брата Гарольда).

В 1016 г. После смерти сына Этельреда Эдмунда (Edmund) Кнут стал королем всей Англии и правил до 1035 г. Он женился на вдове Этельреда Эмме, которая родила ему сына (по имени Хардакнут – Harthacnut).

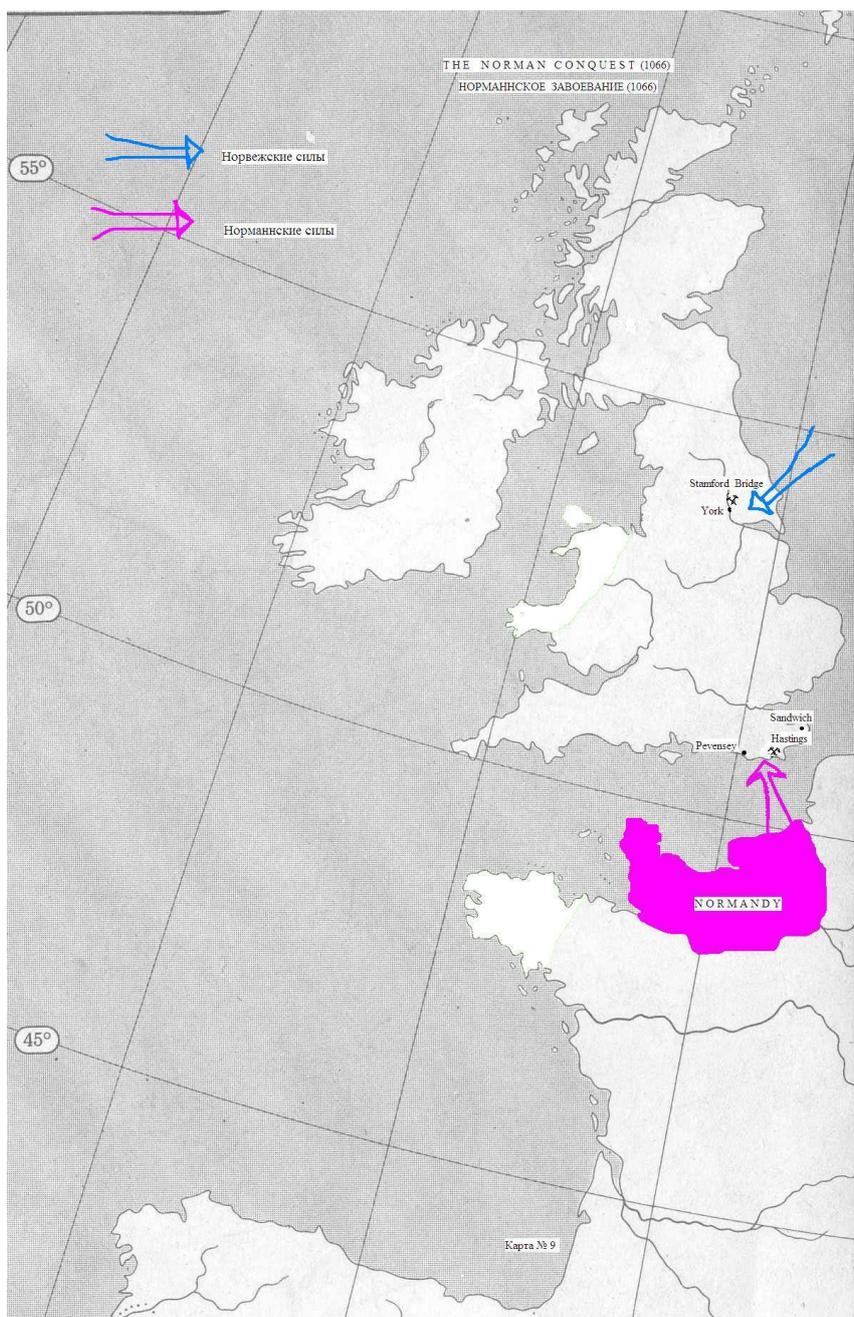
В 1017 г. Кнут поделил Англию на четыре графства – Нортумбрия, Восточная Англия, Мерсия и Уэссекс. Наместники в Нортумбрии и Восточной Англии были данами.

В 1042 г. Датская королевская линия прерывается после смерти Кнута II (Хардакнута).

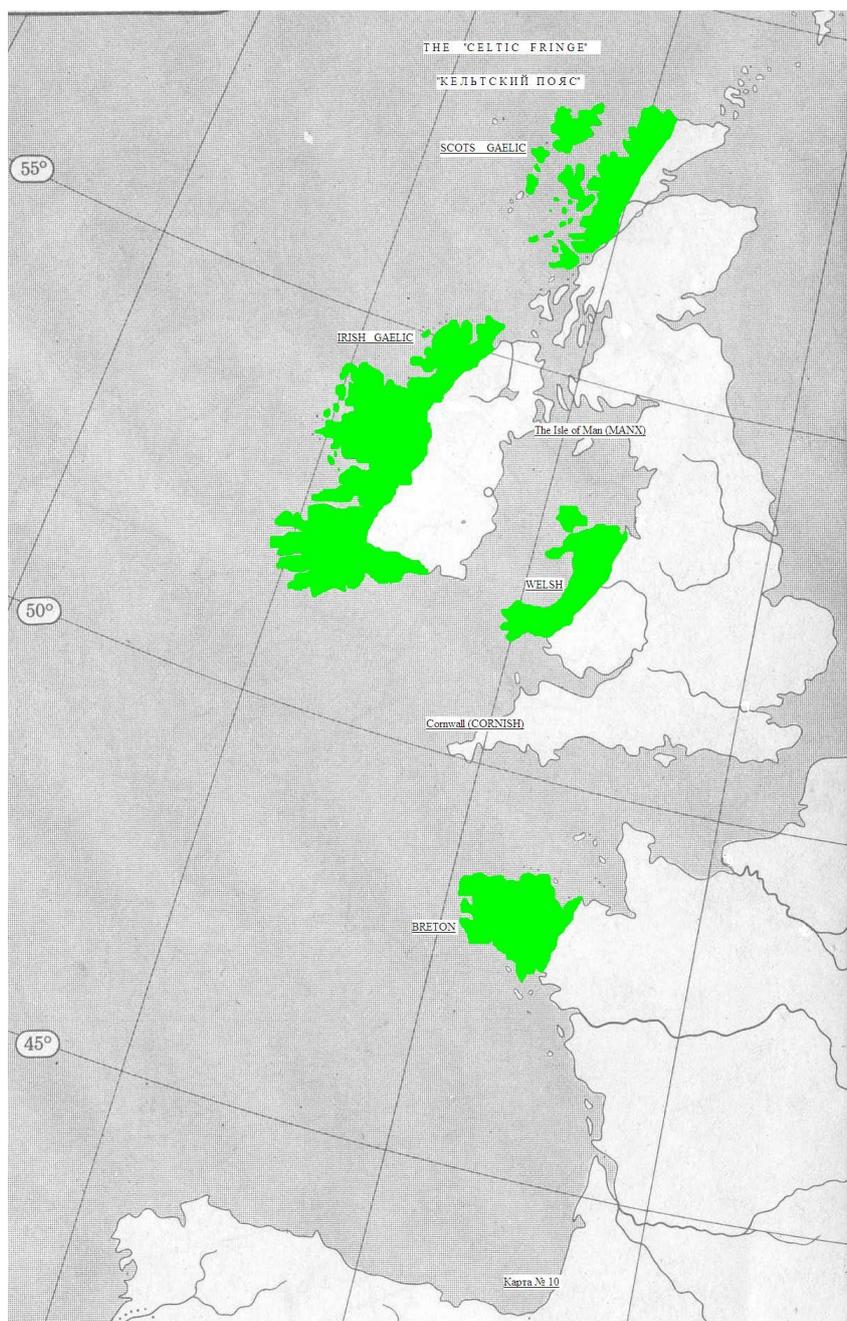
С воцарением на престоле Эдуарда (Edward), сына Этельреда, реставрируется Уэссекская королевская линия.

Таким образом, Англия была номинально частью Скандинавской империи около 25 лет.

Карта 9. Норманнское завоевание (1066)

Карта 10. «Кельтский пояс»

Учебное издание

Шапошникова Ирина Владимировна

История английского языка

Учебное пособие

В оформлении обложки использована фотография с изображением английского
рунического памятника – надпись на шкатулке из китового уса
(«шкатулка Фрэнкса»). Фото Л. С. Жуковой.

Редактор *Е. П. Войтенко*
Верстка *А. В. Колмогорова*

Подписано в печать 25.12.2009 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Офсетная печать.
Уч.-изд. л. 31,6. Усл. печ. л. 40,7. Тираж 500 экз.

Заказ №
Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.